МИХАИЛ НЕБОГАТОВ

«ОТ УЧЕНИЧЕСТВА К ТВОРЧЕСТВУ»

ОБЗОРЫ СТИХОВ
НАЧИНАЮЩИХ ПОЭТОВ

КЕМЕРОВО-2013

ББК 83.3 (2 Рос 6 – 4 Кем)
Н 39

М. НЕБОГАТОВ. «От ученичества к творчеству»: Обзоры стихов начинающих поэтов / Составитель сборника – Нина ИНЯКИНА. – Кемерово, 2012. – 332 с.: ил.

Выражаю признательность и благодарность Губернатору Кемеровской области А. Г. Тулееву, и. о. начальника департамента культуры и национальной политики Кемеровской области О. А. Власовой и Дому литераторов Кузбасса в лице директора Б. В. Бурмистрова за помощь в издании книги.

Составитель сборника – Н. Инякина,
дочь поэта М. А. Небогатова.

Вот по таким эмблемам
в разные годы узнавали читатели
свою любимую рубрику:

ПРЕДИСЛОВИЕ

Известный кузбасский поэт Михаил Александрович Небогатов (05.10.1921 – 21.03.1990 гг.) долгие годы вёл в областной молодёжной газете «Комсомолец Кузбасса» рубрику «Факультет молодого литератора». Он делал обзоры стихов начинающих авторов, которые в огромном количестве поступали в редакцию газеты. Это были не формальные комментарии к произведениям, а советы, замечания, рекомендации, литературные консультации профессионала. Многие из тех, кто обращался за советом в газету, писали именно Михаилу Александровичу, считая его своим учителем и высоко ценя его мнение.

С первой половины 60-х годов прошлого века и до начала 90-х эта рубрика была популярна до такой степени, что даже поднимала тиражи «молодёжки». Менялись редакторы, но неизменной на страницах газеты оставалась потребность в разговоре Поэта и молодых стихотворцев, делающих свои первые шаги на литературном поприще. Сначала (с осени 1963 года) обзоры были просто литконсультациями и не имели названия. С января 1969 года рубрика стала именоваться «Факультетом…». Примечательно, что некоторые имена, упоминавшиеся в этих обзорных статьях, стали позднее известными в литературных кругах.

Надо отметить и такой факт: с ноября 1979 года «Факультет молодого литератора», как таковой, существовать не перестал, но выпуск обзорных статей замедлился, как бы приостановился. Активнее стала рубрика «Литературная студия ПРИТОМЬЕ» в связи с созданием при редакции газеты одноимённой студии. М. Небогатов обратился к читателям с просьбой не смущаться этим обстоятельством и заверил, что разговор с начинающими стихотворцами по-прежнему будет продолжаться с той же целью: литературная учёба. Однако подпись «М. НЕБОГАТОВ» под сообщениями о деятельности молодых литераторов стала появляться не часто. Своеобразную эстафету подхватили другие литераторы: Геннадий Юров, Владимир Каганов, Владимир Ширяев, Валерий Зубарев; руководители городских литобъединений Кемерова, Новокузнецка, Белова, Ленинска-Кузнецкого и др.; журналисты «Комсомольца Кузбасса». А что же Небогатов? Он не отмалчивался. Не только активно участвовал в обсуждении литературного творчества молодых, высказывал своё мнение и давал объективные оценки, но и сам писал новые стихи, готовил к изданию новые книги… И вот в феврале 1986 года рубрика возродилась и получила новое название – «Литературная мастерская». В этой МАСТЕРСКОЙ Михаил Александрович заработал с новой энергией. До самой своей смерти (последняя статья вышла *за день до кончины поэта!*) он успел написать ещё два десятка разноплановых статей, несмотря на перенесенный инсульт и совсем неважное самочувствие. Читаешь эти статьи, и поражаешься, с какой ответственностью он делал своё дело, как умел подбирать самые точные, единственно верные слова, как много успел дать умных, полезных советов подрастающей смене кузбасских литераторов. Статьи, написанные в форме задушевной беседы, с первых слов захватывают внимание читателя и не отпускают до самого конца. Создаётся впечатление, что поговорил с умным, добрым, очень эрудированным, но не высокомерным человеком, который ненавязчиво, не назидательно говорит о самом сокровенном.

И ещё одно впечатление при чтении: статьи, написанные десятки лет назад, абсолютно, что называется, «не пахнут нафталином», не кажутся устаревшими. Они – современны, актуальны. Недаром же говорил Михаил Александрович: «Века живёт стихотворенье, коль НАСТОЯЩЕЕ оно…».

Все выпуски «Факультета» теперь уже трудно и, пожалуй, невозможно найти в газетах, но большая их часть – сохранившаяся – собрана в этой книжке. Михаил Александрович замышлял издать на основе этих обзоров КНИГУ О ПОЭЗИИ. Будем считать, что его замысел в какой-то мере осуществился!

Эти статьи с полным правом можно назвать литературоведческими, и они могут стать очень хорошим – добротным, полновесным – учебным пособием как для начинающих авторов, так и для тех, кто просто хочет познакомиться с настоящей поэзией и с тем, что составляет её основу. Ценность обзорных статей ещё и в том, что человек, который их писал, сам, не имея специального (литературного) образования, всю жизнь учился, много читал, занимался самообразованием. В результате этой упорной и целеустремлённой работы над собой он стал тем, кем мы его и знаем – замечательным профессиональным (!) Поэтом. Он и его творчество могут стать достойным примером для любителей поэзии.

Статьи напечатаны с оригинала и даны в хронологическом порядке.

Составитель сборника –
Нина Инякина, г. Кемерово.

ОБЗОРЫ СТИХОВ

ИСКАТЬ СВОЁ СЛОВО

Не бывает дня, чтобы среди корреспонденций, адресованных газете «Комсомолец Кузбасса», не оказалось стихов. Их присылают различные авторы – студенты и рабочие, школьники и пенсионеры. Большой поток рукописей со стихами, с одной стороны, радует, так как он свидетельствует о горячей любви к поэзии, о всё возрастающем культурном уровне читателей газеты.

Но есть в этом и огорчительная сторона – многие берутся за писание стихов без всякой литературной подготовки, без знания специфики этого нелёгкого труда. Иным авторам кажется, что стоит зарифмовать самые поверхностные высказывания о каком-нибудь незначительном факте – и стихотворение готово, можно предлагать его для печати. Таким авторам невдомёк, что сочинение стихов требует огромного умственного и душевного напряжения, концентрации жизненных впечатлений, отбора фактов.

Перед нами – солидная стопа стихов, присланных в редакцию. Попытаемся проанализировать некоторые из них.

Вот стихотворение «Жди!», написанное Вениамином Белых (г. Киселёвск). Из сопроводительного письма видно, что автор – большой любитель поэзии, он хорошо знаком с творчеством многих современных поэтов, постоянно следит за их работой. Следует отметить, что у В. Белых неплохой художественный вкус: он восторженно отзывается о таких талантливых писателях, как Константин Паустовский и Алексей Марков, и с неприязнью говорит о «Треугольной груше» Андрея Вознесенского, произведении, действительно заумном и выспренном. Словом, В. Белых стоит на самых что ни на есть правильных творческих позициях.

Посмотрим теперь, какие же стихи создаёт он сам:

Писем всё нет и нет,
А за окном дожди.
Придёт долгожданный ответ,
Только ты очень жди!
Так повелось в века,
Любить – значит ждать.
Верю: жизнь нелегка
Тем, кто устал ожидать.

Разлука – любви закал.
Жди! Он придёт назад.
За скорую встречу бокал
Подними и не хмурь взгляд.
А когда он назад придёт,
Не стоит тогда рыдать.
Он и так поймёт,
Что ты умела ждать.

Каждый, кто хоть немного знает поэзию, скажет: так ведь это же голое подражание Константину Симонову, его знаменитому стихотворению «Жди меня». Спрашивается, зачем понадобилось В. Белых создавать новый вариант на тему верности и любви, не переосмыслив её по-своему, не обогатив её собственным взглядом на предмет разговора?

Стихотворение В. Белых – яркое свидетельство того, как иногда любовь к поэзии – при отсутствии самоконтроля – оборачивается простой подражательностью.

А вот другой автор – Ст. Усов (г. Новокузнецк). Его стихи вызывают интерес, хотя в целом они ещё весьма незрелы. У Ст. Усова заметно стремление к поискам своих слов, своих красок. Рассказывая, например, о фантастическом путешествии в звёздном мире, он пишет:

Восхищаюсь от души Галактикой
И стучусь к Венере я: – Пусти!
А она, красивая, с характером,
Мне желает Млечного пути.

Смотрите, как оригинально изменил Усов привычную фразу о добром пути, написав «Мне желает Млечного пути». Это уже по-настоящему творческий подход к делу. И в ряде других строк мы находим пусть не совсем удачные, но зато своеобразные эпитеты и метафоры, которые говорят об активности авторского мышления. И это можно только приветствовать.

Штукатур Галина Толпыгина (г. Новокузнецк), видимо, очень любит природу, которой она посвятила стихотворение «Осенние дары»:

Осень раздала свои подарки,
Не обделив и не обидев никого.
Жёлтыми коврами застелила парки,
Свежесть отдала осинке молодой.
Небу – покрывало голубое
С белыми цветами облаков,
Берёзоньке – монисто золотое,
Монисто из берёзовых листков…

Чем привлекает это стихотворение? Прежде всего, искренностью и образной передачей увиденного. Из-за наличия этих качеств можно на первых порах простить автору его неумелость, многие погрешности.

Стремление писать искренне и образно имеет прямое отношение к поэзии. Хочется пожелать Галине, чтобы она всерьёз занялась повышением своей грамотности (в рукописи встречаются орфографические

ошибки), как следует, изучила теорию литературы и ни в коем случае не бросала писать стихи. Литературные задатки у неё налицо, надо их развивать.

Такое же пожелание можно высказать и Юрию Эшнинину (г. Новокузнецк). Прочитав его стихотворение «Лирическое», видишь, что автор воспринимает окружающий мир возвышенно, поэтически:

Цветы любимой не дари:
Цветы завянут быстро.
Ты подари ей свет зари,
Костра ночного искры…

В приписке автор сообщает, что это стихотворение – одна из первых его проб. Что ж, начало хорошее, обнадёживающее. Жаль только, что «Лирическое» очень уж напоминает стихотворение кузбасского поэта Владимира Измайлова «Я тебе цветов не принесу». В каком направлении будут развиваться способности Ю. Эшнинина – в конечном счёте, зависит от него самого.

Есть поэтическое зёрнышко в последних двух строчках пейзажной зарисовки «Журавли» Вас. Мирошниченко (с. Зарубино Кемеровского района):

Покружились над лугами
И, поднявшись в поднебесье,
Косяками, косяками
Улетают с гулкой песней.
Стонет роща, будто вьюга,
Стынет зарево рассвета…
Журавли на крыльях к югу
Унесли с собою лето.

Не будь образа лета, унесённого на крыльях журавлей, мы сказали бы: характерная осенняя картинка, и только. А вот нашёл автор запоминающийся образ – и всё стихотворение ожило. Однако В. Мирошниченко рано обольщаться маленькой удачей, рано успокаиваться. Имеются ли у него способности, покажут не пейзажные зарисовки, а стихи, наполненные раздумьями о людях, о нашем сложном времени. Важно, чтобы каждое стихотворение было построено на крепкой поэтической основе – на свежей мысли, на колоритном образе.

Подробнее остановимся на стихотворениях Анатолия Варочкина (г. Топки). Среди молодых он уже не новичок, кое-что из написанного им было опубликовано. Знакомство с новыми произведениями А. Варочкина вызывает тревогу – слишком уж они декларативны, не новы по мыслям. О чём пишет он? О том, что его герой не желает быть равнодушным созерцателем, хочет во всё вмешиваться, активно бороться со злом; о том, как важно быть полезным людям; о том, что каждое новое утро «просыпается для великих свершений». Мысли правильные, а за живое не задевают, потому что выражены они не образно, а прямолинейно. Нет в этих стихах той интимности, которая так сближает автора с читателем, нет страсти, накала, без чего публицистика превращается в нудное разглагольствование, нет, наконец, конкретных, зримых деталей, подсмотренных в жизни. Судите сами:

Я люблю просыпаться
С ранней зорькою вместе,
Слушать птиц,
Словно экстренный выпуск
известий.
Ведь в такое же утро
(В это твёрдо мы верим!)
Человек на ракете
Устремится к Венере.
Как природа устроена
Просто и мудро.
Для великих свершений
Просыпается утро!

Здесь всё условно, необязательно – и голоса птиц, словно выпуск известий (да ещё экстренный), и предполагаемый полёт на Венеру. Приметы современности есть, а поэзии нет, так как по всему видно, что строчки родились не из душевной потребности, а только из желания что-то сказать. В самом деле, что общего у беспечного пения птиц с деловой речью утренних известий по радио? Или – из чего заключил автор, что природа устроена просто и мудро? Неизвестно. Теплоты, достоверности, поэтических находок, стремления поделиться с читателем сокровенными мыслями и чувствами – вот чего не хватает А. Варочкину.

Завершим наш обзор стихотворением Василия Веркина (г. Междуреченск) «Вдова»:

Случалось, в снег и в дождь,
случалось, хлёсткий,
Чтоб в лени нас не упрекнули зря,
Не по годам серьёзные подростки,
Мы за водой ходили матерям.
А тропка шла к колодцу над обрывом,
Дедами древними проложенная, шла.
А рядом в доме грустно-сиротливом
В заботах вдовьих женщина жила.
И, как всегда, поспешно хлопнув дверью,
В тревоге бабьей – не упал бы кто, –
С любовью к нам, что сердцем не измерить,
На тропку шла нередко без пальто.
Она сама нам воду доставала.
В глазах не пряча беспокойный свет,
И будто родичей, жалея, провожала –
Стояла тихая и всё смотрела вслед.
А мне её с усталыми глазами
Назвать хотелось, отыскав слова,
Ну, чем-то милым, близким к слову «мама»
И светлым чем-то, как сама вдова.

Придирчивый глаз легко обнаружит здесь ряд недоделок (например, неоднократное повторение в близком соседстве слова «шла»), но нельзя отказать этому стихотворению в одном очень ценном достоинстве – оно создаёт определённое настроение. Василий Веркин не нарисовал даже портрета вдовы, и, тем не менее, мы проникаемся большой симпатией к этой одинокой, видимо, уже немолодой женщине с добрым, отзывчивым сердцем. Вместе с симпатией нас охватывает и ещё какое-то смутное чувство, похожее на лёгкую грусть, сожаление. Заставить читателя волноваться – ощутимая победа любого поэта. Побольше бы таких стихотворений, способных передать нам настроение, которое пережил сам автор. Это и есть поэзия.

Мих. НЕБОГАТОВ.

// Комсомолец Кузбасса. – 1963. – 1 ноября. – С. 3.

ОТКРЫТЫЕ КОНСУЛЬТАЦИИ

ТРИ ПИСЬМА

1.

УВАЖАЕМЫЙ тов. Аполлонов!

Первое, что можно сказать о трёх присланных Вами стихотворениях, это то, что написаны они литературно грамотно, продуманно, целеустремлённо. Нет в них вопиющих погрешностей, но нет, к сожалению, и той «живинки», которая сразу же берёт за душу, вызывает интерес к стихам и их автору.

Остановимся на стихах подробнее. Вот «Моё время». Читаем:

Это время моё. Моё!
Мне навстречу оно встаёт,
Оно требует и зовёт,
Вдохновляет меня и бьёт,
Поднимает и снова швыряет –
На устойчивость проверяет.

Простите за откровенность: дальше читать не хочется. Подобные декларации подавались нам, читателям, уже в десятках вариантов, и всякий раз мы оставались равнодушными, несмотря на добрые намерения авторов – рассказать о времени и о себе. Сами намерения в высшей степени похвальны, ибо каждый поэт – это сын своего времени, своего века, но беда в том, что обращение к декларациям почти всегда таит в себе опасность впасть в рассудочность. Не избежали этой опасности и Вы. Всё стихотворение «Моё время» построено на рассуждениях о готовности лирического героя взяться за любое дело – стать строителем, сталеваром, учёным и даже космонавтом. Неудивительно, что стихотворение получилось многословным, длинным: в таком духе можно рассуждать на десяти страницах.

Когда доходишь до строчек:

Что ещё? Нам учиться надо?
Я иду в институт с бригадой, –

ясно видишь Ваше стремление объять необъятное – показать героя во всех сферах современной жизни. И благо, что Вы не вспомнили о шахтёрах, колхозниках, врачах, железнодорожниках, учителях, – иначе бы стихотворение по размеру стало целой поэмой.

Всё в «Моём времени» условно, необязательно – можно выбросить многие строчки и дописать новые: ничего не изменится. Вот Вы пишете:

И сказало мне время: «Лети!»
Надо к звёздам проложить пути!»

И невольно напрашивается экспромт, который с полным правом мог занять своё место в этом стихотворении:

И сказало мне время: «Езжай
На село, чтоб растить урожай!»

Поэзия ли это? Едва ли. Зарифмовать нетрудно любую мысль, однако лишь в том случае она станет поэтической, если она прошла через сердце, обогатилась чувством, сделалась твоей болью, тревогой, бессонницей.

Была у Вас возможность показать наше время выразительно и впечатляюще. Если бы Вы оттолкнулись от какого-то конкретного житейского факта, перед Вами открылся бы простор для высказывания собственных мыслей, для выявления собственного взгляда на окружающий мир.

Всякий художник слова интересен лишь тем, как он смотрит на то или иное событие, что видит в нём, какие делает обобщения.

Вот другое стихотворение – «Дружинники». В нём Вы с первых же строк взяли неверный тон:

Завет отцов, дела отцов принявшие,
Они идут, идут они, восставшие,
С повязкой красною, без кобуры с наганом,
Идут они, сметая хулиганов.

И торжественный ритм, и слово «восставшие» создают у читателя впечатление, будто речь идёт о каком-то боевом шествии многочисленных людей, народных масс. А ведь Вы имеете в виду всего-навсего появление где-то на улице блюстителей порядка, дружинников, может быть, трёх – пяти человек. Зачем же эта выспренность интонации, ассоциация с восстанием? Достоверность факта сведена на нет.

Непродуманность в строчках:

И приняв вдруг личину добродушия,
Пред ними льстиво гнётся равнодушие.

Кого Вы подразумеваете под равнодушием и почему ему обязательно надо гнуться перед дружинниками – совершенно непонятно. (Кстати, в слове «приняв» ударение должно стоять на втором слоге, а не на первом, как у Вас).

Странным кажется обобщение:

Иду я с ними, с ловкими и смелыми,
Иду я с красными
На бой последний – с белыми.

Причислять нарушителей дисциплины, наших советских людей, к стану классовых врагов, к белякам, вчерашним белогвардейцам, – это уж слишком.

Более удачно стихотворение о покорителе космоса. В нём есть свежие строчки – о земле, которая сравнивается с чуткой мембраной, слушающей и повторяющей голос космонавта, и о красной звезде на Кремле, открывшей двери звёздной эры.

Хочется пожелать, чтобы отмеченные самостоятельностью сравнения и образы смелей входили в каждое Ваше стихотворение, чтобы не было у Вас стихов бездушных, рассудочных.

С приветом

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР.

// Комсомолец Кузбасса. – 1963. – 27 ноября. – С. 3.

ОТКРЫТЫЕ КОНСУЛЬТАЦИИ

ТРИ ПИСЬМА

2.

УВАЖАЕМЫЙ ТОВ. ЗАВЬЯЛОВ!

Многие строчки Ваших стихов свидетельствуют о наличии поэтических способностей. Чувствуется, что пишете Вы искренне, взволнованно, а это уже хорошо. Важно также и то, что Вы не парите в облаках на крыльях выдуманных грёз, а внимательно присматриваетесь к действительности, к явлениям современности. Но… (ох, уж это пресловутое «но», трудно обойтись без него, читая стихи начинающих).

Чтобы наш разговор не был беспредметным, перейдём к стихам.

В «Поле» Вы рассказываете о романтических путях геологов. Нет числа стихам на эту тему, и если уж браться за неё, то лишь будучи уверенным, что скажешь что-то новое, не воспетое другими. Вы же ничего не сказали. Разве новость для читателя описание мест, где ни межи, ни пахоты, где не грохочет телега, а только небо распахнуто да тайга на пятьсот километров? Нет, всё это описано уже много раз.

То же самое в стихотворении «Мои герои». Приятно узнать, что Вы влюблены в своих современников – в парней с дублёными ветром лицами, с плечами, привыкшими к рюкзакам. Но опять-таки образ этих людей – не Ваше открытие, он уже в какой-то мере стал в нашей поэзии шаблоном.

«В дороге» – тёплое стихотворение, но есть непростительные словесные огрехи:

Последний луч заря на землю ложит,
Горит в снегах холодная искра,
И чем-то сердце ласково тревожит
Задумчивая песня каюра.

Во-первых, не «ложит», а «кладёт», во-вторых, ударения в словах «искра» и «каюра» расставлены неправильно (надо, в слове «искра» – на «и», в слове «каюра» – на «ю»). Строфа хорошо звучит, написана проникновенно – и тем более досадны в ней языковые ошибки.

А теперь вчитаемся в стихотворение без заглавия:

Как будто в раме, даль видна в окне.
Тайга да сопок синие отроги…
Гляжу, и пробуждается во мне
Влюблённость давняя в дороги.
Люблю, прохладой утренней дыша,
Шагать и петь, свободен, словно
птица,
И каждый день, и каждый новый шаг,
Как в умной книге новая страница.

Покинув город, в новые края
Всегда спешу я с радостью большою.
И сам как будто богатею я,
И становлюсь во всём щедрей душою.
А даль, синея, манит впереди,
Дороги бесконечные раскинув.
Жизнь, дай пути земные обойти,
А космос, так и быть, оставлю сыну.

Хорошее стихотворение, умное, лиричное. О том, что написано оно искренне, особенно говорят последние строчки. Вы не стали прибегать к надуманным тирадам о том, что вот и я, мол, слетаю в космос (это было бы фальшью), а очень просто, по-житейски подумали вслух о бесконечности земных путей, которые хотелось бы пройти, и о сыне, который, весьма вероятно, побывает у звёзд.

Вот так – искренне, просто, без позы и выкрутасов – и старайтесь писать. И всегда о том, что близко сердцу, что диктуется им, а не чужими стихами. У каждого поэта – свои душевные темы. Есть они и у Вас, только не жалейте сил на поиски их.

С приветом

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР.

// Комсомолец Кузбасса. – 1963. – 1 декабря. – С. 3.

ОТКРЫТЫЕ КОНСУЛЬТАЦИИ

ТРИ ПИСЬМА

3.

УВАЖАЕМЫЙ ТОВ. ПИСКАЕВ!

Ваши стихи очень неравноценны. Одни строчки можно прямо, с ходу, помещать в газету, а рядом – явные недоделки.

Вот лирическое стихотворение «Я тебя узнаю». Правдиво передано в нём чувство родственности героя своей любимой, которую он может, закрыв глаза, узнать по незначительным для кого-то, известным только ему приметам. Всё идёт нормально – до последней строчки:

Я тебя узнаю по всему.

Это безликое «по всему» особенно неуместно в концовке, где должен звучать как бы заключительный аккорд всех ощущений героя. Стихотворение, таким образом, испорчено, весь его поэтический настрой разрушен прозаичностью, случайным словом, не несущим никакой эмоциональной нагрузки.

А ведь в первой строфе Вы даёте запоминающиеся детали:

По шагам на лестнице, по стуку,
По тому, как за углом вздохнёшь,
Иль платок поправить, вскинешь руку,
Я узнаю – это ты идёшь.

Хорошие строки. Разве что несколько преувеличено насчёт вздоха, вряд ли его услышишь да ещё за углом, а всё остальное, как говорится, на месте – и шаги на лестнице, и рука, поднятая к голове – точные штрихи. Вторая строфа тоже выразительна:

Скрипнет дверь – по скрипу угадаю:
Это ты… Другим так не открыть.
Я тебя и по тому узнаю,
Нет чему названья, может быть.

На этом и следовало поставить точку.

Стихотворение «Дочь» – какое-то путаное. Дочка с утра до ночи возится со своими игрушками. Чем же ещё заняться ей? А Вы делаете неожиданное умозаключение:

Всё же нахожу я, между прочим,
Что тревожно девочка живёт.

Тревожно, мол, потому, что не видит земного простора, что всё время в комнате. Что за проблема! Сводите её в поле, в лес, вместо того, чтобы многозначительно вещать о том, что «без простора мучается дочь», что весёлость её – ложная. Ложным-то здесь является другое – авторские рассуждения ни о чём. Стихотворения, по существу нет, есть попытка что-то сказать, а что – и сами Вы, пожалуй, недостаточно твёрдо знаете.

Вообще склонность к раздумьям в стихах можно только приветствовать, но не надо при этом тонуть в тине мудрствования, сумбурного философствования.

Положительным примером в ряду Ваших стихов-раздумий может служить вот это стихотворение о вечной молодости души:

Мне в голову покамест не приходит,
Что там, за поворотом, за леском,
Моя же старость медленно выходит
С посеребрённым добела виском.
И смотрит, смотрит на тропу-дорогу,
Пронзая взглядом темень и туман,
Всё ждёт – дойду я и поставлю ногу
В неотразимый старческий капкан.
А я живу, кипя в своей заботе,
Переживая радости, беду.
И верю, что на этом повороте
Я непременно старость обойду.
Капкан замечу – пробегу сторонкой,
Пускай от злости бросит старость в пот,
Что я за лесом скрылся с песней звонкой,
Уйдя за новый, дальний поворот.

Над этим стихотворением надо ещё поработать: режут слух однородные рифмы «приходит – выходит», а также тавтология «живу… переживая» и не совсем точный эпитет «неотразимый», но в целом оно производит отрадное впечатление. Важно, что Вы попытались сказать о старости по-своему, как никто не говорил ещё. И – уж такова сила строк с искоркой поэзии! – хотя разумом сознаёшь неизбежность старости, а сердцем верится в оптимизм этой вещи.

На наш взгляд, Вам есть что сказать о жизни, о людях; переживания Ваши, как лирика, разнообразны. Находит ответный отклик грустное стихотворение о мимолётности всего сущего, о неповторимости сегодняшних красок, запахов, настроений:

Настанет ночь, и снова мне приснится:
Сгорело что-то, вьётся сизый дым.

По какой-то неизвестной причине строка «кружится осенний лист – ложится» написана другим размером. Что это – небрежность или оригинальничанье? Первое – недопустимо, второе – ни к чему.

Можно назвать хорошим и стихотворение «Счастье». Однако не стоило тратить силы на его создание, имея в запасе одну не новую мысль о том, что счастье Вашего героя в труде. Надо, по возможности, избегать повторения общеизвестных истин.

Не будем делать какие-то поспешные выводы, отметим только, что Вы стоите как будто на правильных творческих позициях – во всяком случае, некоторые строчки дают основание считать Вас автором, стремящимся смотреть на мир своими глазами и по-своему выражать увиденное. В этом – залог будущих успехов.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР.
// Комсомолец Кузбасса. – 1963. – 4 декабря. – С. 3.

Прислушайтесь, молодые авторы!

ВОЗРОДИТЬ БЫ «ЛИТСРЕДЫ»…

Как организовать работу литературной группы? Я не собираюсь давать какие-либо рецепты, да вряд ли они и нужны, потому что творческое дело требует большого простора, его нельзя ограничивать какими-то рамками. Мне просто хочется рассказать о кемеровских литературных «средах», которые в своё время сыграли добрую роль в формировании творческого облика начинающих авторов, в числе которых были ставшие ныне известными кузбасские поэты и писатели.

Это было почти двадцать лет назад. Только что кончилась Великая Отечественная война, на которой довелось побывать и мне. Вернувшись в родной город, я стал разыскивать своих старых друзей, с кем ещё на школьной скамье вёл жаркие споры о поэзии. В кармане моей шинели сиротливо лежала объёмистая тетрадка стихов.

Стихи пишем мы не для того, чтобы носить их в карманах или хранить в ящике стола. Не удивительно, что вскоре я оказался в редакции газеты «Кузбасс». Тем более что в ту пору в газете стали появляться объявления о проведении «литсред». В номерах были сведения о теме занятий на предстоящей «среде» и довольно подробные отчёты о прошедшей. На огонёк «сред» приходили молодые литераторы. В иной вечер собиралось до тридцати человек. Правда, некоторые приходили из любопытства: о чём, мол, там толкуют, чем занимаются?

Строгость и нелицеприятие были характерной чертой наших «сред», и это определяло основной состав их участников: на занятия литгруппы со временем стали приходить только те, кто работал очень серьёзно, не надеясь ни на какую снисходительность и поблажку. Никто не читал нам лекций о рифме, образе, метафоре, – обо всём этом мы уже знали сами. А если бы не знали, не было бы смысла и собираться: человеку, не разбирающемуся в азах поэзии, выносить свои опусы на суд коллектива – значит отрывать у него драгоценное время. До сих пор я убеждён, что судьбу того или иного литератора во многом решает самостоятельная учёба. Нельзя надеяться, что кто-то когда-то откроет тебе глаза на суть поэзии или прозы, надо и самому изо дня в день учиться.

Наша «среда» была рассчитана не на «дошкольников», а на людей, работающих в литературе на уровне, близком к профессиональному. И всё-таки, разумеется, мы учились. Появилась, допустим, в «Литературной газете» в порядке дискуссии проблемная статья известного писателя или критика – мы внимательно прочитывали её на одной из «сред», коллективно обсуждали, спорили. А в споре, как известно, рождается истина. Это и было для нас в какой-то степени литературной учёбой.

Следует подчеркнуть, что «среды» проводились не время от времени, а регулярно – на протяжении нескольких лет. По пятницам собирались молодые литераторы и в «Комсомольце Кузбасса». Жизнь этой литгруппы была не менее интересной.

Не все литкружковцы стали профессиональными писателями. Кто-то бросил писать потому, что не обнаружил у себя таланта, у кого-то даже при наличии способностей просто не хватило терпения и настойчивости продолжать этот нелёгкий труд. Но зато как радостно сознавать, что отдельные маленькие ручейки, начавшие свой разбег на кемеровских литературных «средах», всё же не иссякли, а несут сегодня свой поток в необозримое море советской литературы.

Какие же практические советы мне хотелось бы дать в этой статье в связи с рассказанным? Попробую сформулировать их.

Если у вас, пишущие, есть стремление создать литгруппу, не ищите руководителя обязательно с именем, а возглавьте это дело сами, опираясь на своих товарищей по перу. Не гонитесь за количеством членов созданной литгруппы (пусть в ней сначала будет пять-шесть человек, по-настоящему любящих литературу и отдающих ей все свои силы). Пусть занятия проходят без перебоев, скажем, один раз в две недели, но чтобы на каждом из них обсуждались новые произведения. Приходите в редакции газет, договаривайтесь о времени сборов, и газеты непременно будут рассказывать читателям о работе вашей литгруппы и публиковать рекомендованные ею стихи, рассказы, очерки, зарисовки.

Как можно строже относитесь друг к другу, не допускайте никаких скидок на молодость или неопытность, критикуйте то, что заслуживает критики, невзирая на лица.

Что касается литературной учёбы, то понимать её надо шире, чем обычно принято. Настоящий писатель учится весь свой век – у жизни, у классиков, у более опытных мастеров. Если же есть возможность пригласить специалиста прочесть ту или иную лекцию, связанную с писательским трудом, надо это использовать.

А самый главный совет – пишите ежедневно, пусть у вас не будет ни дня без строчки!

Человек обогащается духовно от человека, и в этом отношении значение литгрупп трудно переоценить. Вспомним, что писал Чехов Горькому в 1899 году: «Естественное состояние литератора – это всегда держаться близко к литературным сферам, жить возле пишущих, дышать литературой… Бранитесь с литераторами, не признавайте их, половину из них презирайте, но живите с ними».

К этим словам можно добавить только то, что в наше время – время построения коммунизма – литераторы живут дружно, потому что у них одна цель, один путь.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей.

// Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 26 января. – С. 3.

Обсуждаем твои стихи

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Исполнилась годовщина со дня образования литгруппы КТОМа (Кемеровского творческого объединения молодёжи). И в связи с этой датой ктомовцы принесли в редакцию подборку стихов – лучшее, на их взгляд, из того, что они могли предложить для газеты. Опубликовать их – по причинам, которые ниже станут вам ясны, – газета не смогла, но обсудить, безусловно, следует…

Приходится сразу сказать, что общее впечатление от стихов далеко не отрадное. В подборке всего два-три стихотворения, которые в какой-то степени закончены, всё же остальное нуждается в тщательной доработке.

Семён Печеник написал стихотворение под многообещающим заголовком «Моя точка зрения». Начинается оно так:

Всем хочется родимых далей
И ветерка…
Меня штыками добивали
Псы Колчака!

Первые две строчки – явно проходные, логически они никак не связаны с последующими. Мы только приблизительно улавливаем их смысловую связь, которая из-за неточного словесного выражения довольно условна. Автор, видимо, хотел сказать, что в минуты надвигающейся гибели человеку особенно хочется жить. Для этого можно было найти более подходящий образ, чем «хочется родимых далей», что, кстати, звучит не совсем по-русски.

Читаем дальше:

Моё распластанное тело
Искал прицел.
Не солнце – знамя пламенело
Над грудой тел.

Вот и разберись тут, что к чему. Вначале ясно сказано: «меня штыками добивали», значит, это было после расстрела. И вдруг опять «искал прицел». Никакой цельной картины читатель не видит – всё неопределённо.

Я ввёл бы карточной системой
На хлеб паи:
Идут бои во всей Вселенной,
Идут бои.

Вот так! Ввести карточную систему – и успех борьбы обеспечен… Такова точка зрения С. Печеника. Очень странное рассуждение!

В другом стихотворении того же автора сделана попытка воспеть готовность людей помогать друг другу. Но образа для этой мысли не найдено, всё сводится к лобовому решению темы, если не считать сравнения машин с… ладонями:

Люди! Ладони из синей полночи
К вам простирают скорые помощи.

Обобщение напрашивается одно: все люди прикованы к постели, все нуждаются в скорой помощи…

У Н. Байгутдинова есть стихотворение «Равнодушие», для начала которого он нашёл убедительные слова:

Оно в обращениях тонко
И в людях, как сытость, живёт.

Но затем равнодушие в трактовке автора приобретает оттенок чего-то прямо-таки загадочного: «Глядит исподлобья, иконно, законами бьёт по спине». Что подразумевать под этим образом равнодушия, бьющего законами по… спине? Дальше в лес – больше дров: «В тайге вот без всяких законов гудки его ставят к стене». Остаётся лишь развести руками. Гудки ставят равнодушие к стене. Думает ли автор о смысле выражения «ставить к стене»? И вообще – о чём это? Дальше, правда, идёт кое-какое разъяснение: «Когда не вернётся геолог с оглохшей от взрывов тайги – гудки содрогают посёлок, как совесть, кричат: «Помоги!». Так происходит в тайге, а в городе, мол, всё иначе: «А здесь средь кирпичного счастья такого пока не найти».

Хотел того или не хотел Н. Байгутдинов, но стихотворение получилось идейно ущербное. Читателю преподносится непродуманная мысль: лишь в тайге, в трудных условиях проявляется человеческая чуткость, в городе же – все сплошь равнодушны друг к другу. Надо ли говорить, что противопоставление это ничем не оправданное, а вывод – ошибочный. Удивляет вот что: как товарищи Н. Байгутдинова не указали ему на незрелость мысли в этом стихотворении, которое, между прочим, не свободно и от других недостатков: автор не знает, например, что слова «содрогать» в языке нет, что геолог не вернётся не с тайги, а из тайги, и т. п.

С претензией на глубокомыслие написано стихотворение Д. Глазова «Февраль». Хочется привести его целиком, чтобы читатель вместе с нами поломал голову над этим ребусом:

Ты говоришь: – Здравствуй!
С улыбкой тающей.
Я отвечаю: – Здравствуй!.. –
Непонимающий…
Ты подаёшь руку,
Перчатку сбросив.
Я пожимаю руку,
Сглотнув вопросы…

Ты ждёшь знакомого
В моих глазах.
Мы не знакомы
Шаги назад…
– Ну, до свиданья? –
Как будто мимо…
– Прощай!..

Весь этот сумбурный набор слов называется почему-то «Февралём».

Есть у Д. Глазова строчки, цитировать которые, по соображениям этики, воздержимся. Можно лишь заметить, что наряду с ложным глубокомыслием у автора встречается чистейший натурализм, который, как плевок под ногами, вызывает неприятное чувство. А ведь, насколько нам известно, ктомовцы нередко выступают со сцены перед молодёжной аудиторией! Этот факт настораживает, ибо большинство их стихов никак нельзя признать достойными того, чтобы их пропагандировали.

Рано, на наш взгляд, членам литгруппы КТОМа устраивать публичные выступления. Главное для них – это литературная учёба, приобщение к поэтической культуре, развитие самостоятельного поэтического мышления. Что, скажем, своего, самобытного у Григория Евстратенкова (который уже и псевдоним придумал – Григорий Евстр) в стихотворении, где рассказывается о том, как девушка стоит на пристани в ожидании алых парусов? Это же перепев известных мотивов.

В качестве лучших своих произведений литгруппа рекомендует и совершенно примитивные вещи, как, например, стихотворение Г. Рыкина: «Скрип, скрип – скрипят сапоги. Смотри, малыш, свой нос береги. Сегодня зол и лют мороз. Смотри, малыш, береги свой нос».

Есть, однако, в подборке и более или менее удачные стихи. Автор их – Евгений Харламов. У него тоже встречаются отдельные промахи – не те слова, не те выражения, но в целом написанное им вызывает симпатию. Вот «Прощание»:

Вот и всё. В скором времени, в скором
Уезжаю. Прощайте. Прости.
Уезжаю в недальнем, в нескором…
Встречи – будут, труды – впереди.

Коротко, просто, а главное – с настроением, с отчётливой мыслью, не претендующей на мнимофилософское обобщение. Человек уезжает, ему грустно оставлять обжитое место и вместе с тем радостно, что здесь остаётся частица его труда, что всё хорошее – впереди. Так же незамысловаты, но искренни и теплы стихотворения Е. Харламова «Умирающий снег» и «Стройка», над которыми, правда, надо ещё поработать, устранив такие выражения, как «мастер *извивается ужом и производит выдачу заданий*».

Вряд ли нужно делать какие-то глубокие литературно-критические выводы после прочтения стихов начинающих авторов КТОМа. Хотелось бы лишь пожелать членам литгруппы КТОМа, чтобы они смелее развивали в себе одно замечательное чувство – чувство самокритичности. Не секрет, что некоторые

ктомовцы не склонны прислушиваться к замечаниям старших товарищей, считая себя уже сформировавшимися поэтами, хотя многие из них не опубликовали пока ни одного стихотворения. Такое наблюдение вынесли с занятий литгруппы мои собратья по перу, опытные литераторы. Хотелось бы надеяться, что этот обзор будет воспринят как попытка разобраться в их творческой работе, которая, конечно, заслуживает внимания.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей.

// Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 11 апреля. – С. 3.

НЕ РИФМЫ РОЖДАЮТ ПОЭТА

Кончилось отпускное и каникулярное время, и снова увеличился приток рукописей в редакцию. Как всегда, преобладающий жанр в творчестве авторов – стихи. О стихах мы и поговорим в этом обзоре.

Всякий поэт – и малоопытный, и зрелый – интересен тогда, когда он оригинален, когда у него своё отношение к окружающему миру, к людям, природе, ко всем явлениям и предметам. Самобытность молодого поэта легко обнаружить в самых первых опытах: строчки могут быть корявыми, неуклюжими, но этот пробел искупается свежей подачей мысли, неожиданным поворотом темы. К сожалению, чаще бывает наоборот: внешне технически стихи гладки, однако нет в них и намёка на самостоятельную мысль или образ, на открытие чего-то нового. А между тем умение благополучно рифмовать – это не самое главное (рифмовать умеют, как известно, и кибернетические машины). Надо, прежде всего, научиться серьёзно мыслить. Но именно бедность, а то и примитивность поэтического мышления мешает многим начинающим поэтам писать интересные стихи.

Вот, например, стихотворение «Восемнадцатилетие» А. Ашихмина (г. Новокузнецк). Тема, как видим из заголовка, вечная, и тот, кто обращается к ней, обязательно должен открыть что-то новое, своё – ведь о юности писали тысячи поэтов, и поэтому тут большой риск повториться. Но А. Ашихмин, судя по всему, не заботился об этом, он ограничился сообщением общеизвестных истин: «мы в десять очень наивны – по лужам гуляем в ливни»; «и вот нам в шестнадцать не спится, и хочется нам влюбиться»; «семнадцатый год боится казаться мальчишкой безусым»; «девчонка оденет бусы и губы слегка подкрасит… Ей хочется петь и смеяться – сегодня ей восемнадцать!». Всё это, конечно, так, но стоило ли мучиться над рифмами, чтобы просто перечислить особенности разных возрастов. Другое дело, если бы автор остановил своё внимание на каком-то конкретном юноше или девушке, которые чем-то взволнованы, и сказал о них то, чего не знаем мы. Это было бы пусть маленьким, но всё-таки открытием.

Когда нечего сказать самому, автор оказывается в плену сказанного другими – и в результате налицо повторение чужих мотивов и образов. Р. Чигракова (п. Темир-Тау) в стихотворении «Прощание с летом» пишет: «Грустя, уходящее лето мне жёлтою машет листвой». А мне невольно вспоминаются проникновенные строчки замечательного мастера поэзии Павла Дружинина: «Машет лето на прощанье красной веточкой вдали: до свиданья, до свиданья, до свиданья, журавли!». Я не думаю, что эти строчки позаимствованы Р. Чиграковой, но всё же хочется напомнить одну истину: чтобы не повторяться, надо много знать, надо быть хорошо знакомым с поэзией.

Три стихотворения из цикла «В Сибири осень» прислал В. Ерёменко (ст. Яя). Он в поэзии уже не новичок, кое-где печатался, и требования к нему мы обязаны предъявить строгие. Скажем сразу: видимо, не самые лучшие стихи отобрал автор для нашей газеты. Читаем стихотворение «Шофёр». Многословно, вяло и скучно повествуется здесь о том, как идёт по полевой дороге грузовик с зерном («и нет для нас дороже груза, чем хлеб, которым жизнь тепла»; «тепла» – не то слово), как водитель рассуждает с пассажиром о приближении осенней распутицы, когда ему опять придётся «месить, бога проклиная, ту грязь просёлочных дорог»; ещё шофёр говорит, что он очень любит свою машину, что земная скорость, земные просторы ему дороже космических скоростей и т. д. «Шофёр умолк, готовый слушать, спеша в рассвет, где дом родной». Дома, сообщает автор, ждут его «дети и с грустью ласковой жена».

Концы с концами явно не вяжутся. Если машина с зерном, то надо полагать, что шофёр ведёт её на элеватор, а не к себе домой. Но в тексте как раз всё наоборот: «Спешит в рассвет, где дом родной». Похоже, что автор, дописывая последние строчки, забыл, о чём писал вначале.

Много пишет Д. Шепуров (г. Таштагол). В его стихах встречаются неплохие строчки, которые дают основание надеяться, что, работая вдумчиво и упорно, автор может добиться со временем определённых удач. Возьмём, например, сатирическую зарисовку «Строили»:

Идёт по улице прохожий.
Чуть сзади шествует другой.
И от киоска осторожно
Знакомый машет им рукой.
Что дальше? Всё вполне понятно.
Не стоит тратить лишних фраз…
Им было очень неприятно
Спать в вытрезвителе в тот раз.

Здесь мы видим авторское умение работать со словом. Можно было расписать сцену попойки, впасть в серый натурализм, но Д. Шепуров счастливо избежал этого – он нашёл весьма выразительный ход мысли: в двух последних строчках сказал нам всё, что, как говорится, требовалось доказать.

Но вот читаем стихотворение «Если…» того же автора – и какой контраст! Первые же строчки свидетельствуют о том, что художественный вкус у Д. Шепурова очень неустойчив и зыбок: «Не таи от людей ты ни горя, ни радости. Уноси поскорей душу, если в ней гадости». Сама по себе мысль правильна, но как же режет слух строчка «душу, если в ней гадости». Прямолинейно, грубо, непоэтично! А дальше – топтание на месте: «Если радость в тебе переполнит края, не носи всю в себе, дай частицу друзьям». Это уже перепевы сказанного вначале. Создаётся впечатление, что Д. Шепуров даже и не попытался поработать над этим стихотворением.

В заключение хочется сделать существенную оговорку: пусть у тех, кто прочтёт этот критический обзор, не создастся ошибочное представление, что все присылаемые в редакцию стихи безнадёжно плохи. Нет, редакция получает от молодых авторов и такие стихи, которые написаны на хорошем литературном уровне. Убедиться в этом можно, прочитав стихи под рубрикой «Голоса молодых».

М. НЕБОГАТОВ.

// Комсомолец Кузбасса. – 1966. – 3 октября. – С. 3.

«ФОРМЕ ДАЙ щедрую дань…»

Заранее оговорюсь: я не сторонник такого обзора стихов, когда просто пересказывается содержание того или иного стихотворения и на выборку цитируются наиболее удачные строчки, а слабые, неудачные замалчиваются. Более полезным и для авторов, и для читателей, мне кажется, обзор критического характера. Думаю, что молодые поэты правильно поймут меня и не обидятся, если услышат о себе не только похвалу, но и нарекания.

Нет сомнения, что В. Половиков, приславший в редакцию свои «Осенние мотивы», писал с волнением, вызванным любовью к природе, к её красоте. Однако автор ещё не умеет находить единственно верные слова для выражения своих мыслей и чувств.

Вот начало одного стихотворения:

Струится паутинкой грусти тень
Над речкой, что за лето обмелела.
На тополях туман густую сень
Цветным подбеливает мелом.

П о г о в о р и м о с л о в е с н о м о ф о р м л е н и и , д о п у с т и м , г р у с т н о г о ч у в с т в а .

Ощущение поэтической речи у В. Половикова верное: об этом свидетельствует ритмическое звучание строк – неторопливое, раздумчивое, создающее именно то настроение, которое бывает осенью. К сожалению, словесное оформление этого немного грустного чувства явно неумелое. Что ни слово, то неточность. Возьмём первую строку: «Струится паутинкой грусти тень». Во-первых, «струится» по отношению к «тени» не то слово; во-вторых, сама «тень» очень условна, непонятно, от чего она – не от паутинки же; в-третьих, словосочетание «грусти тень» весьма неблагозвучно, получается какое-то «титень» (аналогичный пример у Иосифа Уткина: «так же вот» читается как «живот»). Как видим, простая мысль: «грустно видеть паутинку над осенней рекой» выражена В. Половиковым довольно косноязычно.

Дальше. Про тополя говорится, что их густую сень (не будем уж придираться к старомодной «сени») туман цветным подбеливает мелом. Опять неточно. Можно ли сказать, что туман красит кроны тополей цветным мелом? Ведь мел – это белая краска, да и сам автор пишет: «подбеливает». Значит, мел – не то слово, потому что его исключает слово «цветным» – оранжевым, алым, каким угодно, только не чёрным и не белым.

Ниже встречаем такую строчку: «Остановись-ка время, не спеши» – и это звучит повторением знаменитого гётевского «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно».

Другое стихотворение начинается так: «Закурила туманами речка». Опять ошибка, нетвёрдое знание родного языка. Не «закурила» должно быть, а «закурилась», т. е. задымилась туманом.

У читателя, да и у автора может возникнуть сомнение: стоит ли заниматься поэзией при таких недостатках почти в каждой строчке? По-моему, всё же стоит, потому что В. Половиков неплохо чувствует стихотворный ритм. Качество, которым обладает далеко не каждый из пробующих писать стихи.

А что это так, можно убедиться на стихах Михаила Колуханова (г. Тогучин). Вчитайтесь в отрывок из стихотворения «Наш дед»:

…Мальчишке самокат наладит,
На улице со всеми ладит,
И каждый встречный ему рад.
Во дворе детсада снеговую
Устроит гору в январе…

Вы уже заметили, конечно, что строка «Во дворе детсада снеговую» резко выбивается из ритмического строя соседних строк. Это не описка, а проявление внутренней глухоты к музыке стиха.

И тем не менее поэтическое начинание М. Колуханова обнадёживает. В стихотворении «Тишина» улавливается похвальное стремление автора к серьёзным размышлениям, к раскрытию сложного мира человеческой души. По-разному писали и пишут поэты о тишине – о молчании, безгласности, немоте; уже в какой-то степени стал банальным риторический призыв: «умейте слушать тишину». М. Колуханов, обращаясь к подруге, говорит почти о том же, но вдруг его мысль переходит в совершенно новое обобщение:

Вслушивайся в чуткое молчанье.
Потому, что только в тишине
Ты к себе приходишь на свиданье.
Ничего на сердце не тая,
Погружаясь в трепет мирозданья,
Здесь ты не защитник, а судья
Всех своих поступков и деяний.

У м е й т е с л у ш а т ь т и ш и н у , п о э т ы .

Глубина этой мысли неоспорима, она сделала бы честь и опытному поэту.

М. Колуханов начинает в поэзии с главного – с мышления в образах, с этим его можно поздравить. И тем досаднее читать у него стихи, рождённые не в результате раздумий над жизнью, а по инерции пера.

Т о п о л ь , б е р ё з а , к л ё н , ч е р ё м у х а , д у б с р я б и н о й и л и т е р а т у р щ и н а .

Один пример: суть стихотворения «Черёмуха» в том, что молоденький клён склоняет «кудрявую головушку» к стоящей рядом цветущей черёмухе. Обращаться к такому образу после классической рябины, которая хотела бы к дубу перебраться, значит, лишний раз отдать дань литературщине.

Литературщина, творческая несамостоятельность – это своего рода дамоклов меч, который висит над многими начинающими поэтами, иногда он убивает все старания сказать что-то новое, своё. Только что я упоминал «Черёмуху» М. Колуханова, а вот передо мной ещё один идентичный образ в стихотворении А. Паневой (г. Кемерово):

Юность беспокойная,
Что берёзка стройная,
С тополем кудрявым
Рядышком стоит.
И ветвями гибкими,
Обнявшись, с улыбкою
Тополю зелёному
О любви твердит.

Слов нет, очень уж привлекателен этот образ – тополь и берёзка, клён и черёмуха, дуб и рябина, – но надо же писать о деревьях и по-новому, не ограничиваясь одним любовным мотивом…

О стихах А. Паневой приходится говорить пока что как об ученических опытах – столько наивного в её стихотворных рассуждениях. В одном стихотворении, например, говорится о том, что на улице, среди цветущих роз, стоит памятник Ленину; розы так ярки, красочны, что кажется, будто они просят Ильича: «Ну, сорви хоть одну!» «А Ильич всё стоит и любуется розами». Это и должно быть завершением картинки, но дальше ещё две строчки: «Наши люди – гранит. Не сломить их угрозами!» А. Панева соблазнилась напрашивающимися рифмами (розами – угрозами) и не подумала о смысле.

Тут к месту будет напомнить молодым авторам одну немаловажную истину: для поэта освоить технику стихосложения – это ещё не всё, надо прежде всего научиться логически мыслить. Когда смысл стихов противоречив, запутан, а то и просто абсурден, тогда и самые звучные рифмы имеют не большее значение, чем простые побрякушки. И наоборот: ясные, стройные по смыслу и весомые по содержанию строки могут заставить нас задуматься даже в нерифмованных, так называемых белых стихах.

У ч ё б а у м а с т е р о в и и х к о п и р о в а н и е – у в ы , н е и д е н т и ч н о .

И ещё один вопрос хочется затронуть при знакомстве с новыми стихами молодых. Я имею в виду литературную учёбу и подражательность. У некоторых эти понятия тесно переплетаются. А разграничение здесь необходимо. Учёба у известных мастеров – это постоянное стремление достичь на своём пути определённых вершин, равняясь на этих мастеров; а подражательность – не что иное, как копирование готовых образцов, и оно, в отличие от учёбы, не может быть постоянным.

Тамара Поддубняк (г. Кемерово) написала стихотворение «Вспомни меня». Весьма возможно, что появление его отвечало определённому душевному состоянию автора, но вот беда – стихотворение насквозь подражательно. С чем только ни сравнивает себя лирическая героиня в этом многословном, лишённом чувства меры обращении к любимому: вспомни меня, как счастье, как жар костра в ненастье, как тенистый сад в пустыне, как ландыш нежный, как первый подснежник, как ветер, как синеву на рассвете, как потерянный час, как мгновенье, дуновенье, сновиденье. Да не просто вспомни, а «грубее и глубже», «ревниво и зло».

Откуда же всё это нагромождение образных красот? Источник «вдохновения» нетрудно определить – это навеяно стихотворением Риммы Казаковой, на которое мы недавно читали очень едкую пародию (помните? Я буду тряпкой, я буду вещью, только люби меня). И там, и здесь душещипательное заклинание: люби меня, вспомни меня! Я далёк от того, чтобы бросить тень на поэзию Риммы Казаковой (и у хороших

поэтов бывают неудачные произведения). Мне думается, если бы Р. Казакова прочитала стихотворение Т. Поддубняк, она бы, горько усмехнувшись, подумала, что это ещё одна пародия на неё.

А ведь знай получше Т. Поддубняк русскую классику, она навряд ли стала бы терять силы и время на многословную поэтическую мольбу: вспомни меня! У А. Фета есть прекрасное восьмистрочное стихотворение на эту тему – о грусти, о разлуке:

Облаком волнистым
Пыль встаёт вдали,
Конный или пеший –
Не видать в пыли!

Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далёкий,
Вспомни обо мне!

Коротко, выразительно, эмоционально.

…Поэты пишут стихи. И не только с авторучкой или карандашом в руке хотелось бы сейчас видеть их, но и с томиками Пушкина, Некрасова, Блока, Бунина, Есенина – вечно живых певцов земли русской, великих мастеров, мудрых учителей.

М. НЕБОГАТОВ.

// Комсомолец Кузбасса. – 1967. – 17 сентября. – С. 3.

КОГДА ЯЗЫК ТВОЙ

Большую подборку – более десяти стихотворений – прислал из Мариинска Виталий Веретенников. В сопроводительном письме он сообщает о себе: «Писать я начал лет 10 – 12 назад. Некоторые стихи печатаются в мариинской районной газете «Вперёд». В 1963 году был участником областного семинара начинающих поэтов и прозаиков. Работаю преподавателем в сельском профтехучилище».

Общее впечатление от стихов В. Веретенникова приятное. Мне хочется, чтобы и читатель сразу же настроился на волну этого впечатления, прочитав, скажем, пейзажное стихотворение «Лето».

Круглятся сосны куполами пагод,
И я один в просвистанном лесу.
И берестяный полный туес ягод
Торжественно и медленно несу.
А лес лучами солнца проживулен,
И тени листьев, словно пятаки,
Легли на землю – мягкую, живую,
И попадают мне под каблуки.

Иду, иду по кругленьким монетам,
И радостно пружинит на руке
Пахучее и ласковое лето,
Что уместилось в малом туеске.
От зимних вьюг я тем себя спасаю
И зиму так легко переношу,
Что по кусочку лето запасаю
И в берестяном туесе ношу.

Не всё здесь безупречно (встречаются словесные погрешности, лишним кажется последнее четверостишие), но многое вызывает симпатию – и спокойная, не крикливая речевая манера, и уместное использование простонародного слова «проживулен» – от выражения «прошить на живульку», – и хороший, ёмкий образ лета, уместившегося в туеске.

В. Веретенников не отдаёт предпочтение какой-то одной излюбленной теме, круг его интересов и привязанностей широк – воспоминания о детстве переходят в раздумья об освоении Вселенной; стихи, посвящённые преемственности поколений, перемежаются со стихами о рабочих бригадах, о сельской жизни, о любви к родному Кузнецкому краю. Кое-что молодому поэту удаётся сказать по-своему оригинально, особенно в лирических стихах. Некоторые стихи читать просто скучно – в тех случаях, когда в них звучат гражданские мотивы, но при этом автор не открывает ничего нового, а просто зарифмовывает прописные газетные истины. Но самое главное, что бросается в глаза при чтении подборки, это то, что нет в ней почти ни одного, даже маленького стихотворения, по-настоящему, со вкусом отделанного, отшлифованного, что называется, без сучка, без задоринки.

Вот, например, двенадцатистрочное стихотворение «Зажигалка». Эту немудрящую вещицу для курева смастерил из гильзы бывалый солдат. Поэтическое зёрнышко здесь – в двух строчках, из которых видно, насколько хороша, красива была сделанная солдатом простая, но необходимая принадлежность того, кто любит подымить: «И даже неприступный ротный от зажигалки прикурил». Тут бы и поставить точку, но дальше приписана ещё одна, заключительная строфа: «Она (зажигалка) нужна, нужна была когда-то, как для атаки, мужества подъём. И до сих пор тепло от рук солдата хранит на теле бронзовом своём». Эти четыре строчки неудачны по двум причинам: во-первых, тепло рук, оставляемое людьми на сделанных ими вещах, не новый образ, от частого употребления давно потерявший свою поэтическую прелесть, во-вторых, ужасно режет слух слово «подъём». Своим появлением в строке, в сочетании со словами «атаки, мужества», оно обязано, по всей вероятности, только рифме «своём».

Для стихотворений «Лето» и «Зажигалка» характерно, что концовки их явно лишние. В связи с этим вспоминается любопытный метод редакторской работы Эдуарда Багрицкого. Часто он, прежде чем прочитать стихотворение молодого, неопытного поэта, перечёркивал карандашом две строфы – первую и последнюю, мотивируя это тем, что заранее знает: «в первой строфе вы только раскачивались, входили в тему… А когда вы кончили стихотворение, вам наверняка показалось, что вы ещё не всё сказали, и вы стали повторять то, что уже и так ясно из контекста».

Над этим стоит задуматься многим начинающим. Настоящий, требовательный к себе поэт – одновременно и творец, и редактор. С первых шагов на литературном поприще надо приучаться смотреть на свои произведения как бы со стороны, глазами строгого, придирчивого редактора.

Говоря о недоработанности стихов В. Веретенникова, следует прежде всего отметить, что у него то и дело притупляется языковое чутьё, и в результате под руку подвёртывается какое-то неточное, а то и просто чужеродное в данном контексте слово, которое портит всё стихотворение. Вот ещё несколько примеров.

«И шли солдат, крестьянин и подпольщик, собою пуль задерживали медь». Любому школьнику известно, что пули делаются из свинца, но поэту очень хотелось найти хорошее, неглагольное созвучие для слова «звенеть», и он, не избежав соблазна, написал «медь». Да и не только рифмы бывают у него причиной таких вот ошибок, а зачастую и непродуманность, легковесное отношение к языку. Читаем: «Рождалось счастье, спавшее века». Родиться может то, чего не было. А если о счастье говорится образно, что оно спало, то, стало быть, оно уже существовало.

Хорошее, тёплое чувство рождается при чтении стихотворения о детстве. Днём мальчуган вместе с матерью работал на пашне, «за повод чалую водил». Весь день он в душе считал, наверно, себя большим, потому что старался изо всех сил, по-мужицки. «А вечером был снова на реке, и детство, как ни странно, возвращалось. Оно со мной и днём-то не прощалось, а лишь дремало где-то в уголке». Про эту, обобщающую всё строфу, не скажешь, что она необязательная, лишняя, наоборот, без неё стихотворение лишилось бы необходимого аккорда. Зато каким диссонансом в грустноватую музыку слов врывается (опять, пожалуй, из-за рифмы) совершенно непродуманная строка: «И всё боялся оборвать удил». Не удил, конечно, а «боялся оборвать удила».

Пусть не покажутся Виталию Веретенникову все эти замечания придирками. От автора, пишущего много лет, читатель вправе ждать зрелого умения в обращении со словами, тем более, что поэтическими задатками молодой поэт не обделён.

Многое из сказанного о В. Веретенникове можно отнести и к Владимиру Романову из села Симбирка Ижморского района. В его стихах тоже проблёскивают искорки поэзии, но то и дело застилает их туманом неуклюжих словесных формулировок, языковой безвкусицы.

Обратимся к первому стихотворению, открывающему присланную В. Романовым подборку. Называется оно «Счастье матери»:

«Мама, мама»,
Всё реже и реже
Произносим мы эти слова.
Стали губы по-взрослому тверже,
Стал богаче намного словарь.

Сразу же – нечуткость к языку. Автор рифмует «реже – тверже», а ведь эти слова совсем не созвучны.

Или возьмём такие строчки из этого же стихотворения:

Покажу тебе мир щемящий,
Возмужавшее сердце до слёз.

Попробуйте произнести эту фразу, не глядя в текст, и смысл её изменится до неузнаваемости. Получится что-то прямо-таки пародийное: покажу тебе щемящий мир и возмужавшее до слёз сердце. Автор допустил такую неловкую инверсию, которой не помогут и знаки препинания.

Языковые неточности – частые гости в стихах В. Романова. Вот как пишет он о сплаве на реке Яя: «Расстались брёвна с кронами, ныряют макаронами». На первый взгляд, всё нормально, а вдумаешься – и вот она, ошибка: у брёвен никаких крон не бывает, не брёвна расстались с кронами, а деревья, когда их спилили.

«Первоэлементом литературы, – говорил Горький, – является язык – основное орудие её и – вместе с фактами, явлениями жизни – материал литературы». Общеизвестная, казалось бы, истина, а как часто забывают о ней молодые авторы. Нужно постоянно, изо дня в день развивать в себе чувство языка углубленным, поистине исследовательским чтением лучших образцов художественной литературы, изучением словарей, народных сказок, пословиц и поговорок. Без хорошего, верного чувства языка можно до самой седины проходить в начинающих.

М. НЕБОГАТОВ.

// Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 20 января. – С. 3.

ВЕСЕННИЕ ГОЛОСА

Май можно назвать поистине месяцем праздников. Если допустить, что когда-нибудь будет учреждён День поэта, то наверняка праздновать его станут тоже в мае. Так и кажется, что между пробуждением природы и появлением хороших стихов в это время есть какая-то внутренняя связь, во всяком случае, пишется весной куда вдохновенней, чем, скажем, в дождливые осенние пасмурные дни. Это подтверждается стихами многих авторов, присланных в эти дни в редакцию:

Я с детства знал: закаты расцветают.
Но люди, вдаль уставшие смотреть,
Сказали мне: «Закаты умирают».
И я пошёл взглянуть на эту смерть.

Так начинается стихотворение кемеровчанина А. Дахина «Закаты». Пусть не смущает вас резкой контрастностью жутковатое слово «смерть», прозвучавшее в этом цветущем, солнечном мире. Стихотворение как раз о другом – о солнце, о жизни, о вечном её движении.

Стихотворение написано не равнодушной рукой, оно продиктовано сильным чувством, которое в свою очередь помогло найти закономерно вытекающее из текста поэтическое обобщение:

И все восходы и закаты зная,
Я верю: жизнь вовек не отцветёт.
Кто говорит: закаты умирают?
Закаты превращаются в восход!

В унисон с раздумьями этого автора звучат строки стихотворения «Страницы весны», присланного из посёлка Тисуль Георгием Афанасьевым. Не в первый раз, конечно, любуется автор ледоходом, но уж так устроен человек, что пробуждение природы снова и снова волнует его. Поэт волнуется, видя, как **«шумят потоки, пеной покрываясь»**, как они **«бросают, крутят брёвна, как поленья, зиму сметая на своём пути»**. Вместе с природой ликует победно человек, и самые добрые желания и мечты возвышают его душу, и рождаются в ней простые, но взволнованные слова: **«Идёт весна! Сильней звени, шуга! Чтоб, отдавая пряностью черёмух, водою захлебнулися луга. Чтоб наши реки в праздничном веселье от собственной могучей полноты несли туда, где ждут, как новоселья, огромные сосновые плоты. Чтобы росли в полях густые травы, журчал ручей кристальной чистоты, чтоб вся земля имела вечно право на песню, на любовь и на цветы!»**

Думами о земле проникнуты стихи В. Осенина, живущего в Ленинске-Кузнецком. Грустными, минорными нотками начинается одно из стихотворений: **«Я нигде не останусь – ни в траве, ни в избе. Никому не достанусь – ни ей, ни тебе. Только сизые звёзды будут, словно стрижи, падать в горькие росы, гаснуть в зреющей ржи. Будут таять туманы, там, где куст, как колдун, хищно в ветки–капканы ловит тысячи лун…»** Перекликается с ним по настроению и другое стихотворение. **«Я всё забросил – мечту и быль. Уходит в просинь степной ковыль, уходит в небо ночная мгла… Я был иль не был? Скажи, земля. Скажите, вербы, я здесь стоял? Подснежник первый сорвал и смял?»** Но весна есть весна, она властно вторгается в мир чувств и незаметно для поэта меняет их настрой; вот уж из-под пера выходят строчки, полные широкого звучания: **«Но становится чище на душе с каждым днём, выметают всё лишнее закаты огнём, и уходят мальчишки за родимый порог, как и мы, себя ищут на спиралях дорог».** Это сама весна зовёт в свои привольные просторы, зовёт в путь по неизведанным дорогам, обещая новые встречи.

Некоторые стихи покоряют своей искренностью. Вот рукопись, присланная из Анжеро-Судженска ученицей десятого класса Валей Волошиной. Её стихотворения заслуживают серьёзного внимания. Чувствуется, Валя очень любит природу, все времена года волнуют её и находят отражение в поэтических образах. И всё-таки самые удачные – весенние стихи.

Не дари мне янтарных серёжек
И коралловых бус не дари.
Мне цветы полевые дороже
И разливы вечерней зари.
Принеси мне на бусы дождинки,
Для серёжек достань мне звезду,
А для розовых лент в корзинку
Ярких молний сорви мне в грозу.

Поэзия тут, как говорится, стопроцентная. Безусловно, так мог написать способный человек. В этом убеждает другое стихотворение – «Звёздная песня».

Я сегодня спать не буду.
Буду ждать я звёзд восход.
После вечера, как чудо,
Ночь волшебная придёт.
В лунном платье и с цветами,
А едва рукой взмахнёт –
Небо тёмно-синим станет,
Звёзды яркие зажжёт.

Буду слушать я их пенье,
Их хрустальный перезвон.
Их кипенье, их свеченье
И скольженье под уклон.
Всё как в сказке: свет и тени,
Ночь прозрачна и нема.
И мне кажется в забвенье:
Я – волшебница сама.

Читатель, наверно, уже заметил, что в этом обзоре совершенно отсутствуют критические замечания. Может быть, все упомянутые стихи безупречны? Нет, конечно. Отдельные недостатки, особенно в техническом исполнении, встречаются, к сожалению, у каждого автора, однако то, что они предложили редакции на этот раз, отличает, как я уже говорил, большая искренность, а это очень важное качество, ради которого можно простить частные погрешности.

М. Небогатов.

// Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 30 мая.

В ЭТИ ОСЕННИЕ ДНИ…

Осень нынешнего года как-то не по-сибирски скупа на солнечный свет и тепло, не в блеске нежных прощальных лучей увядает её лучистая краса, а в серых, холодных сумерках, и, может быть, именно поэтому так мало в эти дни рождается стихов о природе. Не вдохновляет она. Ну, что ж, не пишется – насиловать себя не надо. Но тут же ловишь себя на мысли: неужели только сами по себе красочные пейзажи могут взволновать поэтическую натуру? А близкие к природе люди, их труд? Увы, не пишут молодые авторы о героях страдной поры, о тружениках села, которые вправе ждать тёплого поэтического слова о себе.

Могут ответить: поэт – не репортёр, чтобы писать только на «злобу дня». Да, это верно, однако кто же, как не поэт, должен воспроизводить действительность? Будьте ближе к жизни, активно вторгайтесь в неё! – этот лозунг никогда не устареет.

Большую подборку – из пятнадцати стихотворений – прислал в редакцию из Новокузнецка В. Петраш. В приписке он говорит: «Я бы не против и совсем Вам не писать, да вот беда – стихи-то пишутся, и мне крайне нужно Ваше мнение о них».

Видно, молодой человек невнимательно читает газету, в которой хотел бы сотрудничать, ведь мы уже имели случай высказать своё мнение не просто об отдельных его стихах, а обо всей поэтической работе В. Петраша. Вот как, в частности, характеризовалась она: «Полное отсутствие оригинальности, творческая несамостоятельность».

Впрочем, уважим автора, посмотрим, что «пишется» ему в настоящее время. Судя по всему, наиболее волнующая его тема – тема любви, это видно из многих стихов, таких, как «Скажи, о чём ты думаешь», «Нам не встретиться более», «О, как ты страстна, как ты страстна!», «Верность», «Ты говорила, нет любви». Чтобы понять, на каком художественном уровне сделан любовный цикл, приведём одно, самое короткое стихотворение, которое не хуже и не лучше других:

Ты говорила, нет любви,
Есть только глупость и привычка.
И как там сердцем ни криви –
К любому сердцу есть отмычка.
Ах, как была ты не права!
Ничьё ты сердце не открыла –
Твои жестокие слова
Тебе же за меня отмстили.

Приходится гадать: в чём суть этой путаной мысли? Чем отомстил девушке её, по меньшей мере, своеобразный взгляд на любовь? Если не найдена отмычка к сердцу лирического героя, то почему он считает, что он отомщён? Что даёт ему повод злорадствовать?

Другие стихи цикла логически более здравы, однако мысли их не идут дальше таких «открытий», как то, что *«ты, как гулкое эхо, прокатилась и нет»*, и что *«снова один я, и снова один, один и люблю и тоскую»*, что *«благодарю тебя за этот дым густой… табачный, едкий»* (ночью в комнате до синевы накурено, за что же благодарить?).

Прочтём ещё одно стихотворение:

В пыли цветок лежит завялый,
Как будто крови сгусток алый,
А по нему – людей подошвы!
И я кричу им: «Люди, что ж вы
Глухими ли, слепыми стали?
Вы чьё-то сердце растоптали!»

Горькую усмешку вызывают эти надуманные строчки, в которых ложность чувства и наивность содержания слиты воедино. Осень, земля усыпана опавшей листвой, все ступают по ней, а поэт негодует, упрекает прохожих в бессердечности (он-то, вероятно, по воздуху летает!).

Хочется от души посоветовать В. Петрашу: дорогой товарищ, оставьте вы на время писание подобных стихов, возьмите лучше томик Пушкина, найдите там жемчужины поэзии «Я вас любил. Любовь ещё, быть может» – и в них вы откроете как раз то, о чём пытаетесь косноязычно и по-ученически беспомощно сочинять. Лучше всяких критиков, точным словом выразили вы свои творческие муки: *«да вот беда – стихи-то пишутся»*…

Юргинский автор Павел Бессонов предложил вниманию редакции два стихотворения – о Вьетнаме и «Новый дом». Искренность их несомненна. Первое навеяно воспоминаниями о Великой Отечественной войне, о том, как наши *«матери бились в безутешных рыданьях у холмиков свежей земли»*. Родственное многим советским людям чувство переполняет душу молодого стихотворца:

Сквозь газетные строки
я вижу багровое пламя.
Словно сдвинулось время,
вчерашнее вновь ожило…

Потому мне и близкими
стали посёлки Вьетнама,
Как горящее в памяти
вечно России родное село.

У стихотворения широкое дыхание, в простых, непритязательных словах – боль, печаль и тревога за будущее, а всё стихотворение согрето светом патриотизма и интернациональной солидарности с многострадальным вьетнамским народом.

В «Новом доме» автор пытается опоэтизировать будничный, на первый взгляд, труд строителей: *«Помнят стены весёлых штукатуров–девчат. Расцветают обои, словно луг у реки, и слепят аж до боли белизной потолки… А на окнах открытых вместо тюлевых штор – ливнем тёплым омытый неба синий простор»*. Последний образ – хорошая поэтическая находка, свидетельствующая о стремлении автора отображать мир по-своему.

Павел Бессонов совершенно правильно ориентируется в своей работе на темы, представляющие общественный интерес. Правда, он ещё не умеет по-настоящему, добротно отделывать свои стихи, иногда ему изменяет художественный вкус, и появляются на его рабочем «верстаке» негодные детали-строчки вроде вот этих: «Целиною цветастой разостлались полы» (нет слова «цветастый», есть «цветистый», т. е. разноцветный, пёстрый, да и сравнение пола с целиной натянутое); *«будьте счастливы, дети этих новых домов!»* (подразумеваются дети, которые будут жить в новом доме, но само выражение «дети домов» очень неловкое).

Где-то ещё на самых дальних подступах к серьёзной, осмысленной литературной работе блуждает пока тисульский автор Георгий Афанасьев. Начинать ему надо, как говорится, с азов стихосложения: с освоения стихотворного ритма, который то и дело сбивается с одного такта на другой. В подборе рифм автор более чуток, хотя и тут он проявляет некоторую музыкальную глухоту, считая, например, созвучными такие слова, как *у входа – строго, всеми – имении, грот – стихов, близко – молиться* и т. п. Однако техника стиха – это не самое главное, чем предстоит овладеть Георгию Афанасьеву. В первую очередь, ему следует заняться изучением русского языка, правил грамматики. Нельзя работать уверенно и смело, если из-под пера выходят такие, скажем, речевые обороты:

На страну иную, пусть и краше,
С южным солнцем, пышной и цветущей, –
Не сменяю я Отчизны нашей
На заморские сады и кущи.

Увлёкся автор построением строфы, рифмовкой и упустил из виду самое существенное: грамотность. Фраза должна звучать иначе: *«На страну иную… пышную и цветущую»*.

Немного грамотнее стихи новокузнечанина Николая Никифорова, но и у него встречаются словесные неточности: *«ожила»* (с ударением на первом слоге), *«в груди забилось сердце вдруг и жарче стала кровь»* (как будто до этой минуты сердце не билось; сильнее забилось – другое дело).

Не хотелось бы делать упрёк в недостаточном знании родного языка Вл. Пилюгину (г. Белово), автору, безусловно, способному, имеющему в своём творческом багаже некоторые ценности, но и ему полезно почаще заглядывать в словари, чтобы не случались вот такие казусы:

День – ни к чёрту! Выжимает
Тучи мокрые он ветром.
Всё бросает и бросает
Их, отжавшие, в корыто.

Ветер, выжимающий, как из белья, воду из туч – хороший образ, недаром автор, радуясь находке, завершает стихотворение тем же образом, чтобы привлечь к нему внимание читателя: «Ветер тучи выжимает – Дождь по гулким крышам бьёт». А как быть со словом «отжавшие»?

Пусть не считают молодые авторы, что рецензенты придираются к ним, указывая на незначительные, вроде бы частные погрешности. Вспомним высказывание Белинского: «Поэзия есть искусство, художество, изящная форма истинных идей и верных (а не фальшивых) ощущений; поэтому часто одно слово, одно неточное выражение портит всё поэтическое произведение, разрушая целость впечатления».

Выше мы сетовали, что никто из молодых авторов, приславших свои стихи в редакцию, к сожалению, не вдохновился сейчас, в осеннюю пору, темой героического труда земледельцев. Недостаток в разработке этой достойной самого пристального внимания темы в какой-то степени мы хотим восполнить тем, что приведём в заключение обзора небольшое стихотворение Вл. Пилюгина «Парное молоко», в котором хотя и косвенно, а отдаётся дань уважения к людям села:

Я молоко парное пил из кринки.
И запах молока был так знаком мне –
Так могут пахнуть только хлеб и солнце
И ягоду державшие ладони.

И от него, как будто от тропинки,
Оттаявшей весною, шло тепло.
…Я молоко парное пил из кринки.

М. Александров*. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 28 сентября. – С. 3.

---

* *– Псевдоним М. Небогатова, под которым газета иногда давала его статьи и стихи* (Примечание Н. Инякиной).

ПРИОБРЕТЕНИЯ И ПОТЕРИ…

Среди стихов, полученных редакцией в последнее время, наибольший интерес представляют лирические стихотворения юргинца **Виталия Веретенникова**. Следует, правда, оговориться, что хорошо обработанных, готовых к печати произведений нет и у него, но, тем не менее, они интересны стремлением автора не просто говорить в рифму по тому или иному поводу, а создавать поэтические образы, что, как известно, является главной задачей всякого художника.

Путь творческих поисков не бывает лёгким и простым, не всегда он вознаграждается счастливыми открытиями, и всё-таки это единственно верный путь, своего рода «стартовая площадка» для достижения возможных вершин «незнаемого» (вспомним Маяковского: «Поэзия – вся! – езда в незнаемое!»). Не каждый взлёт оказывается удачным, иногда не срабатывает какая-то «ступень» авторского умения, однако, это не должно обескураживать и вынуждать отказываться от новых поисков.

У В. Веретенникова в образном мире много ещё случайного, неестественного, плохо продуманного, но встречаются и находки, которые не могут не порадовать. Лучшим в подборке кажется стихотворение, посвящённое памяти безвременно ушедшего от нас молодого кузбасского поэта Анатолия Саулова, автора книги стихов с весёлым, сочным названием «Земляника». Вот что пишет В. Веретенников:

Когда я прихожу за книгой
В знакомый книжный магазин,
То с полки пахнет земляникой –
Там сборник маленький один.
И мысль о том, что нет поэта,
Ударит в душу, как бичом.
Но греет маленькое лето
Из солнца вынутым лучом.
…Забьётся сердца колокольчик
Тому, живому, в унисон,
И словно от зари осколочек,
Стихи с собою унесём.

Кто читал «Землянику» Анатолия Саулова, наверно, согласится с нами, что впечатление от этой книжки передано автором достойными её образами. Конечно, внимательный читатель заметит, что В. Веретенникову не хватает мастерства, иначе он избежал бы режущей слух тавтологии «за книгой», «книжный», нашёл бы более точное слово, чем «вынутый»; добавим к этому, что в стихотворении есть ещё одна, предпоследняя строфа, которая опущена в виду не совсем грамотного оборота речи: «Мы иногда бываем грубы, но, взор на строчки обратив, у нас невольно дрогнут губы под вешний песенный мотив». Это почти то же, что «проезжая мимо станции, у меня слетела с головы шапка»…

Хочется отметить ещё некоторые образные находки из стихов Веретенникова. «И пашен чёрные страницы листают сталью сошники» (здесь к тому же хороша аллитерация, усиливающая выразительность художественной речи «листают сталью»).

Но иногда поиски приобретают у автора курьёзное выражение, например: «Берёз зубатая расчёска течёт коровьим молоком» (расчёска течёт?), «И гул стоял от комаров, они кусались, как собаки» (преувеличения прямо-таки пародийные). Плохо также, что автор часто удовлетворяется книжными ассоциациями: «Звезда у неба на виске пугливой жилкой трепетала» (стал уже расхожим аналогичный образ: река, как жилка на виске земли); «Сегодня вся природа отелилась на солнце пошибающим телком» (это же чисто есенинское).

У другого автора из Юрги, **Павла Бессонова**, судя по трём присланным стихотворениям, нет особого влечения к созданию необычных образов, отсутствие их компенсируется у него достоверностью деталей и сокровенностью высказываемых мыслей. Вот, например, в какие строчки оформил он свои раздумья о времени:

Время – судья что надо,
Его не отменишь решенье:
Бессмертье – даёт в награду,
Наказывает – забвеньем.
И только по этой причине
Уходят на свалку истории
Раздутые величины,
Нежизненные теории.
Историей круто проверено,
А время дало приговор:
Бессмертны идеи Ленина
И зримо их торжество.

Технически строчки сделаны не очень крепко, однако, не возникает ни малейшего сомнения, что родились они в результате твёрдых убеждений автора.

Совсем иные – лирические интонации слышим мы в стихотворении Павла Бессонова об осенней, опавшей листве. «Люди листья жгут, краса земная превращается в летучий, чёрный прах». Многие любители природы увидят в первых строчках то, о чём не раз думалось и им, вернее – то, что задевало и их чувства. Да, слетевшую с деревьев золотую, багряную, оранжевую красу осенней природы в городах, как правило, сгребают в радужные вороха и спокойно сжигают, и с практической точки зрения это, видимо, правильно – незачем засорять городские улицы; но поэтический взгляд на мир часто в непримиримом разладе с житейским практицизмом, и вот появляется искреннее стихотворение, далёкое от какого-либо протеста или возмущения, но всё же не оставляющее нас равнодушными. «Ветер соберёт золу в охапку, унесёт, развеет – и тогда вся земля, поёживаясь зябко, будет ждать покорно холода. Я не знаю, есть ли польза в этом – ведь в тайге, укрывшись с головой, будет спать земля, тепло одета снегом и опавшею листвой». Лишний раз убеждаешься, как безграничны средства воздействия поэтического слова на читательское сердце – это и прямое публицистическое высказывание, и запоминающийся, оригинальный образ, и просто, как в данном случае, точно и тонко переданное душевное настроение.

Очень часто какое-то из этих качеств (а то и все вместе) лишь угадывается, как робкий намёк, о котором ничего определённого сказать почти невозможно. В большинстве своём такими бывают самые первые стихи, даже и не стихи, а добросовестные, старательные стихотворные упражнения. Семнадцатилетняя кемеровчанка **Лиза Р.** (она просит не называть её фамилию) впервые решилась обратиться в редакцию со своими стихами–первенцами. Девушку буквально захлёстывают разнообразные чувства, но выражать их она совершенно не умеет – в её стихах нет ни ритмической стройности, ни «звучных подруг вдохновенного досуга» – рифм. Однако есть в её начинаниях что-то, безусловно, обнадёживающее:

Я забываю…
Но временами
Я вспоминаю далёкий край,
Где, словно осень золотая,
Оставила для нас печаль.
Оставила печаль – не побоялась,
Что от печали отойдёт любовь.
Оставила и будто растаяла,
И нет ничего, как вновь,
И не было будто веселья,
И не было будто слёз,
Как будто сон –
А сон ведь одно мгновенье –
Прошёл и уже не вернёшь.

Не будем останавливаться на многих недостатках этих ученических строчек, постараемся уловить в словах трогательного девического монолога живую душу – и если нам дано понимать поэзию, мы непременно ощутим здесь её лёгкое дыхание.

Небольшую подборку своих стихотворений Лиза Р. сопроводила таким же небольшим по объёму, но ёмким по сути письмом. Процитируем некоторые места из него: «Вот читаешь стихи, и перед тобой открывается большой и прекрасный мир. Стихи сейчас для меня – самый мой лучший друг… Есть у меня мечта – самая заветная, самая большая – написать замечательный стих, чтобы его можно было бы читать не только себе (как я это сейчас делаю), но и другим». Ну, что ж. Хорошая мечта. Она со временем может осуществиться. Кроме большой любви к поэзии, есть у Лизы Р. готовность к серьёзной литературной учёбе и работе.

В стихотворной практике можно столкнуться со многими трудными случаями, и один из них – это элементарная неграмотность, незнание родного языка, его законов, правил в странном сочетании с каким-то чуть ли не интуитивным чувством стихотворной ритмики и рифмовки. Не всем даётся от природы верное чутьё и музыка стиха, этим надо, разумеется, дорожить, однако самое главное в поэтическом труде – чувство языка. Если оно в какой-то мере отсутствует, то и десятилетки мало, чтобы приобрести его. Перед нами несколько стихотворений **Станислава Станкевича** из Шерегеша. В ритмическом отношении его строчки почти безупречны. Вот строфа, взятая наугад:

Мне сегодня не спится,
Я стою у окна.
Жду, когда разгорится
Золотая заря.

Примечательно, что автор пользуется разными ритмами, и этот факт говорит сам за себя – значит, усвоены они не механически, а в известной степени творчески: «Утром встречу зорьку. Шапку набекрень. Ухвачу, ох, в охапку снежную метель»; «Распахнулась заря, расцветая; и парные плеснула лучи. Потекли облака, протирая небосвод золотой до сини»; «Расцветает верба над рекою, наклонилась к зеркалу воды. Посидим сегодня мы с тобою до рожденья утренней зари» (орфография – авторская).

Разве не складно и не ладно звучат эти строчки? И всё равно несостоятельность их очевидна. Автор рифмует «лучи» и «до сини», но беда не в приблизительном созвучии, а в том, что второе слово он произносит – и пишет! – с неправильным ударением на последнем слоге. Смотрите, какими словесными шалостями оборачивается работа автора, который глух к языку: «Мы откроем окна на распашку под лучами модницы-луны. И покажет небо нам рубашку (!?) у Большой медведицы звезды»; «Я в зарю тихонько обернуся и лицо вспотевшее утру»; «Не надо мне, заря, дневного жару, лучше разожгу в огонь себя»… Совет С. Станкевичу напрашивается один: непременно займитесь изучением «великого, могучего, правдивого и свободного русского языка» (Тургенев), иначе все ваши благие намерения в сочинении стихов не подвинутся дальше их внешнего благозвучия.

Кому-то может показаться, что малограмотность – самое худшее для пишущего или пробующего писать. Это не совсем так. С. Станкевич сумеет преодолеть этот барьер и научится когда-нибудь писать неплохие стихи. Гораздо хуже, когда автор и языковых погрешностей не допускает, и техникой стихосложения владеет, и даже умеет к месту использовать тот или иной поэтический приём, но при всём при этом не творит, а, как по сапожной колодке, по готовым, часто не лучшим литературным образцам ловко сколачивает, сбивает свои стихи, в которых всё от первой до последней строчки – деревянное, неживое.

Мы не знаем других стихов кемеровчанина **Г. Семёнова** и, естественно, не можем судить о его творчестве в целом, но то, что он счёл нужным предложить редакции, наводит на грустные размышления. Г. Семёнов написал текст песни о комсомольцах и хотел бы, чтобы он, этот текст, стал основой для музыки. Только неразборчивый или неопытный композитор возьмётся писать мелодию на такие слова: «День за днём мы становимся старше, год за годом уходим вперёд. И нелёгкой дорогою нашей комсомольская юность идёт». Припев тоже ничуть не оригинальней: «Комсомольцы, комсомольцы – беспокойное племя людей, комсомольцы двадцатого года, комсомольцы сегодняшних дней». Всё правильно, всё бесспорно и всё на удивление шаблонно. Право же, наш комсомол достоин более вдохновенных и более сердечных слов о нём.

Не у третьесортных создателей скороспелых текстов надо учиться, а у настоящих поэтов, у таких, как Михаил Исаковский, чьими песнями и без музыки мы восхищаемся, как образцами поэтического творчества. Всё, что предлагается читателю, слушателю – и лирическое раздумье, и пейзажная зарисовка, и политический памфлет, и песенное слово гражданского звучания, всё должно быть согрето горячим сердцем творца, поэта. Вспомним: «И песня и стих – это бомба и знамя!»

М. Небогатов. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 2 ноября. – С. 2.

*** *** ***

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1:

Прислушайтесь, молодые авторы!

ВОЗРОДИТЬ БЫ „ЛИТСРЕДЫ“...

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ работу литературной группы? Я не собираюсь давать какие-либо рецепты, да вряд ли они и нужны, потому что творческое дело требует большого простора, его нельзя ограничивать какими-то рамками. Мне просто хочется рассказать о кемеровских литературных «средах», которые в свое время сыграли добрую роль в формировании творческого облика начинающих авторов, в числе которых были ставшие ныне известными кузбасские поэты и прозаики...

Это было почти двадцать лет назад. Только что кончилась Отечественная война, на которой довелось побывать и мне. Вернувшись в родной город, я стал разыскивать своих старых друзей, с кем еще на школьной скамье вел жаркие споры о поэзии. В кармане моей шинели сиротливо лежала об'емистая тетрадка стихов.

Стихи пишем мы не для того, что бы носить их в карманах или хранить в ящике стола. Не удивительно, что вскоре я оказался в редакции газеты «Кузбасс». Тем более, что в ту пору в газете стали появляться об'явления о проведении «литсред». В номерах были сведения о теме занятий на предстоящей «среде» и довольно подробные отчеты о прошедшей. На огонек «сред» приходили молодые литераторы. В иной вечер собиралось до тридцати человек. Правда, некоторые приходили из любопытства: о чем, мол, там толкуют, чем занимаются?

Строгость и нелицеприятие были характерной чертой наших «сред», и это определяло основной состав их участников: на занятия литгруппы со временем стали приходить только те, кто работал очень серьезно, не надеясь ни на какую снисходительность и поблажку. Никто не читал нам лекций о рифме, образе, метафоре, — обо всем этом мы уже знали сами. А если бы не знали, не было бы смысла и собираться: человеку, не разбирающемуся в азах поэзии, выносить свои опусы на суд коллектива — значит отрывать у него драгоценное время. До сих пор я убежден, что судьбу того или иного литератора во многом решает самостоятельная учеба. Нельзя надеяться, что кто-то когда-то откроет тебе глаза на суть поэзии или прозы, надо и самому изо дня в день учиться.

Наша «среда» была рассчитана не на «дошкольников», а на людей, работающих в литературе на уровне, близком к профессиональному. И все-таки, разумеется, мы учились. Появилась, допустим, в «Литературной газете» в порядке дискуссии проблемная статья известного писателя или критика — мы внимательно прочитывали ее на одной из «сред», коллективно обсуждали, спорили. А в споре, как известно, рождается истина. Это и было для нас в какой-то степени литературной учебой.

Следует подчеркнуть, что «среды» проводились не время от времени, а регулярно — на протяжении нескольких лет.

По пятницам собирались молодые литераторы и в «Комсомольце Кузбасса». Жизнь этой литгруппы была не менее интересной.

Не все литкружковцы стали профессиональными писателями. Кто-то бросил писать потому, что не обнаружил у себя таланта, у кого-то даже при наличии способностей просто не хватило терпения и настойчивости продолжать этот нелегкий труд. Но зато как радостно сознавать, что отдельные маленькие ручейки, начавшие свой разбег на кемеровских литературных «средах», все же не иссякли, а несут сегодня свой поток в необозримое море советской литературы.

Какие же практические советы мне хотелось бы дать в этой статье в связи с рассказанным? Попробую сформулировать их.

Если у вас, пишущие, есть стремление создать литгруппу, не ищите руководителя обязательно с именем, а возглавьте это дело сами, опираясь на своих товарищей по перу. Не гонитесь за количеством членов созданной литгруппы (пусть в ней сначала будет пять-шесть человек, но настоящему любящих литературу и отдающих ей все свои силы). Пусть занятия проходят без перебоев, скажем, один раз в две недели, но чтобы на каждом из них обсуждались новые произведения. Приходите в редакции газет, договаривайтесь о времени сборов; и газеты непременно будут рассказывать читателям о работе вашей литгруппы и публиковать рекомендованные ею стихи, рассказы, очерки, зарисовки.

Как можно строже относитесь друг к другу, не допускайте никаких скидок на молодость или неопытность, критикуйте то, что заслуживает критики, невзирая на лица.

Что касается литературной учебы, то понимать ее надо шире, чем обычно принято. Настоящий писатель учится весь свой век — у жизни, у классиков, у более опытных мастеров. Если же есть возможность пригласить специалиста прочесть лекцию на ту или иную тему, связанную с писательским трудом, надо это использовать.

А самый главный совет — пишите ежедневно, пусть у вас не будет ни дня без строчки!

Человек обогащается духовно от человека, и в этом отношении значение литгрупп трудно переоценить. Вспомним, что писал Чехов Горькому в 1899 году:

«Естественное состояние литератора — это всегда держаться близко к литературным сферам, жить возле пишущих, дышать литературой... Бранитесь с литераторами, не признавайте их, половину из них презирайте, но живите с ними».

К этим словам можно добавить только то, что в наше время — время построения коммунизма — литераторы живут дружно, потому что у них одна цель, один путь.

М. НЕБОГАТОВ,
член Союза писателей.

КОМСОМОЛЕЦ КУЗБАССА
3 стр.
26 января 1964 г.

КОГДА ЯЗЫК ТВОЙ...

Обзор стихов

Большую подборку — более десяти стихотворений — прислал из Мариинска Виталий Веретенников. В сопроводительном письме он сообщает о себе: «Писать я начал лет 10—12 назад. Некоторые стихи печатаются в мариинской районной газете «Вперед». В 1963 году был участником областного семинара начинающих поэтов и прозаиков... Работаю преподавателем в сельском профтехучилище».

Общее впечатление от стихов В. Веретенникова приятное. Мне хочется, чтобы и читатель сразу же настроился на волну этого впечатления, прочитав, скажем, пейзажное стихотворение «Лето»:

Круглятся сосны куполами пагод.
И я один в просвистанном лесу.
И берестяный полный туес ягод
Торжественно и медленно несу.
А под лучами солнца проживулен,
И тени листьев, словно пятаки,
Легли на землю — мягкую, живую,
И попадают мне под каблуки.
Иду, иду по кругленьким монетам,
И радостно пружинит на руке
Пахучее и ласковое лето,
Что уместилось в малом туеске.
От зимних вьюг я тем себя спасаю
И зиму так легко переношу,
Что по кусочку лето запасаю
И в берестяном туесе ношу.

Не все здесь безупречно (встречаются словесные погрешности, лишним кажется последнее четверостишие), но многое вызывает симпатию — и спокойная, некрикливая речевая манера, и уместное использование простонародного слова «проживулен» — от выражения «прошить на живульку», — и хороший, емкий образ лета, уместившегося в туеске.

В. Веретенников не отдает предпочтение какой-то одной излюбленной теме, круг его интересов и привязанностей широк — воспоминания о детстве переходят в раздумья об освоении Вселенной; стихи, посвященные преемственности поколений, перемежаются со стихами о рабочих бригадах, о сельской жизни, о любви к родному Кузнецкому краю. Кое-что молодому поэту удается сказать по-своему оригинально, особенно в лирических стихах. Некоторые стихи читать просто скучно—в тех случаях, когда в них звучат гражданские мотивы, но при этом автор не открывает ничего нового, а просто зарифмовывает прописные газетные истины. Но самое главное, что бросается в глаза при чтении подборки, это то, что нет в ней почти ни одного, даже маленького стихотворения, по-настоящему, со вкусом отделанного, отшлифованного, что называется, без сучка, без задоринки.

Вот, например, двенадцатистрочное стихотворение «Зажигалка». Эту немудрящую вещицу для курева смастерил из гильзы бывалый солдат. Поэтическое зернышко здесь — в двух строчках, из которых видно, насколько хороша, красива была сделанная солдатом простая, но необходимая принадлежность того, кто любит подымить: «И даже неприступный ротный от зажигалки прикурил». Тут бы и поставить точку, но дальше приписана еще одна, заключительная строфа: «Она (зажигалка) нужна, нужна была когда-то, как для атаки, мужества под'ем. И до сих пор тепло от рук солдата хранит на теле бронзовом своем». Эти четыре строчки неудачны по двум причинам: во-первых, тепло рук, оставляемое людьми на сделанных ими вещах,— не новый образ, от частого употребления давно потерявший свою поэтическую прелесть, во-вторых, ужасно режет слух слово «под'ем». Своим появлением в строке, в сочетании со словами «атаки, мужества», оно обязано, по всей вероятности, только рифме «своем».

Для стихотворений «Лето» и «Зажигалка» характерно, что концовки их явно лишние. В связи с этим вспоминается любопытный метод редакторской работы Эдуарда Багрицкого. Часто он, прежде чем прочитать стихотворение молодого, неопытного поэта, перечеркивал карандашом две строфы — первую и последнюю, мотивируя это тем, что заранее знает: «в первой строфе вы только раскачивались, входили в тему... А когда вы кончили стихотворение, вам наверняка показалось, что вы еще не все сказали, и вы стали повторять то, что уже и так ясно из всего контекста».

Над этим стоит задуматься многим начинающим. Настоящий, требовательный к себе поэт — одновременно и творец, и редактор. С первых шагов на литературном поприще надо приучаться смотреть на свои произведения как бы со стороны, глазами строгого, придирчивого редактора.

Говоря о недоработанности стихов В. Веретенникова, следует прежде всего отметить, что у него то и дело притупляется языковое чутье, и в результате под руку подвертывается какое-то неточное, а то и просто чужеродное в данном контексте слово, которое портит все стихотворение. Вот еще несколько примеров.

«И шли солдат, крестьянин и подпольщик, собою пули задерживали медь». Любому школьнику известно, что пули делаются из свинца, но поэту очень хотелось найти хорошее, неглагольное созвучие для слова «звенеть», и он, не избежав соблазна, написал «медь». Да и не только рифмы бывают у него причиной таких вот ошибок, а зачастую и непродуманность, легковесное отношение к языку. Читаем: «Рождалось счастье, спавшее века». Родиться может то, чего не было. А если о счастье говорится образно, что оно спало, то, стало быть, оно уже существовало.

Хорошее, теплое чувство рождается при чтении стихотворения о детстве. Днем мальчуган вместе с матерью работал на пашне, «за повод чалую водил». Весь день он в душе считал, наверно, себя большим, потому что старался изо всех сил, по-мужицки. «А вечером был снова на речке, и детство, как ни странно, возвращалось. Оно со мной и днем-то не прощалось, а лишь дремало где-то в уголке». Про эту, обобщающую, все строфу не скажешь, что она необязательная, лишняя; наоборот, без нее стихотворение лишилось бы необходимого аккорда. Зато каким диссонансом в грустноватую музыку слов врывается (опять, пожалуй, из-за рифмы) совершенно непродуманная строка «И все боялся оборват...

НЕ РИФМЫ РОЖДАЮТ ПОЭТА

Обзор стихов

Кончилось каникулярное и отпускное время, и снова увеличился приток рукописей в редакцию. Как всегда, преобладающий жанр в творчестве начинающих авторов — стихи. О стихах мы и поговорим в этом обзоре.

Всякий поэт — и малоопытный, и зрелый — интересен тогда, когда он оригинален, когда у него свое отношение к окружающему миру, к людям, природе, ко всем явлениям и предметам. Самобытность молодого поэта легко обнаружить в самых первых опытах: строчки могут быть корявыми, неуклюжими, но этот пробел искупается свежей подачей мысли, неожиданным поворотом темы. К сожалению, чаще бывает наоборот: внешне технически стихи гладки, однако нет в них и намека на самостоятельную мысль или образ, на открытие чего-то нового. А между тем умение благополучно рифмовать — это не самое главное (рифмовать умеют, как известно, и кибернетические машины). Надо прежде всего научиться серьезно мыслить. Но именно бедность, а то и примитивность поэтического мышления мешает многим начинающим поэтам писать интересные стихи.

Вот, например, стихотворение «Восемнадцатилетие» А. Ашихмина (г. Новокузнецк). Тема, как видим из заголовка, вечная, и тот, кто обращается к ней, обязательно должен открыть что-то новое, свое — ведь о юности писали тысячи поэтов, и поэтому тут большой риск повториться. Но А. Ашихмин, судя по всему, не заботился об этом, он ограничился сообщением общеизвестных истин: «мы в десять очень наивны — по лужам гуляем в ливни»; «и вот нам в шестнадцать не спится, и хочется нам влюбиться»; «семнадцатый год боится казаться мальчишкой безусым»; «девчонка оденет бусы и губы слегка подкрасит... Ей хочется петь и смеяться — сегодня ей восемнадцать!». Все это, конечно, так, но стоило ли мучиться над рифмами, чтобы просто перечислить особенности разных возрастов. Другое дело, если бы автор остановил свое внимание на каком-то конкретном юноше или девушке, которые чем-то взволновали его, и сказал о них то, чего не знаем мы. Это было бы пусть маленьким, но все-таки открытием.

Когда нечего сказать самому, автор оказывается в плену сказанного другими — и в результате налицо повторение чужих мотивов и образов. Р. Чигракова (п. Темир-Тау) в стихотворении «Прощание с летом» пишет: «Грустя, уходящее лето мне желтою машет листвой». А мне невольно вспоминаются проникновенные строчки замечательного мастера поэзии Павла Дружинина: «Машет лето на прощанье красной веточкой вдали: до свиданья, до свиданья, до свиданья, журавли!» Я не думаю, что эти строчки позаимствованы Р. Чиграковой, но все же хочется напомнить одну истину: чтобы не повторяться, надо много знать, надо быть хорошо знакомым с поэзией.

Три стихотворения из цикла «В Сибири осень» прислал В. Еременко (ст. Яя). Он в поэзии уже не новичок, кое-где печатался, и требования к нему мы обязаны пред'явить строгие. Скажем сразу: видимо, не самые лучшие стихи отобрал автор для нашей газеты. Читаем стихотворение «Шофер». Многословно, вяло и скучно повествуется здесь о том, как идет по полевой дороге грузовик с зерном («и нет для нас дороже груза, чем хлеб, которым жизнь тепла»; «тепла» — не то слово), как водитель рассуждает с пассажиром о приближении осенней распутицы, когда ему опять придется «месить, бога проклиная, ту грязь проселочных дорог»; еще шофер говорит, что он очень любит свою машину, что земная скорость, земные просторы ему дороже космических скоростей и т. д. «Шофер умолк, готовый слушать, спеша в рассвет, где дом родной». Дома, сообщает автор, ждут его «дети и с грустью ласковой жена».

Концы с концами явно не вяжутся. Если машина с зерном, то надо полагать, что шофер ведет ее на элеватор, а не к себе домой. Но в тексте все как раз наоборот: «Спешит в рассвет, где дом родной». Похоже, что автор, дописывая последние строчки, забыл, о чем писал вначале.

Много пишет Д. Шепуров (г. Таштагол). В его стихах встречаются неплохие строчки, которые дают основание надеяться, что, работая вдумчиво и упорно, автор может добиться со временем определенных удач. Возьмем, например, сатирическую зарисовку «Строили»:

Идет по улице прохожий,
Чуть сзади шествует другой,
И от киоска осторожно
Знакомый машет им рукой.
Что дальше? Все вполне понятно.
Не стоит тратить лишних фраз...
Им было очень неприятно
Спать в вытрезвителе в тот раз.

Здесь мы видим авторское умение работать со словом. Можно было расписать сцену попойки, впасть в серый натурализм, но Д. Шепуров счастливо избежал этого — он нашел весьма выразительный ход мысли: в двух последних строчках сказал нам все, что, как говорится, требовалось доказать.

Но вот читаем стихотворение «Если...» того же автора — и какой контраст! Первые же строчки свидетельствуют о том, что художественный вкус у Д. Шепурова очень неустойчив и зыбок: «Не таи от людей ты ни горя, ни радости. Уноси поскорей душу, если в ней гадости». Сама по себе мысль правильна, но как же режет слух строка «душу, если в ней гадости». Прямолинейно, грубо, непоэтично! А дальше — топтание на месте: «Если радость в тебе переполнит края, не носи всю в себе, дай частицу друзьям». Это уже перепевы сказанного вначале. Создается впечатление, что Д. Шепуров даже и не попытался поработать над этим стихотворением.

В заключение хочется сделать существенную оговорку: пусть у тех, кто прочтет этот критический обзор, не создается ошибочное представление, что все присылаемые в редакцию стихотворения безнадежно плохи. Нет, редакция получает от молодых авторов и такие стихи, которые написаны на хорошем литературном уровне. Убедиться в этом можно, прочитав стихи под рубрикой «Голоса молодых».

М. НЕБОГАТОВ.

// Комсомолец Кузбасса. – 1966. – 3 октября.

ОБЗОР СТИХОВ

Весенние голоса

Май можно назвать поистине месяцем праздников. Если допустить, что когда-нибудь будет учрежден День поэта, то наверняка праздновать его станут тоже в мае. Так и кажется, что между пробуждением природы и появлением хороших стихов в это время есть какая-то внутренняя связь, во всяком случае, пишется весной куда вдохновенней, чем, скажем, в дождливые осенние пасмурные дни. Это подтверждается стихами многих авторов, присланных в эти дни в редакцию.

Я с детства знал: закаты
расцветают.
Но люди, в даль уставшие
смотреть,
Сказали мне: «Закаты
умирают».
И я пошел взглянуть
на эту смерть.

Так начинается стихотворение кемеровчанина А. Дехина «Закаты». Пусть не смущает вас резкой контрастностью жутковатое слово «смерть», прозвучавшее в этом цветущем, солнечном мире. Стихотворение как раз о другом — о солнце, о жизни, о вечном ее движении.

Стихотворение написано не равнодушной рукой, это продиктовано сильным чувством, которое в свою очередь помогло найти закономерно вытекающее из текста поэтическое обобщение:

И все восходы и закаты
зная,
Я верю: жизнь вовек
не отцветет.
Кто говорит: закаты
умирают?
Закаты превращаются
в восход!

В унисон с раздумьями этого автора звучат строки стихотворения «Страницы весны», присланного из поселка Тисуль Георгием Афанасьевым. Не в первый раз, конечно, любуется автор ледоходом, но уж так устроен человек, что пробуждение природы снова и снова волнует его. Поэт волнуется, видя, как «шумят потоки, пеной покрываясь», как они «бросают, крутят бревна, как поленья, зиму сметая на своем пути». Вместе с природой ликует победно человек, и самые добрые желания и мечты возвышают его душу, и рождаются в ней простые, но взволнованные слова: **«Идет весна! Сильней звени, пуга! Чтоб, отдавая прямостью черемух, водою, захлебнулися луга. Чтоб наши реки в праздничном веселье от собственной могучей полноты несли туда, где ждут, как новоселья, огромные сосновые плоты. Чтобы росли в полях густые травы, журчал ручей кристальной чистоты, чтоб вся земля имела вечно право на песню, на любовь и на цветы!»**

Думами о земле проникнуты стихи В. Осенина, живущего в Ленинске-Кузнецком. Грустными, минорными нотками начинается одно из стихотворений: **«Я нигде не останусь — ни в траве, ни в избе. Никому не достанусь — ни ей, ни тебе. Только синие звезды будут, словно стрижи, падать в горькие росы, гаснуть в зреющей ржи. Будут таять туманы там, где куст, как колдун, хищно в ветки - капканы ловит тысячи лун...»** Перекликается с ним по настроению и другое стихотворение. **«Я все забросил — мечту и быль. Уходит в прошлое степной ковыль, уходит в небо ночная мгла... Я был иль не был? Скажи, земля. Скажите, вербы, я здесь стоял? Подснежник первый сорвал и смял?»** Но весна есть весна, она властно вторгается в мир чувств и незаметно для поэта меняет их настрой: вот уж из-под пера выходят строчки, полные широкого звучания: **«Но становится чище на душе с каждым днем, выметают все лишнее закаты огнем, и уходят мальчишки за родимый порог, как и мы, себя ищут на спиралях дорог».** Это сама весна зовет в свои привольные просторы, зовет в путь по неизведанным дорогам, обещая новые встречи.

Некоторые стихи покоряют своей искренностью. Вот рукопись, присланная из Анжеро-Судженска ученицей десятого класса Валей Волошиной. Ее стихотворения заслуживают серьезного внимания. Чувствуется, Валя очень любит природу, все времена года волнуют ее и находят отражение в поэтических образах. И все-таки самые удачные — весенние стихи.

Не дари мне янтарных
сережек
И коралловых бус не
дари.
Мне цветы полевые
дороже
И разливы вечерней зари.
Принеси мне на бусы
дождинки,
Для сережек достань
мне звезду,
А для розовых лент
в корзинку
Ярких молний сорви
мне в грозу.

Поэзия тут, как говорится, стопроцентная. Безусловно, так мог написать способный человек. В этом убеждает другое стихотворение — «Звездная песня».

Я сегодня спать не буду.
Буду ждать я звезд
восход.
После вечера, как чудо,
Ночь волшебница придет.
В лунном платье
и с цветами,
А едва рукой взмахнет —
Небо темно-синим станет,
Звезды яркие зажжет.
Буду слушать я их
пенье,
Их хрустальный перезвон,
Их кипенье, их свеченье
И скольженье под уклон.
Все как в сказке:
свет и тени,
Ночь прозрачна и нема.
И мне кажется в
забвенье:
Я — волшебница сама.

Читатель, наверно, уже заметил, что в этом обзоре совершенно отсутствуют критические замечания. Может быть, все упомянутые стихи безупречны? Нет, конечно. Отдельные недостатки, особенно в техническом исполнении, встречаются, и сожалению, у каждого автора, однако, то, что они предложили редакции на этот раз, отличает, как я уже говорил, большая искренность, а это очень важное качество, ради которого можно простить частные погрешности.

М. НЕБОГАТОВ.

// Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 30 мая.

ФАКУЛЬТЕТ МОЛОДОГО ЛИТЕРАТОРА

«ИМЕЮ ЛИ Я ПРАВО…»

Нет, наверно, человека, который бы в молодости не писал стихов. Посмотрите на влюблённых, говорил Горький, все они в душе поэты. Перефразируя великого пролетарского писателя, можно сказать: посмотрите на поэтов, все они влюблённые. Не может стать поэтом равнодушный человек, не существует поэзии без вдохновения, чей источник – всегда любовь – к людям, к жизни, к природе, к избранной профессии.

По рукописям, которые получает редакция, нетрудно понять, что большинство авторов берётся за перо именно из любви к поэзии, именно из бескорыстного желания выразить свои чувства. К сожалению, попадается немало и таких стихов, которые не назовёшь иначе, как детской забавой, игрой в поэзию. Кемеровчанин Анатолий Романов, к примеру, предложил целую подборку подобных вещиц. Похоже, что рифмачество стало для автора своего рода наваждением – по любому поводу он высказывается только при помощи созвучий. Прошла мимо девушка – «и уж от этого поступка (?) не мог никак я промолчать и лишь невнятно ей: «Голубка», – успел вдогонку прокричать». А вот стихи под названием «Заявление»: «Дружочек мой, я вас прошу принять меня к вам на работу, разделить мою душу и заботу властным, добрым словом средь невзгод в вашем обществе новом в этот год». Так же запросто, как с этим дружочком, разговаривает в рифму молодой стихотворец и с Сергеем Есениным:

Ты стой на Тверском бульваре,
Стой – молчи.
Я буду мечтать о могучем даре
И хлебать харчи.
А, если не будешь стоять – молчать,
Поэзией заглушу.
И долго придётся тебе роптать,
Себя ругая в душу.

Иначе говоря, «молчи, скрывайся и таи и чувства и мечты свои», а не то вот нахлебается Анатолий Романов харчей, наберётся силёнок и так оглушит тебя своей рифмованной белибердой – света белого не взвидишь…

Случай почти анекдотический, написанные вполне серьёзно стихи Романова так и просятся в сатирический раздел «Рожки да ножки», однако отмахиваться от них нельзя, потому что за ними – живой человек, который сам, видимо, не в состоянии понять, что его игра в поэзию совершенно бесплодна. Не такое уж простое это дело – решить для себя вопрос: а имею ли я достаточно оснований для творчества?

«Хочу знать ваше мнение, – обращается в редакцию Юрий Махнев (тоже кемеровчанин): – стоит ли мне писать или же лучше не портить бумаги. Это, пожалуй, последнее моё «произведение». Я его посвятил моим сверстникам: геологам, строителям ЛЭП и др.».

Да, судя по произведению, которое сам автор взял в кавычки, тут немало поводов для сомнений. Познакомимся с первой строфой:

Тайга. Мороз. Болото.
Ребята уходят в поход.
У них осталась одна забота –
Трассу тянуть только вперёд.

Сразу же бросается в глаза ряд неточностей. Лишним кажется слово «осталась», но коль скоро оно здесь появилось, то напрашивается пояснение – после чего осталась эта забота? В четвёртой строке – изменяющая суть замысла инверсия: автор хотел сказать, что у ребят только одна забота – трассу тянуть, а словосочетание «только вперёд» невольно заставляет читателя думать, что иногда её «тянут» только назад.

Из начала стихотворения мы узнали, зачем ребята идут в поход, и потому абсолютно необязательным представляется появление очередного четверостишия:

В сапогах хлюпает вода.
Мошкара забилась под накидку.
Зачем они, зачем идут туда?
И тянут за собой стальную нитку?

Читать стихотворение дальше, по правде говоря, нет интереса. Такое впечатление, что и самому автору неинтересно говорить на эту тему, что никакие картины не рисуются в его ленивом воображении, а то, что слова – невыразительные, случайные, всё-таки продолжают вяло ползти по бумаге, объясняется, на наш взгляд, давней привычкой – «посвящать» кому-то стихотворные строчки, на этот раз – лэповцам, которые, видать, не очень-то и вдохновили Ю. Махнева. По существу заданного им вопроса можно ответить так: не гадайте о том, писать вам вообще или бросить, подумайте лучше о другом: есть ли внутренняя необходимость, потребность выражать себя в стихотворной форме? Если есть, то никакая сила не заставит вас бросить перо, ну, а если этой потребности нет, то ради чего садиться за стол…

Некоторые молодые авторы даже в самой постановке творческих вопросов проявляют похвальную серьёзность. Предоставим слово новокузнечанину Александру Кузнецову: «Я люблю поэзию и сам пишу стихи. Написал я вам потому, что хочу понять: имею ли я право писать стихи? А то, возможно, я, не обладая нужными поэту качествами, буду только переводить бумагу и засорять нашу литературу». После таких строк письма надеешься на встречу с неплохими стихами и действительно – вот они:

Кончился дождик недавно,
Только лужи блестят,
Смотришь в них и забавно:
Всё там видать.
Видно дома – как литые,
Камень сереет, пестрит,
Окна большие, большие…
И небо из лужи глядит.
Всё неспокойно, волнуется –
Люди, деревья, кусты.
Своим отраженьем любуются
Даже седые мосты.
То сгорбится мост, то согнётся,
То вытянет спину свою…
Я вижу, как лужа смеётся –
Я тоже в неё смотрю.

По форме стихотворение очень несовершенно, но этот недостаток искупается обаятельной непосредственностью чувства, точностью живых, подсмотренных в жизни, деталей, особенно подкупают этими качествами две последние строчки. В данном случае мы имеем возможность убедиться, как важно для пишущего стихи врождённое свойство – поэтическое мироощущение, которым очень дорожил один из самых тонких русских лириков Сергей Есенин.

«Головным», рассудочным стихам в нашей литературе, как говорится, несть числа, и какая радость увидеть на этом однотонном фоне душевные блёстки даже вот в такой неуклюжей, неумелой форме, как у кемеровского киоскёра Лидии Аксёновой:

Вот возьму я отпуск скоро
И уеду в края малины,
В края ромашки, мяты,
В края, где жила когда-то,
Где всё знакомо и мило:
Деревья, воздух, цветы, речка,
Птицы, песни которых я слушать любила
Прямо с родного крылечка.
Встану утром рано
И на покос пойду.
И буду упрямо,
Не отдыхая, косить траву.
В полдень солнце пригреет.
Косу на грабли сменю…

А потом, когда подойдёт к концу жаркая сенокосная работа, позовёт к себе река:

С разбегу прыгаем в воду.
А вода тёплая, тёплая.
Хоть мы и плаваем не ахти…
В глаза лезут волосы мокрые,
А мы пытаемся наперегонки…

Трудно объяснить, в чём притягательная сила этих, не претендующих ни на какие «глубины» строчек, главное в них – поэтическое мироощущение чувства радостного родства с любимой отчей землёй, с её лугами и речками, с её птицами, цветами и деревьями.

Вот ведь какой парадокс поджидает нас иногда: читаешь иные мастерски, даже виртуозно сделанные стихи и видишь только одну технику, внешнее мастерство, оставаясь совсем равнодушным ко всему, что старается тебе внушить поэт, а на такие вот ученические по исполнению, но проникнутые истинным чувством строчки отзываешься всей душой.

Пусть не поймут нас Лидия Аксёнова и Александр Кузнецов неправильно, в том смысле, будто им так и надо продолжать писать – без определённого ритма, без точных созвучий, как, мол, поёт душа, так и записывай. Нет, конечно. Обоим им предстоит большая, многолетняя работа по освоению всех тонкостей стихосложения, а также по более глубокому и разностороннему отображению действительности. У всякого жанра свои законы, есть они и у стихов, и знать их необходимо.

Надо заботиться и о рифме, и о ритме, и о многих других выразительных элементах стихотворной речи, но с таким расчётом, чтобы на эти «заботы» не растратились все твои душевные силы, вся непосредственность и непринуждённость внутреннего монолога, который так легко льётся в мире чувств и с невероятными трудностями оформляется на чистой странице.

М. Небогатов.

// Комсомолец Кузбасса. – 1969. – 26 февраля. – С. 3.

ЗЕРНО МЫСЛИ…

У писателя–декабриста А. А. Бестужева есть любопытное высказывание: «Если я чего не прощаю людям, которые пишут у нас взапуски, так это недостатка мыслей, даже способности мыслить». Действительно, мало радости тратить время на чтение стихов, которые, как принято выражаться, ничего не говорят ни уму, ни сердцу. К сожалению, такие стихи пишутся и даже печатаются, причём в поразительном изобилии, начинающем цепную реакцию. Иногда человек берётся за перо не потому, что в голове созрела какая-то значительная мысль и кажется необходимым сейчас же, сию минуту закрепить её на бумаге, а

просто потому, что появилось вдруг настроение что-то написать, что именно – ещё и самому неясно. Рождается первая случайная строчка, за ней – вторая, третья, глядишь, и рифмы нашлись неплохие, и ритмика уже заворожила своей музыкой – ну, что ещё надо, полная иллюзия творческой работы. А на поверку – одни слова, слова, слова, иной раз даже не имеющие логической связи. В качестве примера можно привести стихотворение беловского автора Ивана Иванова:

Не проси ты меня, дядя Федя,
Написать золотые слова.
Скоро будет большая победа,
Но… седеет твоя голова.
Знаю, знаю, ты скоро уедешь
На полях собирать урожай,
Оттого и прошу: «Дядя Федя,
Не бросай ты меня, не бросай».

Нет дождей, только суша и суша,
Только хлебная пыль и жара,
Кто придёт меня нынче послушать,
Кто со мной просидит до утра,
Кто ко мне любоваться приедет,
Как кричат на заре петухи?
Я в дорогу тебе, дядя Федя,
Напишу золотые стихи.

Читая это, лишний раз убеждаешься, на одном настроении, на одном чувстве в стихах далеко не уедешь, нужна прежде всего мысль, пусть и не очень глубокая, но ясная, чётко сформулированная, дающая толчок для читательского размышления. В приведённом стихотворении всё настолько запутано, противоречиво, что невозможно уловить: что же хотел сказать автор?

Предположим, что дядя Федя – комбайнёр, скоро он начнёт косовицу хлебов, об окончании которой он думает заранее, как о большой победе, о празднике, и выражает при этом желание, чтобы племянник посвятил осенней золотой страде свои стихи, «золотые слова». Поэт вначале не соглашается («не проси ты меня»), потом вообще уклоняется от темы, обращается с просьбой сам: «не бросай ты меня, не бросай», это надо понимать, как «возьми меня с собой», потому что неразумно отговаривать комбайнёра от предстоящего выезда на поля. Однако следующая строфа наводит на догадку, что «не бросай» мы должны толковать, как «не уезжай», а то, мол, некому будет сидеть со мной до утра и слушать, как кричат петухи. Шут, мол, с ней, с уборкой, лишь бы мне одному не было скучно. Дяде, конечно, странно слушать подобные рассуждения, и тогда капризный племянник перестаёт настаивать на своём и милостиво обещает подарить ему на дорогу «золотые стихи».

Стихотворение можно рассматривать так и этак. Слова «уедешь», «в дорогу» заставляют думать, что дело происходит в городе, а строчка «как кричат на заре петухи» говорит, что место действия – село. «Скоро будет большая победа, но… седеет твоя голова» – это уж совсем ни к селу, ни к городу.

Как видим, стихотворение не выдерживает критики. Так почему же автору оно представляется заслуживающим внимания («прошу вас напечатать это, если оно чего-нибудь стоит»)? А потому, наверно, что внешне тут всё похоже на стихи, и не только внешне – некоторым словосочетаниям, как уже говорилось выше, автор сумел придать интонации живой, взволнованной речи («знаю, знаю», «не бросай ты меня, не бросай»). Но беда в том, что эта взволнованность – результат лишь внезапно нахлынувшего (может быть, от чтения чужих стихов) настроения, которое, оказавшись в его власти, автор не попытался трезво осмыслить.

А вот другой, совершенно противоположный пример рождения стихотворных строчек (цитируем с соблюдением авторской орфографии):

Есть домик который
Стоит у реки.
Потухшие окна
Одни фонари
Мне светят и что-то
Всё хочут сказать.
Как будто чиюту
Мне тайну отдать.

А я всё на окна
Погасши смотрю
И в каждом чиюту
Ищу я судьбу.
А в окнах нет света
Как счастье во мне.
Неужто всё это
Приснилося мне.

Просим извинения у читателей за то, что предлагаем их вниманию эти, далеко не совершенные по форме и малограмотные по изложению стихи, принадлежащие перу семнадцатилетнего автора, кемеровчанина Н. Смирнова. В данном случае нас интересует не форма, а суть, которая, как вы, конечно, заметили сами, заслуживает того, чтобы приглядеться к ней поближе. У каждого из нас в юности был свой заветный дом или домик, в котором жила наша любимая девушка, и как нравилось нам поздними вечерами бродить где-то поблизости, смотреть то на ярко освещённые, то на погасшие окна, и в радости или в печали думать о ней, единственной, угадывать её мысли, чувства, сновидения… И не только окна любимой манили нас в эти минуты своей загадочностью; переполненные любовью, готовые обнять весь мир, мы с доброжелательными чувствами думали о совсем незнакомых людях, которые мирно спят там, за чёрной, поблёскивающей слюдой оконных стёкол… Что ни окно, то своя судьба, свои радости и печали… Вот какие дорогие сердцу ассоциации вызывает лишённое внешнего совершенства, но содержащее не пустую мысль простенькое стихотворение Н. Смирнова. Станет ли он поэтом – покажет время. А пока его первоочередная задача – как можно лучше освоить родной язык, малограмотность так же непростительна, как недостаток мыслей в стихах.

Трудно сказать, какие стихи лучше – те, в которых преобладает мыслительное начало, или те, которые захлёстывают нас «половодьем чувств», это у кого какой вкус. Плохо одно: когда нет ни того, ни другого. Кемеровчанин В. Аронович прислал стихотворение «Сердце тревожно тук-тук». По этому «тук-тук» в

заголовке можно подумать, что оно – для детей или о детях, но, оказывается, стихотворение вполне «взрослое». Вот его начало:

Сердце тревожно тук-тук
Бьётся в горячей груди.
Рельс и колёс перестук,
Поезд протяжно гудит.
Поезд гудит и гудит,
Поезд стрелою летит,
Сердце, быстрее в груди,
Мыслью в лазури звенит.

Шуточно-детское «тук-тук» («топ-топ, топает малыш») никак не соответствует душевному настрою лирического героя – ожидание встречи его с кем-то далеко не безмятежно, наоборот: сердце бьётся в груди не как-нибудь, а тревожно; навязчиво, без видимой причины акцентируется бесконечное гудение паровоза (у автора – поезда), абсолютно абстрактен образ: сердце мыслью в лазури звенит. В лазури, может, и есть какая-то мысль, а в стихотворении она, увы, отсутствует, вместо этого – непродуманное нанизывание слова на слове: «Сердце, как птица, летит к шахтам, заводам, полям, сердце готово в зенит, Томь, дорогая моя». Автор уже объявил, что сердце его в лазури, а теперь вносит поправку, что оно «готово в зенит», т. е. только ещё собирается туда взлететь. Чему же верить? Такими вот печальными казусами оборачивается у молодых авторов творческая работа, которая начинается не из родника свежей мысли, а из смутного, неопределённого желания что-нибудь написать, позвенеть красивыми, на первый взгляд, словами и фразами.

Когда я думаю о наших будних днях,
о днях труда, то тихих, то метельных,
когда я вижу, как, дитя, обняв,
смеётся мать над тихой колыбелью,
я так хочу, чтоб мира тишину
не нарушали траурные марши
по тем, кто вновь, как в прошлую войну,
шёл защищать детей, цветы и пашни

– это первые строчки стихотворения Валерия Локонова из Мариинска, строчки очень искренние, хотя и не совсем умелые (не шёл, как вновь, а кому, как в прошлую войну, придётся идти). Вот на этом, удачно найденном «я так хочу» и надо было вести разговор о мире, но уже в третьей строфе автор сбивается на шаблонный, стёртый оборот речи: «Я не хочу, чтоб снова чья-то мать… бледнела над сыновьей похоронной», «Я не хочу, чтоб в яростном хмелю… весёлый парень в некой авеню стрелял в твои нетронутые губы», «я не хочу, чтоб в ядерном чаду всем в мире мерзостно и больно. И проще слов, чем эти, не найду: «Я не хочу!» – и этого довольно». Но в том-то и дело, что эти слова чересчур уж простые, ходячие, их употребляли все поэты, писавшие о войне и мире. Недаром их несколько переиначил поэт, создавший песню «Хотят ли русские войны».

Досадно, когда молодой автор, имеющий способность мыслить, из-за недоверия к себе ступает на проторённую тропку, ошибочно считая, что, пользуясь общепринятыми словесными формулами, он скорее найдёт путь к читателю. У того же Валерия Локонова есть в подборке два других стихотворения, которые, несмотря на то, что темы их менее значительны, чем проблема войны и мира, впечатляют куда больше, и только потому, что каждое из них не шаблонно по мысли и по выражению её. В одном из этих стихотворений – раздумье о равнодушии людей: «А где-то нас ещё упрямо чтут. И, нашей немоты не замечая, покорно наши письма где-то ждут. А мы, увы… А мы не отвечаем…». «Чтоб ожиданий тех не обмануть, за безразличьем искренность не прятать, всего-то стоит ручку обмакнуть и вывести: «Ну, здравствуйте, ребята!». Прочитаешь это и невольно подумаешь: а нет ли за тобой такого грешка?

В стихотворении «Ты обижен» – разговор по душам с пареньком, который, может быть, впервые в жизни столкнулся с большой несправедливостью и обида эта – до слёз: «Ты обижен… Ты плачешь скупыми слезами. Ты становишься к людям и к жизни лютей. Может, что-то тебе не такое сказали, что хотелось услышать от этих людей?». Нет, не с дежурными утешениями обращается автор к своему юному товарищу, а с добрым советом глубже поразмыслить, постараться понять, что жизнь есть жизнь, всё в ней случается.

Пусть и жарко, и снежно
от горьких упрёков.
Впредь запомни, как клятву,
запомни, как стих:
сколько дней будешь жить
– столько будет роков.
Справедливых и мудрых.
Бездарных и злых…

Так не плачь от обиды
скупыми слезами
И от первых ударов
не падай пластом.
Пусть тебе неприятное
что-то сказали,
я уверен – хорошее скажут!
Потом…

Главное в этом стихотворении – мысль, серьёзная, не заёмная, можно сказать, выстраданная. И развивая её, хочется внушить молодым авторам уверенность в своих силах. Не обижайтесь, когда вас критикуют, много учитесь и много работайте с надеждой на то, что и о ваших стихах скажут когда-нибудь хорошее, похвальное слово.

М. Небогатов.

// Комсомолец Кузбасса. – 1969. – 18 марта. – С. 4.

КОГДА ПРИХОДИТ ВДОХНОВЕНИЕ…

Не всегда мы можем объяснить себе, почему нам понравилось одно и не понравилось другое прочитанное стихотворение. Дело тут, видимо, не только в том, что в одном мы находим что-то созвучное, родственное своему душевному состоянию, своему образу мыслей, а в другом этого не обнаруживаем. Разумеется, восприятие поэтического слова у каждого из нас неповторимо индивидуальное. Но если, при всей субъективности наших оценок, мы всё-таки попытаемся подойти к вопросу объективно, не предвзято, то после соответствующего анализа придём к убеждению: первое стихотворение родилось естественно, как дыхание, в нём есть какая-то живинка, а второе появилось случайно, даже, наверно, для самого автора. Оно могло быть и не написано, и, пожалуй, никакого чувства неудовлетворённости не испытал бы автор, если бы в данном случае промолчал, не тратил время на создание этих, лишённых живого сердечного огонька, строчек. Мудро сказано: если можешь не писать – не пиши. Иными словами: не заставляй себя насильно мучиться, биться над стихами, когда ничем не вдохновлён.

Вдохновение – понятие очень ёмкое, многозначное и не одно чувство подразумевает оно. Вот как толкует это слово В. И. Даль: «Вдохновение – высшее духовное состояние и настроение; восторженность, сосредоточение и необычайное проявление умственных сил». Обратите внимание: умственных сил, а не только чувства. Вдохновиться чем-то, скажем, созерцанием на редкость красивого пейзажа, значит не просто настроиться на поэтический лад; важно при этом мысленным взором увидеть и понять идейную суть того, во что может вылиться это настроение. По гениальному наблюдению Пушкина, вдохновение «есть расположение души к живейшему принятию впечатлений, следственно, к быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных».

Всё хорошее, толковое начинается именно вот с этого душевного состояния, с вдохновения, которое в какие-то счастливые часы и минуты способно преобразить человека, поднять его чувства и мысли, воображение и понятия на необыкновенную высоту, именуемую творчеством…

Нам повезло. Ведь мы везучи!
Мы тянем воз свой с круч на кручи.
И дни мелькают, как весло.
Да, нам чертовски повезло.
Мы огрубели от скитаний.
Но кто сказал, что мы устали?
Мы можем сжать в кулак сердца, –
Но путь пройдём свой до конца.

Есть ли живой огонёк в этом стихотворении беловского автора Вл. Пилюгина? На наш взгляд, нет. Не будем спорить с автором, если он начнёт уверять, что его по-настоящему волнует тема молодости, романтики нелёгких дорог, поисков, готовности преодолеть все житейские трудности, дойти до намеченной цели. Охотно верим, что в принципе молодёжная тематика не чужда автору, однако обращается он к ней с позиций, далёких от конкретного жизненного материала. Насколько бы убедительней стало стихотворение, если бы в основу его был положен какой-то факт, событие, конфликт. Но так как этого нет, а поговорить автору на волнующую тему хочется, то и вынужден он идти по самому противопоказанному для поэзии пути – по пути абстрактной отвлечённости, умозрительных рассуждений, которые ни в чём не убеждают нас, несмотря даже на то, что разговор идёт как бы от лица самих героев.

Кстати, кто же они, эти герои, скитальцы? Ничего определённого не узнаём мы о них, кроме того, что «нам повезло. Ведь мы везучи!.. Да, нам чертовски повезло». В чём повезло, где, когда? А может быть, здесь просто словесный каламбур – «мы везучи», «тянем воз»? Условность ситуации вполне закономерно переходит в условность художественную, которая приобретает оттенок пародийности: «И гаснут искры над костром, когда мы о любви поём». Любовь – светлое чувство, а образ гаснущего, тлеющего костра сводит это чувство на нет, вызывает совершенно не соответствующие ему ассоциации.

Вл. Пилюгину надо решительно отказаться от голословной риторики. Трудно понять, что вдохновило его на такое, например, стихотворение:

Душой мы по природе бунтари.
Мы и грозой, и пламенем зари
Заражены. И что ни говори –
Душой мы по природе бунтари.

Но сердцем по природе мы нежны.
В нас грусть берёз, задумчивость сосны,
И мудрость осени, и шалости весны
Вселились. Потому мы так нежны.

Читатель в недоумении. От имени кого заявляет автор: мы бунтари! В чём и как проявляется это бунтарство? По какому поводу об этом говорится? Много вопросов возникает. При такой расплывчатости мыслей, образов можно писать о чём угодно, было бы умение рифмовать. Бери какой-нибудь общий тезис и скрепляй его созвучиями, ритмом: мы жизнелюбы, мы борцы, мы первопроходцы и пр. Но ведь если даже тезисные положения нуждаются в убедительности, то поэзия тем более.

Хорошо, что встречаются у этого же автора стихи с более конкретным содержанием, на них и следует ему ориентироваться в будущем.

Не чувствую я ранним утром,
Что и потел, и спину гнул.
В нём телу так свежо, как будто
Дождь по нему полосонул.
Иду я тишиною улиц.
Лишь наковален звонкий гуд
Уже разносится из кузниц.
Наверно, солнце там куют.

Про эти строчки уже не скажешь, что они умозрительны, надуманны; если и не с большим вдохновением писались они, то во всяком случае с воодушевлением, с достоверным ощущением свежести, приятной бодрости и полноты жизненных сил, которые дарит человеку раннее утро, благодатное, как дождь, и такое многообещающее, что кажется, солнце не где-то за горизонтом, а рядом, в соседней кузнице, вот-вот оно, сияющее, выкатится оттуда.

Вот так, не мудрствуя лукаво, ничего не выдумывая, и надо писать о том, что хорошо, не понаслышке знаешь, сам пережил, выносил в сердце и в долгих размышлениях. Вспомним Твардовского:

Вся суть в одном-единственном завете:
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете –
Живых и мёртвых, – знаю только я.

Да, вся суть творчества – в твёрдой, непоколебимой, пусть в какой-то степени и наивной уверенности: никто, кроме тебя, не скажет того, что собираешься сказать ты, полновластный хозяин досконально изученного тобою участка жизни и продиктованного собственным сердцем (а не чужими стихами!) поэтического слова.

Далеко не всё совершенно в стихах тисульского автора В. Малахова, а читать их приятно, и секрет этого обаяния – в проблесках вдохновения, с которыми, чувствуется, написаны многие строчки. Вот, к примеру, «Лыжня»:

Меж стволов берёз ветвистых,
Чистой ленточкой маня,
Бойкой змейкой серебристой
Извивается лыжня.
Ночью снегом припорошит,
Заметёт,
Но днём опять
Двухколейная дорожка
Будет весело вилять.
Пью я воздух полной грудью.
Хоть и времени в обрез,
Побегу!
Эх, будь, что будет!
Манит снег, лыжня и лес.

Самая, казалось бы, обыкновенная пейзажная картинка, а сколько в ней одухотворённости. Точно угаданный ритм – быстрый, весёлый, строгий отбор нужных для этой картинки деталей, непринуждённость разговорных интонаций – всё это создаёт впечатление художественной цельности, завершённости. Даже в самом рисунке стиха есть что-то от живого чувства: слова «эх, будь, что будет!» подсказывают воображению образ высокой снежной горы, кручи, с которой сейчас стремительно помчится лыжник, а несколько замедленная ритмически последняя строчка – «манит снег, лыжня и лес» хорошо передаёт тихое, плавное скольжение там, внизу, на спокойной белой равнине, которая начинается после спуска с головокружительной крутизны.

Родничок вдохновения В. Малахов находит во всех проявлениях жизни, в самых подчас будничных впечатлениях.

Из снега солнце высекает искры.
Березняки мохнатые кругом.
Вот лай собак…
До дома значит близко.
А вот пахнуло, кажется, дымком.
Душа моя меня опередила
(Ничем её не удержать теперь),
Вот на крыльцо высокое вступила
И стукнула три раза тихо в дверь…
А я шагаю, торопясь немножко.
И знаю уж заранее одно:
Там смотрит мать в замёрзшее окошко,
И на столе «дымит» гора блинов.

Всё это знакомо, близко, дорого не одному только автору, а любому из нас. В. Малахову предстоит ещё большая, кропотливая работа над формой стихов (некоторые строчки, например, очень сбивчивы по ритму), но уже сейчас видно, что человек он даровитый, умеющий писать сосредоточенно, углублённо, со знанием дела. О буранах, о вьюгах мы знаем множество стихов. Читал их, конечно, и В. Малахов, и всё-таки

ему удалось избежать повторения, перепева, когда он решил передать в нескольких строчках своё, личное восприятие ненастного зимнего дня.

Я бреду, в сугробах утопая,
Окунувшись с головой в метель.
Из какого неизвестно края,
Будто всадник, вечер налетел.
Перекаты гор и котловины…
Стонут сосны глухо. Ни огня.
Угрожая, снежная лавина
Движется всё время на меня.

Вторая и две последние строчки – это те поэтические находки, которые позволяют сказать, что автор не напрасно взялся за перо. Не сторонним наблюдателем чувствует он себя в этом мире, не из окошка смотрит на него. Так почему же многие другие молодые стихотворцы сплошь и рядом придумывают себе каких-то неопределённых лирических героев, а потом заставляют их действовать в неестественных обстоятельствах, произносить громкие фразы, фальшивить в словах и поступках и то витать в облаках, то приземляться до натурализма? Не лучше ли быть самим собой и просто, по-дружески делиться с читателем самым сокровенным, что есть в тебе. В известном смысле стихи должны быть выращенными нами цветами, которые не стыдно кому-нибудь подарить, а не сколоченными на скорую руку замысловатыми безделушками.

М. Небогатов. *член Союза писателей. г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1969. – 29 апреля. – С. 3.

БОЛЬ МОЯ, МОЯ ОТРАДА…

На моём столе – целая кипа только что прочитанных рукописей, принадлежащих перу молодых авторов. Весна, как известно, время не только буйного разлива рек, но и неудержимо радостного «половодья чувств», которое даёт знать о себе «затопляющим» редакцию потоком стихотворной продукции. Все авторы, разумеется, хотят увидеть написанное ими в печати. Это вполне естественное желание, однако выполнить его редакция не имеет возможности, главным образом потому, что художественно полноценных произведений, несмотря на их многочисленность, считанные единицы, чему, собственно, не приходится удивляться, так как большинство авторов – юноши и девушки, люди очень не опытные, не искушённые в литературном творчестве.

Людмила Сидельникова из Яшкино, обращаясь в редакцию, пишет: «Я очень люблю стихи, стараюсь следить за всеми новыми сборниками, пытаюсь разобраться в их главной теме и сама пробую свои силы, правда, я знаю, эти стихи ещё несовершенны, но, возможно, в чём-нибудь вы мне поможете». Очень хорошо, что Людмила интересуется поэтическими новинками. Но слова «пытаюсь разобраться в их главной теме» невольно настораживают. Их можно понять в том смысле, что она старается «уловить» то, о чём чаще всего и больше всего пишут другие поэты, то есть намерена подражать им, а как раз этого и надо избегать – и потому, что каждый начинающий литератор должен идти не проторённым, а своим, самостоятельно избранным путём, и потому, что «главной темой» некоторых сборников при ближайшем знакомстве с ними часто оказывается не что иное, как не всегда бескорыстная, подчас даже спекулятивная литературная мода. Гоняться же за модой – значит не создавать ничего своего, метаться из стороны в сторону, поскольку всякие так называемые модные течения то и дело меняются.

Стало, например, очень модным писать о геологах, об изыскателях, о «таёжных бородачах». Эта тема в разных вариациях и, вместе с тем, довольно однообразно звучит и в прозе, и в стихах, и в эстрадных песнях. Слов нет, романтика трудных дорог – нужная и важная тема, но беда в том, что сплошь и рядом перед нами не жизненно достоверная разработка этой темы, а лишь профанация её. О тяжёлых таёжных тропах, по которым, сбивая в кровь ноги, сгибаясь под грузом наполненных драгоценными минералами рюкзаков, шагают упрямые первопроходцы, о коротких привалах у костра, о мельтешащей, надоедливой мошкаре и т. п. нередко пишут даже те, кто этой тайги и в глаза не видел. Чего же, кроме штампов, можно тут ждать? Вот и Л. Сидельникова, наивно считая это «главной темой», старается не отстать от моды, сочиняет стихотворение «Юность», где всё те же знакомые атрибуты: «у костра, согреваясь, сидит, чью-то песню в небо выводит, на гитаре тихо бренчит и в горах с рюкзаками бродит…»

Хочется посоветовать Людмиле: поскорее освобождайтесь из плена «главных тем», не читайте всё, что попадёт под руку. Будет больше проку, если вы станете учиться писать, имея перед собой не случайные сборники, а произведения классических и лучших современных поэтов. Есть у нас немало мастеров поэзии – и старшего, и среднего поколений, – общение с которыми просто необходимо: настолько у них всё, я бы сказал, как-то надёжно, прочно, добротно.

Есть и среди молодых кузбасских поэтов такие, чьи новые стихи – пусть и не все – начинаешь читать с предчувствием каких-то открытий. Вот передо мной небольшая поэтическая подборка Николая Пискаева из Белова. Немало в ней недоработанного, сырого, но одно из стихотворений – «Земляк» – вполне законченное,

и есть смысл привести его как пример похвальной верности автора своей излюбленной деревенской теме и умения находить для разработки её свои слова, свои подкупающие интонации.

Что-то стал ты о селе всё чаще
С каждым годом, друг мой, говорить,
Что и воздух там намного слаще,
С городской и воду не сравнить.
А когда-то думал ты иначе.
Надоело, говорил, смотреть
На коров, а на свиней – тем паче,
Что с тоски там можно умереть.
Управлять учился паровозом,
И взахлёб рассказывал друзьям,
Что пропахло всё село навозом,
Хоть не очень верил в это сам.
А теперь вот, как весна настанет,
Каждый раз теряешь ты покой.
Говоришь, что край родимый тянет,
Что в деревню хочется. Домой.

Давно замечено, что стихотворцы, у которых, как говорится, нет ничего за душой, «выезжают» за счёт изысканных рифм, всякой словесной эквилибристики и формальных ухищрений. В стихотворении же «Земляк» форма – проще некуда, даже презираемые многими отглагольные рифмы налицо (говорить – сравнить), а разве замечаем мы их? Разве обедняют они эту искреннюю поэтическую речь? Ничуть. Впечатление такое, что встретился с нами хороший, добрый друг и просто, по-человечески рассказал о том, о чём сейчас ему подумалось, что было на сердце.

Мне приятно сообщить читателям, что в нынешнем году они смогут познакомиться с творчеством Николая Пискаева более полно – выйдет первый его сборник, названный есенинской строчкой «Мой край задумчивый и нежный…».

Набирает силу, становится всё совершенней по форме и глубже по содержанию лирика Василия Бакулина, молодого поэта из села Троицкое Ижморского района. Недостатков в его стихах ещё немало, однако есть и свои ценные достоинства: у В. Бакулина ярко выраженное тяготение не к повествовательной, разговорной, как, скажем, у Н. Пискаева, а к образной манере письма, которая во многих случаях даёт положительные результаты, особенно в стихах о природе, в пейзажных зарисовках. Обратите внимание, сколько интересных сопоставлений, сравнений, по-своему увиденных и запечатлённых деталей, подробностей в стихотворении «Весенняя лирика»:

По небу–морю в синь рассветов,
Голубизну рябя слегка,
Весь день плывут с попутным ветром,
Как бригантины, облака.
Весна пришла из дальних далей,
Вся в тёплых солнечных лучах,
Рассыпав чистый звон медалей
В живых, сверкающих ручьях.
Звенит апрель ребячьим смехом,
Где бор сосновый за мостом
Стоит Добрынею в доспехах,
Прикрывшись солнцем, как щитом.
Хмелят берёзовые почки,
Земля от запахов пьяна,
Как будто щедро с брагой бочки
Вдруг раскупорила весна.
И ветер сушит спины крышам,
И даль ясна, и день подрос,
И сердце чувствует и слышит,
Как бродит сон в стволах берёз.

Что ни строчка, то образ, каждый из которых наглядно подтверждает не новую мысль о том, как многообразен, как красочен мир, если смотреть на него зоркими, пытливыми, влюблёнными глазами поэта. Именно любовь к родной земле, любовь к России подсказала В. Бакулину и такие запоминающиеся образы, как вот эти:

…Ты одна из самых ярких радуг
С детской колыбели надо мной…
На твоей натруженной ладони
Я лежу цветочным лепестком.

Образного мышления, к сожалению, не хватает очень многим молодым стихотворцам. После Пушкина, Тютчева, Есенина они считают возможным писать, к примеру, о той же весне в том роде, что вот, мол, стала тёплою земля, трактор вышел на поля; касаясь военной тематики, не идут дальше лозунговых фраз типа «мы за мир», словно нет в нашей литературе высоких образцов поэзии военных лет, таких, как полные публицистической страстности и проникновенного лиризма стихи и поэмы Твардовского, Симонова, Суркова, у которых, право же, не грех учиться. Кстати, эта тема, в свете последних событий, приобретает особо важное значение. В связи с этим хотелось бы отметить как определённую удачу стихотворение курсанта Кемеровского училища связи Виктора Вишнякова «Передний край»:

…Прожектора пронзают темноту
Безжалостно холодными лучами,
И смотрят в ночь слепящими глазами,
Ощупывая подступы к посту.
…Где воля, нервы все напряжены,
И ночь легенды в тишине слагает,
Через сердца незримо пролегает
Передний край невидимой войны.

В немногих строчках, по-солдатски сдержанных и поэтически выразительных, молодой поэт сумел сказать о многом: и о мужественной готовности наших воинов без боязни встретить любую опасность, и о

том, что живёт в их сердцах память о легендарных героях гражданской и Отечественной войн, и о тревожном воздухе, которым дышит наша планета…

Как бы в ответ герою стихотворения Виктора Вишнякова подаёт свой голос недавно уволенный в запас герой стихотворения юргинца Павла Бессонова:

Скажу тебе по дружбе, брат,
Ведь мы равны с тобой:
Я рядовой, как ты, солдат,
Но только запасной.
Твоя армейская шинель
Была и мне родной.
Я в прорезь автомата цель
Ловил на огневой.
Два года: утренний подъём,
Поверка и отбой,
Без перерыва под ружьём…
А нынче – запасной.
Но если надо снова в строй –
С тобою стану в ряд:
Не запасной, а рядовой
Страны своей солдат.

Надо сказать, что это стихотворение – едва ли не самое лучшее из всего, что получила редакция за последнее время от П. Бессонова. А пишет и присылает он очень много. Чехов говорил, что многописание – великая вещь, но смотря как это понимать. Нам кажется, у П. Бессонова количество начинает отрицательно сказываться на качестве. Сам поэт признаётся в одном из стихотворений: **«Я пишу обо всём: и о том, и о сём. И, наверно, про то и про это».** Точь-в-точь как в пародии Сергея Васильева на Евгения Долматовского: **«С композитором вместе в Бухаресте иль Бресте мы навертим вдвоём и о том и о сём, а скажу вам по чести: сам не знаю о чём!»** Пародия, понятно, всегда преувеличение. Павел Бессонов, конечно, знает, о чём пишет, но выбор тем у него зачастую произволен, случаен, многие стихи просто литературно грамотны, «держатся» на одной технике и не вызывают никаких эмоций. Трудно надеяться на успех, если за короткий промежуток времени из-под пера легко выпархивают строчки «и о том и о сём»: о погибших на границе; о звёздах, опускающихся на деревья и крыши; о майской сирени; о камнях-булыжниках, что были «оружьем гневным пролетариата»; о преемственности поколений; о марте, апреле; о зеркалах, в которые не любят смотреться некрасивые; о доброте; о любимой, похожей на мадонну, и о многом другом – всего и не перечислишь. Если добавить к этому, что П. Бессонов пробует писать и юмористические, и детские стихи, то картина становится ясной: поэт всё время в поисках, на трудном распутье, но ведь это уже сфера творческой лаборатории, и вряд ли стоит спешить с показом несовершенных, но претендующих на обнародование опытов, которые в ней производятся. Надо более серьёзно и уважительно относиться и к своему труду, и к читателю, дорожить каждой своей строкой, не отмахиваться от написанного тобой, как это делает, например, один из прокопьевских авторов Н. Ламанов, который, посылая своё стихотворение в редакцию, сопроводил его такой небрежной припиской: «Если подойдёт, буду рад, нет – выбросьте». Нельзя так. Писание стихов, какими бы они на первых порах ни получались, должно быть кровным делом любого, кто берётся за перо, а то, что создано, рождено подчас в творческих муках – таким дорогим, бесценным, чтобы можно было сказать об этом, как сказал о своём любимом «Василии Тёркине» Александр Твардовский: «Боль моя, моя отрада, отдых мой и подвиг мой!».

М. Небогатов, член Союза писателей. *г. Кемерово. // Комсомолец Кузбасса.– 1969. – 27 мая. – С. 3.*

«Я ПОЮ ВАМ, ДРУГИ, Я ПОЮ…»

«Поэзия, – говорил Белинский, – есть искусство, художество, изящная форма истинных идей и верных (а не фальшивых) ощущений». Высшим образцом, убедительно подтверждающим это положение, великий критик, как известно, считал поэзию Пушкина: «стих Пушкина можно сравнить с красотою человеческих глаз, оживлённых чувством и мыслию: отнимите у них оживляющее их чувство и мысль – они останутся только красивыми, но уже не божественно прекрасными глазами». И далее: «у Пушкина нет ни одного стихотворения, которое не вышло бы из жизни и было написано вследствие желания так что-нибудь написать, в чаянии, что авось-де это будет недурно».

Давайте с точки зрения этих высказываний рассмотрим стихи некоторых молодых авторов. Пушкин, разумеется, недосягаем, Белинские тоже рождаются раз в столетие, но это отнюдь не значит, что мы не должны равняться на поэзию великого поэта и признавать обязательными требования, которые предъявлял к художественному творчеству великий критик:

Туда, где трубы высятся,
Топорщатся леса,
Туда, где поднимается
Рассвета полоса,
Где грохотом наполнена
Работа, как набат,
Шагает он,
Ровесник мой,
Строитель и солдат.
По-взрослому сутулится.
Я рядом с ним иду.
Смотрю на руки тяжкие,
Привычные к труду.
Кажись, из стали вылиты,
На век закалены.
Бугры мозолей каменных
В ладони вкраплены…

Хочется спросить автора стихотворения «Руки» новокузнечанина Михаила Субботина: неужели вам самому нравятся эти правильные по мысли, но совершенно лишённые живого чувства строчки, в которых нет ничего от поэзии, кроме разве того, что они поставлены в определённый ритмический строй и скреплены рифмами? Представим этот текст в виде обыкновенной газетной заметки, информации – и какая же скучнейшая проза предстанет перед нами! Ни одной запоминающейся художественной детали, ни одного оригинального сравнения – всё настолько шаблонно, что, честное слово, не было смысла придавать этим общим фразам стихотворную форму.

Другой новокузнецкий автор В. Петраш предлагает напечатать стихотворение «Русская девушка». С первой же строчки ясно, что автор не думает ни о каких творческих поисках, он одержим одним желанием – что-нибудь написать, срифмовать. И вот вам результат этой одержимости:

Как берёзка нежна и стройна,
Синеглазая, русокосая…
Сквозь тебя проломилась война
Со своими смертями и грозами.
Но любовь в твоём сердце она не сожгла,
Не наполнила злобой и косностью,
Ты глухие места на земле обжила
И на землю взглянула из космоса.

Да простит нам уже не первый год пишущий В. Петраш, но, право слово, не выдерживает критики это бездумное суесловие. О какой девушке он пишет? Из какого космоса «взглянула она на землю»? Миру известна пока лишь одна женщина, побывавшая у звёзд, и как же можно в обобщённом, отвлечённом образе русской девушки воплощать явление, которое только в далёком будущем станет массовым, но о котором автор уже сейчас говорит так, будто это не исключительное, а рядовое, привычное всем девушкам дело. А попробуйте проанализировать иные строчки. «Но любовь в твоём сердце она не сожгла». Любовь к чему, к кому?

Многолетний «творческий стаж» и у кемеровчанина Владимира Конина, которого мы больше знаем как автора песенных текстов. Самодеятельные композиторы сотрудничают с ним не случайно: В. Конин весьма неплохо владеет стихотворной формой – чётким ритмом и точными рифмами, а это для песни немаловажное качество. К сожалению, музыканты часто не проявляют должной требовательности к стихам, что в свою очередь отрицательно сказывается и на работе их «поставщиков», поэтов-песенников, которым не всегда удаётся преодолеть инерцию лёгкого сочинительства. Об этом наглядно свидетельствует стихотворение В. Конина «Откровение». Это лирическое признание в любви к родной природе. Вот как оно начинается:

Кружит и петляет таёжная тропка,
Ведёт нас с приятелем к славным местам.
Из ельника месяц вдруг выглянул робко,
Узнал нас, кивнул и поплыл к небесам.

Ждём, что автор покажет нам «славные места».

А вот и знакомый шалаш прошлогодний –
Пристанище наше в ненастные дни.
Мы рады с тобой повстречаться сегодня.
Коль рано пришли, так ты нас извини.
Нам очень хотелось с тобой повидаться,
На речку взглянуть и на эти места.
Ох, трудно, порою нельзя удержаться,
Коль здесь вот такая царит красота.

Слов много, но они как бы топчутся на одном месте: в двенадцати строчках ничего, кроме ельника, месяца да безликого шалаша, мы не увидели. Дважды упоминаются «славные места», дважды повторяется одна и та же по существу мысль: «Мы рады с тобой повстречаться сегодня», «Нам очень хотелось с тобой повидаться». Раз хотелось – само собой разумеется, что рады. «Такая красота». А какая именно, мы так и не узнаём. Вместо того чтобы дать красочную, неповторимую картину пейзажа, автор пускается в длинные рассуждения: «Приятель мой очень до рыбки охочий, мастак и добытчик, а я не такой. Рыбак не рыбак. Словом так, между прочим, влекут меня больше росистые ночи, ковёр разнотравья, костёр над рекой… С волненьем к природе хожу на свиданье из города пыльного, шумного я. Конечно, ушица мне нравится тоже, нет блюда, пожалуй, на свете вкусней. Однако намного, гораздо дороже святое раздолье лесов и полей»… Едва ли способны эти вялые, монотонные строчки задеть читателя за сердце.

Выше мы говорили о лёгком сочинительстве, имея в виду очень распространённые в наши дни мелкие по содержанию песенные тексты, которые пишутся (к сожалению, не только неопытными стихотворцами, а и профессиональными «умельцами»), с расчётом на то, что их «вывезет» музыка. Образчик такого текста прислал из Мысков военнослужащий П. Е. Деркачёв:

Я пою вам, други, я пою.
Я пою вам, други, про любовь свою.

Про любовь безбрежную, чистую и нежную,
Про любовь заветную, гордую и светлую.
Припев:
Я пою вам, други, я пою,
Я пою вам, други, про любовь свою.

Лирический герой поёт, поёт, видимо, самозабвенно, да вот вопрос: найдётся ли охотник подхватить эту песню, содержание которой по существу ограничивается одним этим восторженно-умилительным «я пою».

В отличие, скажем, от В. Конина, почти безупречно владеющего техникой стиха, А. Арсентьев из с. Горскино Беловского района ещё очень неуверенно обращается с ритмикой и рифмовкой, но этот временный недостаток с лихвой окупается у него неподдельным, искренним чувством, которое нет-нет да и озарит те или иные строчки.

Помнишь, мама, мы были маленькими,
Ты заботливо укладывала нас в кроватки,
А потом, задумавшись, в нашей спаленке
К штанишкам прилаживала заплатки.
Помнишь, мама, когда я болел скарлатиной,
Ты у койки сидела все ночи,
Мне рассказывая про Буратино,
Украдкой слезу вытирала платочком.
Мама, помнишь, мы в школу пошли.
Ты, счастливая, нас провожала.
И нам долго косынкой вослед
У калитки с улыбкой махала.

Стихи, как видим, наивные, неумелые, а к поэзии имеют прямое отношение – они воздействуют на нас эмоционально. Пользуясь сравнением Белинского, можно сказать, что из этих строчек как бы смотрят на мир по-детски широко открытые глаза. Пусть взгляд их не поражает ещё нас мудростью, но это живые глаза, с огоньком! Процитированные строчки А. Арсентьева во всех отношениях далеки от совершенства, однако далеки они и от более гладких по форме стихотворений, которые мы здесь анализировали, – от прозаической шаблонности «Рук», невразумительности «Русской девушки» и от холодной рассудочности «Откровения».

М. Небогатов, *член Союза писателей. г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1969. – 21 августа. – С. 4.

ВСЁ УЖЕ БЫЛО СКАЗАНО?

Поэзия предъявляет одинаковые требования – и к великим творцам, и к начинающим стихотворцам, поэтому, прежде чем начать разбор поступивших в редакцию рукописей, послушаем, что говорил о литературном творчестве Пушкин: «Это уж не ново, это было уж сказано – вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но всё уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что ж из этого следует? Что дух человеческий уже ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в *соображении* понятий, как язык неистощим в *соединении* слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторения лексикона. Мысль отдельно никогда ничего нового не представляет; мысли же могут быть *разнообразны* до бесконечности».

Возьмём любое самое общее понятие, ну, скажем, осень, о которой писали и пишут все без исключения поэты. Достаточно вспомнить лишь некоторые строчки Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Есенина, чтобы увидеть, как под пером каждого из них это понятие приобретает множественное разнообразие красок, образов, мыслей, настроений: «Унылая пора! Очей очарованье! Приятна мне твоя прощальная краса…»; «Люблю дымок спалённой жнивы, в степи ночующий обоз и на холме средь жёлтой нивы чету белеющих берёз»; «Поздняя осень. Грачи улетели, лес обнажился, поля опустели, только не сжата полоска одна… Грустную думу наводит она»; «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора – весь день стоит как бы хрустальный, и лучезарны вечера»; «Отговорила роща золотая берёзовым, весёлым языком, и журавли, печально пролетая, уж не жалеют больше ни о ком». По приведённым четверостишиям мы узнаём не только голоса любимых поэтов, а те настроения, мотивы, которые нередко повторяются в других их произведениях.

Этим примером мы хотим заострить внимание наших молодых авторов на необходимости самостоятельно решать любую, пусть даже не новую тему, обогащать её новыми мыслями, красками, образами. А новизна по Пушкину – в соображении понятий, в соединении слов. То есть в своём личном восприятии того или иного понятия, в разнообразии мыслей, которые рождаются в связи с этим понятием, и в своей неповторимой форме выражения их, в присущей лишь тебе манере говорить на поэтическом языке, строить фразы, «соединять слова». При соблюдении всех этих условий можно надеяться на успех, можно не бояться того, что «всё уже было сказано».

Интересную попытку в смысле оригинального поэтического толкования понятия тишины представляет стихотворение новокузнечанина Семёна Молчанова. Вот его начало:

Над землёй тишина. Нас чарует она
И полоскою дымки душистой,
И тропинкой, что вдаль пролегла,
И ключом с чистотой хрусталя,
И черёмухой терпко-душистой.

Дальше идут строфы, из которых мы узнаём, чем нас тишина пленяет, врачует, спасает, лелеет, а заканчивается стихотворение наподобие венка сонетов – сведением воедино начальных строчек всех предыдущих строф:

Над землёй тишина.
Нас чарует она,
Нас пленяет она,
Нас врачует она,
Нас лелеет она.
Пусть же вечно пребудет она –
Над родною землёй тишина!

Эта заключительная строфа – как музыкальный аккорд. Не надо быть особо проницательным, чтобы заметить, что Семён Молчанов старую, как мир, тему попытался решить по-новому, подошёл к ней творчески, даже с некоторой изобретательностью, и это можно только приветствовать.

В подборке юргинца Павла Бессонова обращает на себя внимание начало стихотворения «У памятника Михайле Волкову»:

Присмотрись, он не стоит, идёт он.
Пьедестал – ступень в его пути.
Он спешит мужицкую заботу
До тебя, Россия, донести.
Ветер встречный разлохматил бороду,
Лёгок и широк торопкий шаг.
Чёрный камень бережно и гордо
Он несёт в натруженных руках.

Не застывшее изваяние, не мёртвая бронзовая фигура, а живой, устремлённый в дальнюю дорогу первооткрыватель кузнецкого угля – таким увидел автор Михайла Волкова, и таким именно он будет теперь казаться всем, кто прочтёт эти, посвящённые ему строчки. Как видим, может же Павел Бессонов писать хорошие стихи. К сожалению, – и об этом нам уже приходилось говорить – он зачастую не проявляет должной требовательности к себе, работает, как говорится, спустя рукава. Вот и в этой подборке крайне поверхностны такие стихотворения, как «Выпускники» и «Встреча». И в том, и в другом – лишь констатация факта: в первом – «лейтенанты идут по улицам, на прохожих бросают взгляды», во втором – девчонка с неизбежной «каштановой чёлкой» пришла на свидание, а парень опоздал, и она уходит («Цок, цок! Стучат подковки за дальний поворот. Она уже уходит, она уже не ждёт»). О каком уж разнообразии мыслей может быть тут речь, если подобные стихи создаются по принципу: прошёл, увидел – сочинил…

Есть такое прекрасное, полное для нас глубокого значения понятие: эстафета поколений. В общих чертах оно, как известно, подразумевает незыблемую верность сегодняшнего молодого поколения делу отцов и дедов, которые брали Зимний, создавали Кузнецкстрой, насмерть стояли под Москвой и Сталинградом. Высокая патриотическая тема, достойная таких же возвышенных по гражданскому звучанию строк. Кемеровчанин Александр Кемаев решил поговорить на эту тему в стихотворении, которое так и называется – «Эстафета»:

...Мы не строили Запсиба:
Не хватало лет.
И не ели суп-баланду –
Жиденький обед.
Мы в жару не поднимали
Плугом целину.
Мы под танки не бросались
В прошлую войну.
Наши деды вспомнят гордо:
– Вот, мол, мы тогда,
В сорок первом – сорок пятом.
Вам уж, мол, куда!

Прямо скажем, по форме стихотворение сделано совсем неплохо, но беда в том, что перед нами – всего-навсего лишь сто первый вариант рифмованных высказываний многих литературных сверстников А. Кемаева. Согласно той общедоступной схеме, по какой оно написано, заранее догадываешься, что стихотворение закончится мыслью о готовности пройти такой же нелёгкий путь, какой в своё время прошли старые большевики. Так оно и есть:

...Но идут года!
Скоро стану я солдатом,
Как мой дед тогда.
А прощупать враг захочет
Наших армий мощь,
Я, как дед, пойду в атаку
Под свинцовый дождь!..
Буду я Магнитки строить,
Днепр перекрывать…
Буду своего потомка
Внуком называть!

В искренности и справедливости этих слов нельзя усомниться, но автора, наверно, интересует и другое: удалось ли стихотворение? Нет, в настоящем варианте не удалось, потому что ни в чём оно не углубило и не расширило наше общее представление о преемственности поколений. Но при всей своей наивности стихи А. Кемаева имеют одно неоспоримое достоинство: идейную ясность, чёткость, которой, надо заметить, не хватает многим, написанным как бы вне времени, произведениям молодых авторов…

Весьма наивны и стихи девятиклассника Александра Рашевского из Новокузнецка, но его, как и А. Кемаева, отличает от других отчётливо выраженная склонность к прямым, пусть подчас и прямолинейным, высказываниям на самые актуальные современные темы. Сколько полемического задора в стихотворении Александра Рашевского «Дармоед»!

К чему ему какой-то труд.
В душонке мелкой он лелеет:
Вот только сумерки падут,
Чтоб «прошвырнуться» по Бродвею»…
Да! Среди нас живут они.
На жизнь свои у них есть взгляды.
Они – что в поле сорняки,
И нужно рвать их без пощады.

Читаешь эти несовершенные в литературном отношении строчки и как бы не замечаешь их частных погрешностей – они с лихвой окупаются той взволнованностью, страстностью, с какой автор говорит о наболевшем. Почаще бы встречать в стихах молодых вот такую личную заинтересованность в решении общественно важных проблем, такую принципиальность и определённость во взглядах и убеждениях.

В отличие от этих двух авторов, Николай Гурский из Ленинска-Кузнецкого пером владеет довольно уверенно, пишет бойко. Вот одно из его стихотворений:

Я – вокзал! Я – вокзал! Одинокий вокзал.
Ни большой, ни приметный, ни дерзкий.
Я тебе ничего не успел рассказать,
Ты прошла, как проходит курьерский.
И осталась в душе только лёгкая дрожь,
Да надежда, что встретимся скоро.
Я стою на пути. Ты увидишь. Придёшь.
Помогите, души светофоры!

Автор, видимо, стремился сказать о любви как можно пооригинальней, пообразней. В принципе такое стремление похвально. Но творческие поиски Николая Гурского в данном случае были, судя по всему, непродолжительными – он не устоял перед соблазном воспользоваться попавшимся под руку модным шаблоном типа: «Я – спутник!», «Я – Гойя!», «Я – дорога!» и т. п. И появилась ещё одна разновидность лирического героя: «Я – вокзал!». А любимая девушка – курьерский поезд. Как будто бы красиво, поэтично, а по существу – надуманно, ненатурально. Если на этом «недерзком» (?) вокзале курьерский по расписанию не останавливается, то, сколько тут ни стой, ни мигай светофорами, всё напрасно – курьерский и завтра, и послезавтра будет проходить без остановки. А ведь вокзал, то бишь лирический герой, мечтает о чём-то большем, чем минутное созерцание проносящегося мимо поезда…

Часто присылает в редакцию свои стихи кемеровчанин А. Романов. Недостаток, присущий этим стихам, можно определить в двух-трёх словах – это бездумная заворожённость рифмами, музыкой ритма. Судите сами:

Ни к чему мне персты,
Ни к чему мне кольца,
Лучше я полверсты
Пролечу до солнца.
А когда сотни вёрст
Пролечу до солнца,
Я увижу вдали мост
Золотого солнца.

По звучанию эти строчки похожи на стихи, а по внутренней сути – совершенно бессмысленны, ибо невозможно понять, что хотел сказать автор. Ясно лишь одно: что он не в ладах с обыкновенной логикой (если до солнца – сотни вёрст, то почему же «пролечу полверсты»?) и не совсем твёрдо знает русский язык (пишет «персты», имея в виду, по всей вероятности, перстни). О подобных стихах можно было бы и не говорить, будь они единственными в своём роде, но в том-то и дело, что А. Романов не одинок. Очень многие молодые авторы увлечены лишь самим процессом писания «стихов», плетением словесных кружев.

Самое опасное в таком бесплодном, никому не нужном сочинительстве – освоить технику стихосложения, набить руку и вполне искренне считать, что твои стихи не хуже, чем у других…

М. Небогатов, *член Союза писателей. г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1969. – 4 октября. – С. 2.

ЗАПАХИ ЗЕМЛИ…

Редакционная почта последнего времени на редкость бедна более или менее доброкачественными стихами. Большинство рукописей принадлежит авторам, которые едва-едва отличают стихотворную речь от прозаической, приобщаются к литературному творчеству чисто самостоятельно, без маломальской теоретической подготовки.

Самым светлым проблеском на этом безрадостном фоне кажется нам подборка, присланная из Топок Ниной Руссовой. В её работе чувствуется серьёзное отношение к делу, о чём, кстати, свидетельствует высказанное Ниной желание побывать на занятиях какой-нибудь литгруппы: «Я никогда не где не занималась, а очень бы хотелось научиться чему-нибудь хорошему и полезному». С русским языком, как видим, Нина Руссова ещё не в ладах (вместо «нигде» пишет «не где»), однако похвально уже то, что она стремится узнать что-то хорошее и полезное, а это немаловажно. «Чем пахнет земля» – так называется одно из стихотворений подборки.

Чем пахнет умытая в мае земля,
Когда зеленеть начинают поля?
А пахнет земля парным молоком,
Мне с детской поры этот запах знаком.
Чем пахнет земля, когда поле в цвету,
Так пахнет земля однажды в году?
Ах, запахом мёда напоен простор,
Цветущее поле радует взор.
Чем пахнет земля, когда всё отцвело
И время горячей страды подошло?
Хлебом и потом пахнут поля,
Когда разродилась плодами земля.

Бесспорное достоинство этого небольшого стихотворения – его поэтичность, образность. Красота родной земли, характерные особенности отдельных времён года показываются автором не отвлечённо, не описательно, а при помощи ёмкого, впечатляющего образа – это запахи, которыми дышит земля весной, летом, осенью. И вот что ещё интересно: в стихотворениях говорится как будто только о природе, о людях же – ни слова. А разве не чувствуем мы их присутствие в мире этого пейзажа, читая строки о запахе молока, хлеба и пота? Вот оно, перед нами, удивительное свойство образности – коротко говорить о многом, помогать читательскому воображению представить, увидеть даже то, что прямо не названо.

Нина Руссова, безусловно, одарённый человек. Смотрите, как тонко передаёт она самые интимные душевные переживания в двенадцатистрочном стихотворении «Телефон»:

Слышу только голос,
Слов не разбираю.
В голову мгновенно
Кровь мне ударяет.
Пламенеют уши,
Щёки жаром дышат.
Ничего другого
Я уже не слышу.
Лишь снимаю трубку
В трепетном молчанье.
Знал бы говоривший
О моём страданье…

Прямо скажем, для самоучки уровень этих стихов довольно высок, хотя до совершенства им, конечно, ещё далеко. Верится почему-то, что хватит у Нины Руссовой и терпения, и упорства, и художественного вкуса, чтобы обнаружить и изжить в своих стихах такие, например, недостатки, как некоторые ритмические перебои, слабость отдельных рифм.

Два стихотворения прислал корреспондент крапивинской районной газеты Николай Усанин. Вот одно из них – «Дыхание осени»:

Пришла осенняя пора
Пахнуло северной прохладой
И ветерок шумит с утра
Играя вихрем листопада
А лес тоской немой овеян
Мелькает всюду листьев рой
Как будто сказочная фея
До них дотронулась рукой
Берёзки в шумном хороводе
Оделись в радужный наряд
Они, красуясь новой модой
В восторге тихо шелестят
Склонилась тонкая рябина
Гроздья светят янтарём
А листья на морозе стынут
Сияя бронзовым огнём.

В «Дыхании осени» не видно ни малейшей попытки автора как следует поработать над словом, над созданием своеобразной пейзажной картинки, всё здесь случайно, приблизительно и местами даже противоречиво. Вначале говорится о «вихре листопада». Значит, речь о поздней осени? Оказывается, ничего подобного: «Берёзки… оделись в радужный наряд». Обратите внимание: оделись. То есть только что – это бывает в самом начале осени – пожелтели, зазолотились. Чему же верить? Или такая деталь: «А лес тоской немой овеян». Невесёлый лес, задумчиво-печальный. Но чуть ниже читаем: «Они (берёзки), красуясь новой модой, в восторге тихо шелестят». Тоска и восторг – разве это одно и то же состояние? Непонятно также, какую конкретно моду имеет в виду автор, называя её новой. Много слов в стихотворении, а не сумел автор распорядиться ими обдуманно, и вот кружатся они по странице с той же беспорядочностью и неопределённостью, как облетевшая с деревьев листва.

Осенние мотивы находим мы не у одного Н. Усанина. Возьмём для опыта две строфы из стихотворения кемеровчанина Виктора Гусева «Воспоминание»:

Лист пожелтевший падает тихо
Изредка крикнет над лесом сова
Милая что-то не пишет мне писем
Может забыла давно уж меня
Вспоминаю вечер тот июльский
Радужные звёзды и луну
Как встретившись на перекрёстке после танцев
Шагали взявшись за руки к мосту

Попробуем теперь привести эти разболтанные, беспомощные по форме, но не безнадёжные по чувству строчки в надлежащий, в божеский вид. В такой, к примеру:

Листьям жарко. Но прохладно высям.
Осень… Крик совы на склоне дня…
Долго что-то нет от милой писем.
Может, позабыла уж меня?
Только я всё в памяти лелею
Вечер тот, мерцанье звёзд в реке.
Помню, после танцев встретясь с нею,
Мы тихонько шли – рука в руке.

Это, разумеется, далеко не образец, возможен и ряд других вариантов. Думается, что цель этого маленького эксперимента не нуждается в пояснении, поскольку мы всё время говорим о необходимости литературной учёбы, которой, к сожалению, многие молодые авторы пренебрегают, надеясь на авось да небось.

С теми, кто по молодости лет и по неопытности ещё плохо разбирается во всех тонкостях, «секретах» поэзии, вообще-то всё ясно, они и сами наверняка понимают, что им надо учиться. Гораздо сложнее обстоит дело с авторами, которые по недоразумению считают себя уже вполне сформировавшимися поэтами, хотя на деле-то до взятых ими мнимых высот ещё шагать и шагать.

Около десятка новых стихотворений предложил к печати новокузнечанин Леонид Сербин. Почти все они написаны с явной претензией на так называемую сложную поэзию со всеми её модными атрибутами: недомолвками, бессвязными сопоставлениями, случайными ассоциациями и т. п. Давайте вместе внимательно прочтём небольшое лирическое стихотворение:

В этом веке всего отпущено.
Но по сердцу проходят танки.
И любовь моя, как отдушина.
Танька.
Говорю бессвязное что-то,
Как в испорченном автомате,
Кружат белые самолёты,
Словно цифры на аппарате.
Пляжных женщин литые бёдра
Да химические глаза.
Мама пишет, в деревне вёдро,
Прошумела уже гроза.
А ещё ей нужна клеёнка,
Не прозрачная, а плотней.
Танька, Танька, простая девчонка
За пожарами Жигулей.

При всём желании невозможно понять, что хотел сказать автор, какая внутренняя связь видится ему между всем тем, о чём упоминается в стихотворении – между таким высоким понятием, как «этот век» и «пляжными женщинами», между сугубо прозаической клеёнкой и «проходящими по сердцу танками», между загадочными «пожарами Жигулей» и не менее таинственным кружением «белых самолётов», схожих с цифрами «на аппарате». Автор, конечно, готов отстаивать каждое написанное слово, он уверен, что сумеет доказать, разъяснить каждый образ, но факт остаётся фактом: «всего отпущено» стихотворению, только смысла в нём мало. Между прочим, по нашим наблюдениям, не у кого-либо другого, а как раз у поэтов, претендующих на «сложную», «интеллектуальную» поэзию, чаще всего замысловатая образность благополучно уживается с самыми расхожими, ставшими с некоторых пор модными поэтическими шаблонами, характерными набором таких слов, как *звёзды, ладони, пожары, планета, век, эпоха* и т. д. Есть это и у Леонида Сербина: «Тайна в ладонях тревог и надежд моих светлых», «Летит по планете машина с крестами», «Но, вдруг однажды посреди планеты, почувствую: мне жарко, я горю» (вот какой вселенский размах у поэта: не где-нибудь там на улице, на площади, а посреди планеты!).

Порой удивляешься: неужели сами авторы подобных стихов, в том числе и не лишённый способностей Леонид Сербин, не могут понять, как далека от настоящей, высокохудожественной и высокоидейной поэзии эта ложно многозначительная игра в неё, это своего рода литературное мальчишество… Сами для себя придумываем, создаём ненужные трудности, а потом с энтузиазмом преодолеваем их, как будто мало в нашей работе трудностей реальных – по-настоящему сложных и больших…

М. Небогатов, *член Союза писателей. г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1969. – 27 ноября. – С. 4.

«УЧУСЬ НАБЛЮДАТЬ, ИСКАТЬ, ДУМАТЬ»

Сегодняшний разговор о стихах хотелось бы начать с выдержек из письма Александра Кривоногова, девятнадцатилетнего автора из деревни Черниговка Тяжинского района: «…Учился. Сначала в школе, затем в педучилище. Окончил его и сейчас работаю учителем. Постоянно учусь наблюдать, искать, думать… Очень люблю музыку, занимаюсь ею… С детства увлекаюсь стихами. Иногда печатаюсь в районной газете. Однако я ощущаю, что в моих стихах ещё многого недостаёт. Чего? Новизны, свежести, красок, своего направления?..».

Мы ещё не знаем стихов А. Кривоногова, не знаем даже, есть ли вообще у него поэтические способности, но уже одно то, что он сообщает о себе, вызывает интерес к нему как к человеку.

Действительно, разве не предполагают богатство духовного мира такие отличительные качества, как целеустремлённость, многообразие увлечений, стремление постоянно работать над собой, трезвое, критическое отношение к своим литературным занятиям и ясное, далёкое от переоценки собственного авторского «я» понимание истинной ценности того, что выходит из-под пера.

А теперь о стихах А. Кривоногова. Кроме недостатков, отмеченных им самим, встречается ещё и такой, который можно определить как неуверенное, неумелое обращение со словом. Вот некоторые примеры: «Недаром в людях часто говорят: кто одинок, тот не пойдёт. Утонет». В первой строчке явно для заполнения ритмической пустоты поставлено слово «часто», вместо «в людях» следовало бы написать «в народе», это более употребительное выражение, так же, как «люди говорят», а не в людях. Во второй строчке непонятно, куда не пойдёт тот, кто одинок. Афоризм не получился. Но эта неудача восполняется в следующей строфе этого же стихотворения, где заключительные строчки звучат по-настоящему афористически: «Счастливым только тот умеет быть, кто хоть однажды в жизни был несчастным». И тем досаднее видеть перед этими строчками совершенно неуклюжую фразу: «Улыбка у меня была не часто». Тут, видно, опять ритм подвёл, потому что само собой напрашивается простое и более выразительное по своей простоте: я улыбался нечасто.

Вдумчивая, тщательная работа над словом, над языком – вот та главная задача, которую сейчас должен поставить перед собой Александр Кривоногов.

«Постоянно учусь наблюдать, искать, думать» – пусть эти слова, сказанные о себе Александром Кривоноговым, станут жизненным и творческим девизом для каждого начинающего автора.

Все мы не раз, не два любовались красотой осеннего леса, а многим ли удаётся открыть что-то новое, недоступное обычному, будничному взгляду? Поэт ищет и находит это необычное, неповторимое. Вот, смотрите, в какие образы облекает свои наблюдения новокузнечанин Степан Рыбак:

Лишь вдалеке темнеет стог,
Да у дороги на развилке –
Лесок, прозрачный, как листок,
Стволы и сучья, как прожилки.

Две последние строчки сразу же запоминаются. Почему? Да потому, что они содержат в себе художественное открытие.

Возможности поэтического слова поистине беспредельны, надо лишь уметь рационально, со вкусом использовать их. Известно, например, как восхищался Лев Толстой тютчевскими строчками: «Лишь паутины тонкий волос блестит на праздной борозде». В прозе, говорил Толстой, эта «праздная борозда» была бы нелепым выражением, а вот в стихах оно вполне допустимо, в двух словах дана целая картина осени…

Степан Рыбак написал стихотворение «Снег», в общем, не очень удачное (в ряде строчек из-за неточного подбора слов восторг лирического героя кажется неестественным, наигранным). Но и в этом стихотворении видна одарённость автора:

День берёт меня в охапку,
Снежный, свежий, пухлый день.

Ощущение первого зимнего дня с его белизной, свежестью, пушистым снегом передано очень верно, причём сделано это именно с помощью тех художественных средств, которые присущи только поэзии; согласитесь, что не всякий прозаик решится написать в рассказе или повести: «день берёт меня в охапку»… Одухотворение природы, вещей и предметов – счастливая привилегия поэзии, которая, оговоримся, может играть всеми своими красками и в произведениях иной, не стихотворной формы (классический пример – сочинения Гоголя).

Немало поэтических находок в осеннем цикле Игоря Акоскина из посёлка Барит Гурьевского района. Вот одно из его стихотворений:

У осени своё начало.
Она рождается во мне,
Она, как шторм, меня качает
На разметнувшейся волне,
Она и жданна, и нежданна,
И как всегда, когда не ждёшь,
На окна – синие экраны
Помехами вползает дождь.

Не мучайтесь в догадках, мастер,
Прогнозы вовсе ни при чём.
Пройдут дожди. И снова краски
Горе прольются на плечо.
И в сердце радостной находкой
Ты, осень, снова расцветёшь…
Уходит серою походкой
По зонтикам деревьев дождь.

Образно, не правда ли? Можно отметить как удачные и некоторые строчки из двух других стихотворений: «А по глазам озёр разлита по лету брошенному грусть», «Собрать бы листья на скамейках и написать на них о том, как осень – рыжая злодейка сентябрьский заняла престол», «Будешь ты, как маленькая речка, буду я, как озеро твоё».

При всём том положительном, что встречаешь в стихах Игоря Акоскина, было бы преждевременным только похвальное слово в его адрес. Нет, многое в этой работе ещё довольно противоречиво. С одной стороны – хорошее чувство образа: «По зонтикам деревьев дождь», с другой – рядом же – о походке дождя говорится, что она «серая» – эпитет совершенно условный, прямо-таки в духе имажинистской образности. Чем-то неуловимо напоминают Николая Ушакова и Марину Цветаеву такие строчки, как «Не мучайтесь в догадках, мастер» и «Горе прольются на плечо». Конечно, равнение на любимые образцы – обычное дело в

любом направлении, без этого не обойдёшься, но, видя перед собой тот или иной поэтический образец, находясь под его обаянием, необходимо чётко различать, где у тебя плодотворная учёба, а где всего-навсего рабское копирование, ученическое подражание.

В плену подражательности, как нам кажется, и новокузнечанка Валентина Пьянкова. Судя по присланной ею подборке, её кумир – Борис Пастернак. Пьянкова не лишена поэтического воображения, способности мыслить образами:

Сегодня утром россыпями звёзд
играло небо, и дымился воздух.
И благозвучье поезда и вёрст
внушало: мир из расстояний создан.
Несбыточного, впрочем, как всегда,
все жаждали – задело за живое.
Сквозь утро проходили поезда,
и, не прощаясь, расставались двое.

Радостно обнаружить в кипе рукописей стихи, может быть, по форме не очень умелые, зато не вымученные, предельно искренние. Такие именно стихи прислал курсант Кемеровского военного училища Виктор Вишняков. Одно из стихотворений – «Ревность».

Твой городок не за семью запорами,
Обычный, как и тысячи других,
Но улицами и домами новыми
Он сжал тебя в объятиях своих.
И мне нельзя прорвать твою блокаду,
И только мыслей не сдержать своих:
Я в сотый раз в мечтах крушу преграду
И писем с нетерпеньем жду твоих.
В жару и в дождь, зимою в стужу злую,
В строю походном, в день и в час любой
Я к городу тебя чуть-чуть ревную
За то, что он всегда, всегда с тобой.

С первого прочтения стихотворение «Ревность» принимается тобой безоговорочно со всем, что в нём есть, и только потом, ещё раз прочитав его, замечаешь, что по форме оно далеко от совершенства, что автор допустил словесную неточность, написав «твою блокаду» вместо «его» (города), что очень бедны рифмы «твоих – своих» и совсем нет рифмы «запорами – новыми». Хотелось бы посоветовать ему быть как можно внимательнее к языку своих произведений – словесных погрешностей в них ещё немало.

Уже не раз печатался в городских газетах и выступал по областному радио Геннадий Измайлов из Междуреченска. И это не случайно – его стихи в основе своей вполне пригодны для опубликования. Но сколько же в них частных недоработок! С редакторским карандашом надо читать и присланное нам стихотворение «Он другом не был никогда». «Мы друг за друга *шли* стеной» (вместо «стояли»), «Меня *тут* в армию призвали», «*Тут* на пижона разозлясь» («тут» в обоих случаях только для размера), «Но я всё ждал и ждал его. Как вдруг, негаданно-нежданно я друга встретил своего» (ждал, нежданно?!).

Эти, как будто мелкие, а на самом деле очень существенные недостатки (в поэзии важна любая «мелочь») тем более нетерпимы в стихах Геннадия Измайлова, что есть у него много строк, написанных на хорошем, почти профессиональном уровне.

Его жизненный девиз – в таких, например, строчках: «Шагать сквозь сибирские стужи, в душе быть немного поэтом». Добавим от себя: а если хорошенько поработать над собой, в совершенстве овладеть родным языком, то можно стать поэтом не только в душе.

М. Небогатов, *член Союза писателей. г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса.– 1969. – 27 декабря. – С. 3.

ИСКРЫ ИСКРЕННОСТИ

Всё ближе исторический юбилей – столетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Думами о Ленине живут сейчас все трудящиеся нашей планеты, всё прогрессивное человечество. Ленинская тема так или иначе отображается и в стихах молодых авторов. «Прошу вас дать отзыв о моих стихотворениях, – пишет в редакцию прокопчанка Вера Еремицкая, – может быть, они и неудачные, но я писала от всего сердца. В. И. Ленин является для меня примером в труде и жизни». Вера Еремицкая не претендует на публикацию своих стихотворений, однако одно из них вполне заслуживает того, чтобы целиком процитировать его:

Родное ленинское имя
В народных думах и мечтах.
Оно, как солнце, негасимо,
Оно у всех живёт в сердцах.
Принёс он Родине свободу
И землю светом озарил.
Он мир и счастье дал народу,
На труд и подвиг вдохновил.
О нём шумят весною реки,
И песни мы поём о нём –
О самом светлом человеке,
О самом мудром и простом.

Действительно, это написано не совсем профессионально, зато от всего сердца. Хорошие слова нашла Вера Еремицкая для обобщения своих раздумий о великом вожде:

Всё меньше тьмы, всё больше в мире света,
Зажжённого бессмертным Ильичом!

Не всем, однако, по душе свет ленинских идей, есть на земле люди, которые хотели бы погасить его, поэтому ленинская тематика в творчестве начинающих авторов органически переплетается с темой обороны нашей страны, с темой войны и мира. Не очень умело в литературном отношении, но тоже от всего сердца написаны стихи военнослужащего Виктора Борокова, посвящённые тем, кто пал смертью храбрых на фронтах Великой Отечественной войны:

Мальчишки, не пришедшие с войны,
Не видевшие зарева победы,
У разных городов погребены,
Вихрастые, простые непоседы.
Вы тоже где-то песни пели,
Улыбки собирали у весны.
А полюбить вы просто не успели,
Мальчишки, не пришедшие с войны.
Мы обещаем вам, мальчишки,
Мы, ваши сверстники, друзья,
Погибнем, если будет нужно,
А по-другому просто нам нельзя.

Да, по-другому нельзя, невозможно. Это звучит как клятва. Ради такой, близкой нам всем мысли, ради искренности, с которой написано стихотворение, можно простить Виктору Борокову сбивчивый ритм, слабость некоторых рифм, словесную неточность в ряде строчек. Техника стиха – наживное дело, в данном случае важно иное – гражданская позиция, достоверность мыслей и чувств.

От имени недавно демобилизованных солдат говорит в стихотворении «Матери» сержант запаса Геннадий Измайлов из Междуреченска:

Я на прощанье был важен и строг,
Ещё бы: пострижен ведь наголо.
А ты мне тихонько сказала: – Сынок…
И как-то смущённо заплакала.
Тень вдруг легла на родные черты,
Стали заметней морщины.
Я догадался, что вспомнила ты
Проводы старшего сына.
Память твоя воскресила вокзал,
Поезд, гудящий уныло…
Ты провожала… И кто тогда знал,
Что навсегда проводила.
Мне ли не знать материнскую грусть?
Верь, мама, слову солдата –
Я отслужу и к тебе возвращусь
Очень похожим на брата.

Из стихов В. Борокова и Г. Измайлова видно, что на одну и ту же тему можно написать по-разному, оригинально, если вкладывать в эту тему своё личное отношение к ней, заветное и сокровенное, без чего не может быть, как говорил Маяковский, поэтов хороших и разных. А что это именно так, может подтвердить и стихотворение «Ожидание», принадлежащее курсанту Кемеровского военного училища Виктору Вишнякову:

Ты спишь сейчас, а мне весну
встречать,
И ждать её немого появленья,
Чтобы потом бессменно охранять,
Хоть не гласят об этом наставленья.
Мой пост ей не оставить в стороне,
Не обойти окольными путями,
Ведь служит он опорою весне,
Скреплённою солдатскими сердцами.
Пускай она здесь наберётся сил
Для своего заветного рассвета,
Чтоб он ей светлый путь определил
И дал увидеть приближенье лета.
Ты спишь сейчас. К тебе стремятся сны,
Твой дом они отыщут на планете,
А мне встречать вступление весны –
Я за её грядущее в ответе.

Виктор Вишняков нашёл для не новой, казалось бы, темы такие слова и образы, которые позволяют нам воспринимать весну не только как время года, но и как Весну с большой буквы – символ мира и счастья на земле.

По нашим наблюдениям, удачи сопутствуют, как правило, тем авторам, которые берутся за перо по душевной потребности, а не из одного желания что-то срифмовать. Для опытного читателя не составляет особого труда отличить искренность от надуманности. Читаешь, например, стихи новокузнечанина В. Петраша и создаётся впечатление, что он готов написать стишок на любую тему, благо техника стихосложения уже неплохо освоена им. Вот, скажем, восьмистрочное стихотворение под многообещающим названием «Правда»: *«Я знаю, я знаю – прав ты! Иной раз с плеча рублю – люблю я суровую правду и горькую правду люблю. Порою становится тошно, коль правдою колют глаза, но это простить ведь можно, обман же простить нельзя!»*.

Абстрактно, беспредметно стихотворение В. Петраша «Подлость»:

Я ненавижу подлость,
Мешающую жить,
Подлость, как полость
Трусливой души.
Прикинется доброй,
Подлезет ужом
И в сердце сквозь рёбра
Вонзится ножом.
И снова чистая,
И снова добра,
До следующего выстрела
Из-за угла.
На травах смятых
Крови струя,
Быть может, чья-то,
Быть может, моя.

Анатолий Жамеро из Новокузнецка сообщает, что первые его стихи были опубликованы ещё в 1962 году и с тех пор он постоянно печатается. Для нашей газеты молодой автор отобрал восемь стихотворений. На первый взгляд, все они написаны литературно грамотно, со знанием дела, но если приглядеться к ним пристальнее, внимательнее, то легко обнаружить многие недостатки, погрешности. Вот начало

стихотворения «Каменщик»: *«Мороз старается усердно – куёт кристаллы леденцов и с нежностью немилосердной румянит юное лицо».* Разве можно сказать про нежность, что она «немилосердная»? И разве леденцы и льдинки, которые имеет в виду автор, одно и то же?

«Я встаю, пронизанный сноровкой, и иду с гудящею толпой». Это из стихотворения А. Жамеро «Утро». Оказывается для того, чтобы подняться утром с постели, нужна… сноровка. О любви говорит так: *«Она и ось земного шара, и жизни истинная мать».* Далась некоторым стихотворцам эта земная ось! Спроси их, что это такое, они и сами не знают…

Из всей подборки, присланной Анатолием Жамеро, лишь одно стихотворение – «Сосёнка» – оставляет хорошее впечатление:

Исхлёстанная ветром белым,
В накидке инея сквозной,
Сосёнка, розовая телом,
Стоит под синью навесной.
Ты посмотри, каких усилий
Ей стоит зиму пережить!
И не впадёт она в бессилье –
Она звенит, а не дрожит.
Она прошла всё зло стихии
В былые грозные года.
Она, как женщина России,
И терпелива, и горда.

По образу – стойкость дерева и женщины – и это стихотворение не ново, но нет в нём, по крайней мере, остро бросающихся в глаза недоработок. А это в свою очередь свидетельствует о том, что автор может писать, «не впадая в бессилье».

Как уже говорилось выше, искренность – одно из основных условий для создания полноценного художественного произведения, способного взволновать читателей. К сожалению, часто случается так, что искры искренности гаснут в словесном мусоре. Гурьевский автор Валентин Рубцов прислал в редакцию четыре стихотворения. Вот начало одного из них:

Голосом влюблённых по протокам,
Под удары первые весла,
Импульсом невидимого тока,
Ярко музицирует весна.
Зазвучала всюду баркарола.
Появились в небе журавли.
Ребятишки, скорчившись не скромно (?!),
Провожают в лужи корабли…

Верится, что автор искренно восхищён весенним пейзажем, а нужных слов не находит. Ему, по-видимому, кажется, что чем больше в стихотворении таких книжных выражений как «импульс», «баркарола», «музицировать», тем поэтичнее оно станет. А получается как раз наоборот – все эти выражения выглядят нарочитыми, выспренними, лишают стихотворение самого необходимого элемента поэтической речи – простоты. Однако, не всё плохо в стихах Валентина Рубцова: судя по некоторым строчкам, он в поэзии – не случайный человек. В его работе чувствуется стремление к образному изображению окружающего мира. Например: *«А сегодня денёчек без облачка. Я плыву по раздольной весне, словно смолка по острой иголочке, что растёт на высокой сосне».* В этих строчках есть что-то от настоящей поэзии. А раз так, то автору надо как можно серьёзней заняться литературной учёбой, освоением родного языка, чтобы не допускать таких неграмотных оборотов речи, как «хочу знать *вашего мнения*», «избыток времени *удиляю*».

С таким же советом хотелось бы обратиться и к Владимиру Жигалову из посёлка Яшкино. По чувству его стихи очень искренние, а по исполнению – неумелые, неуклюжие, даже местами пародийного звучания. Похоже, что автор не твёрдо знает значение того или иного слова, иначе не написал бы он в своих стихах вместо «причала», «приюта» «притон», не смотрел бы на то, чего нельзя увидеть («на следы, которые уже замело пургой»…).

М. Небогатов, *член Союза писателей. г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1970. – 11 апреля. – С. 3.

СВОЁ И ЧУЖОЕ

Когда наступает лето, все мы ждём от него яркого солнца, щедрого тепла, буйной зелени, безоблачной синевы. Но не всегда капризное сибирское лето бывает именно таким. Иной раз весь день пасмурно, дождливо, прохладно. Под стать этому и настроение. Но как оно меняется, если вдруг где-то уже к вечеру ветер разгонит серые облака и на чистой, как бы омытой дождём небесной бирюзе засверкают по-настоящему летние солнечные лучи, ласковые, нежные, ослепительно заполоняющие всё вокруг!

Нечто подобное происходит и во время чтения рукописей начинающих авторов. Просматриваешь одно за другим сочинения – и невесело на душе от серых, беспросветных строчек. И вдруг на этом фоне проблеснёт и обрадует что-то живое, что-то похожее на робкий солнечный лучик. И хотя не часто такое случается, а радость от находки остаётся с тобой надолго.

Мало радости читать, скажем, стихотворение «Космос», принадлежащее перу новокузнечанина Л. Бояринцева, которое начинается не очень вразумительным четверостишием:

Во имя жизни неизменно
Миллионы лет вершит дела
Реактор плазмы во Вселенной,
Источник света и тепла.

Не лучше и то, что говорится дальше:

Прогресс науки и движенье –
Таков закон в двадцатый век!
Прорвав земное притяженье
В бескрайность вышел человек!
Тот человек был русский парень,
С душой открытой и простой… и т. д.

Невдомёк Л. Бояринцеву, что в этом стихотворении нет ни капли творчества, что всё тут – от общих рассуждений до рифмовки – не своё, а заёмное, много раз петое и перепетое, что повторять сказанное другими – это значит, не уважать ни себя, ни читателей.

В отличие от стихотворения, о котором мы только что говорили, стихи Геннадия Зимина из Анжеро-Судженска в литературном отношении менее грамотны, но в них чувствуется творческое начало, стремление говорить по-своему, не повторять кого-то, а искать собственное решение темы.

Вот одно из его стихотворений – «Весна»:

Уж приоткрыла дверь весна
И холод отступил пугливо
И ожил тополь у окна,
В лучах купаяся игриво.
Затем махнул весне листом –
Зима оставила на память.
Так матери согрет теплом
Ребёнок шевельнёт губами.
А снег в тени ещё надмен,
Хотя покрылся в серый панцирь
И зло от шумных перемен
Костлявые сжимает пальцы.

Нетрудно заметить, что словесное оформление мыслей и чувств здесь не самое удачное, но подход к теме у автора правильный: он пытается говорить о том, что его взволновало, образно: отсюда и сравнение весны с лаской матери, и «костлявые пальцы снега». Повторяем, единственно верных слов автор ещё не нашёл, но стремление его к образному изображению мира радует и обнадёживает.

Автору, слесарю по профессии, предстоит ещё огромная работа по освоению литературного языка, однако эти не совсем грамотные стихи в общем и целом производят неплохое впечатление. Учёба – серьёзная, вдумчивая, постоянная – вот та главная задача, которую необходимо решить Геннадию Зимину.

Новокузнечанин Анатолий Жамеро пробует писать стихи о детях и для детей. Эту пробу пока нельзя признать удачной. Давайте вместе прочтём стихотворение «Солнышко»:

Тихим утром рано-рано
Из-за розовых широт,
Как из сказки, из тумана
Красно солнышко встаёт.
Мне в постельке тёплый лучик
Станет глазки щекотить.
Я зажмурюсь, а он лучше
Греет, чтобы разбудить…

Вы, наверное, уже обратили внимание на то, что автор старается найти общий язык с детьми с помощью уменьшительных существительных: «солнышко», «в постельке», «лучик» (встречаются они и в других стихах: «сестричка», «братик», «росинки», «на лодочке», «рыбок»), но обилие уменьшительных слов оборачивается слащавостью, сюсюканьем, чего ни в стихах, ни в разговоре дети как раз не любят. Детям больше по душе, когда с ними разговаривают, как со взрослыми, серьёзно, не подлаживаясь к ним. Об этом и хотелось бы напомнить не одному Анатолию Жамеро, а всем, кто пытается сочинять для детей. Писать для детей, – говорил Горький, – надо так же, как для взрослых, только лучше.

Больше удаются Анатолию Жамеро просто лирические стихи, которые он пишет, «не приседая на корточки». Но и эти стихи пока что далеки от совершенства. Вот, к примеру, начало одного стихотворения о природе:

Хорошо, в густом настое сини,
Мне ласкать глазами детство дня,
Пить глотками запахи России,
Утонув по плечи в зеленях.
Посмотреть, как юная рябина
На прогулке долгие года,
Нежно с кедром шепчется любимым,
Заливаясь краскою стыда.

Наряду с хорошими строчками попадаются здесь и сомнительные, непродуманные. Особенно «не повезло» рябине: она почему-то не стоит на месте, а прогуливается, смущение её при взгляде на любимый кедр именуется стыдом, что совсем не одно и то же. Так вот подчас два-три неточных слова или выражения

засоряют, и то и сводят на нет рядом стоящие хорошие строки. Это лишний раз подтверждает справедливость совета насчёт того, что работать надо буквально над каждой строкой, над каждым словом.

Беда многих молодых стихотворцев в том, что умение рифмовать они ошибочно считают вполне достаточным для создания произведения на любую тему. Но, как было уже не раз сказано, не в одних рифмах дело. Подбирать рифмы, в общем-то, не такое уж трудное занятие. Заботиться следует о другом, более важном: о глубине содержания, об оригинальности его.

Кемеровчанин Валериан Бейс рифмовать умеет, но присланное им стихотворение совершенно безликое, под ним может поставить свою фамилию любой из начинающих авторов:

Весь город празднично красив,
Он в тысячах огней.
Под звуки маршей Май идёт
По Родине моей.
*Течёт широкую (*вместо *широкою) рекой*
В разливе кумача.

Всё здесь, как говорится, правильно, бесспорно, а читать эти строки скучно, потому что на эту тему в разных схожих вариантах написали уже многие. Нет сомнения, что автор работал над стихотворением (мы процитировали только начало) добросовестно, с душой, однако упустил он из виду то, что и публицистика должна быть своеобразной, впечатляющей, воздействующей не только на ум, но и на сердце, на эмоции.

Ещё более уверенно обращается с рифмами Т. Перепелицин из Кемерова, у него созвучия во всех строчках, но стихи его ничуть не лучше, чем у Валериана Бейса.

Про многих начинающих стихотворцев можно сказать, перефразируя Некрасова: поэтом можешь ты не быть, но грамотным ты быть обязан.

Немало слов потратил на создание стихотворения о мире и войне кемеровчанин Павел Лисавенко. Говоря об обелисках, о памятниках героям войны, он пишет:

Они стоят, чтоб вновь не повторились
Злодейства, что идут из века в век.
Они молчат, но людям не забылись
Освенциум, Дахау, Майданек.

«Век» рифмуется с «Майданек», а между тем эти слова не могут быть созвучными, потому что в слове «Майданек» ударение должно падать на второй, а не на последний слог; слово «Освенцим» автор превратил в «Освенциум»…

Бывают случаи (правда, не часто), когда приходят стихи, написанные как будто двумя разными авторами. Одни – почти профессионального уровня, другие – ученически беспомощные. В качестве примера приведём два стихотворения Александра Арсентьева из Белова. Первое:

А кругом красота!
Констатирую факты.
Жизнь проста иногда.
Жизнь проста, как плакаты.
Но есть день или час,
Когда всё кувырком,
Когда хочешь кричать,
Но застрял в горле ком.
И себя понимать
Можешь сам, только сам,
Да лишь добрая мать
Тихо вытрет глаза.
Всё пройдёт и тогда
Не захочется плакать.
Жизнь проста, но беда,
Что она не плакатна.

Трудно разобраться в этих путаных рассуждениях, в этих «фактах», которые «констатирует» автор. Логически у него не сводятся концы с концами. Из первых строчек можно понять, что лирического героя радует, что жизнь проста, как плакаты, несмотря на то, что встречаются в ней горькие дни и часы, а в заключительном четверостишии говорится: беда, что жизнь не плакатна, т. е. не проста. Можно и дважды, и трижды прочитать это стихотворение, но так и не понять, за что же ратует автор, который, судя по всему, ещё не научился ясно, логически мыслить.

А вот другое стихотворение Александра Арсентьева – «Дорога»:

Промокшая дорога,
Озябшая трава.
Шагать устали ноги.
Кружится голова.
А путь далёк и труден,
Как нудная строка.
И грязь, как липкий студень,
Налипла к башмакам.
А туча, как ворона,
Промчалась надо мной,
А радуга короной
Повисла над рекой.

Твёрдый поэтический почерк, ясность мысли, интересные образные находки – всё это в явном противоречии с первым стихотворением. В чём секрет такой метаморфозы – трудно разгадать…

Читатель уже вправе спросить: неужели среди стихов, которые стали материалом для этой статьи, не нашлось ничего по-настоящему поэтического, хорошего? К счастью, нашлось. Это стихи Галины Дерябиной со станции Промышленная. Светлые, чистые, они радуют, как солнце в пасмурный день.

Подари лесную незабудку.
Просто так на память подари.
Может быть, в свободную минутку
Вспомню вечер розовой зари.
Вспомню лес и синие цветочки,
Вспомню трав хрустальную росу.

Я тот вечер в розовом платочке
По всей жизни в сердце пронесу.
Подари лесную незабудку,
Ту, что пахнет раннею весной.
Ты надейся, я ведь не забуду
Первое свидание с тобой.

Сколько искренности, непосредственности, живого чувства в этой простенькой по форме вещи! Житейский факт здесь благодаря эмоциональности стал фактом поэтическим. Для Галины Дерябиной самое главное – это видно по всему – не подбор точных рифм, а достоверность, подлинность чувства.

М. Небогатов, *член Союза писателей. г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1970. – 16 июня. – С. 3.

ЛЁГКОГО ПУТИ НЕТ…

Многописание, говорил Антон Павлович Чехов, великая вещь. Ни дня без строчки! – под таким девизом работали и работают многие профессиональные литераторы. Леонид Леонов, например, считает, что писатель должен трудиться без выходных и праздников. За постоянную творческую «боеготовность», «боеспособность» горячо ратовал Демьян Бедный. И не только ратовал, а и сам на деле, своей творческой практикой утверждал это: о его плодовитости красноречиво свидетельствовали двадцать томов стихотворений, написанных поэтом-большевиком, поэтом-трибуном.

Но много писать – это далеко не единственное слагаемое успеха. «Набивать руку» полезно, однако делать это надо разумно, целеустремлённо.

Кемеровчанин (ныне военнослужащий) Владимир Масленников прислал в редакцию подборку, в которой около двух десятков лирических стихотворений. Подборка, как видим, внушительная по объёму, но выбрать из неё что-нибудь для печати, к сожалению, невозможно, несмотря на то, что автор – человек не без способностей. Встречаются у него отдельные хорошие строчки, которые можно сравнить со стекляшками, поблёскивающими в груде мусора. Вот один характерный пример:

И город мой – уже не город:
Частица Млечного пути,
И я, как прежде, очень молод,
Готов Вселенную пройти.
И я влюблён в тебя, как прежде,
Ловлю дыханье, нежный взгляд.
Гляжу в глаза твои с надеждой.
Ну, улыбнись, я был бы рад.

Таково начало одного стихотворения. В этих строчках Владимиру Масленникову удалось найти нужные слова, чтобы передать возвышенное, даже романтическое состояние влюблённого. А дальше идут такие строчки:

Ну, улыбнись чуть-чуть лукавой
Улыбкой женской и простой…

На слове «женской» невольно спотыкаешься: разве у женщины, у девушки может быть мужская улыбка? А если бывает, то как отличить женскую улыбку от мужской? Концовка стихотворения совсем слабая:

О если б, если бы ты знала,
Что ты, как прежде, нужна мне!

Слово «нужна» автор заставляет нас произносить с неправильным ударением, на первом слоге, тогда как оно должно падать на второй слог: что ты нужна, как прежде, мне!

Приведём ещё одно стихотворение:

Листопад прошёл давно,
А зимы всё нет и нету.
Мои чувства, как вино
Захмелевшего бабьего лета.
И вино я это пью,
И хмелею я без счастья…
Я по лесу разолью
Свои думы, как ненастье.

Читатель, наверное, уже заметил, что строчка «захмелевшего бабьего лета» выбивается из общего ритма, что «Я по лесу разолью свои думы, как ненастье» – это явно есенинское. А вот мотив из стихотворения Симонова «Жди меня»:

Будем вместе вечно
Всем назло.
Может, кто-то скажет:
Повезло.

У Симонова: «Жди меня, и я вернусь, всем смертям назло. Кто не ждал меня, тот пусть скажет: – Повезло».

Владимир Масленников ещё молод, это позволяет надеяться, что со временем он избавится от «болезни роста» – от языковых погрешностей и от подражательности.

Много пишет и прокопчанин Николай Ковязин, но и у него трудно выбрать что-либо для опубликования. Обратимся к его стихотворению под названием «Электрик»:

Похож на медведя белого
Витька, электрик бедовый.
Вгрызаясь «кошками» в дерево,
На столб поднимается снова.
Мороз прижигает губы.
Мороз обжигает горло.
Стиснуты яростно зубы.
Работают руки здорово.
Окутанный светлым инеем,
Идёт, забывая усталость.
И снова и снова по линии
Приносит он людям радость.
Проводкой надёжною будит
Седой темноты устоялость.
Выходят навстречу люди,
Выносят ему благодарность.

Строитель по профессии, Николай Ковязин заслуживает благодарности и похвалы за то, что он пытается воспеть рабочего человека, его нелёгкий труд, но, к сожалению, художественной ценности стихотворение «Электрик» не представляет. Вялый ритм, отсутствие конкретных деталей, невыразительные эпитеты, вроде «светлого инея» – всё это делает стихотворение заурядным, слабым, ученическим опытом. Кстати говоря, стихотворный ритм в руках мастеров слова – не просто чёткое чередование слогов в строчках, он, ритм, всегда должен соответствовать содержанию, теме; именно ритм создаёт какое-то настроение. В данном случае – унылое, безрадостное, что в большой мере не соответствует авторскому замыслу – вызвать у читателя симпатию к одному из представителей нашего славного рабочего класса. Хочется, чтобы Николай Ковязин учёл эти замечания, подумал над ними.

Ритмические перебои находим мы и у Н. Глужнева, приславшего из Прокопьевска стихотворение «На дорогах войны». Это тем более досадно, что в общем-то Н. Глужнев владеет стихосложением неплохо, умеет выбрать и нужную форму, и художественные детали, подробности, с их помощью становятся зримыми те картины, которые рисует автор. «На дорогах войны» – это рассказ фронтовика о встрече с мальчишкой, ищущим на пепелище печёную картошку, рассказ довольно впечатляющий. Правильно сделает автор, если в дальнейшей своей работе будет ориентироваться на это стихотворение, вернее, на рассказ в стихах, повествовательная форма ему удаётся. Приведём для примера несколько строк:

Я вымолвил: «Привет, братишка!
Что делаешь и кто здесь есть?».
В ответ тихонько
прошептал мальчишка:
– Нет никого, а я ищу поесть.
И помолчав немножко,
Увидев, что я пристально гляжу,
Сказал как тайну: «Здесь картошка,
Её, печёную, я, дядя, нахожу».
– Где мать?
– Орда угнала, –
И в сторону отвёл глаза.
А я стоял, и по щеке бежала
Нежданная, солдатская слеза.
– Ты где ночуешь?
– В печке.
– Не холодно?
– Да нет, теперь тепло.
А раньше спал я в бане возле речки,
Да половодьем старую снесло…

Не всякий начинающий стихотворец способен на такой вот непринуждённый, естественный рассказ. Н. Глужневу надо этим дорожить.

В стихах В. Круковера из Белогорска обращает на себя внимание какое-то мрачное восприятие окружающего мира. Судите сами:

Я снег сейчас, а завтра стану грязью.
А послезавтра превращусь в песок.
И жизнь пройдёт однообразной вязью
В безвольном подпиранье разных ног.
А через год всё повторится снова,
Порядок будет тот же, что всегда.
Пройдёте вы по мне в ботинках новых,
Не оставляя в памяти следа.

Не белизну сверкающего под солнцем снега, не буйное половодье вешних вод, не торжество жизни, а грязь и пыльный прах (песок) воспевает молодой поэт, и от этого хотелось бы предостеречь В. Круковера. Настоящая поэзия – это ведь жизнеутверждение, а не безвольное смирение перед бренностью всего сущего. Ещё Пушкин писал: «печаль моя светла», «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Продолжение этих жизнеутверждающих традиций можно найти в лучших образцах лирики нашего времени.

«Дорогая редакция! Я пишу вам впервые и обращаюсь с большой просьбой, я посылаю несколько своих стихов, пожалуйста, дайте оценку этим стихам, посоветуйте, как лучше, и стоит ли мне продолжать писать стихи» – это из приписки к стихам новокузнецкого автора Тамары Север.

Охотно выполняем эту просьбу. Для наглядности процитируем начало стихотворения «Весна»:

Свою февраль давно уже закончил песню.
Подожди, не уходи, зима!
Ветер мне различные приносит вести.
К нам в Сибирь торопится весна.
Вот она, огромная, красивая,
Гордо солнце на руках несёт,

Очищает небо от морозной пыли,
Осторожно солнце на небо кладёт.
Вот она ступает мелкими шагами,
На ходу снимает шапки с тополей.
Вот играет осторожно с облаками,
И величественно вторит эхо ей.

Уже из этих двенадцати строчек видно, что Тамара Север делает лишь самые первые, робкие шаги в поэзии. Форма стиха страдает многими ошибками – неумением придать строчкам ритмическую стройность, найти полноценные рифмы (зима – весна, вести – песню, красивая – пыли), неумением строить правильно фразы (бросается в глаза неудачная инверсия, т. е. расстановка слов: «Свою февраль давно уже закончил песню»). Это азы стихосложения, которые обязан знать любой начинающий поэт. Радует в этих строфах только одно – стремление писать образно: «Гордо солнце на руках несёт», «На ходу снимает шапки с тополей» и т. п. В образном мышлении Тамаре Север не откажешь. Что же касается вопроса «стоит ли мне продолжать писать стихи?», то это в любом случае должен решать сам автор.

А вот выдержки из письма, принадлежащего перу девятнадцатилетней кемеровчанки Елены Овчаровой: «…я очень люблю стихи. Пробую писать их сама. И хотя хочется видеть свои труды, чувствую, что это для меня очень трудно. Иногда целую неделю подбираю нужную строфу… Так хочется, чтобы кто-то мог подсказать, помочь, оценить».

Так и нужно, чтобы было «очень трудно», чтобы «целая неделя», а подчас и больше уходила на поиски нужных слов и строф. Лёгкого пути в литературе нет и быть не может.

Елене Овчаровой, судя по её первым опытам, надо начинать с азов – с теоретической подготовки.

Очень беспомощным выглядит стихотворение новокузнечанина И. Крикунова:

К знаниям стремится всегда пионер,
В работе любой покажет пример.
Далью своею планеты зовут.
В ряды космонавтов пионеры встают.

Эта декларация, хотя она и зарифмована, не имеет ничего общего с поэзией. Похоже, что автор не думает о том, что выходит у него из-под пера, иначе он не написал бы, что пионер «в любой работе покажет пример» (пионеры учатся в школе, а не работают), что носящие красный галстук ребята «в ряды космонавтов встают» (до этого ещё очень далеко).

В качестве учебников, которые могут стать большим подспорьем в самостоятельной литературной учёбе, можем порекомендовать следующие книги и статьи: «Беседа с молодыми» М. Горького, «О писательском долге» Д. Бедного, «Ответ читателям «Василия Тёркина» А. Твардовского, «О поэтах, о стихах, о песнях» М. Исаковского, «Русские писатели о литературном труде», «Русские писатели о языке», «Поэтический словарь» А. Квятковского.

М. Небогатов, *член Союза писателей. г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1970. – 22 августа. – С. 4.

ЧТОБЫ НАПИСАТЬ ХОТЬ ОДНУ СТРОЧКУ СТИХОВ…

Сначала об одном курьёзном случае, который, на наш взгляд, представляет общественный интерес, потому что такие случаи – не редкость.

Новокузнецкий автор Владимир Комыжика прислал в редакцию стихотворение под названием «Счастливая». Приведём это стихотворение полностью, чтобы в его оценке приняли участие и наши читатели:

На берегу под ивою
В вечерней тишине
Такою ты счастливою
Явилася ко мне.
Я ощутил дыхание
Твоей груди в тот час:
В ней было лишь желание,
Понятное для нас.

Тобою очарованный,
Стоял я в этот миг.
Я ощутил, взволнованный,
Что счастье то постиг,
Которое встречается
Не часто людям всем…
Лишь ива улыбается,
А мир притих совсем.

Очнулся вновь не скоро я:
Ведь ты была тогда
Той радостью, которая
В душе живёт всегда.
На берегу под ивою
В волшебной тишине
Такою ты счастливою
Явилася ко мне.

Прочитав это стихотворение, литературный сотрудник редакции поэт Игорь Киселёв отправил автору следующий ответ: *«Присланное Вами стихотворение «Счастливая» опубликовать не можем ввиду его художественной слабости и несамостоятельности. Одного умения рифмовать недостаточно – нужно образное видение мира, нужна свежая поэтическая мысль и десятки других вещей, которых в этом стихотворении «днём с огнём» не сыщешь. Строки: «Я ощутил дыхание твоей груди в тот час: в ней было лишь желание, понятное для нас» – производят комический эффект. Стихотворение не интересно по содержанию».*

Как же отнёсся к этому справедливому ответу Владимир Комыжика? Вместо того чтобы учесть правильные замечания, призадуматься, он тут же написал на пяти с лишним страницах сердитое письмо на

имя редактора газеты. Всё письмо, которое вернее назвать жалобой, мы не имеем возможности процитировать, но вот некоторые выдержки из него: *«…Ответ написан в оскорбительном тоне. Как понимать несамостоятельность? Списано оно, что ли? Я принял это так, что меня считают несамостоятельным. А что знает обо мне этот, так сказать, «литературный» сотрудник И. Киселёв. Я окончил институт, инженер, член КПСС, занимаю ответственную должность и вдруг – несамостоятельный… И после этого его (т. е. Киселёва) постиг комизм. В самом деле, настоящий комик, просто артист. Я, т. Киселёв, знаю, что нужно уметь, знать, чувствовать, чтобы писать стихи, но чтобы быть литературным сотрудником, нужно иметь чувство такта, понимание современной молодёжи, а совесть уж обязательно надо иметь…».*

Напрасно вы, тов. Комыжика, пытаетесь говорить от имени современной молодёжи, она умнее, серьёзнее, тактичнее, чем вам кажется. В оскорбительном тоне написано ваше письмо, а не ответ И. Киселёва, которого вы всячески поносите, называя человеком, не имеющим совести. Перефразируя ваши слова, хочется спросить вас: а что вы знаете о нём? А ведь пишущему стихи надо бы знать, что Игорь Киселёв – талантливый кузбасский поэт, автор двух сборников стихов, хорошо принятых любителями поэзии. Но дело даже не в этом, а в том, что ваше стихотворение вполне справедливо оценено как несамостоятельное, не имеющее ничего оригинального, самобытного. Более того – оно отдаёт пошлостью, а вы, похваляясь знанием поэзии, не замечаете этого. И уж совсем неуместны ваши ссылки на занимаемую вами ответственную должность и прочее. Можно быть ответственным работником и не уметь писать стихи. Вы – не умеете. И об этом надо прямо сказать. Человек с хорошим художественным вкусом не позволит себе предлагать к опубликованию те строчки, которые упоминает рецензент. Да и всё стихотворение вызывает неприятное чувство: лирический герой любуется не своей подругой, а собой, собственной персоной, ах, какой я хороший, как осчастливил тебя, снизойдя до встречи с тобой! Иного смысла в стихотворении нет. Вам очень хотелось увидеть в печати свою «Счастливую», мы выполнили вашу просьбу. Будем считать, что самолюбие ваше удовлетворено. Впрочем, весьма возможна и другая реакция с вашей стороны: новые письма–жалобы. Но это уж, как говорится, дело хозяйское, можете писать, затевать литературную «тяжбу»…

Неправильное реагирование на критику – распространённое явление. Именно поэтому мы посчитали нужным и полезным так подробно остановиться на стихотворении «Счастливая» и на всей этой истории, имеющей принципиальное значение.

А теперь обратимся к стихам других авторов.

О литературной работе Павла Рыцарева из Осинников нам уже приходилось говорить. Как сообщает сам автор, начал писать он недавно, и недостатков в его стихах много. Главное, на что следует обратить пристальное внимание Павлу Рыцареву, это выбор темы. Надо искать в любой теме что-то новое, своё, чтобы не повторять сказанное другими поэтами. Вот и в очередной подборке его стихов мы не находим ничего оригинального, своеобразного. Длинное стихотворение «Русская женщина» изобилует общими фразами вроде: *«Все в мире, о женщина! любят тебя, стихи тебе пишут поэты, любя… В солдатской суровой шинели, в солдатских больших сапогах средь взрывов и свиста шрапнели шагала с винтовкой в руках… Родина вправе гордиться тобой» и т. д.* Таких отвлечённых рассуждений много и в других стихах. О поэте: *Влечёт к себе людей собой и нашим душам ярко светит, поэт всегда живёт борьбой и вправе он гордиться этим»;* об учащихся: *«Во славу Советской Отчизны, штурмуя высоты наук, осилишь ты многое в жизни, познав радость творческих мук. Пройдёшь ты учебные классы, построишь свои корабли, проложишь чудесные трассы к мерцающим звёздам вдали».* Всё правильно, всё бесспорно, но о стихах здесь напоминают только рифмы и ритмически размеренное звучание строчек, в которых нет поэтических образов, открытий. К чести автора надо заметить, что к образности он всё-таки стремится, но пока безуспешно: *«Любви огненной сладкий настой пью я с губ чуть припухших, горячих. И струится над всею землёй свет любви наших взоров горящих».* Художественная ценность такой образности – вычурной, книжной – очень сомнительна.

«Я написал стихи, посвящённые Кавказу, Лермонтову, – сообщает Евг. Лебедев. – Прочитал их знакомым, всем очень понравились, и по их настоятельным просьбам я отчаялся послать их на ваш суд, в вашу газету».

Одно из стихотворений – «Это было так» – заслуживает внимания:

Над Машуком нависли тучи,
Грозя упасть к подножию дождём.
Жара парит, клубится дым над кручей,
Безмолвие тревожное во всём.
Стоят дубки, полянку окружая,
Немятую, высокую траву…
Вдруг ласточек встревоженная стая
Взметнулась с криком к тучам,
в синеву.

И в тишине суровой, напряжённой,
Как гром злодейский выстрел прозвучал.
И Лермонтов, смертельно поражённый,
На землю тихо под дождём упал.
Гремят раскаты грома, провожая
В последний путь великого певца…
О, Русь моя! Великая, святая –
Наполненные горечью сердца…

Чем интересно это, не лишённое недостатков стихотворение? Прежде всего, художественными подробностями, живыми деталями, создающими зримую картину того, что увидел, запечатлел в душе и в памяти Евг. Лебедев. Вот этой изобразительности как раз и не хватает Павлу Рыцареву. Любое хорошее стихотворение, как правило, создаёт у читателя определённое настроение, такое душевное мироощущение,

которое пережил поэт. Нет настроения – нет и поэзии. «Это было так» – удача Евг. Лебедева. Не напрасно побывал он на Кавказе в лермонтовских местах.

Кемеровчанин Николай Устьянцев, ныне военнослужащий, не искушён в тонкостях стихосложения, но стихи его не лишены искреннего чувства, поэтического восприятия мира, и это обнадёживает. Вот одно из его стихотворений:

Ты мне, пожалуйста, верь.
Я ведь уйду от тебя.
Но не закрою дверь,
Хлопать не стану зря.
Я постою, подожду,
Ну, подойди, закрой.
Или скажи: – Не могу,
Не уходи, постой.
Ты мне, пожалуйста, верь.
Я стану твоей судьбой.
Только вот эта дверь
Между тобой и мной.

Опытный читатель сразу же заметит, что рифмовать автор ещё не научился, ставит в конце строк совсем несозвучные слова (тебя – зря, подожду – не могу), однако заметит читатель и другое, более ценное: стихотворение цельно по настроению, в нём достоверно передано чувство, которое бывает у влюблённого при маленькой размолвке, а последние две строчки – настоящая поэтическая находка. Стихи далеки от совершенства, но, почему-то верится, что со временем, когда Николай Устьянцев преодолеет этот недостаток, его стихи могут стать художественно полноценными. Верится, наверное, потому, что пишет он очень искренне, ничего не «высасывает из пальца». Самое важное для него сейчас – литературная учёба.

Поэзия – труднейшее дело, которому надо учиться всю жизнь. И когда тот или иной молодой человек относится к этому делу со всей серьёзностью и ответственностью, но стихи у него ещё не получаются, очень хочется поддержать его начинание, помочь добрым советом, подсказкой. К сожалению, немало встречается и таких авторов, которые пишут неизвестно для чего, просто ради забавы. Вот один характерный пример – стихотворение В. Иванова из Берёзовского. Называется оно «Жёлтый абажур», подзаголовок – «Ироническая поэзия»:

Отгулял в карманах вольный ветер,
Как сказал приятель мой – «ажур».
Вместо звёзд на столике чуть светит
Твой подарок – жёлтый абажур.
Комната качнулась в тихой дрёме,
Вышел на балкончик и гляжу:
С юга – влажный, с севера – ядрёный,
Ветры лихо скачут на межу.
Я пошёл за ними восвояси,
По-толстовски – ладно, босиком.
Чем мне так с тобою здесь маячить,
Лучше проживу я босяком.
Мне навстречу мой приятель катит
Твой подарок – мой велосипед.
Я ему: «Ушёл последний катер?
Одолжи-ка, кстати, на билет».
Вот ура! Уж катер ткнулся носом.
Я глазами берег обвожу…
Это я тихонько ткнулся носом
В твой подарок – жёлтый абажур…

Понять что-либо в этом бессмысленном наборе слов невозможно. А между тем автор неплохо владеет техническими приёмами – рифмовкой и ритмикой. Казалось бы, он должен этим дорожить, развивать свои способности, так нет – налицо обыкновенное литературное баловство. Как тут не вспомнить глубокие по мысли строки Александра Твардовского:

Не много надобно труда,
Уменья и отваги,
Чтоб строчки в рифму, хоть куда,
Составить на бумаге…
Покамест молод, малый спрос:
Играй. Но бог избави,
Чтоб до седых дожить волос,
Служа пустой забаве.

Не знаем, молод или стар В. Иванов, но что он пока «служит пустой забаве», это несомненно.

За перо надо браться лишь тогда, когда чувствуешь, что в душе созрело что-то очень значительное, интересное. В книге «Труд писателя» мы находим такое высказывание немецкого поэта Рильке: *«Стихи, если их писать рано, выходят такими незначительными. Следовало бы не торопиться, писать их всю жизнь – накапливать для них содержание и сладость, и тогда к концу жизни, может быть, и удалось бы написать строчек десять порядочных. Потому что стихи вовсе не чувство, как думают люди… они – опыт. Чтобы написать хоть одну строчку стихов, нужно перевидеть массу городов, людей и вещей, нужно знать животных, чувствовать, как летают птицы, слышать движение мелких цветочков, распускающихся по утрам… Нужно уметь мечтать о дорогах неведомых, вспоминать встречи неожиданные и прощания, задолго предвиденные, воскрешать в памяти дни детства, ещё не разгаданного… Вызывать образ родителей, которых оскорблял своим непониманием… И всё-таки мало ещё одних воспоминаний – нужно уметь забыть их и с безграничным терпением выжидать, когда они начнут снова выплывать. Потому что нужны не сами воспоминания. Лишь тогда, когда они претворятся внутри нас в плоть, взор, жест и станут безымянными, когда их нельзя будет отделить от нас самих, – только тогда может выдаться такой исключительный час, когда какое-нибудь из них перельётся в стихотворение».*

Советуем всем начинающим стихотворцам призадуматься над этим прекрасным по своей глубине высказыванием. Вот так трудятся настоящие поэты, такую требовательность предъявляют они к самим себе, к своему творчеству.

М. Небогатов, *член Союза писателей. г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1970. – 15 сентября. – С. 4.

В БУДНИЧНОМ – ПРАЗДНИЧНОЕ…

Сегодняшний разговор о стихах мы начнём с большой подборки новокузнечанина Геннадия Боткина.

Первое, что замечаешь, читая стихи Г. Боткина, это стремление автора к серьёзным размышлениям и – что не менее важно – к образному воплощению своих чувств. Вот стихотворение, открывающее подборку:

Во мне застыли только звуки:
я их, как детство, не сберёг
от мук, раздумий и разлуки,
от сильно старивших тревог.
Я напрягаю часто память,
где каждый мускул полон чувств,
где дышит молодость ветрами,
где я в незримое лечу.

Я не ищу в далёком счастья
понять себя, винить других,
чтоб оправдать былые страсти,
порой похожие на крик,
я не мечтал жить где-то тихо,
в разгар борьбы себя щадить
и горло рвать потом до крика,
когда нет сил всё повторить.

В этом, очень характерном для Г. Боткина стихотворении мы находим наглядное подтверждение тому, что сказано о его поэтической работе выше. Желание поразмыслить – налицо, образность – тоже, однако автор ещё не умеет ясно выражать словами то, что заложено в замысле, и в результате у него получается так, что он, как говорится, не может свести концы с концами. С первых же строчек недоумеваешь: что за звуки застыли в лирическом герое? Не ради ли рифмы «разлуки» они здесь появились? «Понять себя, винить других» – в чём понять, за что винить?

Когда станешь вот так подробно, строку за строкой, анализировать то или иное стихотворение Г. Боткина, то приходишь к выводу, что автор, несмотря на серьёзность своих намерений, не может ещё толком разобраться в самом главном – в том, что хочет сказать читателю. Словесный материал из-за отсутствия стройного, логического мышления оказывается неорганизованным.

Дело тут не в какой-то зауми, а в недостатке мастерства. Наряду с малопонятными строчками встречаются подлинно поэтические образы, свидетельствующие о несомненной его одарённости. Вот некоторые примеры. «Над полями журавлиным клином мчится голос прожитого мной»; «Среди берёз, где в сердце льётся их бледный свет и тишина, душа всегда, как ствол колодца, куда-то вглубь устремлена»; «Давно опали листья с веток, давно утих последний дождь, и вспышки нового рассвета жгут ожиданием порош»; «Я зову вас к тем далям, где толкает лучом солнце нашу планету, как могучим плечом!»…

Все эти поэтические блёстки, рассыпанные по стихам и существующие пока что как бы отдельно от незавершённых в целом произведений, позволяют надеяться, что со временем Геннадий Боткин сумеет привести в порядок своё литературное хозяйство и ещё не раз порадует читателей художественно полноценными стихотворениями. Но это не случится по мановению волшебной палочки. Только упорная работа и учёба у больших поэтов, а также собственные поиски самых точных слов могут помочь Г. Боткину избавиться от существенного недостатка – от сумбурности изложения мыслей.

Коли уж завели речь о поэтической образности, то в связи с этим нельзя не упомянуть Ирину Петрову, ученицу 10-го класса из Белова, приславшую небольшое стихотворение под лаконичным названием «Капля». Приведём его целиком:

Маленькая капля,
прозрачна и легка,
Повисла, точно бусинка,
на кромке лепестка.
Дрожит прохладой звонкою,
испугана слегка.
Ей луч на тонкой ножке
позолотил бока;
Зажёг в её глубинке
весёлый огонёк,

А сам потом, задира,
пустился наутёк.
Малыш голубоглазый
ту каплю увидал,
Схватил её ручонкой
и к маме побежал.
Разжал свой кулачок он,
а там – одна вода…
Не знал малыш, что капля
погибла навсегда…

Мы не знаем других стихов Ирины Петровой, но в её «Капле» есть то, из чего рождается истинная поэзия: тонкая наблюдательность, пристальность внутреннего взгляда, способность видеть в малом большое, в будничном – праздничное. Этими качествами непременно должен обладать художник. Недаром Чехов как-то сказал, что он может написать рассказ о чернильнице… А вот Ирина Петрова написала о том, мимо чего проходят многие, не обращая на это никакого внимания, и хорошо написала, красочно, так, будто увидела каплю росы или дождинки под увеличительным стеклом – во всех подробностях и оттенках, а главное – не в застывшем, мёртвом состоянии, как, скажем, на фотографии, а в одухотворённом, трепетном ощущении жизни.

Некоторая ритмическая сбивчивость, неудачное использование слова «глубинка» вместо «глубина» – этим, пожалуй, и исчерпываются недостатки стихотворения «Капля».

Много пишет прокопчанин Валерий Павлов. Последние стихи его, прямо скажем, радуют. Вот отрывок стихотворения «На военном аэродроме»:

Здесь ни салонов нет, ни стюардесс,
Посадку диктор не объявит звонко…
Стеной стоит густой сосновый лес,
И рвёт траву широкая бетонка.
На старте вам не поднесут конфет,
В полёте лимонада не предложат,
Но здесь любой лирический рассвет
Становится значительней и строже.

Не будет преувеличением сказать, что стихотворение написано на хорошем профессиональном уровне, здесь продумано и выверено каждое слово, каждый эпитет, каждая рифма, среди которых встречаются такие, которые не лежат на поверхности, под рукой, а находятся в процессе вдумчивой работы. Форма, как известно, должна соответствовать содержанию, то и другое в данном случае – в полной гармонии: как и в жизни военных лётчиков, в стихотворении нет ничего лишнего, изобразительные средства скупы и строги, а лирические интонации естественно сливаются с мыслью гражданского звучания: небо Родины надёжно, потому что охраняют его влюблённые в своё дело люди. И вот что ещё интересно: автор почти ничего не говорит о лётчиках, даже не упоминает этого слова, но мы отчётливо представляем их внутренний мир по строчкам «Но здесь любой лирический рассвет становится значительней и строже». За смыслом этих строк стоит как бы другой, который дорисовывает наше воображение: ничто человеческое не чуждо этим мужественным, суровым на вид людям; шагая к своим самолётам, они жадно впитывают в себя красоту раннего утра с его алой полоской на горизонте и с поблёскивающей в траве росой, но вот они в кабинах, включены мощные двигатели, и весь этот утренний пейзаж приобретает уже совсем не лирическое, а иное значение, соответствующее иному строю мыслей и чувств, связанных с предстоящим полётом, с трудной и ответственной работой…

Как показывает стихотворение «На военном аэродроме», Валерий Павлов способен создавать безукоризненные по форме и значительные по содержанию произведения. Об этом же свидетельствует и стихотворение «Звезда», в котором коротко, но образно говорится про советский танк: «Его открыли на рассвете уже в столетии другом», «возник нелепым динозавром тяжёлый танк»; «броня гремела рваной сталью, дымила раной борозда, но в прахе том зажглась эмалью в лучах звезда!». Нетрудно уловить главную мысль этого стихотворения, она – о бессмертии советских воинов, о славе русского оружия. Обращение к такой теме заслуживает всяческой похвалы.

А теперь предоставим слово кемеровчанину Геннадию Чупину. Вот что он пишет в редакцию: «Мне 28 лет, работаю на Ново-Кемеровской ТЭЦ машинистом котла. Стихи пишу давно, но все они были случайны и интимны. Несколько раз я заставлял себя покончить со всем этим, но, наверное, как большие поэты, так и графоманы не смогут расстаться с этой страстью. И вот прошлой осенью я вдруг понял, что стихи – моя жизнь и моя любовь. Может быть, вы улыбнётесь над столь громкими словами, но они искренни, да и потом, если уж я решился отослать вам свои стихи, то я готов ко всему».

Нет, слова, пусть и громкие, если они сказаны искренне, не могут вызвать улыбки. Наоборот. Так и нужно относиться к своим стихам, чтобы они были твоей жизнью и твоей любовью. Другое дело – как они получаются. У Геннадия Чупина стихи получаются пока что не очень удачные. Судим по тем двум вещам, которые он прислал.

Стихотворение «Весенняя песенка» – это отголосок сегодняшних раздумий автора о своей любви к поэзии, о том, как бы ему хотелось спеть свою песню: «Говорят, волшебная где-то есть тростинка, – петь она научит. К ней найду ль тропинку?» Другое стихотворение «Возвращение» посвящено осеннему лесу, на свидание с которым через много лет пришёл лирический герой (или автор). В искренности этих стихов усомниться нельзя, об этом говорят многие задушевные строки, но вся беда в том, что по содержанию стихи не отличаются новизной. И про осенний лес, и про поиски своей сокровенной песни писали многие поэты. Геннадию Чупину не удалось внести в эти темы что-то оригинальное, своеобразное, не похожее на сказанное другими. Хочется всё же верить, что он найдёт тропинку к той волшебной тростинке, которая научит его петь по-своему. Было бы желание! А оно у Геннадия Чупина есть.

Совершенно иное, можно сказать, прямо противоположное отношение к своим стихам у новокузнечанина Владимира Колова, который обращается в редакцию с такими словами: «Если можно что-нибудь напечатать, то я буду очень рад. Ну, а если мои стихи никуда не годятся, то тоже беда не очень большая». Вот начальные строки стихотворения «Моя Сибирь»: «Шпалы, шпалы, шпалы, ленты рельс, шлейфом – паровозный дым. Скалы, скалы, скалы до небес, где туман становится седым. Реки, реки, реки, озерца, янтарём закаты на снегу. Ели, ели, ели без конца, и без вас прожить я не могу». Сперва кажется, что повторение одних и тех же слов – поэтический приём, с помощью которого автор хочет передать чередование того, что видно из окна поезда, но потом, когда эти повторы становятся чрезмерными, начинаешь понимать, что это никакой не приём, а нагромождение слов: «Здесь дороги, здесь дороги глубоки, здесь дороги по горам и по лесам». Глубокие дороги – это что-то загадочное, что невозможно представить. И

ещё: «Кто сказал, сибирский край угрюм? Кто сказал, что здеся нет дорог?» По этому «здеся» и видно, что у автора недостаточно развито чувство слова, его звучания и красоты. Стихи действительно для печати не годятся, и навряд ли они могут стать более доброкачественными, раз Владимир Колов относится к ним с таким равнодушием, даже безразличием («тоже беда не очень большая»).

М. Небогатов, член Союза писателей. *г. Кемерово. // Комсомолец Кузбасса. – 1970. – 15 декабря. – С. 3.*

«В ОКНЕ ТАК ДОЛГО СВЕТ НЕ ГАСНЕТ…»

Как это ни странно, но есть какая-то закономерность в том, что наименее одарённые авторы, как правило, обращаются в редакцию с одной-единственной просьбой – напечатать их сочинения. И наоборот: авторы, обладающие несомненными поэтическими способностями, не отличаются такой бесцеремонной самоуверенностью, ограничиваются чаще всего скромным желанием услышать мнение редакции, получить рецензию на посланную рукопись. О претензиях графоманства – в конце статьи, а сперва поговорим о стихах, заслуживающих внимания и похвалы.

«Дорогая редакция! Посылаю вам свои стихи не для того, чтобы вы их опубликовали. Я сама понимаю, что для этого они недостаточно хороши. Просто мне хочется услышать совет старшего товарища. Пожалуйста, говорите прямо, что вы думаете о моих стихах. Я не обижусь даже на самые резкие отзывы… Стихов у меня мало, это меня огорчает, а особенно то, что все они какие-то очень личные». Так пишет в редакцию Любовь Тюменцева из посёлка Белогорск Тисульского района, и нет ни малейшего сомнения, что скромность автора – не показная, а подлинная, продиктованная искренностью и большой требовательностью к себе, а также ясным пониманием того, какое это нелёгкое и сложное искусство – «глаголом жечь сердца людей».

И тем приятнее увидеть, что в стихах Любови Тюменцевой много хорошего. Первое, о чём хочется сказать, это почти безупречная их форма – ритмикой, рифмовкой автор пользуется уверенно, свободно, без всякой скованности, умея подчинять своему замыслу любую рифму, любой размер. А это уже достижение, и немалое. Далеко не каждому из тех, кто пробует свои силы в поэзии, удаётся преодолеть именно этот барьер – технику стихосложения. Для великого множества пишущих техническое мастерство – книга за семью печатями.

Могут заметить: технического совершенства добиваются иногда и графоманы, или, грубо говоря, рифмачи. Да, бывает и так. И вот, чтобы отличить настоящую поэзию от мнимой, необходимо пристально вглядеться в содержание стихов, в самую их суть, только тогда – и в зависимости и вне зависимости от формы – станет ясно, что почём. Давайте вместе прочитаем два небольших стихотворения Любови Тюменцевой.

Тетрадь и лампа, стол и стул –
Всё до усталости знакомо.
А месяц в озеро нырнул
Совсем недалеко от дома.
И ночь по-летнему тепла,
Кусты в слезах-дождинках мокнут…
А мы ворчим: дела, дела! –
И закрываем в доме окна.

Автор, как видим, не претендует на постановку, и тем более решение каких-то больших жизненных проблем, его задача в данном случае – «остановить мгновенье», запечатлеть мимолётное настроение, светлое и одновременно немного печальное состояние души, и поэтому, наверно, Любовь Тюменцева считает такие стихи очень личными. Однако в этом личном есть много общего для любого из нас.

Чувство беззаветной, почти материнской любви и готовности к самопожертвованию с большой проникновенностью выражено в другом восьмистрочном стихотворении:

В окне так долго свет не гаснет,
И я в волнении стою:
Быть может, страшное несчастье
Ворвалось в комнату твою?
Быть может, в этом мире горя
Я так сейчас тебе нужна!
И я, как на ночном дозоре,
Стою у твоего окна.

А совет, который хотела бы услышать Любовь Тюменцева, таков: расширять и углублять круг тем, постоянно, изо дня в день стремиться к тому, чтобы сфера лирического самовыражения обогащалась новыми впечатлениями бытия.

Кстати, о пейзажной лирике. Десять стихотворений прислал в редакцию рабочий Щегловского совхоза Алексей Тарасов – и все они пейзажного характера. Встречаются среди них очень хорошие, например, стихотворение «Зимой»:

На задумчивых берёзах,
Наряжаются стога.
И в мерцающих расцветках
Ярко рдеющей зари,
Словно яблоки на ветках,
Золотые снегири.

В горностаевые шапки,
Что склонились у полей,
Серебристые начёсы
Вьются лентами с ветвей.
Снега чистого охапки
Сыплет ветер на луга.

Это, так сказать, пейзаж в чистом виде, поэтическая зарисовка с натуры – образная, красочная. А вот ещё одно стихотворение – «Косачи», в котором автор не просто любуется красотой природы, а как бы одухотворяет её, очеловечивает:

Зорька алая полощет
В снежных россыпях лучи.
В забураненную рощу
Прилетели косачи.
Гулко сели. Алой бровью
В сумраке блеснув,
Подобрел мороз суровый,
На чудесных птиц взглянув.

Хочется пожелать автору дальнейших творческих поисков. Если проанализировать его стихи детально, то нельзя не заметить, что автору следует разнообразить свой словарный состав, избегать частого повторения таких слов, как «зорька», «алый» и т. п.

Разные варианты одних тем находим мы в пейзажных стихах Рамены Козловой из Осинников. Три стихотворения посвятила она прославленной русской берёзе, все они, прямо скажем, слабоваты по форме (взять такие приблизительные рифмы, как мила – сполна, земле – весне) и слишком «традиционны» по образности («Ветер треплет её косы, иней сыплет серебром»).

Говоря о литературных начинаниях Алексея Тарасова и Рамены Козловой, следует особо подчеркнуть правильность их метода работы над стихами: не удовлетворяться сказанным сегодня, искать новое решение темы, развивать её в различных вариантах, добиваясь наилучшего выражения своих мыслей и чувств. Такой способ работы – самый плодотворный.

Определённый интерес представляют стихи ученицы 9-го класса кемеровчанки Светланы Чунаевой, особенно вот эти восемь строк:

Ночь! Тишину затормози,
Как в поле мчащиеся сани!
Не потопи снега в грязи
За потеплевшими лесами.
Не дай серёжкам с тонких верб
Упасть, не прозвенев весною.
Не дай тому, кто рвётся вверх,
Упасть и порасти травою.

Видно по всему, что у Светланы есть наклонность к философскому осмыслению всего сущего и к образному оформлению своих раздумий. А это уже признак поэтического дарования, которое необходимо развивать систематическим литературным трудом, учёбой у больших поэтов. Учиться Светлане предстоит многому. Кроме процитированного стихотворения, она предложила вниманию редакции ещё два, и они написаны гораздо слабее, с перебоями в ритме, с мало созвучными рифмами, причём с такими книжными, ложно поэтическими образами, как «Я хотела заблудиться в этом розовом счастье»…Вообще-то такие ошибки, недостатки на первых порах вполне естественны и даже неизбежны. Главное в том, что Светлана Чунаева не напрасно взялась за перо.

С философским подтекстом написано и стихотворение кемеровчанки В. Мирошниченко:

«Курлы-курлы» – цепочка гулкой стаи,
Какой протяжный и тяжёлый крик…
И, как руками, крыльями махая,
Они уйдут на дальний материк.
А ты спокоен… Слушаешь не очень…
И эта грусть до сердца не дошла.
Тебя, наверно, никакая осень
Своим огнём ещё не обожгла.

Если глубоко вдуматься в последние строчки, что можно понять, что под осенью автор подразумевает не просто время года, а нечто более обобщённое – печаль, невзгоды, горести… Правда, стихотворение плохо отделано технически. Вначале говорится: «цепочка гулкой стаи» (гулкой – не тот эпитет), а дальше – «они уйдут». Кто они? Автор только в уме держал слово «птицы», а в тексте его нет. Да и «уйдут» по отношению к птицам – не самое точное выражение. Эти недочёты в небольшом по объёму стихотворении наводят на опасение: а сколько будет их, если В. Мирошниченко напишет стихотворение в сорок – пятьдесят строк? Отделкой стиха нельзя пренебрегать.

У Валентина Вахтина из Ленинска-Кузнецкого можно отметить лишь отдельные хорошие строчки, например: «Разминая плечи, разгоняя тень, тонким дымом печек разгулялся день»; «И понял я, что лучше встречи напрасно буду я искать… И вот опять июньский вечер, и ты со мной идёшь опять» (здесь удачно применён повтор «опять»). В целом стихи Валентина Вахтина далеко не совершенны, особенно в смысле формы, но есть у них весьма ценное свойство – за строчками угадывается конкретная личность. Читаешь их – и проникаешься симпатией к автору: видно, что он добрый, отзывчивый, думающий человек, который любит людей, любит природу и идёт по жизни с открытым сердцем.

Этого, к сожалению, не скажешь о многих авторах, в частности, о тех, чьё занятие литературой граничит с графоманией, т. е. болезненной страстью к бесплодному писанию, к многословному пустому сочинительству. Один из примеров – стихи новокузнечанина В. П. (не будем называть его полного имени, оно и так уже неоднократно упоминалось в наших обзорных статьях). В. П. прислал две баллады. Вот какую приписку сделал он к ним: «Тема (?) баллад мне, как бывшему комсомольцу, близка и дорога, и, пожалуйста, не ищите параллелей у других поэтов: когда я их писал, то не думал о том, что каким-то словом или строчкой повторю кого-то. Писал так, как вылились из сердца слова, так, как будто я не мысленно пережил это, а видел воочию». Зачем понадобилось автору прибегать к такому пояснению? Нетрудно догадаться. Видимо, сам увидел, что ничего нового сказать ему не удалось, ничего тут «не вылилось из сердца», а всё напрокат взято из литературы.

Нет надобности цитировать баллады целиком, приведём лишь несколько строк – о молодых комиссарах:

…И нет никакого покоя,
И ветер, колючий, как ёж (?),
И вечно команда: «По коням!».
И клич боевой: «Даёшь!».
А в схватке, короткой и жаркой,
Открыв удивлённо глаза,
В потёртой своей кожанке
На землю упал комиссар.

И он не подымется боле…
Распластанное по земле
Железо (?), истекшее кровью, –
Парнишка семнадцати лет.
Но мчатся сквозь тысячи зарев
На штурм Перекопа полки,
Ведут их вперёд комиссары –
Такие же пареньки!

Параллели с другими поэтами напрашиваются тут сами собой. Повторять сказанное другими – это ли не бесплодное занятие? А если учесть при этом, что в художественном, поэтическом отношении подобные повторения абсолютно беспомощны, то иначе, как опошлением высокой гражданской темы, их не назовёшь.

М. Небогатов, член Союза писателей. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1971. – 23 января. – С. 3.

НЕ ТЕХНИКОЙ ЕДИНОЙ

Весна, как говорят, полностью вступила в свои права, а посему первое слово – авторам, которые прислали нам весенние стихи. Итак, стихотворение «Март», написанное Леонидом Торгаевым из Белова:

Рванув стремительно со старта,
Большой разбег берёт весна,
Сюрпризы взбалмошного марта
Вновь преподносит нам она.
Всем: птице, зверю, человеку –
Несёт заботы и мечты,
И скоро будет спящим рекам
Ломать безжалостно хребты.

Мятежно прёт она сквозь вьюгу,
Даря нам радость бытия –
И тянутся сердца друг к другу,
И в жён влюбляются мужья…
Брожу под звонким небосводом,
Душой к прекрасному не глух,
И у озвученной природы
Беру мелодии «на слух»…

Что можно сказать об этом стихотворении? Прежде всего то, что Леонид Торгаев, в отличие от многих начинающих авторов, уверенно владеет стихосложением, поэтической техникой – он хорошо чувствует музыку стиха, ритм, умеет подбирать интересные рифмы. И это – немаловажное достижение, такими и должны быть настоящие стихи – с чеканным размером, со звучной рифмовкой. Но сама по себе, отдельно от содержания вещи стихотворная техника не существует, а в содержании этого стихотворения встречаются, на наш взгляд, кое-какие недочёты. Их нетрудно обнаружить, если внимательно, а не бегло прочитать внешне крепко сколоченные строки.

Вначале о весне сказано, что «сюрпризы взбалмошного марта вновь преподносит нам она». Естественно наше желание узнать, в чём же заключаются эти сюрпризы? Но никакого пояснения, никаких признаков взбалмошности марта в следующих строчках мы не находим, и остаётся верить автору на слово, что март капризен, своенравен, горазд на всякие каверзы, которых не ждёшь. Мысль, таким образом, не получила логического развития, о сюрпризах только заявлено, а суть их не раскрыта, и потому с первых же строк настораживаешься: не находится ли автор в плену техники, не жертвует ли ради неё замыслом?

Небрежность в обращении к слову в одной строке особенно разительна, так как искажает сам образ весны. С нею в нашем представлении всегда ассоциируется что-то лёгкое, женственное, изящное, нежное, а тут – на тебе: «Мятежно прёт она сквозь вьюгу». «Прёт!» Как трактор или бульдозер.

Неискушённому читателю может показаться крепко сделанным и другое стихотворение Леонида Торгаева «Апрель». Вот оно:

Апрель играет на свирели,
И золотится окоём,
И птицы вновь поднаторели
В искусстве певческом своём.
Шалея, солнышко в экстазе,
Как на заклятого врага,
Обрушивает мощный лазер
На обречённые снега.

Зима грозится на прощанье,
Но только с некоторых пор
Ей был на птичьем совещанье
Подписан смертный приговор.
Она уходит без надежды
Сквозь запоздалую пургу,
Бросая ветхие одежды
На умирающем снегу.

И здесь – тот же чеканный ритм, такие же звучные рифмы. Больше того – автор не ограничился общими словами, а попытался раскрыть тему весны в образах, метафорах, что, разумеется, заслуживает похвалы. К сожалению, не всё в стихотворении продумано, недостатки – буквально в каждом четверостишии.

«И птицы вновь поднаторели». Слово «вновь» – явно для заполнения ритмической пустоты, по смыслу оно здесь неуместно. Наториться или поднаториться, т. е. наловчиться в чём-то, набить руку, можно лишь однажды – что называется, раз и навсегда. В данном случае про птиц можно сказать, что они уже давно (а не вновь!) поднаторели в искусстве певческом своём. В следующей строфе солнечные лучи даются в образе **мощного** лазера, который обрушивает на обречённые снега… солнышко. Уменьшительное «солнышко» никак не подходит к тому, что оно «делает», к тому же «шалея» и в «экстазе». Мощным лазером, сокрушающей силой может обладать не ласковое, безобидное солнышко, а большое, раскалённое солнце, светило. Так и надо было написать.

«Но только с некоторых пор… ей был подписан». Фраза построена не совсем грамотно. Раз подписан, то не с некоторых пор, а тогда-то, в такую-то пору.

Читаем последнее четверостишие: «Она уходит без надежды сквозь запоздалую пургу». Пурга – это же принадлежность зимы, её стихия, и по приведённой фразе получается, что зима уходит… сквозь себя.

Я не случайно так подробно остановился на стихах Леонида Торгаева. Хотелось наглядно показать, что стихотворная техника, даже самая совершенная, сама по себе мало что значит, её ни в коем случае нельзя отождествлять с поэтическим мастерством, которое предполагает очень многое, а не одно умение складно слагать строчки. Техника требует разумного обращения с нею, а иначе она превращается в палку о двух концах. Леониду Торгаеву, человеку, не лишённому поэтических способностей, надо серьёзно подумать об этом.

Попробовал написать о весне ученик 10-го класса из села Николаевка Чебулинского района Володя Маслов. Его стихотворение – это действительно всего лишь робкая проба пера, единственным положительным качеством которой является наличие живого чувства:

Ушла зима унылая,
Весна настала милая,
Ух, как тепло!
Ух, как светло!
Стал воздух синее,
И земля стала сердцу милее.

Далеко не совершенны в отношении мастерства стихи новокузнечанина Анатолия Кислицына, и, тем не менее, они обращают на себя внимание. Автор правильно понимает поэзию, он избегает риторического скольжения по поверхности жизненных явлений, а старается разобраться в их сути с точки зрения человека, который должен мыслить не отвлечённо, а образно, т. е. с позиций поэта.

Дождь с утра зубрит напевы лета,
Пристаёт:
– Послушайте, прохожие!
Но в броню плащей одетые,
Люди глухи и не расположены…

И тогда умолкло струек пенье.
Дождик опечален неспроста:
Часто вот такие озаренья
Втаптывает в землю суета…
Суета…

Главное в небольшом этом стихотворении – мысль: не проходите, люди, мимо красоты, которую дарит вам природа, не будьте чёрствыми, проявите душевную чуткость – и насколько духовно богаче, счастливее можете вы стать. Мысль непраздная, глубокая. Жаль только, что выражена она, хотя и образно в целом, но не во всех строчках точно и по языку, и по форме. «Не расположены» – необходимо пояснение: к чему? Слабы рифмы: лета – одетые, прохожие – расположены. Кроме того, первая строчка неровна по ритмическому звучанию. Поэтическая техника, конечно, не должна быть самоцелью, но владеть ею всё же необходимо, тем более тому, кто имеет что сказать на языке образов, в противном случае любой хороший замысел, не найдя достойного воплощения, многое теряет в читательском восприятии.

Когда появляется какая-то новая мысль, идея, то, прежде чем сесть за стол к чистому листу бумаги, надо как следует, тщательно обдумать, в какой форме, в какой интонации, какими словами (интимными или, наоборот, торжественными, патетическими) выразить эту мысль, идею. Иначе говоря, надо найти то, что называют единством формы и содержания. Если оно не найдено, а стихотворение всё-таки написано, то,

читая его, мы видим, что автор справился лишь с половиной задачи – представил нам только намётки ещё нереализованного замысла.

М. Небогатов, член Союза писателей. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1971. – 27 апреля. – С. 4.

КАЖДОМУ СЛОВУ – СВОЁ МЕСТО

Стать мастером поэтического искусства может, конечно, не каждый пишущий и даже печатающийся, но стремиться овладеть этим мастерством должен каждый. Надо с первых же шагов на литературном поприще развивать в себе чувство слова, учиться понимать не только прямой смысл и значение тех или иных слов, а и многообразные оттенки и нюансы их. Про настоящего мастера недаром говорят: он чувствует слово на цвет, запах и вкус. Молодые авторы обладают таким качеством редко, поэтому есть резон поговорить на эту тему.

Как ни парадоксально, на первый взгляд, можно наблюдать такое: автор не лишён поэтического воображения, фантазии, умеет находить свежие, запоминающиеся образы, а в словесном материале разбирается всё-таки плохо. Вот, скажем, кемеровчанин Владимир Манжос. В подборке его стихов мы с радостью обнаруживаем немало образных строчек, таких, например, как: «Разноцветным флагом мира радуга взошла!». «Здесь так же всё, как года два назад, такой же нежный, пряный запах, и частокола рваный ряд скрывает юность в тополиных лапах». Эти и другие подобные им строчки кажутся почти инородными в сравнении с большинством других, где полное отсутствие чёткого ритма и точных рифм и, что ещё хуже, внутренняя глухота к слову, к языку.

Приведём стихотворение В. Манжоса «Письмо»:

Вот письмо я получил.
Но тонкий листик мучит –
Будто в спешке отломил
Жизни робкий лучик!
Тонкий листик… Почему
Ты молчишь словами?
Почему и ты грустишь
Буквами-глазами?
Неужели сердца пыл
Сжёг все чувства наши?
Растерялись – как же быть?
– Ну, а сердце ваше?
Неужели и оно
Пеленой покрылось?
Неужели и оно
Снегом заискрилось?
Неужели жизнь бедна
И потухли краски?
Так разлука холодна,
Что умолкли ласки?

Работы над словом, как таковой, здесь не видно. Судя по всему, стихотворение, что называется, просто вылилось на бумагу без всяких мук творчества, по одному порыву чувств, потому в нём так «причудливо» образное переплетается с туманным, простое по изложению – с витиеватостью и неосмысленностью. Попробуем проанализировать некоторые строчки. *«Жизни робкий лучик»*. Образ оригинальный, интересный, сразу же бросается в глаза. А как он использован? Не совсем умело. В слове *«лучик»*, пусть даже он *«робкий»*, заключено то, что может только радовать, вдохновлять на что-то светлое, доброе, но никак не *«мучить»*. Автор, как мне представляется, подразумевал одно, а написал иное. Он хотел сказать, что тонкий листик (точнее – листок) «мучит» потому, что должен был олицетворять собою всю радость и полноту жизни, а оказался лишь робким лучиком её. Так вот и надо было выразить свою мысль. А по тем словам и по их расстановке в строчках, какие перед нами, об этой мысли приходится только догадываться.

Хорошие образы и во втором четверостишии, а третье по смыслу просто непонятно. До этого говорилось о словах и буквах – глазах, которые молчат и грустят, и поэтому не знаешь, к чему или кому относятся слова: *«Растерялись – как же быть? – Ну, а сердце ваше?»* Кто растерялся, чьё сердце? Похоже, что здесь уже речь о самих влюблённых, но тогда, должно быть, не сердце, а сердца. Дальше опять хорошая – по образности – строфа, а за ней – строчки, которые нельзя назвать удачными, хотя и они, по замыслу автора или по его мнению, во всяком случае, тоже образны: *«Так разлука холодна, что умолкли ласки»*. Вряд ли следует прибегать к такой усложнённой, вычурной образности, заставлять ласки умолкать или… звучать. Это неестественно.

На примере стихотворения «Письмо» мы видим, что Владимиру Манжосу ещё работать да работать над каждой строчкой, над каждым словом.

Прочтём небольшое стихотворение «Родине», написанное Н. Ивлеевым из Ленинска-Кузнецкого:

Всегда с волнением боязни
Я покидаю край родной:
Нет для меня ужасней казни –
Быть разлучённому с тобой.
Я знаю, есть другие страны,
Где сень берёзовых порош,
И те же хмурые туманы
Под осень стелются на рожь.
Но прикипел я сердцем нежным
Душой обильной чистых грёз
К разливам нив твоих безбрежным
И красоте твоих берёз.

Мы не знаем биографии Н. Ивлеева, но поскольку стихотворение написано от лица человека, которому часто приходится по каким-то обстоятельствам временно покидать родину, бывать за её

пределами, то хотелось бы узнать из стихотворения об этом человеке побольше, чтобы монолог его звучал для нас убедительней. А может быть, дело обстоит гораздо проще: может, слова *«всегда», «я покидаю», «быть разлучённому с тобой»* придуманы за неимением других, тем более что тут очень соблазнительны по своей звучности такие рифмы, как *«боязни – казни»*. Не будем гадать. Обратим внимание автора на следующую строчку: *«Душой обильной чистых грёз»*. Есть выражения: земля наша велика и обильна; у нас болот обильно (в изобилии, много); пища добрая и обильная и т. п. Сказать о душе, что она обильная, нельзя. Эпитет совершенно неподходящий. К чести автора, надо заметить, что и сам он усомнился в этом слове и сопроводил строку следующим примечанием: «Если прилагательное *обильный* с родительным падежом не употребляется, то можно строку заменить так: Душой любви и нежных грёз (собственно, можете заменять, как считаете нужным)».

На это можно ответить: плохо, очень плохо, когда молодой автор полагается, надеется на кого-то другого, считает допустимым обращаться с его стихами по усмотрению других. Какое слово где употребляется, необходимо знать самому. В данной строке лишним, неуместным является не одно слово «обильной», но и «чистых грёз», которые наверняка «подогнаны» под рифму «берёз».

В другом стихотворении Н. Ивлеева встречаются такие режущие слух выражения: *«Там, где сегодня ТКАНЬ труда врастает в дебри царственной природы»* (что-то врастает в ткань, а не ткань во что-то, если уж употреблять такое фигуральное выражение). Плохое чувство слова у Н. Ивлеева тем досаднее, что есть у него стихотворение «Тебе, юному», в котором ни одной словесной погрешности.

Неподдельным оптимизмом, торжеством любви и радости бытия пронизаны стихи кемеровчанина Владимира Снегина, что подтверждается такими строчками: *«Жизнь – ты не сумрак и не холод, ты – бесконечная весна!»* Это впечатление отчасти усиливается ещё бойкостью формы, с которой написаны присланные В. Снегиным стихи, но именно эта бойкость местами оборачивается непродуманностью. Непонятно, например, что хотел сказать автор следующими строчками: *Это солнце и небо – твои, как твоя НЕИЗВЕСТНОСТЬ»*. Или: *«Я прохожу сквозь шорох зданья»*. Зданье издаёт шорох, считает автор, поскольку с крыши падает капель. Но проходить сквозь шорох зданья – это всё равно, что, идя по берегу, пробиваться сквозь девятый вал бушующего рядом моря. Ещё пример неточного употребления слов: *Ношусь, как школьники шальные, от запаха твоих волос»*. В строке *«Рука об руку – ты и я»* в трёх начальных словах нарушено общепринятое ударение, которое должно падать на «об». И в этой, казалось бы, мелочи – большой недостаток, свидетельствующий о слабом знании автором языка вообще и разговорной речи в частности. Аналогичный пример – в отношении ударений в словах – находим мы и у Нины Митрошкиной из Новокузнецка: *«Ты не один, ведь рядом люди. Они помогут, поставят на НОГИ. Ты только не падай на ровной дороге»*. Неправильность ударения здесь особенно недопустима, потому что одно дело, когда мы скажем: он отбросил костыли и встал на ноги (тогда можно рифмовать: ноги – дороги), и совсем другое, если сказать: встал на ноги, в смысле – приобрёл самостоятельность во всём, не нуждается в родительской или чьей-либо опеке (тогда рифмоваться это должно иначе, например: на ноги – радуги). В другом стихотворении Нины Митрошкиной радость от катания с горы выражена в одной строчке так: *Аж дух захватывает ВОЗДУХ»*. По этому выражению можно понять, что Нина не научилась ещё внимательно прислушиваться к народному речению, иначе ей было бы известно, что существуют неизменяемые сочетания слов, в том числе и такое, как «дух захватывает» без добавления, что именно – воздух, пурга, вода или ещё что-то.

С большим чувством и живописно сделано стихотворение беловчанки Нины Шимолиной «Баллада о бессмертии». Процитировать его, к сожалению, мы не имеем возможности (в стихотворении – семьдесят строк).

Но и её стихи не свободны от технических недостатков (сбивчивый ритм, слабая приблизительная рифмовка). Нина Шимолина часто допускает такие словесные ошибки: «Все силы смог свои приложить» (в последнем слове ударение не на своём месте), «Людей косили с автомата» (правильно: из автомата).

Интересно послушать, что рассказывает Нина Шимолина о своей поэтической работе: «Пишу я стихи очень легко, сразу, без переделывания. В этом-то и вся моя беда, что я почти не вижу своих ошибок сама…»

Пишут легко, сразу, без переделывания почти все молодые, неопытные стихотворцы. И отсюда – множество всякого рода ошибок. Пройдёт немало времени, пока молодые поймут, что хорошей, полноценной вещи сразу, за один присест, не создашь, нужна длительная – иногда в течение многих дней, недель и месяцев – кропотливая, можно сказать, подвижническая работа над каждым словом, не говоря уж о четверостишии или всём стихотворении. Вот что говорит В. Маяковский в статье «Как делать стихи?»: «Работа стихотворца должна вестись ежедневно для улучшения мастерства и для накопления поэтических заготовок». Обратите внимание: для накопления поэтических заготовок. Даже самому маленькому лирическому стихотворению нужны отдельные заготовки – соответствующий содержанию и настроению ритм, свежие, незатасканные рифмы, оригинальные сравнения, эпитеты. То, что из заготовленного подойдёт, можно брать «на вооружение», а то, что не годится, безжалостно отбрасывать. И всё время искать новые, лучшие варианты, всё время переделывать написанное «сразу», добиваясь в каждом слове наибольшей выразительности и красоты. Самый убедительный пример – у Маяковского в статье «Как делать стихи?» по поводу поисков одной строки для стихотворения «Сергею Есенину». Эта строка в окончательном, удовлетворившем большого поэта варианте звучит так: «Для веселия планета наша мало оборудована». А до неё в записной книжке было одиннадцать (!) вариантов, которые он называл постепенной обработкой слов.

Многим из наших авторов, наверное, известна эта обработка, а кому нет, хочется посоветовать познакомиться. Вряд ли она нуждается в комментариях.

М. Небогатов, член Союза писателей. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1971. – 19 июня. – С. 4.

«СО СТОРОНЫ ВИДНЕЕ…»

Прокопчанин Пётр Синицын прислал в редакцию несколько стихотворений, которые сопроводил подробными рассуждениями разного рода, в частности, о том, что «новое всегда принимается в какой-то степени консервативно, всё-таки удивляюсь… зачем же тогда… дерзания и искания. Можно, конечно, сказать: А дерзаешь ли ты? ищешь? (Ну… со стороны виднее!)». В другом месте автор признаётся: «Ну, понимаете… не могу я, не умею судить себя самого. (Не напрасно же говорят: со стороны виднее)».

Из этих рассуждений можно понять, что автор ещё не научился рассматривать свои писания трезвым, как бы посторонним взглядом, и всё же он считает, что его стихи – это что-то «новое», которое может быть принято в какой-то степени консервативно. Скажем сразу, без всяких обиняков: автор глубоко заблуждается, считая новым… отрицание классиков. Своё поэтическое «кредо» Пётр Синицын попытался выразить в стихотворении «Эталлон (вместо эталон) поэзии», которое почему-то названо пародией, неизвестно на кого:

Классика – сине-сахарное сюсюканье.
Только новое вспарывает умы.
...Вознесенские! – выше ломы! –
Скифским взмахом круша старь,
бей! в консервативность традиций…
Классика – «гениально проста»,
«кутья», «бухгалтерский бицепс».

Далее идёт приписка: «Поэзию люблю: за лермонтовский парус, как голубой троллейбус Окуджавы» и т. д.

Судя по письму и по стихам, в голове молодого, двадцатидвухлетнего автора невообразимая мешанина. Похоже, что, начав писать стихи, он ещё ни в чём как следует не разобрался. То он уверяет нас, что ему дорог Лермонтов, то призывает Вознесенского крушить ломами (?!) старь. Вот и попробуйте выяснить, что проповедует он, за что ратует.

Подборку из пяти стихотворений предложил вниманию редакции А. Ульяничев (тоже из Прокопьевска). Этот автор не претендует на новаторство, зато в его стихах налицо другая крайность – они чересчур «традиционны» в том смысле, что изобилуют поэтическими шаблонами, готовыми «образами», привычными словосочетаниями, эпитетами, выражениями. Вот открывающее подборку стихотворение «Март»:

Всё громче птичьи звонкие
Запевки по утрам.
Последние метелицы
Гуляют по дворам.
Прощай, пора суровая
Холодных, снежных бурь:
Струится с неба ясного
Весёлая лазурь.

Привет свой марту светлому
Шлёт ласковый апрель:
Звенит задорно первая,
Певучая капель…
Всё ярче светит солнышко!
Смелей ручьи журчат.
Скворцы с весенней песнею
На родину летят!

Про это стихотворение можно сказать, что выглядит оно вполне прилично. И только. Форма его не вызывает никаких замечаний, содержание – тоже, разве что трудно понять, почему мартовскую капель автор называет приветом апреля: март – первый месяц весны, а когда же, как не весной, т. е. в марте, звенеть капели. Впрочем, эта мелочь не так огорчительна, как то, что в стихотворении абсолютно нет ничего нового, подмеченного, увиденного в природе именно А. Ульяничевым. О весне он написал так, как писали и пишут о ней многие другие стихотворцы – при помощи готовых, «испытанных» художественных средств: были снежные бури – стало тепло и ясно, гуляли метели – зазвенела капель, зажурчали ручьи и пр. Где же что-то своё, неизвестное по стихам других?

«Я пишу стихи уже четыре года, – сообщает В. Коныштаров из Киселёвска. – После армии захотелось настоящего творчества, много читаю, особенно советских поэтов, сравниваю их стихи со своими, нахожу слабые места, исправляю, анализирую… Возил свои стихи руководителю городской литгруппы, тот, прочитав, сказал: мало поэзии. Вот я хотел спросить вас, в чём она проявляется… Посылаю вам два стихотворения, посмотрите, прочитайте, может быть, в них всё же есть капля поэзии, а может, вообще стоит бросить писать».

Вот одно из стихотворений В. Коныштарова:

Молодые листья, полные тревоги,
Словно всколыхнулись от весенних гроз.
За окном знакомым, прямо у дороги
Клён златокудрявый зеленью порос.

Мягкие кудряшки лепестков рябины
Народились рано, на восходе дня,
Огоньком зелёным подожгли долины,
Золотом веснушек наделив тебя.

И волнуясь чутко на закате мая,
Когда вербы сладят пряностью лесной,
Шелковятся травы – зелень молодая.
Я, как буйный тополь, не грущу весной.

У руководителя киселёвской литгруппы не было, наверно, времени, а может быть, желания поговорить о стихах В. Коныштарова подробно, обстоятельно, поэтому он и дал такую односложную оценку: мало поэзии. На мой взгляд, дело обстоит несколько иначе: поэзия здесь как раз есть, но в стихотворении много частных недостатков. Автор ещё не умеет отбирать самые точные, единственно верные слова, и отсюда – множество словесных ошибок.

Давайте поподробнее остановимся на них.

Если о молодых листьях сказано, что они полны тревоги, т. е. взволнованно шумят под грозой, то они действительно всколыхнулись, а не «словно», вместо этого слова напрашивается какое-то конкретное определение, как всколыхнулись листья (трепетно, буйно и т. п.). «За окном знакомым». Последнее слово было бы уместно в другом контексте: под окном знакомым (под тем окном, которое в другом, чужом доме, где живёт кто-то знакомый, а ведь в данном случае речь идёт об окне, возле которого стоит сам лирический герой; значит, и слово должно быть иное, например: за окном прозрачным или за окном широким и т. д.). «Вербы сладят». Неграмотное выражение. Сладить – это сделать, изготовить (сладить это дело), а также справиться, одолеть кого-нибудь, что-нибудь (с нервами сладить трудно). Говоря о вербах, автор подразумевал то, что они отдают сладостью, сладко пахнут. Иными словами эта строка в прозе должна звучать примерно так: «Когда вербы сладко пахнут пряностью лесной».

В двенадцати строчках автор умудрился наделать множество словесных и смысловых ошибок. Они и сводят на нет всё стихотворение, которое, в общем-то, в основе своей содержит поэзию, так как в образности ему не откажешь. Вывод наш таков (если принять во внимание и второе стихотворение): поэтическим, образным мышлением В. Коныштаров в какой-то степени наделён, но находить точные слова для выражения своих мыслей и чувств ещё не умеет, для этого ему явно не хватает необходимых знаний. Все свои усилия автор прежде всего должен направить на изучение родного языка.

То же самое мы обнаруживаем и в стихах ученицы одной из беловских школ Наташи Дорофеевой: поэтическое восприятие мира у неё несомненное, а стихотворная техника сильно «хромает». Вот как выглядит у неё стихотворение «Ночной дождь»:

Летящий с неба каменный дождик,
Налей мне в ладони солнца горячего,
Чтоб я излечила любого незрячего –
Дождик, дождик, дождик!
Светится небо багровыми окнами,
Дышит и охает, словно живое,
Гудит и клокочет море большое,
Гром, гром, гром.
Последний раскат отдаётся, как эхо,
Дождик уже устаёт поливать,
А небо ложится на землю поспать –
Тихо, тихо, тихо!
Луна наклонилась, чтоб встретить рассвет,
И, засмотревшись глазами – озёрами,
Звёзды рассыпала крупными зёрнами,
Свет, свет, свет!

Из этого стихотворения, особенно из оригинального построения его (каждое четверостишие заканчивается повторением одного слова, на котором делается эмоциональный и смысловой акцент), можно безошибочно заключить, что Наташа уже в какой-то степени разбирается в характерных особенностях поэтического искусства и даже сама пытается находить своеобразное решение замысла, однако опытности у неё очень мало. Опыт приходит с годами, а пока мы имеем полное основание предположить, что Наташа – автор перспективный, она на правильном пути – старается мыслить, как и положено поэту, образно и кое в чём уже добивается определённого воздействия на читательское воображение. Дело за большой, повседневной литературной учёбой и серьёзной, тщательной работой, а ещё точнее – трудом.

Совсем по-другому понимает поэзию Юрий Бойко из Анжеро-Судженска. Стихи его менее неуклюжи по форме, но и менее поэтичны по всему своему образному строю:

Земля моя Кузнецкая,
Сибирская земля.
Где улица Советская,
Там Родина моя.
Была война жестокая,
Ревел буран зимой.
А мама одинокая
Вела меня домой.
В квартире было холодно.
И хлеба килограмм.
И всё, что было голодно,
Делили пополам.
Четыре года тягости,
Лишенья и забот.
По снегу и по слякоти
Ходили на завод…

Дальше, в заключение, повторяется первая строфа. В ней-то, пожалуй, одной и запоминается то, что мы зовём образом, метафорой: «Где улица Советская, там Родина моя». Всё остальное слишком прозаично, описательно, причём много в этом тексте так называемых проходных, необязательных строчек, например: «Ревел буран зимой» (зимой для рифмы «домой», потому что и так всем известно, что бураны бывают не летом), «По снегу и по слякоти» – ничего не говорящая фраза; она могла бы иметь смысл, если бы подчёркивала военные невзгоды какой-то яркой деталью, скажем: по снегу и по слякоти ходили почти разутые. Кроме всего прочего, встречается здесь не совсем грамотное выражение: «И всё, что было голодно, делили пополам».

Итак, верно сказано: со стороны виднее. К этому хочется добавить: надо учиться молодым авторам самим смотреть на свои стихи со стороны, взыскательным взглядом постороннего читателя и требовательного редактора.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово. // Комсомолец Кузбасса. – 1971. – 17 июля. – С. 4.*

«ДАВАЙ МНЕ МЫСЛЬ КАКУЮ ХОЧЕШЬ…»

У А. С. Пушкина есть небольшое стихотворение «Прозаик и поэт». Вспомним его:

Давай мне мысль какую хочешь:
Её с конца я заострю,
Летучей мыслью оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу.
А там пошло наудалую,
И горе нашему врагу!

Лучшим подтверждением того, что если за дело берётся мастер, любая мысль может быть выражена в стихотворной форме просто, ясно и вместе с тем кратко и убедительно, является само это стихотворение. Пушкин отнюдь не противопоставляет поэта прозаику, не показывает высокомерия первого перед вторым, он лишь подчёркивает некоторые преимущества поэзии: её сжатость, ёмкость, её способность в немногих словах сказать многое, причём сказать выразительно, ярко и, когда это требуется, как, например, в эпиграмме, в пародии – остро, крепко, так, что «горе нашему врагу!» Обратите внимание на следующие слова: «Летучей рифмой оперю», «Послушный лук согну в дугу». Всё это оружие именно поэта – и летучая рифма, которая как бы окрыляет стих, и послушно согнутый лук, т. е. энергичность, упругость поэтической фразы, строки. Как всё у Пушкина, не случаен у него эпитет «послушный» – настоящему мастеру в стихах послушно, подвластно каждое слово, каждый поэтический приём.

Вот этого и надо добиваться молодым поэтам, чтобы всё в стихах было послушным, чтобы рифма и ритм не мешали выразить любую мысль, а, наоборот, помогали выразительности поэтической речи, усиливали её звучание.

К сожалению, не всегда и не всем, даже способным авторам, удаётся преодолеть сопротивление именно этого – стихотворной формы, рифмы и ритма: то нужная рифма не находится, то ритм получается сбивчивым, нечётким.

Кстати, о рифме. Вот как сказал о ней тот же Пушкин: «Рифма, звучная подруга вдохновенного досуга, вдохновенного труда…» Не какая-нибудь, а звучная, подруга не только вдохновенного досуга, а вдохновенного труда. Труда, озарённого вдохновением, т. е. особым душевным состоянием, расположением к созданию художественного произведения, а не простым, часто неосознанным желанием что-то такое написать, что-то «сочинить» в рифму.

Задатками серьёзных размышлений отмечены стихи шестнадцатилетней новокузнечанки Ирины Бородкиной. В этом убеждаешься по началу стихотворения «Моя земля»:

Сгущает осень краски золотые.
Среди застывших сумерек мечты
Лежит земля. Мы, в жизнь её влитые,
Её частицы, крохи – я и ты.
Нас эта осень, нет, не разделяет,
Даёт понять, что грусть – она есть грусть!
Перед тобою голову склоняет,
А я её покорности боюсь…

Земля, земля! Ты нежно укрывала
И согревала всех своим теплом,
Всех, кого жизнь себе передавала,
Кого любила нежно и светло.
Под твоим небом в сумерки ночные
Гуляли пары. Сколько было их?
Они бросали камешки речные
Вдруг приутихших сонных рек твоих…

В чём достоинства и недостатки приведённых строк (всё стихотворение привести мы не можем, оно очень длинное)? Достоинством можно считать попытку автора передать своё осеннее настроение путём раздумья над судьбой окружающего мира и над своей собственной жизнью в этом мире. В основе своей такой подход к творчеству плодотворен – в шестнадцать – семнадцать лет человеку присуще раздумье над своим местом в жизни, над своим настоящим и, главным образом, будущим. Без осмысления всего этого не может родиться поэт. Недостатком же стихотворения является явная нестройность, даже сумбурность мыслей, из которых трудно понять что-либо конкретное, определённое. Это, строго говоря, ещё не стихотворение, а всего только черновой набросок каких-то рассуждений, не лишённых поэтического звучания, но не имеющих логической последовательности и ясности.

И ещё недостаток стихотворения – его многословие, которое нам представляется следствием первого. Надо Ирине Бородкиной учиться более экономно обходиться со словесным материалом, более коротко и сжато выражать свои мысли и чувства, как говорится, не растекаться мыслию по древу, а говорить только то, что составляет суть данной темы, данного настроения. Тогда у читателя не будет возникать вопросов вроде: для чего это написано, что хотел сказать автор и т. д.

Несколько стихотворений прислал в редакцию наш земляк, ныне матрос Василий Черников. Наиболее удачным кажется нам стихотворение «В походе», опубликованное в нашей газете в № 55 8 мая нынешнего года.

Здесь, в отличие от стихотворения Ирины Бородкиной, всё предельно ясно и понятно, не нужно ломать голову ни над одной строкой. Положительное качество стихотворения «В походе» – верно найденный ритм, точно соответствующий содержанию, даже в какой-то мере передающий как бы покачивание корабля на крутых волнах.

Рифма, если можно так выразиться, – волшебная палочка-выручалочка настоящего поэта, а для неопытного автора она иногда – палка в колесе. Вот, скажем, стихотворение кемеровчанина Сергея Мормышева «Первомай»:

Гремит оркестр, и сладкий сон
Летит от праздничного звона.
Гляжу в окно – откуда звон –
И вижу – плещутся знамёна.
Лихие песни, звонкий смех
Встряхнули утреннюю свежесть,
И ленты алые на всех
Горят, как солнечная нежность!

Колонны яркие мирян
Идут на площадь величаво,
Они бурлят, как океан,
Текут сплошной живою лавой.
Звени, лучистый Первомай,
Неси по миру эти звоны,
Чтоб вся земля из края в край
Влилась в такие вот колонны!

Пользуясь эпитетом автора по отношению к песням, можно сказать, что стихотворение написано по форме довольно лихо, неискушённого читателя эта лихость способна ввести в заблуждение, заставить думать, что всё тут на своём месте, всё нормально. На деле это далеко не так. Автор бойко рифмует океан – мирян, смех – на всех и при этом мало задумывается о смысле сказанного. На всех демонстрантах автор видит какие-то ленты, чего в действительности не бывает. Это ведь Первомай, а не Новый год, когда принято разбрасывать кругом серпантин. Совершенно очевидно, что ради рифмы Сергей Мормышев пожертвовал смыслом, получилась бессмыслица. То же самое и с рифмами океан – мирян. Демонстранты названы по–церковному мирянами. Это уж совсем никуда не годится.

Кроме того, автор нисколько не заботится о разнообразии своего лексикона, слово «звон» повторяется в тексте неоднократно: «летит от праздничного звона», «откуда звон», «неси по миру эти звоны», «звени, лучистый Первомай», «звонкий смех»… Большим преувеличением является сравнение праздничных колонн с бурлящим океаном. Если подходить к этому стихотворению с позиций подлинной художественности, то, увы, приходится оценить его, как необдуманное рифмачество (да простит нам автор такое резкое слово). Самое опасное в литературной работе – легкомысленное отношение к ней.

Много недостатков в стихотворениях Галины Рыковой (г. Кемерово): сбивчивый ритм, неблагозвучные рифмы, наивность содержания. Но одно из стихотворений нам хочется всё-таки процитировать. Называется оно «Слепой дождик»:

Сыплет небо бирюсинами,
Солнце яркое – в глаза.
Пахнет мятой и осинами.
Не похоже, что гроза.
Дождик льётся не с громинами –
Лёгкий шорох в облаках.
Солнце с яркими дождинами
Уместилось на руках.

Здесь, как видим, дело портят рифмы *дождинами – громинами – бирюсинами*. Громины – вообще плохое словообразование от «грома», а остальные слова должны звучать уменьшительно. Однако общее впечатление от этой пейзажной зарисовки поэтическое. Картина природы во время так называемого слепого дождя передана очень достоверно. И солнце ярко печёт, и одновременно проходящая мимо тучка сыплет крупные, сверкающие в лучах капли. Настолько красиво, что просится всё в стихи. Литературное начинание Галины Рыковой обнадёживающее. Будем верить, что со временем она научится, как надо использовать свои несомненные способности – светлое восприятие мира, наблюдательность. Учителя у неё хорошие: «Люблю поэзию Лермонтова и Пушкина, Юлии Друниной, Есенина. Маяковского понимаю и люблю больше всего», – так пишет Галина о себе.

Рифмы рифмами, ритм ритмом, но иногда мы должны приветствовать и несколько неуклюжие, даже корявые по форме стихи, если они содержат зерно интересных мыслей, жизненные устремления и убеждения молодого автора. В этом смысле привлекает внимание стихотворение девятнадцатилетней комсомолки из Кемерова Ольги Красновой. Вот это стихотворение под названием «Две дороги»:

Есть на свете два ветра –
Попутный и встречный.
И есть две дороги по жизни –
Потрудней и полегче,
Две дороги, два разных пути.
Вот и выбери сам,
По которой идти.

Та, что лёгкой зовётся,
По ней просто шагать.
И ветер попутный будет тебя подгонять.
Там асфальт и песочек,
Там уют и покой.
Но я не мечтаю о жизни такой.
Я за тех, кто всегда и везде

Идёт против ветра,
К своей заветной звезде.
Пусть дорога трудна, далека,
И не видно конца
Бедам, трудностям и испытаньям,
Ты иди, шагай, продвигайся вперёд
И не бойся, что жизнь не удастся.
Только где трудно,
Где кровь и где пот,
Где ночами подолгу не спится,
Только тогда и только такой
Можно жизнью своею гордиться!

Неплохое по содержанию стихотворение. Его можно было бы считать полноценным во всех отношениях, если бы не подкачала форма – случайная, не совсем определённая строфика, бедность рифм (например, далека – конца), а местами и полное отсутствие их.

Закончим тем, с чего начали эту статью. «Давай мне мысль какую хочешь», – говорит пушкинский поэт. И любой из начинающих стихотворцев должен помнить это, чтобы уметь в сложной стихотворной форме выражать любую мысль, несмотря на её трудности. А из этого сама собой вытекает мысль о необходимости постоянного совершенствования мастерства, о повседневной практической тренировке, т. е. многописании. Разумеется, не всё на первых порах будет получаться хорошо, но ежедневная работа над освоением техники стихосложения в конце концов даст свои положительные результаты при одном условии, конечно, если у пишущего есть врождённые поэтические способности или даже талант, если ему есть что сказать людям.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1971. – 12 августа. – С. 3.

ЗАМЫСЕЛ И ЕГО ВОПЛОЩЕНИЕ

Все, кто внимательно следит за периодической печатью, наверно, обратили внимание на тот знаменательный факт, что вот уже продолжительное время на страницах «Литературной газеты» идёт дискуссия о содержательности современной поэзии. В этой дискуссии принимают участие критики, поэты, читатели. Суть их высказываний сводится к следующему: в современной поэзии очень много хороших, талантливых произведений, но немало ещё и серых, посредственных, бессодержательных.

Есть смысл поговорить об этом и нам, основываясь на рукописях, имеющихся в нашем распоряжении.

Один из участников дискуссии критик Константин Поздняев, не отрицая важность монументальных произведений, за которые кое-кто ратует, замечает, между прочим, что содержательной может быть и пейзажная лирика. С этим мнением нельзя не согласиться. Вот, скажем, пейзажное стихотворение молодого автора из Осинников Владимира Рыбкина:

Рано утром, до рассвета,
Заглянул мороз в село.
На тропиночке заветной
Горы снега намело.
Проморозил снег до звона
(Постарался для ребят),
Пробежался по загонам –
Закуржавил жеребят.
Все берёзоньки оправил
В нежный инистый убор,
На стекле окна оставил
Синий кованый узор.
Обежал вокруг деревни,
На верхушку ёлки влез,
Пожалел, что вышло время,
Огляделся и… исчез.
Утром солнце заиграло
Над вершинами берёз –
Всё вокруг так чудно стало!
Ай да дедушка мороз!

Автор правильно понимает назначение поэзии – изображать мир в образах, в этом достоинство данного стихотворения, которое при всей, казалось бы, привычности нарисованной картинки оставляет впечатление свежести, чистоты зимнего морозного утра. Достигается это не простой констатацией факта, мол, какое хорошее это утро, а выразительным изображением многих конкретных деталей и подробностей.

Стремление к образному воплощению замысла находим мы и в стихотворной миниатюре Лидии Ольковой из села Ваганово Промышленновского района:

Мороз разукрасил окошки
И в иней одел провода.
Ложится снежок на дорожки.
Застыла на речке вода.
Бураны завыли с метелью,
Меняют свой цвет небеса.
И вечер склонился над елью,
Как мать над ребёнком в час сна.

В двух последних строчках то же метафорическое одушевление природы, что и в стихотворении Владимира Рыбкина, помогает Лидии Ольковой простую пейзажную зарисовку сделать поэтичной, без этой метафоры (как мать над ребёнком) стихотворение многое бы потеряло. Правда, нельзя не заметить, что автору не хватает должного мастерства, это видно, к примеру, по приблизительной рифмовке: небеса – сна. Такая техническая накладка тем досаднее, что остальные рифмы здесь хорошие.

Целую подборку пейзажных стихотворений прислал из села Силебарка Ижморского района Виктор Сергеев. Одно стихотворение стоит того, чтобы процитировать его:

Пойду я в лес, хотя уж поздно,
И сумрак ночи взгляд мрачит.
Какое чудо – сосны, воздух;
И всё кругом тебя молчит.
Вдруг так легко в душе мне стало,
И мысли стройно полились
Как будто сердце подсказало:
Дыши, пой песню, веселись.
И крикнул я, что сил есть громко:
– Эй, кто тут есть живой, ко мне!
Молчал сурово лес, лишь звонко
Вторило эхо мне во мгле.

Стихотворение не лишено недостатков (неловкое выражение «мрачит», неправильное ударение в слове «вторило»), но в целом оно – неплохая заявка на будущее. Заслуживает внимания его мысль: общение с природой в любое время, даже в ночную пору, когда всё вроде бы спит, безмолвствует, облагораживает душу, обогащает мысли, окрыляет. Такую мысль нельзя назвать мелкой, бессодержательной. А доверие читателя к тому, что и о чём говорит поэт, это большое дело, к этому должен стремиться каждый пишущий.

Любви к природе посвящает своё стихотворение кемеровчанка Людмила Берёзка:

Весна пришла на наши улицы,
Звенят трамваи о весне.
А я бреду к тебе по лужицам,
Пою я песню о тебе.
Кругом смеющиеся лица.
Ведут деревья хоровод.
А я спешу к тебе навстречу,
Меня к тебе весна несёт.

Говоря откровенно, стихи эти довольно заурядны, даже наивны, но последняя строчка – это опять-таки те метафорические крылья, которые приподнимают над будничностью добрые и светлые чувства автора, ради которых мы на первый случай готовы простить Людмиле все технические недоделки в её стихотворении, вроде «ведут деревья хоровод» (правильно, деревья водят хоровод), а также отсутствие рифм во второй строфе (лица – навстречу, весне – тебе).

Нет, не случайно обращаются многие молодые авторы к пейзажной и любовной лирике. Воспевая все эти клёны, берёзки, горы, поля, листопады, вьюги, они тем самым воспевают свой родной край, свою Родину, выражают свою безграничную любовь к дорогой сердцу земле и живущим на ней людям. Пейзажная лирика наряду с гражданственной способствует патриотическому самосознанию. Однако не надо понимать так, что всё, что мы процитировали выше, безупречно. Как уже говорилось, недостаток мастерства – беда многих начинающих, их первые стихи – это лишь проба пера, в которой достоин похвалы прежде всего замысел, а не воплощение его. По исполнению эти стихи в большинстве случаев корявы, неуклюжи, неумелы. Овладение мастерством – первостепенная задача всех упомянутых стихотворцев.

Совершенно справедливо участники дискуссии о содержательности современной поэзии упрекают некоторых поэтов за информационность, художественную бескрылость их стихов, за равнодушие, из-за которого сводятся на нет самые благие, самые благородные намерения и замыслы.

Вот перед нами стихотворение новокузнечанина Бориса Старкова. Называется оно «О Запсибе». Давайте внимательно прочтём его:

Там, где камыш шептался скромно,
Где соловей в кустах свистал
Там ныне задышала домна,
Рождая огненный металл.
И словно не было болота,
Лохматых кочек и кустов,
И словно шорцы на охоте
Не разводили там костров.
И белых не было палаток,
И холод души не трепал,
И землю мёрзлую лопатой
Никто как будто не копал.
Всё изменилось на Запсибе,
Кругом раскинулись дома,
Растёт завод за дымкой синей,
Стальными трубами дымя.
И самосвалы «КРАЗы», «МАЗы»,
Гудя по улицам бегут.
Простые люди – верхолазы,
Коммуну строя, там живут.
Но если б смог я от природы,
То тем бы должное воздал,
Кто под напором непогоды
Фундамент стройки заливал.

Не будем голословно заявлять, что это стихотворение писалось, что называется, без душевного трепета, без волнения, но как бы там ни было, меня, как читателя, оно оставляет равнодушным, ибо оно слишком информационно: там, где было то-то, стало то-то. Нет здесь главного для поэзии – чувства, одна лишь констатация факта – и всё. А ведь тема-то куда уж значительней, монументальней, она требует от автора глубокого проникновения в неё, налицо же – поверхностное скольжение, описательность, перечисление внешних примет, не одухотворённых поэтическими образами. К чести Бориса Старкова следует сказать, что техникой стиха – ритмом, рифмами – он владеет если не в совершенстве, то всё-таки достаточно грамотно, хотя и в этом встречаются у него пробелы, например, выражение «но если б смог я от природы» (подразумевается: если бы мне было дано от природы). Как видим, и значительная по замыслу тема может быть испорчена, если не вдохнуть в неё живое чувство, а только благополучно зарифмовать общеизвестные прописные истины.

То же самое случается, когда автор черпает вдохновение не из личного опыта, не из живой действительности, а из книжных впечатлений.

А. Евсиков написал стихотворение под названием «Байрону», написал его явно «под Маяковского» – лесенкой, но мы из экономии места процитируем это стихотворение в традиционном виде:

Его бросало то в холод, то в жар…
Вдруг чьё-то лицо склоняется.
– Джордж Байрон, ты меня не узнал?
Такие встречи редко встречаются.
Сквозь плотины веков, через тысячи миль
Мне с тобой говорить без титулов хочется.
Сколько умерло вас от ранений и малярий
За свободу и счастье общее?
Умирали в походном быту,
Не щадили себя поэты.
Ты сражался за Грецию ту,
Я кляну фашистскую эту,
Где бросают за песню в тюрьму,
Душу там человечью гадят.
Я тебя в своё сердце возьму,
Чтоб свободу вернуть Элладе.
Буду стихов железом
Танков громады резать,
Горла трубой басовитой
Звать патриотов на битвы.

Опять приходится говорить лишь о замысле. Он серьёзен, но воплощён, к сожалению, в подражательной форме. Обращение к Байрону – чисто условный поэтический приём, оно, по мысли автора, должно служить решению вполне современной темы, однако, читая стихотворение, мы всё время не можем избавиться от ощущения, что всё это не своё, заёмное – от интонаций до фразеологии. Чего стоит, например, выражение «стихов железом танков громады резать». Сказано чересчур самоуверенно, нескромно, так же, как и «горла трубой басовитой звать патриотов на битвы», что под стать далеко не всякому поэту, тем более начинающему. Что было по плечу Маяковскому, то не под силу пока очень многим его формальным последователям. Не надо заблуждаться на этот счёт, на вещи следует смотреть реально.

Два слова в заключение. Содержательность поэзии, на наш взгляд, зависит отнюдь не от масштаба той или иной темы, не от ограниченности или широты её, а от степени проникновения в тему, от того, насколько глубоко она «вспахана», насколько сильно пронизана живым человеческим чувством, эмоциями, ибо эмоции, чувства – главное, что отличает поэзию от прозы. Там, где нет эмоций, автор вольно или невольно ограничивается рифмованной информацией, заставляя думать читателя только о благом намерении, о невоплощённом замысле.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1971. – 28 сентября. – С. 3.

ОСЕНЬ – ПОРА ПОЭЗИИ

Осень нынче была на редкость погожая и продолжительная. И вполне естественно, что стихов, посвящённых ей, в нашей почте много. Давайте поговорим сегодня об осенних стихотворениях, принадлежащих перу молодых авторов. Поговорим, не просто констатируя появление тех или иных строчек на эту тему, а пытаясь анализировать написанное, отмечая достоинства и недостатки присланных стихотворений.

Семь коротких осенних этюдов прислал нам новокузнечанин Анатолий Бенедюк. Наиболее удачным по форме и цельности содержания кажется мне вот этот этюд:

Речка дремлет. Спит кустарник.
Свет ложится от луны
То на высохший татарник,
То на камни-валуны.
То на окна, то на колки
Свет струится золотой,
Не жестокий и не колкий,
Сохраняющий покой.

Картинка довольно впечатляющая, создающая определённое настроение. Но и в этих немногих восьми строчках не всё безупречно. Не совсем точным является выражение «сохраняющий покой». Это выражение было бы уместно в другом контексте, если бы говорилось, что всё вокруг в тревоге, в смятенье, и лишь лунный свет сохраняет покой. Однако «речка дремлет, спит кустарник», т. е. в природе тишина, покой; поэтому и про лунный свет следовало сказать, что он не «сохраняющий покой», а полный покоя, или ещё проще: спокойный. Не жестокий, не колкий, спокойный свет.

А вот ещё один этюд Анатолия Бенедюка:

Пора цветения отпрянула,
И улетели вдаль стрижи.
О, как ты, лето, быстро кануло,
Не соизволивши пожить!
Молниеносно поосыпалась

С деревьев жёлтая листва.
Трава умята мотоциклами –
Даны охоте все права.
Не потому ли так растерян я,
Что вниз ползёт курчавый хмель?
Пора цветения расстреляна –
У лета с осенью дуэль!

Есть своё настроение и в этом этюде, но есть в нём и свои словесные неточности. В первых же строчках режет слух сугубо канцелярский оборот речи: «не соизволивши пожить!». Ужасная художественная безвкусица. Не подумал автор и над следующей строкой, написав про жёлтую листву, что поосыпалась она *молниеносно.* Что-что, а осенняя листва никогда не осыпается молниеносно, в один миг. При сильных заморозках она, действительно, может облететь быстро, за одну ночь, но слово «молниеносно» тут никак не подходит. Дальше – прозаичная строка: «даны охоте все права». Здесь же, в этом четверостишии, нельзя назвать рифмами «поосыпалась – мотоциклами», в этих словах нет и намёка на созвучие. «Так растерян я» – не те слова. Встреча с осенью вызывает скорее грусть, печаль, а не чувство растерянности. И лишь в двух последних строчках автору удалось найти более или менее точный образ. Встречаются отдельные образные строчки и в других этюдах, например: «В небе туча, что корма. Покачнулась – дождик брызнул». На мой взгляд, Анатолий Бенедюк не лишён поэтических задатков, но распорядиться ими, как следует, он ещё не умеет.

Осенним настроением навеяно стихотворение Галины Золотаиной из Ленинска-Кузнецкого «Ты и лето»:

Ты ушёл, как уходит лето,
Очень тихо и незаметно.
Оглянулась – тебя уж нету,
Оглянулась, а ты уже где-то.
Ты забыл со мной попрощаться,
А быть может, и я забыла.
Ты любил со мною встречаться,
А быть может, и я любила.

Ты ушёл в золотую осень,
Как уходит красное лето.
И на небе не та уж просинь,
То, что было, уже не это.
Так ведь лето опять вернётся,
С шоколадным загаром кожи,
Я его подожду, потому что
Вместе с ним ты вернёшься тоже.

Есть ли что-нибудь хорошее в этом стихотворении? Есть. Это, прежде всего, верно найденный, соответствующий теме ритм – несколько монотонный, как осенний дождик. Естественным также представляется сравнение ушедшего лета с любимым, который «ушёл в золотую осень». И ещё – к достоинству стихотворения можно отнести второе четверостишие, где с чисто женской лукавинкой звучит повтор: «а может быть, и я». К сожалению, недостатков в этой вещи больше, чем приобретений. Вот, скажем, совершенно пустая строка: «То, что было, уже не это». Ничего эта строка не изображает, причём мысль в ней выражена несколько косноязычно. В последней строфе необязательным является слово «кожи», и так ясно, что шоколадный или золотой загар бывает на теле, а не на чём-то другом. В этой же строфе бедна рифмовка, созвучия только в двух строчках. Не нова мысль: пусть наступила осень, но мы знаем, что лето вернётся опять. Подобные недостатки встречаются и в других стихотворениях Галины Золотаиной. Хочется посоветовать ей больше работать над каждой строчкой.

Умеет создавать поэтическое настроение девятнадцатилетняя Светлана Цибарева из Юрги.

О, мой октябрь, ты всё такой же робкий.
В твоих лесах покоится туман.
Как берег пуст. Как молчаливы лодки.
А где-то там живёт их капитан.
И всё грустит в молчанье онемелом,
Все эти камни и песок с травой.
О, мой октябрь, ты в полушубке сером
Напоминаешь мне мой дом родной.

Дыхание поэзии здесь чувствуется явственно. Правда, Светлана ещё слабо владеет формой стиха, рифмует весьма приблизительно: робкий – лодки, онемелом – сером.

Много и серьёзно предстоит учиться и другой восемнадцатилетней девушке из Юрги Вале Ермоленко. Она прислала в редакцию два стихотворения, одно из них – осеннее:

Осень-озорница
Заявилась в город.
Моет, не ленится
Окна и заборы.
Мне в почтовый ящик
Как-то в ветер сильный
Бросила в подарок
Листик тополиный.

Второе четверостишие – поэтическая находка, а в первом такая непростительная ошибка, как неправильное ударение в словах «не ленится». Между прочим, ещё Есенин советовал молодым: строго

следите за ударениями. Среди словесных погрешностей неправильные ударения в стихах молодых авторов – не такой уж редкий случай.

Вот наглядный пример из стихотворения Виктора Иванова со станции Яя:

Ветер тучи нагоняет,
Листья жёлтые летят.
«Где же ты, моя родная?» –
Мысли с сердцем говорят.
Мысли думают, а руки
Пишут строки о любви.
Только сердце одно в муках,
Грусть-тоска в моей груди.
Потерял – и безвозвратно
Любовь первую, мечты…

Обратите внимание на седьмую и десятую строчки, где слова «одно» и «любовь» выбиваются из общего размера, читаются с ударениями не на тех слогах, на которых положено. Кроме неправильных ударений, в приведённых строчках попадаются и другие ошибки, в частности, слабые рифмы: руки – в муках, о любви – груди. Руки–разлуки, в муках–звуках, любви–позови, груди–впереди – другое дело. Это рифмы, пусть и не новые, но полные.

Выше мы говорили о том, как важно, чтобы стихотворные строчки создавали то или иное настроение – грустное или весёлое, печальное или торжественное. И приходится только сожалеть, что во многих стихах ничего этого нет. Читаешь такие стихи – и никакого отклика чувств в сердце, хотя стихи, как стихи, с рифмами, с ритмом и даже с некоторой образностью.

«Осенний сквер» – так назвал своё стихотворение кемеровчанин Борис Лавин:

Пасмурно, погода скверная,
Ветер один веселится:
Гонит листья по скверу,
Бросает прохожим в лица.
Небо в пруду кривляется
Серым своим лицом.
Легко почему-то мечтается
Таким непогожим днём.
Листик с ветки сорвался,
Упал к моим ногам,
Жёлтым птенцом заметался
И упорхнул к кустам.

Не будем придираться к сбивчивому ритму, учтём, что серое лицо неба, листик, похожий на жёлтого птенца – это всё-таки образы (а поэт мыслит именно образами), и тем не менее, перед нами какое-то бледное подобие поэзии, туманный слепок с неё, не создающий никакого настроения. Когда небо *кривляется* в пруду своим серым лицом, трудно поверить, чтобы в такие минуты, при такой картине (очень неприглядной) о чём-то *легко* мечталось. Соседство этих строчек – абсолютно случайное, искусственное, оно не продиктовано единым настроением чувств. Нет здесь этого необходимого единства.

Закончить эту статью мне хотелось бы на высокой ноте – стихотворением матроса Тихоокеанского флота Василия Черникова, которое так и называется «Высокая осень», и в котором есть всё – и поэтическое настроение, и свежие образы, и оригинальные мысли:

Какая высокая осень,
Немыслимо ясная ширь!
За тонкой берёзой просинь,
И кажется, видишь весь мир.
И если шагнуть на тропинку
И засветло тронуться вдаль,
Почудится в блёклой травинке
Немого ухода печаль.
Уходит природа куда-то
С цветами, листвою, травой,
Уходит с грустцой, виновато,
Облитая вся желтизной.
И всюду торжественно, строго,
Лишь лист одинокий кружит.
Наверно, медведь из берлоги,
Сощурясь, на небо глядит.
И бродят торжественно звери,
Стараясь потише ступать.
Простые земные потери
Им, видно, дано понимать.
Полна и добра, и прощанья,
Природа к покою идёт,
Но даже сквозь боль увяданья
В ней мысль о цветенье живёт.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово. // Комсомолец Кузбасса. – 1971. – 4 ноября. – С. 3.*

ДУША СТИХА

«Я никогда не посылал своих стихов в редакцию, я постоянно тешил себя надеждой, что когда-нибудь встречу тонкого знатока поэзии, и он станет моим критиком. Я показывал свои стихи окружающим, они восторгались и советовали отослать в редакцию, но я понимал, что суждения людей, лишь поверхностно осведомлённых в поэзии, ошибочны. Присутствие ритма и рифмы отстраняет таких слушателей от главной оценки – какова же душа стиха, его основная мысль и содержание».

Это из письма Владимира Дегтярёва (г. Юрга). Очень хорошо сказано: душа стиха. Действительно, часто случается, что наличие ритма и рифмы в стихе мешает разглядеть его душу. Вернее, за ритмом и рифмами не только «слушатели», но и сами авторы часто не могут разглядеть то, что составляет глубину, суть того или иного произведения. Коварное свойство имеют ритм и рифма – завораживать нас чисто внешним звучанием строк, отодвигая куда-то на задний план главное – содержание вещи, её основную идею.

Владимир Дегтярёв сообщает, что недавно он побывал в Ташкенте, где «получил полное разочарование от азиатской природы», и в результате появилось следующее стихотворение:

В поездной суматохе, с вещами,
Я едва отыскал свой плацкарт.
За окном уносился прощальный
Провожающих долгий взгляд.
Вот уж скрылся Ташкент, и природа
Всем открыла свою наготу.
Я бы здесь не прожил и года,
Да и как променять красоту?
На унылые серые груды
Громоздящихся всюду камней.
Этот край воспевать я не буду,
Мне Сибирь моя всё же милей.

В стихотворении, как видим, есть и ритм, и рифмы, но мы знаем, что для автора они – второстепенные элементы, для него важнее другое – душа стиха, поэтому попробуем определить, в чём она, каково её проявление. Владимир Дегтярёв стремился к похвальной краткости, сжатости, которая, к сожалению, обернулась недосказанностью в одном случае и лишними словами – в другом. Лишним, необязательным для развития темы кажется мне всё первое четверостишие. Эта информация («Я едва отыскал свой плацкарт») не играет никакой роли в авторском замысле. А недосказанность ощущается ещё больше. «Да и как променять красоту», «Мне Сибирь моя всё же милей». Коренной житель Ташкента вправе спросить автора: о какой именно красоте ты говоришь и чем конкретно милей тебе твоя Сибирь? Ответа на этот вопрос в стихотворении мы не находим, вместо художественных подробностей, деталей, которые бы позволили читателю увидеть или хотя бы вообразить красоту сибирской природы, две самых общих фразы – и только. Таким образом, душа стихотворения ни в чём не проявилась, она осталась где-то за рамками ритма и рифмы. Стихотворение, как говорится, не состоялось. Оно бы могло заиграть красками лишь тогда, когда автор «серой груде камней» противопоставил бы что-то иное, о чём он, кстати, говорит в письме: мол, в Азии «нет ни божественных русских берёз, ни раздолья сибирских рек», там «так не хватает бодрого сибирского климата». Да, недосказанность в художественном произведении не меньший недостаток, чем многословие.

Интересно письмо другого автора из Юрги – Гали Селифановой, которой нет ещё семнадцати лет. Вот некоторые выдержки из её письма: «Пишу я уже года три… Раза два я печаталась в нашей районной газете «Свет Ильича»… Может быть, вы мне скажете, могу ли я писать? Ведь если то, что я уже сейчас написала, никуда не годится, то мне надо поскорее забыть об этом. Хотя сейчас это для меня кажется невозможным… Пишу я и прозу, маленькие новеллы. Но у меня нет простоты ни в стихах, ни в прозе… И вот я обращаюсь к вам: научите меня простоте!».

К такому письму нельзя остаться равнодушным, оно трогает своей откровенностью, доверительностью и даже противоречивостью: Галя Селифанова, чувствуется, очень недовольна собой, она готова бросить писать и в то же время считает это невозможным, потому что, судя по всему, сильно любит литературу, и у неё много творческих замыслов и желания работать по-настоящему, серьёзно.

Давайте прочитаем одно из её стихотворений:

Заблудилась среди путей,
Места нет от прошлых тревог…
Что друзья, и среди друзей
Может быть человек одинок.
Может быть одинок среди книг,
Как в распутьи, среди дорог,
Может быть одинок от обид,
Словом друг защитить не смог.
Одинок от последней встречи,
Одинок от насмешливой речи,
От несчастной своей любви…
Вот и ты оказался рядом
С лёгким словом и добрым взглядом.
Осторожно в глаза загляни,
Не жалей, посмотри и пойми.

Галя говорит, что её стихам не хватает простоты. Это не совсем так. Не хватает им технической отделки (меняющийся в пределах немногих строчек ритм, приблизительная рифмовка: книг – обид, любви – загляни – пойми). Однако форма – дело наживное, достоинств в стихах её больше, чем недостатков, есть в процитированном стихотворении то, что Владимир Дегтярёв назвал душой стиха. Это, прежде всего, живое чувство и беспокойные мысли об одиночестве среди людей. Это состояние передано Галей Селифановой психологически тонко и верно.

Так что на главный её вопрос – могу ли я писать – можно, не кривя душой, вполне определённо ответить: да, конечно. Что же касается простоты, то за отсутствие её Галя принимает неумение свободно владеть словом, обращаться с ним так уверенно, как хотелось бы. Тут, пожалуй, уместно напомнить строки Демьяна Бедного: «Мысль выражают просто те, кто мыслит ясно, смело, честно. Ещё нам с Ленина известно, что гениальность – в простоте». Главное для Гали Селифановой – научиться ясно мыслить, тогда и ясное выражение мыслей не будет представлять сложности.

Давно уже замечено, что чем способней автор, тем чаще и больше недоволен он собой, своей работой. И наоборот: менее способные – менее требовательны к себе.

«Дорогая редакция! Посылаю вам два моих небольших стихотворения. Хотелось бы, чтобы они нашли место на странице газеты», – с такой припиской обращается к нам Николай Попов из посёлка Орлово-Розово Чебулинского района. У Николая Попова нет ни малейшего сомнения, что стихи его годятся для печати, сам он не видит многих недостатков в них. Вот одно из стихотворений этого автора «На покосе»:

Уже покос ведут машины
И сено спелое коптят.
Слегка склоняются вершины
Берёз, и смотрят на ребят.

Жара июльская полудня
Траву малюет желтизной.
Ребята в поте. Очень трудно
Работать в этакий вот зной.
Но словно домики на поле,
Стога янтарные встают.
А птицы в небе, на приволье,
Труду и людям гимн поют!

Первая же строка поражает своей беспомощностью, прозаичностью: «Уже покос ведут машины». Дальше – смысловая неточность: машины не могут «вести покос» среди леса, им нужен простор, поэтому берёзы, которые «склоняются вершинами» и «смотрят на ребят», появляются здесь совершенно неожиданно. По логике, ребята косят не на лугу, а на опушке, среди деревьев, и не машинами, а литовками. «Жара… траву малюет желтизной». Опять неточность. Имеется в виду, по-видимому, скошенная трава, так и надо было сказать, и то в другом плане: скошенная трава в большой зной вянет, блёкнет, но не желтеет. Не то слово. «Ребята в поте». Новая накладка. Не в поте, а в поту. В поте лица – другое дело. Птичий гимн людям и труду – высокопарность, а не поэтическая находка.

Николай Попов хотел написать пейзажную картинку, но дальше информации не ушёл. Для того чтобы сообщить читателю, что ведут покос машины, что очень трудно работать в знойный полдень, не обязательно бывать на покосе, своими глазами видеть косьбу, ребят «в поте», всё это с большей или меньшей долей воображения можно представить, сидя за столом. Что из этого получается – видно из стихотворения. Это как раз тот случай, когда кроме ритма и рифмы перед нами нет ничего – ни изображения предмета, ни накала чувств, ни новых мыслей.

Не первый год пишет и печатается Александр Ласкин (г. Таштагол), участник творческих семинаров, автор многих стихов. Его уже как-то неудобно называть начинающим поэтом (сколько лет можно ходить в начинающих!), но работает он, к сожалению, всё ещё на уровне, далёком от профессионального. Это видно по подборке, которую Александр Ласкин прислал. Вот, скажем, стихотворение «Доярка»:

Ходит под мальчика стриженой Файка.
Белёсая! Словно мельница.
Настежь распахнута фуфайка.
Глаза, как снежинки, светятся.
Сапожищи подковками тикают,
Но шагает в них Файка гордо
Не асфальтом большого города –
Деревенской улочкой тихою.
И не сумочка в ручках девчонки,
Улыбающейся подругам –
Вёдра, зорькою золочёные,
С молоком, пахнущим лугом.
Ходит Файка об руку с песней,
От темна до темна всё в поле.
Говорят ей: – Поспала б, что ли…
– Отоспимся потом – на пенсии!
Опускаются в травы росы…
Голова от усталости кружится.
Сапоги сняв, ступает босо
Неприметная сельская труженица.

Непонятно, что заставило Александра Ласкина написать это стихотворение. Всего скорее – желание откликнуться на сельскую тему. Но сделано это без огонька, без вдохновения, по какой-то «творческой» инерции, в которой нет и намёка на влюблённость в героиню. О какой уж тут влюблённости может быть речь, если девушка сравнивается… с мельницей. Мельница – и вдруг «не сумочка в ручках девчонки» (в ручках!). Нет также сомнения, что имя доярки придумано специально для рифмы: Файка–фуфайка. Впрочем, вообще-то автор о форме стиха не очень заботится: за исключением этой «Файки – фуфайки», все рифмы у него мало созвучные, слабые, да и ритм настолько сбивчивый, что для опытного поэта просто непростительно. А сколько в стихотворении строк, которые с первого чтения режут слух: «Сапожищи подковками *тикают*», «Говорят ей: – Поспала б, что ли» (ударение в слове «поспала» не на своём месте), «Сапоги сняв, ступает *босо*» (не точнее ли: босиком, босая?), «Неприметная сельская труженица» (для кого неприметная? Не в глухом же лесу живёт она, а на виду у людей).

В чём же душа этого стихотворения? Да в том, что девчонка, напоминающая мельницу, всё ходит и ходит от темна до темна. По автору – гордо шагает в сапожищах, по нему же – в другой обуви, более подходящей, девушки в сёлах не ходят… Слабенькое, безвкусное в художественном отношении стихотворение. И что обиднее всего – оно не самое слабое в подборке.

Пора бы Александру Ласкину задуматься: а не простое ли версификаторство моя поэзия? Не ложным ли блеском светится она, как «*снежинки* в глазах?».

Подборку стихов прислал из Новокузнецка С. Илясов. Приписка такая же, как у Николая Попова: «Высылаю вам свои стихи. Если можно, прошу напечатать их в вашей газете». Что это за стихи – судите сами:

Была дворянкой,
А стала дворником.
Лохматой дворнягой
Шастает по дворикам
Без надежды в небе,
Зарабатывает так
Свой кусочек хлеба.

Грязная и чумазая…
Жизнь – хоть повеситься.
Выбилась сразу же
Суть помещичья…
Дворняги по делу
Те же дворники.
Ни породы в них, ни тела.
Словом, подзаборники.
Дворники – те же дворяне,
Но достоинством ниже.
Двери обратно отворяли,
Красили крыши.
А сейчас дворники –
Это всё поэты.
Безумствуют затворники,
Пишут в рассветах.
Футуристами у газонов
В глазах жёлтых.
Шепчутся резонно
С листьями о чём-то.

Это ещё почище, чем у Александра Ласкина: здесь женщина представлена уже не в образе мельницы, а в облике… лохматой дворняги (?!). С. Илясов, видать, не случайно упоминает футуристов, его стихи – это непостижимые футуристические выверты. Приведённое стихотворение трудно понять, осмыслить, запоминается лишь игра слов: дворяне, дворняги, дворники. Во всём остальном оно лишено здравого смысла. И такие, с позволения сказать, произведения автор считает возможным предложить для печати. Значит, он всерьёз убеждён, что занимается каким-то полезным делом – творчеством? Конечно, каждый волен писать так, как ему заблагорассудится. Но беда, если подобное «творчество» каким-либо образом становится достоянием товарищей по перу. Беда потому, что может сбить с толку, внушить мысль, что именно так и надо писать: непонятно, заумно, бессмысленно. Чего греха таить, иногда ведь появляются такие вещи и у известных поэтов, в которых видимость поэзии принимается за поэзию, непонятную, недоступную, но, на чей-то взгляд, достойную подражания, что, вероятно, и произошло с С. Илясовым, начитавшимся какой-то зауми.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1971. – 30 ноября. – С. 4.

«НАМ НЕ ВПЕРВОЙ ВСТРЕЧАТЬ КРУТЫЕ ЗИМЫ»

Многие молодые авторы очень болезненно воспринимают критику в свой адрес, обижаются, пишут сердитые письма. И тем приятнее отметить, что есть и другая категория пишущих. Такие авторы стараются серьёзно, вдумчиво вникнуть в критические замечания, высказанные по поводу их стихов, и сделать из этого соответствующие выводы. Однажды мы не совсем лестно отозвались об одном из стихотворений машиниста электровоза шахты «Чертинская» Леонида Торгаева из Белова. Критика была, прямо скажем, настолько резкой, нелицеприятной, что казалось, Леонид Торгаев «смертельно» обидится на газету и никогда больше не пришлёт ничего на её суд. А случилось наоборот. После длительного молчания и, надо полагать, после мучительных раздумий над своей поэтической работой молодой поэт прислал нам новое своё стихотворение «Октябрь»:

Дождя и снега путаная ересь,
Порывы ветра жёстки и грубы…
Дрожат берёзки зябкие, уверясь
В фатальной неизбежности судьбы.
И шорохи, и вздохи их невнятны,
Блуждает грусть меж трепетных ветвей…
Ах, как они близки мне и понятны
В осенней беззащитности своей!
Мне хочется их принакрыть полою,
Чтоб отступила белая беда, –
Я сам перед житейской вьюгой злою
Бываю беззащитным иногда.
Пусть скоро яростны, неотразимы
Метели будут их ломать и гнуть –
Нам не впервой встречать крутые зимы,
Переживём и эту как-нибудь.

Хочется от души поздравить Леонида Торгаева с удачей, с хорошим стихотворением. Прочитайте его несколько раз, и вы убедитесь, что здесь продумана каждая строка, каждое слово. Ничего лишнего, пустого, всё «играет» на основную мысль – о родстве человека и природы. Следует также отметить – это немаловажно! – отточенную форму стиха: чёткий ритм, полнозвучные рифмы. Сразу видно, что на стихотворении лежит печать кропотливой, тщательной работы.

Этот случай свидетельствует о том, что критика не обескуражила автора, не разуверила его в своих силах и возможностях, а, напротив, помогла, вселила уверенность в себе, в то, что может он написать настоящее стихотворение. Почаще бы так случалось!

Опытной рукой написана подборка новокузнечанки Валентины Пьянковой. Свидетельство этому – ну, хотя бы стихотворение «Апрель»:

Я отчётливо чувствую, как дрожит,
силясь лёд разорвать, река.
Но – ещё не пора. И безумствует жизнь
Где-то там, в глубине, в тайниках.
Тянет воздух (это, скажешь, озон)
Свежей – с холода – простынёй.
Нынче в город ехать, какой резон?
Остановимся, отдохнём.

На рассвете, едва переступишь порог,
слышен звон предвесенней поры.
Но всё так же прекрасен, прозрачен и строг
карандашный рисунок горы.

Здесь, на первый взгляд, тоже всё продумано, однако при более внимательном прочтении обнаруживаешь, что не всё. Нет логики в последних двух строчках. «Слышен звон предвесенней поры». А к чему это противопоставление: «но всё так же»? Почему «но»? И как – так же? Как зимой? А разве в начале весны рисунок горы должен измениться, стать менее прекрасным? Что-то тут не то. Неясно, что хотел сказать автор. И ещё. О рисунке горы сказано, что он «прозрачен и строг». Строг – это понятно, значит, чётких очертаний. А у прозрачности есть одна особенность – просвечиваться насквозь. Можно ли так сказать про гору? Едва ли. Всего две строчки, а сколько в них неточностей.

Запоминается в этом стихотворении лишь то, что воздух пахнет свежей, принесённой с холода простынёй. Достоверная деталь.

Вот ещё одна пейзажная зарисовка Валентины Пьянковой «В лесу»:

Паук осторожно на землю спускается.
Опять мимоходом свершаются таинства.
Густые и мягкие сети паучьи
глаза застелили и руки опутали.
Во рту – холодок от рябиновых ягод.
И сладко мне встречи случайной бояться!
И я перед миром встаю на колени
На сочной, прохладной, медленной зелени.

Здесь остаётся загадкой, какой, с кем встречи сладко бояться? Кроме того, совершенно не тот эпитет по отношению к зелени – *медленной*. Это уже просто дань поэтической моде (эпитет «медленный» сейчас в большом ходу у молодых печатающихся поэтов, к чему и к кому только не применяют его). Приверженность к моде у Валентины Пьянковой наблюдается и в небрежной рифмовке: паучьи–опутали, ягод–бояться, жизнь–дрожит, простынёй–отдохнём, колени–зелени. Такие слова никогда не были и не будут рифмами. С законами поэзии надо всё-таки считаться, не вносить в неё художественную безвкусицу.

Не часто молодые авторы обращаются к лирической публицистике, к гражданской теме, и тем радостнее встретить стихи такого рода. Надежда Максименко из села Поперечное Юргинского района пишет в редакцию: «Меня очень волнует то, что происходит сейчас во многих странах мира. И я, обращаясь к нынешнему поколению, написала эти стихи». «Тебе, мой друг» – так называется это стихотворение:

Тебе, мой друг, я посвящаю это.
Не забывай об отсветах войны.
Не забывай, что в мире есть ракеты,
Что ты один – хранитель тишины.
За тишину для нас боролись деды,
И погибали за неё отцы.
И должен ты, мой друг, хранить всё это.
Не забывай, что сделали бойцы.
Тебе, мой друг, я посвящаю это.
Ты должен помнить все мои слова.
И если кто-то погибает где-то,
Здесь виноваты люди, значит, ты и я.

В искренности этого стихотворения усомниться нельзя. Правда, Надежда Максименко едва-едва осваивает азы стихосложения, она ещё не умеет находить точные формулировки, отсюда – наивная преувеличенность обобщения в заключительной строчке. Не о вине, а об ответственности каждого человека за всё происходящее в мире хотела сказать Н. Максименко, но это от неумения точно выражать свои переживания, а, по сути, стихотворение заслуживает внимания. Хотелось бы, чтобы молодые авторы не обходили стороной подобные гражданские мотивы, в меру своих способностей откликались на то, чем живёт сейчас наша планета.

А вообще-то говоря, кому что дано. Возможно, и среди молодых авторов появится у нас со временем поэт гражданского размаха и звучания, а пока что больше у нас лириков. Нельзя, например, требовать от Анатолия Сараева из Топок, чтобы он писал гражданские стихи, потому что, судя по большой подборке, присланной им в редакцию, он – прирождённый лирик. Причём, судя по этим же стихам, можно безошибочно определить его учителя и кумира. Это – Сергей Есенин. Влияние этого поэта очевидно, но не подавляющее, не стирающее индивидуальность Анатолия Сараева, а окрыляющее, вдохновляющее на создание стихов вполне оригинальных, лишь напоминающих Есенина:

Тишина. И хочется покоя
Каждой птахе, всякому зверью.
Летний вечер в озеро лесное
Опрокинул светлую зарю.
Не её ли, весело играя,
Ищет месяц на песчаном дне,
И, слезинки-брызги рассыпая,
Гладит спину радужной волне.
Смотрят звёзды и понять не могут,
Кто же сеет этот полумрак?
Летний вечер бродит по дороге,
Распахнув свой серенький пиджак.

Действительно, что-то есенинское здесь ощущается, даже в некоторых выражениях: «Каждой птахе, всякому зверью» (у Есенина: «И зверьё, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове»), но «распахнутый серый пиджак летнего вечера» – это, конечно, у Анатолия Сараева своё, не заимствованное. И так почти в каждом стихотворении подборки – почудится есенинское, а рядом что-то новое, самостоятельное, например:

Запрягу я ветер в сани,
Рассержу его до слёз.
И галопом – за елани,
В царство клёнов и берёз.

С ходу в крепкие объятья
Примут с радостью меня
Пихты-сёстры, кедры-братья,
Белокурая родня.

Встрепенутся сосны, ели
У неезженых дорог,
И под джаз лесной метели
Спляшут танец «Казачок».

Мотивы как будто есенинские, а содержание – сегодняшнее, современное.

У Анатолия Сараева, по-моему, достаточно вкуса и способностей самому добиться того, чтобы никто в будущем не упрекнул его в подражании Сергею Есенину. Уже и сейчас он не подражает, а учится, именно учится у замечательного русского лирика, и учёба эта не чисто формальная, а более глубокая: он учится любить жизнь, людей, природу, как любил всё это его учитель. И такая учёба плодотворна, потому что Анатолия Сараева привлекают в Есенине не внешние поэтические приёмы, а его человеческая, нравственная сущность – большого жизнелюба, певца любимой родины.

А теперь, в заключение статьи, немного о юморе и сатире. Работающих в этом жанре у нас очень мало, считанное количество авторов, но всё-таки они есть. Например, кемеровчанин Л. Габай, который и сам пишет юморески, пародии, и газете советует завести уголок «Юмор и сатира». Л. Габай работает и в прозе, и в стихах, которые, мне кажется, удаются ему больше. Вот одна из его пародий. Объектом её стали строки известного советского поэта Константина Ваншенкина, который написал такие строчки:

Тянуло мокрою корой.
Берёзы брезжила макушка.
Кончался день, и под горой
Усердно лаяла кукушка.

Лай кукушки – это, конечно, сверхобычное, но и на талантливого поэта иногда, как говорят, находит затмение. Вот как спародировал эти экстравагантные строки Константина Ваншенкина Л. Габай:

Уединенье той порой
(Кора, конечно, подсыхала)
Пришло, и только под горой
Собака где-то куковала.
Но мне её не страшен кук,
Ведь я привык к кукушек лаю,
И даже кошек перестук
Под вечер тоже понимаю.

Самая удачная по остроумию строчка в этой пародии – «собака где-то куковала». Смешна так же и другая строка: «Но мне её не страшен кук». Менее интересно про кошек («кошек перестук»), тут можно было придумать что-нибудь поострее, покарикатурней, например: кошек хрюканье и т. п.

Как бы там ни было, работу Л. Габая в жанре юмора и сатиры следует всячески приветствовать, для этого у него есть определённые способности.

О юморе и сатире мы говорим в своих обзорах впервые. Может статься, что с лёгкой руки Л. Габая этот жанр заинтересует и других молодых авторов, и тогда мы поговорим об этом более подробно и обстоятельно.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. –1971. – 18 декабря. – С. 3.

ИНОГДА МОЛЧАНИЕ – ЗОЛОТО

На имя автора обзорной статьи «Душа стиха», опубликованной в «Комсомольце Кузбасса» 30 ноября 1971 года, пришло письмо работника редакции городской газеты «Красная Шория» Н. Паринова: «Обращаюсь с просьбой. Вам, видимо, знаком наш поэт – О. Максимов. Прилагаю номер газеты со стихами вышеуказанного автора. Не могли бы вы высказать своё мнение об опубликованных в этом номере стихах? Дело вот в чём. Перед публикацией его стихов нам приходится немало тратить слов впустую, так как недостатков он «не находит», говорит: «Есенин писал тоже на эти темы…»

Приятно было узнать, что наши обзорные статьи помогают не только самим авторам, а и тем, кому приходится иметь с ними дело по долгу службы. Поэзия – искусство тонкое, сложное, и часто работники городских и районных газет оказываются в затруднительном положении – печатать или не печатать то или иное произведение? Как видим из письма Н. Паринова, такие сомнения возникают в редакции «Красной Шории» по отношению к стихам О. Максимова. Поэтому мы охотно выполняем просьбу высказать своё мнение о них.

В присланном номере газеты четыре стихотворения О. Максимова – «В метель», «Жалость», «Мгновенье» и «Ностальгия». Сразу же отметим, что редакция в данном случае не допустила, на наш взгляд, грубой ошибки, опубликовав эти стихотворения, – в общем и целом, они оставляют неплохое впечатление. О. Максимов, в отличие от А. Ласкина, склонен к серьёзным размышлениям о жизни, довольно умело владеет техникой стихосложения. Вот, скажем, стихотворение «В метель»:

Ветер за стеной – свирепый зверь.
Мне в метель цветенье мая грезится.

Поднимусь, пойду, открою дверь, –
Может, кто-нибудь зайдёт, погреется.

Я как друга лучшего приму
Всякого случайного прохожего,
На меня, быть может, непохожего –
Трудно человеку одному.
Дров подброшу в старенькую печь,
Приглашу к столу ночного гостя.
Их и так немало на погосте –
Тех, что не смогли мы уберечь.
Выпьем чаю. Сядем у огня.
И польётся мирная беседа…
Я не одинок. Любые беды
Не страшны сегодня для меня.

По замыслу стихотворение представляет определённый интерес, оно о человечности, о добром отношении людей друг к другу. Однако, строго анализируя эту вещь, нетрудно обнаружить в ней немало частных недостатков, которых, по словам Н. Паринова, О. Максимов не находит. Не имеет прямого отношения к теме строчка «Мне в метель цветенье мая грезится». Чтобы встретить кого-то, заблудившегося в метели, не обязательно заранее открывать дверь, выстуживать дом – ведь не по распахнутой двери, а по огню в окошке может найти жильё прохожий. Ради рифмы родилась строчка «На меня, быть может, непохожего» – какое имеет значение, похож этот человек на меня или нет? Не тот вывод сделан в двух последних строчках. По логике он должен быть совершенно иным: как я рад и даже счастлив, что кого-то согрел у своего огня, может быть, даже спас от гибели. Вместо этого речь о том, что удалось избежать одиночества: «Я не одинок. Любые беды не страшны сегодня для меня». Причём тут какие-то беды, которые не страшны для лирического героя? Беда могла постигнуть того, кто не увидел бы света в окне, замёрз.

Выше я уже говорил, что общее впечатление от стихов О. Максимова неплохое – он пытается самостоятельно мыслить, но на поверку оказывается, что мыслить логично, глубоко он ещё не научился. В его стихах встречаются строчки, которые по замыслу вызывают недоумение: «Мгновения достаточно вполне, чтоб грянул выстрел и тебя не стало». Непонятно, что за выстрел имеется в виду – стихотворение-то не о военном, а о мирном времени. Неточность встречается и в третьем стихотворении: «Заболел я ностальгией – по тебе тоскую, милая». У слова «ностальгия» есть точное определение – тоска по родине. В данном контексте оно абсолютно неуместно.

Заканчивая разговор о стихах О. Максимова, можно сказать следующее: автор он не без способностей, но до настоящего мастерства ему ещё далеко. И следует ему внимательнее прислушиваться к замечаниям работников редакции, не считать свои стихи безупречными, а редакции, со своей стороны, надо быть более решительной в отклонении стихов, в которых она сомневается. Электромонтёр Владимир Капустян из села Карагайла Прокопьевского района своё обращение в редакцию решил написать в стихах. Вот его начало:

Я мысли рифмовать умею,
Люблю в тетрадь их записать,
И тайную мечту лелею
Поэтом настоящим стать.
Люблю бессонными ночами
Поразмышлять о том, о сём,
И убегаю от печали
В свои стихи, что ни о чём…

«Ни о чём» – странное признание, не правда ли? Если бы так было на самом деле, то и говорить о стихах Владимира Капустяна не стоило бы. Но в том-то и дело, что есть у него стихи, заслуживающие внимания. Например, вот это – «Жаворонок»:

Мой спутник на весь день,
На всю мою дорогу,
Не отстаёт, как тень.
Как солнце, – жаворонок.
Он песенку сложил,
Искрящуюся солнцем,
На миллионах крыл
Она над миром вьётся.
В ней радость за ручей,
За мир, за море света,
За то, что он ничей,
Как солнышко, как лето.
Тревога в ней за то,
Что где-то мир непрочен.
И славлю я его, –
Как я, он мира хочет.

Разве это ни о чём? Стихотворение несовершенно по форме (приблизительные рифмы: дорогу – жаворонок, непрочен – хочет), но оно вполне цельно по содержанию, которое отнюдь не мелко, и поэтично по найденному образу: что можно услышать в привычной песне жаворонка, если слушать её неравнодушно, а, так сказать, поэтическим слухом. Писать Владимиру Капустяну, безусловно, стоит, только надо переменить своё отношение к этой работе, которое он формулирует так: «Пишу я, а вернее рифмую, всё, что приходит в голову; иногда каждую рифму подбираю, а иногда и два стиха одним духом напишешь, не задумываясь о рифмах». Задумываться надо обо всём – и о рифмах, и, главное, о содержательности, о смысле стихотворения. Писать всё, что приходит в голову, писать «ни о чём» –пустая забава. Вспомним Твардовского: «Покамест молод – малый спрос. Играй. Но, бог избави, чтоб до седых дожить волос, служа пустой забаве».

Пишущих стихи очень много. Это и понятно. У каждого своё мнение о том или ином явлении, каждому хочется высказать что-то наболевшее. Кстати говоря, об этом написал стихотворение Евгений Дунаевский из Мариинска:

… «Молчанье – золото, а слово – серебро».
Кто этот мерзкий афоризм придумал?
Ведь в слове – мысль. А мысль рождает жизнь.

Ведь слово – флаг, что в бой ведёт суровый.
Ведь слово – спутник, что взмывает ввысь…
Кто хочет умалить значенье слова?!
Молчание. Оно сулит покой.
Его нередко не обходит слава.
Но чужд ему непримиримый бой,
И правда для него – одна забава.
Мы часто думаем: «С чем биться?
Для чего?»
И в ложной скромности отходим от изъяна.
Быть может, я не прав – чтоб не задеть кого…
Так трус обходит молча хулигана.

Мы всецело поддерживаем позицию Евгения Дунаевского: да, слово – флаг, вернее, знамя, «что в бой ведёт суровый», слово – «спутник, что взмывает ввысь», но всякое слово должно быть обдуманным, глубоко осмысленным, тогда оно становится действенным, полезным. Бывают ведь слова, ничего не значащие, слова в рифму, появляются они на бумаге случайно, без большой внутренней необходимости, и тогда лучше не произносить их, помолчать. Вот почему, наверно, и родилась пословица: молчание – золото.

«Отвечайте, стоит ли писать. Может быть, бросить всё», – таким кратким обращением сопроводил подборку своих стихов А. Павлов из Тайги. Давайте прочитаем одно из его стихотворений. Итак, стихотворение «Первый снег»:

Покрыл он белым пухлым покрывалом
Дороги, перелески и поля.
Закатный луч мазок наложил алый,
В рубиновых кристаллах вся земля.
Он чист и светел, как младенец,
Лежит на сучьях елей и берёз,
Как будто сотни белых полотенец
Развесил на деревьях Дед Мороз.
Скрипит под мерным шагом пешехода,
Волнует кровь и дышится легко.
Такая ясная, ядрёная погода
Подобна поступи народа моего.

Что явствует из этого стихотворения? Прежде всего, то, что автор умеет подбирать неплохие рифмы (за исключением легко – моего). С содержанием дело обстоит гораздо хуже. Покрыл покрывалом – тавтология. Не подумал А. Павлов над строчкой «лежит на сучьях елей и берёз». Сучья – это обнажённые, голые ветви, а ведь ели и зимой в пышной хвое. И уж совсем никуда не годятся заключительные строчки. Получается, что поступь народа… ясная и ядрёная. Это сравнение лишено здравого смысла. Невразумительна строчка «закатный луч мазок наложил алый». Требуется пояснение, на что именно наложен мазок. Причём мазок – не то слово, от одного мазка вся земля не может стать рубиновой. Кроме того, в слове «наложил» не на своём месте стоит ударение, оно должно падать не на второй, а на последний слог.

Мы выбрали из подборки наиболее удачное стихотворение, а недостатков, неточностей в этих двенадцати строчках столько, что на вопрос автора, стоит ли ему писать, можно ответить лишь одно: А. Павлову необходимо, в первую очередь, заняться серьёзным изучением родной речи.

Судя по тому, как часто присылает в редакцию свои стихи Анатолий Мазуро, он полон неудержимым желанием писать и писать. В письменных консультациях мы неоднократно указывали ему на его малограмотность, на необходимость изучать родной язык, но ко всем нашим советам этот автор остаётся глухим, продолжает присылать рукописи, написанные на таком вот уровне, как это стихотворение – под названием «Я полюбил тебя, деревня» (цитируем, соблюдая авторское правописание):

Я полюбил тебя деревня
За что – и сам не разберусь
Ты кажешся мне самой древней
Любить тебя не разучусь
Под этим синим, чистым небом
Я детство всё своё провёл
И вместе с самым спелым хлебом
Мой чуб кудрявый здесь расцвёл
Учился в старой сельской школе
А летом с первою росой
Я уходил работать в поле
Порой голодный и босой
В лащине там за дальним лугом
Уставший жадно воду пил
И кое-как тащась за плугом
Вот эту землю бороздил
Но строго пристально смотрел
На мир, охваченный тревогой
Да жаль, что сам я не успел
Пойти военною дорогой
Куда сейчас ведёт дорога
Куда тропа меня ведёт
Быть может к старым тем отрогам
Где солнце жадно воду пьёт
Не знаю зла и ни печали
Земля! Ты слышешь, я с тобой.
Смотрю в твои земные дали
Твоей любуясь красотой.

Весьма возможно, что наличие ритма и рифм в этом стихотворении кое-кто из взыскательных читателей примет за признак поэзии, подумает: зачем придираться к тому, что автор не признаёт знаков препинания и в отдельных случаях допускает орфографические ошибки. Согласны, дело иногда не в запятых и точках, бывают малограмотные, но самобытные поэты. Но попробуйте ещё раз внимательно, строчку за строчкой прочесть это стихотворение – и вы убедитесь, что ни о какой самобытности тут не может быть и речи. Налицо одно – желание рифмовать, а что из этого получается, автора не волнует. «Ты кажешься мне самой древней». Какую смысловую нагрузку несёт эта строчка? Плохо это или хорошо, что деревня, которую имеет в виду автор, кажется ему самой древней? А если бы она казалась самой молодой – что тогда? «Разучился» бы он её любить? «И кое-как тащась за плугом вот эту землю бороздил». Явно пародийное. Фраза построена так, что выходит: бороздил самим собой, своими ногами, своим телом. «Быть может к старым тем отрогам где солнце жадно воду пьёт». Подразумевается река, но разве реки текут на отрогах, а не

в долинах? «Земля!.. в твои земные дали». Вода водяная, (земля – земные). Как ни настойчив Анатолий Мазуро в своём желании печататься, приходится сказать ему: не тем желанием должен он быть одержим. В первую очередь, ему надо заняться самой элементарной учёбой.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1972. – 22 января. – С. 3.

«ЖИЗНЬ НЕ ТЕРПИТ В ТРУДЕ ЗАОЧНОСТИ»

Нелегко иногда самому автору разобраться, что в его стихах хорошо, а что плохо. Поэтому суть присылаемых в редакцию писем чаще всего сводится к одному: прошу прочитать мои стихи и дать им соответствующую оценку. Именно эту просьбу мы и стараемся по мере возможности выполнить.

«Очень хотелось бы знать ваше мнение о том, что и как я пишу. Мне 23 года, и вполне возможно, что я неправильно оцениваю свои стихи» – таким обращением сопроводила довольно большую подборку новокузнечанка Галина Храпова. Попытаемся помочь ей.

Достоинством сочинений Галины является, на мой взгляд, её стремление к серьёзным раздумьям о жизни. Чувствуется, что она взялась за перо не из тщеславного желания написать что-то, а по внутренней необходимости поговорить с читателем о том, что глубоко её волнует, излить, так сказать, душу. В подборке много стихов о любви, но они мало чем выделяются. Более интересны те, в которых Галина Храпова размышляет о жизни в более широком плане. Ну, например, вот это стихотворение:

Бывает, живёт человек
свой положенный век
и нейдёт ему впрок
жизнью отмеренный срок…
Вроде и жизнь «за» принимает,
и сущность вещей вполне понимает,
а бесцельно живёт, бестолково…
Что спросишь с такого?
А годы проходят, а годы уходят,
и человек руками разводит,
всего миллиард, секунд миллиард
на часах пробежали,
а веком от человека
куда-то сбежали…
Сбежали, сбежали –
ведь их не держали,
ведь ими не дорожили,
над каждой не ворожили…

Серьёзность мыслей автора неоспорима, тут есть над чем призадуматься, но мастерства Галине явно не хватает, стихосложения она ещё не освоила, пишет, как говорится, по наитию, не очень заботясь о форме – о ритме, о рифмах, особенно, о ритме, который весьма произволен, не имеет определённого лада. И это недостаток не только процитированного стихотворения, а всей подборки. Хочется посоветовать Галине обратить на это пристальное внимание. Встречается здесь и не совсем продуманные строки о секундах: «над каждой не ворожили». Что это означает – трудно сказать.

Спорным кажется мне стихотворение кемеровчанки Л. Пликиной. Вот оно, прочтём его внимательно:

Последние дожди, проходит осень,
В лесу закончился осенний бал.
В безмолвном танце ветер листья
носит,
Как будто совершает ритуал.
И мы порой похожи очень-очень
На дождь холодный, на осенний лес,
И нас, бывает, чёрт по свету носит, –
Какой-то в жизни ищем интерес…

Первое четверостишие – пейзажная зарисовка – не вызывает никаких возражений, а во втором, по-моему, сделано неправильное обобщение. Непонятно, когда и при каких обстоятельствах человек похож «на дождь холодный, на осенний лес». И уж совсем неправомерно утверждение, что в поисках чего-то интересного нас носит по свету чёрт. Это и грубо, и неверно. Так что метафора, содержащаяся во втором четверостишии, далеко не состоятельна. Она родилась случайно и необдуманно. Это тем более досадно, что, судя по данному стихотворению, Л. Пликина не лишена чувства слова, формой стиха владеет неплохо.

Заслуживает пристального внимания стихотворение прокопчанина Валерия Павлова «Пролетарский день»:

Век бунтовал: ему семнадцать было.
Цвели знамёна трепетным огнём.
Русь поднимала гордое ветрило
На площадях червонным Октябрём.
Меня в то время не было на свете,
Но вижу я, глаза слегка смежив,
Моей Отчизны первые рассветы,
В которых я кровинкою лишь жил.
От натиска озлобленной метели
Стонала непокорная земля.
И пули в революцию летели,
Они летели также и в меня.
Плясали в буре яростно и дико
На улицах свинцовые дожди.
И закипали красные гвоздики
На комсомольской раненой груди.
А в отдаленье бирюзово-синем
Ковало время радостную звень.
И восходил над лучезарным Зимним
Победным солнцем пролетарский день.

На тему революции написаны тысячи стихотворений, и ценность «Пролетарского дня» в том, что автор не побоялся написать на эту тему ещё одно, кое в чём по-своему. Приветствовать рождение такого стихотворения следует ещё и потому, что оно – о главном в нашей жизни. Не так уж часто молодые авторы пробуют свои силы в поэзии гражданского звучания. Но мы погрешили бы против истины, если бы не

указали Валерию Павлову и на недостатки того, что вышло у него из-под пера. Шаблонна фраза «Но вижу я, глаза слегка смежив». Выше говорится, что «Меня в то время не было на свете», а затем утверждается, что в первых рассветах Отчизны «я кровинкою лишь жил». Нельзя также сказать, что отдаленье может быть с каким-то эпитетом, в данном случае – «бирюзово-синем». Вдали – другое дело. Отдаленье и даль – не одно и то же. Повторил автор многих поэтов, написав: «И пули в революцию летели, они летели также и в меня». Об этом писали уже многие приблизительно этими же словами.

В гражданских стихах надо быть особенно внимательным к каждому слову, к каждой строке – на это и хотелось бы обратить внимание не только Валерия Павлова.

«Мне восемнадцать лет, учусь я в лесотехникуме в городе Мариинске. Я пишу стихи и хочу очень знать о них мнение» – это из письма Веры Катаевой. Приведём одно из её стихотворений:

Каменистая гористая тропа…
Как пройти, уж очень трудный путь?
Это исполняется моя мечта –
Под ноги посмотришь – жуть!
Пишут так во множестве стихах,
Что гора – большой медведь – лежит
и дышит.
Голый камень на его боках.
Мы идём, а он всё это слышит.
Если шевельнётся он сейчас,
Сон разгонит, камнем поведёт,
Станет роковым счастливый час
И с мечтами в своё царство заберёт…

Стихотворение во многом несовершенно по форме и по содержанию. Оно не отличается чёткостью ритма, который всё время меняется. «Сон разгонит, камнем поведёт». Получается, что разгонит сон путников, а ведь Вера имела в виду другое: если камень проснётся, оживёт. Неловко сказано: «И с мечтами в своё царство заберёт». Во-первых, не совсем ясно, в какое именно царство (не то слово), во-вторых, слишком невыразительное, неуместное в данном контексте слово «заберёт». Увлечёт, затащит, сбросит – вот какие слова напрашиваются тут.

В прошлом году окончила восемь классов такая же юная девушка Галина Золотаина из Ленинска-Кузнецкого. В письме в редакцию она сообщает: «Я люблю русскую природу, и ещё мне нравится писать о чувствах, которые меня волнуют». Чувство в стихах Гали, действительно, главное их достоинство. Об этом свидетельствует, ну, хотя бы такое стихотворение:

Здравствуй, лето в цветном сарафане,
Здравствуй, в лёгкой косынке рожь,
Здравствуй, птица под облаками,
Здравствуй, тёплый прозрачный дождь.
Как хорошо мне идти по тропинке,
Видеть простор необъятных полей,
Голой ногой искупаться в росинках,
Ласковый дождик, ну, лей же, лей.
Лей, чтоб земля напилась водою,
Лей, чтоб пшеница росла дружней,
Лей, чтоб деревья шумели листвою.
Милый дождик, где же ты? Лей!

Это написано с неподдельным волнением. И вот что характерно: слово «лей» повторяется неоднократно, а впечатления навязчивости оно не производит. То же относится и к слову «здравствуй». Секрет этого в том, что взволнованность автора передаётся и нам, читателям, и мы готовы вместе с ним повторять эти слова, потому что они наполнены эмоциями, живым чувством. И всё-таки стихотворение, как говорится, оставляет желать лучшего. Первая строфа написана одним размером, а дальше он без необходимости – из-за неопытности автора – меняется, и лад всего стихотворения таким образом нарушается. Это существенный недостаток.

Виктор Изотов из Юрги прислал стихотворение «Слово о современнике»:

Ну так что ж, что причёска модная?
Ну так что ж, если брюки – клёш?
Говорят: – Ни на что не годная
Современная молодёжь.
Ложь!
Я подобным словам не верю.
Эти «оханья» – ерунда.
Едут юные. Да! На Север!
Строить людные города.
Строить ГЭСы миллионных
мощностей –
Современности шаг широк.
Жизнь не терпит в труде заочности –
Очно пробует твердь дорог.
А заочно они в вузах учатся
И от трудностей не скулят.
Молодыми руками крутится
Молодеющая земля.
Посмотрите, с каким вдохновеньем,
Сколько ловкости в сильных руках!
Сколько грации в точных движениях!
Юность трудится на лесах!
…Кто же эти – тайгой идут –
Пять мужчин, двое – женского пола?
То геологи. Ищут руду.
В поиск посланы комсомолом.
Ты не прав головой качающий
И не верящий человек.
Новизною своей сверкающий,
Наш двадцатый, наш юный век.
В алых зорях сверкают росы.
Миру нашему жить и цвесть…
И Корчагины, и Матросовы
Среди сверстников, знаю, есть!

Стихотворению этому не откажешь в гражданском пафосе, в нём большая авторская убеждённость в своей правоте – и это похвально, заслуживает внимания. К сожалению, автор лишён чувства меры, он попытался объять необъятное – и получилось очень длинно, многословно. Автору надо было хорошенько обдумать замысел стихотворения, сконцентрировать его основные мысли, а не «растекаться мыслию по древу», и сила, убеждённость стиха неизмеримо возросли бы. А там, где многословие, неизбежны и всякие

словесные огрехи. Например: «Сколько грации в точных движениях». Слово «грации» здесь явно режет слух, потому что речь идёт не о девушках, а вообще о молодых (подразумеваются больше парни: «Сколько ловкости в сильных руках!»). Пародийно звучит строчка: «Пять мужчин, двое – женского пола». Получается, что двое из пяти мужчин – женского пола. Так построена фраза. Автор хотел сказать: пять мужчин и с ними две девушки или женщины. «Пола» – для рифмы с «комсомолом». И вообще эти слова «женского пола» – не для поэзии.

Анализ присланных в редакцию стихотворений показывает, что их авторам предстоит ещё много работать и учиться у больших поэтов, у самой жизни. Говоря словами из стихотворения В. Изотова «жизнь не терпит в труде заочности», и каждый «пробует твердь» поэтических дорог сам. Лично.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1972. – 15 февраля. – С. 4.

ТАЛАНТ – ЭТО ТРУД

Часто случается так: порадует автор двумя-тремя хорошими, обнадёживающими стихотворениями, зарекомендует себя начинающим поэтом, а потом, по прошествии какого-то времени, все его попытки написать что-то стоящее, интересное не приносят никаких положительных результатов. В чём же дело? Всегда ли это объясняется малой одарённостью? Нет, далеко не всегда. Вспоминаешь: ведь начинал-то он неплохо, поэтические способности были налицо. Значит, причина не в отсутствии их, а в том, что перестал человек работать над собой, учиться, обогащать свои знания, снизил требовательность к себе, стал предлагать редакциям наспех написанные вещи, наивно считая, что раз способности у него есть, то они и «вывезут». Это глубокое заблуждение. На одних способностях далеко не уедешь. Их надо развивать постоянным трудом – напряжённым, мучительным, можно сказать, подвижническим. Иначе все твои писания могут оказаться бесплодным, пустым, никому не нужным сочинительством…

Не первый год пишет Анатолий Булавский из Мариинска, но стихи его очень неравноценны по своему качеству, иногда он присылает в редакцию удивительно слабые вещи. Вот, к примеру, новое его стихотворение «Край родной!» (почему-то с восклицательным знаком в заголовке):

Смотрю на тебя влюблённым взглядом,
Край мой кузбасский родной!
Счастье, любовь и отрада
Песней летят над тобой.
Весенние зори пурпуром горят,
Прекрасен рассвет голубой.
Таёжные кедра (?) под небом шумят
Привольной зелёной волной.
Пестреют цветы на лугах заливных,
Черёмухи пышно цветут.
Вечерней порой у озёр голубых
Гармоники нежно поют.
Шумит неумолчно тайга вековая,
Журчат хрустальные воды ключей.
Край мой родной растёт, расцветает
Под светом весенних лучей.

Настоящим, подлинным стихотворением эти рифмованные строчки назвать нельзя: всё здесь настолько условно и риторично. Попробуем представить конкретно счастье, любовь и отраду, песней летящими над родным краем. Ничего конкретного, зримого, живого при самом богатом воображении не представится. Общие фразы – и только. Никакой логики у автора. Вместо «кедры» у него «кедра», которые не просто шумят, а шумят «привольной зелёной волной». Неужели Анатолию Булавскому невдомёк, что у кедровой кроны нет ничего общего, схожего с *привольной* волной? Коли уж искать какое-то сравнение, то крона кедра всего скорее напомнит не привольную волну, а зелёное облако… Рассвет – голубой, а ниже – «у озёр *голубых*». Какая бедность красок в пейзаже! О тайге тоже говорится шаблонно: раз тайга, то она непременно *вековая*. Где же тут поиски ярких, свежих эпитетов? Что попало под руку, то и написалось. Если заменить слова «Край мой Кузбасский», то все строки смело можно адресовать всем краям Сибири, Урала, Дальнего Востока.

Анатолий Булавский пишет много, имеет уже некоторый литературный опыт, но к настоящему – по большому счёту – творчеству он ещё не приобщился. Он просто сочиняет, а не трудится…

Слабоваты по форме стихотворения недавней десятиклассницы кемеровчанки Ирины Барышниковой, но начало одного из её стихотворений «Сыновья» стоит процитировать, потому что здесь в отличие от А. Булавского, не сочинительство, а искренний рассказ о доброй женщине, любящей матери:

У нашей соседки (квартира направо)
Весь день в хлопотании бурном прошёл,
Ведь завтра приедет сынок её, Слава,
И надо бы встретить его хорошо.
Хоть рано осталась соседка без мужа,
Да на ноги трёх подняла сыновей:
Который постарше – зовётся Павлушей,
Который поменьше – зовётся Матвей.
А младшенький самый (сердечку услада)
Сулит на побывку приехать домой.
Соседка так рада, соседка так рада,
Не терпится сына увидеть самой.
Обед приготовила, окна помыла,
Всё вымыла, выскребла, села вязать.
Представила: как он вошёл бы, что было,
Что он бы на слёзы её мог сказать…

О такой соседке читать интересно, хочется побольше узнать о ней и её сыновьях, и только ограниченность места в газете не позволяет нам привести стихотворение целиком, хотя оно и стоит того,

потому что в нём – непридуманная, живая судьба людей, их радости и горести, их жизнь. Стихотворение «сыновья» написано не очень умело с точки зрения поэтического мастерства, но зато с подлинной любовью к людям, с большой искренностью, правдиво и достоверно. Это видно даже по его началу.

Судя по другим стихам, учитель у Ирины Барышниковой хороший – Сергей Есенин. Советуем ей внимательнее, вдумчивее читать его лучшие стихи, чутко воспринимать, впитывать в своё сердце всё то, что ценно в творчестве этого замечательного русского лирика. И ещё советуем Ире как можно больше трудиться над своими стихами.

Любит Есенина и Борис Лукин из Тайги, это чувствуется по его стихотворению о весне:

Вечер тихий вычертил
В небе сполох звёзд.
И созвездьем высветил
Край моих берёз!
Тополиный светится
Серебристый строй.
Мне б с любимой встретиться
Раннею весной.
Нет, то просто кажется –
Шорохи листов.
А слова не вяжутся –
Нет любимой слов!
Роща закручинилась,
Плачут зеленя.
Аль любовь не принялась?
Подскажи, земля!

Ночь с луною движется,
Облака плывут.
А туманы высятся,
На поля бредут.
Где-то стих за кронами
Шалый соловей.
Листья хмеля тронулись
По рядам плетней.
Но весна бедовая
Песней вознесла,
И к девчонке снова я
В два гребу весла.
По мосткам навстречу мне
Милая спешит.
Нам порою вешнею
Путь к любви – открыт!

Как уже, наверно, заметил читатель, здесь пока не учёба у Есенина, а любовное подражание ему. Пусть это так – всё же стихотворение подкупает не мнимой, а истинной искренностью, и поэтому есть надежда, что Борис Лукин со временем научится писать самостоятельно, самобытно. Искренность – залог поэзии. Пока же мы считаем своим долгом указать автору на ряд недостатков, неточностей. Главный недостаток стихотворения – его многословие, многие строчки являются лишними, ибо в них сказано то, что в других, рядом стоящих. Однако встречаются в стихотворении и хорошие, прочувствованные строчки, например: «И к девчонке снова я в два гребу весла».

Борису Лукину необходимо стремиться к сжатому, ёмкому выражению своих мыслей и чувств, избегать длиннот, повторений. А это тоже требует немалого труда.

По всему заметно, что не впервые взялся за перо Александр Родионов из посёлка Елань. Свидетельство тому – большая подборка стихов, написанных весьма уверенно, хотя и нетвёрдой рукой.

Мне сегодня нужен собеседник,
Не могу я долго жить молчком,
Иль сидеть в кругу жильцов соседних,
Забавляясь сплетенным волчком.
Если уж никто не отзовётся
На сигнал моей глухой тоски,
На дыбы она тогда взовьётся,
Разнесёт меня на мелкие куски.

Пусть потом гадают, маракуют,
Отчего, да как, да почему?
Может, обнаружат хворь какую,
Только уверяю, ни к чему.
Нужен был всего-то собеседник.
Собеседник нужен позарез!
Нет его. Сквозь дымку дней осенних
Ухожу один в осенний лес.

По замыслу стихотворение небезынтересно. Бывает такое состояние, когда очень хочется поговорить с кем-то по душам, и если нет никого рядом, то лучшим «собеседником» в такие минуты может стать природа. Но по исполнению стихотворение никуда не годится, написано оно очень неряшливо, небрежно, на скорую руку. Александр Родионов без тени иронии, вполне серьёзно пишет, что его тоска на дыбы взовьётся и разнесёт его на мелкие куски, и этот факт станет после предметом обсуждения его знакомых и друзей: «отчего, да как, да почему?». Как можно остаться глухим к тому, что все эти строчки звучат исключительно пародийно?

Более серьёзно поработал Александр Родионов над другим стихотворением:

Я молодой побег нашёл
Среди гнилых деревьев.
Он, может, год назад взошёл
В заброшенной деревне.
Он был невзрачен и коряв,
С морщинистою кожей.
Зачем ему здесь чахнуть зря?
Он деревом быть может!
Вот я принёс домой побег,
Орудую лопатой.

Пускай живёт он без помех,
Растёт, цветёт лохмато.
Смогу я на зиму его
Укутать в шубу стружек
От всех морозов и снегов.
А если будет нужно,
Укрою дыма сизой мглой…
Во всём я буду точен,
Чтоб яблоко созреть могло
На нём без червоточин.

Сравнение этих двух стихотворений показывает, что автор не лишён поэтических способностей, они нет-нет, да и проглянут сквозь неточность и даже пародийность отдельных строк. И вывод тут

напрашивается всё тот же: если Александр Родионов найдёт в себе силы и мужество по-настоящему трудиться, то он, может быть, добьётся определённых успехов.

Закончить статью хочется тем, с чего начал. Нельзя надеяться лишь на одни природные поэтические способности. Надо постоянно и упорно заниматься литературной учёбой, самообразованием, чтобы писание стихов не было бесплодным. Талант – это, прежде всего, труд, – говорил Горький.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово. // Комсомолец Кузбасса. – 1972. – 30 марта. – С. 4.*

«…У ЧУЖИХ ИСТОКОВ НЕ СТОЯТЬ»

Самое трудное для молодого автора – это поиски собственных тем, образов, красок, освобождение от влияния любимых поэтов, приобретение своего поэтического голоса. Насколько всё это трудно и сложно, убеждаешься, читая многие стихи, на первый взгляд, даже как будто неплохие, но на поверку оказывающиеся в чём-то несамостоятельными, повторяющими сказанное другими.

Мне уже как-то приходилось говорить о стихах курсанта Кемеровского высшего военного командного училища связи Виктора Вишнякова, говорить весьма одобрительно и похвально. Действительно, его творческая работа заслуживает внимания своей серьёзностью по отношению к поэзии, но ещё нередко случается так, что Виктор Вишняков кое в чём проявляет несамостоятельность. Давайте внимательно прочитаем его небольшое стихотворение «Атакующее слово»:

Траншея остаётся позади.
Сжимает горло летняя жара.
И снова зарождается в груди
Знакомое, солдатское «ура»…
Косил людей безжалостный свинец,
Но, к миру устремясь, из боя в бой
Через войну ко мне пронёс отец,
Как знамя, это слово над собой.
В нём мужество Отечества звучит
И ветра голос, ясный шёпот ржи…
«Ура» всегда стремительно летит
И первым прорывает рубежи!

С точки зрения техники стихотворение написано, можно сказать, без сучка, без задоринки – чёткий ритм (причём, точно найденный, соответствующий теме), полнозвучные рифмы. И содержание не вызывает никаких возражений – всё правильно, всё верно: кто был на фронте, тот навсегда запомнил это наводящее на врага страх и смятение дружное, протяжное «ура!», с которым пехота шла в решительную атаку. Но вот вопрос: а сумел ли Виктор Вишняков сказать обо всём этом именно своё слово? Разве не напоминает это стихотворение уже сказанное другими – такими, допустим, поэтами-фронтовиками, как Александр Межиров, Михаил Луконин, Сергей Орлов? Напоминает явственно. Следовательно, стихотворение в чём-то несамостоятельно, несамобытно, вторично. А то, что несамобытно, прямо скажем, оставляет читателя равнодушным, не задевает его, не берёт за живое, не запоминается. Выстрел, как говорится, сделан, но он – холостой.

Творческие поиски бывают поистине мучительными. Именно об этом пишет в своём несовершенном по форме стихотворении Людмила Мартьянова из Новосибирска:

Помоги мне, маленькое чудо,
В туманном полумраке отыскать
Никем не проторённую дорогу,
По которой мне дано шагать.
Я б хотела путаться и рваться,
Ошибаться, начинать, бросать…
Только бы без дела не остаться
И у чужих истоков не стоять.

На этом стихотворении можно было бы не останавливаться – настолько слабо оно как художественное произведение, однако некоторые его строчки очень точно выражают душевное состояние многих начинающих авторов, мечтающих найти свою дорогу в поэзии, «у чужих истоков не стоять». Стремление это очень похвальное и закономерное, ибо какой прок витать в облаках, не чувствовать земной опоры под ногами, т. е. своего пути.

О кризисе в своей поэтической работе, о сомнениях упоминает в письме Геннадий Литовкин из села Красносёлка Яшкинского района.

Мне кажется, сомнения эти напрасны, потому что у Геннадия Литовкина есть уже некоторый литературный опыт, умение распоряжаться – свободно и с достаточным вкусом – поэтическим словом. Больше того, в его подборке есть стихи, которые свидетельствуют о том, что автор должен поверить в себя, в свои силы, в то, что он от природы одарённый человек. Например, оригинальностью отмечено стихотворение «Монолог слепого»:

Я плюю на участье,
Я на добрых в обиде.
Я как выкуп за счастье
Миллионов, что видят.
Я судьбою назначен.
Я судьбу ненавижу.
Я родился незрячим,
Но я помню и вижу.
Но я вижу и помню,
Что врываются в двери

Раскалённые полдни…
Что сгорают рассветы,
Отплясав свои пляски.
Подходите, поэты!
Я вам выплесну краски.
Я вам выплесну разом
Бесконечную темень.
Слепнут совесть и разум…

Я слепой, но не с теми,
У кого слеппет разум…
Внучка, внученька… Света…
(По морщинам ручонка…)
Слёзы? Это от света.
Понимаешь? От света!
Внучка… Внученька… Света…

Художественная ценность этого стихотворения в том, что автор попытался перевоплотиться в незрячего и передать его особое восприятие окружающего мира. Здесь налицо значительная доля воображения и фантазии, а это уже то, без чего невозможно стать поэтом. Так что зря сомневается в своих возможностях Геннадий Литовкин.

Кемеровчанка Галина Козлова, приславшая в редакцию подборку стихотворений, в некоторых из них ещё «стоит у чужих истоков», т. е. перепевает – вольно или невольно – других поэтов. Происходит это, как я думаю, от недостатка опыта, от возрастной незрелости. Однако сказать, что эти стихотворения безнадёжны, было бы большой несправедливостью. Нет никакого сомнения, что Галина Козлова имеет поэтические задатки, которые ощущаются в подлинности чувств, в предельной искренности всего, о чём она пробует писать. Вот, к примеру, стихотворение «Доброта»:

Нам доброта в наследство достаётся
От наших мам – сердец неукротимых.
Её любовь с самой землёй сольётся,
Её любовь никем непобедима…
Мать и Любовь… Земля и Мать…
Нерасторжимы эти два понятья.
Всю землю мать хотела бы обнять,
Всю землю заключить в свои объятья.

Две последние строчки как нельзя точно и полно выражают материнскую душу, её суть, главное в которой – доброта. Правда, Галине Козловой надо быть повнимательнее к словесному оформлению своих чувств, некоторые строчки в этом стихотворении требуют технической доработки. Например, говорится, что доброта достаётся нам от наших мам. Значит, логически дальше должно быть: их любовь и далее по тексту. Не совсем внятно по смыслу звучит строка: «Её любовь с самой землёй сольётся».

Как бы там ни было, какими бы частными недостатками ни страдали сегодняшние стихи Галины Козловой, верится, что со временем она найдёт свой источник, из которого родятся стихи, достойные внимания широкого круга читателей. Девизом для неё должно стать одно: работа и ещё раз работа над каждой строкой, над каждым словом.

Близка к своему источнику беловчанка Лариса, которая, к сожалению, не сообщила своей фамилии. Но дело, в конце концов, не в фамилии, а в стихах, в их качестве. Вот что пишет Лариса в редакцию: «Посылаю вам мои стихи и очень прошу прислать свой отзыв, чтобы в случае неудачи я перестала бы заниматься поэзией и отнимать ваше время». Видимо, Лариса очень требовательна к себе и при этом не менее скромна. А бросать заниматься поэзией – от этой мысли ей надо решительно отказаться, потому что она – даровитый автор. Судите сами:

Зима… Ни солнца, ни тепла,
Ни счастья, ни тепла, ни друга.
Всё закружила, унесла
И схоронила где-то вьюга.
Покрылись холодом мечты,
Когда-то смелые, живые…
Не постучишься больше ты
В мои оконца снеговые.

Кругом берёз белёсых строй
Звенит на холоде ветвями.
Здесь словно нет души живой,
Лишь ветер воет над полями.
Мне плакать хочется – нет слёз,
Всё, как во сне или в тумане…
Я слышу снова звон берёз,
Поющих в снежном урагане.

Душевное состояние лирической героини передано очень достоверно по чувству и почти профессионально по форме.

«Пишет вам обыкновенный рабочий парень. Живу я и работаю в Топках на цемзаводе. Иногда пишу стихи, пишу для себя, кое-что читаю друзьям. Несколько последних стихов посылаю. Почему? Не знаю сам. Наверное, захотелось поделиться с людьми своею радостью и печалью. Возможно, это слишком смело с моей стороны, но хочется услышать оценку своей работы. Стоит ли писать вообще?». Это из письма Виктора Котовича. Ему, пожалуй, не следует сомневаться в своих способностях. Пусть стихи говорят сами за себя:

Сердцем юным не старея,
Жизни впитываю соль.
И, как сказочного Грея,
Где-то ждёт меня Ассоль.
И по-прежнему, наверно,
Раскуривши чубуки,
За бутылкою в таверне

Рассуждают рыбаки:
Что она не поумнела,
Что чурается людей,
Что несбыточное дело
Нагадал ей чародей…
А она походкой гордой,
Затаив в душе печаль,

Вновь идёт, и долго-долго
Смотрит в призрачную даль.
Верит доброму пророку,
Говорил от сердца он,
Что к назначенному сроку
Воплотится дивный сон.
Верь, Ассоль, в беде и в горе,
Злых не слушай голосов.
И появится на море
Стая лёгких парусов.
Нежный шёлк, как пламя, алый
Будет розою цвести…
Жди, Ассоль. Осталось мало.
Слышишь? Я уже в пути.

Нетрудно заметить: пока что источник этого стихотворения – книжные впечатления. И всё же стихотворение «Моя Ассоль» сделано добротно. Хочется надеяться, что, обогащаясь жизненными наблюдениями, Виктор Котович способен освободиться от книжности, обрести свой голос – задатки для этого у него очевидны.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1972. – 27 апреля. – С. 4.

«НЕ ПРОСТО ЛИ СО СЛОВОМ ШАЛОСТЬ…?»

Кому из молодых авторов не знакомы мучительные сомнения относительно своих литературных занятий: а так ли пишу, а то ли, что надо, у меня получается, а как добиться того, чтобы стихи были хорошими, полноценными во всех отношениях?.. Эти сомнения часто вполне закономерны, ибо многие авторы начинают практически приобщаться к поэзии, что называется, по наитию, вслепую, не имея соответствующей теоретической подготовки, даже подчас не зная элементарных правил стихосложения.

…Не сплю, бывает, ночи напролёт,
Подыскивая рифму к счастью;
Бывает, словно истый рифмоплёт,
Стих сочиняю в одночасье.
Не время ль бросить, думаю порой,
Учеников лишать тетрадей,
Заполнив их какой-то мишурой,
Рифмованной потехи ради.
Есть, кажется, в моих стихах размер,
И рифмы тоже есть, пожалуй,
Но, что стихом вдруг показалось мне,
Не просто ли со словом шалость?..

Эти откровенные строчки принадлежат Владимиру Капустяну из Карагайлы. Автор явно неуверен в себе, в полезности своих стихотворных опытов. Но неуверенность его не вызывает сочувствия, потому что отношение к своей работе у него в корне неправильное, какое-то, можно сказать, игривое. Нельзя заигрывать с таким серьёзным делом, как поэзия, заведомо считать, что пишешь ты «рифмованной потехи ради», что заполняешь тетради «какой-то мишурой». В строке «не просто ли со словом шалость?» автор вольно или невольно признаётся в том, что серьёзных намерений стать настоящим поэтом у него пока нет и в помине, просто он решил позабавиться, «пошалить со словом». А если ты стоишь на таких зыбких творческих позициях, то вряд ли можешь добиться чего-то стоящего, заслуживающего внимания со стороны читателей. Отношение к своей поэтической работе с первых же шагов на этом поприще должно быть самое серьёзное: пусть твои стихи пока во многом несовершенны, но ты где-то в глубине души должен верить, что взялся за перо не для «потехи», а для того, чтобы сказать людям что-то необходимое тебе самому и им, чтобы процесс работы был не шалостью, а кропотливой, неустанной учёбой у больших художников слова. И ещё: «бывает, словно истый рифмоплёт, стих сочиняю в одночасье». Что бросается в глаза в этом откровенном признании? Прежде всего, то, что если ты намерен стать настоящим литератором, то совсем незачем уподоблять себя рифмоплётам. И второе: настоящие, хорошие стихи в одночасье не создаются. Над стихами надо много и упорно трудиться.

«Хотелось бы знать мнение о своих первых попытках», – так обращается к редакции кемеровчанин Валерий Яковлев. Вот одна из его попыток, т. е. одно из первых стихотворений:

Ты сегодня мила, прелестна:
Обиженно губки надуты,
И глаза твои грустные честно
Глядят на меня разуто.
Только слушать тебя не буду,
Береги свои откровенья.
Отдавай по частям эту груду,
Да и то лишь под настроенье.
Я хочу тебя видеть разной,
Но сегодня открытий много,
И боюсь, что разбитой вазой
Оказалась ты на дороге.

Про это стихотворение не скажешь, что оно заумно. Перед нами – самое заурядное неумение ясно и внятно выражать свои мысли и чувства, неумение логически стройно сформулировать то, что просится на бумагу. «Ты сегодня мила и прелестна». Чем же? Тем, что «глаза твои грустные честно глядят на меня *разуто*»? Разутый взгляд – это как из пародии. Автор проявляет здесь полное отсутствие чувства слова, так же, как и в строчке «отдавай по частям эту груду» (под грудой подразумеваются девичьи откровения). Почему же изливать перед кем-то душу необходимо «по частям»? Что за странный совет. Мысли, высказанные в последнем четверостишии, логически никак не связаны с тем, что говорилось выше, вначале. Даже между всеми четырьмя строчками последней строфы нет никакой логической связи. Почему, по какой причине девушка показалась разбитой на дороге вазой? И каких «сегодня открытий много»? В чём они? Всё настолько запутано, что разобраться в этой паутине слов невозможно. Мнение наше, Валерий, о том, что вы

написали, можно высказать в двух словах: вам следует научиться трезво, как говорится, здраво мыслить, чтобы стихи не оборачивались вот такой невнятицей.

Очень понятно и просто пишет Ф. Пономарёв из села Солдаткино Тисульского района, но стихи этого автора «держатся» на одной основе – на бойком владении техникой стихосложения, на умении «строить» литературно грамотные строчки (в смысле ритма и рифм). Прочтём одно из двух присланных Ф. Пономарёвым стихотворений «Весна хлебороба»:

Март закручивал метели,
Скоро выбился из сил.
Синеглазому апрелю
Всё в наследство подарил.
Тот нароком иль неволей –
Нам неведомо о том –
Растопил снега. А в поле
Чёрным выложил пластом.
Хлебороб сидеть не может,
Делу время. Успевай!
Вдохновляет и тревожит
Предстоящий урожай.
Семена…, прибивка влаги…
Мало ли других забот!
Человек большой отваги
Сеет день, а кормит год.
Не мешайте, грозы-тучи,
Хлеборобу на пути.
Пой, мотор, дыши, могучий,
Солнце вешнее, свети.

Гладко написано, не правда ли? И, кроме того, есть тут какие-то чисто поэтические атрибуты вроде «синеглазого апреля» (как-никак метафора), а стихотворение не волнует, не западает в сердце, потому что всё в нём как будто знакомо по стихам других авторов, всё неново. Автор по существу открывает открытое, в двадцати строчках нет ни одной поэтической находки, которая позволяла бы нам сказать: да, человек этот, безусловно, даровит. Научиться подыскивать точные рифмы – это ещё полдела. У «мастеров» рифмовки зачастую случаются непростительные казусы, они рифмуют как бы механически, жертвуя ради созвучий смыслом. Вот наглядный пример из этого стихотворения: влаги – отваги. Хорошие рифмы, ничего не скажешь, но причём тут отвага, приписываемая хлеборобу, который готовится к севу. «Человек большой отваги» – эта строчка родилась случайно, исключительно из-за рифмы. Так что не всегда техническое умение – признак поэзии, часто оно лишь способ пересказать в стихотворной форме давно известное.

Не всё безупречно в смысле техники у Раисы Чиграковой из пос. Темиртау Таштагольского района, но давайте познакомимся с её стихотворением «Наша Сольвейг», и это знакомство будет довольно приятным:

Брожу родным посёлком в тихий вечер.
Кругом сирень пахучая цветёт.
Знакомою походкою навстречу
По переулку женщина идёт.
Я узнаю в ней нашу тётю Анну –
Её в посёлке знает стар и мал –
Всё ждёт с войны, всё ждёт она Степана:
Он не убит – он без вести пропал.
Её я в детстве видела нередко,
Когда пожар военный полыхал.
Она твердила всем своим соседкам:
«Он не убит – он без вести пропал».
А раз пропал, то, может быть, найдётся –
Всё верила, надеялась она –
Её Степан с войны ещё вернётся.
Но вот давно уж кончилась война…
В родных краях бываю я нечасто,
Но как приеду, слышу – говорят:
Она, как прежде, верит в своё счастье.
Всё ждёт и ждёт, уж тридцать лет подряд.
Если её вам встретить доведётся,
И речь о муже заведёт она,
Поверьте с ней, что, может, и вернётся:
Ей эта вера в жизни так нужна.
Сказать «не жди» кому позволит совесть?
Кто б эту веру у неё отнял?
Так верь же в чудо, жди же, наша Сольвейг:
Он не убит – он без вести пропал.
О, сколько их, сражённых и сожжённых,
Чьих и могил нигде не отыскать.
Доныне ждут их матери и жёны,
Как даже Сольвейг не сумела б ждать.

Раису Чигракову можно упрекнуть в том, что стихотворение получилось несколько многословным, растянутым, можно указать и на приблизительные рифмы: совесть – Сольвейг, на неловкую по звучанию строку: «если её вам встретить доведётся». Однако эти частные недостатки – от неопытности, и они не могут заслонить определённых достоинств стихотворения – его жизненной достоверности, значительности содержания, искренности и душевной теплоты. Прочтёшь это стихотворение – и покажется на миг, что ты сам познакомился с тётей Анной, сам не раз сидел с ней рядом, сочувствуя своим молчанием ей, этой простой русской женщине, у которой – столько лет! – на уме одно заветное, сокровенное: «он не убит – он без вести пропал»…

А вот совсем неумелые по форме строчки юной кемеровчанки Нади Баскончиной, но сколько в них похвального стремления выразить искреннее, живое поэтическое чувство:

Вот лёгкая, чуть слышная… она…
Бетховенская «Лунная соната».
Откуда вдруг взялась она?
Конечно же, из этого ночного сада!
…И звёзды вдруг, и небо, и цветы –
Всё стало будто чище и нежнее.
И явственнее чувствуешь вдруг ты,
Что жизнь твоя богаче и нужнее!

...Прислушайтесь! Вы слышите – она,
Бетховенская, вечная соната.
Откуда вдруг взялась она? Из сада?
Да, из этого ночного сада!

Наде Баскончиной предстоит ещё долго и трудно осваивать технику стихосложения, но уже сейчас её литературная работа вызывает симпатию, потому что это не «со словом шалость», а серьёзные творческие поиски.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1972. – 11 мая. – С. 4.

«С ЧЕГО Я НАЧАЛ?..»

У молодости, как известно, нет богатого жизненного опыта, поэтому начинающие авторы чаще всего вращаются в узком кругу тем любовной и пейзажной лирики. И тем радостнее встретить стихи, затрагивающие серьёзные социально-нравственные проблемы. Пусть не всегда эти стихи совершенны по форме, но уже одно то, что их авторы пытаются поведать читателю о чём-то значительном, заслуживает одобрения.

Среди этих авторов – Г. Грищенко из посёлка Ортон Таштагольского района, приславший стихотворение под кратким названием «Подлость».

Стихотворение это о том, как беспощадно был избит хороший парень, угостивший огоньком двух встречных. О бессмысленной, немотивированной жестокости. Заканчивается стих так:

Остался лежать человек под дождём
За то, что хотел поделиться огнём.

Стихотворение это привлекает тем, что содержание его не может оставить нас равнодушными, потому что оно не придумано, не «высосано из пальца», а взято из действительности – к сожалению, такие истории ещё нередки в нашей жизни…

Однако в целом, за исключением процитированных строк, стих грешит отсутствием точных рифм, произвольностью некоторых выражений, а иногда и просто безграмотностью. Невольно думаешь: какой бы большой силы воздействия получилось стихотворение, если бы автор был более чутким к слову, более уверенно владел формой, техникой стихосложения.

Радует также, когда тот или иной автор дерзает, пробует в совершенстве овладеть техникой стиха, освоить его сложные формы. Заметно стремление к серьёзной работе со словом у кемеровчанина Александра Бублика. Вот его «Осенняя песня»:

Листья падают, падают,
Жёлтым золотом стелются.
Почему-то не радует
Золотая метелица.
Потому ли, что синее
Небо серостью стучило,
Солнце светит, как в инее,
Осень солнце измучило.
Потому ли, что плачется
Золотистыми листьями
В белом-беленьком платьице
Березница лесистая…

Стихотворение это тоже не лишено отдельных недостатков: в двенадцати строчках трижды повторяются слова одного корня (золотом, золотая, золотистая), на такое количество строк – многовато, однако автор попытался найти свои слова, необычные, но, на наш взгляд, имеющие право на жизнь: «стучило» и «березница». Такое осмысленное словотворчество нельзя не приветствовать.

И, наоборот, какое-то невольное внутреннее сопротивление вызывает небрежное, в чём-то даже залихватское обращение со словом. Этим, в частности, грешит прокопчанин Пётр Синицын. Присланные в редакцию стихотворения он сопроводил игривой припиской: *«Хочу, что вы опять меня «вздули» – скучно без этого, словно чего-то не хватает… Полистайте, почитайте, посмотрите – со стороны виднее (в чужом глазу соринка в оглоблю – так говорят)».*

Давайте внимательно прочтём отрывок из его стихотворения «Обещание».

Повезём, дотянем, перетерпим
ради всплеска будущего дня.
Мы на всех Семи Ветрах, как черти,
прокалим свои «гремучие броня».

Нам уже как-то приходилось указывать Петру Синицыну на смысловую мешанину в его стихах, и он, как ни странно, не сделал для себя из этого никакого вывода. В приведённом выше отрывке – то же самое легкомыслие, доходящее до сумбура. Что, к примеру, означает строка: «прокалим свои «гремучие броня»? «Гремучие броня» взяты в кавычки, но они не делают это выражение более грамотным. А чего стоят постоянно встречающиеся лихие выражения типа «нам начхать», «мы дадим!» Создаётся впечатление, что Пётр Синицын и не собирается заниматься поэзией всерьёз, что ему нравится лишь сам процесс составления слов в короткие строчки, а каких слов – это не так уж важно. Между тем есть в его стихах что-то близкое к литературе, нет только ответственности за свою работу, которая могла бы стать плодотворной, если бы этот автор в корне изменил отношение к ней.

Анатолию Сараеву хорошо удаются пейзажные стихи, среди которых встречаются просто отличные образные зарисовки. Но вот он обратился к гражданской лирике – написал стихотворение «Мы с рожденья – солдаты», и здесь, как мне кажется, потерпел неудачу:

Говорили когда-то
Нам отцы много раз:
«Мы с рожденья – солдаты,
Не тревожьтесь за нас!»
Уносилися птицей
Кони сыты, легки.
И от крови бандитской
Закалялись клинки…

А теперь автоматы
Носим мы на ремне.
«Мы с рожденья – солдаты!» –
Шепчем даже во сне.
И об этом напомнить
Не мешает врагу.
Не рассёдланы кони
На российском лугу!

Попытаемся проанализировать это стихотворение. Замысел автора угадать нетрудно – сказать своё слово о преемственности поколений. Как же, в каких образах выражено всё это? Фраза *«Мы с рожденья – солдаты»* кажется крылатой, почти афористичной, но смысл её неверен. Солдатами не рождаются (так, кстати, назвал один из своих романов Константин Симонов), ими становятся в силу обстоятельств. Так что «афоризм» этот несостоятелен. Весьма спорно образное выражение: *«И от крови бандитской закалялись клинки»*. Читаем дальше: *«А теперь автоматы носим мы на ремне»*. Разве автоматы – основное оружие солдат семидесятых годов? Сказано как будто о годах Отечественной войны, а не о веке ракет. Лирично звучат строки: *«Не рассёдланы кони на российском лугу»,* но, по сути, они опять-таки неправильны. Во-первых, если кони – на лугу, то они обязательно рассёдланы, во-вторых, конница в современной войне – анахронизм. Да притом не совсем логичен переход от автоматов к коням. Раз уж речь зашла не о клинках, а о новом виде оружия *(«А теперь автоматы…»)*, то упоминанием про это новое оружие и надо было заканчивать мысль, иначе получается всё шиворот-навыворот.

Хочется сделать ещё такое замечание. Не к лицу Анатолию Сараеву, способному поэту, становиться в позу, писать в таком роде: *«Если не понравится вам моё стихотворение, не посчитайте за трудность выбросить в урну».* «Не посчитайте за трудность» – зачем подобное «красноречие», когда имеешь дело с поэтической работой, которая, надо полагать, дорога тебе, и вдруг – в урну…

Слишком болезненно воспринимает нашу критику новокузнечанин Владимир Петраш. Но что поделаешь, если многие его стихи нуждаются в существенной доработке. Вот первое в присланной подборке стихотворение «Маме»:

О мама, мама, мы уже седые!
За десять лет в избе твоей впервые!
Ты, чем богата, угощаешь нас –
И две слезинки радости у глаз.
Разлука позади – помолодела,
Не посидишь пяти минут без дела.
Ты суетишься около стола,
Припоминая, всё ли подала.

И говоришь: «Вы кушайте, мальчишки…»
Да полно, мать, и так наелись слишком!..
Изба родная стала нам чужой,
В ней ты одна горюешь над бедой.
И вот сейчас, собравшись воедино,
Нам как укор волос твоих седины.
И, пред тобою чувствуя вину,
Мы не скрываем нашу седину…

Неискушённый в поэзии читатель может сказать: а чем плохо это стихотворение? Такое задушевное и простое. Критиковать его не за что, всё хорошо. Хорошо, да не всё. Первая половина стихотворения до слов «мальчишки», действительно, не вызывает никаких замечаний. А дальше… *«Изба родная стала нам чужой»*. Не может стать чужой изба, где живёт дорогой, близкий, самый любимый для тебя человек. «Чужой» – не то слово. Отвыкли – другое дело. *«В ней ты одна горюешь над бедой»*. Сам собой напрашивается вопрос: над какой именно, в чём конкретно заключается эта беда? Автор не нашёл нужных слов. Приходится лишь догадываться, что он хотел сказать, какую мысль выразить: в ней ты одна переживаешь все свои беды и радости… *«И вот сейчас, собравшись воедино, нам как укор волос твоих седины».* Фраза построена неграмотно, она напоминает ту, которая уже стала классическим примером неправильного, нерусского оборота речи: проезжая мимо станции, у меня слетела шапка с головы… *«И, пред тобою чувствуя вину, мы не скрываем нашу седину».* Причём тут «наша седина», которую «мы не скрываем»? Разве это главное в психологическом настрое сыновей? Не седину свою они не скрывают, а именно вину, боль, может быть, стыд за то, что так долго не навещали одинокую мать.

Как видим, с первой половиной стихотворения Владимир Петраш успешно справился, а вторую написал не в полную силу, как попало. И было бы медвежьей услугой не указать ему на это, боясь задеть авторское самолюбие.

Так что не следует обижаться на критику – была бы она лишь справедливой, непредвзятой. Выслушать внимательно дельные замечания, учесть их в дальнейшей работе, начать писать лучше прежнего – не такое ли отношение к критике самое правильное?

Приятно отметить, что так поступают многие наши корреспонденты. Печать упорной, кропотливой работы над стихами видна в новой подборке Бориса Лукина из г. Тайга. Взять хотя бы вот это небольшое стихотворение:

С чего я начал?
Я писал в тетради,
Что вижу солнце,

Что бежит ручей,
Как ходит за водой
Соседка Надя –

Сквозь радугу
Сверкающих лучей.
Идёт обратно.
Подбегу напиться.
И отраженье зыблется в струе.
А солнце
По глазам моим искрится
И гладит по курчавой голове!

Впечатление от стихотворения очень симпатичное. Искренние, светлые, какие-то, я бы сказал, праздничные по настроению строчки. В этом настроении – как бы первооткрытие мира, оно очень достоверно передаёт чувства человека, приобщающегося к поэзии, к какому-то новому – как впервые в жизни – восприятию окружающего мира. Единственное место, которое требует уточнения, это строка о солнце: *«по глазам моим искрится»*. Точнее было бы не «по глазам», а «в глазах». Да ещё приблизительная рифмовка в этой же строфе: струе – голове. В ручье – струе, синеве – голове – вот это более полные рифмы.

Перефразируя Чехова, можно сказать: в настоящем стихотворении всё должно быть хорошо – и рифмовка, и ритмика, и мысли, и эпитеты, и образы.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1972. – 6 июня. – С. 3.

«О ЧЁМ-ТО ШЕПЧЕТ О СВОЁМ ТРАВА…»

Есть такая категория людей, которых, как говорится, хлебом не корми, а дай им высказать своё мнение по любому поводу, независимо от того, компетентны они в этом вопросе или нет.

Новокузнечанин В. Котенко прислал в редакцию сердитое письмо. Письмо очень пространное, привести его полностью мы не имеем возможности, поэтому ограничимся отдельными выдержками из него. Вот начало письма: «Уважаемая редакция! В газете «Комсомолец Кузбасса» от 6 июня 1972 года я прочёл статью М. Небогатова «С чего я начал…» Вызывает удивление отношение этого товарища к творчеству молодых поэтов, в частности, к стихам Анатолия Сараева «Мы с рожденья – солдаты», где автор статьи буквально придирается к словам стихотворения, пишет не об общей поэтичности и лирике их, а буквально выдирает из них слова и противопоставляет их действительности. В частности, строки «не рассёдланы кони на российском лугу» – он определяет как неправильные, требует, чтобы если «кони на лугу», то они должны быть рассёдланы, «во-вторых, конница в современной войне – анахронизм…»

Не надо быть опытным полемистом, чтобы доказать, что В. Котенко затевает спор не по существу. Он считает, что «автор статьи буквально придирается к словам стихотворения». Детальный разбор, анализ стихотворения В. Котенко называет придиркой к словам. А из чего же состоит любое стихотворение, если не из слов? Один известный поэт очень точно заметил: «Хорошее стихотворение – это то, в котором правильная расстановка слов». Обратите внимание: расстановка слов. Но В. Котенко хотел бы, чтобы критики говорили только «об общей поэтичности и лирике», т. е. призывает к поверхностной оценке того или иного стихотворения. Требовательное, строгое отношение к творчеству молодых у автора письма «вызывает удивление». Было бы удивительней другое: если бы мы голословно заявляли, что такое-то стихотворение плохое, а такое-то – хорошее. Чтобы оценка стихов была доказательной, убедительной, необходимо разбирать их, что называется, по косточкам, что мы и пытаемся делать, иначе какой будет толк во всех наших обзорных статьях. Закрывать глаза на частные недостатки в творчестве даже способных молодых авторов – значит, оказывать им плохую услугу. «Прошу указать на недостатки в моих стихах» – вот главное, с чем обращается в редакцию большинство пишущих.

Кстати, моё отношение к творчеству Анатолия Сараева в общем и целом – самое доброжелательное. Напомню В. Котенко, что говорилось об этом в статье «С чего я начал…»: «Анатолию Сараеву хорошо удаются пейзажные стихи, среди которых встречаются просто *отличные* образные зарисовки. Но вот он обратился к гражданской лирике – написал стихотворение «Мы с рожденья – солдаты» и здесь, как мне кажется, потерпел неудачу». Дальше цитируется это стихотворение и делается его разбор, высказываются критические замечания по поводу некоторых неудачных строчек, в частности, о тех, о которых говорит В. Котенко: «Не рассёдланы кони на российском лугу». «Как не поймёт М. Небогатов, – возмущается В. Котенко, – что здесь, в этих строчках поэтическая аллегория. Почему-то мы с удовольствием поём «Каховку» и в настоящее время, где есть такие слова: «мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути». Аллегория (иносказание) аллегории рознь. Да, мы действительно до сих пор с удовольствием поём светловскую «Каховку», но не забываем при этом, что речь в ней о давнем времени – о годах гражданской войны, а стихотворение «Мы с рожденья – солдаты» прислано в редакцию (и надо полагать, написано) в 1972 году, для которого аллегорическое выражение «не рассёдланы кони на российском лугу» (т. е. наша конница наготове, начеку) никак не характерно. Так что ссылка на «Каховку» совершенно несостоятельна. И нет никакого «противопоставления действительности» в утверждении, что «конница в современной войне – анахронизм». Об этом знает каждый школьник.

Усердно защищает В. Котенко от критики и стихотворение Владимира Петраша «Маме». Должен сказать, что В. Котенко напрасно тратит полемический пыл, в его защите В. Петраш отнюдь не нуждается. Вот что пишет он на имя автора статьи: «…Что касается вашего разбора моих стихотворений, я тоже вполне доволен. Очень толковый разбор. Мне есть чему поучиться. Спасибо и за тон».

Ясно одно: В. Котенко предвзято отнёсся к автору статьи «С чего я начал…» И отсюда такое заключение письма: «Поистину (?) «медвежью услугу» оказывает автор молодым поэтам, критикуя их за стихи. Может быть, отшибая (!) им руки и настроение писать их дальше».

Вот до чего можно дописаться – «отшибать руки»! Можно подумать, будто наши критики и литературоведы только тем и занимаются, что делают молодых поэтов инвалидами.

Однако хватит о письме В. Котенко, поговорим лучше о стихах, вновь присланных в редакцию.

Часто и в большом количестве шлёт нам свои стихи Светлана Цибарева из Юрги. В её поэтической работе многое привлекательно: Света очень хорошо чувствует стихотворный ритм, использует разнообразные размеры, есть у неё большое стремление осмыслить и перевести на язык поэзии многие жизненные ситуации. Но, судя по всему, С. Цибарева пишет слишком торопливо, недостаточно обдумывает каждую строчку и поэтому допускает множество всяческих ошибок. Вот, к примеру, небольшое – восьмистрочное – стихотворение:

Мир ослепительного солнца,
Простора вспаханных полей.
Он расщеплён на волоконца,
Где каждая другой важней.
Мир изумительных лучей,
Шальных ветров. Природы сила
Россией я зову своей,
Которая меня взрастила.

Сейчас мы снова навлечём гнев на себя со стороны В. Котенко, ибо снова будем «придираться» к отдельным словам. Непонятно, почему и на какие волоконца расщеплён мир. Это во-первых. Во-вторых, если на «волоконца», то дальше должно быть не «каждая другой», а «каждое другого важней». И, в-третьих, трудно стилистически связать слова «природы сила Россией я зову своей». Может быть, это описка? Может быть, виной всему – неправильно расставленные знаки препинания? Как бы там ни было, приходится лишь догадываться, что хотела сказать Света. Она, по-видимому, хотела сказать, что весь этот мир с его ослепительным солнцем, с шальными ветрами, со всеми силами природы зовёт своей Россией. А неумение точно выразить мысль привело к явному смысловому сумбуру. И так почти в каждом стихотворении, среди которых невозможно найти отточенное, законченное. В принципе, это хорошо, что Света пишет много, наверно, по нескольку стихотворений в день, но хочется ей посоветовать: не следует спешить, создавать стихи на скорую руку. Многописание, – говорил Чехов, – великая вещь, но это в том случае, когда автор уже достиг в своём творчестве определённого мастерства, а когда его ещё нет – лучше работать над каждым, даже небольшим, стихотворением неделю, а то и больше. Важно ведь не количество, а качество стихов.

Чтоб не быть отвлечённым, постараюсь конкретизировать этот совет.

Предположим, тебя что-то взволновало, задело за душу, и захотелось написать об этом. Не надо сразу же брать в руки перо и, как говорится, строчить. Необходимы длительная внутренняя подготовка, тщательное обдумывание, всестороннее осмысление затронувшей тебя темы. Надо решить для себя, что нового я скажу читателю, в какие новые образы облеку не новые, может быть, мысли, как композиционно построю всю вещь: с чего начну, какими ударными строчками закончу. В процессе такой вот подготовительной работы будут приходить на ум какие-то строчки – заноси их на бумагу, возможно, они пригодятся (а возможно, и нет, найдутся более удачные). И только тогда, когда увидишь мысленно перед собой всё стихотворение в целом – садись за стол и начинай работать. Да, именно работать, а не просто по какой-то инерции подгонять слово к слову. В таком случае авось что-нибудь и получится. А если и не получится – не беда. Наберись терпения и снова занимайся внутренней подготовкой, накоплением духовных сил.

Обратимся к письму выпускника 68-й кемеровской школы Ю. Лиафора:

«Под рубрикой «Молодые голоса» я прочёл стихи. Я тоже их пишу, но получается у меня или нет – сам судить не могу. Говорят, что «что-то» есть, но что это за «что-то» – не могу даже вообразить. И вот я решил обратиться к вам…».

А теперь прочтём одно из двух присланных стихотворений:

Писать про море интересно
Тому, кто видел его сам.
Оно, наверное, чудесно,
Прибой чудесен, чаек гам.
Всем надо испытать стихию,
Поведать, что на свете есть.

И если ты живёшь в России,
Мечтай, что манго надо съесть.
И надо, надо искупаться
На самом Тихом океане.
Там интереснее плескаться,
Чем у себя в домашней ванне…

Итак, в стихотворении действительно «что-то» есть. Это что-то – в умении подбирать неплохие рифмы, в чувстве ритма, который нарушается только в третьем четверостишии.

К сожалению, недостатков в стихотворении больше, чем достоинств. Прежде всего, бросается в глаза наивность таких высказываний, как «И если ты живёшь в России, мечтай, что манго надо съесть». Это звучит по-детски. А вот словесные неточности. Вместо «на самом Тихом океане» следовало написать «в самом Тихом океане». Вместо «поведать, что на свете есть» правильнее «изведать». У этих слов разный смысл. Поведать – значит, рассказать, сообщить, а в данном контексте имеется в виду иное: узнать, повидать своими

глазами, т. е. изведать. Очень прозаично и даже смешно звучат строчки: «Там интереснее плескаться, чем у себя в домашней ванне». Вывод можно сделать такой: Ю. Лиафору писать стоит. Он ещё очень молод, и со временем может научиться отличать хорошее от плохого.

Кемеровчанка Ира Барышникова прислала несколько стихотворений. Одно из них, на мой взгляд, самое лучшее, есть смысл привести целиком:

О чём-то шепчет о своём трава…
Кивают ей сосёнки на опушке.
Вспорхнула с веток сонная сова.
Берёзонька роняет завитушки.
Притих ручей, набегавшись за день.
И исчезают постепенно звуки.
Клён сумеркам отдал дневную тень,
Протягивая ветки-закорюки.

Неслышно ночь спускается с небес,
Чернила чёрные тихонько льёт из кружки.
И засыпает в сладкой дрёме лес:
Трава, ручей и сосны на опушке.
Висит над лесом чёрная канва,
Взяла всё в руки сонная завеса.
Всё спит… И только изредка сова
Нарушит мерное дыханье леса…

Ничего не скажешь, хорошее стихотворение. Чёткое по форме, цельное по содержанию и настроению. Можно с уверенностью сказать, что Ира Барышникова – одарённый автор, что мы вправе ждать от неё больших творческих удач. И ещё можно сказать, что это стихотворение наверняка было написано не сразу, не за один присест – чувствуется продуманная работа над ним.

Основываясь на процитированных стихах, подведём некоторые итоги. Хорошее и плохое говорит само за себя, и то и другое для опытного глаза очевидно. В стихах, написанных на уровне, близком к профессиональному, «придираться» не к чему, а там, где недостатки сами выпирают из текста, обязательно надо указать на них, чтобы помочь автору в его дальнейшей работе. Замалчивание погрешностей приносит лишь вред. И серьёзный автор не обидится на то, что его стихи подвергнуты критическим замечаниям. Наоборот, он будет работать ещё серьёзней.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *Г. Кемерово. // Комсомолец Кузбасса. – 1972. – 11 июля. – С. 3.*

В ЖИЗНЬ ПРИНИМАЮТ МЕНЯ

Естественная потребность всякого начинающего поэта, который намерен заниматься литературой всерьёз, – на первых же порах разобраться в своей работе, услышать мнение старшего товарища о своих стихах.

«Мне хочется знать недостатки моих стихов, – пишет нам Галя Золотаина из Ленинска-Кузнецкого. – Если вас не затруднит, укажите их. И ещё. Скажите, есть ли в моих стихах приобретения, или я стараюсь кому-то подражать». Такое письмо никак нельзя оставить без ответа. Письмо очень откровенное, доверительное, полное надежды на то, что будут сделаны критические замечания, даны соответствующие советы, которые помогут в дальнейшей работе. Скажем сразу: стихи её отличаются уже определённой зрелостью. Вот одно из стихотворений:

Меня печалят расставанья,
Когда чуть грустный взгляд ловлю
И, как святое заклинанье,
Шепчу: Люблю… Люблю. Люблю!
Уносит поезд ошалело
Твоё лицо, твои глаза.

И по щеке моей несмело
Течёт нежданная слеза.
Но что все эти расставанья?!
Мы вместе продолжаем быть!
Хоть и печалят расставанья,
Зато и учат нас любить!

Стихотворение – вполне законченное по содержанию, мысль его выражена стройно, логично. Недостатков здесь почти нет, если не считать одного неудачного, случайного выражения: «и по щеке моей *несмело*». «Несмело» в данном контексте – не самое удачное слово по отношению к слезе. Похоже, что оно написано лишь ради рифмы «ошалело». А в остальном, как говорится, всё на месте.

Однако недостатков стихи Гали Золотаиной всё же не лишены, и на них следует указать. В качестве примера приведём другое её стихотворение:

Я видела: мальчонку кареглазого
Хлестала мать берёзовым прутом
И говорила: «Я тебе полазаю!
Ещё получишь от отца потом!»
А что он сделал, крохотный цыплёнок?
Всего лишь только на берёзу влез.

А для чего? Чтоб поразвлечь девчонок.
А мать кричит: «Змеёныш, гад, подлец».
Не надо, мама, не жалей штанишки.
Твой сын почувствовал впервые тонко,
Что он – герой, он – рыцарь, он – Мальчишка!
Он так хотел понравиться девчонкам.

В этом стихотворении по мысли тоже всё логично, достоверно и жизненно, однако форма его несколько корява. Все три четверостишия написаны в разном ритмическом ключе, выдержать один ритм Гале не удалось. Кроме того, встречается неточное (слащавое) выражение: «крохотный цыплёнок». Это определение более подходит к «ползунку», нежели к тому, кто уже почувствовал себя мальчишкой (с большой буквы). Лишним, для рифмы, является слово «тонко» (почувствовал впервые тонко), короче и точнее: твой сын почувствовал впервые, что он… и далее по тексту.

Что касается предполагаемого подражания кому-то, то оно, к счастью, не ощущается. Никаких литературных ассоциаций стихи Гали Золотаиной не вызывают, они кажутся довольно самостоятельными. И это приятно отметить. Хочется пожелать Гале более внимательно относиться к форме стиха, а также находить единственно верные слова для выражения той или иной мысли.

Без подражания кому-либо, а по-своему, самостоятельно пытается решать разнообразные темы машинист электровоза беловской шахты «Чертинская» Леонид Торгаев. Известно, что не один поэт писал о том, как кто-то получает партийный билет. Леонид Торгаев тоже обратился к этой теме, и решил её, на наш взгляд, достаточно оригинально. Вот его стихотворение «Меня принимают в партию»:

Прочь хандру и апатию,
Больше задора, огня!..
Меня принимают в партию –
В жизнь принимают меня.
И тают сомнений льдины,
Становится жарко вдруг,
Когда в решенье едином
Взметнулись десятки рук.
И нет надёжней поруки,
И нет опоры верней,
Чем эти тяжёлые руки,
Руки рабочих парней…
Пусть выбрал ты путь пологий,
А я предпочту крутой –
При схватке идеологий
В сторонке, товарищ, не стой!
Коктейли лакать не время –
В нас дух борьбы не зачах:
Проблем нерешённых бремя
Лежит на наших плечах.
Партийцы сродни железу,
Партийцы всегда в бою!..
Я смело в драку полезу
За Партию за мою.
Себе говорю на старте я:
Вперёд, ни шагу назад!..
Ты мне приказывай, Партия, –
Отныне я твой солдат.

Хочется отметить главное достоинство этого стихотворения: точно найденный, балладный, ритмический его строй, точные слова. Особенно хорошо сказано: «Меня принимают в Партию – в жизнь принимают меня». В большую жизнь, полную борьбы за счастье людей, борьбы, в которой партийный человек никогда не остаётся в стороне, он, как солдат, всегда на её переднем крае. Есть, правда, маленькое «но». Оно относится к строчкам: «И тают сомнений льдины, становится жарко вдруг, когда в решенье едином взметнулись десятки рук». Здесь неправильное построение фразы, нарушающее единство времени. Должно быть что-то одно из двух: или «растаяли», «стало», когда «взметнулись», или: «тают», «становится», кода «поднимаются десятки рук». Казалось бы, это частность, но она бросается в глаза, потому что такой речевой оборот недопустим. Четверостишие, начинающееся словами «Коктейли лакать не время» звучит пародийно. В целом же стихотворение написано неплохо. Обращает на себя внимание добротная рифмовка. Уже одно это позволяет сказать, что Торгаев – поэт ищущий, вдумчивый, придающий должное значение не только содержанию поэтической вещи, а и форме. Это похвально.

О том, как важно выражать свои мысли ясно, понятно, логично, говорилось много раз. К сожалению, простота не всем удаётся. Возьмём для примера стихотворение В. Латышева из Ленинска-Кузнецкого:

Горячка, бред
и ничего не понимаю.
«Семь бед – один ответ».
Привет! Закрыто на обед!
Не принимаю.
Пусть счастье ложно
И ненадёжно,
Пусть слаще, может,
Остался с краю…
Того, что прожил,
Не променяю!
Года удачи
Пусть порастратил,
Но я не плачу:
Путь только начат,
Не нужно сдачи,
Не приставайте.
Не замечайте
Моё молчанье,
Пройдите мимо.
Мои печали
И грусть ночами,
И всё, что было.
Неповторимо.

Автору не откажешь в умении свободно обращаться со словом, создавать интересный ритм, строить, конструировать строчки с оригинальной рифмовкой, но нельзя не посетовать на то, что ясности его мыслям явно не хватает. Что хотел сказать В. Латышев этим стихотворением – трудно понять. Смысловая сумбурность никогда не была достоинством поэтического произведения. Может быть, мы ошибаемся, но нам кажется, что автор намеренно усложняет свои стихи, чтобы – упаси боже – не предстать перед читателем банальным, посредственным, однако достигает при этом обратного результата.

Николай П. из Междуреченска пожелал «остаться неизвестным», он не сообщил ни своей фамилии, ни домашнего адреса, а мнение о присланных стихах всё-таки хотел бы узнать.

«Дорогая редакция, – пишет Николай, – я как-то даже не собирался писать вам, но, прочитав несколько обзорных статей о творчестве молодых поэтов, решился показать знающему человеку своё творение на суд. Пишу я весьма мало, может быть, сказывается нехватка свободного времени: я работаю и учусь. Но то, что напишу иногда, нравится моему брату. Правда, у меня часто появляются некоторые трудности с тем, как закончить стихотворение и в каком именно месте его закончить. Вот, к примеру, это». И дальше идёт следующее восьмистишие:

В Греции и в Родезии
Не в моде сейчас поэзия –
Там считают полезнее
Пули и штыков лезвия.
Там для своей опоры
Держат капиталисты
Псов полицейских свору,
Своих защитников истинных.

Об этом восьмистишии автор совершенно справедливо замечает: «Мне кажется несколько незаконченным», а потом добавляет: «но о чём писать ещё, мне как-то не приходит в голову, а «высасывать из пальца» – это ведь не выход из положения. Вы, по-видимому, ответите, что в поэзии, как и в любом другом литературном произведении, вначале нужно составить план, так сказать, канву, но у меня «плановые» стихотворения часто не получаются».

Перед нами, безусловно, интересное письмо, принадлежащее человеку, который глубоко любит поэзию и старается освоить её «секреты», научиться мастерству. Ответить Николаю П. можно так. Приведённое выше восьмистишие начато неплохо. К труднорифмующемуся слову «Поэзия» автор нашёл три созвучных слова – это уже своего рода достижение. И мысль в первой строфе правильная. А следующая строфа, действительно, не может быть концовкой, её мысль требует развития. У автора загвоздка – о чём писать дальше? Очевидно, следовало подумать перед этим: о чём должно быть стихотворение? Если автору это не ясно, ему просто не стоит начинать работу над стихотворением. К тому же, следует знать, что стихи на политические темы требуют особой зрелости мысли, отточенного мастерства.

Кстати, о том, что «не знаю, как закончить стихотворение». Концовка любого стихотворения должна быть обобщением всего, что было сказано в начальных строчках, причём последние, заключительные строчки должны быть – это очень желательно – самыми сильными, что называется, ударными. Недаром говорят: конец – делу венец… Будем рады, если наши замечания, краткие высказывания в чём-то помогут Николаю П. И, может быть, не одному ему.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1972. – 31 августа. – С. 4.

СКАЖИ СВОЁ СЛОВО

Главное для человека, который мечтает стать поэтом, – талант, дар природы. К сожалению, многие пишущие (и даже печатающиеся!) не могут трезво оценить, дана ли им природой такая способность. Именно поэтому вниманию читателей порой предлагаются неполноценные произведения, лишённые поэтического восприятия действительности. Не менее редки случаи, когда тот или иной молодой автор посылает в редакцию всего-навсего набросок, черновик будущего стихотворения, над которым надо ещё работать да работать, работать самостоятельно, не подражая известным литературным образцам.

Прокопчанин Пётр Синицын просто пишет одно стихотворение за другим и посылает эти непродуманные создания в редакцию. Наши критические замечания не дают никакого результата.

Вот перед нами одно из его новых стихотворений под странным названием «Голубые печали». Автору, наверно, кажется, что название он придумал поэтическое, хотя на самом деле это лишь эрзац поэзии, красивость, не более.

Действительно, никак нельзя назвать «Голубые печали» осмысленным, законченным стихотворением. Другу, т. е. предполагаемому читателю, сообщается: «Друг мой, я сегодня что-то опечален», а в чём причина – сам автор не знает («что-то», почему-то). Знай мы причину того душевного состояния автора (или лирического героя), мы, возможно, от души посочувствовали бы ему, а так что же, и говорить не о чем. Он пишет: «Загрустил я снова, очень загрустил – вьюжится на сердце, так и закричал бы…» Прочтёшь и подумаешь: какое нам дело до этой «голубой» печали, она, всего скорее, просто придумана Петром Синицыным или навеяна какими-нибудь есенинскими строками, скажем, началом поэмы «Чёрный человек»: «Друг мой, друг мой, я очень и очень болен!» Та же интонация, то же настроение. И выходит на поверку, что не было у Петра Синицына никакой печали, ни голубой, ни зелёной, не было внутренней потребности излить душу, сказать выстраданное слово, а было одно желание написать что-то, желание, подсказанное Есениным или каким-то другим большим поэтом, способным сильно впечатлять своими чувствами и создавать у другого, любящего поэзию человека иллюзию самостоятельного творчества. Но о каком творчестве может быть речь, если автор не попытался даже как следует зарифмовать свои строчки и придать им чёткое ритмическое звучание.

Под влиянием того же Есенина написаны стихотворения и кемеровчанина Владимира Пермского. В стихотворении «Вечер» об этом свидетельствует вторая же строфа: «Летнею звенью полны небеса и влажною тенью манят нас леса». «Звень» – это чисто есенинское выражение. В другом стихотворении Владимира Пермского – снова: «Повяли цветы полевые, посохла седая полынь, лишь елей верхушки живые зеленеют в осеннюю стынь». Последнее слово – тоже из поэтического лексикона Есенина, как и «мреть» из третьего стихотворения Владимира Пермского: «Но солнце сквозь мглу пробивается, озаряя осеннюю

мреть». В данном случае это уже не просто подражание замечательному русскому лирику, а безвольная подвластность ему, полное растворение поэтической индивидуальности в постороннем влиянии.

Вряд ли есть необходимость пространно говорить о бесполезности подражать кому-то, перенимать стиль и манеру письма, заимствовать отдельные слова. Бесполезно это, во-первых, потому, что ничем не обогащает пишущего – подражают-то ведь чаще всего тому, кто неповторим, – во-вторых, потому, что читатели, любители поэзии сейчас – народ знающий, опытный, они сразу же определяют, у кого и что ты позаимствовал, под чей голос подделываешься.

И тем не менее некоторые молодые стихотворцы наивно считают, что, выдавая чужое за своё, они предстают перед читателем вполне самостоятельными. Глубокое заблуждение. Трудно ли разгадать, кого повторяет, например, Сергей Аверьянов из Таштагола, написав такие строчки: «Прекрасную жизнь не увидит и тот, кто светлой любви не знал, кто её, как тряпку – дрянь ненужную, каждому второму раздавал». Об этом давным-давно сказал в своём стихотворении Степан Щипачёв: «…Но как страшно стариться тому, кто любовь, как мелкую монету, раздавал, не зная сам кому». Между прочим, «каждому второму раздавал» – не совсем грамотное выражение. Раз «каждому *второму*», то не раздавал, а отдавал. Да и сравнение любви с ненужной тряпкой (дрянью) нельзя признать удачным. Едва ли кто захочет брать какую-то дрянь. Зачем она?

По книжным впечатлениям написано стихотворение «Две веточки печальные», принадлежащее перу Петра Нифонтова из посёлка Яшкино. Стихотворение это очень многословное, длинное, всё его привести мы не имеем возможности, да в этом нет и надобности. Прочтём начальные строчки:

Берёзки босоногие
В зелёных чистых платьицах,
Красивые, счастливые,
Как все вы расцвели.
Гляжу на вас, любуюся,
И вы, должно быть, рады мне,
Вы так, должно быть, рады мне
За то, что я живу.

А вот посохли, свесились
Две веточки плакучие,
Две веточки плакучие,
Как будто две руки.
И жаль мне их душою всей:
Пошто посохли, милые?
Пошто посохли, милые?
Никак я не пойму.

Неужели не замечает автор, что говорит он не своим голосом, что тут – интонации, ритмика, словарь – некрасовское, кольцовское? Нет никакого интереса читать эти строчки «пошто посохли, милые?», нет уверенности в том, что автор обращается к берёзкам, существующим в действительности; похоже на то, что всё это придумано и написано опять-таки ради того, чтобы что-то написать. По таким строчкам при всём желании никак не определишь, есть ли у их автора литературные способности – перед нами не самобытное воспроизведение окружающего мира, а перепев чужих мотивов, бледная копия какого-то оригинала, вторичность.

Три коротких стихотворения под общим названием «Ждёт подруга солдата» прислал нам из посёлка Ягуново Василий Щеглов. Познакомимся с двумя из них:

1.

Ждёт подруга солдата домой,
Много писем ему посылала,
А в ответ он своей дорогой
Фотокарточек выслал немало.
И как прежде с улыбкой лицо,
Весь подтянут – так надо солдату.
И читает она тёплых слов письмецо,
Как стихи ей читал он когда-то.

2.

Про солдат она смотрит кино,
Вспоминает с любимым разлуку.
Ждать ей вправе его суждено –
Нелегко пережить эту скуку.
Ведь любовь нам природой дана,
В жизни раз человеку даётся.
Если любит солдата она,
Значит, верно, его уж дождётся.

Василий Щеглов спрашивает: «Если вас не затруднит, то прошу мне сообщить: стоит ли мне писать стихи?» На этот вопрос пока нельзя ответить что-либо определённое, потому что в стихотворении очень много элементарных недостатков. Попробуем разобрать всё «по косточкам».

Начальная строфа неплохая – и по форме, и по сути. Однако уже во второй строфе неловкое выражение: «И как прежде с улыбкой лицо». Улыбающееся, смеющееся лицо – так ещё можно сказать, а с улыбкой лицо – это не совсем по-русски. «Весь подтянут – так надо солдату». Вместо «так надо» напрашивается другое, более естественное: «как положено солдату». «И читает она тёплых слов письмецо». «Тёплых слов» – лишнее, и по ритму, и по смыслу. «Вспоминает с любимым разлуку». Не то. Не разлуку вспоминает девушка, а встречи с любимым. Слово «разлука» более уместно в четвёртой строке этого четверостишия: нелегко пережить разлуку. «Скука» здесь – слишком слабое определение девичьих чувств. Неграмотно выражение: «Ждать ей вправе его суждено». Словосочетание «вправе суждено» недопустимо. Другое дело, если бы речь шла, допустим, о том, что парень *вправе* надеяться, что девушка его дождётся. Возможен и несколько иной вариант этой строки: одно ей суждено – ждать. Последние четыре строчки совершенно не нужны – они чересчур рассудочны, не содержат необходимого здесь чувства, да и по изложению мысли весьма корявы («дана», «даётся» – тавтология).

Пусть решает сам Василий Щеглов, стоит ли ему писать. Вообще такое решение надо принимать всегда самому, всё зависит от собственного чутья – есть ли у меня способности для писания стихов. О стихотворении «Ждёт подруга солдата домой» в общем можно сказать только то, что оно очень прозаично, написано откровенно слабо.

Очень неумелым по форме, но интересным по мыслям является стихотворение Инги Гордиенко «Возможность стихоплётства» (название немного полемическое, резковатое):

Сижу, пишу, стараюсь я,
Стихи всё сочиняю я.
А вдруг, а если, мало ли –
Поэт я начинающий.
…Вдруг напишу, ан нет – спишу:
Весеннее – с Есенина,
Печальное у Байрона,
А грустное… у Пушкина?
Бегут слова, рифмуются,
Передо мной красуются.
Ну, нет – скажу решительно
Той чепухе в ответ.

Бессмыслица красивая –
Кому она нужна?
Искусство для искусства?
Пора та отошла.
Звучанье слов, рифмованность –
Не главная особенность
Народного стиха.
Души стремленье чистое,
Порыв горячий, искренность
И простота –
Вот главная задача
Поэта и пера.

Отсутствие полноценных рифм, сбивчивость ритма несколько восполняется здесь размышлениями о литературном творчестве. Это стихотворение как нельзя лучше подкрепляет наши рассуждения о бесполезности подражания, о необходимости быть самостоятельным, заниматься настоящим творчеством, а не просто рифмачеством, игрой в слова. Добавим к этому: у Инги Гордиенко в принципе очень верное понимание задач поэта, и в этом смысле пусть и несовершенное по форме её стихотворение заслуживает того, чтобы его внимательно прочитали начинающие поэты, из него они могут почерпнуть для себя много полезного. И ещё одно ясно при чтении этого стихотворения: что оно было вполне готово в душе молодой поэтессы до того, как она взялась за перо. И не беда, что Инга не нашла нужной формы для воплощения своих мыслей. Радует то, что мысли эти далеко не праздные.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1972. – 14 сентября. – С. 3.

ЭТО ТРУДНОЕ ДЕЛО

Среди рукописей, полученных за последнее время, наше внимание привлекло письмо Нины Богдановой из Яи:

«Дорогая редакция! Я вряд ли решилась бы написать вам. Помог случай. Я прочла в вашей газете статью о творчестве начинающих поэтов под рубрикой «Факультет молодого литератора». Я тоже сочиняю стихи. Правда, нерегулярно, просто иногда, бывает, приходит такое «поэтическое настроение»… Серьёзно я заниматься стихами не пыталась. Считала, что в наше время каждый второй 18-летний пишет стихи. Ведь хороших, гениальных стихов я всё равно не пишу, а плохих и без меня хватает. И писала для себя… А сегодня решилась вынести несколько стихов на суд редакции. Если можно, ответьте, есть ли в моих стихах что-нибудь стоящее и нужно ли заняться серьёзно этим трудом. Я высылаю стихи разных лет, скажите, пожалуйста, совершенствуются ли они со временем?»

Нина Богданова совершенно справедливо называет литературные занятия «трудным делом». Только при такой трезвой оценке поэтического творчества можно добиться каких-то успехов. Легковесное же отношение к литературе, как правило, не даёт положительных результатов.

Давайте вместе с вами проследим, совершенствуются ли стихи Нины Богдановой со временем. Сперва прочтём стихотворение, датированное маем 1969 года:

Мой синий город, таёжный город
С горячим солнцем за кромкой туч.
Прощай, мой город, вернусь не скоро,
Я – вечный странник, как первый луч.
Смеётся город, зелёный город,
Бормочет что-то дерев листвой.

А белый тополь, уткнувшись в ворот,
Качнёт задумчиво головой.
Огромный город в закатном золоте
Махнёт платочком весенних рощ.
Уходит поезд навстречу молодости,
Навстречу жизни – его не вернёшь.

Поэтическое настроение здесь налицо. Но сразу же бросается в глаза и ряд частных недостатков, которые говорят о неопытности автора.

Во втором четверостишии нарушение единства времени: *«бормочет» – «качнёт»*. Переход от настоящего к будущему сделан без всякой оговорки, которая необходима. Напрашивается такой примерно ход мысли: бормочет город дерев листвой, а когда я поеду, то на прощание тополь качнёт задумчиво головой. И далее по тексту: *«Махнёт платочком весенних рощ»*. Почему же тогда тополь – белый? Белыми, покрытыми пухом, тополя бывают не весной, а летом, где-то в середине июня. Не все строчки выдержаны ритмически, приблизительна рифмовка: *золоте – молодости.*

Несмотря на эти отдельные просчёты, стихотворение всё же свидетельствует о несомненной одарённости автора. Обращает на себя внимание образная находка: «Я – вечный странник, как первый луч».

А теперь стихотворение, написанное в ноябре 1970 года:

Край земли меня зовёт,
Край земли.

Там уходят за восход
Корабли.

Там в глазах у всех влюблённых
Звездопад.
Там метели в синих елях
Шумят.
На краю земли моря
Зелены.
На краю земли заря
И челны.
И под синью там алеют
Паруса.
И садится солнце птицей
За леса.
Край земли меня зовёт,
Край земли.
Зов его мне принесли
Журавли…

Форма этого стихотворения тоже ещё не отточена (кое-где сбивчив размер), но написано это уже более уверенной рукой. И не одно поэтическое настроение радует нас, а ещё и способность автора воображать, фантазировать. Кстати, одним из важных качеств поэзии является не голое копирование действительности, а преображение её образным воображением, фантазией. Это, к сожалению, не каждому даётся.

И, наконец, стихотворение, которое Нина Богданова написала в июне нынешнего года:

Не одна я в этом мире, не одна –
У меня счастливейший попутчик.
Нам любая даль дорог видна,
Но не знаем – где, какая лучше?
В жизни двое – всё-таки семья.
Это счастье – мой малыш и я.

О многом сумела сказать Нина Богданова в шести строчках. Не «растекаясь мыслию по древу», выразила самую главную суть материнского чувства. Пожалуй, лишь одно слово тут не совсем точно найдено: *«счастливейший»*. Подразумевалось-то другое: *любимейший*. Но эта маленькая словесная неточность ничуть не умаляет достоинств стихотворения – очень цельного по чувству и мысли.

Думаю, что мы смогли наглядно убедиться, что стихи Нины Богдановой год от года совершенствуются, а это признак того, что она – одарённый человек. И на её главный вопрос о писании стихов: «нужно ли заняться серьёзно этим трудным делом?» можно ответить со всей определённостью: обязательно нужно. И не как-нибудь, а именно серьёзно, целеустремлённо, с полной отдачей всех душевных сил.

Заслуживает внимания и письмо Геннадия Домнича из Белова. Вот выдержки из этого письма: «Вы подробно разбираете стихи, указываете их сильные и слабые стороны, даёте советы и т. д. и т. п. Вот поэтому я и решил обратиться к вам… Я не ставлю вопрос ребром, мол, скажите, писать мне дальше или нет. Независимо от вашего ответа писать я буду, ибо это уже становится необходимой потребностью души». В связи с этим вспоминается совет Горького одному из начинающих авторов насчёт того, как относиться к критике своих произведений: слушайте, но не слушайтесь. И поэтому похвальна самостоятельность позиции, которой придерживается Геннадий Домнич. Когда писание стихов становится душевной потребностью, надо настойчиво идти к избранной цели.

Каковы же стихи, которые прислал Геннадий Домнич? Познакомимся с одним из его сочинений под названием «Пианистка»:

С пальцев её осторожно
Звуков струится гроздь.
Вот заметались тревожно,
Кинулись вниз… Будто гвоздь,
Будто острую сталь кинжала
В сердце вонзили – раз!..
Затрепетала и задрожала
Боль композитора в сотнях глаз…
Звуки густые рвутся,
Тесно им в зале – прочь!
Страшно самой оглянуться.
Ночь за окном – не ночь.
Это не тени – звери
В тьме непроглядной шуршат.
Вот неудачник Сальери
Капает в склянку яд.
Где-то Дантес притаился
С чёрною смертью в руках…
Зал в ожидании слился
Сердцем единым. В висках
Дробь барабанная рушится,
Горечью звуки полны…
Может быть, всё же обрушится
Кара на подлых?.. Увы!
Траурным маршем вздыхает,
Стонет и плачет рояль…
Грустный аккорд замирает,
Плавно уносится вдаль.

Как мне кажется, у Геннадия Домнича есть основания твёрдо стоять на своём («писать я буду»). Самостоятельность свою он проявил и на практике, в работе над данным стихотворением. Он взялся за очень трудную тему, попытался словами передать восприятие музыкального произведения. На это не каждый из пишущих решится. А Геннадий Домнич, так сказать, набрался смелости воспроизвести впечатление, которое оставляет игра пианистки. Причём, избрал он не лёгкий путь внешней описательности (на сцене – пианистка, в зале – слушатели, она виртуозно играет, они слушают), а постарался заглянуть во внутренний мир и пианистки, и слушателей, и в мир музыки. Короче говоря, перед нами интересная творческая попытка, кое в чём достигающая воздействия на читательское сердце.

Правда, техническое исполнение замысла нельзя назвать безупречным. Стихотворению не хватает чеканного ритма, неудачны некоторые образы, например: *«Звуков струится гроздь»*. Трудно представить

гроздь, которая струится, да к тому же мечется, кидается вниз. Тут не всё как следует продумано, как и в строке *«тесно им в зале – прочь!»*. Вместо тире напрашивается какое-то точное слово, скажем, вырываются, уносятся и т. п. Тире в данном контексте обозначает совсем иное, не подходящее по смыслу: прочь отсюда, из зала, нечего вам тут делать! Нельзя назвать рифмами сочетания слов *«обрушится – рушится», «полны – увы»*.

А вообще-то, судя по стихотворению «Пианистка», Геннадий Домнич не ищет в поэзии лёгких путей, и это позволяет надеяться на то, что, совершенствуя технику стиха, он может добиться в будущем определённых успехов.

Хорошее впечатление производит поэтическая работа школьника Сергея Подгорнова из Анжеро-Судженска. Вот каким письмом предваряет он подборку своих стихов: «Я пишу стихи и пишу уже давно, с пятого класса. Лучшие из них печатались в нашей городской газете «Борьба за уголь». И тем не менее я решил обратиться к вам, чтобы получить подлинную оценку своих стихотворений». Такое доверие ко многому обязывает, и мы попытаемся обстоятельно разобрать стихи Сергея, чтобы помочь ему в дальнейшей работе. А в том, что он будет работать над стихами по-настоящему, серьёзно, нет никакого сомнения. Для этого у Сергея есть все данные.

Для начала ознакомимся с небольшим стихотворением Сергея Подгорнова «Песня»:

По лесным, заброшенным дорогам
Наш туристский двигался отряд.
Ели, чуть склонясь, шумели строго:
«Возвратитесь! Зря идёте, зря».
Даже самым сильным было трудно,
Очень пить хотелось от жары,
А над головой гудели нудно
Злые кровопийцы – комары.
Вдруг одна курносая девчонка
Хитро улыбнулась. И тогда
Песню затянула чисто, звонко
Про родные сёла, города.
Но неважно, что она запела,
Важно то, что песню подхватил,
Может быть, не в такт и неумело
Наш разноголосый коллектив.
Подтянулись разом все ребята,
Вмиг образовался чёткий строй,
И усталость унеслась куда-то…
Вот что песня делает порой.

Особенность и достоинство этого стихотворения – непринуждённость, естественность разговорной интонации. Стихотворная речь льётся свободно и легко, на первый взгляд, автору не составляло никакого труда ритмизировать и зарифмовать всё то, о чём он хотел нам рассказать. Но это кажущееся нетрудным воплощение замысла в слова – признак способности владеть формой стиха, поэтическим языком.

Особенно это проявляется в заключительной, подводящей итог рассказанному, строчке: *«Вот что песня делает порой»*.

Самое характерное в манере поэтического письма Сергея Подгорнова – повествовательность, которой он умело владеет. Жаль, что за неимением места не можем процитировать его большое стихотворение «О победе» с подзаголовком «Рассказ фронтовика». Всё же, чтобы читатель получил некоторое представление о манере автора, мы приведём несколько отрывков. Например:

Бережно составив автоматы
В пирамиду ровную в углу,
Спать легли уставшие солдаты,
Расстелив шинели на полу.
Пять минут, и все уже уснули.
В зале воцарилась тишина.
Только я остался в карауле,
Местность наблюдая из окна.
Вся природа в сладостном покое,
Лишь ворона, каркая, кружит.
Вдруг я вижу… Что это такое?
Женщина какая-то бежит…
Что ей надо, кто она такая?
Почему без шали, без пальто?
От кого так быстро убегает?
Что-то здесь, по-моему, не то…

Какое свободное обращение со словом, не правда ли? Будто и нет в природе стиха таких сложных вещей, как ритм, рифмы, будто само собой всё это получается. И так хочется узнать, что же будет дальше? А дальше…

Вот наш дом тревожно оглядела.
Видно убедилась – не пустой.
Может, у неё какое дело?
Я во двор выскакиваю: «Стой!»
Подошла, по-своему лопочет,
А сама взволнована, бледна,
Только не пойму, чего же хочет,
Чем же так напугана она…

Нет необходимости пересказывать сюжет этого стихотворения. Не в сюжете дело, хотя и он по-своему интересен (дело происходит в конце минувшей войны, на немецкой территории). Эти отрывки приведены затем, чтобы подтвердить одну мысль: Сергей Подгорнов – способный молодой поэт. Заслуживает всяческого одобрения то, что местная редакция относится к нему внимательно, печатает его стихи, которые, надеемся, увидят свет и на страницах нашей газеты.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1972. – 12 октября. – С. 4.

«ТО, ЧТО ЧУВСТВУЮ СЕРДЦЕМ…»

Начнём с краткого письма кемеровчанки Лидии Аксёновой: «Уважаемая редакция! Посылаю вам свои стихи. Несколько лет назад мои стихи уже печатались в вашей газете. Мне 24 года. Я работаю и учусь заочно в техникуме механизации и учёта».

Нелёгкое это дело – одновременно работать и учиться, и свободного времени, как говорится, в обрез. И всё же Лидия Аксёнова выкраивает какие-то часы и минуты для любимого занятия – для писания стихов.

И пишет Лидия Аксёнова не зря. Формой стиха она владеет, правда, ещё неуверенно, но поэтическим восприятием мира наделена от природы в большой степени. Чтобы убедиться в этом, прочтём одно из её стихотворений:

Как тебя не любить?
Ведь ты моё счастье!
Как мне мимо тебя пройти?
Ведь ты солнце в ненастье!
Солнце! Разве б дарило оно мне
свою ласку,
Если бы ты не улыбался ему.
Небо! Разве б имело оно такую
чистую краску,
Если б не знало чистоту твою.
Цветы! Разве были б они так нежны
и прекрасны,
Если б ты их не любил.
Деревья, трава, люди –
Всё как в сказке,
И эту сказку ты сотворил.

Какое истинное чувство в этих несовершенных по форме строчках, каким тонким лиризмом они пронизаны. Не про такие ли стихи говорят: из души вылилось. Причём вылилось не сумбурно, а логически стройно и естественно. От строчки к строчке, от обращения к солнцу, небу, цветам идёт внутреннее нагнетание чувства и завершается всё это не пустыми крикливыми восклицаниями, а как бы облегчённым вздохом человека, который рад, что его выслушали до конца. Поэтическое чутьё подсказало Лидии Аксёновой точные слова, верные интонации и убедительное обобщение. Но, повторяем, над техникой стихосложения Лиде надо ещё много работать. Верим, что и с этим она справится.

Умными суждениями сопроводил свои стихи Николай П. из Междуреченска, не пожелавший почему-то назвать свою фамилию: «…очень люблю поэзию, люблю слушать, люблю читать и мечтаю научиться писать сам так, чтобы мог высказать то, что чувствую сердцем. Ведь стихи, поэзия – это волшебство, а если хорошие стихи сочетать с хорошей музыкой, получается такая вещь, что люди плачут или смеются, но никогда не остаются равнодушными».

Николай П. хотел бы, чтобы мы проанализировали все присланные им стихи, но такой возможности у нас нет. И на этот раз обратимся лишь к одному стихотворению:

У каждого своя река
Есть в жизненном пути.
Река давно течёт, века –
Тебе года идти,
Но связан ты с рекой своей
Сильней цепей;
Среди лесов, среди полей
Ты думаешь о ней.
Есть реки бурные, как Терек,
Широкие, как Енисей,
Такой реки далёкий берег
Не увидал бы Одиссей.
У каждого своя река…
Иная пусть невелика –
Ты связан сердцем с ней,
Рекой своей.

Здесь важно выяснить, в чём был замысел автора. То ли просто в утверждении житейского факта: каждый человек родился у какой-то реки и до конца жизни любит и помнит её, то ли эта «река» – метафора, образ, олицетворение чего-то более глубокого по своему значению. Если первое, то для поэзии это мелковато, а если второе, тогда в данной метафоре не всё как следует продумано. Допустим, под рекой подразумевается судьба человека. Действительно, судьба у каждого своя. Однако о судьбе любого из нас нельзя сказать, что она «давно течёт, века». И уж совсем ни при чём тут Одиссей. Выходит, что Николай П. не имел в виду никакой метафоры, решил написать о реке, как таковой. Стихотворение могло бы состояться, поставь автор перед собой более серьёзную задачу (река – не просто одно из любимых с детства мест, а обобщённый образ судьбы, жизненного пути). Заметным недостатком стихотворения является также неровный ритм в ряде строчек. Например, вторая половина этой небольшой по объёму вещи начинается совершенно в другом размере (сравним: «У каждого своя река» и «Есть реки бурные, как Терек»).

Н. Швалов из Белова просит указать на недостатки в его первых сочинениях. Охотно выполняем эту просьбу. Вот одно из стихотворений – «Секрет победы»:

Всё качается перед глазами.
– Стоп, – и еле слышно: – Раз, два, три.
И плывёт и тает ринг в тумане
И почти не слышно рефери.
Пронеслось в ушах вдруг резко – восемь!
Слабости поддаться и лежать –
Мысли спорят – ведь противник грозен.
И другое – нет, ты должен встать.
В спорте, как в бою, лишь тот сумеет
Победить, кто волею силён.
После поражений не умеет
Падать духом тот, кто наделён
Стойкостью и верит кто в победу.

Начальные строчки, прямо скажем, заинтересовывают. В них автор попытался – и довольно впечатляюще, психологически достоверно – изобразить душевное состояние попавшего в нокдаун (а, может быть, и в нокаут) боксёра. Но довести до конца стихотворение так, как оно было начато, автор не сумел. Уже

с девятой строки от изображения он перешёл к рассуждениям – и все первоначальные его усилия свелись на нет. Стихотворение как бы распалось на две части: в первой – попытка решить тему художественными средствами, во второй – рассудочно, как в рядовой газетной заметке. К тому же и по форме последние строчки скомканы, одна из них «повисает в воздухе» («Стойкостью и верит кто в победу»). Из всего этого напрашивается такой вывод: литературные задатки у Н. Швалова, кажется, имеются, а навыка, опыта явно не хватает. Приобретётся и это, если много и упорно работать над каждой строчкой, глубоко продумывая каждую вещь от начала до конца.

Раиса Чигракова (пос. Темиртау) прислала в редакцию два стихотворения, которые она назвала песнями, т. е. пригодными для того, чтобы положить их на музыку. На наш взгляд, и тот и другой текст принять за основу для музыкального произведения сложновато. Судите сами:

Поезд уходит на запад –
В рощи белых берёз.
Ветер юности запах
Мне в окошко принёс.
Убегают дороги
В бесконечную ширь.
Я жила бы на Волге,
Если бы не Сибирь.
Приютилась надолго
В горношорском краю,
Но сегодня я Волгу
Вновь увижу мою.

Манит, волжские волны,
Ваша гордая ширь,
Я жила бы на Волге,
Если бы не Сибирь.
Волга, сердце, как в песне,
К тебе рвётся любя.
Нет на свете чудесней
И дороже тебя.
Всех прекраснее в мире
Твой разлив голубой,
И не будь ты в Сибири,
Не рассталась с тобой.

Общее звучание этих строчек, размер, каким они написаны, подсказывают чёткий ритмический строй мелодии. Однако не все строчки могут легко влиться в предполагаемую мелодию. Неблагозвучна, к примеру, строка «Если бы не Сибирь», которая повторяется дважды: ударение здесь падает на «бы», и это очень некрасиво.

Следует сказать ещё вот о чём. Почему-то многие авторы, которые пробуют писать тексты песен, считают, что можно обойтись в них и без поэтических находок, оригинальных мыслей – с музыкой, мол, всё сойдёт, лишь бы уложились в неё все слова, пусть даже необязательные, случайные. С таким положением нельзя мириться. То, что пишется как будущая песня, должно иметь самостоятельное художественное значение. Так утверждает Михаил Исаковский, автор многих стихотворений, ставших популярными песнями, широко известными не только у нас в стране, а и за рубежом (скажем, та же «Катюша»). Прочтите эти стихи, и вы убедитесь, что Исаковский на практике подтверждает правоту своего суждения: все они высоко поэтичны и могут жить в народе самостоятельно, без музыки.

Но вернёмся к собственно стихам. Приятно сейчас, в ненастную погоду поздней осени, вспомнить о красном лете, прочитав стихотворение кемеровчанина Владимира Любимова «Стога»:

Наскучат дружеские споры
И института суета.
И ты вдруг соберёшься скоро
И едешь в сельские места.
Косьба… И ты под солнцем летним
Кладёшь упругие стога,
Где буйных трав великолепье
Ложится преданно к ногам.
А вечером, презрев забавы,
Устав от праведных трудов,
Ты всё-таки уходишь в травы,
Неспешно бродишь меж стогов.

В тоске внезапной, быстротечной,
Ложишься в клевер отдохнуть,
И одиночество, как вечность,
Твою охватывает грудь.
Щекочут ласковые стебли,
Им не уйти от звона кос,
А Млечный путь в вечернем небе
Лежит, похожий на покос.
Стога хранят свои секреты,
Уставясь в звёздные миры,
Как межпланетные ракеты
Стоят на старте до поры.

Хорошее чувство рождает это стихотворение, полное и радости общения с природой, и лёгкой грусти от мысли, что этим буйным травам «не уйти от косы», и одинокого раздумья о жизни, о родной земле, которая так любима и дорога.

Общее впечатление от этой вещи настолько цельное, что его не портят даже отдельные не совсем удачные строчки. А они есть. Несколько условно сравнение стогов с межпланетными ракетами. Ведь нет же у них внешнего сходства, нет и смыслового соответствия: ракетам взлетать ввысь, а стогам грузно стоять на стерне. Другое дело, когда поэт Сергей Смирнов уподобляет ракетам кремлёвские ели – в контуре тех и других, действительно, можно уловить что-то схожее.

Эти частные недостатки в «Стогах» – не такие уж большие промахи. Важнее другое: Владимир Любимов – один из тех авторов, на чьи будущие успехи мы вправе надеяться.

«Я вас очень прошу, скажите, что это?» – спрашивает, посылая свои стихи, Оля Скоробогатова. Мы собирались более подробно ответить Оле в письме, но свой полный адрес она почему-то не сообщила, написала только: «Мне 20 лет, я живу в Кемерове». Познакомимся с тем, что она прислала:

Если б повстречала я волшебницу
С чарами волшебными своими,

Я бы попросила об одном её:
Сделать милые глаза моими.
Чтобы были бы они всегда со мною
В радость, горе, счастье и беду.
Если повстречаю я волшебницу,
То других желаний не найду.

«Что это?» – спрашивает Оля. Это, судя по всему, первая проба пера. Пока что очень робкая, неумелая. Об основной мысли стихотворения приходится лишь догадываться: лирическая героиня хотела бы, встретив волшебницу, попросить её: пусть любимый человек станет моим (мне так нравятся его глаза, пусть всегда будет со мной рядом их взгляд).

Так было в замысле. В стихотворении всё выглядит несколько иначе: пусть будут у меня не какие-нибудь, а милые глаза. И от неловкости изложения мысли следующие строчки кажутся неосмысленными: чтобы были они всегда со мною (глаза человека не могут быть где-то в стороне от него). Требует правки и шестая строка. Следовало написать: в радости, в горе, в счастье, в беде. Стихи ли это? Да, стихи, но ещё очень слабые.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово. // Комсомолец Кузбасса. – 1972. – 14 ноября. – С. 4.*

В ЧЁМ ТВОЁ ПРИЗВАНИЕ…

В молодости стихи пишутся легко, почти самопроизвольно, главный побудитель их в ту пору – то или иное настроение. Молодой, неопытный автор, заботится лишь об одном: как можно полнее излить свою душу на бумаге, и редко задумывается над таким вопросом, как точное определение особенностей своего дарования. Между тем, очень важно с самых первых шагов на литературном поприще уяснить для себя, какого рода стихи лучше всего удаются тебе: то ли философского характера, то ли поэтические пейзажи, то ли стихи о любви. А может быть, даже у тебя задатки не лирика, а юмориста, сатирика? Чем раньше и быстрее будет сделано такое открытие самого себя как творческой индивидуальности, тем плодотворней и успешней пойдут дела.

Галина Ширковец, кемеровчанка, прислала в редакцию целую подборку лирических стихотворений, пейзажных и на тему любви. Сразу же хочется сказать Гале, что любовная лирика её не представляет интереса, потому что не открывает в этой теме никаких новых граней. Другое дело – пейзажные зарисовки, здесь мы рады были обнаружить некоторые поэтические находки.

Вот коротенькое стихотворение «Дождь»:

В серое окно стучат дождинки.
Тихо-тихо день ползёт немой.
Мокрым крышам снится розовое солнце,
Листопада шелест золотой.
Ну, а солнца нет уже неделю.
Зябнут клёны в вымокшем саду.
По асфальту, как по чёрной речке,
Пешеходы редкие бредут.

Из этих восьми строчек видно, что Галя Ширковец обладает счастливой способностью – видеть природу, окружающий мир по-своему, с чутьём художника, который в самых обыденных вещах находит поэзию, одухотворённость.

Вот ещё одно стихотворение – «Утро»:

Крик петушиный
Приносит утро
На розовых крыльях зари.
Ночь уползает
По сонным крышам,
Гася за собой фонари.

Ночь уползает,
Ворча неслышно,
Ленивая, серая кошка.
Серебристой ладошкой
Клёна
Постучался рассвет в окошко.

В этом стихотворении сразу несколько образов (в первом – только один: *асфальта чёрная речка*), и все они запоминаются. В третьем стихотворении обращает на себя внимание такая свежая образная деталь: *«В чёрном озере стынут белых лилий глаза и листом не опавшим висит стрекоза»*. Надо обладать истинно поэтическим восприятием мира, чтобы подмечать в нём подобное.

В этом именно направлении – в поэтическом изображении будничного, привычного – и следует продолжать Галине Ширковец свои дальнейшие творческие поиски. Вместе с этим считаем необходимым посоветовать ей обратить пристальное внимание на форму стихов, которая далека от элементарного соблюдения правил стихосложения: бедная рифмовка (в строфе рифмами скреплены не все строчки), расплывчатый ритмический рисунок. Эти существенные недостатки очень портят неплохие по внутренней, эмоциональной насыщенности и образности стихи всей стихотворной подборки.

Образное, поэтическое ощущение жизни и всего сущего в ней находим мы и во многих стихах кемеровчанки Татьяны Волковой. Правда, в её довольно объёмистой рукописи нет, на наш взгляд, целиком завершённых стихотворений, поэтому отметим как положительные примеры отдельные строчки из разных по содержанию и художественному уровню стихов:

Жаркие дни июля,
Как воробьи, промелькнули…
Представь ты, по улице шумной шагая,
Что рядом с тобой я снежинкой
летаю…
И вновь наступает осень
С холодным дождём и росой.

Сквозь ветви берёз и сосен
Крадётся она лисой…
И звонкие капли росы утром рано –
Как слёзы разлуки в ресницах травы…
Снова солнце будет отражаться
в лужах
И цветы украсят нежности луга…

Поэтических задатков, как видим, Татьяна Волкова не лишена. Теперь дело за тем, чтобы развивать их, укреплять систематической работой и, разумеется, учёбой у хороших, близких по душе поэтов. Тане, как и Гале Ширковец, предстоит много потрудиться над формой своих стихов, пока что в них и ритм хромает, и рифмы не везде полнозвучные. Но форма формой, а главное для Татьяны Волковой – это надолго сберечь в себе чувство поэтической окрылённости, светлое, жизнеутверждающее эмоциональное начало.

Борису Лукину из Тайги как поэтической личности свойственно воспринимать мир не только с реальной стороны, но и несколько отвлечённо, через воображение.

В нашем распоряжении два небольших стихотворения Бориса Лукина. Прочитав и то, и другое, попытаемся понять, есть ли в них – в чём-то главном – что-то общее, характерное только для этого автора.

Первое стихотворение называется «Берёзы»:

О, эти бедные берёзы
На колоннадах и стенах!
Какие вам приходят грёзы
В неисполняющихся снах?
Наверно, хочется до боли
В глаза озёр моих упасть,
Где быть в последней своей воле,
Отринув каменную власть.

Уйти, хоть на одно дыханье
Полынной горечи полей,
Где мир другой в солнцестоянье
Таких же светлых дочерей.
Я ухожу. Прощаясь, плачут
Берёзы, глядя мне вослед.
Несу я их привет горячий –
Любви неразрешённой свет.

Обычно поэты пишут о живых берёзах, а внимание, вернее, воображение Бориса Лукина привлекли их изображения, сделанные руками художников и скульпторов. Поворот старой, традиционной темы неожидан. Жаль только, что автор не нашёл для реализации своего замысла самых точных слов и выражений – стилистически и даже по смыслу некоторые строчки написаны неудачно. Например: *«В глаза озёр моих упасть»*. Образ вроде бы свежий, броский, но в сущности своей вычурный, мало осмысленный. *Упасть в* чьи бы то ни было *глаза* – это и представить невозможно. Туманна по смыслу строчка: *«Где быть в последней своей воле»*. Да и *«уйти хоть на одно дыханье»* звучит не совсем ясно.

Теперь прочтём второе стихотворение – «Балладу о крыльях»:

Был полёт. Высота зари.
Стратосферу рассёк твой луч.
Нам сказали, что ты горишь,
Но мы не видели из-за туч.
Мы услышали свист крыла
И мгновенный, за лесом, взрыв,
Где земля останки взяла,
Раскроив объятья нив.
Обелиск поднимет крыло,
Обовьёт неуёмный хмель.
В нашей памяти будешь светло,
Раскалённой от многих потерь.
Новый взлёт.
На таких руках
И покоится бренный мир!
Так воспой же героя, строка,
Сотней плачущих лир.

Стихотворение в целом оставляет сильное впечатление. Точно найден здесь именно балладный – несколько обрывистый – ритм, мужественность интонаций, сдержанность чувств, которые всё-таки трудно скрыть, они вот-вот выплеснутся наружу, что и происходит в заключительных строчках.

И опять приходится пожалеть, что здесь, как и в первом стихотворении, встречаются стилистические погрешности вроде *«В нашей памяти будешь светло»* (что – светло? жить? гореть?). Или – что значит: *«Раскроив объятья нив»*? Как можно «раскроить» объятья? В строчках: *«Обелиск поднимет крыло, обовьёт неуёмный хмель»* надо было более чётко выразить мысль, в данном варианте загадка: что и чем обовьётся? Конечно, автор хотел сказать, что крыло будет обвито хмелем, но так и следовало построить эти фразы, не оставлять их незаконченными, неоформленными, сказать, как полагается по законам языка.

Вспомним, что мы хотели сравнить эти стихотворения. Да, безусловно, есть в них что-то общее – в поэтическом почерке прежде всего, в авторской манере выражать свои мысли и чувства (сжато, без лишнего многословия, сдержанно по душевному порыву и в то же время эмоционально). Всё это похвально, поскольку свидетельствует о том, что у Бориса Лукина уже есть свой голос, свои поэтические приёмы, т. е. необходимая для каждого поэта цельность. Пожелание автору: быть внимательнее к языку, к точному словесному оформлению той или иной мысли.

И в заключение – несколько слов о стихотворении «За перекрёстком» Е. Есипова из Киселёвска. Разговор будет принципиально важным… Но сперва само стихотворение:

Тихая заводь под солнцем блестит
За перекрёстком.
По-над водой неподвижно стоит
В рост свой берёзка.
В воду, как в зеркальце, смотрится день,
Не отвернётся.
Даже на воду падает тень,
Не шелохнётся.
Видится ей в той прозрачной воде
Образно, просто
Платье, какого не сыщешь нигде,
Пышные косы;
Видится небо и днём, и в ночи,
Если погода,
Раннего солнца косые лучи,
Кедр, что поодаль.
Только не знали, что кедр тот с неё
Глаз не спускает.
Ради неё он убранство своё
Преображает.
В лютую стужу готов приютить
Он недотрогу.
Даже от бури её защитить
Искренне мог бы.
Так день за днём, год за годом идут
И не напрасно:
В их отношеньях в одну из минут
Может быть ясность.

Наверное, стоило бы подробнее остановиться на многих, с первого взгляда бросающихся в глаза недостатках этого стихотворения, – банальности сравнений *(вода – зеркальце)*, противоречивости понятий в одной строке («образно», «просто»; если «образно», то, значит, уже не «просто»), приблизительности рифмовки *(недотрогу – мог бы)*. Я нисколько не намерен чем-нибудь обидеть Е. Есипова. Но одно мне, признаться, непонятно: зачем, для чего придавать видимость поэтического открытия теме, перепевая давным-давно всем известную рябину, которая *«не может к дубу перебраться»*? Но это уже тема другого разговора, не имеющего отношения к вопросу, о котором мы вели речь: в чём особенности твоего дарования, как найти своё призвание?

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1972. – 7 декабря. – С. 4.

ТОЛЬКО ВСЕРЬЁЗ…

Сегодня первое занятие «Факультета молодого литератора» в новом, 1973 году. Прежде всего нам хочется поздравить с Новым годом всех наших читателей, приславших в редакцию стихи, пожелать им радостей, творческой работы, настоящих удач.

Нынче мы отобрали для разговора стихи совсем молодых авторов. Среди рукописей, полученных за последнее время, наше внимание привлекли стихи пятнадцатилетнего кемеровчанина Сергея Васютина. Они стоят того, чтобы поговорить о них более обстоятельно. Предметом разговора может служить ну хотя бы вот это стихотворение под названием «Летний дождик»:

Неведомо, с какого края,
Гонимые какими-то ветрами,
Набежали на синее небо
Тучи чёрные.
Прогремел за холмами где-то
Гром раскатисто, звучно и…
Эхо пронеслось над полями гулко,
Сверкнула молния. Потемнело.
Ковыль настороженно зашелестел…
И стихло всё враз на мгновение.
Как вдруг,
Словно из опрокинутого корыта,
Плеснул тёплый летний дождик.
Застучали тяжёлые капли
По дороге просёлочной пыльной,
Лопаясь пузырями, как мыльная пена.
Побежали, ещё робея,
Ручейки, огибая горки.
Неудачливый путник –
Им я оказался, –
Кеды в руки беря
И штаны закатав,
Шёл спокойно, ко всему равнодушный.
Дождь перестал, перестал неожиданно,
Так неожиданно, как внезапно пошёл.
Сквозь разрыв хмурых туч,
Озарив на мгновение
Потемневшие степи,
Блеснув на зеркальной поверхности трав,
Выглянуло солнце, ослепительно жёлтое…

Загадочная вещь – поэзия… В стихотворении нет ни одной рифмы, ритмическое звучание его весьма неровное, но мы как бы не замечаем этого – нас с первой строки увлекает правдивое, очень достоверное – со многими точными деталями и подробностями – описание внезапного и короткого летнего дождя, именно летнего, а не майского или, скажем, сентябрьского – так зорко подсмотрено автором всё то, что он увидел вокруг себя во время этого дождя. И без рифм, без чёткого ритма стихотворение достигает своей цели – создаёт в сердце читателя определённое поэтическое настроение. Несмотря на всю неискушённость в технике стихосложения, Сергей совершенно безошибочно чувствует другую, более важную тонкость поэтического творчества – необходимость писать только о том, что затронуло, задело, как говорится, за живое, глубоко вошло в сознание и душу. Это самый верный путь от рукописного листа к читательскому сердцу.

Вместе с этим хочется напомнить Сергею Васютину, что стихи должны быть стихами во всех отношениях, то есть надо овладевать и технической стороной своих сочинений, тогда они будут впечатлять ещё сильнее. И ещё одно пожелание Сергею: чтобы поиски чеканного ритма, звучных рифм не отражались отрицательно на внутренней сути стиха. Это уже дело мастерства, на овладение которым требуются не дни, а годы. Главное – раз и навсегда поверить в себя, в свои силы, памятуя при этом, что лёгкого пути в литературе нет и быть не может.

Стэлла Прокопчук из Анжеро-Судженска пишет нам: «Я люблю читать стихи и пробую писать. Что-то тронуло, взволновало меня – и рождаются строчки». В отличие от Сергея, Стэлла пытается оформлять свои мысли и чувства с рифмами и с ритмом, но пока ещё неуверенно. Об этом можно судить, прочитав стихотворение «Уходит осень»:

Вспыхнула осень ярким огнём.
Брызнула солнцем, краски даря.
Мы снова вместе, мы втроём –
Осень, ты и я.
Завьюжит осень золотом листвы,
Засыплет все поляны серебром.
Мы бродим вместе – осень, я и ты
Под моросящим, ласковым дождём.

Пройдут дожди и смоют счастье,
Оставив на траве одну росу.
Холодный ветер оборвёт все листья,
Как в сказке, в заколдованном лесу.
Уходит осень, как любовь,
Надеждой укрепив мои мечты.
Она уйдёт, чтоб возвратиться вновь.
Уйдёшь и ты, чтоб больше не прийти.

Охотно верим Стэлле, что написала она о том, что «тронуло, взволновало» её, но стихотворение не оставляет сильного впечатления. Прежде всего бросаются в глаза технические его недостатки (переменчивый размер строк, слабые рифмы), а также некоторая неясность содержания. Вначале говорится, что *«мы снова вместе, мы втроём – осень, ты и я»*. В этих строчках – ощущение полного благополучия, даже счастья. И вдруг, без всякой подготовки читателя к новому ходу мысли, делается утверждение: любовь уходит, уйдёшь и ты, чтоб больше не вернуться. Почему так должно случиться, по какой причине – неизвестно. Не дело это – оставлять читателя в недоумении. В сравнении, – которое невольно напрашивается, – с «Летним дождиком» стихотворение «Уходит осень» заметно проигрывает: в первом – всё наглядно и точно, во втором – довольно условный образ счастья, которое «смоют дожди» и досадная противоречивость мыслей (если любовь уходит, то какой же надеждой она укрепляет мечты?).

Далеки от совершенства и стихи четырнадцатилетней Гали Богомоловой из села Ариничево Ленинск-Кузнецкого района, но есть в них одно очень ценное поэтическое качество – живое, непосредственное чувство. Вот, например, стихотворение «Я Россиею горжусь»:

Я люблю Россию нашу,
Я Россиею горжусь.
Я в России просыпаюсь
И в России спать ложусь.
Я земли не знаю краше,
Кроме Родины моей,
Кроме сказочных берёзок,
Необъятнее полей.
Всё для нас дала Россия:
Школы, детские сады.

Нашей партии спасибо
За великие труды.
А когда-то, в сорок первом,
Смело шли солдаты в бой,
Чтобы от врагов Россию
Защитить, прикрыть собой.
И теперь жива Россия,
Дорогая наша Русь.
Я люблю Россию нашу,
Я Россиею горжусь.

В этом стихотворении о самом главном для каждого советского человека – о России говорится так свободно и естественно, как дышится. Подкупают по-детски наивные, но произнесённые с гордостью строчки: «Я в России просыпаюсь и в России спать ложусь». Только истинная любовь к родной земле может подсказать такие слова.

Галя в самом начале, у самых истоков настоящей творческой работы, но её поэтические способности не вызывают сомнений. А коли это так, то не лишне будет указать ей на некоторые недостатки. Строчка *«необъятнее полей»* в данном контексте звучит несколько неловко. Она была более уместна в другом варианте, допустим, в таком: я земли не знаю краше, необъятнее полей. Не совсем правильно построена фраза: *«Всё для нас дала Россия»*. Для нас – значит, сделала, приготовила и т. п. А дала – значит, не для нас, а нам. У Гали хорошо развито чувство стихотворного ритма, а вот с рифмами дело обстоит похуже. Думается, что ей под силу использование более богатой рифмовки – во всех четырёх строчках каждой строфы.

Подборку из нескольких стихотворений прислала из Прокопьевска десятиклассница Лиля Флек. Вначале – выдержки из её письма: «Я часто, даже постоянно, читаю «Факультет молодого литератора». Иногда у меня возникали довольно-таки смелые мысли послать к вам на обсуждение некоторые мои стихи (извините за смелость, я не знаю, можно ли их так назвать), но я почему-то отгоняла от себя эту мысль... Но сейчас у меня, вероятно, боевое расположение духа, и я решилась… Прошу вас, напишите, стою ли я на месте, или есть в стихах какие-то улучшения».

Постараемся удовлетворить просьбу Лили – разберём два стихотворения, написанные в разные годы. Первое – «О романтике» – она написала три года назад.

Ты вставал вместе с солнцем?
С петухами вставал?

Ты бежал по росистой тропинке
к реке?

Ты лицо умывал
В родниковой холодной воде? Нет?..
А когда испарится от солнца роса,
И звенит раскалённый воздух,
Ты бросался в душистые сена стога
И вдыхал ароматных трав дух? Нет?..
А когда вместо солнца на небе луна
Светит ласково и прохладно,
Ты лежал на траве? Ты смотрел
в небеса,
Ты на звёзды смотрел? Нет?..
Ну, ладно…
Если «нет», то пойдём, я тебе покажу
И росу, и стога, и всё это,
Я романтики путь тебе подскажу,
А романтики – все поэты.

В стихотворении семнадцать строк, и на всё это количество только шесть рифм. Размер строк тоже переходит с одного лада на другой. Этот недостаток формы сразу же бросается в глаза. Весьма возможно, что Лиля сознательно отошла от классической формы стихосложения, чтобы не быть скованной и как можно естественней выразить свои мысли, не знаем, но стихотворение от этого много теряет, кажется наброском, черновиком, заготовкой будущего произведения. Однако оставим в стороне технику стиха, вдумаемся в содержание. Оно, безусловно, заслуживает внимания и не только по замыслу, а и по исполнению – удачным кажется нам приём: в трёх четверостишиях изображаются картины природы, а в конце одна строфа объединяет всё это в единое целое, и этот заключительный аккорд звучит очень убедительно. Можно здесь говорить об отдельных удачных и неудачных строчках, но прежде всего хочется выделить такую строчку, как *«светит ласково и прохладно»* (о луне). Прохладный лунный свет. Хотя бы один этот эпитет – очень свежий, новый – говорит о том, что Лиля Флек человек способный, чувствующий образность стиха.

А теперь отрывок из самого последнего по времени написания стихотворения «Верность» (всё его не имеем возможности процитировать из-за объёма):

Позови меня в снега –
Я приду.
Занесёт тебя пурга –
Я спасу.
Станет холодно тебе –
Помогу,
Сердце жаркое в огне
Подарю.
Если будет мучить жар –
Я со льдом
Прикоснусь к твоим губам –
Вспомнишь дом.
Вспомнишь неба тёмно-синь
И звезду.
Тихий шелест двух осин
На ветру.
Вспомнишь шум над головой
У берёз,
Как бежали мы с тобой
Под откос,
Как бродили мы с тобой
У реки,
Как нарвал ты мне в букет
Васильки,
Как дарила нам кукушка
Тыщу лет,
Как смеялись на опушке
Мы в ответ…

Есть ли улучшения в стихах? – спрашивает Лиля. Думается, что есть. Более стройным и энергичным стал ритм, большее количество строк скреплено рифмами. Но порой автор считает рифмами малосозвучные слова, например, приду – спасу, звезду – на ветру, помогу – подарю. Рифмами здесь могут быть совсем другие слова. Нельзя не сказать и о том, что в приведённых строках отчётливо «прослушиваются» интонации известных стихов Р. Рождественского.

В своём письме Лиля откровенно признаётся: «Серьёзно я стихами не занимаюсь». При таком отношении к поэзии, разумеется, трудно рассчитывать на сколько-нибудь значительный творческий рост, на очень заметный шаг вперёд. Чтобы добиться этого, то есть роста и движения вперёд, литературой надо заниматься только всерьёз, а не между делом. Это относится ко всем молодым авторам и, в частности, к тем, о стихах которых мы сегодня говорили.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1973. – 9 января. – С. 3.

О ТОМ, ЧТО ХОРОШО ЗНАЕШЬ…

Сегодняшнюю статью нам хотелось бы начать с письма Сергея Кинельского из Белова. Вот что пишет Сергей: «Честно признаться, всё-таки боязно посылать вам мои стихи, но мне не страшно увидеть в них недостатки. Мне 18 лет. Стихи я пишу давно и сейчас без них не мыслю свою жизнь. Хочется писать хорошие, душевные, но опыта мало. Может, мои стихи не заслуживают внимания, ведь я пишу в основном на отвлечённые темы, а вопросы жизни в стихах не укладываются: я очень мало знаю…».

Под этим письмом могли бы, наверное, подписаться многие начинающие авторы: желание писать стихи большое, а знаний и опыта мало, поэтому приходится обращаться к самым отвлечённым темам. Что можно посоветовать в данном случае? Совет может быть только один: писать надо всё-таки о том, что очень хорошо знаешь, что пережил, перечувствовал, лишь такие стихи могут быть убедительными, достоверными, интересными. А «отвлечённые» темы – это чаще всего повторение вычитанного из книг. Всякий настоящий поэт интересен прежде всего тем, что он нашёл в жизни, открыл для себя, а следовательно, и для читателя, в своей душе, а не в книгах.

Подтверждением этой мысли служат стихи, присланные Сергеем Кинельским. Первое же стихотворение под названием «Песнь об Илье Муромце» свидетельствует о его несамостоятельности. Сама по себе «Песнь» написана неплохо, но поэтических открытий не содержит. Это одна из вариаций известных былин и сказов. Было бы ошибкой делать какие-то выводы о способностях автора, исходя из этого стихотворения. Нет, более определённо судить о поэтических возможностях Сергея Кинельского можно по стихотворению, которое мы приведём ниже. Оно ближе к жизненным, а не книжным впечатлениям, поэтому более интересно. Приведём одну строфу из стихотворения, которая позволяет судить о его поэтическом строе:

Подарю тебе нежный цветок голубой –
Сына синего неба – василёк синеглазый,
Он напоит тебя ясных дней синевой,
Он осыплет тебя дождей тёплых алмазом.

Поэтическое настроение в стихотворении есть. Есть и образная находка: василёк – сын синего неба. Однако частных недостатков в стихотворении немало. Первое, что сразу же замечаешь, это неумение автора чётко построить ритм, из-за чего ряд слов звучит «неудобочитаемо», с неправильными ударениями. Некоторые слова наводят на мысль о пристрастии автора опять-таки к книжным красивостям. Встречаются смысловые неточности.

Леонид Торгаев – тоже беловчанин – по профессии машинист электровоза на шахте «Чертинская». В своём письме он спрашивает: «Что, по вашему мнению, мне больше удаётся: пейзажи, философская лирика или рабочая тема?». Попробуем разобраться. Вначале – стихотворение о товарищах по труду, о шахтёрах:

Поэтам иным не верю я,
Что так вдохновенно врут:
Мол, шахта – сказка, феерия…
Нет, шахта – нелёгкий труд.
Нет, здесь не играют в «ладушки»…
Хоть техника и сильна,
А всё ж без лопаты – матушки,
Как говорится, хана.
Почти на коленях лазая,
Как демоны, в хрусткой пыли,
Штурмует братва чумазая
Тугое нутро земли.
Скажу я не ради критики:
Не каждый смел да удал,
Но здесь не встречал я нытиков,
Я хлюпиков здесь не видал…
Пусть нет от других отличия,
Пусть силой шахтёр не титан,
Но подвига вижу величие
За будничным словом «план».

Казалось бы, кто как не этот автор отлично знает шахту, горняцкий труд, рабочую тему, а стихотворение не совсем удалось – оно несколько будничное, вялое, бескрылое. Выходит, не всегда можно написать хорошо и о том, что хорошо знаешь. И тут невольно вспоминается нестареющее понятие, которое точно выражается несколько старомодным сейчас словом: «вдохновение». Без вдохновения, без окрылённого состояния души нельзя создать волнующую вещь, что и случилось с Леонидом Торгаевым.

А теперь отрывок из его стихотворения философского характера:

Не признавая середины,
Летят стремительные дни.
И приближаются седины,
И убавляется родни.
Иль просто делаем все вид мы,
Что-де не нужен нам уют,
Иль века ломаные ритмы
Покоя сердцу не дают?..
Ошеломляющие факты
Несёт нам каждый новый день.
Отсюда всякие инфаркты
И остальная дребедень.
Но только всё же, только всё же
Нам этим жизнь и дорога,
Что без тревог мы жить не можем
И лезем к чёрту на рога.
Пусть сердце биться перестанет
На склоне иль в расцвете лет,
Должны мы в жизни след оставить.
Не наследить. Оставить след.

Мысли, высказанные в этом стихотворении, прямо скажем, не отличаются особой глубиной и свежестью, но есть в них «чуть-чуть» настоящей поэзии, ради чего стоило его написать. «Не наследить. Оставить след». Согласитесь, образ довольно яркий, правда, перекликающийся с известным стихотворением Леонида Мартынова. Однако не стоило ради одного ёмкого образа загромождать стихотворение многословием, повторами уже сказанного. Во всей поэтической работе Леонида Торгаева, как, в частности, и в этом стихотворении, радует его приверженность к звучной, добротной рифмовке, чёткому ритму, но иногда исключительно ради рифмы Леонид Торгаев употребляет не совсем точные выражения и слова: «Отсюда всякие инфаркты и остальная дребедень». Слишком уж легкомысленное это слово «дребедень» по отношению к болезням. Исключительно для рифмы написана строка «Не признавая середины». Непонятно, какая может быть середина у стремительно летящих дней.

На вопрос Леонида Торгаева «Что лучше удаётся» можно ответить так: судя по стихам, которые нам известны, наиболее удачны пока пейзажные зарисовки. Но надо, конечно, пробовать свои силы в различных жанрах, тем более, что автор «в ладах» с техникой стихосложения.

Интересную подборку стихов на самые различные темы прислал кемеровчанин Сергей Снегов, в настоящее время студент, в недалёком прошлом солдат. Самые яркие впечатления его, которые так или иначе получили отражение в стихах, были, по всей вероятности, те, которые остались в сердце и в памяти

Сергея от службы в армии. Как бы то ни было, армейские стихи кажутся нам наиболее удачными. Прочтём стихотворение «Моему автомату»:

В прицельной рамке замер силуэт,
приклад теплеет от щеки горячей,
как будто враг в зелёное одет,
и тело в травах он пугливо прячет.
То перебежками, то скорым шагом,
а то бегом – не отстаёшь ли, тень?
А «бегунки» то вдалеке, то рядом,
и трассы жёлтые впиваются в мишень.
Ах, автомат хороший, вот товарищ –
красавец, чуток, он не бьёт – поёт!
Когда придётся в пламени пожарищ
бежать в атаку – он не подведёт.
Его просить не надо перед боем:
«А ну-ка, друг, солдату помогай!»
Я знаю, он врага согнёт дугою.
Вот и теперь, дружище, начинай!
…Сухая очередь – не больше двух
патронов! –
И гильзы падают, очищенно звеня.
А ты вздыхаешь тихо, облегчённо,
и травы в россыпях алмазного огня.

Перед нами стихи о том, что автор хорошо знает. И пишет он об этом с вдохновением, с огоньком. Разве можно придумать, вообразить все эти запоминающиеся детали: и как приклад теплеет от щеки горячей, и как солдат всё время ощущает бегущую рядом с собой свою тень, и как отлично бьёт его автомат, – «не бьёт – поёт!», и как, «очищенно звеня», падают пустые гильзы, и как после учебного боя мирно и светло сверкает росная трава. Всё это увидено, пережито.

К недостаткам стихотворения следует отнести перебой в ритме с начала второго четверостишия, точнее сказать – первое начато в другом размере, неловкий стилистический переход от второй строки к третьей (напрашивается уточнение: «кажется, что враг» и далее по тексту), заезженные рифмы типа «товарищ – пожарищ», «помогай – начинай» и т. д.

Другие стихи Сергея Снегова впечатляют меньше, иные из них написаны по книжным ассоциациям.

В своём письме Сергей Снегов спрашивает: «Что бы вы мне посоветовали, чтобы стихи стали стройнее по форме, строже, глубже по содержанию?» Любой совет не может быть исчерпывающим. Главное – в сердце вынашивать замысел той или иной вещи, мысленно видеть её с начала до конца, и как можно больше писать, совершенствовать своё умение в обращении со словом, с ритмом, с рифмами.

Люба Миханошина работает машинистом электрокрана в Мысках. И лучшее в её подборке – стихотворение «Крановщица»:

В первые рабочие недели
Очень руки у меня болели,
Все коленки были в синяках
От ступенек лесенки высокой –
Больно было – лучше их не трогай…
Грузчики меня ругали очень:
То пакет неправильно подам,
То ещё что…
Плакала я ночью:
– Больше не хочу работать там!
Но меня бригада поддержала,
И сейчас намного легче стало.
Поднимусь в кабину–теремок,
Сяду и работать начинаю,
Слушая команду, «Вира!», «Майна!»
Звонкий под рукой звенит звонок…
У меня отличная бригада.
Не разочарована в работе я.
Спросят: «Что ещё девчонке надо?»
В жизни я нашла свою дорогу.

Это всё о том, что автор хорошо знает – столько тут достоверных, невыдуманных деталей. У Любы уже проглядывается своя манера письма – повествовательная. Она как бы разговаривает по душам с близким другом, и в этом разговоре открывается её душа – добрая, доверчивая. По форме стихотворение в целом сделано неплохо, но довести на этом уровне всё стихотворение Любе не удалось – последняя строфа из рук вон слаба, и ритм нарушен, и рифмы почему-то потеряны. Такая небрежность недопустима. Что – что, а концовка должна быть сильнее других строф.

Чтобы у Любы не создалось впечатление, что за исключением этой неуклюжей концовки вообще-то всё в её стихах благополучно, необходимо сказать, что и в других её сочинениях чувствуется незавершённость.

Хочется дать Любе тот же совет, что и Сергею Снегову: не торопиться брать в руки перо до тех пор, пока не увидишь задуманное стихотворение всё, целиком – с чего оно начинается и чем заканчивается. Разумеется, в процессе работы, над чистым листом бумаги может прийти в голову и что-то неожиданное, обновляющее первоначальный замысел, но основа стиха должна быть ясной заранее.

В заключение сделаем некоторое обобщение всего, о чём говорилось в этой статье. Успех молодому автору сопутствует чаще всего тогда, когда он ничего не выдумывает, не берёт из книг, не высасывает, что называется, из пальца, а пишет о хорошо известном, пережитом, прочувствованном. Это единственно верный путь к поэзии.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1973. – 13 февраля. – С. 4.

СТИХИ СВЕТЛАНЫ ЧЕРЕВОЙ

Светлана Черева – техник-электрик производственного технического предприятия «Сибхимпромэнерго». В средней школе училась в Новокузнецке, закончила Томусинский энергостроительный техникум. Светлане двадцать лет.

Стихи Светлана Черева пишет с четвёртого класса, но вот только теперь решила отправить несколько стихов в редакцию. Конечно, ещё рано говорить о ней, как о сформировавшемся поэте, но нельзя не отметить искренность чувств, точность найденных интонаций в стихах, которые принадлежат её перу.

Пусть эта первая встреча Светланы Черевой с читателем, встреча, состоявшаяся в День 8 марта, останется памятной и для автора, и для тех, кто любит поэзию.

МАТЕРИНСТВО

Я одевала дочку в распашонки,
Лежали нити света на столе,
Я целовала хрупкие ножонки,
Что очень скоро ступят по земле.
А дочь, играя, открывала ротик
И что это – улыбка или звук –
Ни для кого, нипочему – природе,
Как будто радость жизни: – Я живу!
Любуясь крошкой, в радостном блаженстве
Угукая, как дочка, и смеясь,
Я вдруг представила с испугом женским,
Чего не пожелала б отродясь…
Как будто пули, пули свищут люто…
На лицах ужас… Город не уснёт…
А я стою с двухмесячной малюткой,
И кажется – все пули для неё…
Она, конечно, не узнает даже,
Что солнце есть, что есть какой-то мир,
А в мире – жизнь. И что её однажды
Свёл случай с этим миром и людьми.
Но я-то, я-то прожила довольно,
Но я-то знаю прелесть бытия…
И более всего я тем довольна,
Что эта крошка–девочка – М о я!
Как я хочу, чтоб дети жили долго,
Чтоб были свежих красок дни полны…
И нет сейчас первостепенней долга
Сберечь детей от подлости войны.

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

На Весенней улице
осень,
И в душе моей горит
осень,
По тебе она – моя
осень,
Я тебя люблю, люблю
очень!
О тебе недобрая
слава,
Но я знаю, ты такой
славный.
А меня не замечаешь,
словно
Для меня не знаешь ты
слова.
Для меня не знаешь ты
взгляда,
Руки плечи не мои
гладят.
Не меня твои ласкают
губы.
Равнодушие твоё
губит.
На Весенней улице
дождик
И в душе моей слепой –
дождик
О тебе печаль – этот
дождик
Не могу тебя я ждать
дольше…

***

Грустно. И не пойму –
Настроение причиной или погода.
Голые ветви деревьев,
Воздух чуть засинел перед вечером.
Одиннадцатиэтажка.
Чаша фонтана.
Голуби беспечно разгуливают
На проезжей части,
Самец важно следует
За круглобокой голубкой.
Мощные резиновые лапы
бегут по асфальту.
Из-под самого колеса
Взмывает в воздух голубь.
Три чистых рыжих пера,
Прокружившись неровно,
Легко слетают к влажному асфальту.
Девочка с очень круглым лицом
И круглыми серыми глазами
Оторвалась от руки солидного мужчины.
Положила перо в карман
И, смутившись,

Кинулась догонять
Продолжавшего шествовать папу.
Мне 20 лет. Я не могу
Выбежать на середину дороги,
чтобы поднять перо…

// Комсомолец Кузбасса. – 1973. – 8 марта. – С. 3.

БЫТЬ ВНИМАТЕЛЬНЕЕ К СЛОВУ

При чтении хороших стихов всегда испытываешь радость, без всяких предисловий хочется поделиться ею с другими. Вот прочтите:

Десятый «а» корпел над сочинением.
Казалось, что не кончится урок.
Спокойно в эти вечера весенние
За партами никто сидеть не мог.
Прохладно пахло тополями талыми.
Глядела в класс тревожная луна…
А наша литераторша усталая
Так буднично стояла у окна.
Претензий не имели мы к Печорину,
Но в эти дни – уж как там
ни крутись –
Тянуло нас совсем в другую сторону,
От старых книг – в начавшуюся жизнь.
Где всё такое странное, не прежнее,
Где сердцем всем, росиночкой любой
Девчонки, как расцветшие подснежники,
Встречали настоящую любовь.
Поэтому писали мы рассеянно,
И помнится, что в тот далёкий час
Казалось нам, что Анна Алексеевна
Впервые в жизни знает меньше нас.

Обратите внимание, как ладно скроено и крепко сшито это стихотворение, как строго продумано в нём всё от начала до конца и как поэтично, образно, говорится о таком, казалось бы, весьма прозаическом предмете, как школьный урок. И заметьте при этом, что стихотворение не просто наводит на размышления, а воздействует на нас главным образом эмоционально. Лишний раз убеждаешься, что основная суть поэзии – эмоции, чувства. Все эти строки пронизывает светлое весеннее настроение, и такой грустно-щемящей ноткой звучат в нём слова об усталой, видимо, уже немолодой учительнице литературы, для которой первое зрелое открытие мира, первая тревожная любовь – уже далёкое прошлое… Немногими словами – *«Так буднично стояла у окна»* – об Анне Алексеевне сказано очень много. И недаром, счастливым, не скрывающим своё счастье десятиклассникам кажется, что о чём-то важном в жизни она, их «литераторша», в эти минуты знает гораздо меньше, чем они, стоящие на пороге в большую жизнь, познавшие уже настоящую, а не только книжную, любовь.

О стихотворении можно говорить очень пространно, но лучше ещё раз прочесть его.

Вот что сообщает о себе автор стихотворения Любовь Тюменцева из посёлка Белогорск Тисульского района: «Мне 22 года, в 1967 году я закончила среднюю школу. Писать стихи начала в 1965 году, и в общем-то почти все мои стихи написаны в 1965-67 гг. В 1963 году мои стихи были опубликованы в пионерском журнале «Костёр», за них мне даже прислали приз – книги. Но в детском возрасте мной было написано всего несколько стихотворений. А с 1965 года – это уже серьёзно. Сейчас пишу стихи редко. Несколько раз их публиковали в районной газете «Новая жизнь». Начала писать прозу, главным образом рассказы».

Вполне закономерно, что стихи Любови Тюменцевой были опубликованы. И приходится только пожалеть, что сейчас она перешла или постепенно переходит с поэзии на прозу. Не рановато ли? Другое дело, когда «лета к суровой прозе клонят». А двадцать два года… – это же самый «поэтический» возраст! Конечно, дело, как говорится, хозяйское, но хотелось бы напомнить Любе, что поэт она одарённый…

«Дорогая редакция! Посылаю вам несколько своих стихотворений и прошу дать о них отзыв. Кое-какие недостатки я вижу сам, но мне нужно мнение специалиста. Готового рецепта, как писать, я не прошу, даже если бы он и существовал, я хочу знать свои ошибки», – с таким письмом обратился к нам Сергей Владов из Междуреченска. Из этого письма видно, что Сергей намерен заниматься поэзией серьёзно, во всяком случае понимание у него правильное – настоящее творчество немыслимо в рамках какого-либо рецепта… Попробуем удовлетворить просьбу автора – указать на ошибки в присланных стихах.

Глаз полумрак осенний,
Губы облиты зарёй…
Я – не Сергей Есенин,
И выпита ты не мной.
Жизнь – это цепь ошибок,
Названных нашей судьбой.
Не надо рекламных улыбок,
Будь лучше просто собой.
Тебя покидаю… Грустью
Окутан был этот вечер.
Может, к тебе не вернусь я…
Может последняя встреча…

Хотя здесь и делается оговорка, что «Я – не Сергей Есенин», но написано это, как нам кажется, под впечатлением от стихов именно этого поэта. О сути стихотворения можно лишь строить предположения: вероятно, что любимая девушка обманула в чём-то лирического героя, он понимает, что ошибся, когда-то поверив ей, однако нельзя же, исходя из частного случая, делать такое широкое обобщение: «Жизнь – это цепь ошибок, названных нашей судьбой»…

Итак, какие же ошибки в стихах Сергея Владова? Прежде всего – неумение просто и ясно излагать свои мысли. Второе – незрелость размышлений. И, наконец, третье – отдельные стилистические недостатки вроде *«Тебя покидаю… Окутан был…».* Должно быть что-то одно: или «Тебя покидал…», «Окутан был», или

«Тебя покидаю… окутан» без «был». Короче говоря, должно быть одно время – прошедшее или настоящее. Вывод из критических замечаний напрашивается такой: Сергею Владову предстоит много работать над устранением в своих стихах самых элементарных погрешностей.

Эти только что сказанные слова можно адресовать и девятнадцатилетнему кемеровчанину С. Иванову, приславшему нам подборку своих лирических стихотворений. Познакомимся с самым первым из них. Автор сравнивает лирического героя с кораблём, он пишет: *«Появляюсь я больной и оборванный, как корабль, истерзанный штормами, как водою, затоплен невзгодами. Всё, что цело – пропитано одами».*

И далее образ корабля варьируется в десяти строках.

Каждая метафора, каждый образ должны подразумевать что-то реалистическое, правдоподобное. А здесь *«оборванный», «истерзанный»* настолько загадочны, что невозможно понять: что имеет в виду автор? В его стихах реальное – трюм, паруса, волны – никак не связано с условным, с тем, например, что можно назвать превратностями судьбы, через которые суждено пройти лирическому герою, потому что *«оборванный»* имеет определённый, конкретный смысл – лохмотья одежды. Много в стихотворении случайных, необязательных строк, например: *«Всё, что цело – пропитано одами»*. Ни к селу, ни к городу здесь эти *«оды»*, только для рифмы с *«невзгодами»*. *«Вновь увидят мои паруса»*, – пишет автор. Если говорить фигурально, то паруса могут чувствовать, а не видеть *«ласку ветра»*. Весьма произвольна строфика этой вещи, так же, как и рифмовка.

Пусть только С. Иванов не поймёт нас так, что мы вообще ставим крест на его стихах. Расстраиваться и тем более бросать писать не следует. Просто надо более серьёзно и вдумчиво относиться к своим литературным занятиям, не допускать чисто механического словоизлияния. В других стихах С. Иванова встречаются отдельные строчки, которые, прямо скажем, обнадёживают.

«Была бы очень признательна, если бы получила рецензию на это стихотворение», – обращается к нам учащаяся Мариинского педагогического училища Наталья Уварова. Речь идёт о стихотворении «Я голосую за русский фильм»: стихотворение это явно публицистическое, а поэтическую публицистику можно только приветствовать. Очевидно, у Натальи Уваровой есть наклонность к стихам такого рода, и её надо развивать, совершенствовать. Патриотические чувства поэты разных направлений выражают не только в стихах о родной природе, а и в прямых стихотворных декларациях. В данном случае – откровенная гордость автора русским, т. е. советским искусством; оно действительно гораздо выше многих зарубежных киноподелок.

Вместе с этим нельзя не отметить, что технически стихотворение Натальи Уваровой выполнено весьма слабо. Оно во многом выиграло бы, будь более чеканным по ритму, имей более точные рифмы, чем эти: *«России – шире, теми – серий, жизнь – фильм»* (это, собственно, и не рифмы).

Прокопчанка Римма Ковалёва, посылая подборку стихов о любви, просит «результаты опубликовать под рубрикой «Факультет молодого литератора».

Самое лучшее, на наш взгляд, в подборке следующее стихотворение:

Серые осенние недели
Тянутся, как скучные года.
Кажется мне часто: в самом деле
Не любил меня ты никогда.
Если и когда-то что-то было,
Всё теперь забыл ты навсегда.

У меня лишь сердце не остыло,
Может, не остынет никогда.
Ну, а если всё-таки остынет –
Перестану по ночам страдать.
Постараюсь прошлое отныне
С лёгкой грустью в сердце вспоминать.

Естественность разговорных интонаций – вот, пожалуй, единственное достоинство этого стихотворения. И в смысле рифм и ритма оно сделано неплохо, но есть здесь какая-то лёгкость решения темы и даже не простота, а простоватость. Стихотворению не хватает глубины, накала чувств, который должен нас волновать – ведь речь-то не о чём-нибудь, о любви!

Встречаются и частные недостатки. Фраза *«в самом деле»* предполагает подтверждение уже ранее высказанной мысли, чего в тексте нет. Например: мне давно казалось, что не любил ты меня, теперь я в самом деле убедилась в этом.

Владеет стихотворной формой новокузнечанка В. Маринина, однако словесных неточностей в её стихах очень много. В своём небольшом стихотворении «Чудак» В. Маринина избрала сложную форму с дактилической рифмой (с ударением на третьем от конца строчки слоге) и в общем-то справилась с этим, если говорить лишь о технике стихосложения. Что касается содержания, то оно оставляет очень бледное впечатление, и причиной тому – неумение автора находить самые точные слова.

В первом четверостишии, где чудак-ветер *«поснимал шапки у сосенок, колобком прокатился по просеке»*, всё ясно. Уже во втором явной натяжкой является бросок к луне *калёных (?) ветвей: «Снег сыпучий и ветви калёные – он швырнул всё луне»*. И заканчивается стихотворение ничего конкретного не вызывающими в воображении *«ласками невесты»* – берёзы.

Молодым стихотворцам надо быть очень внимательными к языку, к слову – к основному «строительному материалу» произведения. Иначе создаются не прочные, а хрупкие стихотворные конструкции, своего рода карточные домики, которые рассыпаются от самого лёгкого прикосновения к ним.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1973. – 29 марта. – С. 4.

ВЕСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Весна… С каждым днём всё раньше заглядывает она к нам в окна алой зорькой, всё выше поднимается по лёгкому голубому небосводу солнце, щедро обливая тёплым светом просторы земли.

Любого из нас волнует это прекрасное время года, время обновления и расцвета не только природы, но и наших чувств. Вдвойне волнует весенняя пора тех, кто любит поэзию и пробует писать сам. Именно весна диктует им сейчас взволнованные, возвышенные строчки о любви, о добрых надеждах.

Своё весеннее настроение беловчанин Леонид Торгаев попытался передать в небольшом по объёму стихотворении, которое так и назвал – «Весеннее»:

Опять в природе первозданный хаос,
Как некий обязательный обряд, –
И птицы, от восторга задыхаясь,
Мир просветлевший песнями дарят.
Рванутся годы, словно по кингстонам,
И станет мир пронзителен и рыж…
И с лёгким звоном, будто бы со стоном,
Срываются сосульки с талых крыш.
И запахам, и краскам чутко внемля,
Я вижу, славя эту ширь и высь,
Как, напоив измученную землю,
Снег умирает, продолжая жизнь…

О весне, о лете, об осени, о зиме писали и пишут многие, и очень часто такие стихи в каких-то деталях похожи, они как бы повторяют друг друга, точнее говоря, не открывают ничего нового. В данном стихотворении мы видим новый подход к теме и её решению. Интересна мысль в заключительной строчке: *«Снег умирает, продолжая жизнь».* Мысль не только интересная, но и значительная: да, снег умирает, но жизнь его продолжается – сперва в ручейках, а потом – в реках, в их половодье. Здесь налицо серьёзное раздумье о явлениях природы, которое свойственно поэтически одарённым людям. Но безупречным стихотворение назвать, к сожалению, нельзя. Ничего не скажешь, хорошо срифмовано: *рыж – крыш.* Но как раз рифма и подвела автора, который непродуманно написал: *«И станет мир пронзителен и рыж».* Так можно бы написать не о весне, а скорее об осени. Разве весна – торжество «рыжих» красок? Разве не зелень и голубизна – основные её цвета? Ничем не оправданным представляется нам эпитет *«измученная»* по отношению к земле. Снега, метели заметали её, заковывали морозом, но это не было для неё тем, что принято называть мучением. Измученная земля – это всего скорее та, которая на протяжении многих дней была палима беспощадным летним зноем в пору засухи.

Вообще-то, Леонид Торгаев, автор, безусловно, способный, чуток к слову, умеет выбирать из многих самое нужное, но в данном случае ему изменил вкус, а, может быть, он поторопился с «сезонным» стихотворением и допустил такую небрежность, что для него непростительно. И ещё одна описка (тоже, видимо, результат торопливости): *«Мир просветлевший песнями дарят».* Оборот речи не совсем грамотный. Дарят – кому-то. В данном случае точнее было бы сказать «одаривают». Частные, но досадные погрешности, которые очень портят хорошее в целом стихотворение.

Образные находки встречаются в стихотворении новокузнечанина С. Бокарева, строфы с этими находками мы и процитируем (речь о первом месяце весны – о марте):

Снег шапками висит на ветках,
Ковром покрыл поля, луга –
Недаром март пошёл в разведку
В глубокий тыл зимы-врага.
Ему идти путём неблизким.
А вот инструкция весны:
Чтоб избежать большого риска,
Держаться южной стороны!
Он шёл вперёд с теплом и светом,
А где следы его легли,
В честь доброй памяти об этом
Подснежники там расцвели…

Всё стихотворение украшает очень удачная строка: *«Держаться южной стороны!»*. Хорошо сказано. Правда, в начале стихотворения не совсем к месту употреблено слово *«недаром»*. Не в тот по смыслу контекст оно вставлено. Следовало, наверно, поискать другое слово и вместо *«большого»* (риска), дело ведь не в том, большой или малый это риск – быть обнаруженным зимой. Вернее было бы тут обойтись без всякого эпитета (чтоб избежать риска). Корява по своему звучанию последняя строка: *«Подснежники там расцвели».*

Тамара Светова из Юрги обратилась к нам с таким письмом: «Мне – 19. Много для начинающего. Я хочу узнать – есть ли хоть что-то в моих стихах, что даст мне надежду писать когда-нибудь стоящее?» Да, есть. В этом легко убедиться, прочитав восьмистрочное стихотворение, посвящённое сестрёнке:

Проснись! Смотри – зевают почки,
Берёза тянется во сне.
Скворцы до всхода солнца срочно
Разучивают гимн весне.
Успеешь выспаться! Не вздумай,
Сердито глянув, лезть в постель.
Сегодня быть нельзя угрюмой.
Апрель! Ты чувствуешь? Апрель!

Для передачи весеннего чувства взят самый традиционный размер – четырёхстопный ямб, а кажется, что стихотворение написано весёлым хореем – столько в нём жизнерадостности, задора. Необычно сказано о распускающихся на берёзе почках *(«зевают»)*, это живое, необычное выражение сразу же обращает на себя внимание.

Разумеется, как всякий начинающий автор, Тамара не обходится без ошибок. В этой же строфе – два неудачных слова: *«до всхода»* (вместо до восхода) и *«срочно»*, подразумевающее «спешно», «дружно» и т. п.

Весна – это пора любви, поэтому так естественно, закономерно в подборку стихов о весне Тамара Светова включила коротенькое стихотворение «Я люблю».

Радостно, что среди способных авторов открыли мы теперь для себя и Тамару Светову. Лично я верю в то, что в недалёком будущем она научится писать настоящие стихи.

Большую подборку прислала кемеровчанка Лидия Дубинина, и, пожалуй, самое лучшее здесь – стихотворение о весне.

Гимном весне, конечно, это стихотворение не назовёшь. Это просто обычная пейзажная зарисовка, несколько даже прозаичная, в которой более или менее поэтично звучит лишь последняя строфа:

Через неделю на лесных опушках
Подснежник глаз раскроет голубой,
И оторвавшись от земной подушки,
Сверкнёт приветно маленькой звездой…

Лида сообщает, что давно задумала большую вещь – поэму, и в связи с этим спрашивает: могут ли быть отдельные главы написаны разными размерами? Могут, конечно, это зависит от содержания глав. Однако в пределах одного небольшого стихотворения размер надо по возможности выдерживать один, чтобы не нарушать в нём ритмическую цельность. Судя по большинству стихотворений, с которыми нам удалось познакомиться, Лиде Дубининой за поэму браться ещё рановато, надо оттачивать мысли, форму на коротких стихах – на них легче сосредоточиться.

Не справился со своей задачей – написать хорошее весеннее стихотворение – Вячеслав Букалов из Осинников. В замысле у него, наверно, было что-то заветное, а вот исполнение не удалось. Нет смысла приводить стихотворение целиком. Попробуем остановиться на бросающихся в глаза недостатках.

Рифмы подбирать автор немного умеет, а с ритмом пока не в ладах. Но главная беда в другом: неумении чётко и ясно выражать свои мысли, в случайном подборе слов и выражений. В первых же строчках – туманность: *«Где-то загрустил мальчуган, а во всём виновата капель»*. Что за мальчуган загрустил, почему виновата в этом капель? Дальше говорится, что *«оживут деревья вот-вот»* (значит, они ещё безжизненны, «голые»), но чуть ниже утверждается обратное: *«зелень уже в хороводе»*. Хороводом можно считать зелёные деревья. Как же тогда связать одно с другим? Непонятно также, какой именно *«званный обед»* имеется в виду: *«Раз подснежник кинул букет, к солнцу в разудалый простор, выходи на званный обед…»*. Короче говоря, тут «смешались кони, люди». Непродуманное и путанное стихотворение.

В сравнении с этими строчками гораздо лучше написанным выглядит стихотворение Виталия Веретенникова из Мариинска, называется оно «Пашня»:

Я пашу свою пашню, словно книгу
листаю.
Каждый пласт – это лист…
И когда я пашу,
То на первой странице отцово читаю,
На второй, на пустой я для сына пишу.
Пишет скупо отец, пишет
каплями крови:
– Ты её береги, не отдай никому. –
И ещё добавляет он этого кроме:
– По-хозяйски владей ей, землёй –
по уму.
Пусть не тупится твой полированный лемех.
Пусть на ней никогда не растут сорняки.
Я её добывал, как подсказывал Ленин.
Из обреза стреляли в меня кулаки…
Прилетают на пашню скворчиные стаи,
Бродят между страниц, червяков теребя…
То, что сыну пишу, пусть он сам прочитает,
Когда книгу сумеет открыть для себя.

Сразу же отметим, что по форме стихотворение написано довольно опытной рукой. Режет слух только одна стилистическая накладка – инверсия в строке: *«И ещё добавляет он этого кроме»*. Впрочем, главное в стихотворении – образ пашни, ассоциирующийся с чистым листом бумаги, на котором появилось это стихотворение. И приходится пожалеть, что аллегория эта получилась несколько неясной, неотчётливо выраженной. Трудно провести черту между собственно пашней, как таковой, и писательским трудом – между землепашцем и творцом слова.

Замысел у Виталия Веретенникова был глубоко символическим, а точно воплотить его в нужную форму автор до конца не сумел. Этот факт лишний раз доказывает, как важно видеть в воображении всю вещь до того, как положишь перед собой чистый лист бумаги…

Закончим эту статью тем же, с чего её начали. Идёт весна, идёт и диктует авторам свои мысли и чувства. Пусть несколько патетично, но с искренним восторгом откликнулся на её приход А. Прокопьев из посёлка Тисуль:

Опять деньки весенние.
Опять душа полна
Чудесным настроением.
Да здравствует весна!
И ветер налетающий
Насвистывает нам:
С весною вас, товарищи!
Да здравствует весна!

Добавим к этому призыву от себя: да здравствует весна – в природе, в стихах, в сердце каждого человека!

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1973. – 26 апреля. – С. 4.

«И НЕ ТОЛЬКО РАДОСТЬ…»

В редакционной почте нередки письма со стихами. Начинающие авторы шлют свои стихотворные строки в газету с разными целями: одни ждут обстоятельной рецензии на свои творческие опыты, хотят получить квалифицированный отзыв, другие уверены, что их стихи незамедлительно будут опубликованы.

Многие ныне известные поэты начинали свой литературный путь с газетной страницы. Среди писателей-кузбассовцев немало людей, впервые увидевших своё произведение напечатанным в «Комсомольце Кузбасса».

Эту добрую традицию газета старается поддерживать. Под рубрикой «Факультет молодого литератора» публикуются регулярно советы начинающим, делается разбор стихов, присланных в редакцию. Поэтому предельно внимательно вчитываемся мы в строки каждого письма, начинающегося словами: «Дорогая редакция, посылаю вам свои стихи…».

Интересным письмом сопроводила подборку стихов кемеровчанка Лиза Боргест. Вот выдержки из него, отнеситесь к ним повнимательнее: «…предыдущие ваши замечания явно пошли мне на пользу. Если я и не стала лучше писать, то понимать стихи стала куда глубже. Научилась не только читать их, но и разбирать, видеть в них то, что прежде ускользало, по-новому воспринимать поэзию… Не знаю, насколько серьёзно я отношусь к своим стихам, но писать их для меня теперь не только удовольствие и радость, но и трудность. Иногда я много раз переделываю что-нибудь, а иногда и после всех переделок чувствуешь, что не смог выразить того, что хотел. Я это говорю не для того, чтобы подчеркнуть своё трудолюбие, просто так оно и есть, и, наверное, это вполне естественно…»

Недаром мы вынесли в заголовок статьи слова из этого письма. Когда начинаешь глубже разбираться в поэзии, в «секретах» её мастерства, то писание стихов становится не только радостью, но и трудной работой. Трудной потому, что, как говорит Лиза, приходится по нескольку раз переделывать одну и ту же строчку, фразу, искать наилучший вариант выражения той или иной мысли. Совершенно легко пишется лишь тем молодым стихотворцам, которые ещё не понимают всей сложности поэтического труда. Да, к правильному выводу пришла Лиза: тщательная, кропотливая работа над каждой строчкой, над поиском единственно верного, точного слова, эпитета, сравнения – это вполне естественно. Иного пути в литературном труде нет и быть не может.

Мы не имеем возможности разобрать все стихи Лизы Боргест, остановимся на одном стихотворении, достоинства и недостатки которого характерны и для других её вещей. Вот это стихотворение:

Я люблю сквозь мутное стекло
На дорогу серую глядеть,
Чтоб восток зарёю обожгло,
И автобус сонно стал гудеть.
И рождает смутную печаль
Простенький пейзажик за окном,
И скользит в сиреневую даль,
Чтобы стать бесконтурным пятном.
Вьётся по дороге шинный след,
Только не вернуться им назад
В этот ускользающий рассвет,
Где в туманной дымке сосны спят.

Наличие подлинного чувства в этом стихотворении несомненно. «А чувство, – говорил Белинский, – есть один из главнейших деятелей поэтической натуры; без чувства нет ни поэта, ни поэзии». Лирическая героиня стихотворения смотрит в утреннее окно, у неё несколько грустное, даже меланхолическое настроение. Оно почему-то так дорого сердцу, что хочется подольше держать это настроение, но улица уже оживает, всё там движется, каждая минута становится прошедшим, и не вернуть это дорогое мгновение назад…

Так воспринимается это коротенькое стихотворение. Оно не оставляет нас равнодушными, потому что выражает не только что-то личное, но и общечеловеческое.

При всё при этом стихотворение не доработано до конца. Обратимся к отдельным строчкам. «И скользит в сиреневую даль, чтобы стать бесконтурным пятном». Ближайшее существительное перед этим – «пейзажик», и получается, что скользит, уходит вдаль именно он, а ведь автор имел в виду совсем другое – автобус, а не пейзаж. От смещения понятий нарушается логическое развитие мысли. И ещё: «Только не вернуться им назад». Возникает вопрос: кому – им? Ведь выше говорится просто о шинном следе. Опять неточность, «туманная дымка».

Коротка приписка к стихам, сделанная Виктором Изотовым из Юрги: «Посылаю вам свои стихи в надежде услышать критический отзыв о них».

Охотно выполняем это желание автора. Первая по счёту вещь «Родился на свет человек», написанная белым, нерифмованным стихом, производит не очень сильное впечатление, но и в ней, несмотря на отсутствие рифмовки, обращает на себя внимание концовка: «И грудь в неокрепших ручках ядром всех

миров была». Крепка концовка и третьего стихотворения: «На деда очень походить желаю: не только внешне, сердцем походить» (начало стихотворения – о том, что внук весь в деда, очень хорошего человека). Но это стихотворение многими интонациями напоминает стихотворение Виктора Баянова про дедушку Игната, поэтому кажется несамостоятельным. Чтобы иметь более полное представление о Викторе Изотове, приведём целиком одно из его стихотворений:

Старик показывал медали
Вдруг приутихшим сорванцам.
И те как будто старше стали,
Всё понимали до конца.
Как будто были вместе с дедом
На тех дорогах фронтовых,
Где он с боями шёл к победе, –
Так суровели лица их.
Без объяснений взрослых знали,
Что может дать и взять война;
Вся грудь у дедушки в медалях,
А вот нога – всего одна.

Задатки поэтического таланта проявляются по-разному. Одной из особенностей их является умение находить сильные заключительные строчки. Этим счастливым качеством, как вы уже, наверно, заметили, обладает Виктор Изотов. Его стихи можно назвать органически целостными.

В процитированном выше стихотворении лишь одно место кажется нам спорным, что ребята «без объяснений взрослых знали, что может дать и взять война». Это вряд ли верно по мысли. Именно от взрослых, да ещё из книг о войне, которые пишутся тоже взрослыми, узнают дети, что такое война, фронт, победы и поражения. Надо Виктору Изотову ещё подумать над этими строчками, переделать их, и тогда получится очень хорошее стихотворение, достоинство которого и в таком немаловажном качестве, как ёмкость содержания, немногословие.

«Мне уже 19 лет, – пишет в редакцию кемеровчанка Наташа Паназян, – и поэтому я отношусь к своему творчеству серьёзно, хотя вижу отсутствие мастерства в своих стихах. Это меня очень огорчает. Посоветуйте мне, как лучше избежать ошибок. Дайте анализ тем стихотворениям, которые я вам высылаю».

Действительно, мастерства стихам Наташи не хватает, но серьёзность отношения к ним со стороны автора явно ощущается.

Это подтверждается стихотворением «Когда бы каждый юноша был смел». В этом стихотворении хорошо то, что оно пронизано одной идеей – непримиримостью ко всякому злу на земле, жаждой видеть мир светлым, а людей – благородными, гармонично развитыми личностями. Недостатки же здесь чисто технического характера. Неблагозвучны, например, словосочетания «или б», это звучит, словно какое-то одно непонятное слово. Не очень чётко выражена мысль в третьем четверостишии («когда б никто спокойно жить не мог, или б уют свой невзлюбили люди, непройденных осталось бы дорог куда бы меньше, чем ещё их будет»).

Второе стихотворение Наташи Паназян по мыслям повторяет первое (та же ненависть к злу и подлости), а третье, которое хочется предложить вашему вниманию, – на тему войны, и не только на эту тему:

Я мальчишке рисовала
Танки и солдат,
Я мальчишке рисовала
Чёрный автомат.
Я матросов рисовала
С связками гранат.
И матросов я бросала
Под свинцовый град.
Я мальчишке рисовала
Весь в крови бушлат.
Я мальчишке рисовала:
Умирал солдат.
Зачеркнул он стрелочкой
Всё в рисунке том:
– Нарисуй мне девочку
С голубым бантом!

Выше мы говорили, что это не только о войне – это и о детской душе, которая хочет видеть мир не в крови и огне, а в свете солнца, чтобы торжествовал в этом мире не окровавленный матросский бушлат, а голубой бант смеющейся от радости и счастья девочки.

Нетрудно обнаружить в этом стихотворении его достоинства и недостатки – они все на виду.

Часто перебои в ритме вызывают при чтении досадное чувство, а в данном случае то, что последняя строфа несколько меняет ритмический строй всей вещи, представляется вполне оправданным – ведь меняется не только размер, а душевное состояние героев: смотрел, смотрел мальчишка на танки, солдат, связки гранат, и вдруг захотелось ему увидеть на бумаге совсем другое! Стихотворение можно было бы считать законченным, если бы не последняя строчка с неправильным ударением в слове «бантом», неудачное сочетание слов «с связками гранат». Правильнее – со связками.

Все, о ком мы говорили, относятся к своим стихам уважительно, с полной серьёзностью. Но встречается – и довольно часто – совершенно другое отношение, о чём свидетельствуют сами же авторские письма и приписки. Вот один из примеров: «После долгих колебаний я всё же решился послать на ваш суд мои, как и назвать не знаю, или стихи, или стихотворения. Благо, что существует в вашей газете «Факультет молодого литератора». Мне хочется знать, есть ли в моих мараниях хотя бы частица поэзии», – так пишет нам беловчанин Михаил Гранин.

Не знаешь, как и расценивать подобную самоаттестацию – «в моих мараниях». Хорошо, если бы это было обыкновенной недооценкой своих стихов, застенчивостью. А что, если автор и не ставит перед собой большей цели?

Однако обратимся непосредственно к стихам Михаила Гранина. По содержанию они кое в чём интересны (например, стихотворение о матери, которая печалится о разлетевшихся по свету детях), по форме довольно умелые (ритм выдержан, рифмы приличные). «Частица поэзии» в этих стихах есть. Но необходимо Михаилу Гранину избавляться от подражательности. В неплохом лирическом стихотворении, обращённом к любимой, которая вернулась с южного курорта, многие строчки написаны явно под Есенина, например: «Знаешь что, расскажи мне о юге, я же буду внимательно тих, как нежны твои тонкие руки с этим нежным загаром на них», «Может быть, и меня потянет в край далёкий с нездешней тоской, если голос твой в душу мне вранит прелесть юга и свежесть, и зной». Тут прямые отголоски чисто есенинских неповторимых интонаций, даже схожие с ним словообразования («вранит»).

Хочется пожелать Михаилу Гранину не смотреть на свои литературные занятия, как на бумагомарание, научиться самостоятельно мыслить, никому не подражая, и тогда он может надеяться на успехи в этом нелёгком деле, исключающем лёгкое отношение к нему. Пусть и для Михаила Гранина, как и для всех начинающих писать, работа над стихами станет не только удовольствием и радостью, но и трудностью.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1973. – 5 мая. – С. 3.

С ВЕРОЙ В СЕБЯ…

Более десяти стихотворений прислала в редакцию кемеровчанка Лида Дубинина. В сопроводительном письме она пишет: *«Я знаю, что рано или поздно, но я стану писать настоящие стихи. Потому что они всегда живут во мне. Может, вам смешно читать такое, но это не глупая самоуверенность. Иногда делаю что-нибудь, а в голове красивые слова в строфы складываются… А сколько трудностей переживёшь, прежде чем родится то, что было дорого, что передаёт чувство! Но чем труднее даётся стихотворение, тем больше радость от удачи… Значит, я буду писать. Я в это верю, хотя и бывают сомнения».*

Приятно читать такие письма. Приятно, во-первых, потому, что среди многих пишущих стихи находится немало авторов, которые, подобно Лиде Дубининой, относятся к литературным занятиям с полной серьёзностью, с большой душевной отдачей и – главное – с верой в себя, в свои силы. Без этой веры лучше не брать в руки перо.

Лида Дубинина просит помочь ей разобраться, что в её стихах хорошо, а что плохо. Хорошо, прежде всего, то, что она не ограничивает себя узким личным мирком, а пытается мыслить широко, писать на самые разнообразные темы, представляющие общественный интерес. Однако надо помнить, что даже верно найденная тема не спасёт слабого стихотворения. Доказательством этого может служить стихотворение:

Давно война окончилась, давно
В неё играют шустрые мальчишки.
Она живёт, пожалуй, лишь в кино,
В сердцах людей и в разных книжках.
Я родилась, как многие, потом,
И всё ж её видала наяву:
Земля взметнулась чёрным вверх
столбом,
Подняв от взрыва сочную траву.

И всё случившееся – словно бред,
Беда до сердца не доходит толком.
Но моего соседа больше нет.
Погиб нелепо пятилетний Вовка.
. . . . . .
Его сейчас рыдает горько мать
И часто будет повторять она:
– Зачем посмела сына ты отнять,
Прошедшая давным-давно война.

Да, много уже лет над нашей страной сияет мирное чистое небо, но вспаханная войной земля всё ещё таит в себе опасность – неразорвавшиеся снаряды и мины, от которых может случайно погибнуть играющий где-нибудь на лугу ребёнок. Хорошо сказано у одного из кузбасских поэтов: умер бывший фронтовик, но нет, не умер он, а погиб от осколков, оставшихся в теле… Война – величайшее зло, и никогда эта тема не перестанет волновать людей. Не оставляет нас равнодушными и стихотворение Лиды Дубининой. Однако значительное по содержанию, по форме оно совсем не безупречно, больше того – местами весьма неумелое. Остановимся на некоторых строчках, тем более что ошибки автора характерны для многих начинающих.

«В неё играют шустрые мальчишки». «Лишь», которое мы находим в следующей строке, по смыслу необходимо было вставить именно в строку о мальчишках: *«в неё лишь играют»* и далее по тексту. Слишком легковесен эпитет *«в разных»* по отношению к военным мемуарам, к повестям, романам, рассказам и поэмам о войне. Со строки *«И всё ж её видала наяву»* начинается совершенно другой размер стиха, нежели в первом четверостишии. Подобный, ничем не оправданный перебой в ритме вызывает досаду, он – от недостатка опыта, мастерства. Неловкая инверсия – расстановка слов – в строке: *«Его сейчас рыдает горько мать»*. Слово *«его»* должно стоять рядом со словом *«мать»*. Аналогичная неловкость в строке *«Земля взметнулась чёрным вверх столбом».*

Бросающимся в глаза недостатком некоторых других стихов является их подражательность. Про старую избу, например, сказано: *«И стоишь ты, сгорбившись, в сторонке, тепля в каждом брёвнышке мечты».* Невольно вспоминается есенинское: *«Тепля матери старой грусть».* Это даже и не подражательность, а полная зависимость от интонаций и даже словаря Есенина, которого Лида Дубинина, чувствуется, очень любит (недаром у неё есть отдельное, посвящённое ему стихотворение).

Итак, Лиде Дубининой писать стихи, конечно, стоит, но надо ей обратить самое серьёзное внимание на технику стихосложения, развивать в себе чувство лада и склада стихотворной строки и как можно решительней избавляться от невольного, может быть, влияния других поэтов, искать свои темы, свои образы, эпитеты, слова.

«Уважаемая редакция! Пишу я вам первый раз. Я решила послать вам свои стихотворения, которые писать я начала уже давно. О том, какие мои стихотворения, мне очень бы хотелось узнать от вас», – это из письма семнадцатилетней прокопчанки Нади Кореняко, которая прислала тоже, как и Лида Дубинина, несколько своих стихотворений. По форме они так же далеки от совершенства – малосозвучные рифмы, переменчивый, неровный ритм, – но есть у Нади стихотворение, свидетельствующее о поэтическом мышлении автора. Приводя часть этого стихотворения, мы хотели бы обратить ваше внимание именно на этот факт – на способность Нади мыслить образно, поэтично:

Может, весна загадочна,
И зимнею сонной порой
Где-то в лесу запрячется,
Там, где тепло ей зимой.
И под листвою опавшею
Снятся, надежды полны,
Ей её лёгкие, светлые,
Зелёные, добрые сны…

Может, весна мечтательна,
И за морем синим живёт,
Ждёт, когда обязательно
В сердце май зацветёт.
И на волнах на быстрых,
Как парус, и бел, и свеж,
Весна торопливо примчится
Радостной вестью для всех…

Хочется посоветовать Наде: будьте экономней в словах, старайтесь выражать ту или иную мысль сжато, ёмко. Стихотворение о весне мы сократили вдвое, оно очень многословно, растянуто, в нём нет необходимой иногда недосказанности, которая позволяет самому читателю дорисовать что-то своим воображением, фантазией.

Процитированное стихотворение самое лучшее по внутренней сути, по чувству, мысли, остальные стихи Нади, к сожалению, намного слабее, говорить о них подробно не имеет смысла.

Новокузнечанин Сергей Бокарев просит извинить, если его стихотворение не заслужит внимания редакции. Извинение это напрасное, потому что стихотворение написал он неплохое. Давайте вместе почитаем его:

Он не ходил в атаку с автоматом,
Под Сталинградом насмерть не стоял,
Но Родина звала его солдатом,
И это звание он оправдал!
Он, как и многие солдаты тыла,
Для фронта сталь мартеновскую лил,
Крепка она была, в бою не стыла –
Её своим он потом закалил.
Он не ходил в атаку с автоматом,
Но стал бойцом шахтёрскою судьбой,
И с сорок первого по сорок пятый
Не покидал горняк родной забой.

Он не ходил в атаку с автоматом,
Не пробовал горячего свинца,
Но всё равно парнишка был солдатом,
Встав у станка за брата иль отца!
Он не ходил в атаку с автоматом,
Не брал в бою большие города,
Но был не машинистом, а солдатом,
Когда водил по трассам поезда!
Он не ходил в атаку с автоматом
Под знаменем победным впереди,
Но нынче те же ордена солдата
Отчизна видит на его груди!

Что привлекает в этом стихотворении? В первую очередь, найденная удачно для его начала строчка, которая не случайно стала рефреном, проходящим через всю вещь. Задачу автор поставил перед собой, прямо скажем, нелёгкую – показать читателю героев тыла, сталевара, шахтёра, рабочего, машиниста паровоза, начиная рассказ о каждом из них этой строкой. Техническая трудность здесь заключается в том, чтобы найти подходящие по смыслу рифмы к словам *«с автоматом»*. Не везде она преодолена, но наполовину со своей задачей Сергей Бокарев справился, наполовину потому, что всё-таки четырежды повторил одну и ту же рифму – *«солдатом», «солдата».* Поработать бы над этим стихотворением подольше – может быть, удалось бы избежать такого однообразия в рифмовке, тогда бы строфы звучали крепче и выглядели бы изобретательнее. Кроме высказанного выше замечания, автору полезно выслушать, к примеру, и такое: в начале второго четверостишия он допустил неблагозвучное словосочетание *«солдаты тыла»* – читается это как *«тытыла»*. Недаром большие мастера говорят: надо проверять каждое слово на вкус. В данном случае налицо словесная безвкусица, которая портит хорошее в целом стихотворение. И ещё: неловко построена фраза в строке: *«но стал бойцом шахтёрскою судьбой».* Надо было подумать и над ней, и над явно слабой строкой *«Крепка она была, в бою не стыла»* (о стали).

Нередко случается так, что пишущий стихи гораздо лучше, поэтичней выражает себя в прозе. Вот, скажем, письмо десятиклассницы Оли Заозёрной из Междуреченска. *«Обращаюсь к вам с вопросом: можно ли то, что я пишу, назвать стихами, похоже ли это на стихи? Бывают ли они такими? Я так люблю поэзию, вернее, я живу поэзией, никак не могу удержаться, чтобы не попробовать писать самой… Читаю стихи часто и много, и всегда, когда бы я ни читала их, становится необъяснимо хорошо на душе. И хочется самой научиться создать это чудо, ну хоть крошечку, хоть самую малость!.. Хочется по-другому смотреть на мир; глубже, проникновеннее видеть, и собрать по росинке свою пригоршню воды и дать попробовать её людям. Может быть, это высокие слова? Но этому учат меня стихи».*

Не правда ли, эти строки письма – как стихотворение в прозе? Так о поэзии может говорить только действительно безмерно любящий её человек.

Есть что-то хорошее и в самих стихах Оли. Это прежде всего то, что она в них старается выражать мысли и чувства при помощи образов, так, чтобы читатель не только усвоил для себя какую-то мысль, но и увидел что-то зримо. Вот небольшое лирическое стихотворение:

Ветер ходит по пятам,
Обрывает разговоры,
Трётся ссохшейся листвой,
Словно кошка о заборы.
Ты родилась в сентябре,
В месяц лета паутины.
Как мальчишка, долговяз,
Дождь за косы драл осины.
Только, старшая сестра,
Ты ещё не знала это.
Ты родилась в этот день,
В самый первый день за летом.

Можете, Оля, быть уверены: это не что иное, как стихи. И причём очень симпатичные и даже в чём-то оригинальные. Такими стихи и должны быть, если иметь в виду чувство поэзии. Оно у вас есть. Разумеется, стихотворение не лишено отдельных недостатков. Оно стало бы крепче по форме, если бы в каждом четверостишии рифмовались не две, а все четыре строки. И по мысли оно было бы глубже, если бы найти для этого биографического факта – ты родилась в сентябре – какое-то обобщение.

При такой большой любви к поэзии и при таком правильном понимании её сущности можно добиться в будущем очень многого. Надо только Оле Заозёрной поверить в себя так же, как верит Лида Дубинина. Иными словами, надо много писать, и не просто писать, а работать над каждым новым стихотворением. Чувство поэзии у Оли есть, это несомненно.

Рабочий кемеровского электротехнического завода Н. Егупенко прислал нам двенадцатистрочное стихотворение «Ожидание». Здесь встречаются неплохие строчки: *«А я жду твоих писем упрямо, отчаянно, как засушливым летом живительных гроз»*. Сравнение верно передаёт нетерпение человека, ждущего писем от любимой. Это уже близко к поэзии. Но чуть ниже автор не сумел точно выразить свою мысль. Читаем: *«Каждый день я на почту спешу в ожидании, я надеюсь на чудо, вдруг вместо письма ты сама ко мне явишься, как на свидание, вместо писем ко мне ты приедешь сама»*. Н. Егупенко хотел сказать, как нам представляется, следующее: каждый день я спешу на почту узнать, нет ли там письма, в котором ты сообщаешь, что скоро приедешь сама. А сказал так, что получается, будто приезжую можно встретить не на вокзале, а на… почте. Несколько неверных слов – и смысл искажён до пародийного текста. Дальше говорится о том, чтобы любимая позабыла «глупый разлад». Значит, была и любовь, были и встречи. Однако заканчивается стихотворение не очень логично, будто лирический герой только что, в первый раз сообщает о своей любви, пока ещё мечтает о возможном первом свидании. Стихотворение короткое, а доработать его автор как надо не сумел.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1973. – 14 июня. – С. 4.

НАД СТИХАМИ НАДО РАБОТАТЬ

В ответе от редакции беловчанину Леониду Торгаеву указывалось на отдельные недостатки его интересного по замыслу стихотворения «Продавец штучного отдела». Недавно Леонид Торгаев прислал новый, переработанный вариант этого стихотворения. Из экономии места мы не будем приводить первый вариант, просим поверить на слово, что стихи были слабоваты, а новый вариант стоит привести целиком:

Он весь из мускулов спаян –
Широкоплеч и высок…
Стоит за прилавком парень,
«Сбывая» томатный сок.
Отпустит он и пол-литра,
И спичек, и папирос, –
На этот товар нехитрый
Пока повышенный спрос.
«Эй, кто там не отоварен?
А ну, подходи, не стой!..»
Стоит за прилавком парень,
Улыбчивый и простой.
Но слышу шёпот нетвёрдый –
Слова, как змеи, ползут:
«…бы в шахту с его-то мордой.
А он, вишь, пригрелся тут…»
Недобрым взглядом ошпарен,
Стесняясь, словно нагой,
Стоит за прилавком парень,
Поскрипывая ногой.
Он здесь среди всех приметен
Размахом широких плеч,
Над ним неизбежность сплетен
Висит, как Дамоклов меч…
Вы сплетни свои оставьте!
О, если б ты знал, брюзга,
О том, что именно в шахте
Осталась его нога.
Он стал калекой, спасая
Друзей, попавших в беду…
А плечи – сажень косая,
А руки привычны к труду…
И вот с девчонкою в паре,
Скрывая беду свою,
Стоит за прилавком парень…
Он вновь в рабочем строю!

Стихотворение заслуживает того, чтобы с ним познакомился широкий круг читателей, это человеческая драма, в которой всё правдиво и достоверно, именно так, как бывает в жизни, даже *«шёпот*

нетвёрдый» и *«слова, как змеи»*. Хочется поздравить автора с определённой удачей, он сумел подчинить себе нелёгкий словесный материал, в частности, нашёл несколько рифм к слову *«парень»*, к которому не так уж много точных созвучий. Вообще всё стихотворение скреплено довольно добротной рифмовкой, что не часто встречается в современной поэзии.

И всё-таки кое-что здесь ещё нуждается в доработке. Неловко звучит начало строки *«…бы в шахту с его-то мордой»*. Мы понимаем, автор хотел подчеркнуть, что он услышал обрывок фразы, но всё равно начинать строки с этого *«бы»* не следует. Неплохая рифма к слову *«шахте» «оставьте»*, но близкое её соседство со словом *«осталась»* тоже режет слух, как и близко стоящие ниже дважды повторённые *«беду»*. Несколько декларативно звучит концовка стихотворения.

В целом стихотворение получилось хорошим. Это лишний раз доказывает, как важно не довольствоваться одним-единственным вариантом любой вещи, как полезно по нескольку раз заново переписывать строки, добиваясь наиболее совершенной редакции первоначального замысла.

Электросварщик анжеро-судженской шахты «Физкультурник» Юрий Красницкий прислал нам небольшое стихотворение о своей любимой работе, которое называется «Бессонница». Вот это стихотворение:

Давным-давно меня покинул сон.
Душа не спит… И сердцу снова жарко.
Как можно спать, когда со всех сторон
В тебя врывается электросварка!..
Всю ночь глазам моим покоя нет.
Я эту ночь, разорванную в клочья,
За солнца свет, за белый вишен цвет
Зову электросварочною ночью.

Сама к железу тянется рука.
И сердце жаждет огневого дела.
Она поёт о том, что прикипела
К металлу в песне каждая строка.
Прислушиваюсь к сердцу неспроста.
Я слышу песню радостного долга.
И у стального чистого листа
Пишу её старательно и долго.

Очень хорошее стихотворение, написанное, можно сказать, без сучка, без задоринки, на вполне профессиональном уровне. Единственная неточность – в заключительных строчках: правильнее было бы написать не *«у стального чистого листа»*, а *«на стальном чистом листе»*. Поэтическая работа Юрия Красницкого заинтересовала нас, хотелось бы познакомиться с другими его стихами.

О своём горняцком труде написал шахтёр Дмитрий Клёстов из Белова. Непрост и нелёгок шахтёрский труд, но Дмитрий Клёстов сумел опоэтизировать его, показать истинным праздником. Причём сделано это с такими деталями и подробностями, которые могли появиться только в стихах шахтёра, человека, воспринимающего шахту, как родной дом.

Правда, техническое исполнение этой вещи не совсем ровное. Наряду с безупречными строчками встречаются слабоватые, например, согласно ритму, в одной из строк слово *«комбайн»* приходится читать как *«комбаин»*. В строке *«Ту мелодию в шахтном оркестре ценят в тыщи и тысячи тонн»* жаль, что не уложились в ритм или дважды повторённые *«тысячи»* или *«тыщи»*, сейчас эти слова звучат как разные по смыслу только потому, что по-разному произносятся. Слишком поверхностный невыразительный эпитет *«бесподобный»* по отношению к сиянию весны. И всё-таки стихотворение Дмитрия Клёстова оставляет впечатление свежести и оригинальности поэтического решения шахтёрской темы.

«Дорогой «Комсомолец Кузбасса»! – пишет нам Рудольф Лихоманов. – Несколько лет назад ты предоставлял для моих стихов свои страницы. Потом я уехал в Тюменскую область. Работал на строительстве дороги Тюмень – Сургут, затем в тобольской районной газете. Связь с тобой прервалась. Недавно я вновь переехал в Кузбасс. Живу в Междуреченске, работаю плотником на строительстве шахты «Распадская». Предлагаю твоему вниманию несколько стихотворений. Буду очень рад возобновлению нашей связи».

Мы тоже были рады получить стихи Рудольфа Лихоманова, автора, несомненно, способного, со своим видением мира, со своими темами. Наиболее удачным в подборке кажется нам стихотворение «Лекарство», которое мы и предлагаем читателям:

Давно утеряна ребяческая прыть,
И кажется свинцовым воздух.
Отец во двор выходит покурить
И смотрит на мерцающие звёзды.
Стоит минуту, строг и тих,
За старою дощатой дверью.

Глазками самокруток фронтовых
Ему все звёзды кажутся, наверно.
Потом он говорит, что боли нет,
И лёгкие работают, как прежде.
…Увижу ль я созвездья сигарет,
Когда вдруг не останется надежды?..

В стихотворении всего двенадцать строк, а сказано в них очень многое. Всё главное – в подтексте… Болят раны у бывшего фронтовика, уже пожилого человека, поднимают ночью с постели, выводят на крыльцо, под мерцающие звёзды; глядя на них, человек вспоминает боевых друзей, их самокрутки, светившиеся когда-то по ночам, как эти звёзды; все думы человека о своих боевых друзьях, о живых и мёртвых, воспоминания о них настолько теплы и благотворны, что на время отступает боль, человеку кажется, что он вполне здоров – легче дышится. Обо всём этом знает его сын, и он невольно задумывается о своей судьбе: а будет ли в его жизни столько надёжных друзей, и поддержит ли их дружба в какой-то трудный момент?

Много размышлений может родиться по прочтении этого коротенького стихотворения. Ёмкость содержания, вернее, словесного выражения той или иной мысли – это уже принадлежность настоящей поэзии.

Хотелось бы только посоветовать Рудольфу Лихоманову быть построже к форме своих стихов. Не всякий вкус могут удовлетворить такие рифмы, как дверью – наверное, прежде – надежды. Неудачна самая первая строка *«Давно утеряна ребяческая прыть»*. И так ясно, что человек немолод, даже уже стар, о какой же ребяческой прыти может быть речь. Это в какой-то степени звучит как насмешка – тут автору изменил художественный вкус.

Встречаются отдельные поэтические находки и в других стихах Рудольфа Лихоманова, но самым завершённым является стихотворение «Лекарство». На него автору и надо в настоящее время ориентироваться.

Один из авторов, приславших свои стихи в редакцию, задаёт такой вопрос: как работать над стихами? Я, мол, начну дорабатывать какое-то стихотворение, и вместо него появляется два, и то и три новых. Что ж, в работе над стихами возможен и подобный путь. Пусть появляются совершенно новые стихи, лишь бы они были хорошими. Но если какое-то стихотворение автору очень дорого, а недостатков в нём всё же много, надо работать именно над этим стихотворением. Заменять слова, рифмы, находить яркие образы, эпитеты, новые повороты мысли. Словом, добиваться того, чтобы стихотворение отвечало самым строгим требованиям, стало точным и по форме, и по содержанию. Наверно, именно так и работает над стихами Леонид Торгаев, свидетельством чего является его новый вариант стихотворения «Продавец штучного отдела», с которого мы начали сегодняшний разговор.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1973. – 14 июля. – С. 3.

ПРОБА ПЕРА

В редакционной почте последнего времени мы, к сожалению, мало обнаружили стихотворений, которые порадовали и которые хотелось бы привести целиком в нашем обзоре. Как бы там ни было, рукописей накопилось много, все авторы просят поговорить о стихах, дать соответствующие советы, и мы не можем оставить эти просьбы без внимания.

Любовь к родному сибирскому краю – тема стихотворения беловчанина Сергея Карташова. Из его письма мы узнаём, что он готовится к сдаче экзаменов в пединститут, писать стихи некогда, но тем не менее, как говорит Сергей, «в свободные минуты пишу и занимаюсь шлифовкой стиха». В чём заключается эта «шлифовка», трудно сказать, потому что результатов её пока не видно. Об этом можно судить по первым же строчкам присланного стихотворения: *Лишь только рассветная хмарь засинеет, вдали на восходе забрезжит восход»*. О какой тут шлифовке стиха может быть речь, если допускается такой оборот речи, как *«на восходе восход»*. Будь Сергей повнимательнее к тому, что выходит из-под пера, он бы заметил эту тавтологию, и написал иначе.

О любви к Родине, к России пишет и Анатолий Кубылинский из села Новоподиково Кемеровского района. О достоинствах его стихотворения говорить пока не приходится. Самый существенный недостаток его – повторение давным-давно сказанного другими. Судите сами, открывает ли автор что-то новое, начав стихотворение такими строчками: *«Ты и счастье, и радость, и сила, ты родная моя сторона, ты мне – мать, дорогая Россия, ты, как мать, и умна и сильна».* Хорошо сказал поэт, который первым назвал родину матерью (возможно, это был даже не поэт), образ настолько укоренился в нашем понятии, что повторять его пишущему стихи – это всё равно, что чувствовать себя первооткрывателем, утверждая: небо бывает голубым, а трава зелёной.

Во всех тридцати двух строчках своего стихотворения «Дорогая моя Россия» Анатолий Кубылинский разными словами варьирует одну и ту же мысль: родина – наша мать, она заботится о нас, отводит от нас беды и тревоги, короче говоря, делает всё, что испокон веку привыкла делать любящая мать. Никакой другой мысли в стихотворении нет.

Маловыразительны, на наш взгляд, и стихи Людмилы Зориной из посёлка Одра-Баш, что в Горной Шории. Людмила прислала целую подборку стихов на одну тему – о своём любимом. Технический уровень этих стихов очень невысок – неопределённый, сбивчивый ритм, приблизительная рифмовка. Но это ещё полбеды. Беда в том, что в её стихах нет того, о чём уже говорилось выше – поэтических открытий, оригинальности содержания. Все любовные излияния лирической героини имеют узко интимный, дневниковый адрес: чтобы их услышал любимый юноша (даже имя его неоднократно называется). Могут возразить: а что в этом предосудительного, плохого? Возражение в некоторой степени будет резонным. Действительно, в русской и мировой поэзии много примеров того, как то или иное стихотворение посвящено конкретному человеку, но не надо забывать и о том, что, как говорил Горький, любой житейский факт под пером художника слова должен стать фактом художественным. Иными словами, пиши о своей любимой или о своём любимом так, чтобы частное было общим, интересным для многих. Примером этого могут служить стихотворения Константина Симонова «Жди меня» и Алексея Суркова «Землянка». Мы знаем, кому они были посвящены (первое – Валентине Серовой, второе – Софье Кревс), но эти стихотворения написаны на

высоком художественном уровне, содержат большие чисто поэтические достоинства, которые и позволили этим произведениям проникнуть во многие людские сердца, надолго запомниться.

Мы далеки, разумеется, от мысли сравнивать стихи мастеров со стихами начинающего автора, но и последний должен помнить о необходимости воздействия своих произведений на сердце читателя – иначе зачем браться за перо. А для этого надо быть, как говорится, во всеоружии: хорошо разбираться в технике стихосложения, понимать, что такое образ, метафора, сравнение, как и где употребить их. И надо, конечно, заботиться о том, чтобы твоё стихотворение по содержанию было хоть чуть-чуть, хоть в чём-то новым.

Чего не хватает моим стихам? – спрашивает Ольга Багульникова из Киселёвска. Один недостаток их она видит сама – это то, что они не закончены. Ну, а другие касаются, прежде всего, языка. В стихотворении «Старый сад» читаем: *«Каждый день в его тенях люд рабочий отдыхает»*. Сразу же бросается в глаза выражение «в его тенях» вместо «в тени деревьев». Люд рабочий – это не для стихов, очень прозаично. Или ещё такие строчки из этого же стихотворения: *«Сюда водят погулять малышей большие звенья»*. Звенья малышей – тоже неудачное выражение, к малышам «звенья» неприменимы.

Обращает на себя внимание в подборке стихов Ольги Багульниковой пейзажная зарисовка «Утро»: *«Солнце вырвалось из плена чёрных разъярённых туч, и упал на луг весенний первый золотистый луч. Он рассыпался цветами на бугру, у деревца, счастьем, радостью, любовью он наполнил все сердца. В сад черёмух белоснежных, вновь нарушив их покой, он ворвался с песней нежной, с ранней утренней зарёй»*.

Что здесь хорошо? Ощущение раннего, свежего утра, которое начиналось вроде бы грозовым дождём, а потом разыгралось, стало солнечно-зоревым. А ошибки – опять-таки словесного характера: например, вместо положенного по правилам грамматики «на бугре» стоит «на бугру», да уж если рассыпался цветами, то «по бугру», а не «на бугре».

Судя по этому стихотворению и по некоторым другим отдельным строкам, писать Ольге Багульниковой стоит, способности у неё есть. Надо только как можно лучше изучить русский литературный язык, который она знает нетвёрдо.

Не впервые присылает нам свои стихи Галя Золотаина из Ленинска-Кузнецкого. Кое-какие сдвиги к лучшему в её работе заметны, но ещё не настолько, чтобы сказать, что Галя достигла уже многого.

Во вновь присланном стихотворении, посвящённом Есенину, взят неверный тон, оно написано как бы сразу после кончины поэта: *«Поплачь, рязанская земля, о том, кто описал когда-то твои неброские поля, рассветы, яблони и хаты. О, Русь! Поплачь о сыне том… Российская берёза, плачь своими сладкими слезами! Он так любил тебя, тот рвач, рубаха-парень из Рязани!»*. Эта мольба – поплакать о великом лирике ничем не мотивирована, поэтому воспринимается неуместной. К тому же в одном случае слово «плачь», поставленное на место рифмы, ужасно подвело Галю Золотаину: она называет любимого поэта рвачём, оскорбительным прозвищем. Вот таким непростительным казусом может обернуться глухота к тому или иному слову. Рубаха-парень и рвач – разве это синоним одного понятия?

В который раз приходится советовать начинающим авторам: будьте внимательнее к языку, к слову! А то ведь что получается: хочет автор отозваться о ком-то уважительно, а из-за незнания языка, непонимания значения того или иного слова добивается совершенно противоположного: оскорбляет…

Есенину посвятил своё стихотворение и Михаил Косолапов из Мысков. Вот начало этого стихотворения: *В светлой зелени весенней на рассвете с песней птиц, вспоминается Есенин в тихом шелесте страниц. Я иду к нему за строчкой в перелесок к тополям. В небе жаворонок точкой дирижирует полям»*. Вот и снова споткнулись мы об языковый камень: дирижирует чем? – полями, а у автора – полям. А как понять такое: «Я иду к нему за строчкой»? Понимание тут может быть двоякое: или идут за строчкой, чтобы прочесть её и насладиться её красотой, или за тем, чтобы использовать эту строчку в своих стихах, что-то позаимствовать, что весьма нежелательно.

Между прочим, Михаил Косолапов интересен не только своими стихами, а и тем, что сам думает о них. Одним из поводов для разговора о собственной поэтической работе в данном письме послужили вот эти восемь строчек:

Ветерок свои забавы
Вытворяет у земли.
Поклонились низко травы,
В душу строчками легли.
Пробежал бычком упрямым,
Тропку хвостиком хлестнул,
Перепрыгнул через яму
И к щеке моей прильнул.

А теперь послушаем высказывания Михаила Косолапова об этих строчках – рассуждения эти представляют определённый интерес: «Затрудняюсь сказать, есть ли в них только мои мысли. У Есенина что-то про телёночка читал. Значит, уже подражание. А слово «забава» есть у Пушкина. И здесь подражание. «Яму» – мне кажется, некрасивое слово. Вставлял строку: перепрыгнул чрез канаву. Опять некрасиво – «чрез». Что делать? Есть ли выход? И я начинаю сомневаться в себе, в своих мыслях, в своих будущих стихах. Но знаю, если будет самодовольство – будет тормоз. Не будет той строки, которую желают сердце и душа. В этом не сомневаюсь. Продолжаю искать. А стоит ли?».

Сразу же ответим: стоит. Хотя бы потому, что есть желание этих творческих поисков. Слабость приведённых выше строк очевидна, а вот подражания в них мы не чувствуем. То или иное слово может быть и у Пушкина, и у Есенина, и у Твардовского, и у Маршака или Михалкова, у любого большого поэта, не надо бояться употребления одинакового слова. Опасаться следует другого: копирования стиля, повторения интонаций, использования чьей-то излюбленной образности, всего образного строя, и в отдельных случаях, конечно, характерного для кого-то лексикона, как, например, для Сергея Есенина (звень, выть, голубень и т. п.).

В сегодняшнем обзоре мы говорили в основном о тех авторах, кто лишь пробует свои силы в поэзии. До настоящего мастерства им очень далеко, однако и эта проба пера может дать свои положительные результаты, если упомянутые авторы поймут всю сложность поэтического труда.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1973. – 14 августа. – С. 4.

ЧТО-ТО СЛЫШИТСЯ «РОДНОЕ»

Стихотворения, присланные А. Сониным из Ленинска-Кузнецкого, привести целиком мы не имеем возможности из-за непомерных длиннот. Вот начало одного из них – «Черёмухи»:

Душистым белым цветом черёмуха цветёт,
И ароматом вешним сама к себе зовёт.
Как молоком облитая притихла и стоит,
В росе, как серебристая, прохожего пленит.

Как мы видим, техника стихосложения для автора уже не проблема, он знает, как ритмизировать стихотворную речь, как скреплять её рифмами, правда, в данном случае, не очень изобретательными, весьма бедными. Но при чтении начальных строчек возникает сомнение вот какого рода: действительно ли стихотворение написано после того, как автор увидел где-то весеннюю красавицу – цветущую черёмуху? А может быть, оно писалось по книжным впечатлениям, по определённым литературным ассоциациям? Скорее всего так. Достаточно вспомнить начало одноимённого стихотворения, принадлежащего перу Есенина:

Черёмуха душистая
С весною расцвела
И ветки золотистые,
Что кудри, завила.
Кругом роса медвяная
Сползает по коре,
Под нею зелень пряная
Сияет в серебре.

Сравнивая два этих отрывка, замечаешь, как говорится, невооружённым взглядом разительное их сходство. Бесплодное это занятие – подражание известным образцам. Весьма возможно, что и другое его стихотворение – «Родник» родилось таким же нехитрым способом. Во всяком случае, ничего оригинального в его содержании мы не увидели. О роднике сказано так, как говорилось уже много раз в различных вариантах: *«Рвался на свободу и её достиг, повстречал долину – стал другим на миг. В ней вздохнул всей грудью, освежил поля, чтоб садов обильем славилась земля. Чтоб лучистый колос лучше созревал, воду он до капли ниве отдавал»…* и т. д.

По странному совпадению, ассоциацию с есенинской «Черёмухой» вызывает у нас и стихотворение прокопчанина Ю. Чурикова «Тополь в июне»:

Зимние морозы
Уплывут с весной,
Озорные грозы
Сменит летний зной.
Под моим окошком
Деревце растёт,
Белая дорожка
От него течёт.
Лёгкие пушинки
С тополей летят,
Как зимой снежинки
Укрывают сад…

Мы привели только первую половину стихотворения, но и по ней видно, что оригинальностью эта пейзажная зарисовка не отличается. Никакого заимствования у Есенина тут, разумеется, нет, и тем не менее «что-то слышится родное» в этих строчках и словах. О том, что стихотворение не содержит никакой глубокой мысли, свидетельствует его концовка: *«Лишь дыханьем свежим ветерок пахнёт, тополь вздохом нежным свой привет нам шлёт».*

Второе стихотворение Ю. Чурикова – «Наши цели ясны» более самостоятельно по авторской позиции, по убеждениям, суть которых – в утверждении коммунистических идеалов, но беда этого стихотворения в том, что оно от начала до конца риторично. А как мы знаем, риторика убеждает мало, если она не подкреплена показом, изображением. Рассуждать, доказывать, утверждать какие-то истины – дело критики, а задача любого искусства – показывать, изображать, тоже утверждая свои истины, но не риторически, не декларативно, а образно, метафорически.

Прокопчанка Оля Кузьмина в приписке к своим стихам признаётся: «Жить не могу без стихов, без того, чтобы не писать их». Это признание позволяет надеяться, что Оля готова ко всем трудностям, которые ждут её на пути литератора. Но она ещё очень молода, и потому вполне понятны её сомнения, её вопрос: «Стоит ли продолжать писать? Получается ли?». Обязательно надо продолжать, потому что уже сейчас получается неплохо. Давайте познакомимся с небольшим лирическим стихотворением без названия:

Мой город. Улицы, сады и парки.
Дома. Многоэтажные дома.
На строящихся зданьях звёзды сварки.
В такой вот город и пришла зима.
Пришла, рассыпала своё монисто.
Посеребрила инеем кусты.
И в эту зиму, нежную и чистую,
Мне повстречался ты.
И в сердце вдруг растаял лёд холодный
И вдруг среди зимы пришла весна,
И забурлила речкой полноводной…
Любовь. Это она пришла, она!..

Мы только что – в связи со стихотворением Ю. Чурикова «Наши цели ясны» – указывали на необходимость в литературном произведении показывать, изображать, и вот вам живой пример. Казалось бы, что может быть отвлечённей, чем тема любви, где, как не в ней, простор для общих, пусть и восторженных слов, а Оле Кузьминой интуиция подсказала, что надо начать стихотворение с каких-то конкретных образов и картин. И появились строчки о городе с его главными приметами: дома, да не какие-то неопределённые, расплывчатые, а многоэтажные. И звёзды сварки на зданьях, которые только строятся. И покрытые инеем кусты. В результате мы видим, что лирическая героиня обитает не в «безвоздушном пространстве», а рядом с нами, вот в этом знакомом всем нам мире, не в облаках фантазии, а на милой сердцу земле. Благодаря всем этим подробностям и поэтическим деталям читатель проникается глубокой верой в правдивость написанного, в то, что именно так всё и было в жизни, ничего тут нет выдуманного, книжного.

С чисто технической стороны стихотворение Оли Кузьминой, конечно, ещё неуклюже, шероховато. Особенно – последняя строчка, где неловко звучит слово *«Это»* (с ударением на *«о»*). Да и в других строчках – выше – заметна неуверенность авторской руки в ритмической организации стиха. Однако эти технические погрешности – мелочь в сравнении с тем главным, чем владеет уже Оля Кузьмина – верным художественным чутьём.

Стихи о любви прислала и кемеровчанка Татьяна Щелкунова. Но они мало впечатляют: *«Плачут дожди вместе со мною осеннею ночью тёмною, злою. Стучат кулаками в окна потухшие, как сердце моё, тобою разбужено. А утром опять угасают звёзды, и на щеках высыхают слёзы. И боль в душе утихает с рассветом. Но ты никогда не узнаешь об этом. Ты ушёл, не простясь со мной, ты чужой мне, совсем чужой».* Девушку – неизвестно по какой причине – оставил любимый, она доверительно рассказывает об этом нам, а мы – увы – остаёмся почему-то безучастными, драма эта как-то не задевает нас за сердце, не волнует. В чём же дело? Очевидно, в том, что автор не сумел найти самых нужных слов, сильных, ярких, взволнованных, т. е. дело в недостаточном умении писать стихи. Здесь налицо, например, приблизительная рифмовка, не подходящий к теме рубленный, балладный размер, не к месту – для красоты – вставленные звёзды, которые осенней дождливой ночью вряд ли видны, а посему не могут вспыхивать или гаснуть.

«Ещё мне нравятся так называемые белые стихи, не знаю, удаются ли они мне», – сообщает Татьяна Щелкунова. Судя по приложенному стихотворению, удаются больше. Может быть, потому, что белые стихи не «связывают» рифмами, стихотворная речь льётся более свободно, непосредственно. А вообще-то лёгкость белого стиха – кажущаяся. Отсутствие рифм должно здесь восполняться энергичностью, упругостью ритмики, а этого как раз и не хватает многим белым стихам. Часто мы сталкиваемся не только с отсутствием рифм, а и чёткого ритма, вместо этого – неудобочитаемая проза, условно разбитая на короткие «стихотворные» строчки.

Так что всё это надо учесть Татьяне Щелкуновой.

Над полем прогремят раскаты грома.
За сопкой эхо гулкое замрёт.
Со взлётной полосы аэродрома
Ракетоносец в ночь уйдёт в полёт.
Как молния, он вдруг распорет небо,
Уйдёт туда, где вечно синь, покой.
И пусть все те, кто в стратосфере не был,
Завидуют чуть-чуть судьбе такой.
Завидуют пилотам грозной птицы,
Им вслед привет свой самый тёплый шлют…
Идёт ракетоносец вдоль границы.
За горизонтом сполохи встают.
А дома ждут его. И он вернётся.
Пусть дождь идёт иль мокрый снег валит,
Он по бетонке вихрем пронесётся,
Уверенно к стоянке подрулит.
И словно не было нелёгкого полёта,
И словно он не покидал земли.
Как здорово, когда домой пилоты
С задания приводят корабли.

Это неплохое в целом стихотворение прислал прокопчанин С. Рекунов. Его умение писать стихи, т. е. владение техникой стихосложения, радует, оно почти профессиональное, если обратить пристальное внимание на такие «мелочи», как добротная, внешняя, а иногда и внутренняя рифмовка. Но чувство слова у автора развито ещё недостаточно. Неверный, несколько вызывающий тон взят в строчках, начинающихся словами: *«И пусть все те, кто в стратосфере не был».* Можно было сказать более спокойно и всё-таки не менее убедительно: и все те, кто в стратосфере не был, завидуют чуть-чуть судьбе такой. Без *«пусть».* Просто завидуют. И далее по тексту. Тяжеловатой ритмически получилась строчка *«И словно не было*

нелёгкого полёта». Режет слух, не соответствует строгости повествования мальчишеское восклицание: *«Как здорово».*

И ещё замечание в адрес С. Рекунова: надо избавляться от искушения использовать готовые словосочетания, избитые сравнения типа *«раскаты грома», «эхо гулкое».* Это то, что лежит на поверхности, под рукой, а необходимо для любой темы, для выражения любой мысли искать своё.

Закончим сегодняшний разговор стихотворением кемеровчанки Людмилы Кочуровой:

Я в толпе прохожих затеряюсь,
Стану незаметным серым днём,
Иногда туманом возвращаясь,
Иногда непойманным лучом.
Стану темнотою, стану утром,
Тишиною завтрашнего дня,
Только прошлым я уже не буду,
Как с тобой не буду никогда.
Я пройду неслышно стороною
Колдовством украденного дня,
И своей любовью неземною
Перельюсь украдкою в тебя.

Простим Людмиле плохие рифмы, этот недостаток с лихвой окупается оригинальностью многих строчек, свежестью и искренностью поэтического настроения.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1973. – 11 сентября. – С. 3.

ЛЮБОВЬ К ДЕЛУ

В одной из бесед с молодыми литераторами Алексей Максимович Горький высказал интересную мысль. «Талант, – сказал он, развивается из чувства любви к делу, возможно даже, что талант – в сущности его – и есть только любовь к делу, к процессу работы». Знаменательно, что такое определение таланта принадлежит именно Горькому, великому труженику, который, по собственному признанию, в иные дни не вставал из-за письменного стола по четырнадцать часов. Вот он, поистине классический пример самозабвенной, беспредельной любви к своему писательскому делу.

Читая рукопись или книжку, трудно, конечно, определить, с любовью или без любви создавалась она, но следы того или иного всё-таки можно заметить. Давайте, к примеру, внимательно вчитаемся в стихотворение с многообещающим названием «Русская осень», которое написал прокопчанин Иван Шелухин:

Ходит, гуляет в наряде багряном
По косогорам, лесам и полянам,
Спорит с ветрами, подарков не просит
Красная девица – русская осень.
Сама она дарит нам яркую сказку,
Звонкую песню, а в песне той ласка…
Душа твоя чуткая, щедрая очень,
Красная девица – русская осень…
А я попрошу тебя, сделай на милость –
Любовь отыщи, что сегодня приснилась,
И подари мне, как чистую просинь,
Красная девица – русская осень.

Надо сказать, что Иван Шелухин, как видно из его писем, считает свои стихи вполне пригодными к печати и искренне удивляется, почему их не публикуют. А пишет он, как нам кажется, без любви к делу, небрежно, неряшливо. В данном случае широковещательный, громкий заголовок стихотворения никак не соответствует его содержанию, весьма бедному по изобразительным средствам. Если в первых строчках есть ещё какие-то приметы осени, то дальше они начисто отсутствуют. *«Яркая сказка», «звонкая песня», «ласка в той песне», «чуткая, щедрая душа»* – все эти весьма условные поэтические атрибуты можно с полным основанием отнести и к другому времени года – к весне, например. Нет здесь осени – ни русской, никакой вообще. Убери две первые и две последние строчки, и останется набор случайных, необязательных слов, даже в намёке не имеющих отношения к неповторимой осенней поре. Какая уж тут любовь к отбору словесного материала. Заметно одно – у автора набита рука, и только.

Ещё более небрежно работает над стихами кемеровчанин Вл. Носков. Одно их двух присланных им стихотворений начинается так: *«В бегах рассветы на земле, в глазах топырится планета. Листва вчерашняя, истлевшая в золе, и на незаспанных глазах родилась новая комета».* Рифмовать строки автор научился, но это и всё, что он пока умеет делать. Ни ритма, ни значения слов В. Носков, к сожалению, ещё не чувствует. В приведённом четверостишии почти каждое слово вызывает недоумение. *«В бегах рассветы».* От кого они убегают? Листва истлела в золе – значит, это уже не листва, а сама зола. *«Топырится планета»* – ничего конкретного в таком вселенском образе представить нельзя. С какого места смотрит автор на планету, которая топырится, т. е. поднимается торчком? И, наконец, что за комета родилась на *«незаспанных глазах»*? Почему они *незаспанные*, что и кого это характеризует?

Искренность, непосредственность в выражении своих поэтических чувств – это та же любовь к делу. Именно так пишет, вернее сказать – пробует писать кемеровчанка Валентина Васина. Вот её лирическое стихотворение без названия:

В холодную злую небыль
Грудами облаков
Ползёт надо мною небо
По крышам глухих домов.
Царапают злые колючки
Заплаканный горизонт,
И плачет дождём колючим
Небосвода дырявый зонт.
Смешно, о таком не пишут,
Но хочется мне порой

Забраться повыше на крышу
И небо гладить рукой.
И, запрокинув голову,
Вслед улыбнуться тучке.
Ведь, может быть, не над городом,
А в сердце моём колючки?

Поэтическая суть стихотворения сводится к верной мысли: часто мы воспринимаем то или иное состояние природы в прямой зависимости от нашего душевного состояния: хорошо на душе – и природа улыбается нам, плохо, тоскливо – и природа предстаёт перед нами в мрачноватых красках, в минорных тонах. Отсюда и этот вопрос: *«Ведь, может быть, не над городом, а в сердце моём колючки?»*. Правда, слово *«колючки»* по отношению к облакам или тучам – не совсем точное, но тут важно другое: автор хорошо почувствовал соответствующий настроению образ, только выразил его неудачным словом.

Технически стихотворение сделано несколько неуклюже, бросаются в глаза неоправданные перебои ритма. Но это, нам думается, не от небрежности, а от неумения, от неопытности, от недостатка литературного мастерства.

Кстати, мастерство не ограничивается одним умением писать в рифму и выдерживать тот или иной размер. Мастерство – понятие широкое, заключающее в себе в первую очередь умение пользоваться словесным материалом, тонкое и точное чувство языка, собственный взгляд на явления жизни, художественный вкус при отборе и решении той или иной темы (не всякий житейский факт надо делать фактом искусства).

М. Кухарёнок из Киселёвска писать в рифму умеет, стихотворный ритм чувствует, а мастерства в широком понимании слова ему очень недостаёт. Это видно по двум строфам из стихотворения «В пути»:

Мой конь в степи летит, как птица,
В зените – солнце-кочегар,
Из-под копыт песок струится,
А в голове сплошной угар.
Когда у птицы крылья взмокнут,
Не в силах в воздухе парить,
Мой конь, пропахший потом мокрым,
Давно бедняжка хочет пить…

В самых первых строчках – как будто уверенная поступь стиха, а в последнем четверостишии сразу же бросается в глаза не совсем грамотное построение фразы. Она начата словом *«когда»*, следовательно, дальше должно быть: будет, случится то-то и то-то. Запутывает эту фразу сравнение коня с птицей. Образ раздваивается – на *«птицу»*, как таковую, и *«коня»*, и одно с другим не вяжется. Здесь налицо явное отсутствие у автора точного чувства слова – всё смешано, перепутано и лишено того смысла, который автор хотел вложить в эти строчки. Совет М. Кухарёнку напрашивается такой: не увлекаться просто рифмовкой, а внимательно вслушиваться в звучание каждой фразы, каждого слова, чтобы не допускать таких запутанных выражений.

Плохо чувствует слово и С. Бокарев из села Калачёво Прокопьевского района. Прочтём его стихотворение «Когда-то под такую осень»:

Когда пораньше утром встанешь,
Туманен август и росист.
Чутьё своё ты не обманешь:
Как летом воздух свеж и чист.
Ещё не осень золотая.
Но близок час её уже.
Ей время выигрыш уж ставит
В своём природном тираже.
Так каждый год – пока не бросил
Им век особый счёт вести.
Когда-то под такую осень
Он человека в жизнь пустил.
Не то б, поверьте, говорило:
Когда б родился он весной,
Она тогда б не серебрила
Его так рано сединой.
Но этот цвет его не старит,
Достойно он в себе хранит
Ту память об осеннем даре,
Что серебром в висках горит.

Автор весь во власти рифмовки, она полностью захватила его и, так сказать, распоряжается им по своему усмотрению. Впечатление такое, что, озабоченный подбором рифм, С. Бокарев упустил из виду самое главное – основную мысль стихотворения, поэтический пафос которого в совершенно ложной многозначительности. Получается так (по мысли автора): человек, рождённый весной, долго остаётся молодым, цветущим, а тот, который родился осенью, рано старится, рано седеет. Это, так называемый несуществующий на деле закон природы, придуман, откровенно говоря, ни к чему, никого он не огорчит, не утешит. Фантазия, воображение в поэзии, разумеется, не противопоказаны, но и то, и другое должно основываться на здравом смысле, на жизненной реальности.

Выше было сказано о плохом чувстве слова у С. Бокарева. Вот примеры этого: *«Чутьё своё ты не обманешь: как летом воздух свеж и чист»*. Причём тут обман чутья? Автор или лирический герой просто чувствует, насколько чист и свеж воздух. И всё. *«Так каждый год – пока не бросил им век особый счёт вести»*. Непонятно, кто и кому *«им»* бросил особый (?) счёт. Пожалуй, и сам автор не ответит, что подразумевает эта фраза, ему, как видно, важно было что-то зарифмовать, не более.

Мы часто говорим о необходимости учёбы у классиков. К сожалению, этот совет принимается многими авторами прямолинейно, некритически. Учёбу они понимают не как освоение образцовых поэтических приёмов, не как освоение «секретов» мастерства, а как голую подражательность, в иных

случаях даже заимствование тем, интонаций, словаря, оборотов речи и т. п. Вот пример. Новокузнечанин Владимир Толкачёв прислал несколько стихотворений, которые звучат с чужого голоса. Судите сами:

Как по вечеру
Да по улице
К красной девице
Шли два молодца.
Грусть-тоска печёт
Добрых молодцев.
Кого девица ждёт?
Кто ей любится?

Спросите любого школьника, хорошо знакомого с русской классической поэзией: на стихи какого поэта это похоже? И он, не задумываясь, ответит: конечно же, на стихи Кольцова. Если такие стихи просятся на бумагу, то место им в тетради под названием «Литературные опыты», а для редакции они не представляют большого интереса.

Итак, талант, по Горькому, развивается из чувства любви к делу. А это чувство предполагает бережное отношение к тому, что выходит из-под пера, – к каждому выстраданному слову, к каждой заветной мысли, ко всем дорогим сердцу образам. Бережное отношение и огромный труд, без которого даже при наличии врождённого таланта не достичь в поэзии желанных высот.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1973. – 13 октября. – С. 3.

ПИСАТЬ СТИХИ – ПРЕКРАСНО!

Продолжительной – почти до самых последних дней октября – была нынче у нас, на Кузнецкой земле, благодатная солнечная осень. И многих молодых авторов вдохновила её красота на светлые стихотворные строки. Наиболее удачной представляется нам пейзажная зарисовка кемеровчанки В. Володиной:

Их солнце лета
золотило лучиками.
Ещё вчера я собирала лучшие
песочно-жёлтые листки берёзы
и складывала в книгу,
Чтоб в морозы
раскрыть её –
и оказаться в сиянье солнечного дня
с белёсым небом,
жёлтой россыпью берёз
по перепаханным полям,
и паутинкой,
от листа к листу натянутой.
Их солнце лета в лучиках держало,
чтоб осенью
душа моя склонялась
В поклоне низком перед этой красотой.
В ночь заморозило.
И день вчерашний
остался только в памяти.
А утром
падал снег
уже на листья ржавые,
И в лужицах вода дрожала…

В стихотворении найден верный – аллегорический тон, так соответствующий времени осеннего увядания. Однако эти строки намного выиграли бы, если бы им придать строгую стихотворную форму. Тут невольно вспоминается Маяковский, который считал, что без рифмы стихотворение рассыпается. И на этом примере его мысль подтверждается: насколько сильнее звучат у В. Володиной начальные строчки, где сделана попытка рифмовки (лучиками – лучшие, берёзы – морозы), а дальше, если говорить о технической стороне вещи, она переходит просто в ритмическую прозу. Но и в таком виде эта зарисовка оставляет приятное впечатление. Автор не лишён наблюдательности и того, что называется поэтическим чувством.

Заинтересовывает начало стихотворения кемеровчанина Аркадия Устюжанина:

Уже ложится на поля
Туман белёсый вечерами,
Холодным пурпуром заря
сверкает следом за ночами.
И дни так стали коротки,
А ночи – дольше и печальней.
Всё больше слышится тоски
В природе, как в разлуке дальней.

К сожалению, в следующих строчках автору изменило чувство ритма, они уже написаны совершенно другим размером, что заметно нарушает стройность всего стихотворения в целом. Вот как звучат эти строчки: «Задумчиво и грустно на душе, то лето уходящее тревожит».

Не хватает этим стихам не только ритмической строгости. Слабовата, например, такая рифмовка, как *«поля» – «заря».* Надо также стремиться к большей оригинальности в содержании, избегать таких прописных истин, что осенью дни короче, а ночи длиннее. Автору даже в этом приведённом нами отрывке есть на что ориентироваться: на две заключительные строчки, где тоска в природе сравнивается с тоской в разлуке с близким человеком.

Большую подборку предложил редакции новокузнечанин Борис Рахманов. Стихи его очень неравноценны. Лучшим, пожалуй, во всей подборке является вот это:

Зелёный луг, трава густая,
Поёт вокруг пичужек стая.
Огромный шмель в траве жужжит.
Зайчонок маленький лежит.
Лежит, ушами шевеля,
Боится маленький шмеля…

На этих хороших строчках и хочется оборвать цитирование, потому что дальше читать неинтересно: зайчонок не выдержал – убежал, а пичужки продолжают петь. Если говорить о стихах Бориса Рахманова вообще, то главный их недостаток в заурядности той поэтической «информации», которую они содержат в себе. Особенно не удаются автору концовки, в них нет никаких обобщений, свежих мыслей. Вот характерный образец – коротенькое стихотворение: *«Русская баня. Приступка, полок. Ласково манит душистый парок. В дышащей жаром бывал я не раз. Пил после пара дурманящий квас. Как после бани ликует душа. Баня! Ах, баня! Всегда хороша!»*. Техникой стиха Борис Рахманов, как мы видим, владеет довольно уверенно, однако использует это, что называется, не по назначению – на создание стихов на мелкие бытовые темы. Автору необходимо освободиться от этой бескрылой бытовщины, суметь приподняться над всем обычным, обыденным, прозу жизни сделать поэзией.

Серьёзно работает над своими стихами Михаил Косолапов из Мысков. Об этой серьёзности свидетельствует такой немаловажный факт: написав стихотворение «Зорька», он не удовлетворился его концовкой и прислал новый вариант её, чтобы посоветоваться: а не лучше ли так? Вот это стихотворение в его первом варианте:

Окликнула зорька.
Бегу по траве.
И сладко, и горько
Становится мне:
Травка погладит,
Крапива побьёт.
Рябина «страдает»,
Калина цветёт.
Шепчут ромашки,
Хохочет сирень.
А тучки-барашки
Плывут в синеве.
Ландышем звонким
Наполнился луг,
Голосом тонким
Всех будит вокруг.
И речка играет,
И поле зовёт,
А зорька сияет
И песню поёт.

Автор сам почувствовал, что про зорьку сказано что-то не то, слишком уж «красиво», но малоубедительно, и он переделал последнее четверостишие: *«И речка играет, и поле поёт. А зорька сияет и к солнцу зовёт»*. Вот это то, что надо. Именно к солнцу зовёт зорька, а не *«что-то поёт»*. Следует отметить, что второй вариант стихотворения стал значительно короче, несколько строк выброшено, и с пользой для дела.

Вот так, требовательно, взыскательно, углубленно, и должен работать над стихами каждый пишущий. Нельзя в занятиях литературой надеяться только на чьи-то советы и подсказки, надо приучать себя к мысли, что ты и автор, и первый критик, и редактор своего произведения, более чутко прислушиваться к голосу своего разума и сердца – при наличии способностей этот голос никогда не подведёт.

У нас нет возможности подробно говорить о стихотворении «Зорька», просим поверить на слово, что после доработки оно стало гораздо лучше.

Интересным письмом сопроводил свои стихи Сергей Цыганков из посёлка Пригородный Кемеровского района: *«Здравствуй, дорогая редакция! Пишу я тебе в первый раз. Мне семнадцать лет, и я работаю на стройке третий месяц. Но написать мне тебе просто необходимо. Так уж получилось, что я стал писать стихи. Это прекрасно – писать стихи! Когда я пишу, я всегда волнуюсь, нахожусь в каком-то необычном состоянии, то ли это грустное одиночество, то будто это восторг. А потом даже самому хорошо, что запечатлел для себя, может быть, самый важный момент, самый полезный для самого себя…»*.

В непритязательных строчках этого письма – большое чувство человека, который умеет испытывать радость творчества. Эта радость, этот восторг отчётливо просматриваются в самих стихах Сергея Цыганкова, ещё не очень умелых, но искренних, взволнованных по самой своей, как говорится, строчечной сути. Можно с полной уверенностью сказать, что Сергею Цыганкову чувство поэзии дано от природы. Какой точный, верный ритм нашёл он в своих стихах для того, чтобы передать гордость рабочего человека, его желание преобразить, украсить мир, сделать что-то хорошее для людей. Это и есть приобретение автора. А недостатки стихов – от молодости, от неискушённости в литературном творчестве, от неопытности. Он ещё не замечает слабость рифм *«стрела – молодца», «дойти бы – силой»*, не чувствует, что выражение *«создавать труда я буду плод»* – неуклюжее, словесно неловкое, что *«громадьё»* – это явно из лексикона Маяковского, что до *«края солнца дойти»* сказано неточно, имеется в виду край земли, горизонт. Недостатков – технических и языковых – в стихах начинающего автора много, но верится, что Сергей Цыганков скоро сам будет понимать их. Есть у него главное – стремление научиться писать хорошие стихи (и данные к этому имеются), есть убеждение, что это прекрасно – писать стихи. От всей души хочется

пожелать молодому автору поскорее миновать пору ученичества, овладеть техникой стихосложения, освоить языковое богатство, много работая над стихами, равняясь на больших поэтов.

Как положительный факт в творчестве молодых следует отметить, что некоторые из них (как и полагается любому поэту-гражданину) пытаются откликаться на политические события у нас и за рубежом. Нет, наверно, человека, которого не волновали бы в настоящее время события в Чили. Есть и в нашей почте стихи на эту тему. «Народ не простит!» – так назвал своё стихотворение беловчанин Виктор Устьянцев. Всё стихотворение привести мы не можем, но вот некоторые строки из него:

Никогда не твердил я,
как школьник:
«Сантьяго! Чили!»
А сегодня слова эти,
словно осколки,
вошли мне в грудь…
Вновь свободы душители
рукава засучили
и затеяли
кровью брызжущую игру.
Узкий берег,
стал длинной ты
траурной лентой.
Беспощадна и слепа
рука палача.
Пал под пулями
президент Сальвадор Альенде,
Смерть трусливой покорности
предпочтя…
Генералы,
душители революции!
Подстрекатели,
одолливающие разбой!
Время начисто
ваши развеет иллюзии,
Впереди ещё
– самый последний
решительный бой.
Вам народ не простит,
как бы вы не юлили.
Не навеки трагической быть судьбе.
Не свободу чилийскую вы, господа,
задушили,
А петлю вы, намылив,
на шею надели себе…

Когда сердце переполнено сильными чувствами, то и при недостатке литературного опыта могут родиться вот такие сильные, образные строки.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1973. – 8 ноября. – С. 3.

КОГДА СТИХ ОБРАЗНЫЙ…

Мне довелось познакомиться с объёмистой тетрадью стихов Александра Кривоногова из Мариинска. Работу этого автора отличает пристальное внимание к окружающему, стремление к оригинальному, образному мышлению. Не всё одинаково хорошо удаётся молодому поэту, но со многим его уже можно поздравить. Не всякий начинающий автор решится воспроизвести в словах впечатление, которое оставляет в наших сердцах музыка. Александр Кривоногов взялся за эту тему, написав интересное стихотворение «Скрипач». Вот строки из него:

…И вот уже затрепетал смычок,
И чьё-то сердце с ним затрепетало.
Я лиц не вижу, слышу голоса,
В который раз я – их подвластный пленник.
Я музыку немного знаю сам,
В ней главное начало – удивленье…

Музыки, как таковой, мы, конечно, не слышим в этом стихотворении, но волнение скрипача и слушателя передано убедительно.

Хочется отметить ряд отдельных удачных строчек Александра Кривоногова из других стихотворений. С большой болью и человечностью сказано о журавлях, на которых некоторые вскидывают ружьё: *«Неужто нам их встретить больше нечем?»*. Афористично звучат следующие строчки: *«Счастливым только тот умеет быть, кто хоть однажды в жизни был несчастным».* По-своему сказано о людях, не умеющих ценить земную красоту: *«Но тем, кто солнце спящими встречают, не дал бы никогда путёвку в небо».* Сильными строчками передано чувство человека, потерявшего надежду на всё доброе в жизни: *«Но как непросто, как чертовски трудно к большому солнцу сделать шаг назад»*. Жаждой познать в жизни как можно больше, чтобы было что сказать людям, продиктовано такое искренне признание автора: *«Видимо, не так уж мало надо мне, чтобы только строчку сочинить».*

Всё сказанное выше, разумеется, не означает, что стихи Александра Кривоногова близки к совершенству. Нет, работа ему предстоит ещё очень большая. Недостатков в его стихах немало. Это и неловкое обращение в ряде случаев со словом, из-за чего мысль выражается неточно, а то и просто путано, это и технические недоработки многих строчек, в частности, приблизительная рифмовка. Но в общем и целом поэтические поиски и находки Александра Кривоногова вселяют веру в то, что со временем он может стать интересным поэтом.

Любопытная попытка изобразить осеннюю природу в оригинальных образах наблюдается в стихотворении «Осень» беловчанина Дмитрия Клёстова:

Отшумели красные гастроли
Жарких дней и ливней грозовых.
Осень, осень, кто в заглавной роли
На твоих подмостках золотых?
Клён садовый или дикий ясень
В одеяньи древнего царя,
Или солнце, или воздух ясный
За роскошной рампой октября.
Или неприметная доселе,
В ивняке журчащая слегка,
В золотой осенней карусели
Очень говорливая река.
Может, главный сказочный этюдик
С поднебесным клином журавлей,
Может быть, в заглавной роли люди
На разлёте скошенных полей?
Рассыпая золотые блёстки
Да сводя поклонников с ума,
Взобралась берёзка на подмостки
На вершине рыжего холма.

Перед нами – уже второй, переработанный после критических замечаний вариант стихотворения, но, к сожалению, и в этом улучшенном варианте автору не удалось избежать некоторых недостатков. Он, например, не заметил противоречия в «характеристике» реки: вначале сказано о ней *«журчащая слегка»*, то есть очень тихая, а чуть ниже – *«очень говорливая река»*. Чему же верить? Не до конца выдержана «эстрадная» образность, ничего не имеет с ней общего *«вершина рыжего холма»*. А ведь была возможность найти соответствующий образ, ну, скажем, «на галёрке рыжего холма» – и как бы точно вошло это в образный строй всего стихотворения. Следовало подумать над лучшей расстановкой слов в строке *«может быть, в заглавной роли люди»*, так как соединение двух последних слов здесь весьма неблагозвучное *«ли-лю»*. На подобные, казалось бы, «мелочи» тоже надо обращать серьёзное внимание. А вообще, несмотря на частные недоработки, это стихотворение Дмитрия Клёстова заслуживает одобрения, так как здесь самое правильное в поэзии решение темы – образное.

Не лишены образности стихи Рудольфа Лихоманова из Междуреченска. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести стихотворение под названием «Печка»:

Она была когда-то бочкою,
Её сварили второпях.
Пусть неказистая, но прочная,
Она была для нас своя.
Над ней сушили обувь рваную,
Чуть не молились золотой.
Она, как яблоко румяное,
Сочилась южной теплотой.
Для поддержанья общей бодрости,
Под треск сырых еловых дров,
Мы возле печки мяли новости
И веселили чаем кровь.
Хоть паровозом Черепановых
Она дымила – не беда!
Мы «окрестили» печку заново
Ташкентом маленьким. Когда
Зима прошла, и мы построили
Здесь теплотрассу и жильё,
У печки бок сгорел с трубою, и
К забору бросили её.
Сегодня слышу речь прорабову
В нарядной нашей поутру:
– Давно в утиль буржуйку надо бы,
Чтоб вид не портила двору.

Читаешь стихотворение и явственно ощущаешь определённую опытность автора, похвальную бойкость его пера, уверенное владение стихотворной формой, в частности, сложной дактилической рифмой (рифма с ударением на третьем от конца слоге; классический пример: странники – изгнанники, деревенская – женская). Хорошо сказано о печке, что *«она, как яблоко румяное, сочилась южной теплотой»*. И ещё: *«Хоть паровозом Черепановых она дымила – не беда!»*. Это также интересно подмечено. Лишь один образ кажется нам не совсем удачным: *«мяли новости»*. Слово *«мяли»* по отношению к новостям – не то, оно почти равносильно слову *«мусолили»*. Выражение *«чуть не молились золотой»* всё-таки читается обращённым к «рваной обуви», а не к печке. После *«южной теплоты»* совершенно лишними, повторными являются строчки о том, что печку окрестили маленьким Ташкентом. Заметно испорчено хорошее стихотворение неудобными переносами слов: в первом случае строка читается слитно, как и во втором: *«Ташкентом маленьким когда»* и *«трубою и»*. В этих местах автору явно изменило чувство слова. При использовании дактилических рифм надо стремиться к большей благозвучности (*прорабову – надо бы* – очень небрежная рифмовка). Избежать подобных недостатков, на наш взгляд, вполне по плечу Рудольфу Лихоманову, автору довольно способному.

Приятное впечатление оставляют стихи А. Мальцева из Тайги. Вот одно из его стихотворений – «Для тебя»:

В заре востока Томь купается.
И сопки – словно в акварели.
В росе природа просыпается.
Ей птицы дарят свои трели.
Горит, горит восток восходом.
Рассвет вступает в новый день.
Идёт, идёт по небосводу,
Как будто сказочный олень.
И утро брызжет сочной свежестью,
Вокруг всё мило голубя.
И птицы нежное сольфеджио
Сегодня учат для тебя.

А. Мальцев тоже, как мы видим, хорошо понимает, что образность намного обогащает любое произведение, отсюда и *«восход, как сказочный олень»,* сравнение вполне оправданное (*лучи* – как *рога*), и *«нежное сольфеджио»*, которое разучивают птицы, чтобы подарить его любимой лирического героя. И не что-нибудь, а именно сольфеджио, т. е. вокальное упражнение для развития слуха и приобретения навыка

петь по нотам без помощи инструмента (исполняется без слов). Правда, стихотворение имеет и существенный недостаток – разную рифмовку, из-за которой несколько нарушается чеканность ритма (во втором четверостишии).

Образность, метафоричность встречаются, понятно, не у всех начинающих авторов, но зато это частично восполняется подкупающей искренностью, как, например, в стихотворении «Верность», принадлежащем перу военнослужащего Юрия Каплина:

В твоих глазах – безмерная печаль.
В твоих глазах – синеющая даль.
В твоих глазах – бездонная любовь.
И боль разлуки, нас настигшей вновь…
Солдата ждать ты будешь, знаю я!
На то порукой – искренность твоя,
Не клятвы, нет, неверные порой,
А свет очей лазурно-голубой.
Правдивый свет небесной чистоты,
Душевной доброты и красоты.
Нет качеств тех ценнее для людей.
В них верность наша.
Что её сильней?!

Стихотворение по-юношески немного наивное, очень непосредственное и, может быть, тем и привлекательное. Но по частностям стоит сделать кое-какие замечания. Эпитет *«бездонная»* по отношению к любви неудачен, бездонная глубина глаз – другое дело. Правильнее сказать не *«на то порукой»*, а *«тому порукой»*. К разряду поэтических красивостей относится выражение *«свет очей лазурно-голубой»*. Непонятно, в ком *«в них»* верность, до этого говорится о людях, и получается, что наша верность – в людях, а имелось в виду, наверное, другое: глаза, поскольку речь всё время идёт о них, глазах, честных, правдивых, излучающих искренность и доброту.

Два других стихотворения Юрия Каплина гораздо слабее, особенно в техническом отношении.

М. Косолапов из Мысков своё стихотворение «Зимой» сопроводил короткой, но многообещающей припиской: «Здравствуй, дорогая редакция! Читаю ваши статьи. Действительно, своими стихами думаю заняться серьёзно».

Похвальное намерение, которое можно только приветствовать. Но стихотворение «Зимой» получилось пока что слабоватым. В нём нет поэтических открытий, которые бы свидетельствовали о наблюдательности автора. О зиме говорится слишком «традиционно», иными словами, очень похоже на то, как уже не раз писалось о ней. Вот некоторые строчки из этого стихотворения: *«Сыплет небо чистым снегом на поля и на стога, ветер воет ночью волком на дороги, на сугробы, на речные берега».* В этих строчках нет цельности, картины, пейзажа. С одной стороны – чистый снег, красота природы, её умиротворённость, и тут же – ветер воет ночью *волком.* Это уже не просто лёгкий снегопад, а непогодь, страшная вьюга-завируха с воем и свистом ветра. Автор не видит внутренним взором то, что описывает.

Примерами, которые использованы в сегодняшнем обзоре, мы ещё раз хотели напомнить начинающим авторам о том, что они должны стремиться к образному, яркому выражению своих мыслей. Когда же образность подменяется небрежной скороговоркой, поверхностной описательностью, тогда автор заведомо обречён на неудачу.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово. / / Комсомолец Кузбасса. – 1973. – 12 декабря. – С. 4.*

В ПОИСКАХ СВОЕГО СЛОВА

Как уже известно нашим читателям, в конце минувшего года Кемеровской писательской организацией был проведён поэтический семинар. Среди авторов, чьи стихи обсуждались на семинаре, был Виталий Веретенников из Мариинска. Много полезных критических замечаний было высказано ему руководителями и участниками семинара, которые в общем признали, что В. Веретенников – человек способный, заниматься литературный трудом ему определённо стоит. Недавно В. Веретенников прислал нам новое стихотворение, написанное уже после семинара, с учётом звучавшей в его адрес критики. Стихотворение представляется интересным:

Приняв воинственную позу,
Мне урбанисты говорят:
– Зачем деревне и навозу
Ты отдал столько лет подряд?
Я не держал на них обиду,
И ничего не стал сулить…
Когда слепой совсем не видит,
Слепого можно ли судить?
Да разве им, с таким-то взглядом,
Понять когда-нибудь меня,
Что пахнет детством безоглядным
Весною талая земля?
Для них, быть может, и не прав я,
И понимаю их беду,
Но от земли и разнотравья,
Меня хоть режь, я не уйду.
Вот я пашу, пласты с наклоном
Кладу, как в кладку кирпичи,
А следом шествуют с поклонами
Мои поклонники – грачи.
И если я работал в поле
И вдруг добавилось орбит,
То это значит, как в футболе,
С моей подачи мяч забит.

Стихотворение интересно своим гражданским пафосом, твёрдой авторской позицией, с которой прямо и убеждённо заявляется о непоколебимой любви к деревне, к родной земле. Но многие строчки, к

сожалению, не лишены частных недостатков. Прежде всего – незачем урбанистам, т. е. приверженцам всего городского, принимать *«воинственную позу»*, чтобы упрекнуть автора (или же лирического героя) в пристрастии к деревне. Далее. Поскольку написано *«мне говорят»* – в настоящем времени, то и следующие строчки лучше звучат так: *«Я не держу на них обиду и ничего им не сулю»*, а у автора эти строчки звучат в прошедшем времени, логическая связь нарушена. Непонятно, почему детство снабжено эпитетом *«безоглядное»*, тем более в применении к запаху талой земли. Непонятно также, какая *«беда»* горожан имеется в виду в строчке: *«Я понимаю их беду»*. В пылу полемики нелюбовь к деревне названа слишком сильно – бедой. Неловко построены строчки: *«Вот я пашу, пласты с наклоном кладу»*. Запятая после слова «пашу» при чтении скрадывается, и начало строфы воспринимается так: *«Вот я пашу пласты с наклоном»*. *«С наклоном – с поклонами»* – небрежная рифмовка. Но тут же приходится отметить, что хороша аллитерация – *«с поклонами – поклонники»,* так же, как хорош образ в заключительных строчках: *«С моей подачи мяч забит»*, т. е. недаром я работаю в деревне, есть и мой вклад в трудовые достижения Родины. Правда, требует большей конкретизации строка *«И вдруг прибавилось орбит»*.

Общее впечатление от стихотворения Виталия Веретенникова подтверждает мысль, что поэтические способности у него есть, но надо их ещё развивать и развивать, надо много учиться и работать, чтобы не допускать простейших словесных ошибок и неточностей. Кстати, подобные просчёты характерны для стихов многих начинающих авторов, поэтому мы так подробно разобрали сегодня это стихотворение.

В одной из обзорных статей отмечалось, что упорно работает над стихами Михаил Косолапов из Мысков, он, в частности, по нескольку раз переделывает одно и то же стихотворение, добиваясь наилучшего варианта. Но с присылкой новой подборки стихов он явно поспешил. Вот, скажем, восьмистрочное стихотворение «Слово о России». Название громкое. А к чему сводится это «слово»?

Люблю задумчивые реки,
Крутые брови-берега,
Холмов недрогнувшие веки,
Оленей северных бега.
Кочуют древние туманы,
Мне ветер дует в паруса.
Гляжу на гордые курганы
И верю, верю в чудеса.

Внешне эти строчки выглядят как будто прилично – во всяком случае, зарифмованы они неплохо. Есть и попытка сказать что-то образно (в трёх первых строчках), но как же условны все приметы России, к тому же не совсем грамотно про *«веки холмов»* – недрогнувшие (?), а строчка *«Мне ветер дует в паруса»* почти дословно взята из книги «За далью – даль» Твардовского. В других стихотворениях Михаил Косолапов допускает смысловые ошибки, ощущается поспешность его работы, и в результате этой поспешности из-под пера способного человека выходят непродуманные строки.

Ещё одна подборка стихов. Творческие поиски Анатолия Анисимова идут по правильному пути – почти в каждом его стихотворении видны попытки решить ту или иную тему не поверхностно, а образно. Вот наглядный пример:

Солнца огненная птица
На плечо тайги садится
И, расправив крылья, ало
Лапы елей осияла.
Опалила опереньем
Облаков тугие звенья,
Подожгла и вечер с края,
И сказала, улетая:
– Улетаю за три моря
Зажигать другие зори,
Ворочуся я в Россию
Поутру дорогой синей.

Образ *«Солнце – огненная птица»* проходит через всё стихотворение от начала до конца, он очень органичен и убедителен и вместе с тем поэтически сказочен. Такие глубоко продуманные и законченные стихи радуют. Но, судя по некоторым другим стихам, Анатолий Анисимов ещё не выработал в себе безупречный вкус к слову, не хватает ему и твёрдого знания родного языка. Встречается у него в подборке стихотворение – тоже образное, которое звучит прямо-таки пародийно: *«Любо-дорого смотреть – сердце замирает. Колет киркой месяц твердь, звёзды рассыпая. Так и хочется сказать: «Дай, братишка, кирку, колупну сквозную гладь – в будущее дырку»*. Неудача такого рода тем более огорчительна, что написано это не шутя, а вполне серьёзно. Эта *«в будущее дырка»*, рифмующаяся со словом *«кирка»*, в котором неправильное ударение, вызывает одно недоумение: неужели автор не чувствует безвкусицу такой «образности»?

Много недостатков в стихах Геннадия Полицина из Ленинска-Кузнецкого, но радует в них искренность и непосредственность в выражении самых заветных, интимных чувств. Вот, например, начало одного стихотворения, обращённого к любимой девушке:

Новый год в двенадцать постучится,
Милая, в твоё окно,
На стекле напишет, что случится,
Вязью зимней озорно.
Ты попробуй разгадать узоры,
Штрих за штрихом, не спеша.
Если повезёт – то наши взоры
Встретятся – замрёт душа…

В этом отрывке обращает на себя внимание то, что у автора хорошее чувство ритма (другой здесь как будто даже и немыслим, так он удачно найден), и вместе с тем мы видим, что автор ещё слабовато знает

родной язык, о чём свидетельствует неправильное ударением в слове *«штрихом»*. Хорошо сказано в концовке этого стихотворения о цветах *«свежих даже в холода»*, однако мы не случайно ограничились цитатой лишь отрывка – одним из существенных недостатков стихов Геннадия Полицина является их многословие. В связи с этим хочется посоветовать ему писать более короткие стихи, так легче научиться делать законченные, без лишних слов вещи.

Вызывают симпатию литературные начинания Юрия Голомазова из Мариинска. Особенно приятное впечатление оставляют его пейзажные зарисовки, например, вот эта:

Вот звёзды небо жемчугом устлали,
И месяц, нежно голову склоня,
Сибирские оглядывает дали
Сквозь звёздный свет лучистого огня.
И видит месяц: сладко спит деревня,
Спустившись к речке улочкой кривой.
В седых лесах затихшие деревья
Спят, принакрывшись снежной бахромой.

Зимнее настроение в этом пейзаже передано хорошо. Правда, не обошлось и тут без словесных накладок. *«Сквозь звёздный свет лучистого огня»* – эта строчка плохо продумана. *«Лучистый огонь»* рядом со *«светом»* – лишнее дополнение. *«Жемчугом устлали»* – ненужная красивость. Юрию Голомазову, как и многим другим начинающим, следует обратить внимание на правильность ударений в словах.

Более подробно хочется поговорить о стихах Владимира Петраша из Новокузнецка – и потому, что он уже не новичок в поэзии (более десяти лет назад опубликованы его первые стихи), и потому, что этот автор упрямо не хочет замечать слабость своих многих стихов, горячо настаивает на их публикации. Новая подборка Владимира Петраша посвящается комсомольцам Запсиба. Это посвящение ко многому обязывает, и прежде всего – к свежему, не затёртому слову о молодых строителях, к открытию «своего» Запсиба, потому что о нём писали уже, и не раз. Если к тому же учесть, что автор сам принимал непосредственное участие в этой грандиозной стройке, то наличие «своего» Запсиба, открытого именно тобою, а не кем-то, само собой подразумевается. Однако приходится с большим сожалением прямо сказать, что никаких поэтических открытий в подборке Владимира Петраша мы не обнаружили. Все стихи чрезвычайно декларативны, риторичны, изобилуют общими фразами, не имеют и намёка на свежее, образное раскрытие темы подвига. («Подвиг» – так назван весь цикл из десяти стихотворений). Чтобы доказать это, нет надобности выбирать самые слабые, можно взять любое.

Вот начало первого стихотворения: *«От первых палаток до улиц первых был путь негладок – сдавали нервы. Бежали слабые, ныли трутни. Да, не ладилось, было трудно. Но мы построили новый город, и вот он, строен, красив и молод».* Стоит ли продолжать и доказывать, что нет в этих строчках истинной поэзии? Автор просто информирует нас о том, про что много раз писали газеты, причём в более ярких и выразительных корреспонденциях и очерках. Разве стихи становятся поэзией только от того, что их разбивают на короткие строчки?

Начало другого стихотворения: *«Не верьте, что было нам строить легко – было чертовски трудно в наших забывших уют и покой, в наших суровых буднях. Когда мы, бывало, срывались с лесов, жизнью купив бессмертье, ни дальше не стал от того горизонт, ни ближе не стал, поверьте»*. Напрашивается вопрос: с кем спорит автор? Кто утверждает, что строить Запсиб было легко? Неизвестно с кем придуманная полемика. Чем обогатится читатель, познакомясь с зарифмованными строчками, которые воспринимаются только как громкие фразы об эпохе и потомках, как стихотворный репортаж низкого художественного уровня?

Подводя итог вышесказанному, мне хочется пожелать молодым авторам большей требовательности к своему творчеству, настоящего поиска своего слова в поэзии. Мы ждём новой почты с новыми стихами молодых.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1974. – 29 января. – С. 3.

МЫСЛЬ – ВСЕГО ОСНОВА

Посылая в редакцию свои стихи, Николай Сосновский из Междуреченска сопроводил их припиской, которую заканчивал несколько шутливо: «Я думаю, что ваша статья, где вы раскритикуете в пух и прах мои стихи, пойдёт мне на пользу». Шутка, прямо скажем, горькая. Видимо, и сам автор понимает, что в стихах написал что-то не то и есть все основания раскритиковать их, как он выражается, в пух и прах.

Делать это мы, разумеется, не собираемся, просто проанализируем некоторые строчки Николая Сосновского. Ну, например, вот эти: *«Летит звезда. Зачем, куда? К чему лететь, зачем гореть? К чему свой свет другим дарить, зачем свой свет на землю лить? Не лучше ль жить, свой свет храня лишь для себя?»*.

На первый взгляд может показаться, что автор пытается о чём-то размышлять. Возможно, поиронизировать над чьей-то позицией. Однако нет. Это, так сказать, кредо. Если вчитаться в процитированные строчки внимательней, то увидишь, что это ложное глубокомыслие. Во всех его

риторических вопросах: *«Летит звезда. Зачем, куда?»* – лишь видимость какой-то «философии», на самом деле тут нет ничего, о чём можно было бы говорить серьёзно. Автор, очевидно, ещё молод, иначе ему не пришло бы в голову считать, что лучше свой свет хранить для себя. «Светить всегда, светить везде – вот лозунг мой и солнца». В этих известных строчках Маяковского – лозунг не только его самого, но и всех поэтов. Для того они и горят душой, чтобы их свет согревал других.

На этом примере мы лишний раз наглядно убеждаемся, как важно, прежде чем взять в руки перо, вооружиться, так сказать, какой-то значительной мыслью. Надо научиться преодолевать в себе жажду зарифмовывания всего, что приходит на ум без предварительного глубокого осмысления явлений и фактов. Мало ли какие слова не попросятся на бумагу – надо уметь отличать значительное от пустякового. Основа всякого настоящего поэтического произведения – образно выраженная мысль. И чем самостоятельнее мысль, тем сильнее её воздействие на читателя, тем больше она заставляет работать его воображение, волновать чувства.

Более зрело, чем Николай Сосновский, мыслит кемеровчанин Борис Севастьянов, но в его стихах, к сожалению, много рассудочности. То же, что идёт от эмоций, не совсем самостоятельно по выражению, напоминает готовые поэтические образцы. Давайте внимательно вчитаемся в небольшое лирическое стихотворение Бориса Севастьянова:

Прочь сомненья, тревоги былые!
Дайте место любви золотой!
Мне вчера улыбнулись впервые
Долгожданные очи одной…
Сразу мир стал светлее – я весел!
Кровь шумит переспелым вином…

Даже тополь приветливо свесил
Уши-листья, блестя сединой.
Не поймёт моего он веселья,
Своей жёлтой тряся головой,
Что вчера я ласкал в умиленье
Руки женщины с русой косой…

Весьма возможно, что всё здесь описано так, как было в жизни, но своих слов автор не нашёл, сбился на есенинские мотивы и образы (жёлтой головой, уши-листья). И поэтому как-то не верится в достоверность сказанного, оно приобретает оттенок книжности, вторичности.

Хорошо владея формой стиха, не избежал Борис Севастьянов частных недостатков: нельзя назвать рифмами такие слова, как вином – сединой. Не совсем точным кажется нам определение очей: долгожданные. Если бы говорилось о встрече, то тогда «долгожданная» была бы на месте. Зато удачным представляется нам выражение: переспелым вином. Вообще надо сказать, что литературная работа Бориса Севастьянова заслуживает доброго слова. Если он освободится от рассудочности и подражательности во многих своих стихах, то со временем от него можно ожидать определённых успехов.

Много пишет кемеровчанин Игорь Ерёменко. Не беда, что в некоторых стихах он мыслит несколько книжно, есть у него и стихи, темы которых подсказаны не книгами, а самой жизнью. Например, вот это стихотворение:

Горы, горы, ночами мне снитесь.
Плечи в тяжести рюкзака.
Ах, зачем полюбил эту высь я,
До неё не достанет рука.
Подошедшие воспоминанья
Обдадут меня потом дорог.
Говорил я вам: до свиданья,
Но проститься с вами не смог.

Не сумел побороть пристрастья,
И засохший цветок берегу.
Через радости и несчастья
Я приду к вам, горы, приду.
Неприступными будут вершины,
Небывало трудным подъём.
Но я верю: раз мы решили,
Значит, точка, значит, дойдём.

Это и написано с подлинным чувством, и выражено довольно умело. Игорь Ерёменко хорошо владеет стихотворным ритмом, а это уже немало. Правда, с рифмовкой у него дело похуже, видно, что ей он не придаёт большого значения. Отсюда такие приблизительные созвучия, как *берегу – приду, вершины – решили, снитесь – высь я*. Созвучиями пренебрегать не следует, они скрепляют, цементируют стихотворную речь.

В связи с другими стихами Игоря Ерёменко хочется пожелать ему не увлекаться отвлечёнными темами, которые не однажды разрабатывались другими поэтами. Самое верное и надёжное – черпать вдохновение не из книжных впечатлений, а из живой действительности, из окружающего тебя мира. Зачем, скажем, в который раз писать о Наташе Ростовой, всё равно ведь лучше Толстого не напишешь…

Выше мы подчёркивали необходимость мыслить самостоятельно. Не всегда и не всем это, к сожалению, удаётся. Многие молодые авторы ограничиваются тем, что просто зарифмовывают всем известное, знакомое. В результате рождается газетная информация в рифму, которая ничем не впечатляет, ничем не обогащает наше воображение, не волнует. Один кемеровский автор, подписавшийся инициалами Ю. Г., сочинил стихотворение «Мой город». В любви к родному городу, о которой говорит Ю. Г. в приписке к своему стихотворению, мы нисколько не сомневаемся, однако то, что вышло из-под пера, начисто лишено оригинальной мысли, это – своего рода поэтический стереотип невысокого художественного качества, что обнаруживается с первых же строчек: *«О, город мой! Над Томью синеводной стоишь красивый, стройный и свободный, на алом знамени тобой прожитых лет немало доблести и трудовых побед. Твои герои – это люди дела, оно у них всегда надёжный друг. И нет такого дня, чтоб не кипела работа от умелых крепких рук».* Что это, как не стихотворная информация, к тому же плохо оформленная словесно. Весьма условны,

неточны эпитеты, которыми снабдил Ю. Г. свой город: стройный и свободный. Без чувства слова сказано: немало доблести. Мало или много доблести – так сказать нельзя, она либо есть, либо её нет. Безграмотно выражение: *работа от умелых, крепких рук.*

Вряд ли читатель ещё больше полюбит свой город, познакомившись с такими строчками. А ведь задача поэта – вызывать в читательском сердце то, что чувствует он сам: любовь, ненависть, симпатию, антипатию.

Очень неравноценны стихи новокузнечанина Г. Зимина, многие из них страдают большими недоделками. Но вот он прислал новое стихотворение, которое можно рассматривать как шаг вперёд:

Мостик маленький через речку,
Где столпился седой березняк.
Над домами дыма колечки
Под затишьем скалистым висят.
По полям трактора таскают
Золотистой соломы возы.
Из-под снега уже проступают
Комья первой крутой борозды.
Шифер крыши белеет тускло
Сквозь печной деревенский дымок,
И овца жуёт вкусно с хрустом
С воза скинутый сена клочок.
Здесь я жил, здесь думал о школе,
Что была на высоком бугре.
Здравствуй, край мой – степное приволье!
Мама встретит меня на заре.

Немало мелких недоделок и в этом стихотворении. Нельзя, например, считать рифмами такие пары слов, как *березняк – висят, возы – борозды, тускло – с хрустом.* Не вяжется скалистое затишье со степным привольем. Если деревня в степи, то где же тут скалы? Как видим, частных недостатков в стихотворении много. Но встречается в нём одна живая деталь, которая поэтически освещает всё стихотворение, свидетельствуя о зоркости авторского глаза, о его наблюдательности. Мы имеем в виду строчки: *«И овца жуёт вкусно и с хрустом с воза скинутый сена клочок».* Эти строчки позволяют верить в поэтические способности Г. Зимина, в его будущие успехи.

Между прочим, в своём письме Г. Зимин делится такой мыслью: у меня, мол, большое желание писать на военную тему, хотя сам я на войне не был. Не знаем, на чём основано это желание, но дать положительного результата оно, как нам думается, не может, потому что убедительно и ярко можно написать только о том, что хорошо знаешь. А поскольку о войне, о подвигах наших солдат автор знает только из книг и кинофильмов, то хочет он этого или не хочет, а обязательно собьётся на повторение сказанного другими поэтами и писателями. Такова уж закономерность искусства. И хочется посоветовать Г. Зимину выбирать для своих стихов темы, которые соответствуют непосредственным наблюдениям над жизнью, собственному жизненному опыту. Только работая в таком направлении, можно надеяться на раскрытие своей творческой индивидуальности.

«Дорогая редакция! Посылаю свои стихотворения. Пишу редко, трудно даются». Это строки из письма кемеровчанки Надежды Громковой. Сразу же следует заметить: то, что трудно даётся, это хорошо, так и должно быть в настоящем творчестве; а вот то, что «пишу редко», плохо. Писать надо систематически, желательно, каждый день. Очень важно для литератора быть постоянно в так называемой рабочей форме. Вспомните страстные строчки поэта Николая Заболоцкого: «Душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь!» Никогда начинающий автор не станет профессиональным поэтом, если он работает урывками, время от времени. Работа, работа, работа – вот что должно быть девизом каждого, кто практически приобщается к литературе. Основа всего – мысль –оттачивается только ежедневной работой.

Итак, основа любого литературного произведения – мысль. Где она есть, там есть о чём и говорить, есть над чем подумать. О наличии мысли в любом, даже в несколько строчек стихотворении и должны в первую очередь заботиться молодые авторы.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1974. – 28 февраля. – С. 3.

НИКОГО НЕ ПОВТОРЯТЬ

Критика, если она объективна и справедлива, всегда приносит большую пользу. Ещё лучше, если сам автор умеет относиться к своей работе критически, придирчиво, тогда он и замечания других воспринимает безболезненно, без чувства ущемлённого самолюбия. И хорошо, когда эти замечания со стороны совпадают с твоими собственными сомнениями относительно того или иного произведения. Значит, критик прав. Значит, дело за тем, чтобы учесть его высказывания и, засучив рукава, снова засесть за работу.

Правильные выводы из наших критических суждений сделал новокузнечанин Владимир Петраш. Он, например, согласился с тем, что многие его стихи риторичны, информационны, не несут в себе того поэтического заряда, который зажигает сердце читателя. Результатом серьёзного пересмотра своих творческих позиций явилась новая подборка стихов, которая, безусловно, заслуживает внимания и поощрения. Большинство стихотворений этой подборки подвергалось тщательной доработке, перед нами – новые варианты старых вещей в новом, положительном качестве. Одно из стихотворений – «Бревенчатый собор» – стоит привести полностью:

Когда неважно смастерят
Или построят что-то,
Тогда в народе говорят:
Топорная работа.

Я под Орлом смотрел собор,
Он и теперь как новый:
Там был хозяином топор
В руках мастерового.
В нём ни единого гвоздя,
Но кто его разрушит?
Он помнит сеево дождя
И знает зной и стужи.
И всё стоит, и ничего!..
И ювелир приезжий
Всё смотрит, смотрит на него
Восторженно и нежно.
Ещё до Первого Петра,
До Грозного Ивана
Русь начиналась с топора,
Как лирика с Бояна.
В труде – топор, в бою – топор,
Лицо в крупинках пота.
Стоит бревенчатый собор –
Отличная работа.

И про само стихотворение можно сказать: неплохая работа, хотя она и не доведена до возможного совершенства. Следовало, скажем, сделать более точными по мысли строчки: *«Он помнит сеево дождя и знает зной и стужи».* Не *«помнит»* и не *«знает»* напрашивается тут, а что-то другое, то, что в данном варианте лишь подразумевается: собор сумел выстоять под дождями, зноем и стужей. Кстати, не мешало бы автору вспомнить, что множественного числа у слова *«стужа»* нет. Следовало также подумать о более разнообразной рифмовке, не рифмовать дважды в коротком стихотворении одни и те же слова: *собор – топор*, не довольствоваться весьма отдалёнными созвучиями: *приезжий – нежно*. Но несмотря на эти отдельные недоделки, в целом стихотворение «Бревенчатый собор» оставляет, как мы уже говорили, неплохое впечатление благодаря удачно найденным словам, поэтической простоте, естественности интонаций.

На этом примере мы видим, как полезно возвращаться к уже написанному стихотворению, стремясь как можно лучше отшлифовать его.

Кемеровчанка Вера Крюкова прислала несколько стихотворений, с одним из которых хочется познакомить наших читателей. Называется оно «О любви»:

Тихим звоном песня льётся
Из волшебного ручья.
Рядом девушка смеётся.
Что за диво? Кто и чья?
Соткана из разнотравья,
Птиц различных голосов…
Кто же, кто же ты такая,
Вся из синих васильков?
Так прекрасна! Так чудесна!
Улыбается мне вновь.
Сердцу стало тесно-тесно.
Это же пришла любовь!

Что привлекает в этом маленьком, но законченном по мысли и чувству стихотворении? Прежде всего – стремление автора говорить образным, то есть поэтическим языком. И по форме всё сделано добротно, за исключением слабых созвучий: *разнотравья – такая* и расстановки слов в строке: *«Птиц различных голосов»*. Эти частности, однако, почти не нарушают внешнего благополучия строк и строф, но если заглянуть в них поглубже, то легко обнаружить недостаток более существенного характера. Возьмём строчку: *«Рядом девушка смеётся».* Здесь главный корень образной неточности. Изобразить любовь в виде прекрасной сказочной девушки, когда ты сама девушка, это значит вызвать недоверие читателя к достоверности поэтической фантазии. Ничто не вызвало бы сомнения лишь в том случае, если бы эти строки написал юноша, тогда всё было бы, как говорится, на своём месте. Можно предположить, что когда приходит любовь к девушке, то всё в мире преображается: и небо становится васильковым, и чья-то песня кажется звучанием волшебного ручья, и обычный людской говор кажется сотканным из различных птичьих голосов… Именно так надо было написать Вере Крюковой.

Очень неопытен и литературно несамостоятелен прокопчанин Владимир Уфимцев, в чём нетрудно убедиться, прочитав начало его стихотворения без названия:

Берег вновь окутан светом.
Льётся синяя волна,
И мутится алым летом
Златокудрая страна.
В перезвон гитары звонкой
Заплясал погожий день.
Гей, родимая сторонка,
Край российских деревень…

Владимир Уфимцев – весь в плену Сергея Есенина. Он копирует даже его манеру выражаться. Но копирует его так, что большинство строк вызывает недоумение. Вот и в этом стихе вначале говорится, что *«берег вновь окутан светом»*. Выходит, день ясный, солнечный. С чего же вдруг *«замутилась» «златокудрая страна»?* Автор не видит то, что изображает, он просто зачарован звучанием строк, не замечает дальше, что неловко построена фраза *«заплясал в перезвон»*, что *«край российских деревень»* явно перекликается уже со строками Александра Жарова из его знаменитой «Гармони». Говорить о стихах Владимира Уфимцева как о самостоятельных художественных произведениях пока не приходится, хоть присутствуют здесь, казалось бы, самые типичные поэтические атрибуты.

Во власти неповторимой есенинской поэзии и Валерий Сибикин из Мысков. Вспомним начало поэмы Есенина «Чёрный человек»: *«То ли ветер свистит над пустым и безлюдным полем, то ль, как рощу в сентябрь…»* и так далее. А вот строчки из стихотворения Валерия Сибикина: *«То ли псы накликают*

покойника, то ль рыдает метель за окном». И далее – об отчем доме: *«Нас в нём пятеро. Страшен вечер. Это логово, ясно, что ж, забивает без промаха ветер, не промажет осенний дождь».* Думается, нет необходимости дальнейших сопоставлений, и этих вполне достаточно, чтобы понять, что собственная муза у Валерия Сибикина ещё не созрела, она – лишь слабый отголосок готовых поэтических образцов со всеми их особенностями и отличительными свойствами, включая интонации и образы.

Когда читаешь подражательные сочинения, можно подумать, что авторам просто нечего сказать, нечего поведать из своего жизненного опыта, что их увлекает лишь механический процесс построения строчек в рифму. Подражательные стихи можно сравнить с игрушечными пистолетами: сделаны они, как настоящие, боевые, но стрелять из них нельзя. Такими вот игрушками забавляются, к сожалению, многие молодые авторы.

Никому как будто не подражает новокузнечанин Борис Рахманов, но в его стихах тоже лишь видимость поэзии. Давайте внимательно прочитаем одно из его стихотворений:

Деревня. Лес и воздух.
Прозрачная вода.
Такой прекрасный отдых
Запомнишь навсегда.
Мне с детства всё знакомо –
Деревня. Лес и воздух.
Сосна, что возле дома,
За домом берег крут.
Берёзовая роща,
Где груздь сырой растёт,
Болотных кочек площадь,
Где уток бил я влёт.
По полю и лугами
Брожу я целый день.
С рыбалкой и грибами
Совсем забыл про лень.
Мой отпуск пролетает
Как будто в сладком сне.
Я вещи собираю,
Пора в дорогу мне.

Единственное, что позволяет нам назвать эти строчки стихотворными, – это рифмы. А попробуем на миг представить, что рифмы здесь отсутствуют, и сразу же перед нами предстанет заурядная, скучная проза, не имеющая ничего общего с настоящими стихами. Суть стихотворения сводится к одному не новому умозаключению: прекрасно отдыхать в деревне. Однако, ничего нового, свежего в деревенском пейзаже читатель не видит, всё это «знакомо с детства» не только автору, а и любому, кто хоть раз бывал в деревне. Причём как равнодушно, бесстрастно повествует об этом прекрасном отдыхе: *«Деревня. Лес и воздух»*. А разве в городе воздуха, как такового, нет? Разве не надо было подчеркнуть каким-то ярким эпитетом, какой именно воздух в деревне в отличие от городского? А насколько прозаично выражение: *«Болотных кочек площадь».* Чуть выше вызывает улыбку строка: *«Где груздь сырой растёт»*. На корню груздю и положено быть сырым. Совершенно лишней в этом стихотворении является информация: *«Я вещи собираю, пора в дорогу мне».* Ради чего заявлено об этом? Читатель и так знает, что лирический герой в деревне временно, на отдыхе, что он уедет отсюда. Другое дело, если бы в этой информации было выражено какое-то чувство – прощания ли, сожаления ли, что вот приходится расставаться со всем, что так мило и дорого с детских лет.

Беда подобных стихотворений в том, что в них есть внешние элементы стихотворной речи – рифмы, ритм, и поэтому неопытным читательским глазом они ставятся где-то в один ряд с настоящими стихами. Но самый беглый анализ внутренней сути показывает, что к поэзии всё это не имеет отношения.

Очень уязвимым местом в поэтической работе кемеровчанина Владимира Манжоса является ритмическое построение строк, многие его стихи написаны таким размером, который трудно уловить. Этот недостаток заметно портит их. Но поэтическое настроение, стремление к образности позволяет надеяться, что Владимир Манжос изживёт со временем этот недостаток и порадует нас более отточенными по форме стихами. Ведь удаётся же ему находить чёткий ритм в некоторых вещах, как, например, вот в этом стихотворении со старинным, но никогда не стареющим названием «Весна»:

Расцвела вдруг ватою
верба под окном,
И в окно стучится
солнца лучик-гном!
Пробуравив воздух,
скачет по стене –
он восход весенний
посылает мне…
Солнце, улыбаясь,
пляшет в ручейках,
шаловливый ветер
виснет на руках…

Последние две строчки могут вызвать вопрос: почему *«ветер виснет?»,* но не будем придираться к молодому автору, который, написав их, старался выразиться по-своему, оригинально, никого не повторить. Никого не повторять – это должно быть одной из главных задач молодых стихотворцев.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1974. – 2 апреля. – С. 3.

ОТ УЧЕНИЧЕСТВА К ТВОРЧЕСТВУ

Как известно, настоящая поэзия предполагает оригинальную образность, серьёзность, глубину содержания, отточенность формы. У большинства молодых авторов все эти необходимые качества в совокупности встречаются очень редко. В их произведениях мы чаще всего наблюдаем лишь частичные признаки поэзии: то можно обнаружить интересные образы, существующие как бы сами по себе, не

создающие цельной картины, то при наличии оригинальных мыслей хромает форма, то, наоборот, форма вполне приличная, а содержание незначительное, мелкое. Причины этого разные: в одном случае это литературная неопытность, в другом – легковесное, дилетантское отношение к своей творческой работе, в третьем – просто отсутствие способностей. Разгадать конкретно ту или иную причину так вот, сразу, нельзя. Это дело рискованное, тут легко ошибиться.

Кемеровчанин Евгений Панов предложил нашему вниманию подборку из нескольких стихотворений. Первое из них называется «Стакан». Вот оно:

Они уехали, оставив
Щербинкой тронутый стакан.
Он молоко лучей сквозь ставни
Слепым котёночком лакал.
Беднее были. Со стакана
На свадьбе пили за себя,
За жизнь свою. О, нет, не стану
Винить поспешно, второпях.
Но это он давал водою
Запить комки от глупых ссор.
Ведь это он цветы весною
Хранил, как снег вершины гор.
Ведь это с ним чаи гоняли,
Чтоб не расплакался сынок.
По нём вы ложечкой стучали.
И вот… Валяется у ног.
Да, он наивный так недавно
В глаза вам зайчика пускал.
А вы? Уехали, оставив
Щербинкой тронутый стакан.

Знакомство с этим стихотворением показывает, что его автор – человек, не лишённый поэтических способностей. Свидетельством являются следующие образные строки: *«Он молоко лучей сквозь ставни слепым котёночком лакал», «Ведь это он цветы весной хранил, как снег вершины гор».* Итак, мыслить образами автор, безусловно, умеет. Это основной признак поэзии. Но здесь как раз тот случай, когда отдельные образы ценны только сами по себе, а для общего и целого не имеют никакого значения, так как стихотворение, если рассматривать его с точки зрения художественности, не состоялось. Оно, казалось бы, претендует на философичность, но «философия» эта не имеет серьёзной основы, она ложна в самой своей сущности. В самом деле, автор был как будто преисполнен желания осудить, развенчать человеческую чёрствость, бездушие. Благое намерение. А каково его исполнение? Разве можно считать заслуживающим осуждения тот житейский факт, что какие-то, по мнению автора, неблагодарные люди уехали, оставив *«щербинкой тронутый стакан»?* Такая ли уж это духовная ценность, чтобы стать предметом философского рассуждения о добре и зле? Отнюдь. Повод для рассуждения выбран, прямо скажем, ничтожный, и поэтому всё стихотворение звучит неубедительно, фальшиво. Кстати, оно плохо продумано и в частных деталях. Есть и просто ошибки. Например: *«Со стакана* (вместо «из стакана») *на свадьбе пили за себя, и жизнь свою».* Одним словом, воистину вышла буря в стакане.

Выше мы говорили, что Евгений Панов умеет мыслить образами. Есть они и в других его стихах. Но образность, повторяем, не должна быть самоцельной, работающей в том или ином стихотворении вхолостую, она должна органично входить в ткань произведения, усиливать общее впечатление от него.

Мы потому так подробно остановились на стихах Евгения Панова, что в них проглядываются искорки поэзии, а это всегда заслуживает внимания и поддержки. В дальнейшей своей работе ему следует заботиться преимущественно о наполнении формы, которой он уже более или менее владеет, значительным содержанием, не сводить его к пустякам или к таким унылым сентенциям, как в стихотворении о заботливых жёнах: *«Да, жёны усвоили прочно знание стирки и суть».* Ради подобных бескрылых умозаключений браться за поэтическое перо попросту не стоит.

Симпатичные стихи прислала кемеровская десятиклассница Наташа Цокатова. Ну вот, например, отрывок из одного стихотворения:

Мне снились звёзды ночные
Невиданной красоты,
Зелёные волны морские
И снился, хороший, ты.
Я будто на лодке зыбкой.
И громом гремела гроза.
Но рядом – твоя улыбка
И солнечные глаза.
И долго потом всё молчало.
Мёртвая степь тишины…
Лишь нежное имя звучало,
Качаясь на гребне волны…

Наташа Цокатова ещё очень молода, но у неё уже верное понимание сущности поэзии. Свежо, по-своему, сказано о тишине: *«Мёртвая степь тишины».* И другим ценным качеством обладает Наташа: воображением, фантазией. В действительности, может быть, не было никаких морских зелёных волн, никакой зыбкой лодки, а родилось всё это в воображении, легло на бумагу, и нас, читателей, вовлекло в этот условный, но воспринимаемый как реальность поэтический мир. Сама Наташа чувствует свою способность мечтать, воображать ту или иную картину, о чём догадываешься, прочитав такие, скажем, по-молодому задорные строки:

Уж я получше Левитана
Нарисовать в мечтах смогу,
Как вата мягкая тумана
Садится на сосны иглу…

Само собой разумеется, что стихи Наташи Цокатовой ещё далеки от совершенства. В первом стихотворении не удалось ей как следует выровнять ритм в некоторых строчках. В только что приведённом четверостишии слабые рифмы: *смогу – иглу* (да и правильнее было бы *«на иглу сосны»*). Надо также Наташе

избегать чрезмерной поэтической отвлечённости, вроде: *«Два кратких «да» взметнутся неумело, потонут в море красоты»*. Слишком уж это условно и беспредметно – взметнувшиеся да ещё неумело слова, так же как и ничего не выражающее *«море красоты»*. *«Мягкая вата тумана»* – вот это конкретно, зримо и выразительно. К такой вот впечатляющей образности и надо стремиться Наташе Цокатовой, решительно отвергая первые пришедшие на ум литературные штампы.

«Мне очень интересно будет узнать ваше мнение о моих первых стихах», – пишет в редакцию тоже кемеровская десятиклассница Таня Кокина. Познакомимся с одним из её стихотворений о школе:

Сегодня мы гурьбой весёлой
Все вновь спешим в родную школу.
Так здравствуй, наш просторный класс!
Ты долго ждал, наверно, нас.
И рады мы, что вот сейчас
Войдём мы снова в светлый класс.
За парты сядем мы в рядок,
Учитель свой начнёт урок.
И нас в мир знаний поведёт
Всё дальше, всё вперёд, вперёд!

Не хотелось бы, конечно, чтобы после нашей оценки этого стихотворения Таня Кокина разочаровалась в своих литературных начинаниях, но кривить душой перед ней было бы нечестно, поэтому скажем откровенно: это стихотворение отличается от прозаического школьного сочинения только наличием ритма и рифм, что является лишь первым шагом в освоении стихосложения. Для этого тоже нужны некоторые способности, и они у Тани есть. Это уже похвально. Плохо пока то, что не видно здесь попытки найти свои, свежие слова, определения, образы, все строчки написаны по знакомому стандарту.

Совет Тане Кокиной такой: надо избегать привычных словосочетаний, которые создают впечатление бедности языка, его невыразительности. Русский язык наш богат и ярок, если обращаться с ним не механически, а творчески, с постоянными поисками не бывших в употреблении словесных формул, сочетаний. Лишь тогда писание стихов от ученичества перейдёт к творчеству.

Слово ещё одному начинающему автору – прокопчанке Оле Кузьминой. Она прислала нам стихотворение под названием «Когда-нибудь»:

Когда-нибудь через потоки лет
Тебя я встречу в городском трамвае.
Войдёшь и, равнодушно взяв билет,
Ты встанешь рядом, но не замечая.
Я рассмотрю тебя, каким ты стал
За годы те, что молодость так губят.
Лица всё тот же ласковый овал,
Всё те же брови, те сухие губы.
Всё тот же блеск твоих прозрачных глаз.
И всё же что-то новое, чужое.
И это новое мешает так сейчас
Мне вспомнить то, кода-то дорогое.
Да… Годы не проходят стороной…
Они меняют мысли, чувства, внешность.
Но мы случайно встретились с тобой,
И сердце вновь пронизывает нежность.
И память вслед прошедшему бежит,
К минутам слабости и ревности напрасной.
…Я чувствую: твой голос чуть дрожит,
Когда ты тихо говоришь мне: – Здравствуй…

Читая это стихотворение, замечаешь, что у Оли Кузьминой редко встречающаяся в стихах молодых склонность к серьёзным, глубоким размышлениям. Это, пожалуй, самый ценный поэтический дар. В стихотворении нет яркой образности, однако это ничуть не уменьшает его эмоционального воздействия. Оля Кузьмина так ясно представила, какой может быть встреча когда-то любивших друг друга людей и так достоверно внешне и психологически сумела это выразить, что читатель как бы сам присутствует при встрече, невольно приобщаясь к героям стихотворения. В этом его сильная сторона. А слабость – в отдельных строчках, где нарушается единство времени: *«войдёшь»*, *«встанешь»* и *«встретились»*, *«пронизывает»*, *«дрожит»* и *«говоришь»*. То в будущем, то в настоящем времени, а должно быть в одном: ведь речь-то о том, что будет. Это большой недостаток, который не позволяет назвать стихотворение законченным. Надо над ним ещё поработать, основа для хорошей вещи тут есть.

Несколько слов в заключение. До полноценных произведений путь нелёгкий. Пускай поначалу не всё получается, как надо, но если ты чувствуешь, что имеешь литературное призвание, не бойся трудностей на этом пути, дерзай, ищи, трудись, как говорится, не покладая рук, вкладывая в свой труд все силы ума и сердца.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1974. – 30 мая. – С. 3.

«ВЫРАЗИТЬ СЕБЯ…»

Большинство начинающих авторов пишут лирические стихи. В лирике, как правило, человек старается выразить свои самые сокровенные мысли и чувства, открыть перед читателями свой внутренний мир, всё то, чем он, как говорится, живёт и дышит. Подтверждение этому мы находим и в творчестве наших классиков, лучших современных поэтов, родная стихия которых – лирика.

Вот как говорит о своих литературных начинаниях новокузнечанка Татьяна Кущ: *«Не знаю, как случилось, что стала писать стихи. Думаю, что это произошло не случайно. Мне нужно как-то выразить себя…»*

Итак, выразить себя. Самовыражение – в широком понимании – это утверждение своего «я» как общественной личности со всей присущей тебе индивидуальностью, со своим мировоззрением, со своим отношением к людям, к природе, ко всему окружающему миру.

С технической стороны стихи Татьяны Кущ ещё очень несовершенны. По молодости и неопытности она пока слабо владеет формой стиха, но даже и в таком виде её первые стихотворные опыты заинтересовывают, так как в них проглядывается личность. Так, например, молодой автор не просто любуется красотами природы, а старается одухотворить её, найти в ней какие-то незримые связи со своим душевным настроением. В качестве примера приведём одно небольшое стихотворение:

С утра, как солнышко была,
Всё встреч нечаянных ждала,
И мне природа вторила,
Поверив мне, не спорила.
Но нетерпения гроза
Вдруг налетела на глаза,
И снова мне стучит в окно
Дождинок горестных пшено.
Любимый! Ни при чём погода,
Что стало сумеречно днём!..
То грусть моя нахмурила природу,
Печаль нежданно вылилась дождём.

Если учесть, что Татьяна Кущ, как она сообщает в письме в редакцию, стихи писать начала совсем недавно, в марте этого года, то без всякой перестраховки можно поздравить её с успешным началом литературной работы. Вот на такие, как процитированное, стихотворения и следует ориентироваться Татьяне, избегая общих фраз, рассудочности, высокопарности, что можно встретить в других её стихотворениях. И надо к тому же много работать над формой, уделяя должное внимание ритмике, рифмовке, то есть совершенствоваться во всех отношениях, добиваясь отточенности каждой строфы, каждой строчки. А сказать Татьяне Кущ людям есть что, и это одна из главных предпосылок для того, чтобы не бросать начатое дело.

А вот письмо от безымянного автора: *«Дорогая редакция! Мне 17 лет, я студентка второго курса. Стихи я начала писать давно, но потом забросила. Всё время читаю вашу страничку (имеется в виду рубрика «Факультет молодого литератора»)) и решила послать вам свои стихи».* Поскольку на конверте нет ни имени, ни обратного адреса, а наше мнение студентке хочется узнать, то мы решили ответить ей через газету.

В подборке несколько стихотворений, и все они о любви. Прочтём одно из них: *«Любил ли он меня? А я его любила? Не знаю. Но всё прошло или не всё. Нет, я ничего не понимаю. Была любовь иль не была? Но что-то было, было, было. И всё растаяло, прошло. И нет тоски, и боли нет в душе, а лишь одни воспоминанья. И сладость поцелуев есть, и жадность их осталась. Всё помню, всё. Но я не знаю, любил ли он меня, а я его любила?»*

С чисто литературной, художественной стороны стихотворение явно беспомощное – тут не может быть иного мнения. Но автор тоже как-то выражает себя, и нравственная сторона этого самовыражения требует определённой оценки. Автора мучает вопрос: *«Была ли любовь?»* И вместе с тем Н., назовём её условно так, признаётся, что была *«сладость поцелуев»,* что осталась *«жадность»* их. Откровенно говоря, такое отношение к любви несколько шокирует. Возможно, даже не желая этого, автор даёт себе нравственную оценку. И она, как видите, очень невысока. Одним словом, случается, что выражение твоего «я» вряд ли интересно читателю.

А теперь я хочу обратить ваше внимание на одно явление, которое нередко встречается в практике некоторых «стихотворцев». Я имею в виду странную загадочность некоторых стихов: с одной стороны, абсолютная безграмотность, а с другой – почти профессионализм, и всё это у одного и того же автора.

Беловчанин Владимир Н., не хочется полностью называть его фамилию, прислал несколько стихотворений. Все они, за исключением одного, написаны на таком вот литературном уровне. Цитирую точно, с соблюдением авторского правописания: *«Иду, волнуясь бесконечно, оврагом. А в десяти шагах коснулись с ним и поперечность, и озабоченность руках. И ближе мне теперь понятья, и помню дивные черты. Не каждый может быть в объятье, по жизни счастье получить».* Вы что-нибудь поняли, уловили из этого набора слов? Я – нет. Это какой-то словесный ребус, в котором при самом напряжённом усилии ума невозможно найти здравый смысл. О форме уж говорить не приходится – нет здесь ни размера, ни созвучий. Ещё пример – из другого стихотворения под названием «Мальчишки». *«На площадке, где сидят мальчишки, – шумная весёлая толпа. По вечерам мальчишкам нашим слишком время лучших кажется пора».* И снова – сколько ни ломай голову, ничего не разберёшь. Неужели сам автор не видит, что из-под его пера выходит какая-то несусветная бессмыслица? И вдруг в конце рукописи стихотворение, которое мы полностью цитируем:

Дождевые струи, как волокна,
От небесной сферы до земли…
Лишь одни приветливые окна
Светят мне – и рядом, и вдали.
А моя дорога перевита
Тем, чем больше в жизни дорожу…
Долг сильнее этого магнита –
Я на новый поиск ухожу.

Стихотворение называется «Поиск». И по аналогии с этим названием невольно напрашивается вполне закономерный вопрос: интересно, где, в какой газете, книге или журнале нашёл Владимир Н. это почти безупречное во всех отношениях стихотворение? Во всяком случае, поиск его увенчался успехом – украл он у хорошего поэта. А что это именно литературное воровство – нет никакого сомнения. Не может быть такой метаморфозы, чтобы человек, не умеющий связать двух слов, вдруг взял да и написал что-то без сучка и задоринки. Горькую улыбку и жалость вызывает жажда напечататься во что бы то ни стало даже при явном риске публично зарекомендовать себя плагиатором – литературным вором. Расчёт тут, видимо, такой (очень наивный): стихи у нас в стране печатаются тысячами, десятками и сотнями, и едва ли в редакции узнают, у кого это списано. Действительно, пока мы не знаем, кто подлинный автор стихотворения «Поиск», однако не исключена возможность, что кто-нибудь из читателей поможет нам разгадать эту загадку…

Стремление напечататься, разумеется, вполне естественно, если оно к тому же подкреплено уверенностью в доброкачественности своих писаний. Но не всякого начинающего обуревает оно, справедливости ради стоит отметить, что многие молодые авторы самокритично относятся к своей литературной работе, долгое время пишут так, для себя, а если и решаются что-то прислать в редакцию, то чаще всего только затем, чтобы получить консультацию, услышать совет, подсказку. В этой связи подкупает своей искренностью стихотворение «Первый стих», которое прислал нам прокопчанин А. Полин:

Я стих написал и от радости пел,
Казалось, мой стих совершенства предел.
Но утром прочёл и уже не ликую:
Как мог написать я бездарность такую?
Я с первым стихом не кидался в газету,
Друзьям не читал, не просил их совета.
Я, в сотый раз пушкинский томик раскрывши,
Увидел, насколько… глупы мои «вирши».
С досадой своё разорвал я творенье
И, бросив в окошко, вздохнул с облегченьем.
А ветер осенний схватил и, спеша,
Обрывки по саду с листвою смешал.

Авторская откровенность в этом стихотворении предельная. А. Полин самокритичен. Но лучше недооценить себя, чем переоценить – в этом залог дальнейшего совершенствования. Очень уместным в данном стихотворении является упоминание пушкинского томика. На кого, как не на классиков, надо равняться нам, у кого, как не у них, учиться. Работая над стихами, никогда не надо забывать гигантов литературы, они всегда, как высокие горные вершины, должны быть в поле нашего зрения. У А. Полина нет оснований выбрасывать свои стихи в окошко – это отнюдь не глупые «вирши». При известном литературном навыке от искренности до поэзии – один шаг, а искренности автору не занимать. Как бы там ни было, а радость творчества уже знакома ему: *«Я стих написал и от радости пел»*. По поводу названия – «Первый стих» – хочется сделать принципиальное замечание. Многие авторы, в том числе и А. Полин, считают равнозначными понятия «стих» и «стихотворение». Между тем это не одно и то же. Стих – это одна строка, а когда написано несколько таких строк, то это уже стихотворение, которое называть стихом – неправильно.

Закончим тем, с чего начали. Родная стихия лирики – самовыражение. Выражать себя, значит, нести людям то, что есть в тебе хорошего, доброго, светлого, интересного для всех, с кем ты родственен душой. Но самовыражение не должно замыкаться в узкие рамки мелких чувств и мыслей, оно должно содержать в себе всю полноту многообразных жизненных явлений, на которые у тебя – свой взгляд. Настоящий лирик – не камерный певец для немногих, а выразитель дум и чаяний своих современников. Нечего выражать тому, кто живёт сугубо личными интересами, обитая где-то на глухих задворках действительности. Вот почему молодым стихотворцам так необходимо постоянно обогащать себя всесторонними знаниями, опытом жизни. Чем духовно богаче личность, тем интересней и значительней то, что она выражает.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1974. – 29 июня. – С. 3.

ВИДЕТЬ БОЛЬШЕ ДРУГИХ

Одна из счастливых особенностей всякой поэтической натуры – видеть в окружающем мире больше того, что видят другие, и говорить обо всём увиденном, подчас самом будничном, обыденном, на языке образов, метафор, вдохновенно и возвышенно. Такую особенность нельзя приобрести, как нечто такое, что доступно любому и каждому, оно даётся от природы, вроде врождённого музыкального слуха. В нашей повседневной жизни всё привычно и знакомо с детских лет, но и во всём этом, как говорится, давно примелькавшемся, можно найти что-то новое, интересное, даже необычное, если природа наделила тебя поэтическим даром, способностью открывать новое в том, что для большинства людей старо, как вечность.

Ну, что нового, скажем, в таком пейзаже, как наша река Томь. Сотни раз мы видели её – и весеннюю, в бурном ледоходе, и летнюю, с обмелевшими водами, и зимнюю, скованную сибирской стужей. Река как река, никаких особых эмоций она не вызывает, объяснение этому самое простое: мы к ней привыкли. Но вот перед нами стихотворение кемеровчанина Валентина Прохорова под названием «Томь», оно лишний раз убеждает нас в том, как много значит неравнодушное, поэтическое восприятие любого предмета и явления:

Направив в грудь удар кинжальный,
Мороз в восторге сел под ель.
Легла ты змейкою хрустальной
На белоснежную постель.
Лицо холодное, как льдинка.
В глазах погасла синева.

В узор гранёные снежинки
Тебя убрали в кружева.
Горели звёзды, будто свечи,
Ты засыпала крепким сном.
И лунный свет тебе на плечи
Ложился фосфорным огнём.
Но в день весенний под лучами
Ты засверкала, что роса.
На грудь большими жемчугами
От счастья брызнула слеза.

Прежде всего, следует отметить, что технически стихотворение сделано почти безукоризненно. Это говорит о том, что азы стихосложения автор уже освоил. Факт немаловажный. Но самое главное, что радует в этом стихотворении, – авторская попытка решить тему по-своему, при помощи метафор, одухотворяющих неодушевлённый предмет, сближающих такие понятия, как река и живое существо, в данном случае – женщина. Сама по себе эта попытка заслуживает внимания и поощрения, потому что именно таким и должен быть подход к поэзии, однако не всё тут из того, что было в замысле, нашло точное воплощение. Большинство метафорических деталей олицетворяет чисто человеческое: грудь, плечи, глаза, лицо, слеза. А в одном месте Валентин Прохоров всё-таки допустил промашку, нарушил цельность в живом облике реки, написав: *«Легла ты змейкою хрустальной»*. Эта *«змейка»* – деталь уже совсем иного рода, не имеющая никакого отношения к одухотворённому образу реки. В этом же месте – другая неточность: *«Легла ты змейкою хрустальной на белоснежную постель»*. Под *«постелью»*, надо думать, подразумевается ледяной покров, который образуется на поверхности реки при наступлении зимних морозов. Так что вода-то, «змейка», там, в глубине, подо льдом, а не на нём, не на *«белоснежной постели»*. Плохо продуманы, вернее, выражены строчки: *«В узор гранёные снежинки тебя убрали в кружева»*. Ясность мысли здесь затуманивается двумя сходными словосочетаниями: в узор и в кружева. Неточность и в концовке: *«На грудь большими жемчугами от счастья брызнула слеза»*. Если *«жемчугами»*, то слёзы, а не слеза. Во второй строке *«в восторге»* – не то слово. По смыслу здесь более подходит другое выражение: торжествуя. То есть, торжествуя победу над неуёмной, вечно текущей рекой.

Отмеченные недостатки стихотворения «Томь» в какой-то степени ослабляют его, но в целом оно интересно, своеобразно и – что самое ценное – соответствует тем правилам и законам, по которым создаётся настоящая поэзия.

Этим правилам и законам следует, на первый взгляд, и А. Фёдоров из посёлка Кизас, что в Горной Шории. По тому, как уверенно владеет этот автор стихотворной формой, сразу же видишь, что А. Фёдоров – человек уже весьма искушённый, опытный, не первый год занимающийся литературной работой. Он даже пробует писать сонеты, которые требуют незаурядного таланта, большого мастерства. Но вся его большая подборка – двадцать одно стихотворение – вызывает лишь тревогу.

В приписке к стихам А. Фёдоров говорит, что посылает самое своё сокровенное. В чём же оно? Подборка начинается следующим сонетом:

Поэту не завидуй, юный друг.
На каторгу он обречён с рожденья –
Писать поэмы и стихотворения.
А если слава улыбнётся вдруг,
Изменится ли сущность положения?
Конечно, нет! Среди друзей, подруг
Не онемеют пальцы крепких рук
И не покинет сила вдохновения.
Поэт в поту, в исканиях всегда,
Пока свой бег не кончили года,
Покуда сердце пылкое стучит.
Он кровью платит людям за признание,
Как утвердил себя – на том стоит –
Таков удел великого призвания!

Можно ли говорить здесь о сокровенности, т. е. о том, что присуще только тебе, твоей личности? Едва ли. Разве это личное откровение – строчки: *«На каторгу он обречён с рождения…»*? Любой любитель поэзии тотчас же вспомнит, что этот образ позаимствован у Есенина, который писал: «Обречён я на каторге чувств вертеть жернова поэм». Это наиболее характерный пример того, как А. Фёдоров работает над стихами, наивно переплетая в них чужое, книжное, и своё. Там, где книжность выдерживается от начала до конца вещи, создаётся впечатление, что это поэзия. А когда автор попытается сказать что-то по-своему, сразу же даёт знать о себе отсутствие у него хорошего художественного вкуса, а то и просто правильного понимания элементарных истин. Вот наглядное доказательство: *«Поэт… в исканиях всегда»*. Пусть и не новая, книжная строчка, но вполне поэтическая. А до этого – чисто авторское: *«Поэт в поту»*. Несостоятельность этих слов более чем очевидна. Странно выглядит этот «поэт», обливающийся, как грузчик, потом над своим письменным столом, над чистым листом бумаги…

А. Фёдоров – весь во власти различных поэтических образцов. Может быть, есть у него что-то и своё, сокровенное, заветное, но всё это вязнет в литературных реминисценциях, в готовых, неоднократно бывших в употреблении словесных конструкциях, сравнениях, эпитетах.

«Когда-то я уже писал вам. За это время стал понимать стихи, но, боюсь, писать так и не научился… Что я думаю о своих стихах? Что они плохи – и это не ход конём, поверьте. Мне не нравятся они в общем, лишь отдельные моменты. Но мне кажется, нет такого человека, который был бы полностью доволен своим творчеством», – это из письма неизвестного новокузнецкого автора, вместо имени и фамилии поставившего инициалы: У. А.

«Стал понимать стихи». Что ж, это уже радующий шаг. Вместе с тем автор откровенно делится сомнением относительно того, научился ли их писать, самокритично признаётся, что считает свои стихи плохими. Так ли это на самом деле? Попробуем разобраться.

Самым удачным в подборке, присланной У. А., кажется нам стихотворение, написанное без рифм, в мало распространённой форме белого стиха. Это стихотворение сам автор называет экспериментальным. Можно сказать, что кое в чём эксперимент получился неплохим. Стихотворение посвящено любимой девушке. Вот как оно начинается: *Мне сегодня приснилось, будто часто меня вспоминаешь, будто хочешь приехать. Ведь бывают же глупые сны. Всё равно каждый вечер буду я выходить на дорогу, чтобы встретить автобус, на котором приехала ты».* Правда, и в свободном по форме стихе не избежал У. А. неточности, последняя строчка в этой строфе построена не совсем правильно. «Чтобы встретить автобус, на котором, возможно, приехала ты» – так, пожалуй, было бы точнее. Попытка У. А. обратиться к белому стиху, по-видимому, не случайна – стихи с рифмами даются ему труднее. В этом легко убедиться:

Как спокойно, красиво и ясно.
Жизнь прекрасна под скопищем звёзд.
И, наверно, совсем не напрасно
Нам стрекочет приветливо дрозд.
Но взгляните на небо ночное,
Посмотрите на Млечный Путь,
Вы познаете тяжесть покоя
И усталость от благостных пут.
Не ищите созвездий, не надо,
Отыщите единую ту,
Что даётся с рожденьем в награду,
Ту, что может уйти в мечту…

Звучат строчки складно. Но и только. Ни стройности мыслей, ни точности выражений, ни своего голоса. *«И, наверно, совсем не напрасно нам стрекочет приветливо дрозд».* Чисто есенинское. *«Благостные путы»* – тоже чьё-то чужое. *«Что даётся с рожденьем в награду»* – в награду за что? Почему, глядя на Млечный Путь, мы познаём *«тяжесть покоя»* – совершенно непонятно.

Нет никаких особых поэтических красот и образов в стихах Ю. Плотникова из села Сосновка Беловского района, но бывает, что волнуют и такие вот стихи – очень простые по содержанию, по форме, но написанные, как говорится, от всей души, с предельной искренностью, выражающие действительно самые сокровенные мысли и убеждения.

Не держи в покое самого себя,
Не живи, чтоб совесть ела, теребя.
Незаметно, быстро пролетят года.
Под лежачий камень не течёт вода.
Не сиди на месте, будь всегда в пути,
Отыщи, что раньше не могли найти.
Не пугайся бури, трудностей, невзгод.
Не сиди на месте, а иди вперёд!
Пусть шальные ветры бьют с размаху в грудь.
Будет с каждым метром тяжелее путь.
Пусть стальные нервы зазвенят струной.
Не забудь: ты – первый, сотни за тобой.
А когда достигнешь горизонта ты,
И когда увидишь с этой высоты,
Что не зря был пройден этот трудный путь,
Вот тогда, наверно, можно отдохнуть.

Не знаю, как кого, а меня это стихотворение убеждает своим поэтическим звучанием, неподдельностью чувств и страстностью, с которой высказываются пусть и не новые, но глубоко верные мысли. Возвращаясь к стихам А. Фёдорова, хочется заметить: опыт литературы, народная мудрость – наше духовное богатство, которое мы должны иметь в виду, создавая что-то новое, своё. Мы имеем право пользоваться этим богатством. Но смотря как. Если просто что-то копировать, то это будет слепым эпигонством, безнадёжным делом. Только творческое, а не механическое отношение к духовным ценностям способно принести пользу, обогатить познания, сделать более совершенным то, что создаём мы сами.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1974. – 30 июля. – С. 4.

СВЕТ ЖИВОЙ И ОТРАЖЁННЫЙ

Одно их стихотворений К. Симонова начинается запоминающейся строчкой: «Письма пишут разные». Перефразировав эту строку, можно сказать о литературных опытах начинающих авторов: стихи пишут разные. Про какие-то мы говорим: хорошие, про какие-то: плохие. Можно научиться прилично рифмовать и всё-таки быть далеко от поэзии. Можно, наоборот, не уметь подбирать звонкие созвучия и выстраивать строчки в определённый размер, но проявить при этом способность к оригинальному, поэтическому восприятию окружающего мира. Предпочтительнее, конечно же, второе, ибо рифмовать научиться гораздо легче, чем научиться поэтически, образно мыслить. Бывает, однако, и такая категория стихотворцев, чьи вещи нельзя назвать ни плохими, ни хорошими. Давать оценку таким стихам – самое трудное дело. Особенно трудное потому, что необходимо убедить автора в ошибочном понимании им сущности поэзии, а убедить не всегда удаётся, ведь этот автор уверен: пишу не хуже других. И пустым звуком могут для него прозвучать исполненные горечи, исповедальные строчки Александра Твардовского: «Не хуже – честь невелика, не лучше – вот что горе…».

Вот стихотворение новокузнечанина Александра Чигирина «Любовь моя – Россия»:

Люблю я раздолья России:
Распахнутый настежь простор,
Разливы хлебов золотые
И дали синеющих гор.
Под солнцем луга в полудрёме
С невысохшей в травах росой,
И рощи в дремотной истоме
Люблю перед летней грозой.

Всё тут, как говорится, благополучно: и ритм строго выдержан, и рифмы неплохие, и все слова и определения на своём месте. Почему же, прочитав это восьмистишие, не испытываешь того радостного

чувства, когда соприкасаешься с настоящей поэзией? Попробуем в этом разобраться, прочитав ещё несколько строчек из другого стихотворения этого же автора.

Далеко от родимого края,
Над холодною Эльбой-рекой,
Льётся русская песнь удалая
О далёкой сторонке родной.
И поёт эту песнь о России
Победивший советский солдат –
Про рассветы твои золотые,
Про вечерний багряный закат.
Он поёт про поля и долины,
Что на время оставил вдали,
И про шелест цветущей рябины,
Что склонилась до самой земли…

Читая, ловишь себя даже на такой неожиданной мысли: эти строчки легко могут лечь на музыку, до того они напевны. Но, может быть, как раз в этой напевности, которая заворожила, увлекла автора, и кроется секрет того, что строчки эти написаны как бы по какой-то инерции, толчок которой дали десятки и сотни похожих стихов? В самом деле, разве не встречали мы у разных поэтов – одно у одного, другое у другого – все эти поэтические атрибуты: *синеющие горы, дремотную истому, распахнутый настежь простор, багряный закат, песнь удалую, сторонку родную?* У Александра Чигирина не видишь даже попытки сказать о чём-нибудь по-новому, по-своему, найти пусть не бесспорный, но свежий образ, сравнение, эпитет. Строчки льются легко, свободно, но это не лёгкость, а легковесность, поверхностность. В результате перед нами – не подлинная поэзия, а лишь отражённый свет её.

Но новичок в поэзии Леонид Руденко из Анжеро-Судженска. Уже давно достиг он в своей творческой работе некоего средне-литературного уровня да так, увы, и остановился на нём, о чём свидетельствуют его новые стихи. Вот стихотворение «Сквозь годы», приведём его полностью:

Поле, поле! Иду ли с утра тут,
С наступлением ли темноты –
«По дорожке неровной, по тракту ли»
Полюбившийся слышу мотив.
Коммунаров, врагами несломленных,
Голосами земля говорит.
А по ней тракторист едет огненный
И поёт от зари до зари!
В посевную ли пору, в страду ли
По работе людей, по всему
Вижу: как далеко мы шагнули
По пути наших первых коммун!
Вижу: встали прекрасными фактами
Хлеборобов о счастье мечты!
И сквозь годы мне в душу летит:
«По дорожке неровной, по тракту ли…»

В стихосложении автор приобрёл уже известный опыт – об этом говорят и выдержанный размер, и точные рифмы (хотя в скобках следует заметить, что вообще-то Л. Руденко рифмует и неточно, например: «мечты – летит»). Впрочем, стихосложение стихосложением, а давайте заглянем в суть содержания. Оно сведено к факту, связанному с песней Ивана Молчанова о трактористе Петре Дьякове, которого в тридцатых годах живьём решили сжечь кулаки. До последних лет считалось, что Пётр Дьяков погиб, и лишь недавно выяснилось, что он тогда уцелел, остался жив, хотя в песне были такие слова: «На заре на утренней не стало тракториста Дьякова Петра». Что же натолкнуло Л. Руденко на мысль написать в связи с этим стихотворение? Песня. Песня, популярная в своё время. Автор вернулся к полузабытым строчкам, очевидно, для того, чтобы провести аналогию с нынешними колхозными делами. Благое намерение. Однако в приведённом стихотворении ощущается явная натяжка, надуманность. Житейский факт, как говорил Горький, в данном случае не стал фактом художественным, потому что автору не удалось логически убедительно связать концы с концами. Восклицательные знаки совершенно не убеждают нас в том, как далеко мы шагнули по пути наших первых коммун. Об этом бесспорном и отрадном явлении мы знаем больше из самой жизни.

Увы, не удалось Леониду Руденко найти те единственные, необходимые в данном случае поэтические образы, благодаря которым можно было бы расценивать его работу как истинно художественное произведение. Судите сами: *«Вижу: встали прекрасными фактами»* – это как из плохой газетной информации. Ещё раз перечитываешь рифмованные строки и убеждаешься, что это стихотворение лишено настоящей поэзии.

Живым, а не отражённым светом поэзии проникнуты строчки некоторых стихов Ольги Заозёрной из Междуреченска. Ну, хотя бы вот эти:

Солнечными крошечными точками
Счастье прорывается к нам в душу.
Мир цветёт, и клейкими листочками
Окончательно вытравливает стужу.
Лапами деревьев припорошенных
Летом эти сказки будут сниться.
А пока предел всего хорошего:
К солнцу запрокинутые лица…

По форме эти строчки ещё весьма корявы, а по чувству, настроению – цельные. Схвачен душой и запечатлён в словах какой-то радостный, счастливый миг жизни природы, и не сомневаешься, что автор пережил это, прочувствовал. Подтверждением подлинности мыслей и чувства Ольги Заозёрной могут быть и строчки из другого её стихотворения:

А ты пытай себя и мучай:
Ты оступайся, отвечай.
Держись не за удобный случай,
Ты каждый лучик подмечай!
Или далёкий луч заката,
Или блеснувший возле глаз…
Ты очаруйся им когда-то
Ну, хоть на миг, ну, хоть бы раз…

Многим придётся по душе нравственная позиция молодого автора, призывающей ближнего: живи трудно, оступайся, падай, но снова вставай и иди вперёд, чувствуй ответственность за себя и за других, и умей находить в жизни прекрасное, умей дорожить им. Это не заимствованное, а своё, глубоко прочувствованное. И в какой-то мягкой ненавязчивой форме выражено это обращение, просьба к другу, а может быть, к самой себе. Однако над техникой стихосложения, над чёткостью и точностью строк Ольге Заозёрной ещё работать и работать.

О любви написано немало, но можно и на эту вечную тему написать свежо, по-своему, как это сделала, например, кемеровчанка Наташа Цокашова*: *(возможно, в газетном тексте сделана опечатка: юная кемеровчанка Наташа Цока**т**ова, а не Цока**ш**ова уже упоминалась в статье от 30 мая 1974 г. под названием «От ученичества к творчеству».* – Примечание Н. Инякиной).

«Люблю тебя», – шепну несмело,
Прижав с волнением цветы.
«Ты – Афродита в платье белом, –
Послышится из темноты.
И голова вдруг закружится
От чувств божественных моих.
Им не земле не уместиться –
Седьмое небо ищет их.
Не вытерпев, звезда сорвётся
И угодит в ладони мне.
И Гименей вдруг улыбнётся
Двум силуэтам при луне.

Хорошие слова нашла Наташа Цокашова и тонко передала ими трепетные чувства двух юных влюблённых. Тема решена не прямолинейно, а именно поэтическими средствами – светло, возвышенно, чисто. Но некоторые строки портят это хорошее стихотворение. Например: *«Не вытерпев, звезда сорвётся и угодит в ладони мне»*. Звёзды и ладони – в некоторых, написанных по штампу стихах – неразлучные спутники модной красивости. Или: *«И голова вдруг закружится от чувств божественных моих». «Божественных»* – явно не то слово в строке.

Наташа Цокашова ещё очень молода – ей всего семнадцать лет, и тем радостнее, что в таком юном возрасте она во многом верно чувствует поэзию и проявляет в своих стихах незаурядные способности.

Так уж получилось, что и следующий наш автор, о котором пойдёт речь, тоже девушка – в этом обзоре они дают своего рода фору своим собратьям по перу. Слово – новокузнечанке Татьяне Кущ:

Ты так нежно, прошу, на меня
не смотри.
Я под взглядом, как в воздухе рыбица.
Я боюсь, что когда-то живое, внутри,
Не оттает, а вовсе рассыпется.
…И к двери потайной нужен ключ
золотой.
Может, сказка нужна, может, чудо,
Чтоб поверить себе и окликнуть: – Постой!
Я люблю… И твоею лишь буду…
Ты так нежно, прошу, на меня не смотри.
Я под взглядом твоим чуть живая…
Говори мне тихонько, душой говори…
Я от дождика слов – оживаю…

И в этом, к сожалению, технически несовершенном стихотворении, автор выражает своё отношение к вечной для поэзии теме. Вот сколько оттенков у любви – кого-то она захлёстывает, как ливень, и человек отдаётся ей весь без оглядки, а у кого-то она полна сомнений, разочарований, боязни ошибиться, сделать к ней шаг, который может быть ложным, принесёт новые огорчения и страдания даже.

То же самое происходит и с любовью к поэзии. Один, полюбив её, старается изо всех сил нащупать в ней свою тропку, чтобы выйти на дорогу самостоятельного творчества, с первых же шагов на литературном поприще он отдаёт работе над стихами всего себя, без остатка, не боясь никаких трудностей, сознавая их грандиозность и всё же преодолевая их упорным трудом, поисками своих изобразительных средств, приёмов. И такое отношение к делу часто увенчивается успехом. Другой, любя поэзию, боится трудностей, работает вполсилы, довольствуясь уже накопленным другими опытом, плывёт, так сказать, по течению не своей, а чужой реки. И озаряется эта река не открытыми им самим созвездиями, а открытыми кем-то, давно известными и знакомыми каждому любителю поэзии.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1974. – 31 августа. – С. 3.

ХОРОШО ЗНАТЬ РОДНОЙ ЯЗЫК

Говоря о творчестве молодых, мы неоднократно и настоятельно подчёркиваем, как важно пишущему быть грамотным человеком, хорошо знать родной язык. Особенно это необходимо помнить тем, кто от природы наделён литературными способностями.

В последней редакционной почте мне понравились стихи Виталия Нохолкова из посёлка Сунзасс, но вот беда – портит их плохое знание русского языка. Есть у этого автора такие строки:

Я, безразличный ко всему,
Сидел, склонившись у окошка.
И думал: скучно одному,
Хоть на столе была гармошка.
И ты вошла. Как ясный день.
Я сразу вздрогнул. Что случилось?
С души моей, как пуля, тень
Сорвавшись, моментально скрылась.
И в доме стало так светло,
Что даже солнце удивилось,
Которое сквозь туч пробилось,
Чтоб на тебя взглянуть тепло.

Стихотворение проникнуто неподдельным лирическим настроением, всё в нём скреплено не умозрительными построениями, а психологической достоверностью душевного состояния лирического героя. Как бы мимоходом сказано: *«Хоть на столе была гармошка»*, но эта деталь запоминается. Больше того, она позволяет нам домыслить образ героя: наверно, это вообще-то неунывающий парень, умеющий развеять не только свою, но и чужую грусть, ведь он – гармонист, душа всякой компании. А сегодня вот даже игра на гармошке не в силах прогнать чувство тоски, одиночества – так оно сильно. Да к тому же ещё за окнами пасмурно, ненастно, и на сердце от этого вдвойне тяжелей… И вдруг вошла она! На праздник этой встречи даже солнцу захотелось взглянуть, *«которое сквозь туч пробилось»*.

Вот тут-то и бросает автор ложку дёгтя в бочку мёда, допустив неправильный оборот речи «сквозь туч». Всё предыдущее зачёркивается этими двумя словами. Кое-кто может заметить, что, редактируя стихи, возможно вместо *«сквозь туч»* написать, скажем, *«сквозь мглу»*, но это не выход из положения и не утешение для автора. Ведь поэт – это творец, следовательно, он сам должен делать всё так, чтобы было без сучка, без задоринки. Язык надо не только знать, но и тонко чувствовать его. Виталий Нохолков в тонкости его ещё не проник, иначе он не написал бы: *«как пуля, тень»*. Сравнение явно неудачное. Автору хотелось найти что-то для сравнения того, что быстро, моментально скрывается, но пуля – совершенно не то слово, не тот предмет для этого сравнения.

К вышесказанному следует добавить, что и в письме Виталия Нохолкова в редакцию немало грамматических ошибок. Этот факт лишний раз убеждает, что способному поэту необходимо глубоко изучать родной язык, чтобы правильно и точно выражать свои мысли и чувства. А в том, что он – способный человек, нет сомнения. Продуманно построено в смысле композиции такое его стихотворение, как, например, «Я землю рыл», в котором очень искренне и убедительно (правда, несколько многословно) выражена гордость рабочего человека: *«Наш труд простой, лопатный был, но он историю творил, и шёл своим земным путём с простой лопатой за плечом, чтобы ракетам силу дать, чтоб спутники с Земли поднять. В нём наша сила, соль и пот и суть разведочных работ»…*

Эдуард Б. (так подписался под стихами автор из Новокузнецка) тоже, на мой взгляд, не лишён поэтических способностей, но ему тоже, как и В. Нохолкову, не хватает грамотности, умения правильно, со знанием дела пользоваться русским языком.

Не боюсь я встречи
С чёрными глазами,
Тонкий стан не стану
Страстно обнимать.
Тем глазам, что встретив,
Полные слезами,
Не боюсь при встрече
Бросить: – Полно врать!
Я боюсь за сутки,
Проведённых с нею,
С гадкою душою
В формах дорогих.
Верить ей на слово –
Права не имею,
Предоставлю право
Это для других.

Читатель, наверно, уже без наших объяснений обнаружил в этом стихотворении Эдуарда Б. неграмотные обороты речи, но автору мы всё-таки подскажем: должно быть – *«тем глазам, полным* (а не *полными) слезами»: «я боюсь за сутки, проведённые* (а не *проведённых*) *с нею»*. Это, казалось бы, так элементарно, а вот поди ж ты… Вместе с тем хочется отметить, что автор и сам, может быть, не видит своих сильных сторон. В данном случае в строке: *«Тонкий стан не стану…»*. Прекрасная аллитерация в словосочетании – «стан не стану». Такого и сознательно не все добиваются, и тем ценнее, что у Эдуарда Б. словосочетание это родилось, видимо, невольно, именно в силу его природных поэтических задатков. Их надо развивать, совершенствовать, а начинать следует всё с азов, с так называемого ликбеза, т. е. с ликвидации безграмотности.

Большие надежды подаёт своими стихами кемеровчанин Геннадий Полицын* *(возможно, в газетном тексте снова допущена ошибка в написании фамилии автора: в статье «В поисках своего слова» за 29 января 1974 г. он же упоминался, как Геннадий Полиц**и**н, только тогда он был жителем города Ленинска-Кузнецкого. А, может быть, ошибаюсь я – ведь это могут быть тёзки…* – Примечание Н. Инякиной*)*. Эти стихи отличают предельная честность, непосредственность. И человечность. О последнем качестве красноречиво говорит следующее стихотворение:

Брак по расчёту – подушка в слезах!
Сердце и душу ты носишь в цепях!
Звук металический слышишь всюду.
Ночью украдкой вздыхаешь по другу…
Стала актрисой, играешь роль
Верной супруги. А в сердце боль.
С каждой минутой тебе тяжелей
Жить квартиранкой в квартире своей.
Слабость минутная счёт предъявила,
Та, что когда-то тебя вдруг сразила.

Годы пройдут, как калеки, хромая.
Что же ты думаешь делать, родная?

Какая человечная интонация в заключительной строке. Другой бы, менее чуткий душой, мог проявить безжалостность к этой обманувшей себя (в первую очередь – себя) женщине, вышедшей замуж по расчёту, а у Геннадия Полицына не поднялась рука осуждать её, и без того обиженную судьбой, а точнее – своей ошибкой. Отсюда – такое участливое: *«Что же ты думаешь делать, родная?»*. В этом вопросе так и слышится недосказанное: не могу ли я тебе чем-нибудь помочь?

Стихотворение «Брак по расчёту» не оставляет нас равнодушными. И глубиной проблемы, и чисто поэтическими качествами оно свидетельствует о том, что написано одарённым автором. Но… Опять это «но». И опять оно относится к недостаточной грамотности автора. Он, например, не знает, что надо писать не *«квартиранка»*, а *«квартирантка»*, что слово *«металлический»* пишется с двумя «л». Пусть это незначительные ошибки, но в других стихах Геннадия Полицына их ещё больше. Значит, вывод всё тот же: необходима добросовестная, прилежная учёба. Недавно я лично встречался с Геннадием Полицыным, впечатление от этой встречи осталось приятное. Геннадию двадцать три года, поэзию он любит самозабвенно, разбирается в ней неплохо, о каждом из известных ему поэтов имеет своё твёрдое мнение, но и разговорная речь его изобилует неверными выражениями. Будем надеяться, что Геннадий Полицын осуществит своё намерение относительно учёбы. Тогда дела его пойдут гораздо лучше, успешней.

«Ответьте мне на вопрос: Сколько времени нужно в день уд*и*лять стихам, чтобы писать неплохие стихотворения?». Это из письма Виталия Авдеева (г. Киселёвск). И в самих стихах Виталия немало всяческих ошибок в таком роде: *«И становилось как-то мне* (вместо *«у меня»*) *легко, свободно на душе», «будет праздным* (вместо *«праздничным»*) *днём ему», «Мама рано ложит* (вместо *«укладывает»*) *спать», «прям* (вместо *«прямо»*) *под ним», «Сей памятник я не из камня, складаю* (вместо *«складываю»*) *из стихов».* «Складать» стихи Виталий Авдеев пока ещё не научился – в них нет ни ритма, ни рифм. А на его вопрос ответим так: стихам, чтобы они получались неплохими, надо не «уд**е**лять время», а надо жить ими. Поэзия – дело души, а, как говорил Николай Заболоцкий, *«Душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь»*. При этом, конечно, стоит сделать существенную оговорку: работать над стихами и день и ночь имеют возможность только профессиональные поэты, у многих, если не у большинства пишущих, такой возможности нет. Но всё равно регламентировать процесс творчества нельзя: работать над стихами надо каждый свободный от учёбы или основной деятельности час. Только при таком условии можно добиться чего-то значительного, серьёзного, основательного. И ещё при одном немаловажном условии: когда понимаешь разницу между такими отдалёнными, хотя и сходными по звучанию, понятиями, как *«праздный»* (пустой, порожний, ничем не занятый) и *«праздничный»* (прилагательное от слова «праздник»).

К каким только казусам не приводит автора плохое знание им родного языка! Выразить хочется одно, а получается совсем другое. Упорно работает над стихами кемеровчанин Владимир Манжос, и это сказывается на практике, на деле: новые стихи его всё лучше и лучше. Однако, как признаётся сам Владимир, ему «ещё трудно очень найти себя, и я иногда пишу «шершавым» языком». Что верно, то верно. Язык его стихов не только иногда шершав, но и неправилен:

Счастье твоё снова в пути,
По жизни идёт спотыкаясь.
Словно красивая роза в пыли,
Счастье моё растоптолось…

Автор хотел сказать: моё счастье затоптали, как розу в пыли. Не будем придираться к тому, что сравнение *счастье – роза* – шаблонное, безвкусное, обратим внимание на слово *«растоптолось»*. Владимир Манжос обязан был знать, что у этого слова есть ещё непредвиденное для него, начинающего поэта, значение. Говорят, ботинки (или сапоги) растоптались, т. е. стали более свободными, мягкими, удобными для ног, для ходьбы. Так что в данном контексте, в одном ряду со словом *«счастье»* слово *«растоптолось»* употреблять не следовало. Что имел в виду автор, понять мы, разумеется, можем, но тем не менее поэт должен чувствовать все оттенки и звучание слов и понятий, чтобы мысль, выраженная ими, не получала никакого другого толкования, кроме того, какое было в замысле.

Вот в стихотворении «Полюбить бы такую» читаем:

Совершенство фигурой
Мне не надо искать…

Снова неграмотный оборот. По тому, как построена фраза, можно вложить в неё такой смысл: мне не надо искать совершенство при помощи какой-то фигуры. Хотя это и бессмысленно, но именно так получается. Снова приходится лишь догадываться, что подразумевал автор, что хотел он сказать. А сказать он хотел о девушке: совершенную фигурой мне не надо искать.

Хорошо знать родной язык – это значит умело владеть главным инструментом литературного творчества. К этому должен стремиться каждый, кто решил посвятить этому творчеству свою жизнь.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1974. – 28 сентября. – С. 3.

ЛЮБОВЬ ИЛИ УВЛЕЧЕНИЕ?

Недавно редакция получила такое письмо: «Почти два года назад вы уже и похвалили, и поругали одно моё стихотворение… Вот хочу показать вам ещё немногое из того, что написал за это время, то, что хотя бы немного похоже на стихи. Боюсь, что моё литературное «время» кончается: пишу всё реже и хуже. Но ваш добрый совет помог бы мне сейчас ещё раз. С уважением Сергей Снегов. г. Кемерово».

Поначалу это очень искреннее письмо вызывает вполне понятное сочувствие и тревогу: что случилось, почему двадцатичетырёхлетний автор разочаровывается в своей работе, боится, что его «литературное время» кончается? Может быть, поэзия для него была только увлечением, а не любовью? А может быть, стихи, по его мнению, стали хуже потому, что он стал реже писать их?

Обращаемся к новым стихам Сергея Снегова. И тут выясняется, что его страхи – мнимые, что опускать руки, падать духом ему не следует: многие строчки свидетельствуют о том, что поэзия в них налицо.

Одно из качеств поэзии – поднимать на своих крыльях над повседневной обыденностью, будничностью, самые, казалось бы, заурядные, незаметные для других мелочи быта. Это качество дано Сергею Снегову. Посмотрите, как возвышенно и в то же время достоверно говорит он о жизни таких примелькавшихся всем птичек, какими мы считаем воробьёв:

Я тебе приберёг воробьиные песни.
Ты слыхала когда-нибудь, как воробьи
Свой задорный концерт начинают
чудесно,
Забывая на час про смешные бои,
Про голодных птенцов,
Про пшеничные зёрна
И про тёплую пыль на соседнем дворе…
И поют над землёй
Воробьиные горны
О прекрасной, о доброй, о летней поре.

Как известно, очень трудно передать словами восприятие той или иной музыки. Трудно, однако всё-таки можно. Пытался это сделать и Сергей Снегов в стихотворении «Слушая Грига»:

Минутами – часы. Торопятся секунды.
Полоскою закат в осиновой дали.
Дыхание Сольвейг коснулось губ
Пер Гюнта,
Серебряный фиорд встречает корабли…
В молчании холмов бежит тропа навстречу.
Берёт в себя туман кряжистые дубы.
И старый добрый гном
Зажёг фонарь под вечер
Бездомной мошкаре и сыновьям Судьбы.

У разных слушателей музыка пробуждает и разные ассоциации, любые из них мы вольны принимать или не принимать, но не верить в них у нас нет оснований. То, что нарисовало воображение Сергею Снегову, когда он слушал Грига, кому-то может показаться чуждым, а кому-то – родственным. Это дело вкуса. Бесспорно в данном случае одно: ассоциации эти переданы поэтично. Жаль только, что здесь не обошлось без досадных накладок: так, например, в словах *«Сольвейг»* и *«кряжистые»* не на своём месте ударения…

Судя по письму Сергея Снегова, требования к себе возросли, а написанное не всегда соответствует им. И тем не менее отходить от поэзии, бросать писать у него нет основательных причин. Просто надо много работать, работать упорно и целеустремлённо. А главное – не следует молодому автору сомневаться в своих творческих способностях, в своих возможностях сделать в будущем что-то интересное. Напрашивается лишь одна оговорка: добиться чего-то серьёзного, значительного можно лишь тогда, когда ты не просто увлечён литературой, а самозабвенно, безгранично любишь её и готов пожертвовать ради неё если не всем, то уж во всяком случае многим.

Интересным по решению темы любви показалось мне стихотворение Андрея Саинского (адреса своего он не указал):

Когда спешишь ты на свиданье
И, мимо дома проходя,
В окне увидишь очертанье
Знай – это я.
Когда тебя он нежно обнимает
И говорит: «Любовь моя»,
В твоей душе сомнение всплывает,
Знай – это я…
Когда уж свадьбу отгуляет
Твоя родня,
За стенкой мама зарыдает,
А вместе с нею, знай, и я.

Да, не всегда любовь бывает счастливой, взаимной, безоблачной, бывает и вот такая – безответная, безутешная, горькая до слёз. И сказано о такой любви искренно, с откровенной беспощадностью по отношению к самому себе. Это волнует, вызывает ответное чувство, в котором не только глубокое сочувствие к лирическому герою, но и к его любимой, потому что вряд ли она будет счастлива с тем, другим, ведь в её душе «сомнение всплывает». Стихотворение не лишено чисто технических недостатков, но оно подкупает силой чувства, заложенного в строчках. Всё-таки для пользы дела, для успешной работы в будущем укажем автору на некоторые неточности. Вместо *«очертанье»* хотелось бы увидеть здесь более подходящее слово-определение: силуэт, тень, чей-то облик и т. п. Во второй строке не хватает слова «моего» (дома). Требует также уточнения, где, за какой стенкой «мама зарыдает» (кстати, чья мама?). Это, на первый взгляд, – мелочи, но стихотворение стоит того, чтобы их не было. Не радует в приведённом стихотворении и то, что его начало заимствовано из популярной песни. Хочется пожелать Андрею Саинскому: любите поэзию так же, как ваш герой эту девушку – всем сердцем.

И ещё стихотворение о любви. Автор его – кемеровчанка Наташа Кузьмина:

Эти глаза унижали,
Эти глаза возвышали,
Неожиданно убивали,
Пожалев, возвращали
Жизнь.
Их странный свет
О чём-то говорил мне робко. Нет?
Что излученье звёзд, когда
Два неба вдруг сомкнулись навсегда,
В полон взяв сердце, что свободой билось.
В июле…
Слышишь, что оно разбилось?

И здесь опять-таки своё, оригинальное решение извечной темы. Давно подмечено, что самым подкупающим, волнующим является в стихах непосредственность, порой даже граничащая с наивностью. Вспомним шутливое, но полное глубокого подтекста пушкинское выражение: «Поэзия, прости господи, должна быть глуповата». Глуповата, разумеется, не в полном смысле этого слова, а в смысле – откровенна, с душой нараспашку. Так вот приведённые выше строчки отличает именно это свойство. Этим непосредственным чувством и привлекает стихотворная исповедь Наташи Кузьминой. Однако техникой стихосложения Наташе необходимо заняться всерьёз. Техническая незавершённость, корявость строк губят стихи, если даже в них присутствует предельная откровенность.

Наш земляк кузбассовец Сергей Подгорнов пишет в редакцию: «Года два назад я послал на ваш суд несколько стихотворений. И вы дали им тогда лестную оценку, такую лестную, что я был не только обрадован, но и озадачен. За прошедшее время в моей жизни произошло немало перемен: окончил школу, уехал во Владивосток, учусь здесь в университете, на втором курсе. Стихи писать не бросил. Посылаю вам большую подборку».

Приятно получать такие письма, в которых сообщается, что по прошествии лет повзрослевший уже человек, которого ты знал ещё когда он учился в школе, продолжает заниматься литературной работой. Притом – небезуспешно. Это значит, что поэзия для него – не кратковременное увлечение, а большая, настоящая любовь. Любовь надолго, а может быть, даже навсегда.

Подборку Сергей Подгорнов прислал действительно большую, обо всех стихах говорить мы не имеем возможности, но кое-что из них хочется привести. На дворе сейчас осеннее ненастье, а нас в ту пору, когда пробуждается природа, возвращают стихи под названием «Весенние этюды»:

Сугробы оседают тяжело,
Уже ручьи стремятся бурным бегом.
Овеянная солнечным теплом,
Земля освобождается от снега.
Порой бывает так: беда стряслась,
И всё вам чуждо, и душа пустая.
Но вдруг теплом коснётся кто-то вас –
И лёд в груди расплавится, растает.

***

Цветёт в квартире роза-недотрога.
Все хвалят дивный запах и красу…
А в мае, только снег сойдёт немного,
Подснежник распускается в лесу.
Он всё выносит: холод, ветер, грозы,
В нём нет крикливой, броской красоты.
И пусть прекрасней и душистей розы, –
Я не люблю тепличные цветы.

Две пейзажные миниатюры. Этюды, как назвал их автор. Но думать и говорить о них можно много. Одно из их поэтических достоинств в том, что это не просто весенние пейзажи, вернее сказать, это больше, чем просто весенние картинки. В обоих стихотворениях заключительные строчки содержат то, что мы называем философским раздумьем. В первом – речь не только о солнечном тепле, но и о человеческом, которое в определённые моменты жизни нам дороже всего. Во втором – ещё более глубокая мысль: немало ещё среди нас так называемых маменькиных сынков, тепличных роз и мимоз, а вот лирическому герою стихотворения (да, наверное, и самому автору) более по душе люди, которые не ищут в жизни лёгких путей, идут туда, где они нужнее, где и холод, и ветер, и грозы – всё это не страшит их, всё они готовы перенести, выдержать на своих плечах.

Как видим на этом конкретном примере, и обычный пейзаж, независимо от времени года, может стать основанием для создания стихов, в которых любование солнцем или цветком рождает в поэтической душе своеобразные живописные аналогии. В подобных стихах видна уже настоящая творческая работа, работа мысли и воображения, не имеющие ничего общего с легковесной констатацией какого-то мимолётного житейского факта. К работе над такими стихами нужно относиться особенно тщательно, чтобы избегать туманных неточных строк типа *«Уже ручьи стремятся бурным бегом».*

Можно с радостью отметить, что минувшие два года не прошли для Сергея Подгорнова бесследно, что за это время он сделал шаг вперёд. Ясно из самих стихов, что поэзия для него – не увлечение, а любовь.

Закончим сегодняшнюю обзорную статью небольшим по объёму, но ёмким по внутренней, поэтической сути стихотворением семнадцатилетней кемеровчанки Наташи Цокашовой* *(так всё-таки автор – Цока**ш**ова? Именно под такой фамилией она упоминалась в статье «Свет живой и отражённый» в обзоре за 31 августа 1974 года.* – Примечание Н. Инякиной):

Луна фонариком светила
Несмелой маленькой реке,
А та её благодарила
На непонятном языке.
Река луну благодарила –
Не страшно было ей бежать,
И утро звёзды не гасило,
Чтобы её не испугать.

Эти простые, незамысловатые строки тоже, как и у Сергея Подгорнова, не только зарисовка с натуры – здесь тот же второй (если можно так сказать, человеческий) план. В образе реки мы можем представить робкую, несмелую девочку, которая боится темноты, и кто-то, большой и добрый, зная это, старается согреть её своим светом; даже при наступлении утра этот сказочный заботник старается подольше не гасить звёзды.

Несколько слов в заключение. Чтобы из-под твоего пера чаще появлялись хорошие стихотворения, мало иметь природные способности. Надо для этого, во-первых, много и упорно писать, и надо, во-вторых, не просто увлекаться поэзией, а горячо и преданно любить её.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово. // Комсомолец Кузбасса. – 1974. – 31 октября. – С. 3.*

«… КОСНУТЬСЯ БЕЛОГО ЛИСТА»

Один молодой уральский поэт хорошо, афористично сказал: «Стыжусь коснуться белого листа, когда душа бесстрастна и пуста». Вот если бы все молодые авторы придерживались этого золотого правила! К сожалению, очень часто бывает и так, что за перо берутся даже тогда, когда, как говорится, за душой нет ничего, кроме неопределённого, смутного побуждения заполнить чистый лист бумаги какими-то словами и строчками в рифму (с наивной надеждой: не хуже, чем у других!). И начинается плетение словесных кружев – вымученное, непродуманное, иногда просто бессмысленное…

От ложности такого пути в поэзии мы обязаны предостерегать любого и каждого, не боясь обидеть строгой критикой, прямыми, пусть и резкими замечаниями.

Беловчанин Анатолий Анисимов прислал большую подборку, в которой встречаются неплохие строчки, но они кажутся случайными, потому что большинство стихотворений вызывает чувство огорчения ввиду их художественной несостоятельности. Вот, скажем, одно из них под названием «Новый год»:

Поклонник срока, ухарь, мот,
Остуда горестная зим,
О, карнавальный Новый год!
Сплетает дом курчавый дым
В полунебесную косу.
И бантом – небо на весу.
Войди, не горестно в дому.
Тебя, как бражника, приму.
Безумствуй, песни свои пой,
Но бант… не трогай голубой!

Почти все слова здесь – неточные, необязательные, многое в тексте вызывает просто недоумение. Какого срока поклонник – Новый год? Почему он – ухарь, мот, чем обоснована такая метафора? Дым из трубы, сплетающийся в косу, – этот образ можно представить. Однако почему коса – *полунебесная*? Как это понимать? Никак нельзя представить небо в виде банта. Сказано явно для красного словца. *«Войди, не горестно в дому».* При чём тут горестно или не горестно – непонятно. Дальше напрашивается вопрос: а если прохожий (или друг, знакомый) – не бражник, то он вряд ли был бы принят? Выходит так. И почему предполагается, что этот гость должен безумствовать? И, наконец, как он, пусть даже и в припадке безумства, может сделать что-то непозволительное с небом (*«но бант… не трогай голубой!»*)? Строк в стихотворении немного, а нагорожено в них столько, что и сам автор, наверно, не разберётся, что к чему.

А вот как начинается другое стихотворение Анатолия Анисимова «Рассвет»:

Светает. Тишина. Стоят туманы,
Скрывая похудевшие леса.
А петухи орут, как хулиганы,
О коих замечталася лиса.

«Похудевшие леса» – образ зримый, интересный, но дальше смысл сказанного анекдотически странный: лиса замечталась о… хулиганах. Только при повторном чтении этих строчек догадываешься, что хотел сказать автор: в мечтах лисы – петухи, которыми она не прочь полакомиться. Так можно дописаться до строк, достойных в «Крокодиле» рубрики «Нарочно не придумаешь»: *... «Шатаясь, иду сквозь роздыми. Бандиты или блондины? Стреляю почему-то беззвучно я. Сверкают куда-то льдины, совсем как товары штучные».* Вот уж поистине: в огороде бузина, а в Киеве дядька. Можно подумать, что бандиты не бывают блондинами, раз те и другие так решительно противопоставляются друг другу…

Судя по всему, Анатолий Анисимов в принципе понимает, что поэзия – мышление образами, метафорами, и стремится насыщать ими свои стихи, однако делает это, глубоко не вдумываясь в значение того или иного слова, не вникая в их смысловую сущность. Стремление к образности – похвальное дело, но надо прежде всего научиться ясно мыслить, тогда и выражение мысли в слове будет точным, ясным, логически стройным и образно впечатляющим.

Освоил формальную поэтику, умеет пользоваться рифмовкой и ритмикой С. Патрахин из Топок. Внешне его стихи выглядят вполне благополучно, больше того, неискушённому читателю может даже показаться, что написано это ничуть не хуже, чем у других, у настоящих поэтов. На поверку же выходит, что С. Патрахин, как и А. Анисимов, весь в плену плохо продуманных слов и образов. Давайте внимательно вчитаемся в следующее лирическое стихотворение:

Чёрный ситец бездонного неба,
Белый бархат снегов на полях.
Жди меня, кареглазая небыль,
В чёрной шали кудрей на плечах.
Жди меня. Я спешу сквозь провалы
Дымной тоги ревнивой пурги.
Наливая ромом алым бокалы,
Открывать дверь быстрее беги.

Поцелуем встречай у порога,
Опозданьем, прошу, не кори.
Выпей алого рома немного
И в объятьях скорее замри.
Ночь уходит… Иду в ситец неба,
Нотки грусти тревожат в речах.
Жди меня, кареглазая небыль,
В чёрной шали кудрей на плечах.

Да, коварная штука поэзия. Зачарует, околдует, заворожит своим напевом, своим звучанием, а потом, когда легковерный молодой автор сам попробует воспроизвести её, – возьмёт да и обманет: не так-то, мол, я простодушна, бесхитростна, не всякому даюсь в руки. В данном случае мы явственно ощущаем дыхание поэзии Сергея Есенина, отчасти Константина Симонова (например, в образе *«ситец неба»*, в повторе *«жди меня»*). Легко попался на удочку чужого влияния С. Патрахин и оказался жертвой мнимой поэтичности. Каких только условных красивостей нет в этом стихотворении: и кареглазая небыль (если небыль, то никакой девушки на самом деле нет, она – лишь мечта), и алый ром в бокалах, и чёрная шаль кудрей, и дымная тога ревнивой пурги (тога – верхняя мужская одежда у древних римлян, в которую автор нарядил пургу, фигурально выражаясь, женщину).

Автору невдомёк, что он запутался в словесных кружевах: он сам или его лирический герой ещё в пути к своей кареглазой небыли *(«Жди меня. Я спешу»)*, т. е. встреча ещё впереди, а говорится о ней уже в настоящем времени: *«Выпей алого рома немного и в объятьях скорее замри», «опозданьем* (вместо «за опозданье»)*, прошу, не кори».* Длительность пути к любимой чётко выражена в словах: *«Ночь уходит»*, а герой всё ещё идёт. *«Иду в ситец неба».* Это уж истинное чудо: не по земле, оказывается, он шагает, а воспаряет в небо! И при этом *«Нотки грусти тревожат в речах».* Хотелось бы узнать: а чьи же это речи, кто их произносит? До этого никаких людей рядом не было, говорилось только о бархате снегов на полях, о пурге.

Правда, С. Патрахин делает лишь первые шаги в литературе, следовательно, далеко не всё потеряно, может он выйти и на правильный путь – на путь реалистически трезвого осмысления окружающего мира и самостоятельного творческого отображения этого мира, а вместе с тем и присущего лирику самовыражения.

Совершенно иного качественного результата добиваются те молодые авторы, которые пишут, что называется, не мудрствуя лукаво. Их стихи рождаются не из книжных ассоциаций, а из глубины сердца, и потому доходят до сердца читателя. Виктор Петров из беловского посёлка Инской ещё недостаточно хорошо владеет техникой стихосложения, особенно слаба у него рифмовка, а читаешь его несовершенные по форме стихи и веришь: всё это – от души, от искреннего желания поделиться с другими самыми сокровенными своими чувствами, всем тем, что волнует, радует, удивляет, вызывает любовь к жизни, к людям. Для примера приведём стихотворение «Зимний вечер»:

Темнеет. Вечер наступает.
Метель бушует на дворе.
Окошко снегом засыпает.
Густеют сумерки в избе.
Объятый странною дремотою,
Сидишь у печки без огня.

Сверчок единственный с тобою
Стрекочет песню без конца.
И видишь сон: как будто в море
Тебя качает на волнах…
Среди цветов душистых в поле
Сидишь с ромашкою в руках…

О недостатках этого небольшого стихотворения я скажу ниже, а пока возьмём на себя смелость заявить: перед нами строки, имеющие прямое отношение к истинной поэзии. Ощущение раннего зимнего вечера, настраивающего на раздумья, на воспоминания о чём-то, далёком от метели за окном – о лазурном море или о солнечном поле в цветах, передано предельно просто и достоверно, так, как будто сам ты сидишь в сумрачной избе и, согретый ласковым теплом, в приятной полудрёме думаешь о чём-то хорошем, что-то вспоминаешь, грезишь наяву. Вспомним Чехова, который советовал начинающим авторам: не старайтесь писать красиво, пишите просто – пошёл дождь, наступило утро и т. д. Мол, всякий читатель знает, как идёт дождь, как рождается утро, и одних кратких слов этих ему, читателю, достаточно, чтобы воображение дорисовало полную картину. Так и здесь: *«Темнеет. Вечер наступает… Густеют сумерки в избе».* Заметьте, как будто, никаких образов, а всё мы видим, всё представляем. Главное в этом стихотворении – контрастность: наяву одно, а в мечтах, грёзах – иное. И это выражено убедительно. Ничего другого и не нужно.

А теперь несколько слов о недостатках этого стихотворения. Нельзя назвать точными созвучиями пары слов: *«на дворе – в избе», «огня – конца», «море – поле».* Вместо *«песню»* можно было бы найти какое-то другое слово, например, *«грустно»* (стрекочет грустно без конца). Вместо *«и видишь сон»* (не сон это, а только дрёма) напрашивается другое: *«и чудится»* (и чудится, как будто в море). Слово *«дремотою»* употреблено с неправильным ударением.

Отмеченные недостатки – результат авторской неопытности и недостаточной грамотности, они, безусловно, серьёзны, и всё-таки менее, так сказать, опасны, чем в стихах А. Анисимова и С. Патрахина, неплохо владеющих стихотворной формой, но лишённых того, что есть у Виктора Петрова: верного поэтического чувства.

Слабоваты по форме и стихи кемеровчанки Галины Ширковец, а общее впечатление от них неплохое. Секрет этого опять-таки в том, что нет в них никакой надуманности, нарочитости, расчёта на внешний эффект, всё просто, естественно, поэтично:

А первый снег, как чей-то смех,
Как ожидание удачи.
И растворяешься ты в нём,
И как-то выглядишь иначе.
Его хрустальный холодок
Так сладко губы обжигает,
Что сердце бьётся всё быстрей,
А все невзгоды отступают.

Он очень нежен, этот снег,
Так пахнет яблоком хрустящим.
Быть может, он ещё сойдёт,
Но он уже как настоящий.
В садах и скверах расстелил
Свои пушистые одежды,
И в хмурых людях воскресил
Давно забытые надежды.

Нетрудно понять, какую задачу ставила перед собой Галина Ширковец, создавая это стихотворение: выразить те чувства, которые наполняют душу, когда всё вокруг озаряется впервые перед наступающей зимой выпавшим снегом. Впрочем, «задача» – это слишком громко сказано, такой термин более уместен в применении к работе профессионального литератора. С приведённым стихотворением дело обстоит проще: оно, скорее всего, появилось как запись в дневнике, как душевный отклик на внезапную белизну и чистоту, так преобразившую вчерашнее серое осеннее ненастье. Столько светлой радости, бодрящей свежести подарил людям и земле первый снегопад, что и слова для выражения нахлынувших чувств нашлись как бы сами собой – их тоже подарила природа: хрустальный холодок, снег пахнет яблоком хрустящим, он очень нежен, этот снег… Даже невесёлые, хмурые люди оживились, воскресло в них что-то молодое, обнадёживающее. Сказано самое главное, то, что и требовалось для того, чтобы читатель мог почувствовать пережитое автором. Стихотворение могло бы стать по-настоящему крепким, если бы в нём точно рифмовались все строчки, а не только вторая и четвёртая. Но и в таком виде оно радует нас своей свежестью и чистотой, как первый снег.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1974. – 30 ноября. – С. 3.

ОСТАВАТЬСЯ САМИМ СОБОЙ

Спросите любого многоопытного, профессионального литератора: что самое трудное в писательском деле? Всё нелегко, ответят вам, но самое трудное – оставаться самим собой.

Можно быть широко образованным человеком, хорошо знать теорию литературы, правила стихосложения, сочинять приличные по форме стихи – и в то же время не иметь своего голоса. Всем нам известно, что поэтический талант – редкость, но ещё более редкий дар – выражать в слове себя таким образом, чтобы чувствовались твой характер, твоя натура, присущая только тебе манера говорить. От природы каждый человек оригинален, неповторим, у каждого – свой собственный, отличный от всех на свете духовный облик, но, к великому сожалению, далеко не каждому, кто берётся за перо, удаётся сохранить, запечатлеть в словесном материале все эти особенности своей человеческой индивидуальности.

Неумение оставаться самим собой во время творческой работы не всегда объясняется отсутствием редкостного дара. Чаще корень зла в том, что это ещё не работа и тем более не творческая. О какой работе может идти речь, когда не видишь в стихах даже попытки автора найти свои слова, метафоры, когда весь арсенал слов, образов у него – готовый, много раз бывший в употреблении.

Подобных стихов в нашей редакционной почте – увы! – большинство.

Уж не слышен шёпот тополиный,
С первою позёмкой октября
Улетела песней журавлиной
Осень за далёкие моря.
Ах берёзка! Что с тобою стало?
Вышла за деревню нагишом,
А когда сентябрь провожала,
Рассыпала золото ковшом.
И такая тоже ты красива.
А иначе как бы стал опять
Беспрестанно ветер шаловливый

Тебя нежно в губы целовать.
Не вини, что он не обогреет,
Что оброс колючей бородой.
Все мы в этом мире постареем,
Он же будет вечно молодой!
И когда весна придёт нежданно,
Он тебя обнимет теплотой.
И ты скажешь: – Здравствуй,
Мой желанный!
Ты опять, как прежде, молодой!

Сразу же отметим, что образ ветра: «оброс колючей бородой» – оригинален, а всё остальное в этом стихотворении, принадлежащем перу прокопчанина Н. Глужнева, не содержит никакого поэтического открытия. Автор попытался воспеть красоту берёзки («и такая ты тоже красива»), но не то время года выбрал он для этого. Спору нет, хороша наша русская берёзка и в нежно-прозрачной зелени по весне, и в густой,

плотной, трепетной от тёплого южного ветра листве летней поры, и в сверкающем золотистом уборе после первых осенних заморозков. А в ту пору, о которой говорится в стихотворении, ничего очаровательного, красивого в берёзке, наверное, нет – серые голые сучья так неуклюже и сиротливо торчат на ней, обнажённой, что жалостное чувство может вызвать эта недавняя красавица. Так что утверждение «и такая тоже ты красива» – явная натяжка, преувеличение.

Не проявил автор должного художественного вкуса, написав: «Вышла за деревню нагишом». Сказано так, как говорят о человеке (по аналогии вспоминается есенинское – о клёне: «Будто за деревню погулять ты вышел»). Как видим, автор использовал не новую, но всё же метафору, назначение которой – вызвать в читательском воображении вполне конкретную ассоциацию: берёзка и женщина. И невдомёк Н. Глужневу, что в данном-то контексте к этой метафоре прибегать не следовало, потому что по своей сути она недостоверна, не соответствует реальности – не может наше читательское воображение представить женщину, которая вышла за деревню, как говорится, в чём мама родила.

О ветре в стихотворении дважды сказано, что он – молодой. Но насколько же избито подобное определение! У Степана Щипачёва: «Юный ветер, какой ты счастливый», у Роберта Рождественского: «Молодые ветра зелены». Взято готовое. И это ещё полбеды. Беда стихотворения «Берёзка» в стереотипности его основной мысли: осенью всё в мире старится, а весной молодеет. Брать в расчёт одно умение благополучно зарифмовать и ритмизировать стихотворную речь не приходится. Делать это сейчас умеют многие.

Небольшую подборку прислал нам беловчанин Михаил Гранин. Открывается она следующим стихотворением:

Задыхаюсь от скромного счастья.
Пьёт бальзам исцеленья душа.
Принимаю в работе участье.
Мир прекрасен и жизнь хороша.
Напевают вселенские ветры
Мне житейские песни свои.
Впереди ещё дел километры,
Непрожитые годы мои.
Бесконечные синие дали
Щемят радостью сердце до слёз.
Что теперь мне былые печали,
Средь которых я с детства рос.

Из прочитанного явствует, что технической стороной стихотворного дела автор уже владеет более или менее уверенно – рифмы имеются, ритм выдерживается строго, за исключением последней строки, где не хватает одного безударного слога. С формой, стало быть, всё в порядке. А поскольку форма сама по себе не существует, она неотделима от содержания, то, ещё раз прочитав стихотворение, придётся с горечью отметить его бессодержательность. Строчек здесь не так уж много, но они связаны между собой очень слабо, ненадёжно, отдельными информационными сообщениями, которые скреплены только рифмами, а не смыслом. Что это так, легко убедиться, проделав такую простую операцию, как любая перестановка некоторых строк. Например:

Пьёт бальзам исцеленья душа.
Задыхаюсь от скромного счастья.
Мир прекрасен и жизнь хороша.
Принимаю в работе участье.

Нарушили мы авторскую интонацию, изменили смысл? Ничуть. Ничего не изменилось.

Всякое настоящее стихотворение имеет какую-то прочную основу, на которой держится – или это сильное чувство, или какая-то сокровенная мысль. Ради чего писалось стихотворение, о котором мы говорим, непонятно. «Что теперь мне былые печали, средь которых я с детства рос». А что «теперь»? Что-то, видно, произошло? Так надо бы сказать об этом ясно и определённо. Ничего не объясняет нам и начало стихотворения: «Задыхаюсь от скромного счастья». Допустим, что лирический герой переживает что-то хорошее, радостное, что можно назвать счастьем. А точных слов для выражения этого душевного состояния автор не нашёл. Если счастье «скромное», т. е. небольшое, незначительное, то разве подходит здесь такое слово, как «задыхаюсь»? Вряд ли. «Принимаю в работе участье». Эта канцелярская фраза написалась, судя по всему, лишь ради рифмы: «счастье – участье», по смыслу она тут никак не подходит. «Мир прекрасен и жизнь хороша» – дежурная, случайная фраза, которая к тому же не отличается новизной, свежестью (у Маяковского: «И жизнь хороша, и жить хорошо»).

«Вселенские» ветры напевают почему-то «житейские» песни. Эти понятия совсем несовместимы, величественное (вселенское) в данном случае никак не вяжется с повседневно-будничным (житейским). «Щемят радостью сердце до слёз». В слове «щемят» не на своём месс те ударение, а выражение «до слёз» (радость до слёз, боль до слёз и т. п.) настолько затёрто от частого употребления многими поэтами, не только начинающими, что уже не в силах передать всю полноту тех чувств, которую передавало это выражение, когда было первозданным. А сейчас оно потеряло всякий эмоциональный вес, и это необходимо знать и понимать.

Из восьми стихотворений, присланных в редакцию кемеровчанином Аркадием Устюжаниным, наиболее удачным является вот это:

Выйду утром на заре перед рассветом.
Тишина кругом, такая тишина!
Всё молчит ещё, рождающимся светом
Пробуждаясь, и тумана пелена
Над землёй клубится дымкой нереальной,
Ночь уходит, и её напев прощальный
Сердце полнит ощущением весны.
А пейзаж кругом, как сказочные сны,

Околдовывает нежным светом.
Я стою в волшебном мире этом
Перед робкой, нежной красотой,
Вдохновенье в сердце дыбится волной.
И стою я так, на время онемев,
Чтоб запеть потом лирический напев.

Частные недостатки встречаются и в этом стихотворении (о них мы поговорим ниже), а самым, пожалуй, удачным из всей подборки оно кажется нам потому, что в общем и целом это небольшое по объёму и простенькое по форме и содержанию стихотворение оставляет впечатление той естественности, которую мы обнаруживаем лишь тогда, когда автору в какой-то, пусть даже в малой степени удаётся остаться самим собой. Главное, что радует в этом стихотворении, – это полная свобода от чьего-либо влияния, как видел, как чувствовал, как думал, так и написал. Ничего необычного, ничего внешнее эффектного, к примеру, во второй строке, а она эмоционально выразительна: «Тишина кругом, такая тишина!» В это веришь. Сказав однажды: «Я стою в волшебном мире этом», автор в заключение ещё раз повторяет: «И стою я так, на время онемев», и этот повтор не кажется лишним, наоборот, – он очень органично скрепляет предыдущие строчки. Может быть, благодаря этому повтору всё стихотворение приобретает ту логическую целостность, при которой уже нельзя представить произвольную перестановку строк – это просто невозможно, потому что ткань стиха здесь не мёртвая, а живая.

А недостатки? Первая же строка нуждается в доработке, в правке. «Утром на заре» – совершенно лишнее добавление к словам «перед рассветом». Достаточно сказать: выйду перед рассветом. Существенное упущение в том, что автор не уточнил, где всё это происходит – можно лишь догадываться, что пейзаж изображается сельский. Неизвестно, что подразумевается под определением «напев прощальный ночи». Вместо «сказочные сны» должно быть: сон. Ведь это – про пейзаж (в единственном числе). Режет слух слово «дыбится» (о вдохновении). И «перед робкой, нежной красотой» – весьма абстрактно, неконкретно. И, наконец, неловко звучит «запеть напев». Стихотворение трудновато для чтения из-за тяжёлого построения фраз, переходящих из строки в строку.

И всё же, несмотря на досадные недочёты отдельных строк, стихотворение Аркадия Устюжанина к поэзии значительно ближе, чем приведённые выше стихи.

Мы специально ограничились в этом обзоре стихами лишь трёх авторов, потому что достоинства и просчёты их произведений наиболее характерны для подборок, которые присылают в редакцию начинающие поэты.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1974. – 31 декабря. – С. 4.

«КТО ЛЮБОВЬ, КАК МЕЛКУЮ МОНЕТУ…»

Увы, не часто радуют работников редакции начинающие авторы, присылающие свои литературные пробы. Просматриваешь рукопись за рукописью и откладываешь в сторону. Нет, всё не то, не то. Кто-то даже самые элементарные азы стихосложения ещё не освоил – ни чёткого ритма в строчках, ни более или менее благозвучных рифм, кто-то, уже владея немного техникой стиха, старательно и добросовестно зарифмовывает прописные газетные истины, которые лучше бы использовать в прозаической заметке о каком-нибудь конкретном житейском – производственном или бытовом – факте. А кто-то и совсем случайно, по недоразумению взялся за перо, потому что малограмотен, не умеет, как говорится, связать двух слов, и не сочинением стихов ему надо заниматься, а тщательным изучением грамматики…

И вдруг в огромной бумажной кипе попадается на глаза рукопись неизвестного автора, которая с первых же строк вызывает живой интерес, а то и большую радость: вот в этом уже есть что-то от настоящей поэзии – и мысли оригинальные, и образы, метафоры свежие, и старая тема решается автором как-то по-своему, по-новому.

Такую радость испытываешь при чтении стихотворения «Аист», присланного Николаем Яковлевым из города Междуреченска. Следует, правда, оговориться: стихотворение «Аист» состоит как бы из двух частей: первая – на одной странице, вторая – на другой. Думается, что и читатель порадуется вместе с нами, прочитав первую часть «Аиста». Вот она (цитирую с точным соблюдением авторского письма):

Свистит холодный ветер на лугу,
Белеет снег сравнявший собой кочку,
Но одиноко на большом стогу
Стоит и смотрит –
Аист в одну точку.
Страшась больших морозов и пурги,
Душой летит он к тёплым речкам
к югу,
То над стогами делает круги,
То кличет в небо –
Верную подругу.
Она стремится рядом быть где он,
Пытаясь смаху в облака поднятся,
Расправив крыля делает разгон,
Но от земли –
Не может оторвется.
Потом уставши ходят за селом,
По колкому замёрзшему низовью,
Она с отвисшим раненым крылом
А он рядом с большой –
Своей любовью.
Пройдёт зима –
От южных рек в дали,
Уснут на век, под злую зимню вьюгу,
Она не оторвавшись от земли
А он не бросил верную подругу…

Ни на минуту не сомневаюсь в одном: опытный, грамотный, с хорошим художественным вкусом читатель охотно, без возражений согласится с высокой оценкой того, что здесь процитировано. Да, безусловно, это написано одарённым поэтом: всё, что изображено в этом кусочке, очень зримо, точно по отобранным деталям, которые умело связаны с общей пейзажной картиной, органично вплетены в образную и смысловую ткань приведённого отрывка. И мысль автора – это также несомненно – не поверхностна, в ней – символ нерушимой верности, торжества вечной любви. Радует здесь и то, что строчки скреплены добротными, полнозвучными рифмами. Несколько смущают, однако, неловкий ритмический лад отдельных строк, не совсем литературное звучание, скажем, слова «зимню» (вместо «зимнюю»), встречающиеся в тексте орфографические и грамматические ошибки. Но всё это легко поправимо, достаточно приложить к тексту руку квалифицированному редактору. Ну, например, чтобы ритмически выровнять строчки: «А он рядом с большой своей любовью» («рядом» произносится с неправильным ударением), следует произвести лишь маленькую перестановку слов: «А рядом он – с большой своей любовью». Так же просто поправить кое-какие другие строки. Самое главное, радует в приведённом отрывке крепкая поэтическая основа.

А теперь перевернём страничку рукописи и процитируем вторую часть стихотворения «Аист» (вновь сохраняя авторскую грамматику):

Любовь у них сильна друзья поверте,
За друга смерть оба примут в беде,
Они верны всегда до самой смерти
Особенно больной друг –
То в двойне.
Пусть люди с них возмут пример хороший,
Чтоб им до гроба также дружно жить,
А верность их на аистов похожей,
Чтоб песню мне –
Про них лутше сложить.
Пойте люди песню мою эту,
Только будет страшно петь тому,
Кто любовь, как мелкую монету
Раздаёт, не знает –
Где кому.

И сразу же под этими строчками – следующее: «Автор стиха Николай Иванович Яковлев».

Мы уже собирались было подчистить стихотворение и предложить к печати отдельно от обзорной статьи, в подборке с другими хорошими стихами, если они найдутся у Николая Яковлева – и вот, на тебе, как бессовестно обманул нас этот «автор стиха». Вторая часть стихотворения по сравнению с первой не только разочаровывает своей литературной безграмотностью и ученической беспомощностью, но и поражает (пожалуй, здесь уместно более сильное слово: «возмущает»). Оказывается, «автор стиха» – плагиатор, литературный вор. Прочтите ещё раз последнее четверостишие. Прочитали? Теперь я напомню его первоисточник:

Ты порой целуешь ту, порою эту
В папиросном голубом дыму…
Может, не к лицу мораль поэту,
Но как страшно стариться тому,
Кто любовь, как мелкую монету,
Раздавал, не зная сам кому.

Это замечательное – немногословное, но глубокое по содержанию – стихотворение написал, как вы, наверно, вспомнили, известный советский поэт, автор многих, проникнутых тонким лиризмом стихов о любви Степан Щипачёв. Как же надо не уважать доброе имя честного поэта, чтобы вот так беззастенчиво, скажем прямее – нахально, нагло взять и присвоить плод чужих раздумий, которые всегда связаны с неимоверным напряжением ума и сердца, – присвоить и прислать в редакцию с припиской: «автор стиха»!

Если учесть, что Николай Яковлев не постеснялся выдать за своё немного изменённое, перефразированное стихотворение Щипачёва во второй части своего «Аиста», то можно безошибочно прийти к выводу: и первая часть, которая так понравилась нам, списана у какого-то хорошего, профессионального поэта. Да притом и списана неточно, не слово в слово, а с некоторыми изменениями отдельных строк, вернее, фраз – для маскировки: авось, мол, эти изменения «спутаю карты» тех, кто будет читать, и настоящий автор не будет узнан.

Сколько ни ловят литературных воров, а вот, поди ж ты, не переводятся они. И только потому, наверно, что слишком мягко обходятся с ними, ограничиваясь самой малой мерой – публичным общественным порицанием. А пора бы уже как-то покрепче, побольней ударять по этому, далеко не безобидному «творческому методу работы», с плодами которого некоторые ухитряются проникать даже в центральные журналы. Об одном из них недавно говорилось на страницах «Литературной России». Этому «автору» удалось напечатать не какой-то там стишок, а целый роман с переписанными из чужих произведений главами.

Познакомимся с рукописью Галины Комковой из Топок. Прежде чем начать разговор об этой рукописи, считаю необходимым подчеркнуть следующее: во всех цитатах из неё будет соблюдаться авторское правописание. Для чего это нужно – читатель поймёт, когда мы будем анализировать то, что предложила вниманию редакции Галина Комкова. Вначале – её письмо:

«Дорогая редакция. Прошу извинить, может быть за легкомыслие, что отнимаю своими стихами наивными время нужное для более серьёзного дела. Но, постарайтесь понять, это мои первые. Напишите

просто, стоит ли тратить своё и Ваше время. Несколько слов будет достаточно. Ещё извините раз. В неведении жить неловко что ли. Галя».

Итак, первое, что явствует из письма, – это недостаточная литературная грамотность автора (какое-то неуклюжее построение фраз, неточность в самом простом – в знаках препинания). Второе, более важное для оценки присланных стихов – маленькое примечание: «это мои первые». Галя считает, что «несколько слов будет достаточно». Но знакомство со стихами наводит на многие размышления, и ограничиться несколькими словами в данном случае мы не считаем достаточным.

В рукописи три стихотворения. Начнём с первого – под названием «Колодец»:

Его я знаю четверть века,
Стоит на улице один
Рождённый добрым человеком
Колодец – каждому любим.
С душою словно бы живою,
Неиссякаем в ярый зной –
Споён хрустальною водою
И, скормлен срубной белизной.
И, я невольно наблюдаю –
И, зависть лёгкая берёт,
Что в одиночестве страдаю –
К нему же стар и, мал идёт.
Девчёнки с первым поцелуем,
Кострами спыхнув на щеках –
Бегут, от нового волнуясь
От чувства, с вёдрами в руках.

Степенно жёны – по хозяйски,
Платки цветные повязав,
Идут нарядные по майски –
На плечи коромысла взяв.
Несут ему свои печали
На злую старость старики,
Им капли падая вещают
О жизни – тлену вопреки.
Приятной свежести хранитель
На глубине в груди земной,
Стоит – от жажды избавитель
Колодец, с влагой ключевой,
И, каждый двор поочерёдно
Его с желанием блюстил,
С любовью искренней – народной,
Колодец четверть века жил.

Можно ли отнести это стихотворение к тем, про которые в письме сказано: «это мои первые»? Сомнительно. Несмотря на множество частных недостатков, видишь: «Колодец» – далеко не первая проба пера, здесь чувствуется определённый навык, а не робкое начинание человека, который до этого никогда не пытался сочинять стихи. Не бывает на практике такого чуда, чтобы, не имея никакого опыта, никакой предварительной подготовки, сел за стол и написал такую зрелую по замыслу и крепко сбитую по звучанию вещь. Что касается недостатков – они почти в каждой строфе, – то это скорее суть неграмотности человека, приславшего стихи в редакцию, а не отсутствие опыта. Такое у меня твёрдое убеждение. Именно из-за неграмотности Галина Комкова допускает всякого рода ошибки. Все их вряд ли стоит перечислять. Отметим лишь самые, что называется, вопиющие. «Каждому любим» (каждым любимый, любим), «споен», «скормлен» (вспоен, вскормлен), «Девчёнки с первым поцелуем, кострами спыхнув (вспыхнув!) на щеках» (получается: девчонки вспыхнули кострами на щеках), «блюстил» (блюл; вообще, это слово следовало бы заменить более благозвучным: хранил) и т. п. В общем, что ни строчка, то кочка.

Второе стихотворение – о крановщице – такого же литературного уровня, прошу поверить на слово. А третье – под названием «Строка» – написано как будто совершенно другим автором, настолько разительно отличается оно, как говорится, по всем статьям от первого и второго. Судить об этом предоставлю самому читателю:

Иду по снежному разливу,
Снежинки лыжами крошу –
На белом, царственном лениве
Строку поэзии пишу.
Писать красиво, без помарок,
Курсивным шрифтом норовлю
С холма случайного без палок,
Я вёрстки долгие гоню.
Мороз серчая на вторженье
Скрипел в сугробах голубых,

Не допускал в свои творенья
Из вне, творения иных.
Он, без свидетелей досужих
Талантом подлинным сиял,
Из серебра, ненастья, стужи –
Как скульптор, истово ваял.
Его величье признавая
Без мысли творческой домой,
Обратно шла, не узнавая
Строку написанную мной.

Здесь лишь одна загадка: что означает слово «ленив» («на белом, царственном лениве»). Даже у Даля нет такого слова. Есть схожее с ним: ленивка (и то под вопросом) – возвышенность при болоте. Только на этой, третьей строке спотыкаешься. Всё остальное – и со стилистической стороны, и по оригинальной образности, и по их глубине и органичности, и по словесной точности, и по выразительности художественных деталей, подробностей в обрисовке зимнего пейзажа – почти безупречно, если не считать случайно, по привычке, присущей автору письма, вкравшейся в текст ошибки «из вне» (вместо правильного: извне). Впечатление такое, что «Строка» написана многоопытным поэтом, владеющим всеми «секретами» художественного мастерства, написана, можно сказать, с блеском. Откуда же взялось всё это у автора, который сообщает: посылаю вам «мои первые» стихи? Тут что-то одно их двух: или Галина Комкова – уникально одарённый человек, или… Что я имею в виду – вы, конечно, догадываетесь…

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1975. – 30 января. – С. 3.

УРОКИ ТВАРДОВСКОГО

В обзорных статьях, публикуемых под рубрикой «Факультет молодого литератора», анализируя сочинения начинающих стихотворцев, частенько приходится высказывать критические замечания. Большинство авторов, судя по всему, воспринимают критику правильно – с полным пониманием её справедливости и всех серьёзных требований, которые предъявляются к тем, кто пробует приобщиться к такому сложному и ответственному делу, как поэзия.

Бывает, однако, – и не так уж редко, – совершенно иная реакция на критический разбор того или иного произведения, реакция чересчур болезненная, с резким проявлением ущемлённого самолюбия в виде очень сердитых, подчас даже оскорбительных писем. Что ж, можно только пожалеть, что их авторы не имеют мужества признать свои неудачи, ошибки, промахи, на которые им указывают с одной-единственной целью – помочь разобраться в литературных начинаниях, учесть подсказки и советы со стороны более опытного товарища, как говорится, собрата по перу.

Трудно вспомнить случай, когда бы чей-то путь в литературу был с самого начала устлан розами. Такой путь может грезиться только в мечтах, а на практике совсем другое: прежде чем добиться успеха на литературном поприще, сколько же надо преодолеть всяческих препятствий, сколько провести бессонных, тревожных ночей в обессиливающих душу сомнениях, разочарованиях… И как же важно в подобные дни, недели, месяцы, а то и годы общение с человеком, которого ты ценишь, любишь как большого художника слова и чьё мнение для тебя дороже всего, что ни сказали бы другие…

В одном из своих стихотворных сборников в автобиографической заметке «О себе» автор этих строк писал: «Мой любимый современный поэт – Александр Трифонович Твардовский. Считаю его своим учителем».

Да, это заявление, говоря несколько возвышенно, – голос самого сердца. Любовь к поэзии Твардовского родилась во мне ещё в довоенное время, когда я был школьником. Я просто упивался неповторимым ароматом сельской лирики ещё молодого тогда смоленского поэта, который как-то сразу и на всю жизнь вошёл в мою душу, сроднился с нею так, как будто всё, что было в его стихах, пережил и перечувствовал сам я.

С полной откровенностью признаюсь: когда я начал писать стихи (это было уже после войны), то даже и не подозревал, что многое в них звучит «под Твардовского». Об этом говорили мне читатели, рецензенты, а позднее и сам Александр Трифонович. У меня хранится несколько писем от него, и, может быть, читателям будет небезынтересно узнать, какие отзывы, замечания, советы содержатся в этих письмах. Многое в них, мне кажется, имеет значение не только для того, кому это адресовано, а также и для тех, кто делает свои первые шаги в поэзии.

В 1955 году я, после долгих колебаний, решился отправить своему кумиру восторженный отклик на только что опубликованные его стихи, подкрепив свой душевный порыв собственным стихотворением, в котором были такие строчки:

Творцы картин, симфоний, книг ли –
Все эти люди среди нас.
И мы настолько к ним привыкли,
Что мало ценим их подчас.
Заслуги близких не в новинку,
Теплей о предках говорим:
Как счастлив был, кто видел Глинку,
Встречался с Пушкиным, Толстым.

Вот так, грустя над «Тихим Доном»
Иль шуткам Тёркина смеясь,
Не раз со вздохом затаённым
Потомок скажет и про нас:
Мол, были некогда счастливцы,
Кому был другом до конца
И житель Вёшенской станицы,
И автор «Книги про бойца»…

Я тоже мог посчитать себя счастливцем, получив вскоре ответ:

«М. 30.9.55 г. Дорогой тов. Небогатов» Спасибо за добрые и, не сомневаюсь, искренние слова вашего письма относительно стихов в «Огоньке». Приведённые в письме стихи недурны, но я не могу о них распространяться, поскольку там и моя личность произведена в ранг «великих», что, конечно, вы сделали по доброте, молодости и… сгоряча.

С вашими другими стихами готов ознакомиться, прошу прислать.

Ваш А. Твардовский».

В работе литератора всё очень сложно, вплоть до самых, казалось бы, незначительных мелочей. Чего, вроде бы, проще: отобрать из написанного тобою что-то, на твой взгляд, наиболее удачное и послать это в редакцию или какому-то конкретному лицу на отзыв. Однако и такой «пустяк» – не очень простое дело: сплошь и рядом молодые литераторы допускают ошибку, отбирают совсем не то, что следовало бы. Да только ли молодые! Бывает, что и опытный литератор после выступления перед какой-то аудиторией, придя домой, досадует на себя: нет, не то он там прочитал, надо было что-нибудь более подходящее…

Говорю это, имея в виду и собственные промашки. Посылая в следующий раз Твардовскому новые стихи, я при отборе их рассудил так: ему больше должны прийтись по душе те, в которых он почувствует что-то родственное со своей манерой и с манерой поэтического письма его земляка и старшего друга – Исаковского. Из полученного ответа нетрудно было сделать вывод: как бы ты не любил какого-то большого поэта, а подражать ему не следует, ибо всякое подражание – это не что иное, как бег на месте. Ответ был кратким, но заставил призадуматься:

«3 мая 1960 г.

Дорогой Михаил Александрович!

Все три стихотворения вполне, как говорится, профессиональные, их можно печатать, и то, что я их не оставляю для «Нового мира», не должно вас смущать. Хотелось бы, чтобы слишком послушное следование известным образцам (М. Исаковский и др.), некоторая сдержанность, вернее – робость покидали вас более заметно.

Смелее, смелее – к самому себе, к тому, чего до вас не было.

Желаю на этом пути успехов.

А. Твардовский».

Замечания и требования эти были абсолютно справедливыми. Начались новые поиски. Шли они главным образом в направлении содержания. Ясно было одно: надо сделать что-то такое, чего не было ни у кого другого, о чём ещё не писал ни один поэт. За что же взяться? Да, конечно же, за то, что пережито, перечувствовано. То есть основой новых вещей должны стать самые твои сокровенные мысли и чувства… Одно время мне довелось работать в газете, в книжном издательстве, в радиокомитете. Было решено: напишу о журналистах, никто как будто о них ещё не рассказывал – ни в стихах, ни в прозе. Работалось легко, с вдохновением. Но – увы: на этот раз подвела форма. А какова была эта форма, читатель поймёт по ответу Твардовского:

«19 августа 1960 г.

Дорогой Михаил Александрович!

Использование такой исключительно индивидуальной, с исчерпывающей полнотой прозвучавшей в классическом произведении неповторимой формы, как онегинская строфа, – дело безнадёжное. Это хорошо понимал уже М. Ю. Лермонтов, не случайно взявший в своё время эту строфу лишь для «Казначейши» – произведения особого рода.

В дальнейшем все попытки использования этой формы «всерьёз», естественно, не имели успеха.

В наши дни эта форма своей обманчивой лёгкостью привлекает лишь очень наивных людей. Жаль, что и вы поддались этому соблазну. Как бы вы ни исхитрялись, всё равно поэма ваша звучит пародийно, и тем самым «серьёзное» её содержание погашается.

Советую вам воздержаться от опубликования её в печати, если даже будет такая возможность.

Не огорчайтесь, бывает.

А. Твардовский».

Вот каким неожиданным образом может обернуться иной «эксперимент»! Кого-нибудь другого, менее строгого и взыскательного, онегинская строфа могла бы и не смутить, ведь содержание-то поэмы было в какой-то мере интересным, оригинальным (это видно из слов письма о возможности появления её в печати), а Твардовский – мастер высокого класса, тонкий ценитель поэтического искусства – не допускал ни малейшей снисходительности в таком святом для него деле, как поэзия и вообще художественная литература. Он весьма деликатно, но со всей присущей ему прямотой высказал своё глубокое суждение, в подтексте которого можно было уловить как бы напоминание: нельзя, мол, ни на минуту забывать, что, создавая что-то, ты тем самым претендуешь на вход в тот священный храм, который зовётся русской литературой, и этот храм воздвигнут не кем-нибудь, а самим Пушкиным. «Советую вам…». Было бы непростительным легкомыслием, если бы автор поэмы, написанной онегинской строфой, пренебрёг этим, в сущности, добрым советом. Поэма была навсегда похоронена в личных архивах, хотя вполне возможно, что она могла быть где-то опубликована. Но слово Твардовского было для меня законом…

А теперь о самом ценном письме Александра Трифоновича – отзыве не на два-три стихотворения, а на целую книжку (под названием «Моим землякам»):

«М. 8 июля 58 г.

Дорогой Михаил Александрович!

Книжку вашу давно получил, но посмотреть всё не мог выбрать времени, – после назначения меня главным редактором «Н. М.» (журнала «Новый мир») моя личная почта вообще весьма запущена, т. к. время уходит на неотложные дела, на чтение того, что идёт «в номер».

Книжка производит очень симпатичное впечатление, хотя много в ней лишнего, пустякового и малоинтересного – вроде ваших «пародий» или стихов, написанных явно «ко дню». Возможно, что мы дадим в «Н. М.» рецензию на неё. Но писать мне самому не только некогда, но отчасти и неудобно: м. б., я ошибаюсь, но мне кажется, что следы усердного чтения Твардовского на ней (книжке) заметны. Присылайте, если есть что-нибудь новое для «Н. М.»

Желаю всего доброго.

А. Твардовский».

Все, кто хорошо знаком с творчеством Твардовского, с воспоминаниями о нём, знают, как скуп он был на похвалу. И его откровенные, тёплые слова: «…очень симпатичное впечатление» до сих пор согревают сердце, вдохновляют на новые творческие поиски. Что касается «лишнего, пустякового и малоинтересного», то это замечание мастера я запомнил на всю жизнь.

Некоторые из писем к вашему земляку опубликованы в книге «А. Твардовский. О литературе», вышедшей в свет в 1973 году в Москве (Библиотека «О времени и о себе»). Впервые в разделе «За редакторским столом» публикуется большая часть эпистолярного наследия А. Т. Твардовского. Все

материалы книги знакомят читателей с раздумьями А. Т. Твардовского о традициях и творческом опыте советской литературы. И тот факт, что в эту книгу (в числе других) включены письма к автору этой статьи, наглядно подтверждает сказанное вначале: даже самые краткие замечания о тех или иных стихах, принадлежащие Твардовскому, представляют большой общественный интерес, имеют неоспоримую ценность для всех, кто любит литературу и кто сам работает в ней.

Уверен, что для многих авторов, которым пришлось общаться с Твардовским хотя бы посредством переписки, его уроки не прошли даром.

В заключение хотелось бы предложить вниманию читателей стихотворение из цикла «Памяти А. Т. Твардовского.

ЗАПИСКА

Как-то раз, простой и свойский,
Добрый, видно по всему,
Пётр Иванович Замойский
Дал записку нам к нему.
Помню радость, счастье наше,
Той записки лад и склад:
«Дорогой, – в ней было, – Саша!
Посмотри стихи ребят.
Оба парня из Сибири.
Мне понравились они…
Может, что-то в «Новом мире»
Напечатаешь? Взгляни».

Голова ходила кругом.
Путь к Твардовскому манил.
Но… Кому-то он был другом,
А для нас – великим был.
Не в упрёк-намёк безликим,
Ведь у всех свои пути, –
Мы к тому, кто был великим,
Не осмелились пойти…
Через многих лет ухабы –
Сожаленье, как мечта:
Зря сробели мы… Могла бы
Состояться встреча та…

Михаил Небогатов.

// Комсомолец Кузбасса. – 1975. – 20 февраля. – С. 4.

«ЧТО ЧИТАТЬ, О ЧЁМ ПИСАТЬ?»

Большинство начинающих авторов, присылающих в редакцию свои рукописи, сопровождают их, как правило, краткой припиской: прошу посмотреть мои стихи и дать им оценку. Бывают, – правда, не так часто, – и подробные письма, в которых авторы обстоятельно рассказывают о себе, о своих творческих поисках, сомнениях, замыслах на будущее и т. д. Скажем прямо: такие письма иногда интересней приложенных к ним стихов.

С большим вниманием прочитали мы, например, полученное недавно письмо Виталия Белецкого из посёлка Краснобродский Беловского района. Это письмо написано в ответ на одну из наших предыдущих обзорных статей, и в нём затрагиваются очень важные вопросы, которые наверняка волнуют многих из тех, кто только-только приобщается к литературной работе. Вот что пишет Виталий Белецкий:

«Откуда можно почерпнуть те знания, о которых пишет М. Небогатов? Какими путями, каким образом можно освоить эти элементарные азы стихосложения? Что значит чёткий ритм в строчках и благозвучная рифма? Где он – букварь для начинающего поэта, конечно, не в прямом смысле букварь, а что-то вроде пособия для начинающего поэта? А таковых, к сожалению, нет, а если есть, то где они? Как и где их можно приобрести? Нам, начинающим поэтам, приходится осваивать эти азы посредством интуиции, а не каким-то, к сожалению, другим путём. Особенно тем, которые живут в провинциальных городах, посёлках и в сельской местности…».

Не будем удивляться неосведомлённости автора в том, что для кого-то известно со школьной скамьи, не будем сетовать, что, в общем-то, простые вещи он возводит в проблему. В ответ на вопросы Виталия Белецкого можно было бы написать целую статью – настолько всё это серьёзно. Но ограничимся пока лишь некоторыми пояснениями.

Об азах стихосложения – о ритме и рифме. О них весьма популярно сообщают все доступные учебники, которыми пользуются учащиеся средней школы, например, «Теория литературы» И. А. Виноградова. Помимо этого, немало в нашей печати выходит статей, брошюр, солидных томов, специально посвящённых теоретическим исследованиям в области поэзии, прозы, драматургии, критики. И многое из этого также нетрудно при желании приобрести, обратившись, скажем, с запросом в книготорг или городскую (районную, областную) библиотеку. Необходимыми знаниями можно обогатить себя и таким, самым простейшим образом, как регулярное чтение различных периодических изданий (в частности, журнала «Вопросы литературы», еженедельников «Литературная газета», «Литературная Россия»). Повторяем: было бы только желание, а вооружиться литературными пособиями можно, это не представляет особой сложности.

А теперь насчёт интуиции, о которой упоминает Виталий Белецкий. Я мог бы привести множество примеров того, как известные мне ныне профессиональные литераторы начинали свою работу, не имея никаких специальных познаний, а основываясь лишь на этой самой интуиции – бесценном природном даре. Стихотворный ритм, благозвучная рифма, чувство слова, языка – всё это, необходимое для пробующего писать стихи, при условии, если он одарён, не приобретается извне, из пособий и учебников. Эти качества как бы сами собой зарождаются в сердце, в уме, они подобны музыкальному слуху, есть он или его нет –

обнаруживается обычно очень рано, в детстве. Если природа обделила тебя тем, что зовётся способностями, одарённостью, талантом, то здесь уже ничего не попишешь (во всех смыслах этого слова), стать литератором (или журналистом) не помогут никакие «буквари» и «пособия».

О стихах Виталия Белецкого говорить подробно пока воздержимся – они ещё неумелые по форме и не отличаются оригинальностью по содержанию. Хуже того: автор плохо разбирается в значении того или иного слова. Например, одно из стихотворений у него названо «Ветрила» (речь в нём – о ветре, который влюбился в красавицу-рябину, а ей по душе другой – кедр). Слова «ветрила» (автор, видно, подразумевает «ветрище») в русском языке нет, есть – похожее – старинное – с окончанием не на «а», а на «о»: ветрило (парус). Не замечает автор, что некоторые слова звучат у него с неправильными ударениями, что писать, допустим, «хладно тело» (вместо «холодное») в наше время уже не принято и т. д. В общем, у Виталия Белецкого всё ещё впереди – и преодоление многих трудностей, и, может быть (на что хотелось бы надеяться), нахождение какой-то своей тропки в необъятном поле поэзии.

Большое и во многом интересное (а главное – предельно искреннее, откровенное) письмо, где прозаический текст перемежается стихами, прислал из Ленинска-Кузнецкого Виктор Шариков. Позволю себе привести кое-какие выдержки из этого письма – они, как мне кажется, дают повод для размышлений о том, как непросто складывается иногда литературная судьба, как нелегко найти пишущему свой путь в литературе, понять окружающий мир и самого себя:

«В раннем детстве любил бабушкины сказки, а когда сам научился читать, зачитывался в буквальном смысле.

Я читал до слёз, до упоенья.
Сколько ж я всего перечитал!
В книгах находил успокоенье.
Только в книгах горе забывал.
И ещё любил саму природу.
Жалостлив до глупости, тайком
Отпускал я рыб рыбачьих в воду,
Плакал над убитым мотыльком.

…Читая всё подряд, я отдавал предпочтение русским писателям, полюбил и выбрал поэзию. Пушкин и Гоголь были первые мои любимцы, потом Блок, Есенин и другие… Начал пробовать писать сам… Рифма давалась легко, поэтому мог часами плести околесицу. Серьёзно я никогда не задумывался о поэзии, много раз бросал и начинал снова. Первое серьёзное стихотворение написал в армии… на него обратили внимание… После армии изредка писал для себя. Как-то, читая стихи Геннадия Юрова, я подумал: он был отличником в школе, ему и доступнее и легче всё даётся (мы с ним учились в одном классе), а мне куда уж писать, я снова бросил. Но рифмы, рифмы всё равно мне не давали покоя, я снова начал и теперь уже никогда не брошу писать.

Так много хочется хорошего
Мне в жизни сделать для людей,
Чтоб жизнь была недаром прожита
И мог бы вспомнить кто о ней…

Читая стихи современных поэтов, я почему-то мало нахожу нового, интересного для себя. Кажется, всё это уже было, где-то слышал и не нахожу удовлетворения. Поэтому хочется сделать что-то новое, но тоже не получается, всё не то, не то… Посоветуйте, что читать, о чём писать? Я больше люблю природу, она менее зависима от кого-либо.

Природа – ты моя стихия.
Моё волненье, радость, грусть.
Вот почему пишу стихи я,
Тебя читая наизусть…

У меня хромает грамматика – неполное среднее образование. Но зато есть жизненный опыт, богатая фантазия и чувство к поэзии… Мне хочется говорить, писать не только о природе, а и о более серьёзном, но как?.. Я никогда не возвращаюсь к написанному – оно меня как-то больше не интересует, вижу некоторые свои ошибки, но не исправляю: кажется, легче написать новое. Конечно, это неправильно. Но меня интересует то, что ещё в проекте, а напишу – и ничего не нравится уже. Снова что-то ищу и не могу найти… Вот моё последнее стихотворение, написанное два дня назад. Оно самое маленькое, что у меня есть.

Я ведь тоже не меньше люблю
Эти ясные зори России,
Потому что в сибирском краю
Они с детства меня оросили.
Золотые от хлеба поля,
И певучая снежная замять,
И берёзоньки, и тополя,
Где бы ни был – волнуют мне память.
Я российский от корня волос,
И российскую душу приемлю,
Потому что любить довелось
Эту добрую русскую землю.

Скажите, пожалуйста, стоит ли мне продолжать писать? Смогу ли присоединить свой маленький полевой цветочек или хоть былинку к нашему прекрасному букету поэзии?».

Даже из процитированных выписок (письмо примерно втрое длиннее) перед нами вырисовывается – довольно отчётливо – конкретная человеческая личность. Много в ней привлекательных черт. Это и любовь

к жизни, к природе, и с детских лет глубокая увлечённость литературой, особенно поэзией, и душевная чуткость ко всему сущему в мире, и страстное стремление – не зря прожить жизнь, сделать что-то доброе для людей, и неудовлетворённость многим, в том числе, собой, своей работой, которая получается не так, как хотелось бы…

Вместе с тем нельзя ещё с полной уверенностью сказать, что эта личность уже, что называется, состоялась, сформировалась. Как литератор, поэт Виктор Шариков, несмотря на то, что он уже не юноша, весь ещё в неопределённых поисках, сомнениях, колебаниях, короче говоря – на распутье. Отсюда и такая резкая противоречивость в его душевном мире: с одной стороны – твёрдое решение для себя: писать теперь уже не брошу никогда, с другой – ученически робкий вопрос: а стоит ли продолжать?.. Как тут не вспомнить мудрые слова Александра Твардовского, который говорил: когда меня спрашивают «стоит ли мне писать?», то это похоже на вопрос: «стоит ли мне жениться?». И в том и в другом случае всё должен решать не кто-то, а ты сам. Уместно здесь вспомнить и совет Горького: слушайте, но не слушайтесь!.. Впрочем, это к слову…

Главное, на что обращаешь внимание, читая письмо Виктора Шарикова, это его неудовлетворённость собой как стихотворцем: всё не то, не то. Похвальная самокритичность. Действительно, наша требовательность к себе часто бывает более высокой, чем то, чего мы, казалось бы, в строгом соответствии с ней, с этой требовательностью, достигаем. Как ни жаль, не всегда безграничная любовь к поэзии, самое тонкое и глубокое понимание даёт положительные результаты в собственной литературной практике такого любителя и знатока. Да, Виктор Шариков, как видно из его письма, любит поэзию (тут уместны любые эпитеты: горячо, беспредельно, самозабвенно и т. д.). И не только любит. Он внимательно и вдумчиво вникает и в то, что создаётся другими поэтами, и нельзя не согласиться с его критическим восприятием стихов, принадлежащих перу многих современных поэтов, которые носят это звание и издают из года в год свои книги. Что верно, то верно: немало ещё у нас посредственных стихотворцев. Но это отнюдь не значит, что современная поэзия бедна яркими талантами. Видно, не то попадается под руки Виктору Шарикову, если он в той или иной книжке или журнале находит мало интересного, нового для себя. Насколько бы обогатил он свой духовный багаж, если бы читал не «всё подряд», а с хорошим выбором. В другой раз, может быть, лишним было бы называть имена тех или иных наших современных поэтов, творчество которых является выдающимся, образцовым, но в данном случае, хотя бы для напоминания Виктору Шарикову, следует, пожалуй, сказать: разве «мало интересного, нового» в поэзии таких мастеров, как Александр Твардовский, Николай Рыленков, Самуил Маршак, Николай Асеев, Михаил Светлов, Константин Симонов, Ярослав Смеляков, Александр Яшин, Егор Исаев, Сергей Викулов, Константин Ваншенкин, Сергей Смирнов, Владимир Солоухин? И это лишь малая часть поэтических имён, без которых нельзя представить русскую, отечественную литературу. А Расул Гамзатов, а Кайсын Кулиев?.. Сколько в нашей советской литературе хороших, поистине прекрасных поэтов! И пусть не обижается Виктор Шариков, но скажем откровенно: его просьба: «посоветуйте, что читать?» кажется нам странной. Прочтите всё, что создано хотя бы теми, кого мы назвали, – и какие удивительные, полные новизны, многообразия, неповторимости, миры откроются перед вами!

Несколько сложнее обстоит дело с другой просьбой: посоветуйте, о чём писать? Эта проблема возникает не только перед начинающими стихотворцами, а и перед поэтами-профессионалами. Действительно, о чём только ни писали другие! А твоя задача – никого не повторить, сказать людям что-то новое, своё…

Обратимся снова к Твардовскому, к его стихотворению, которое точно и, как говорится, с исчерпывающей полнотой даёт ответ всем, кого мучает извечная проблема: о чём и как писать?

Вся суть в одном-единственном завете:
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете –
Живых и мёртвых, – знаю только я.
Сказать то слово никому другому,
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить, даже Льву Толстому –
Нельзя. Не скажет – пусть себе он бог.
А я лишь смертный. За своё в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.

Хотелось бы, чтобы этот завет помнили все пишущие. И Виктор Шариков – тоже. Он говорит, что больше всего любит природу, даже умеет «читать её наизусть». Но при этом нельзя не учитывать, что о природе писали почти все поэты. Следовательно, и в самое простое – в пейзажные стихи надо вносить что-то своё, одухотворять их своим сердцем, оригинальными мыслями – всем тем, что составляет суть твоей человеческой личности, твоего жизненного опыта, мировоззрения и мироощущения. Без этого невозможно открытие чего-либо нового.

В заключение несколько слов о процитированных вместе с письмом стихах Виктора Шарикова. Это правильно: рифмы и ритм даются нелегко. Однако владение техникой стихосложения ничего не решает. Главное, о чём должен сейчас думать Виктор Шариков, – это наполнение формы глубоким содержанием, тем, что он знает «лучше всех на свете».

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1975. – 27 марта. – С. 3.

«…ОРИГИНАЛЕН, ИБО МЫСЛИТ»

Часто бывает так, что даже о неплохом, на первый взгляд, стихотворении приходится говорить: неудачная вещь, нет в ней ничего нового, свежего, оригинального. Иной автор после такой оценки глубоко задумывается, ему всё ясно: критик прав, надо искать что-то своё, открывать то, что есть в душе. А другому автору просто непонятно: что значит – «нет ничего оригинального»? Разве его стихотворение хуже, чем у других? Ну как тут не вспомнить горестный вздох А. Твардовского: «Не хуже – честь невелика, не лучше – вот что горе»…

А что же всё-таки нужно для того, чтобы стихи при внешнем благополучии (естественные интонации, чёткая ритмика, приличная рифмовка) были ещё и оригинальными по содержанию, т. е. несли в себе что-то новое, интересное, не знакомое по отношению к тому, что нам приходилось уже слышать или читать? Самым кратким и мудрым ответом на этот вопрос может быть мнение Пушкина о своём современнике Евгении Баратынском: «Он у нас оригинален, ибо мыслит». Обратите внимание на это глубокое суждение: ибо мыслит. Как видим – наиглавнейшая основа всякого творчества – мышление. Удача того или иного произведения целиком зависит от того, насколько глубоки, своеобразны, интересны мысли автора. И наоборот, удел поверхностной работы мысли, а иногда и бездумное, хотя и умелое составление ритмизированных строк в рифму – полнейшая неудача стихотворного сочинения. И когда берёшься за перо, необходимо обязательно знать эти, в общем-то, известные истины. В подтверждение этой мысли мне бы хотелось поговорить сегодня о стихах двух авторов, приславших в редакцию свои произведения.

Давайте очень внимательно прочитаем стихотворение под названием «Ручей», которое прислал из села Колыон Ижморского района Анатолий Бобриков:

В холодном сердце мрачных гор
Бежал ручей, мечтая
Попасть в тот мир, где лёг простор
От края и до края.
По камням скользким и тупым,
Под мрака вечной сенью
И нишам каменным пустым
Искал он путь к спасенью.

Давно без отдыха бурлил,
Горами вечно скрытый,
И каждый миг, что было сил,
Точил стену гранита.
Точил, вгрызаясь и сердясь,
Покуда в мир свободы
Его струя не прорвалась,
Камней разрушив своды.

Легко предугадать самую первую, быструю душевную реакцию на прочитанное многими читателями: очень хорошее стихотворение! Не будем с этим спорить: первое впечатление действительно самое благоприятное. Представим, однако, такую ситуацию: предположим, автор этого стихотворения подготовил рукопись целого сборника, а я, бы, допустим, был его редактором. И вот, как редактор, я мог бы кое-что подчистить, подшлифовать в тексте «Ручья» или попросить сделать это самого автора, указав ему на отдельные недоработанные, не совсем хорошо продуманные строчки. Например, нежелательно оставлять в небольшом стихотворении несколько одинаковых по смыслу выражений: *«мрачных гор»* и *«под мрака», «вечно скрытый»* и *«вечной сенью».* Пришлось бы также изменить строчку: *«камней разрушив своды»*, потому что это неточно. Свод – это покрытие, крыша, а ведь ручей-то бежит не поверху, а у подножия чего-то, стены подточить он может, а своды – никоим образом. Надо было бы подумать, как исправить начало второго четверостишия: *«По камням»* (ударение не совсем тут правильное). И, наконец, стоило бы автору заметить, что многое в стихотворении – не от непосредственных жизненных наблюдений, а от книжных ассоциаций, поэтому и отбор некоторых слов в полной зависимости от когда-то (или только что) прочитанного Анатолием Бобриковым. Вот эти ассоциативные связи – в «Ручье»: *«Под мрака вечной сенью», «Камней разрушив своды»,* у Пушкина: «Берёзок своды тёмны прохладну сень дают» и «Свод неба мраком обложился».

Не подумайте, что мы подозреваем автора «Ручья» в заимствовании у Пушкина, отнюдь нет. Всё дело, повторяем, лишь в том, что Анатолий Бобриков писал своё стихотворение под сильным воздействием классической поэзии, её лучших образцов («своды», «мрак», «сень» и прочее можно найти и у других поэтов, таких, как Тютчев, Лермонтов, Фет). Пойдём дальше. Предположим, что с текстуальной, словесной правкой стихотворения мы всё уладили. Но этим не устранили главный недостаток в стихотворении, ничего оригинального, нового оно не содержит. О ручьях, родниках, пробивающих себе путь к реке, к морю, к океану написаны сотни стихов, и данное стихотворение абсолютно ничем не обогащает наши образы в русле этой темы. Хуже того, из-за вторичности своего содержания эта тема в ряде строчек приводит автора к совершенно неуместным здесь метафорам, например: *«Искал он путь к спасенью».* Спасение – это совершенно не то понятие в применении к ручью, который всё стремится вперёд и вперёд.

В случае со стихотворением «Ручей» мы видим лишь попытку автора о чём-то поразмыслить, но эти мысли, к сожалению, неглубокие, они лишены самостоятельного проникновения в суть предмета. У приведённых выше слов Пушкина о Баратынском многозначительное продолжение: «Он был бы оригинален и везде (т. е. не только у нас, в России – *М. Н.*), ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко. Гармония его стихов, свежесть слога, живость и точность выражения должны поразить всякого, хоть несколько одарённого вкусом и чувством».

Кстати, ещё об Анатолии Бобрикове. Автор он не без способностей, и тем важнее поподробнее остановиться на его стихотворениях. Вот ещё одно небольшое – «Маленький человек»:

Ещё не проспавшись, шатаясь,
С постели идёт на крыльцо,
И солнце, лучами сплетаясь,
Ему ударяет в лицо.
Прищурясь, глядит на светило,
Готовый поспорить и с ним.
Пять лет его время растило,
А он уж хозяин земли.
Торжественно, как на параде,
Суров, как солдат на часах.
Величье и гордость во взгляде,
Энергия в узких плечах.
Стоит неподвижно и бодро.
Сорвался – и двор зазвенел:
Застукали, падая, вёдра,
И мяч за забор полетел.

По форме и это стихотворение, в общем, неплохое (за исключением неточной рифмы: *с ним – земли,* а также неблагозвучного словосочетания в последней строчке: *«заза»*), а по содержанию это не выдерживает никакой критики. До этого мы цитировали Пушкина, и, вспомнив его слова, прямо скажем, что в данном стихотворении автор мыслит, может быть, и независимо, но в корне попросту неправильно. Прошу извинить меня, но невольно приходит на ум поговорка: «Слышал звон, да не знает, где он». Предпосылка к рождению стихотворения была ясная: советский человек – хозяин своей земли. Но разве можно писать вот так, как тут написано, о пятилетнем мальчике? Это же прямо какая-то ода шахтёру, строителю, взрослому человеку! О малыше напоминают лишь две последние строчки, всё остальное по словесным характеристикам не имеет к нему ни малейшего отношения. А первая строка, так та будто из пародии на чьё-то сочинение о непроспавшемся, ещё пошатывающемся с похмелья любителе выпить…

Надо Анатолию Бобрикову всерьёз призадуматься над тем, что выходит у него из-под пера. С одной стороны – определённый навык в стихосложении, а с другой – вопиющая художественная безвкусица в стихотворении «Маленький человек».

С интересным стихотворением «Соболиные меха» познакомил нас Илья Овчинников из Таштагола. Стихотворение в какой-то мере сюжетное, поэтому, чтобы не нарушать последовательность повествования, следует привести его полностью, несмотря на немалое количество строк:

Ветры с бега снег вскосматили,
И закат совсем погас.
Сердце вздрогнуло у матери:
Сын её в пути сейчас.
– Не пришлось бы парню плохо там, –
Говорит перед окном.
А метель бушует с грохотом
И в селе и за селом.
Вьёт из снега вихри-полосы,
Непроглядной мглой висит.
То заплачет женским голосом,
То с угрозой забасит.
Будто с дьяволом обвенчана,
Пляшет яростно метель.
И глядит в окошко женщина,
Не до сна уж ей теперь.
Там, вдали, метель увесисто
Сына снегом обдаёт,
Над уставшим парнем бесится,
Песни жуткие поёт,
Может навзничь или вкось, поди,
Дерзко валит с ног его.
В самый раз сказать бы: – Господи,
Спаси сына моего.
Взять бы карты в этом случае,
Что давно лежат в пыли.
Но не верится в сверхсущие
Силы неба и земли.
В час для путников трагический
Утешенье ей одно:
Сын её не слаб физически
И с тайгой знаком давно.
С головы до ног завьюженный,
Должен сын вот-вот прийти,
Только б лыжи честно сдюжили,
Не сломались бы в пути.
Хоть в нём силушка уменьшилась,
Не собьётся с прямика,
Принесёт советским женщинам
Соболиные меха.

У всякого свои вкусы и пристрастия. Лично меня всегда радует, если молодой автор не облегчает, а, напротив, усложняет свою работу над стихом, идёт в ней не проторённым, избитым путём, а выбирает тот, который поновей и потрудней. Илья Овчинников, в частности, вызвал у меня симпатию тем, что не побоялся взять для немаленького по объёму стихотворения дактилическую рифму (с ударением на третьем от конца слоге, которой чаще других русских поэтов пользовался Некрасов; вспомним многие его стихи, в том числе: «Ой, полным-полна коробушка»). И надо сказать, автор «Соболиных мехов» довольно успешно справился с этой весьма непростой рифмовкой даже в том случае, когда рифмы – составные, например: *«плохо там – грохотом», «вкось, поди – Господи»*. Это говорит уже об известной степени мастерства. Так вот, ставя перед собой большие задачи, и должен работать поэт любого возраста и ранга. И только так можно добиться в своей работе чего-то значительного. Немало добился и Илья Овчинников – сложная стихотворная форма не помешала ему выразить всё, что было задумано, вполне убедительно и естественно, нигде ради рифмы не пожертвовав нарушением логического хода мысли. Если же говорить о возможной правке стихотворения, то кое-что в нём можно сократить, многословие тут всё же бросается в глаза. А самый большой, даже поразительный недостаток стихотворения – в последнем четверостишии. Впечатление такое: автор начал работать поздно вечером, заключительные строчки дописывал уже к утру, сильно устал, и только этой усталостью можно объяснить – в другом случае необъяснимую – потерю поэтической «бдительности», когда в хорошо подобранный словесный материал ворвалось нечто совершенно в данном случае неуместное, – имеется в виду слово «советским» в строчках: *«Принесёт советским женщинам соболиные меха».* Всё до

этого шло в лирическом плане, и вдруг – на тебе! – такая чисто газетная, публицистическая фраза. Причём не надо забывать, кому она принадлежит: матери. Это же передача её мыслей, её восприятия всего происходящего. Наше предположение насчёт усталости автора под конец работы над стихотворением, видимо, не лишено основания, оно как бы подтверждается красноречивым фактом: на другой же день после посылки стихотворения Илья Овчинников дополнительно отправил в редакцию второй, новый вариант предпоследнего четверостишия (первый был им самим забракован, и звучал он на самом деле хуже: «По охотничьей профессии он пошёл, любя тайгу. Отвергает сердце версию про погибшего в снегу» – очень плохо!). Не поторопись с желанием скорее напечататься, обнаружил бы автор и художественную несостоятельность, ложный пафос последних строк, так же как и прозаичность выражения: «Сын её не слаб физически» (вместо, к примеру, лирически тёплого, материнского вроде: сын не слабенький, не маленький). Вывод напрашивается сам: правильно мыслить – это и правильные слова подбирать, то и другое взаимосвязано. И ещё одно, побочное дополнение к этому выводу: ни в коем случае не надо спешить – ни в самой работе над той или иной вещью, ни в отправлении её в редакцию. Тем более такому автору с ясно выраженными поэтическими задатками, как Илья Овчинников.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1975. – 22 апреля. – С. 3.

ГОЛОСА ПОКОЛЕНИЙ

В старину был в ходу афоризм: «Когда говорят пушки, музы молчат». В годы Великой Отечественной войны этот афоризм оказался несостоятельным: гремели пушки и вместе с ними во весь голос говорили музы. Война была поистине всенародной, в ней участвовали все – от мала до велика, в том числе и писатели. О том, каким был их вклад в это всенародное дело – в защиту родного Отечества от фашизма, красноречиво говорит такой печальный факт: двести сорок литераторов не вернулись с поля боя.

Да, когда шли величайшие по своей ожесточённости сражения, музы не молчали. Во время войны, по горячим следам боевых событий создавал своего бессмертного «Василия Тёркина» Александр Твардовский, во время войны были написаны Константином Симоновым его знаменитые стихотворения «Жди меня», «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины», в тяжёлые дни битвы под Москвой Алексей Сурков написал свою горестную и светлую «Землянку», стихотворение, которое мы знаем теперь как популярную песню («Бьётся в тесной печурке огонь…»). Гневным, страстным публицистическим оружием разили врага выступления Михаила Шолохова, Ильи Эренбурга, Леонида Леонова…

Не молчали музы и после войны, в течение всех этих тридцати мирных лет. Не молчат они и сейчас. И долго ещё будут писатели и поэты воспевать великий подвиг советского народа, который не только отстоял свою Родину, не только разгромил гитлеровские полчища в их логове – Берлине, но и помог свободно вздохнуть миллионам людей многих европейских стран…

В сегодняшнем обзоре, в отличие от других наших статей, мы предоставим слово не одним молодым авторам, а и представителям старшего поколения, того поколения, которому выпала суровая и счастливая доля – быть в пекле боёв, собственной грудью защищать Родину от фашистского нашествия. Кому, как не им, участникам войны, сказать о ней самое правдивое, выстраданное слово.

Любителям поэзии хорошо известно стихотворение А. Твардовского «Я убит подо Ржевом», в котором с пронзительной силой звучит голос погибшего солдата, обращённый к тем, кто остался жив. Этот голос настолько живой, так глубоко проникает в душу, что забываешь об условности поэтического приёма – ведь убитые не говорят… Подобный же поэтический приём использует в своём стихотворении «Спасибо вам, простые люди…» участник войны В. К. Ерёменко из Тисуля:

В разведке ночью, в дрожь ракеты,
Свинцом пронзил мне сердце враг.
Я похоронен на рассвете
Друзьями в спешке, кое-как.
Вдали от всех родных и близких
Внимал я гулу летних гроз.
Моей могилы холмик низкий
Травой высокою зарос.
Стелили вьюги, зычно воя,
Холодных шалей жёсткий пух.
Однажды слышу: надо мною
Шаги в кустарнике и стук.
И донеслись, по щебню звякнув,
Глухие шорохи лопат.
На языке, мне непонятном,
О чём-то люди говорят.
И был я так обеспокоен
За участь новую свою:
Кому понадобился воин,
Сложивший голову в бою?
И вот, в походной плащ-палатке,
Из бронзы вылит в полный рост,
Сжав автомат железной хваткой,
Стою – как будто в землю врос.
Цветов живительное пламя
Несут, несут мне – без конца…
Вчера узнал в старушке маму,
А рядом с нею и отца…
Спасибо вам, простые люди,
Как бы вернувшие мне жизнь.
И днём и ночью вечно буду
Стоять, объемля даль и высь.

Стихотворение нельзя читать без волнения. Сознанием понимаешь, что голос убитого – лишь условность, такого быть не может, а сердцем готов поверить в его реальность – столько искренних, больших

чувств вложил автор в своё стихотворение. Поэтический приём, как мы упоминали, здесь не новый, но ни одному читателю и в голову не придёт, что это – подражание Твардовскому. Нет, совершенно ничего похожего. Больше того, хочется сказать спасибо В. К. Ерёменко за то, что, в общем-то, не новую тему (обелиски, памятники погибшим воинам) он осветил вот с такой новой, неожиданной стороны. Это определённая удача автора, тем более радостная, что тут не просто документальное, дневниковое свидетельство фронтовика, а его приобщение к настоящей поэзии.

Участник войны, ныне инвалид труда В. И. Петров из посёлка Инской посвятил своё стихотворение «Девчонки» бывшим девушкам-фронтовичкам. Пусть не очень высоки чисто поэтические достоинства этого стихотворения, но зато оно подкупает достоверностью добрых чувств:

Годами были молоды,
Собой немного угловаты.
Учились в школе до войны.
Вздыхали часто у ограды…
Пришла нежданная гроза.
И воздух порохом набился.
По проводам неслись слова:
«Враг вероломно к нам вломился».
Сменили платье на шинель,
Карандаши – на автоматы…
В атаки шли, бомбили цель,
Звались они уже – солдаты…
Четыре долгих года шли
Плечо к плечу в строю с бойцами.
Встречал их люд чужой земли,
Как и положено, цветами!
Не всем пришлось прийти домой,
От многих подвиг лишь в помине,
Но всех народ великий мой
Зовёт по праву – героини!

Война – мужское дело, но столько девушек и женщин уходило тогда, в сороковых годах, на фронт, не по повестке, а добровольно! Сколько их прославило себя высоким мужеством наравне со своими братьями, отцами! А ведь на войне – как на войне: там каждую минуту кого-то ранят, убивают, там нужны неимоверные физические и моральные силы, крепость духа, самообладание. И если учесть, что под бомбёжкой, под артобстрелом и бывалых мужчин-солдат мороз по коже пробирает, то каково было им, этим нежным созданиям, недавним школьницам. Не верьте никому, кто станет уверять вас, что на войне не страшно. Об этом бывшая медсестра, поэтесса Юлия Друнина сказала: «Я только раз видала рукопашный. Раз наяву. И тысячу во сне. Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне». Пусть прочтут стихотворение В. И. Петрова наши фронтовые подруги, бывшие солдаты, ныне – героини. Они узнают здесь себя.

Постоянный читатель нашей газеты, выписывающий её со дня выхода в свет, участник войны А. С. Селивёрстов, прямо скажем, не очень силён в стихосложении, но его написанное без рифм стихотворение подкупает редкостной задушевностью, и это не удивительно – адресовано оно сыну. Только так вот, от всей души, и может говорить отец, добрый и отзывчивый человек:

Поговорим, сынок.
Я вспомнил вновь о многом.
Как мёрзли мы в окопах,
В болоте вязли и в грязи,
По грудь в воде, неся Победу,
Чтоб было счастливо потом
Советскому народу.
Поговорим, сынок…
А как вот тем отцам поговорить,
Которые лежат в могилах
На Брянщине и под Москвой
И где-то под Берлином…
Поговорим, сынок.
Запомни это всё,
О чём я снова вспомнил.

Правильно говорил Алексей Максимович Горький: все влюблённые – поэты. Хотя бы в душе. Читая это стихотворение, ясно чувствуешь, что его автор А. С. Селивёрстов горячо любит свою Родину, свой народ, своего сына, своих былых товарищей по оружию – и эта любовь подсказывает ему простые, непритязательные, но точные и сердечные слова.

И как бы от имени сыновей воинов Великой Отечественной войны продолжает начатый разговор иное, новое поколение, те, кто сегодня почти в том же самом возрасте, в каком были уходившие в бои отцы. Вот что пишет в стихотворении «Орлята» В. Овчинников из Прокопьевска:

Свои колени преклоняю
Пред вами – Родины сыны,
И в мыслях часто представляю
Те годы тяжкие войны.
Вы закрывали грудью дзоты
И шли в разведку в тыл врага,
В атаку поднимали роты –
Была Отчизна дорога.
А где-то там, в избушках ветхих,
Всё ждали матери сынов,
Читая строчки писем редких
И веря в предсказанья снов…
Хоть многих мамы не дождались
Вас, возмужавшие орлы,
Но вы навек в сердцах остались,
Не умирали с той поры!

Все те, кого мы любим, даже уйдя от нас, навсегда остаются с нами, живут в нашей памяти, в нашем сердце. Вдвойне заслуживают вечной памяти не только родных, а всего народа герои сражений под Москвой, под Сталинградом, на Курской дуге, в самом Берлине, так и не увидевшие солнечно ослепительного Дня Победы. Именно эти чувства и мысли проходят красной нитью через стихи всех авторов, какого бы они поколения ни были, через взволнованные строки, посвящённые войне и миру.

Любовь Романовна Шабалина, работник библиотеки в Анжеро-Судженске, не указывает своего возраста, но в подлинности её раздумий у обелиска, выраженных в небольшом стихотворении, невозможно усомниться:

Горит огонь… Неистовое пламя
Рвёт ночь, и тени пляшут по земле.
Сюда приходит юность на свиданье,
Здесь зрелость вспоминает о войне.
Горит огонь… И отблеск от гранита –
У зрителей в расширенных зрачках.
Венки любви ложатся здесь на плиты,
На землю, на солдатские сердца.
Горит огонь… В туман уходят тени
Последних павших на земле солдат,
А воины другого поколенья
На страже нашей Родины стоят.

Весомо и многозначительно звучит рефрен: «Горит огонь!» В этом повторе одних и тех же слов – безграничность времени, беспредельность людской памяти, священного преклонения перед воинской доблестью миллионов советских тружеников войны. И вместе с преклонением – сердечная благодарность за мир на земле, за безоблачное, солнечное небо над головой, за возможность спокойно трудиться, делать своё заветное дело. За возможность любить, радоваться, растить малышей.

Первый раз обращается в редакцию Александр Штукерт из Прокопьевска, и первое же его стихотворение, которое он предлагает посмотреть, – о войне, оно так и называется: «Парню, павшему в самом начале войны…».

Есть в этом стихотворении такие строки:

Парень, убитый в сорок первом,
В захлебнувшейся атаке,
захлебнувшийся свинцом,
Под дождём суетливо-нервным
Ты лежал со спокойным лицом…
Своей неизвестностью лишь известный,
Видится мне силуэт твой строгий
Отсюда, из семьдесят пятого, так:
Руки раскинув и вытянув ноги,
Ты лежишь на земле, как посадочный знак.
На посадочный знак – этот знак приземленья
– Приземляю с моим поколеньем колени.
Приземляю цветы, приземляю мечты
И суровые клятвы земной простоты.
Только сердце в груди трепещет,
Словно жаворонок в вышине.
В сердце рождается песня
О вашей, о нашей судьбе и весне…

Мы привели много строк из стихотворения, но и они – лишь часть, лишь фрагмент поэтических раздумий Александра Штукерта. В них – попытка, пусть не везде словесно удачная, осмыслить Великую Отечественную войну, подвиги её великих солдат, их мужество, их стойкость, их надежды и мечты, и соотнести всё это с мечтами, надеждами, готовностью к таким же подвигам своих нынешних сверстников – ребят семидесятых мирных лет. И можно с уверенностью сказать, что эти раздумья молодого автора близки, родственны всем без исключения поколениям – и солдатскому, водрузившему знамя Победы над рейхстагом, и послевоенному, поднявшему из руин города и сёла России, и сегодняшнему, утверждающему её славу героическим трудом.

М. НЕБОГАТОВ. Член Союза писателей СССР,
младший лейтенант в отставке, участник
Великой Отечественной войны. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1975 . – 8 мая. – С. 4.

ВЕРИТЬ В СЕБЯ

Можно много и подробно говорить о том, что нужно для того, чтобы писать хорошие стихи: совершенное знание родного языка, безупречное чувство стихотворного ритма, умение образно мыслить, тонкий художественный вкус, жизненный опыт и так далее.

Это обзор я хочу начать со знакомства со стихами Виктора Чугуева из Анжеро-Судженска.

Звучит, звучит музыка в голове.
А может, просто уши заложило?
Любовь меня взяла и закружила
Легко-легко, как листья по траве,
Не свысока гляжу, но с высоты
В твои глаза, как в новые рассветы…
И вот почти с того решаю света,
Что для меня на этом значишь ты.
С тобою мне до чёртиков черно,
С тобою мне светло до самых радуг.
С тобою ближе у разлуки дно
И больше неба – чистота и радость.
А ты не ждёшь… Дана такая власть!
Я всё стерплю, и, может, боль растает…
Звучит любви мелодия простая.
Она жива! Она от нас спаслась.

Старая истина: то, что отмечено печатью настоящей поэзии, невозможно пересказать в прозе, обычным языком, это надо просто читать. Всё же коротко отметим, что в данном стихотворении перед нами ещё один, может быть, тысячный вариант из бесчисленных мотивов любви – на этот раз любви безнадёжной, жгущей болью, но вместе с тем светлой и радостной, как весёлая летняя радуга. И пусть она, эта любовь, не скреплена взаимностью, пусть она даже пройдёт где-то стороной от двух сердец, но мелодия любви на земле не перестанет звучать, и сказано об этом очень впечатляюще и своеобразно: «Она жива! Она от нас спаслась». Имея в виду даже только одну эту строчку, можно с уверенностью сказать, что написана она человеком, который понимает, что такое поэзия, и умеет открывать её в себе.

Где есть природный дар, там всё остальное прикладывается как бы само собой. Так, например, Виктор Чугуев очень свободно и легко распорядился избранной не совсем обычной строфикой – первая строка рифмуется с четвёртой, а вторая – с третьей. И ни в одном четверостишии эта конструкция не нарушена. Если говорить о недостатках стихотворения, то их совсем мало: старомодное, архаичное выражение «музыка» с ударением на втором слоге вместо первого и неудачное определение конца разлуки – «дно»: «с тобою ближе у разлуки дно». Мы понимаем, почему автор употребил этот образ – ведь в самом начале сказано: «Не свысока гляжу, но с высоты»; отсюда, с высоты, и увиделось это «дно», однако само слово режет слух, как неверное, неточное. Уверен, что поразмыслив, автор согласится с нами. Чувство слова, в общем-то, у него неплохое.

В одном из стихотворений Виктора Чугуева есть такое выражение: «Как танец – чувство красоты». Читая его стихи о природе, видишь, что он не лишён и чувства красоты. Вот наглядное тому свидетельство:

Спелый август. Густеют подлески.
Голосует грибная пора.
И росы голубые подвески
На траве повисают с утра.
Где-то птицы сбиваются в стаи
И щебечут о чём-то своём.
Трубный клич прозвучал и растаял,
В кроне луч вдруг зажёгся огнём.
Здравствуй, август!
Шагай по просторам,
По тайге, по лугам, по стерне,
По полям золотым, по озёрам –
По сибирской моей стороне.

Казалось бы, нет здесь никаких особенных поэтических находок и открытий, а читать приятно, потому что это просто хорошие стихи – непритязательные по форме, ёмкие по содержанию, искренние по чувству и точные по выражению. Единственное место, которое следовало бы чуть-чуть подправить, чтобы избежать тавтологии (повторения того же самого другими словами), это «повисают подвески». Но, повторяем, недостатков в стихах Виктора Чугуева совсем немного по сравнению с их достоинствами – простотой, искренностью, оригинальностью некоторых строк, что свидетельствует о самостоятельности поэтического мышления автора. Самое радостное – это отсутствие подражания кому-либо, чего не могут избежать многие и многие начинающие авторы.

Вот, скажем, стихотворение Анатолия Заюкова из Новокузнецка. Мне кажется, с первых же строчек нетрудно понять, «под кого» оно написано:

Спой мне, спой мне, мама,
Спой мне песнь свою.
Распахну я ворот,
Сяду, подпою.
Как бывало в детстве,
Ты одна мне друг.
Пальцы по гитаре
Вяжут полукруг.
Я ещё мальчишкой
Подпевать любил:
Край ты мой сибирский,
Как ты сердцу мил.
Знать, навек привязан
К милой стороне.
Мама, слышишь, вьюга
Плачет обо мне.
Я ведь окольцован,
Я теперь женат.
Ты готовь для вьюги
Свадебный наряд.
Провожай, как прежде,
От родных ворот.
Я к тебе приеду,
Но уже не тот.
Стану знаменитым
В дальней стороне.
Ты опять в морщины
Плачешь обо мне.

Вы уже готовы опередить меня, заявив: да это же так напоминает Есенина! Совершенно верно. Есенина. И по интонациям, и даже по отдельным выражениям. В памяти – прямые аналогии, в первом случае – строки из стихотворения Анатолия Заюкова, во втором – Сергея Есенина: «Край ты мой сибирский, как ты сердцу мил», «Край ты мой заброшенный, край ты мой, пустырь»; «Спой мне, спой мне, мама, спой мне песнь свою», «Ты запой мне ту песню, что прежде напевала нам старая мать»; «Сяду, подпою», «Я сумею тебе подпевать»; «Стану знаменитым в дальней стороне», «Говорят, что я скоро стану знаменитый русский поэт» и т. д. Давно замечено: учёба у любимого поэта и подражание ему, копирование его приёмов – далеко не одно и то же. Учёба предполагает развитие каких-то традиций на самостоятельной творческой основе, а подражательность – это механическое воспроизведение каких-то характерных мотивов готового образца. Последнее – бесплодно, бесперспективно и просто бесполезно, а зачастую и того хуже – бессмысленно. Вот конкретный пример: «Я ведь окольцован, я теперь женат» и вдруг: «Ты готовь для вьюги свадебный наряд». Свадебный наряд после женитьбы, то есть после свадьбы? Более чем странно.

Тем, кто не может ещё освободиться из плена подражательности, хочется напомнить следующее: из-за возникающих литературных ассоциаций (напоминает того-то и того-то) теряется подлинность содержания, читатель невольно проявляет недоверие к тому, о чём ему рассказывают, возникает сомнение: а было ли всё это в действительности, может быть, всё – чистая выдумка, перепев? Такое сомнение в отношении приведённого выше стихотворения тем обиднее должно быть для его автора Анатолия Каюкова*, что говорится здесь об очень дорогом человеке – о матери *(* – странно: дважды в статье автора называли **З**аюковым, и вдруг он стал **К**аюковым… То ли газетная опечатка, то ли что-то другое.* – Примечание Н. Инякиной).

Свои размышления о поэтической работе кемеровчанин Владимир Баранов начинает с упоминания об одной из предыдущих обзорных статей: «Есть там такие строки. Пишет девушка, просит подсказать, стоит ли ей писать стихи, стоит ли отнимать время у вас и у себя. Что это, просто строки письма или нерешённый вопрос? Понятно, что человек хочет знать оценку своим стихам. Но неужели человек, однажды вылив на

бумагу свои мысли, чувства, вылив самую чистую каплю своей души может сомневаться – стоит ли писать?! Мне двадцать три года. И я тоже пишу стихи. Пишу со школьной скамьи. Но никогда, никогда я не усомнился в необходимости писать. Стихи стали моими спутниками, моими друзьями, самыми лучшими, самыми искренними и откровенными. Я получаю истинное наслаждение от стихов. Не знаю оценки своих стихов. Но писать не брошу, даже если мне и скажут, что у меня ни вкуса, ни таланта». Сразу же скажем: завидная, счастливая влюблённость в поэзию, похвальная твёрдость в решении посвятить ей всего себя, всё лучшее, что имеется в сердце и душе. К этому следует добавить, что такое решение принято не без оснований, в стихах Владимира Баранова есть то, что близко к поэзии. Познакомимся с небольшой пейзажной зарисовкой:

Январь расщедрился теплом,
До черноты разул дороги,
Болтливый ветер помелом
Метёт под зимним солнцем строгим.
Днём каплет с крыш, к утру подмёрзнет.
День ото дня спешим к весне.
Январский вечер сыплет звёзды,
Мигая молодой луне.
Пусть впереди февраль морозный –
Я рад. Спасибо январю,
За миг весны, за вечер звёздный,
За теплоту благодарю.

Если среди двенадцати строчек встречаются две-три интересные в поэтическом отношении, то значит, молодой человек не зря взял в руки перо. Такие строчки есть и в этом коротком стихотворении: о дорогах, разутых до черноты, и об январском вечере, который «сыплет звёзды, мигая молодой луне». Так что ещё раз следует одобрить целеустремлённость Владимира Баранова, подкреплённую практически – работой над стихами, работой старательной, добросовестной, хотя кое в чём ещё неумелой. Может быть, кому-то из читателей покажется чрезмерно строгой моя требовательность к этому автору, но от человека, имеющего определённые поэтические задатки и тем более пишущего ещё со школьной скамьи, к его двадцати трём годам читатель вправе ждать большего умения в стихосложении, чем мы имеем налицо. Ничем не оправдано, например, то, что второе четверостишие начинается в другом размере, нежели первое. Уж чем-чем, а пониманием ритмики стиха Владимиру Баранову надо вооружаться. Теперь замечания относительно содержания. В конце говорится, что я благодарен январю «за миг весны, за вечер звёздный», но этого мига весны мы явственно не ощутили, кроме «разутых дорог» надо было показать что-то ещё, характерное именно для весны. Разве чисто весенняя примета – звёздный вечер? Звёзды могут светить самой морозной январской или февральской ночью. И луна тоже. Ничего не говорит о весне ветер, наделённый необязательным эпитетом «болтливый», который метёт «помелом» (что за помело, как его представить зримо?) под зимним солнцем строгим. Другое дело, если бы ветер в январе донёс до читателя какой-то присущий весне запах, а помело, увы, никак не воспринимается – пустое слово, нужное разве для рифмы: теплом – помелом.

Прочтём ещё одно стихотворение Владимира Баранова «Мёд горечи»:

Твои волосы – травы степные.
Твои губы – берёзовый сок.
Твои руки – до боли родные,
Только жаль – я тебя не сберёг.
Эти травы ласкал я, пленяясь,
Упиваясь соком, я млел.
Так по-детски ты мило смеялась…
Обо всём теперь пожалел.
Нет ни трав и ни сока. Пустырник.
Он цветёт на тропинках твоих.
Да тоска, как ребёнок настырный,
Да тоска, что я пью за двоих…

В стихотворении есть неподдельное лирическое чувство, особенно запоминается последняя строка – так проникновенно это сказано: «Да тоска, что я пью за двоих». Тут как будто даже горестный вздох лирического героя слышишь. К сожалению, если разбирать всю вещь «по косточкам», можно обнаружить немало недостатков. Впечатление от первых неплохих строчек портят книжные слова «пленяясь», «млел». В шестой строчке по ритму не хватает одного слога, от этого звучит она вяло, невыразительно. Плохо продумано сравнение тоски с настырным ребёнком. Автор, очевидно, хотел сказать о навязчивости, неотступности этого чувства, и в принципе мы не имеем ничего против такого уподобления тоски и ребячьей настырности. Но ведь в следующей строке тоска сравнивается с горьким настоем, который автор «пьёт за двоих», поэтому ребёнок тут ни в коем случае не подходит, это противоестественно.

Сказать, что у Владимира Баранова, как он пишет в письме, «нет ни вкуса, ни таланта», нельзя. Наоборот, наверно, есть и то, и другое. Нет беспощадной строгости к себе. Что касается критических замечаний, то их полезно выслушивать и молодым, и немолодым стихотворцам. Будем надеяться, что наша критика, по частностям, не поколеблет стремления Владимира Баранова продолжать писать, добиваться в своей работе возможного совершенства. Главное – верить в себя.

М. НЕБОГАТОВ. член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1975 . – 28 июня. – С. 3.

ПУСТЬ ВДОХНОВЛЯЕТ ЖИЗНЬ

Нет, наверно, ни одного пишущего, кто не пытался бы создавать стихи о творчестве, стихи о стихах. И это вполне закономерно – так хочется поразмышлять о смысле и назначении того дела, которым занимаешься. Но, признавая право любого молодого автора на создание сочинений такого рода, следует сделать оговорку: о литературном творчестве, о поэзии в самом начале пути трудно сказать что-либо новое,

интересное. Открытия в этой теме доступны немногим, главным образом людям с большим жизненным и профессиональным опытом, тонким знатокам и мастерам поэтического искусства. Им действительно есть что сказать. А у начинающих стихи о стихах получаются обычно скучноватыми, необязательными.

Обо всём этом подумал я, когда прочитал письмо и стихи Евгения Винокурова из Юрги. «Я буду очень рад, – говорится в письме, – если вы найдёте время для ответа. Меня волнует много вопросов, но главный из них – на верном ли я пути?»

Некоторые стихи Евгения Винокурова не позволяют дать положительный ответ на этот сложный вопрос. Ну, например:

Опускаются звёзды
На росистые клёны с рассветом.
Опустевшие гнёзда,
Так свежо ещё в памяти лето.
Отдалённые звуки
В глубине поднебесья дремлют.
Осторожно возьму их в руки
И… стихи опущу на землю.
И родившиеся слова
Отзовутся щемящей болью,
И закружится голова
На осеннем хмельном застолье.

Здесь осеннее настроение передано, в общем, верно, но совершенно лишними кажутся строчки о стихах и о родившихся словах, которые «отзовутся щемящей болью». В сердце самого автора, может быть, и отзовутся, а в сердце читателя – это ещё как знать. За этим следует другое стихотворение, по сути оно аналогично процитированному:

Всё, что выстрадал, я вложу
В полновесные звонкие строки.
Я в осеннем лесу нахожу
Вдохновенья живые истоки.
Расплескалось без края жнивьё.
Ты, как мать, повторяясь в сыне,
Отдала мне дыханье своё.
Я в тебе повторяюсь, Россия.

На этом примере лишний раз убеждаешься, что далеко не всегда стоит молодым авторам писать стихи о стихах. Вольно или невольно, а часто в этих случаях стихотворец впадает в наивность. Уверен, что некоторым придирчивым читателям Евгений Винокуров даёт повод для упрёка в свой адрес: мол, гляди-ка, до чего самонадеянный парень: выстраданное «вложу в полновесные звонкие строки». Ни больше, ни меньше – всё у меня только полновесно и звонко! Но мы-то понимаем, что ни о какой самонадеянности не может быть и речи, это по наивности неумело выраженное стремление к тому, чтобы научиться хорошо писать. Только стремление, мечта, а не утверждение, что я уже, дескать, так могу, умею.

Если исходить из существа приведённых стихов, то надо прямо сказать: пока что он не вышел на правильный путь, хотя техникой стихосложения овладел неплохо. Не стоит на первых порах углубляться в эту тему – как я пишу, как намерен работать дальше, то есть не стоит посвящать свои стихи так называемой творческой лаборатории. Следует просто по возможности полно, глубоко, искренно выражать свои мысли и чувства, которые вызывает не литература, а сама жизнь. В подборке Евгения Винокурова есть, например, искренное стихотворение о первой любви, по форме оно, к сожалению, исполнено гораздо слабее приведённых выше, однако по сути это стихотворение ближе к тому пути, на котором автор может найти себя.

Повторяем: пусть сама жизнь во всём её многообразии приходит в стихи. Столько в ней прекрасного, волнующего, неповторимого! Чувство удивления перед жизнью, особенно в чудесную пору весны, попробовал передать в простых, без всяких претензий на красивость, словах Станислав Станкевич из села Пача Яшкинского района:

Под ногами ковром распахнулась трава.
Надо мною сплошная стоит синева.
Я стою и не знаю, куда мне пойти,
Все четыре дороги на весеннем пути.
Подскажите мне, небо, леса и поля:
Где же в мире есть лучше и краше земля?
Если есть, я пойду, не взыщите с меня,
Что весна увела в путь, собою пленя…
И звенела и пела вокруг тишина.
Словно в сказке я был. И бродил дотемна.
По лугу проходил, там мне пели цветы,
Так, что новые в сердце рождались мечты.
Я пьянел от дыханья берёз и полей.
Как мальчишка запел, когда пел соловей.
Здесь родился и рос, здесь всех ярче рассвет.
И красивей земли моей родины нет!
Все дороги поют и зовут, не тая.
Только я не покину родные края.

Конечно, говоря строго, о земной, природной красоте, которая открылась в этот день перед лирическим героем, другой, более опытный поэт написал бы короче и ярче, и выразительней, но у этого стихотворения не отнимешь того, чем оно ценно: искренности, неподдельной эмоциональности, которая передаётся и нам, читателям. Можно также указать Станиславу Станкевичу на отдельные словесные неловкости. Например: «все четыре дороги в весеннем пути» (подразумевается: дороги на все четыре стороны света), но мелкие, частные погрешности с лихвой окупаются большим чувством любви к родной земле, к родине, к отчему краю, а без чувства родины, как говорил ещё Есенин, нет и не может быть поэта.

Пожелаем Станиславу Станкевичу и в дальнейшем расширять и углублять эту самую главную для любого автора – будь то поэт или прозаик – тему: родная земля и человек на ней.

Общеизвестна истина: поэтический талант – редкость. И с особой бережливостью мы должны относиться к тем одарённым авторам, которые только-только вступают в большую жизнь и в литературу. Александру Бессонову из Осинников 18 лет. Он признаётся, что ему не так важно напечататься, как узнать: нравятся ли нам его стихи. С радостью отвечаем: нравятся. Встречаются у него просто отличные вещи, если тем более сравнивать их с общим потоком редакционной почты.

Думаем, что читатель не посетует на нас за широкое представление этого молодого автора.

Вначале познакомимся с небольшой пейзажной вещью Александра Бессонова «Апрель»:

Улыбка солнца и весны,
Капелей звонкая соната
И небо чистотою взгляда
Глядит на небо с вышины,
Маня голубизной и далью
И непонятною печалью.

По-новому, по-своему сказано здесь о капели («звонкая соната»), в двух-трёх словах выражены основные, характерные для весны приметы – чистая голубизна неба, улыбка солнца (после долгих сумрачных зимних дней солнце в самом деле кажется улыбающимся!), и всё-таки главное тут не в пейзаже, а в точно переданном ощущении: «маня голубизной и далью и непонятною печалью». Да, именно какую-то непонятную, тонкую, светлую печаль испытывает весной чувствительный человек – и не только в преклонном возрасте, а и в молодости. Вот этой достоверностью (нисколько не придумано!) и подкупает концовка пейзажной миниатюры «Апрель». Живая жизнь, живое чувство.

А вот стихотворение Александра Бессонова «Вечное прощание»:

Как явь, те сны меня печалят,
Никак забыть их не могу:
Предштормовые крики чаек
На просолённом берегу.
Корабль из гавани уходит,
Раскинув крылья парусов,
Туда, где только ветер бродит,
И он – виденье смутных снов.
Мне счастье грустное досталось:
На грани моря и земли
Глядеть с тоской на белый парус,
Всё исчезающий вдали…

Перед нами – сама молодость, с присущей ей жаждой чего-то неоткрытого, романтического. Пусть никого не смущает эта формулировка: грустное счастье, ничего страшного в подобной грустинке нет. Наоборот, она как бы олицетворяет вечное молодое беспокойство, трепет мечты, желание обрести полное, без всяких тёмных оттенков счастье на тех путях, которые всегда зовут куда-то вдаль и на которых непременно обретёшь всё, о чём так страстно мечтаешь, чего неодолимо хочешь…

По настроению – это просто отличное стихотворение. Возможно, кто-нибудь из скептически настроенных читателей скажет: ну, чересчур уж захвалил парня. Не знаю. Зато знаю другое: нельзя вполсилы огорчаться, вполнакала восхищаться, радоваться. А настоящая одарённость всегда очаровывает, волнует, и не нуждается она, на мой взгляд, в осторожных оговорках: хорошо, но… отлично, однако… И так далее. Все вещи надо называть своими именами. Руководствуясь этим принципом, скажу я и о том, что в подборке Александра Бессонова есть просто слабое стихотворение – «Для тебя о солнце», в котором и форма хромает, и – что более досадно – даже ни о какой поэтической образности говорить не приходится. Предполагаю, что это один из самых ранних литературных опытов Александра, о наличии которых в подборке он, кстати, упоминает в своём письме. Вот лишь четыре строчки из этого неудачного во всех отношениях стихотворения: «Солнце нужно везде: в городах и горах, людям в светлых делах, и земле, и воде». Это прозаическая риторика – бледная копия стихов, которые мы цитировали, которые без всяких преувеличений считаем немалым достижением в работе восемнадцатилетнего стихотворца.

А чтобы подробный сегодняшний разговор об Александре Бессонове не пропал даром, не оказался случайным эпизодом, мы будем надеяться на получение от этого даровитого юноши (пусть не завтра, не послезавтра) нового, хорошего цикла стихов, которые окажутся достойными опубликования не только в обзорной статье.

Приятное впечатление оставляют стихи Киры Мальцевой из Новокузнецка. Отличительная их особенность, в числе прочих – в том, что сразу видно: написано это женской рукой. Не подумайте, будто имеется в виду какая-то сентиментальность, нет. Просто во многих строчках угадывается мягкость женских интонаций. И это хорошо. Значит, Кира Мальцева уже обретает свой поэтический голос. Итак, одно из её стихотворений:

Брежу невозможным –
Хочется до боли
Хоть на час вернуться
В детство голубое.
Там, в далёком детстве,
Было всё прекрасным:
Небо было синим.
Сердце было ясным.
Солнце так светило!
Жизнь была игрою,
Папа – очень сильным,
Мама – молодою.
Там мы после дождика
Луж не обходили,
Там любые праздники
Праздниками были…

Мне бы хоть глоточек *Мне бы на часочек*
Воздуха из детства, *Отогреться сердцем…*

О детстве написаны тысячи стихов, трудно кого-то не повторить. Но когда и об этом пишешь не по инерции, не из простого желания что-то написать, а, как говорится, изливаешь душу, то многое получается по-своему, из самого сердца вырываются трогательные, запоминающиеся строчки, удивительно точно передающие воспоминания любого из нас о том, что было там, в детстве: «Солнце так светило!». Никогда, кажется, солнце не было таким ярким, ласковым, лучистым, как именно в детстве. И самое дорогое в позднем восприятии минувшей поры: папа там был «очень сильным, мама – молодою». Пожелание Кире Мальцевой в двух словах такое: быть внимательнее к стихотворной форме, вырабатывать технические навыки, чтобы стихи были звучными, крепкими, энергичными. Одарённый человек должен постоянно совершенствовать своё мастерство, и только в этом случае он станет полноправным гражданином страны Поэзии.

М. НЕБОГАТОВ. член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1975 . – 31 июля. – С. 3.

ШТАМПЫ, ШТАМПЫ, ШТАМПЫ…
Полемические заметки на полях книг

Материал, который мы публикуем под рубрикой «Факультет молодого литератора», несколько необычен. Поэт Михаил Небогатов на этот раз не ведёт разбор стихов, присланных в редакцию начинающими авторами. Сегодня он делится своими наблюдениями по поводу проникающих на страницы поэтических сборников литературных штампов. Наверное, не всё в категорических утверждениях автора бесспорно, и мы надеемся, что любители поэзии пришлют в редакцию письма, в которых поделятся своими взглядами на стихи. А начинающим стихотворцам статья «Штампы, штампы, штампы…», думается, даст повод к размышлению о собственном творчестве.

Как всякий истинный любитель поэзии, я пристально и пристрастно слежу за книжными и журнальными новинками, стараюсь не пропустить выхода в свет очередного сборника (или цикла) уже давно известного поэта и совсем ещё незнакомого. С годами как-то незаметно выработалась, может быть, чисто профессиональная привычка: читая только что приобретённую книжку стихов, делать на полях различные замечания, а чаще всего краткие пометки. Разумеется, эти замечания имеют сугубо личный характер, это, так сказать, моя читательская и писательская кухня, до которой, в общем-то, никому нет никакого дела. Мало ли кто как воспринимает и оценивает одно и то же произведение. Однако есть в литературе вещи, разговор о которых имеет отнюдь не частный, а общественный интерес, принципиально важное значение. Взять, например, такую вещь, как поэтический штамп, кочующий из книги в книгу. Я хотел бы поделиться весьма любопытными наблюдениями именно из области распространённых поэтических штампов, на которые в последнее время буквально поветрие и среди молодых стихотворцев, и среди довольно именитых.

Речь пойдёт, на первый взгляд, о самом незначительном – всего о нескольких словах и словосочетаниях, в отдельности не вызывающих абсолютно никакого возражения, а по претензиям на метафоричность, образность в сходных смысловых связях и контекстах у большой массы поэтов, представляющих прямо-таки удручающую шаблонную картину.

Ни одному человеку не придёт в голову назвать штампованными такие, к примеру, фразы: я крепко пожал ему ладонь; во время пожара он чуть не задохнулся; уже стал тонуть, захлёбываться; трамвай качнуло на повороте… Подобные словосочетания мы можем встретить в сотнях книг и не обратим на них совершенно никакого внимания в том смысле, что сказано это как-то ненормально или вычурно – фразы как фразы, они то и дело повторяются в обычной разговорной речи.

Но у многих стихотворцев стали сейчас не в чести простые выражения: я сильно взволнован, я переполнен каким-то чувством. Вместо этого – я задыхаюсь, я захлёбываюсь. Испытывая какое-то душевное смятение, глядя при этом, скажем, в ночное небо, сторонники поэтических красивостей посчитают обязательным заявить миру, что звёзды над головой качаются…

На моём письменном столе – солидная стопка стихотворных сборников, выпущенных центральными издательствами в минувшем и нынешнем году. Со всей откровенностью заверяю читателя, что я не занимался специальным отбором с целью «уличить» авторов в их неодолимой склонности к упомянутым штампам – эти сборники я приобретал по мере поступления их в магазины книготорга, и желание у меня было одно, самое бескорыстное, интерес самый естественный – узнать, что нового в поэтическом мире. Теперь даже самому удивительно: можно ли было заранее предположить, что из каких-то двух десятков новых книжек вот эти одиннадцать окажутся «родственными» по одной и той же пометке на полях многих стихотворений: «штамп!».

Поскольку примеры будут приводиться из этих сборников, я должен назвать их. Вот они: «Талая заря» Бориса Примерова, «Гостья» Александра Говорова, «Праздничный день» Юрия Панкратова, «Ковыльная держава» Николая Поливина, «Голоса дождей» Владимира Осинина, «Времена года» Юрия Смирнова, «Всходы» Бориса Голубева, «Радуга снега» Ларисы Васильевой, «Земля отцов» Николая Мережникова,

«Зелёная околица» Алексея Мишина и «Садовое кольцо» – коллективный сборник, составленный из стихов «молодых москвичей», как сказано на обложке.

Многие из перечисленных поэтов хорошо известны, давно и плодотворно работают в литературе (например, книжка Юрия Панкратова включает стихи, созданные им за пятнадцать лет). Думаю, что читатель правильно поймёт меня: в данных заметках в мою задачу не входит обстоятельная оценка творчества каждого из названных поэтов. Надеюсь также, что не заподозрят меня и в том, будто я пытаюсь бросить тень на кого-то. Нет, конечно, у каждого есть свои достижения, заслуги, авторитет. Ну, а с другой стороны – из песни слова не выкинешь. Слова эти говорят сами за себя.

Перейдём непосредственно к стихам. У Юрия Панкратова в стихотворении об октябрьском празднике читаем:

Потом мы шли под триумфальной аркой…
В сиянии волшебного огня
она пылала празднично и ярко –
её соорудили для меня!
Оттуда, временами ЗАДЫХАЯСЬ,
но всё же продолжавшая греметь,
покачиваясь и колыхаясь,
на солнышке поблёскивала медь!

Чтобы устранить разные кривотолки и сомнения по поводу глагола «задыхаться», давайте сразу же уточним значение его. Задыхаться, – по Далю, – встречать помеху в дыхании, не быть в силах дышать, переводить дух с большим трудом. Задыхаются от недостатка или негодности воздуха, от дыма, от опухоли в горле, от чрезмерно скорого бега… Вернёмся к процитированным строчкам. Подходит ли хоть одно из определений Даля к образному воспроизведению праздника, о котором говорится здесь? Едва ли. Не задыхаются музыканты, нет! Вольно дышит их грудь. Вполне хватает им свежего воздуха, чтобы приободрить, воодушевить демонстрантов своим ликующим, торжественным маршем! Ведь праздник же, и образность должна быть праздничной. Но как же без этого «задыханья» – не поверит читатель, что все вокруг взволнованы, возбуждены – так, видимо, считает Юрий Панкратов… А дальше – сплошное **качанье** и **ладони** (обращаем внимание: в образном толковании этих слов). Цитирую из разных стихотворений:

…Там пурга, как дуга, бубенцами звенит,
обрывает постромки,
окаянной позёмкой
КАЧАЕТ дома в Постоянном посёлке…

Осень пройдёт, как любимая воспламеня
сердце, в котором КАЧАЕТСЯ бронзовый лес…

И развороченными ульями,
распутицей в начале марта –
всё прилегающее к улицам
ПОКАЧИВАЛОСЬ в такт марша…

там солнце, круглое, как франк,
над сонной ратушей КАЧАЛОСЬ…

КАЧНУЛА ива сонно
ЛАДОНЯМИ ветвей…

Тяжелеет на ЛАДОНИ зеркало-
озеро, – оправленное в зернь…
Я её (животворную смолу женьшеня)
принесу тебе в жарких руках,
пусть КАЧАЕТ меня высота…

Не многовато ли этих «качаний», которые, как метафоры, как образы в приведённых строчках лишены всякой соразмерности и сообразности?

Николай Мережников с любовью пишет о русской деревне, о весне в ней:

Под водостоком кадка
КАЧАЛА ломтик льда.

«Качала» в данном случае – в прямом смысле слова, и потому лишь способствует изображению, показу одной из весенних деталей: мы ясно видим живой, подвижный кусочек льдинки в переполненной водой кадке. Что возразишь против точного употребления слова!?

Но вот грустное стихотворение о последнем пути соседа, может быть, ветерана войны и труда, и в этом контексте просто чужеродным является привычно-шаблонное использование модного «образа»:

Вздох людской, а может, вздох Вселенной
На подушках ордена КАЧНЁТ!..

И ладони у Николая Мережникова тут как тут:

Опять течёт рассвет
в озябшие ЛАДОНИ.

С чем только не сравниваются эти многострадальные, натруженные ладони. У Ларисы Васильевой, например, «Земля ЛАДОНИ протянула в простор небесного тепла». Представляете вы хоть сколько-нибудь конкретно-зримо ладони земли? Что может сказать воображению этот исключительно отвлечённый образ?

Ещё нелепей получается, когда свой излюбленный поэтический штамп стихотворец вкладывает в уста какого-нибудь героя или героини. У Бориса Голубева «поэтически красиво» говорят, по воле автора, простые сельские девчата:

– Где вы брали красу? –
Поглядят хитровато:
– Где возьмёшь,
Как не в тёплых ЛАДОНЯХ весны!

Поразительная закономерность: где встретишь штампованные ладони, там непременно жди качанья. В стихотворении «Гость» Борис Голубев с готовностью подтверждает это:

Весною тёплый воздух сладок.
Росла, ПОКАЧИВАЯСЬ, мгла.

Качается всё, чему вроде бы и не положено колебаться, колыхаться, подаваться на весу из стороны в сторону. У Юрия Смирнова:

Над сосной звезда КАЧАЕТСЯ.

У Владимира Осинина: «Мир гремел во все колокола (заметим, кстати, что колокола начали сейчас греметь и гудеть тоже во многих стихах). Дымные РАСКАЧИВАЛИСЬ тени». А в другом стихотворении качанье достигает уже какого-то непостижимого вселенского размаха:

Когда я бываю почти что счастливым,
Врывается гром среди ясного дня, –
КАЧАЕТ берёзы,
КАЧАЕТ заливы,
КАЧАЕТ планету,
КАЧАЕТ меня.

И ещё, пожалуйста: «Плывёт, КАЧАЯСЬ, над лесами высь». И согласно странной, но железно крепкой закономерности, о которой говорилось выше, – вслед за одним расхожим образом появляться другому, – не кажется удивительным прочитать у Владимира Осинина такую строку «В цвету ЗАДЫХАЕТСЯ сад».

Волнение влюблённых попробовал передать в «Разговоре с женщиной» Николай Поливин, а образные средства – всё те же, знакомые:

Улыбнулась, залучилась, засияла…
Мир КАЧНУЛСЯ и расплавился в дыму.

Штамп есть штамп. Качаться так уж качаться – всему, что есть на белом свете. Если уж планета – с боку на бок, то вода-де – сам бог велел. Александр Говоров так начинает свою поэму «Ночной скиталец»:

Я видел Волгу в январе.
Она струилась подо мною
И вдруг забилась
Ледяною
В эмалированном ведре.
И ЗАКАЧАЛОСЬ над Землёй
Её державное сиянье…

Нескончаемая качка начинает забавлять не только читателя, а и саму природу. Об этом думаешь, читая у Александра Говорова следующие строчки:

В Тиму, где петелькою Тим
По курским просекам петляет,
Себя до донышка КАЧАЕТ
под хохот паводковых льдин.

Подобно ироническому выражению: «сотрясать воздух словесами» у Говорова в самом серьёзном значении звучат такие вот поэтические открытия:

Он так словечко ЗАКАЧАЛ,
Что заскрипела табуретка.

И слово, и слог – это очень послушный, податливый материал. Можно его и качать, можно и в ладонях согревать, как пишет А. Говоров.

Поучиться бы вот такому осторожному, бережному обращению со словом Александру Говорову у своего героя, да где там – поэт даже и фамилию-то ему дал в соответствии с нынешними модными штампами:

Иван Иванович Качаев,
Ты что ж, милейший мой, притих?
Тебя Россия ведь КАЧАЕТ
В ЛАДОШКАХ ласковых своих.

А притих герой по фамилии Качаев, наверно, потому, что как-то неловко ему за своего создателя. Вот уж где полное отсутствие соразмерности и сообразности: с одной стороны, великое, необозримое – Россия, с другой, нечто малюсенькое, детское – ладошки. А в целом – явно уродливый образ: какой-то Гулливер с лилипутскими ручками…

Борис Примеров по части штампов в какой-то степени однолюб: его больше всего прельщает метафорическое задыханье.

Ещё далеко до ночлега,
Ещё эта ночь хороша,
И, вся ЗАДЫХАЯСЬ от бега,
Рождается снова душа.

Автора ничуть не смущает, что «вся задыхаясь» – это не совсем грамотно, так по-русски не говорят (как будто можно задохнуться частично). А лёгкое перо продолжает скользить по бумаге:

Я ЗАДОХНУЛСЯ блеском звёзд
И тишиной оглохших комнат.

Прошу извинить меня за несуразное сравнение, но задохнуться блеском – это всё равно что, предположим, захлебнуться… чемоданом.

Борис Примеров не хочет быть одиноким в своём неудержимом пристрастии к задыханию, он и других зовёт последовать его примеру:

Ты останься с таинственной далью,
ЗАДЫХАЯСЬ, один на один.

Борис Примеров говорит с природой на каком-то странном поэтическом языке:

Румянец года, молодой июнь,
Проговори на полевом наречье,
Чтоб ЗАДОХНУЛСЯ запахами лун
Ещё один твой запоздалый вечер.

Ничего себе, доброе пожелание июньскому вечеру: задохнись, то есть перестань дышать, сгинь, умри…

Далеко за чертой косогора и свиста (?),
ЗАХЛЕБНУВШИСЬ закатом, обрушился день.

Задохнулся блеском, захлебнулся закатом… Нужны ли подробные комментарии?

Есть, понятно, у Бориса Примерова и образы всё того же одного ряда: ладони, качанье. А как же без них?

Всюду звёзды, звёзды, звёзды,
Смех КАЧАЕТ синеву…
Легла широкая ЛАДОНЬ
Зимы на золотую сбрую…

Алексея Мишина ещё не успел закрутить водоворот штампованных слов и оборотов, но краешком кое-что задело и его:

Подует ветер медленный и синий,
Едва коснётся стеблей и лица,
Как облачко,
В рядах зелёных линий
КАЧНЁТСЯ разомлевшая пыльца.

В коллективном сборнике молодых москвичей тоже не обошлось без всяких этих изрядно надоевших и читателю, и, признаться, самому автору заметок, образных штампов. У Альберта Федулова: «Я на плечо моей России ЛАДОНЬ усталую кладу» (не слишком ли панибратское отношение к матушке-России?); «Несу росинку на ЛАДОНИ и расплескать боюсь в пути» (автору совсем невдомёк, что росинка – это капелька, её можно уронить, а не расплескать). Евгений Карасёв в стихотворении об учителе пишет: «Он метель поднимал, если я ЗАДЫХАЛСЯ от ветра» (имеется в виду урок мужества, закалки, а свежих слов для образного выражения этой мысли автор не потрудился поискать). У Славы Пайны что-то уж совсем мудрёное: «Тишина, сойди на ЛАДОНЬ серой стаей, слетевшей с неба»…

Никто из поэтов, в том числе, конечно же, и автор этих заметок, не застрахован от каких-то, подчас очень существенных недостатков, ошибок, неудач в своей работе. И умалчивать об этом нельзя, ибо литература – наше общее дело, наша радость, боль и забота. Говорить об этих промашках в нашем общем деле надо прямо, нелицеприятно и во весь голос, не боясь даже резкости. Наблюдения, которыми я здесь поделился, касаются лишь малой малости из того, что именуется литературным творчеством вообще, а в частности – стихосложением.

Такой разговор, мне кажется, может быть полезным, если учесть, что большинство наших литературных критиков занято более общими, «глобальными» проблемами. Многие не считают нужным

тратить свой критический запал на построчный анализ поэтических произведений. Мол, это «ловля блох», это мелочи. А не из мелких ли деталей строится большое здание?

М. НЕБОГАТОВ. член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1975 . – 14 августа. – С. 3.

«НЕ НАПИСАТЬ ЛИШНЕГО»

В редакционной почте последнего времени обращает на себя внимание вот какой факт: почти каждую неделю мы получаем рукописи одного и того же автора – Татьяны Багрикульч из Междуреченска. Татьяна буквально засыпала редакцию своими посланиями. Достаточно сказать, что за месяц с небольшим мы получили от неё пять писем, и почти в каждом из них – до десятка стихотворений. Этот факт не столько радует, сколько тревожит. И вот почему: «творческая активность» Татьяны Багрикульч основана не на каком-то редкостном вдохновении, а на самом примитивном (простите за грубоватое выражение) строчкогонстве. Какими темпами «работает» Татьяна, видно из одного её письма:

«Вчера одним духом за 2-3 часа выдала те 7 стихов (т. е. стихотворений – *М. Н.*), которые пошлю вам сегодня».

Вдумайтесь в это сообщение: 7 стихотворений за два-три часа! Такое, наверно, и не снилось ни одному гениальному поэту, даже Пушкину в его знаменитую, благодатную «Болдинскую осень»!

Невдомёк Татьяне Багрикульч, что поэтическое творчество – это не игра в догоняшки, где бегают, как говорится, сломя голову. Нельзя просто забавляться поэзией.

Правда, Татьяна Багрикульч ещё очень молода, с неё ещё, как говорится, малый спрос, но вот именно сейчас она и нуждается в серьёзном осмыслении того дела, которому посвящает (впустую пока!) свои бессонные ночи. Понять всю сложность литературного труда ей необходимо для того, чтобы не служить пустой забаве и тогда, когда молодость пройдёт, а проходит она очень быстро.

Вот, как объясняет сама Татьяна Багрикульч то, что за два-три часа у неё рождается по семь, а то и больше стихотворений: «… виновата, наверно, подушка. Стоило мне приложиться к ней, как она начинала нашёптывать мне стихи. Я вскакивала, записывала и ложилась, и опять вскакивала, и опять ложилась… Пока не устала слушать и не уснула…». Это чувство как бы поэтической взволнованности, возбуждённости знакомо многим пишущим, но нельзя поддаваться ему безотчётно. А если уж и записывать что-то для памяти во время беспокойной бессонницы, то утром, на свежую голову, надо непременно пересмотреть все эти обрывочные, подчас хаотичные строки, которые, без всякого сомнения, требуют строжайшей правки, редактирования, «умственного фильтра». Об этом, видимо, совершенно не думает Татьяна Багрикульч.

Естественно, что надеяться на удачу таких стихов не приходится, чаще всего это бессвязный, иногда просто бессмысленный набор слов. Например: *После долгой ночи крыши расплелись, розовые струйки пропускают вниз. И сама не знаю, что это со мной. Тонко разбираюсь в музыке земной. Сердцу моему в грудной клетке тесно. Ах, наверно, я просто поэтесса… Отдаётся болью беспощадность лет. Помогите, листья, зелёный свет…»* Здесь почти ни одна строка по смыслу никак не связана с другой. Что, скажем, означает: «крыши расплелись»? Расплести можно, допустим, косу, клубок ниток, а крышу? Что за «розовые струйки», которые «пропускают крыши вниз» (откуда, с чего – вниз?) – гадай не гадай, всё равно ничего не поймёшь. И какой от всего этого логический переход к тому, что, мол, «тонко разбираюсь в музыке земной»? Все эти загадки объясняются, по мнению автора, тем, что «наверно, я просто поэтесса», и опять-таки получается нелепость: раз я не понимаю сама себя, значит я – поэтесса. Как будто бессмыслица – непременная принадлежность поэтесс.

Когда-то Пушкин глубокомысленно обмолвился: «Поэзия, прости господи, должна быть глуповата», подразумевая под «глуповатостью» по-детски непосредственное, первозданное восприятие окружающего мира. К сожалению, многие начинающие авторы истолковали это мудрое изречение в буквальном, обнажённо прямом смысле, и вот что ответил наивным людям Маршак в блестящей эпиграмме:

Поэзия глупа. В суждении таком
Есть свой резон. Но не забудь при этом:
Не всяк дурак рождается поэтом,
Он может быть и просто дураком.

Эта эпиграмма – произведение обобщённого характера, она не направлена ни в чей конкретный адрес, так что никто, в том числе и Татьяна Багрикульч, не должен принимать его на свой счёт. Упоминание Пушкина и Маршака здесь совершенно безотносительно, к слову.

Зато прямо к Татьяне Багрикульч и ещё к целому ряду начинающих авторов хотелось бы нам обратить дневниковую запись Льва Толстого: «Искусство писать хорошо для человека чувствительного и умного состоит не в том, чтобы знать, что писать, но в том, чтобы знать то, чего не нужно писать». То, чего не нужно писать, Татьяна как раз и не знает, она заносит на чистый лист бумаги всё, что придёт в голову – непродуманное, не выверенное разумом, подчиняясь только диктовке невнятных, смутных чувств.

Мы неоднократно указывали на необходимость постоянной, систематической работы над стихами, но не следует при этом забывать, что такая работа должна быть глубоко и всесторонне продуманной, подчинённой здравому смыслу, только при этом условии можно добиться более или менее ощутимых

положительных результатов. Они, как правило, сопутствуют людям зрелым, опытным, чаще всего уже сложившимся мастерам. Посмотрите, что говорит о поэтической работе известная советская поэтесса Вера Инбер:

«В чём опасность стихописания: обрадовавшись, что перо послушно тебе, – не написать лишнего. Предметы то не даются в руки, то, наоборот, манят внезапными озарениями. Показывают себя с самой выгодной стороны. Стоят, как просители, у входа в поэму или роман: только приоткрой им дверь – они хлынут. Но этого нельзя допускать». Знать, чего не нужно писать (мысль Толстого), не написать лишнего (предостережение Веры Инбер) – то и другое надо сделать своим девизом Татьяне Багрикульч (да и не только ей одной, а всем молодым стихотворцам).

На фоне растрёпанных, изобилующих неграмотными оборотами стихов Татьяны Багрикульч вполне приличными, немногословными выглядят стихи учащейся Новокузнецкого педагогического училища Людмилы Бородкиной. Вот одно из её лирических стихотворений:

Занавески в цветочек,
Как ресницы у глаз.
Крыша, словно платочек
На домишке у нас.
В пять ступенек крылечко,
Как проходишь – ворчит,
На воротах – колечко,
Кто проходит – стучит.
Аромат сеновала
Из пожухлой травы.
Здесь приют для усталой,
Удалой головы.
Грядки с жёлтым укропом
И подсолнухов цвет.
Уголок, где закопан
Разноцветный «секрет».
Всё, как было, – я знаю,
Лишь сменили ключи,
И хозяйка другая
Стоит у печи.

Хорошее, образное, задушевное стихотворение о родном уголке, где, может быть, прожито немало лет – и детских, и отроческих. Бытовые детали отобраны с чувством меры, нет в них почти ничего лишнего, только суть, только самые главные примеры* *(*– может быть, «приме***т**ы»? – *Примечание Н. Инякиной)*, из которых ясно вырисовывается конкретное место, обстановка, то, что дорого, навсегда запомнилось автору (или же лирической героине). Лишь два места в стихотворении стоило бы доработать, подшлифовать: неловко сказано про «уголок», где закопан разноцветный «секрет» – последнее слово неудачно) и немного нарушен размер в последней строчке (не хватает одного слога, что легко исправить, написав, к примеру, так: «Да хозяйка другая там стоит у печи»).

В письме Людмила Бородкина просит советов. Скажем откровенно, без преувеличения – ни на какие советы присланные стихи не напрашиваются. У автора – хороший художественный вкус. Есть умение быть сдержанным в словах. В словах, но не в чувствах, а это самое главное для поэта. Единственное, чего хочется пожелать Людмиле Бородкиной (можно считать это и советом): продолжать писать так же вот просто и взволнованно о том, что близко сердцу, что как бы само просится на бумагу, причём без всяких словесных излишеств.

Верное – в принципе – понимание поэзии у кемеровчанина Аркадия Устюжанина, о чём можно судить по некоторым его высказываниям в своём письме, в частности: «Хочется писать о многом. Но главное, по-моему, – это человек, его внутренний мир, его чувства, его стремления. По сути дела, только это действительно ценно в человеке и только это может быть достойно того, чтобы быть отражённым в стихах». Всё так. С давних пор известно, что основной предмет художественной литературы – это человековедение. Но одно дело – понимать что-то теоретически и другое – выполнять это на практике. «Меня очень огорчает, – признаётся Аркадий Устюжанин, – то, что, когда я напишу какой-нибудь стих, мои друзья, которым я предоставляю это на суд, скажут: «Нормально, только это похоже на такого-то поэта». Да, это должно огорчать, ибо друзья в данном случае – правы. Аркадий Устюжанин изо всех сил старается найти, как он выражается, своё «творческое лицо», но пока что это ему не удаётся. Приведём лишь половину одного из его стихотворений, чтобы убедиться, что это так:

Певец суровый и печальный,
Зачем стоишь, потупив взор,
К чему поёшь напев прощальный,
Где песен радостных узор?
Зачем умолкла лира страсти,
Кто ей сомкнул уста, скажи,
В чьей ты унылой, тёмной власти?
Скажи нам, душу освежи!
В устах, быть может, нет былого
Звучанья вещих, светлых слов,
А может, к берегам иного
Ушёл в объятья явных снов?

Дальше идёт ответ на заданные «певцу» вопросы, но читать всё это, скажем прямо, неинтересно, потому что, как видим, и первая половина стихотворения написана явно «с чужого голоса». Все эти «лиры страсти», «напевы прощальные», «узоры радостных песен», «Звучанья вещих слов», «объятья снов» – отголосок поэзии прошлого века.

Классика классикой, изучать её просто необходимо, но работать надо всё-таки в русле современной поэзии, не вязнуть в болоте архаизмов, а искать в новой жизни, в новой действительности свои слова, свои темы, свои образы – свою если не дорогу, то хотя бы тропку поэзии. И, пожалуй, будет уместно напомнить Аркадию Устюжанину ещё раз толстовскую мудрость: как важно знать, чего не нужно писать. От себя добавим: важно знать и другое: как не нужно писать.

М. НЕБОГАТОВ. член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса.– 1975 . – 30 августа. – С. 4.

НАЙТИ СЕБЯ В СЕБЕ САМОМ…

В редакцию пришло письмо. Его автор Дмитрий Труханов из Гурьевска затрагивает такие вопросы, которые наверняка волнуют многих начинающих поэтов, поэтому мы считаем целесообразным привести это письмо:

«…После нескольких раздумий я решил посоветоваться с вами. Дело в том, что два года назад ко мне приехал мой дядя. Он жил в Барнауле, работал там на заводе, и его корреспонденции публиковались в газете. Поэтому я заговорил с ним о литературе и надеялся, что у нас получится интересный разговор. Но когда он узнал, что несколько моих стихотворений было напечатано в гурьевской городской газете, он ответил, что это ерунда. Вот если бы мои стихи были напечатаны в областной газете, тогда бы… – Но как ты можешь так говорить, если ещё не читал ни одного моего произведения» – сказал я. И прочитал ему вот это стихотворение:

ЗВЕЗДА

Ярко вспыхнув, звезда покатилась.
Говорят, чья-то жизнь прекратилась.
Я не поверю тому никогда.
Светит радостью, вижу, звезда.
Значит, есть где-то счастье в семье.
И звезда полетела к земле,
Чтобы жизнь человеку вдохнуть,
Чтобы смелому в космос шагнуть,
Чтобы вырос героем труда –
Вот зачем опустилась звезда!

Послушав, дядя сказал: – В городской газете твоё стихотворение напечатали, а в областной бы забраковали… Вскоре он уехал, а я глубоко задумался. Неужели в нашей литературе стихи разделяются на центральные, областные и местные? Я, безусловно, понимаю, что в местных газетах чаще попадаются слабые произведения, чем в центральных. Но это не значит, что если ты печатаешься в областной газете, то ты – поэт, а если в местной, то, как сказал мой дядя, – просто поэтик. К тому же, и в центральных изданиях часто можно встретить слабые стихи. Может, мои раздумья повлияли на меня, может, что другое, но только после этого разговора прошло уже два года, и за такой большой промежуток времени я ещё не написал ни одной строчки. И не знаю, смогу ли я в дальнейшем написать или нет. Уважаемая редакция! Очень вас прошу, объясните мне, кто из нас прав: я или дядя. Если бы я действительно послал своё стихотворение «Звезда» в вашу газету, то как бы вы поступили: напечатали или забраковали бы? Очень прошу ответить мне на мои сомнения».

Скажем прямо: очень сложные вопросы и сомнения одолевают Дмитрия Труханова, но давайте всё же попытаемся разобраться в них. Сразу вполне определённо можем ответить, что не прав был его дядя в одном: не должен был он утверждать категорически, не зная даже ни одной строчки своего племянника. Но вот он послушал стихотворение «Звезда» и… остался при своём мнении. Тут он, на наш взгляд, совершенно прав, потому что стихотворение действительно слабое, для областной газеты не годится (мы ещё вернёмся к этому стихотворению). Как сообщает Дмитрий Труханов, он в течение двух лет не написал ни одной строчки. А напрасно. Если сильно любишь поэзию, если готов посвятить ей всю свою жизнь, то надо упорно, систематически, ежедневно трудиться. Сама работа покажет, чего ты стоишь как поэт. Вместо этого молодой автор в течение длительного времени пытается решить для себя проблему: неужели в нашей литературе стихи разделяются на центральные и местные? Следует заметить, что прежде всего неправильно ставить вопрос именно так. Дело не в каком-то мнимом разделении стихов на центральные и местные, а в их качестве. Верно заметил Дмитрий Труханов, что иногда и в центральных изданиях встречаются слабые стихи. От себя добавим: а в районных, городских газетах, наоборот, можно увидеть более сильные, более талантливые вещи. Однако это не правило, а исключение. Суть в другом. Разве можно ставить под сомнение, допустим, такой бесспорный факт, что в центральных издательствах, редакциях работают очень квалифицированные, отлично разбирающиеся во всех художественных тонкостях, как говорится, знающие своё дело люди. Они имеют специальное образование, большой литературный опыт, глубокие знания в области отечественной и мировой литературы. Иными словами, это профессионалы. А следовательно, и требования у профессионального работника к тем или иным произведениям более строгие, чем у людей, которые специально литературой не занимаются. Знание литературы – не главная задача работников так

называемой местной печати. Вот почему в районных, городских газетах уровень поэтических произведений чаще всего значительно ниже тех, что печатаются, к примеру, в «Литературной газете», в «Литературной России» и т. п. Простая закономерность: меньше требований – ниже качество. Это отнюдь не означает, что есть основания пренебрегать местной печатью.

В связи с этим хочу привести такой любопытный факт, о котором не так давно рассказывал на страницах ежемесячника «Журналист» корреспондент одной из районных газет. Как-то приехал в этот район Василий Шукшин, и корреспондент после некоторых колебаний – ещё бы, сам Шукшин! – обратился к нему с просьбой выступить в их газете с интервью, робко заметив при этом, что у газеты, правда, маленький тираж. Обратился так, на всякий случай, почти не надеясь на согласие знаменитого писателя. Но вышло иначе, чего никак не ожидал работник газеты. Василий Макарович охотно принял это предложение: мол, очень даже рад выступить в вашей газете, дело совсем не в тираже, читатель везде читатель, и мне приятно будет рассказать всё, о чём вы спросите.

О чём говорит этот факт? Да о том, что для настоящего художника не столь уж важно, с какой трибуны говорить с народом – с маленькой или высокой, с районной, городской или со всесоюзной. Главное – было бы что сказать! Ничего зазорного нет и для Дмитрия Труханова, если его стихи публикуются пока в городской газете. Необходимо лишь верить в себя, много работать, и если эта работа окажется плодотворной, отвечающей высоким требованиям, которые предъявляются к настоящей художественной литературе, то не исключена возможность напечататься не только в областной газете, а и в центральной. Всё зависит от самого стихотворца, от степени его одарённости. Известно немало случаев, когда будущий поэт начинал свой литературный путь в «малолитражной» печати – в стенгазете. Дмитрию Труханову важно понять: никаких разделений на центральные и местные стихи не было, нет и не будет, есть разделение совсем другого характера: стихи сильные и стихи слабые.

Вот мы и подошли к разговору о конкретном произведении – о стихотворении Дмитрия Труханова «Звезда», которое было приведено в письме. В замысле этой вещи угадывается добрая мысль: звёзды в небе не угасают, а падают на землю, дарят себя людям. В основе этой мысли есть что-то от поэтического воображения, от возвышенной фантазии автора. Но воплощение мысли в словах получилось весьма прямолинейным, лобовым и даже несколько примитивным. Не сумел Дмитрий Труханов словесно точно сформулировать свои мысли и чувства. Покатилась звезда, говорится в первой строчке, и на этом сообщении делается неожиданный, абсолютно нелогичный вывод: «Значит, есть где-то счастье в семье». Какое счастье, в какой семье? Непродуманные строки. Дальше – то же самое: «Чтобы жизнь человеку вдохнуть». Это и по смыслу непонятно, и по выражению неграмотно. Автор хотел опровергнуть народное поверье: погасла в небе звезда – значит, кто-то умер. «Опровержение» получилось неубедительным: «чтобы жизнь человеку вдохнуть». Какому человеку? Который скончался? Но дано ли сотворение такого чуда звезде? Не верится. А затем идут уже отвлечённые рассуждения о ком-то смелом, который шагнёт в космос, о герое труда (про человека, которому звезда «вернула» жизнь, автор тут же забыл, перешёл на общие фразы). И в результате – концы не сведены с концами, зерно первоначальной интересной мысли затерялось в словесном мусоре. Не овладел ещё автор и техникой стиха – самым простым делом: в третьей строке сбился с ритма.

Судя по этому стихотворению, основная причина того, что Дмитрий Труханов два года ничего не пишет, не в сомнениях, в которые ввёл его дядя, а в том, что молодой автор сам чувствует: что-то в его стихах не так. В связи с этим будет, пожалуй, уместно вспомнить мудрые стихи Александра Твардовского, которые имеют отношение к предмету разговора:

Что нужно, чтобы жить с умом?
Понять свою планиду:
Найти себя в себе самом
И не терять из виду.

Найти себя, проверить в работе, на что способен, – вот о чём надо в первую очередь позаботиться Дмитрию Труханову. Совсем ни к чему заниматься зряшным делом – изо дня в день ломать голову над вопросом: есть ли разделение на «местные» и «центральные» стихи…

Два стихотворения прислал нам кемеровчанин, горнорабочий шахты «Северная» Александр Павлов. Эти стихи не кажутся нам первой пробой пера, по ним уже видно, что автор – не новичок в стихотворчестве, видно также, что он много читает и знаком с некоторыми образцами поэзии. Вот одно из стихотворений:

Плыл берег над серебряной Усой
В тумане дымном, сказочном и талом,
И отраженье глаз волна качала,
И уносила за порог Косой.
А там, вскипая в бурунах седых,
В водоворотах бешеных и грозных,
Взлетали в небо звёзды, брызги-слёзы,
Мои глаза на зеркале воды.
И в поднебесье долетев до дна,
В бескрайний мир простора и печали,
Они мне рассказали о начале,
Чтоб будущее лучше я познал.
И я увидел как-то по весне,
Открыв глаза: заря, как пламя флага,
Дарила мне живительную влагу –
Нелёгкий путь к мечте сулила мне.
Я выбрал этот путь – нелёгкий труд,
Но тем себе тревогу успокою,
Что вновь склонюсь над сказочной рекою,
И вновь глаза куда-то поплывут…

Признаюсь откровенно: лично я такого туманного поэтического мышления не понимаю и не принимаю. Но в критике нельзя полагаться лишь на собственный вкус, ко всякому произведению

необходимо подходить по возможности объективно. А посему попробуем настроиться на волну данного стихотворения.

Начато оно вполне конкретной реалистической деталью: лирический герой стоит на берегу реки под названием Уса. Вполне допустимым является здесь образ: плыл берег. Глядя на воду, можно представить, что плывёт не она, т. е. вода, а то, что её окружает, – тальник, деревья, одним словом, сам берег. На этом, к сожалению, реалистическое видение мира обрывается. Мне, читателю, автор предлагает представить то, чего я при самом фантастическом воображении представить не могу: отраженье глаз волна уносила куда-то вдаль, за Косой порог. Стоп! Неправильно я понял, будто герой стоит на берегу. Он, по всей вероятности, плывёт на чём-то – может быть, на плоту – по этой самой Усе. Да, нелёгкая это штука – сразу же сообразить, что к чему, когда нет в строчках определённой ясности, когда вместо неё – какие-то туманные намёки, которые требуется разгадывать. Ну, ладно, поплывём на воображаемом плоту и посмотрим, что там, дальше: «А там, вскипая в бурунах седых («в бурунах», кстати, не на своём месте ударение), в водоворотах бешеных и грозных, взлетали в небо звёзды, брызги-слёзы, мои глаза на зеркале воды». Опять что-то такое, о чём надо гадать. Брызги воды сравниваются одновременно со звёздами, взлетающими не куда-нибудь, а прямо в небо, и со слезами. Что же это за слёзы, по какой причине проливает их тот, кого кружит водоворот? Автор ничего не объясняет. Следующая за слезами строчка: «Мои глаза на зеркале воды» ещё больше запутывает всё. Зеркало воды может быть там, где гладь реки тиха, спокойна, как бывает это, скажем, на плёсе, а ведь тут – буруны, водоворот (бешеный и грозный!). Как соединить и то, и это в одну цельную картину? Невозможно.

Вряд ли стоит вот так, текстуально, разбирать всё стихотворение. Дочитайте его сами. Ведь в последующих строчках ещё труднее добраться до смысла: «И в поднебесье долетев до дна в бескрайний мир простора и печали, они мне рассказали о начале, чтоб будущее лучше я познал». По здравой логике получается, что в поднебесье до дна (?) долетели… мои глаза, и они же рассказали о каком-то «начале». Заключительная строка всё о том же: «И вновь глаза куда-то поплывут». Почему именно глаза – одному автору известно.

Не хотелось бы огорчать Александра Павлова упрёками в том, что у каких-то заумных поэтов он учится, это в конце концов тоже дело вкуса, но просто по-товарищески хочется посоветовать ему: не увлекайтесь вы, лишь на первый взгляд, «поэтическими» красотами, на самом-то деле это никакая не поэзия, а внешнее подобие её. Пишите так, чтобы любой читатель мог сказать: «Вот стихи, а всё понятно, всё на русском языке».

М. НЕБОГАТОВ. член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1975 . – 30 сентября. – С. 3.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ПОЭТ…

Перед всяким молодым автором, пробующим приобщиться к стихотворчеству, на первых же порах возникает множество вопросов, которые ему предстоит решить в процессе творчества. И одним из главных является вопрос: а с чего, собственно, начинается поэт? С того ли, что надо в первую очередь освоить стихотворную речь – научиться складывать слова в определённом ритмическом порядке, скрепляя их на конце строк рифмами? Или же поэт начинается с оригинального взгляда на мир, со своего, присущего только тебе восприятия предметов и явлений? А может быть, с умения образно выражать свои впечатления, мысли и чувства?

Вопросов, повторяем, очень много, и однозначного ответа на них, разумеется, нет, потому что так же много и необходимых условий, которые предъявляет поэзия автору, мечтающему практически приобщиться к ней. В какой-то степени это кому-то удаётся (или, наоборот, не удаётся) – на такой вопрос красноречивее всего отвечают конкретные вещи, сами произведения начинающих стихотворцев.

Познакомимся со стихами, принадлежащими перу Галины Медведевой из Тисуля. Сразу же хочется отметить одно положительное качество этих стихов: немногословие. На коротких стихах легче сосредоточиться и самому автору, и читателю видней все их достоинства и недостатки. Вот, скажем, стихотворение «Ветер юности»:

Разметав по снегу гриву,
Рассыпая звон копыт,
Дикий, пламенный, красивый
Ветер юности летит.
Полем, лесом ли, тайгою –
Только с ним мне по пути.

Небо выгнулось дугою,
Облаков цветут кусты.
Время плавится в зените.
Шар-планету закружив,
Ветры юности, звените,
Славьте солнце, славьте жизнь!

Какие же достоинства обращают на себя внимание при первом взгляде на это стихотворение? И есть ли они вообще? Да, есть. Удачно выбран для разработки темы юности ритм – бодрый, жизнерадостный. Но дело не только в ритме, как таковом. Следует отметить и верные в данном случае интонации, которые с наибольшей отчётливостью звучат в последних строчках, светлым, мажорным настроением венчая всё стихотворение. Кроме того, при первом же прочтении его видишь, что автор не новую в общем-то тему старается оживить своими, новыми образами: «Небо выгнулось дугою, облаков цветут кусты». Это – своего рода поэтические находки, они радуют. Но есть тут и существенные недостатки.

Не совсем продуманным кажется мне образ, который даётся ветру юности: мы должны нарисовать в своём воображении что-то весьма неопределённое – какое-то дикое животное, судя по гриве и копытам, – коня. Ладно, предположим, что это конь – «дикий, пламенный, красивый». Но тогда как же быть с дополняющими этот образ восклицаниями: «Ветры юности, звените, славьте солнце, славьте жизнь». Ведь коням звенеть не дано, они могут только ржать. Так что образ: ветер юности – конь получился недостоверным, а поскольку с него всё начинается, то и стихотворение в целом оказывается несостоятельным.

Кстати, первая строка даёт повод для попутного замечания: необходимо следить за благозвучием не только рифм, а и словосочетаний во всём тексте. «Разметав по снегу гриву» – по звучанию очень плохо, в последних словах сочетание довольно неловкое: гугри. Ещё я бы сказал, что нельзя, по-моему, считать рифмами такие пары слов, как закружив – жизнь, пути – кусты.

Ох уж эти рифмы! Как часто подводят они даже опытных поэтов – то своей приблизительностью, то самоцелью, когда ради хорошего созвучия искажается мысль. И вполне закономерным является пусть не постоянное, а периодическое стремление того или иного поэта освободиться от плена рифмовки путём обращения к нерифмованному стиху. Есть такое стихотворение и у Галины Медведевой:

Долгозвучно июньское утро –
и в медленном восходе солнца,
и в пронзительном пенье птиц.
Тенькают о подойник
тёплые струйки молока,
и струятся на землю
парные лучи солнца.
Потом рыжее стадо
идёт на пастбище-луг,
и солнце тоже выходит
на пастбище-небо
пасти красивые белые облака.

Без преувеличения можно сказать, что эта картина природы увидена и нарисована способным поэтом. Всё здесь точно по изображению и образности. Особенно естественна и органична связь двух строчек: о струйках молока и парных лучах солнца, один образ как бы вливается в другой: «парными» названы лучи, а по ассоциации мы видим и парное молоко. Очень тонкое чувство поэтической метафоры, образа.

А вот как по-своему говорит Галина Медведева о том, чего не обошёл в своём творчестве ни один поэт, – о любви:

В последний раз возникнет пламенем
и опалит меня любовь.
Потом лишь память –
чёрным знаменем,
свидетельством: проигран бой.
Потом пустыня одиночества,
тоска по капельке любви,
которая иссохла ночью той,
когда посмел ты не прийти.

Какой отличный образ: «Пустыня одиночества». И как тут к месту тоска по «капельке любви». Не по чему-то, а именно по капельке: в безводной пустыне всего дороже капелька (или струйка) живительной влаги. Про такие стихи не скажешь, что они плохо продуманы. Нет, лучшими своими строчками Галина Медведева убеждает нас в мысли: не зря она взялась за перо, не напрасно тратит время и силы на писание стихов. Во многих из них уже слышится голос настоящей поэзии, в этом нет сомнения. А начинается поэзия, как видим, с главного – с поэтического восприятия жизни, своих наблюдений, впечатлений.

Гораздо хуже, когда начинают со второстепенного – с умения гладко рифмовать. Конечно, и о форме – о рифмах, ритмике – Галине Медведевой надо хорошенько подумать. Неуклюжая, неловкая строка часто может испортить общее впечатление от какого-то стихотворения, будь оно даже ярким по своей образности. И в этом отношении молодой способной поэтессе предстоит упорная и, по всей вероятности, длительная работа.

О стихах новокузнечанина Владимира Петраша нам уже приходилось говорить, причём не столько похвального, сколько критического. Владимир Петраш всей душой предан поэзии, любит её и критику воспринимает правильно, без присущей многим детской капризности. Он много работает. Результаты сказываются. Стихи, написанные Владимиром Петрашем в последнее время, многим радуют. Пишет он не первый год, но как поэт начинается, пожалуй, только сейчас. Думаю, что читатели согласятся с этим мнением, прочитав, например, такое стихотворение:

В том далёком, том знойном июле
Мы садились на быстрых коней
И летели на полном аллюре
По высокой пшеничной стерне.
Чтоб наездником зваться толковым,
Надо первым примчать к тополям.
И неслось по цветам васильковым
Запоздалое эхо в поля.
Три рубахи на солнце горели,
Встречный ветер, как парус, в них дул,
И земля не звенела, а пела,
И плясал изумрудный июль.
Ну и скорость! В той бешеной гонке
Мы хмелели сильней и сильней.
А вослед нам глядели девчонки
И жалели горячих коней.

Лично меня очень подкупает в этом стихотворении его ритмическая напевность – вольная, размашистая, под стать васильковым полям, по которым наперегонки скачут горячие кони. Владимир Петраш счастливо избавляется от нудно-трескучей риторики, которой немало было у него в прежних стихах, пробует свои силы в красочной изобразительности и добивается заметных удач.

Общее впечатление от приведённого стихотворения – приятное, написано это, чувствуется, не вымученно, а с огоньком, с вдохновением. Однако некоторые частные недостатки автор всё же не заметил.

Например, непонятно, о какой «высокой пшеничной стерне» идёт речь. Стерня ведь бывает на скошенном хлебном поле, осенью, а дело происходит в июле, когда хлебам только цвести да цвести. Неудачно выражение «по цветам васильковым», это звучит почти, как по реке речной. Очень неудобочитаема, тяжела по словесному построению строка: «Встречный ветер, как в парус, в них дул». Да притом и сравнение надутых ветром рубах с парусами не совсем точное. Ветер надувает парус, чтобы корабль под ним (яхта) двигался по его направлению, попутно, а в рубахи он дует встречно. Явное несоответствие. Само собой разумеется, что та или иная рифмовка – дело вкуса автора, но, положа руку на сердце, признаюсь: я не понимаю, как можно считать рифмами такие слова, как, например, «горели – пела».

В связи с приблизительной рифмовкой вспоминается мне такой случай. Один малыш, выучив детское стихотворение, в котором рифмами были «по пятам – капитан», читал эту строчку на свой лад: иду за ним по пята*н* и прошу: прокати, капита*н*! Так уж, видно, устроен человеческий слух, что он не терпит плохих, неточных созвучий. Вспомните известные народные поговорки и пословицы – почти все они, за малым исключением, потому и вошли в нашу речь, что скреплены добротными, благозвучными, точными рифмами типа: «Без *труда* не вытащишь и рыбку из *пруда*». Но это так, к слову. Каждый автор волен выбирать для своих стихов любую форму, ту, которая ему по душе…

Давайте познакомимся ещё с одним стихотворением Владимира Петраша. Называется оно «Материнские руки»:

Материнские руки молоды были
И отца моего беззаветно любили.
А потом они стали моей колыбелью,
Я на них засыпал, убаюканный пеньем.
А в войну им бывало особенно плохо,
Только мне они хлеб отдавали до крохи,
Только вновь этот хлеб для меня
доставали –
Я был мал и не знал, как они уставали.
А когда я подрос, я сказал: «Уезжаю».
И они на плечах моих долго дрожали.
И была нестерпимою с ними разлука –
Тяжело оставлять материнские руки.
И летели апрели, летели апрели.
Материнские руки теперь постарели.
Материнские руки теперь некрасивы.
Но спасибо, родные, за всё вам спасибо.

Очень искренное, сердечное стихотворение. Не так уж много в нём строчек, а благодаря образному рассказу о добрых женских руках мы видим самые главные ступени целой человеческой жизни, жизни преданной жены и любящей матери. Лишь одна строчка здесь в какой-то мере декларативна, а потому пустовата: «Тяжело оставлять материнские руки», эта строчка ничуть не усиливает чувство и не углубляет мысль предыдущей строки. А во всём остальном нет в тексте ничего лишнего, необязательного – только то, что нужно, что важно для рассказа о заветном и сокровенном для автора, а вместе с ним – и для читателя, который, прочитав это, невольно с большой любовью и благодарностью вспомнит и своё детство, и бесценные, милые руки своей матери.

В сегодняшней статье мы коснулись творчества двух авторов. Галина Медведева идёт в поэзию путём образного мышления, Владимир Петраш набирает силу, освобождаясь от общих фраз, риторических рассуждений, переходя от этой прозаичности к поэтической изобразительности, к душевной, исповеднической лирике. Истоки у обоих разные, а путь один – в мир настоящей поэзии.

М. НЕБОГАТОВ. член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1975 . – 30 октября. – С. 3.

ЕСЛИ СТИХИ ТРОГАЮТ – ЭТО ПОЭЗИЯ…

Недавно «Литературная газета» проводила дискуссию на вечную тему «Поэзия и стихотворство». В этой дискуссии приняли участие многие известные критики и поэты, которые высказали немало интересных, а главное, полезных и для начинающих, и для известных литераторов мыслей, суждений. Не остались в стороне от волнующего вопроса и многие читатели – отрывки из их писем тоже довольно часто печатались в газете.

Не вдаваясь в подробности упомянутой дискуссии (это потребовало бы много места), приведу строки из письма читателя Н. Брио, строки, суть которых очень близка лично моему восприятию того, что условно подразделили на «поэзию» и «стихотворство». Вот что пишет Н. Брио:

«А по-моему, мы только запутаемся, если рядом с понятием «поэзия» введём ещё понятие «стихотворство». Есть поэзия и не поэзия. Мне кажется так: если стихи тебя трогают – это поэзия. А если нет – то не поэзия. И не важно при этом, хорошо или плохо стихи написаны, грамотны они или неграмотны, интересные в них рифмы или нет: не тронули – значит, не поэзия, значит автор зря старался».

Я полностью согласен с первой частью этого высказывания: трогают стихи, задевают какие-то душевные струны – поэзия, а нет в душе отклика – не поэзия. Нельзя только согласиться с тем, что не важно, мол, при этом плохо или хорошо, грамотно или неграмотно написано. Нет, это очень даже важно. Настоящие стихи должны быть грамотными, хорошими во всех отношениях. Недаром же в старину музыку, живопись, ваяние, а также поэзию называли изящными искусствами. Изящными! То есть красивыми, прекрасными, сделанными с большим художественным вкусом. Думается в связи с этим, что несколько упрощена основная

мысль: трогает – не трогает. А в основе своей эта мысль совершенно правильна, бесспорна, в чём не раз приходилось убеждаться, читая произведения начинающих авторов. И не только начинающих.

Обратимся теперь к нашей редакционной почте. Перед нами стихотворение Людмилы Ушенко из пос. Кузбасский Кемеровского района, которое называется «Зиме сегодня весело»:

Зиме сегодня весело.
Ах, весело зиме!
С утра накуролесила –
Знать, что-то на уме.
С утра сегодня льдинками
Из тучи напрямик,
Настрижена снежинками,
Легла на воротник.
Лежит на кровле кружево,
Алмазное колье.
Метелица жемчуженно
Навьюжена на ель.
Зима то сзади крадется,
То спереди идёт;
То шариком раскатится,
То змейкой проползёт.
И вот уж ты, красавица,
По улице идёшь.
И всё-то улыбается
И радуется сплошь.
Не долго ли пригожему
Останется гулять.
Оглянется – да что ж ему?
А глаз не оторвать.
А зимушка-лукавица
Сторонкой да тайком
Стыдливо закрывается
Узорчатым платком.

Прочитаешь это – и на душе весело, с таким огоньком, вдохновением, лукавым задором и озорством написано стихотворение. Трогает нас его жизнерадостность, чувство молодости, живые интонации. И значит, это поэзия, не так ли? Точнее – автор в достатке наделён чувством поэзии, и одно это уже радует. Но стихотворение стало бы во много раз лучше, если бы не было в нём ряда неточностей, ошибок – смысловых, словесных. Так что поэзия поэзией, а грамотность, умение чётко выражать мысли и чувства, находить самые точные слова – это далеко не второстепенное дело.

В первом четверостишии взят очень хороший, бодрый, эмоциональный аккорд: «Зиме сегодня весело. Ах, весело зиме!» Тут и слова, и ритм – всё точно. А дальше неизвестно, каким образом появились какие-то льдинки, которые летят «из тучи напрямик». И ни за какими снежинками эти льдинки не спрячешь, раз они появились, хотя и не должно их тут быть. Не о сосульках же речь. «Настрижена снежинками» – другое дело, очень по-своему сказано, свежий образ. И «алмазное колье» (род ожерелья из драгоценных камней) воспринимается нами безоговорочно, так как автор – женщина, но этот образ употреблён непродуманно: на кровле ожерелье трудно представить. Вот если бы упомянута была, скажем, берёзка, её ветви, тогда всё встало бы на своё место. Впрочем, не было нужды вспоминать ту же берёзку, потому что ниже говорится о дереве: «навьюжена на ель». Рядом с точным образом была Людмила, а не сумела всё до конца продумать. Неправильно ударение в слове «крадётся», слово «сплошь», вставленное в строку, – явно не то. Напрашивается самое простое: и всё-то улыбается. И радуется всё.

Можно только догадываться о смысле последующих строк: «Не долго же пригожему останется гулять». Дескать, скоро влюбится он, потеряет, как говорится, покой и не будет уж гулять так вот спокойно, беззаботно. А концовка, как и начало, хороша. Но между ними – пустоты, сучки и задоринки, и это портит общее приятное впечатление от стихотворения. Так что никак невозможно считать верным суждение о том, что совсем не важно, хорошо ли написано то или иное стихотворение. Должно быть хорошо! Иначе все редакции буквально затопит поток трогательных, но малограмотных сочинений.

Хочется надеяться, что Людмилу Ушенко сегодняшний разговор о её стихотворении окрылит и вместе с тем заставит по-иному – более требовательно – относиться к дальнейшей своей работе, стремиться писать так, чтобы поэтическое настроение находило достойное выражение. А для этого над стихами надо работать не просто, что называется, по наитию, а с большой целеустремлённостью и тщательностью, кропотливостью, даже скрупулёзностью, отшлифовывая каждую строку.

Много и в общем хорошо пишет о природе Александр Бессонов из Осинников. Очень трогает, например, его стихотворение «Ромашки»:

Поле зелёное белым вдруг стало,
Будто бы облако с неба упало.
Воздух пьянит ароматом нагретым,
Пахнет травою, цветами и летом.
Дрёму дня жаркого свежестью будит
Голос девчоночий: – Любит…
не любит…
Сколько наивности, веры, надежды!
Шепчет, ромашку-волшебницу держит,
Белый венец у неё обрывает.
– Любит… не любит… – девчонка гадает.
Падает тихо в траву лепесток…
Что ей ответит волшебный цветок?

Отличное стихотворение, если говорить о нём в целом, имея в виду и пейзажную картинку, и образ девушки, и её душевное настроение, и позицию самого автора, человека участливого, доброго, желающего счастья другим. Однако в хорошем стихотворении даже малую ошибку прощать нельзя: то, что называется венчиком цветка, названо венцом. Это абсолютно неправильно. Грубейшее нарушение смысла, которое, видимо, допущено по сходству звучания этих слов, слов разного значения.

По умению, по литературному навыку Александр Бессонов намного сильнее Людмилы Ушенко. Одновременно с тем, что в его стихах присутствует настоящая поэзия, они и по внешней отделке гораздо крепче. Такое счастливое сочетание позволяет нам надеяться на определённую перспективность в

поэтической работе этого молодого автора. К сожалению, не все его стихи равноценны. Это отчётливо видно на примере двух стихотворений на одну тему – о море. Вот небольшой по объёму, но ёмкий, выразительный пейзаж под названием «Вечернее море»:

Стою в предночьи на холме,
Смотрю на море под ногами,
С дорожкой лунной на волне,
Дрожащей белыми цветами.
С оттенком розовым воды,
Слегка окрашенной закатом,
И с отражением звезды,
Глядящей в море светлым взглядом…

Если этот пейзаж списан не с натуры, а только представлен, увиден воображением, то всё равно увиден он зримо, точно, как въявь, потому что и мы, читатели, ясно представляем изображённое. Единственное, что немного режет слух, это выражение «в предночьи», такого словообразования и в словаре Даля нет. Но поэту иногда позволительно словотворчество, на то он и поэт, лишь бы новое слово не было слишком косноязычно, несуразно. А общее впечатление от «Вечернего моря» – самое отрадное.

Теперь прочитаем второе стихотворение Александра Бессонова о море под названием «Рисунок»:

Ветер яростно и злобно
В мачтах стонет и свистит.
Парусов раздув полотна,
Птицей парусник летит!
Океан бурлит волнами,
Страшен неба грозный вид!
– Бог морей, ребята, с нами! –
Боцман морякам кричит.
– Дождь с нас пот и соль отмоет!
Буря высушит ветрами!
Пусть сильнее ветер воет!
Бог морей, ребята, с нами!
В лица ливня хлещут струи!
Шторм вблизи и шторм вдали!
Но летят сквозь ярость бури
Дети солнца и земли!

Кто-то может заметить: а стихотворение-то написано очень эмоционально. И он будет прав. Но лишь отчасти. Дело в том, что эмоции эти как бы не настоящие, а наигранные – ведь и написано-то это и не с натуры, и не по воображению, а, как видно из заглавия, при рассмотрении какого-то рисунка. Изображённое художником получило новое изображение в словах, и вышла своего рода копия. Настоящий поэт и саму жизнь не должен копировать – увиденное, запечатлённое, так сказать, зафиксированное непосредственным взглядом он обязательно обогащает своей художественной фантазией, душевным, внутренним взором. И тем более не следует поэту пытаться превратить в искусство то, что уже само по себе является произведением искусства, в данном случае – рисунок. Что из этого получается – видно сразу. Некоторые строчки напоминают Горького: «Пусть сильнее грянет буря!», некоторые – Языкова: «Будет буря – мы поспорим и поборемся мы с ней!». А всё вместе не что иное, как бесплодная литературщина, стихотворство в самом отрицательном его понимании.

С кого-нибудь другого мы не стали бы спрашивать так строго, а Александра Бессонова – считаем это просто обязательным, потому что автор он, несомненно, одарённый, большинство его стихов проникнуто истинной поэзией. И, как говорится, негоже сходить с поэтической дороги на обочину лёгкого версификаторства, т. е. заурядной рифмовки чего попало. Как ни трудна, как ни ухабиста и ни терниста дорога поэзии, но, только идя по ней, а не где-то около, можно дойти до сердца читателя, который скажет: вот это трогает, это – поэзия.

М. НЕБОГАТОВ. член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1975 . – 9 декабря. – С. 4.

ИДТИ СВОИМ ПУТЁМ

Сегодня последнее занятие нашего «Факультета молодого литератора» в уходящем 1975 году. За этот год редакция получила сотни стихов, принадлежащих перу начинающих авторов. Радостно видеть, как многие из наших корреспондентов от письма к письму совершенствуют своё мастерство, всё с большей серьёзностью относятся к своему творчеству.

Число молодых (и не только молодых) людей, присылающих в редакцию свои стихи, всё увеличивается. И среди уже знакомых нам фамилий то и дело появляются имена пробующих свои силы в поэзии.

Думается, что те, кто присылают стихи в редакцию, надеются на серьёзный, бескомпромиссный анализ стихов, а не на снисходительное отношение к своим литературным опытам.

Впервые прислал свои стихи в редакцию Г. Косточаков. Тем больший интерес они вызвали. И не только стихи, а и то, что говорится в письме автора: «Я пишу недавно, т. е. где-то год или полтора. Начал писать под впечатлением окружающей природы».

Хотелось бы поверить в последние слова Г. Косточакова. Но нам кажется, что писать он начал под впечатлением не от природы, а под впечатлением лирики Есенина, о чём свидетельствует первое же стихотворение, открывающее подборку:

Я по хрупкой пороше бреду,
Что от солнца горит огоньком…

Наивность автора вызывает невольную улыбку – да ведь это же всего-навсего перефразировка начала одного из стихотворений Сергея Есенина:

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил…

Всё очень совпадает: и слова первой строки, и интонации, и своеобразная ритмика строк. Само собой напрашивается образное обобщение начала литературного пути Г. Косточакова: по хрупкой, очень ненадёжной пороше идёт он – по пути явного копирования классических произведений. А что это именно так, убеждаешься, прочитав другое стихотворение начинающего автора, даже не всё его, а лишь начало:

Эй вы, кони-кони!
Увезите сани
По дороге долгой
На большу поляну.

Снова на память приходит известное есенинское стихотворение:

Эх вы, сани! А кони, кони!
Видно, чёрт их на землю принёс.

Не надо быть большим знатоком поэзии, чтобы сразу же уловить отчётливо видимую связь между оригиналом и копией. Правда, Г. Косточаков изменил ритмический рисунок стиха и порядок слов.

Дальше в своём письме начинающий автор просит указать на недостатки в посылаемых стихах. Однако о каких недостатках может быть речь, если сам принцип «творческой» работы такого характера в корне бесплодный: берутся за образец строки любимого поэта и под них, так сказать, подгоняется что-то своё, которое, если вдуматься глубже, своим и не является, так как перо оказывается в полной власти, в плену чужих мыслей, образов, чувств. Это, по меткому замечанию одного классика, не что иное, как «пленной мысли раздражение», а никакое, разумеется, не творчество, не самостоятельное мышление, не собственное отношение к предмету и явлению.

Беловчанин Леонид Торгаев уже имел случай знакомить нас со своими стихами. И вот, посылая одно из новых стихотворений, он интересуется: не разучился ли, дескать, я писать за эти несколько месяцев? Скажем сразу: не разучился. Стих его по форме, как и прежде, крепко сбит, расстановка слов (первое условие хороших стихов) умелая, сделанная с художественным вкусом, но есть и отдельные неточности, о которых мы скажем ниже, а пока прочтём это стихотворение под названием «Бездомный пёс»:

Мороз постарался, трудяга, –
Спасение лишь у огня…
И уличный пёсик-бродяга
С надеждой глядит на меня.
Какой он невзрачный, однако:
Продрогший, облезлый, худой…
– Ну, что ты мне скажешь, собака,
С какою ко мне ты бедой?
А ну, подойди-ка поближе,
Доверь мне свой главный вопрос.
Не бойся, тебя не обижу –
Я тоже без радостей рос.
Какая лихая орбита
Тебя, брат, ко мне привела?
И лапа, гляди, перебита –
Неважные, значит, дела…
Пёс тявкнул в звенящее небо,
Не ведая чьей-то вины…
Я дал ему корочку хлеба
Тайком от сердитой жены.
– Ну, кушай, Барбос ли, Трезор ли,
А хочешь – ещё принесу…
И спазмы сжимаются в горле
От жалости к бедному псу.
Качнув на прощание мордой,
Вильнув благодарно хвостом,
Измученный, жалкий, но гордый –
Он скрылся за стылым кустом.

Воздействие художественного произведения на читательский ум и сердце во многом зависит не только от того, что, о чём говорится в нём, но и как это говорится. В стихах Леонида Торгаева меня всегда радует тщательная отделка стиха – чёткий ритм, добротная, полнозвучная рифмовка (он зачастую прибегает даже к самым сложным – составным – рифмам типа «Трезор ли – в горле»). Не знаю, как для него, а для меня изящная форма при наличии, конечно, интересного, глубокого содержания имеет большое, неоценимое значение. Я глубоко убеждён: стих должен звучать крепко, звонко. Крепкий стих любит и Леонид Торгаев, и надо отметить, что добивается он этого с кажущейся лёгкостью, за которой, разумеется, стоит большой, кропотливый труд. А только трудом и приобретается мастерство. Говоря о стихотворении «Бездомный пёс», не надо преуменьшать его достоинство, не надо бояться оценки: написано оно талантливо.

Это выражается и в естественности живых человеческих интонаций, и в мысленном разговоре с собакой, и в отборе только самых нужных слов, и в соответствующем моменту, данной ситуации настроении, и даже в непроизвольном употреблении современного выражения: «Какая лихая орбита». Очень органично впаяно в контекст всего стихотворения это слово «орбита».

Вместе с тем, не всё до конца удалось продумать Леониду Торгаеву в этом хорошем стихотворении. Непонятно, например, почему в таком невыгодном свете изображена одним штришком жена: «Я дал ему

корочку хлеба тайком от сердитой жены». Неужели жена лирического героя такая чёрствая, бессердечная, что жалко ей для бездомной голодной собаки хлебной корочки? И зачем вообще эта деталь – «сердитая жена», если дальше о ней – ни слова? Это одна неточность, бросающаяся в глаза. А другая – в строчках: «Измученный, жалкий, но гордый – он скрылся за стылым кустом». Какая уж тут гордость, если прямо сказано: жалкий. Не то расположение слов. В прозе эту мысль можно было бы выразить примерно так: измученный и даже чем-то жалкий пёс при всё при том старался всё же сохранить свою независимость, гордость. А в том построении фразы, какую мы видим в стихотворении, эта мысль выражена лишь с приблизительным намёком на её суть.

Самостоятельны, но неравноценны стихи кемеровчанина Василия Мирошниченко. Он старается писать короткие стихи, а такая форма, как известно, требует особенно большого мастерства. Поэтому Василию Мирошниченко далеко не во всякой лирической (чаще – пейзажной) миниатюре удаётся всё от начала до конца. Вот, например, такая пейзажная картинка:

Какой покой в лугах и чащах!
Не шелохнётся стебель,
Лишь временами лист летящий
Прочертит просинь неба.
И дремлет тополь на откосе
В своих багровых латах…
Дотла, дотла сгорает осень,
И в сердце – боль утраты.

По сравнению с формой стихов Леонида Торгаева эти стихи в техническом отношении выглядят намного слабее. Однако не в одной технической недоработанности беда этой пейзажной зарисовки – не продуманы некоторые образы. Например, про тополь сказано, что он в «багровых латах». Латы – металлическая, обычно стальная одежда, броня. Ниже говорится, что осень сгорает «дотла», смысл этого полного сгорания даже усиливается, вернее, подчёркивается двукратным повторением этого слова. Но как же тогда связать тут концы с концами: тополь – тоже осенняя деталь, и листва его к зиме тоже сгорает. Но в таком случае нельзя было уподоблять её латам – невозможно представить сгоревшим дотла металл, броню. Образ получился недостоверным, нереальным, и цельность общей картины осени разрушилась из-за одной незначительности, на первый взгляд, неточности.

А вот ещё одно стихотворение Василия Мирошниченко под названием «Вечер»:

Красный вечер. Громко гуси
На тропиночке галдят.
Дед Матвей и бабка Дуся
На завалинке сидят.

Чья-то песнь у переправы,
Балалайка – «трень» да «трень»…
И подсолнух – парень бравый –
Кепку сдвинул набекрень.

Общее впечатление от этого стихотворения неплохое. Его удача, наверно, в том, что найдена художественная деталь, оттеняющая контрастность изображаемого: с одной стороны – согбенная, усталая старость сидящих на завалинке деда и бабки (может быть, только вместо конкретных имён, ничего не говорящих читателю, следовало бы дать этим персонажам короткие, точные характеристики), с другой – символом молодости, удали, жизнерадостности: бравый парень – подсолнух в лихо сдвинутой набекрень кепке. А контрастность образов – один из самых впечатляющих признаков поэзии. Коротко и выразительно сказано про летний вечер по время заката: «Красный вечер». Но и в этой, в целом удачной миниатюре, не обошлось без накладок. Явно для заполнения ритмического пространства вместо «на тропинке», «на тропке» написано сюсюкающее: *на тропиночке*. И более естественным было бы в данном контексте слово «песня», нежели торжественно-одическое «песнь» (опять-таки из-за размера, из-за ритмического строя строки). Вряд ли сегодня может удовлетворить читателя рифма типа «сидят – галдят».

Приветствуя стремление Василия Мирошниченко к созданию коротких стихов, его нелюбовь к многословию, хотелось бы пожелать, чтобы он работал над такими стихами более терпеливо и тщательно, оттачивая каждую фразу, каждое слово. В большом стихотворении мелкие неточности, ошибки остаются порой незамеченными, а в стихах по восемь–двенадцать строк и самые маленькие «сучки» и «задоринки» просто выпирают, режут слух и глаз. Создание миниатюр требует особо острого чувства всех элементов стиха – слова, ритма, рифмы, образа. Работа здесь должна быть поистине ювелирной.

Завершить этот последний в уходящем году обзор мне хочется мажорным аккордом – истинно поэтическим стихотворением Любови Тюменцевой из п. Белогорск Тисульского района:

Шёл дождик солнечный, весёлый.
Травой запахло молодой.
Бежали девочки из школы,
Плескались тёплою водой.
По этой майской канители
Парнишка шёл – цветы в руках.

Дождинки плыли и блестели
На чуть примятых лепестках.
И две подружки замолчали,
И стал слышнее шум берёз:
Одной – цветы, другой – печали
В своих руках парнишка нёс.

Нет надобности разбирать, анализировать это тёплое лирическое стихотворение, в котором так сжато, коротко и образно сказано о многом, а главное – о том, что составляет душу настоящей поэзии: о человеческих чувствах, настроениях. Не будем даже придираться к маленькой описке: «в своих руках» (и так

ясно, что не в чужих), просто молча насладимся неизъяснимой прелестью этого тонкого лиризма и чистой целомудренностью чувств и самого автора, и юных героев стихотворения.

В жизни каждого из нас часто бывает так: прошла неделя, и, подводя итоги этого короткого промежутка времени, мы остаёмся недовольны собой: что-то не успели сказать, а что-то сделали да не так, как хотелось бы. И вот решаем для себя: с понедельника начну всё по-иному, по-хорошему.

А сегодня у нас за плечами уже не какая-то там неделя, а целый год. И вряд ли даже самый удачливый человек может сказать, что доволен всеми своими делами, сделанными за прожитый год. Давайте же поставим перед собой пусть и не простую, но осуществимую задачу: начать всё хорошее не просто с понедельника, а с наступающего Нового года. Пожелаем друг другу доброго здоровья, всяческих успехов, новых хороших и отличных стихов. Ждём их от вас, дорогие друзья!

М. НЕБОГАТОВ. член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1975 . – 27 декабря. – С. 3.

УЧИТЬСЯ МЫСЛИТЬ

Первую в наступившем новом году обзорную статью нам хотелось начать с разговора о хороших, полноценных стихах, но – увы – таковых в редакционной почте не оказалось. Тем не менее, есть у нас материал, на основании которого можно обсудить некоторые творческие проблемы, которые, безусловно, тревожат и волнуют многих начинающих авторов.

Очень часто приходится слышать вопрос: стоит ли мне писать? Стоит ли писать тем, о ком пойдёт речь, придётся решать им самим, конкретно ответить на этот вопрос порой бывает невозможно. Обратимся к стихам.

Подборка Николая Сосновского из Междуреченска открывается таким вот стихотворением:

Милая Русь!
Я клянусь,
Пусть даже в грусть
О тебе спросят –
Улыбнусь,
Вспомню росы,
Вспомню твои луга,
Вспомню берёзы белые,
В шапках снегов стога.
Вспомню, что люди делают
Краше чтоб ты была,
Засмеюсь,
Разведу руки в стороны,
Глубоко вздохну
И скажу: клянусь.
Я люблю тебя, Русь!

Попробуем вначале понять замысел автора. Судя по всему, он хотел в стихотворной форме объясниться в любви к своей Родине – к России, к Руси. Но работать со словом он не умеет. В стихосложении Николай Сосновский усвоил пока что одно: рифмовку. И волей-неволей оказался в плену её. Все начальные строчки состоят из бездумного набора рифм: «Русь – клянусь – пусть – грусть – улыбнусь». Автору и невдомёк, что этот набор созвучных слов почти не имеет никакой смысловой связи. Взять хотя бы такие словосочетания: «Я клянусь, пусть даже в грусть». Что за смысл вложен во всё это? В чём клянётся лирический герой? Что означает выражение «даже в грусть»? Вопрос за вопросом.

Абсолютно нелепо внешнее изображение психологического состояния: «засмеюсь, разведу руки в стороны, глубоко вздохну». Никак нельзя представить по этому смеху, жесту, глубокому вздоху, что именно, какие чувства испытывает человек, думающий о Родине, о людях, которые делают что-то такое, чтоб она краше была. Непонятно также это уверение «клянусь» после ремарки, что «и скажу: я люблю тебя, Русь!».

Представим теперь, что Николай Сосновский поставил бы перед собой более скромную задачу: выразить любовь к Родине не в стихотворной, а в прозаической форме – скажем, в простой газетной заметке. Разве позволил бы он себе такую бессмыслицу? Однако многие молодые авторы ошибочно считают, что в стихах «можно всё». Вот и получается самое обыкновенное пустое рифмачество.

Но, может быть, это стихотворение – случайность? К сожалению, нет. И в следующем стихотворении Николая Сосновского то же самое бездумное нагнетание созвучных слов: «Мне на свете осталось лишь волнений усталость, муки ревности, ярость. Тихой радости малость мне уже не осталось, мне ведь нет тридцати. Вспомню губ твоих алость» и т. д. Самые случайные слова и образы, сваленные в груду рифмы. Вот и попробуй ответить автору вполне определённо: стоит ли ему писать? Прежде всего, самому Николаю Сосновскому надо решить для себя вопрос: если продолжать писать, то ради чего – ради игры в слова или для того, чтобы поведать людям что-то значительное, важное, интересное.

Кемеровчанка Наташа Ч. (полностью свою фамилию она не сообщила) решила познакомить редакцию с одним стихотворением под названием «И это я»:

Виной всему моё стремление,
Неохладевший пыл души,
Моё наивное терпение,
Самолюбивости затмение,
Умильный зов моей мечты.
Меня не радуют забавы,
Меня гнетёт и тяготит
С друзьями что-то сторонит.
Я опасаюся не славы.
Но кто мне славу посулит?
Не верю в жизнь, не верю в радость,
Не верю в простодушность слов,
Не верю в смерть, не верю
в старость,

А верю лишь в одну любовь.
Живу, чего-то опасаясь,
И, обсудив поступок свой,
Живу такою же судьбой
И незаметно лгать стараюсь,
Чтоб хоть на миг не быть собой.
Мне всё наскучило – жить слепо,
Решаться «быть или не быть»,
Хоть раз душою не скривить,
На развлеченье гнать монету,
Вокруг себя весь мир любить,
Гулять, на голове ходить,
И рвать так попросту впустую
С людьми невидимую нить.

Возможно, кто-нибудь из вас в недоумении пожмёт плечами: мол, есть ли смысл делать предметом разговора подобные, явно незрелые, наивные сочинения? Смысл есть, и вот почему: считаем своим долгом помочь тем, кто вполне искренне убеждён, что он занимается нужным делом, создавая что-то, похожее на стихи, и не видя при этом, что от поэзии такие сочинения очень и очень далеки.

В самом деле, чем по внешней видимости не стихи то, что написала Наташа Ч.? Тут и ритм выдержан, и рифмы, в общем-то, приличные, и даже больше того – налицо попытка поразмышлять о жизни, о себе, философски сформулировать свои личные и гражданские позиции. Однако путаница во всём этом невообразимая. Лирическая героиня (а может быть, сама Наташа Ч.) категорически заявляет, что не верит ни в жизнь, ни в смерть, ни в радость, ни в старость, а верит только в любовь. Но позволительно спросить автора: а любовь – разве это не сама жизнь? И как можно, отвергая всё на свете, в то же время жить, «чего-то опасаясь»? Значит, всё-таки «ничто человеческое мне не чуждо»? И любовь, и волнение, и опасение, и многое другое переполняет душу героини, а она зачем-то становится в позу и ставит крест на всём сущем. Это – с одной стороны. А с другой – сознание ложности этой позы, понимание того, что пустое это дело – рвать с людьми невидимую нить. Да и неосуществимое это желание: живя в обществе, быть свободным от него. Общеизвестная истина.

Героине, как видим, многое наскучило, даже она сама себе, и потому, чтобы не быть самой собой, она незаметно «лгать старается». Зачем, к чему – бог весть. А всему причиной или, точней, виной, как явствует из начала стихотворения, является что-то весьма смутное, расплывчатое: «моё стремление» (к чему?), «неохладевший пыл души» (на что он направлен?), «моё наивное терпение» (что приходится терпеть?), «умильный зов моей души» (что это за мечта?). Вот столько загадок загадала нам Наташа Ч.

Из всего вышесказанного само собой напрашивается обобщение: и Николаю Сосновскому, и Наташе Ч. в первую очередь следует научиться здраво мыслить, не допуская в этом глубоком умственном процессе скольжения по поверхности, заботиться о логической связи слов и выражений, чтобы не было означенной путаницы и сумбура. Только при таком условии может им пригодиться некоторое умение слагать строчки в рифму.

Стремление не только ясно, а и образно выражать свои мысли и чувства заметно в стихах кемеровчанина Владимира Чудакова. Вот как, например, оригинально подаёт он тему любви:

Сердце твоё – крепость.
Неясно её название.
Бьётся моя нежность
О камни глухого молчания.
Выйди из крепости каменной –
В открытом бою сразимся.
Или уйдём, изранены,
Или друг другу сдадимся.

Всё понятно и одновременно метафорично. Замкнутость любимой олицетворяется автором с крепостью, объяснение в любви или нелюбви – с открытым боем, сражением. Свежая метафора. Однако и в таком маленьком сочинении не удалось Владимиру Чудакову избежать отдельных неточностей, непродуманных строк. Совсем не нужна по мысли вторая строка: «Неясно её (крепости) название». Нам кажется, тут имеется в виду не название, а иное: причина того, что девушка ушла в себя, в свою крепость – то ли это застенчивость, то ли прямое осуждение. «Бьётся моя нежность о камни глухого молчания». Образно сказано, впечатляюще, но, думается, не совсем точно: вместо «молчания» стоило написать что-то иное – равнодушие, безразличие. Ведь понятие «молчание» неравнозначно тому же равнодушию.

Слабоват стих и по форме: нечёток ритм, приблизительны рифмы. Но общее впечатление от этой вещи неплохое, она поэтична.

Иван Климко из Прокопьевска познакомил нас с добрым десятком своих стихотворений, написанных в разные годы. Интересно проследить эволюцию в его поэтической работе, сравнив то, что было, с тем, что стало. Вот, например, начало стихотворения, под которым стоит дата: 1971 год.

Стихи, стихи…
Они пришли ко мне.
Не думал я, что буду сочинять.
Ночами, просыпаясь, в чёрной мгле,
Биенье сердца пытался я унять…

Эти строчки – своего рода дневниковая запись, не представляющая какого-либо значения для читателей. По форме это ещё довольно шероховато, в последней строке – ритмический перебой, не хватает одного слога. Следует, однако, отметить, что с первых же литературных проб Иван Климко строго следит за

точным, логически выверенным развитием той или иной мысли – похвальное стремление. Работает он, видимо, упорно, старательно, целеустремлённо. Об этом говорят сами стихи, которые из года в год улучшаются, крепнут. И что особенно важно – из узкого, интимного мирка автор выходит на широкий простор жизни, природы. Характерно в этом отношении стихотворение «Зимние закаты» (1974 год):

Зимние закаты,
Как вы хороши!
Зимние закаты…
Свет моей души.
…Девушка с мороза
Прибежит, зардев,
На ресницах слёзы –
Снеговой напев.
Щёки полыхают
Факелом румян.
От того, быть может,
Без вина я пьян…

Здесь уже видны первые признаки того, что впоследствии, с приобретением большего опыта, навыка, может стать мастерством. Можно принимать или не принимать образ «на ресницах слёзы – снеговой напев», но само стремление автора к образному восприятию окружающего мира нельзя не приветствовать. И ничего, что поиски образности у Ивана Климко не увенчиваются ещё удачами, как в строчках «щёки полыхают факелом румян» (румяна, да к тому же в виде факела, вместо простого: щёки полыхают румянцем). Главное, что автора не удовлетворяет прозаическая описательность, что он – в творческих поисках, а на пути любых поисков неизбежны какие-то ошибки и просчёты. Стихотворение «О судьбе» написано в прошлом году, и оно уже даёт повод сказать, что Иван Климко не задаст ни себе, ни другим вопрос: стоит ли мне писать?

Когда бы не было случайных
С тобою встреч в моей судьбе,
Я не изведал бы печальных,
Не знал бы радостных я дней.
Как все, беспечно прозябая,
Я дни считал бы, ожидая
Не то удачи, не то чуда,
С одной лишь мыслью: «Впереди
Меня ждёт счастие», покуда
Тебя не встретил на пути.

Обратите внимание, насколько свободнее и легче, чем в первых своих опытах, обращается молодой автор со словом. Видно, что годы не пропали даром, поэтическое перо Ивана Климко работало не вхолостую – оно обретало новую силу и уверенность. И мы вправе надеяться, что при таком серьёзном отношении к литературе можно со временем добиться успехов. Однако и к этому стихотворению есть у нас немало претензий. Очень «тяжела», например, строка «не знал бы радостных я дней». Она замедляет ритм стиха, затрудняет его чтение. Непонятны, мягко говоря, и утверждения автора о том, что все вокруг «беспечно прозябают». Вряд ли в стихотворении, написано сегодня, правильно употребление слова «счастие» вместо «счастье»: такая форма считается устаревшей. Вот только краткий перечень просчётов, сразу бросающихся в глаза при чтении стихотворения Ивана Климко – автора, повторяю, способного, много работающего над совершенствованием своей техники письма.

Заметно, что не ради забавы или приятного времяпровождения пишет прокопчанка Ольга Кузьмина. Стихи её пока что далеки от совершенства, но в главной сути своей полны большого поэтического обаяния. Думаю, что вы согласитесь со мной, прочитав коротенькое стихотворение «Музыка».

Музыка… Ласковая, тихая…
Музыка, зачем утихла ты?
Зачем заставила оцепенеть от горя?
Нет, музыка! Нет, я всегда с тобою!
Не уходи, прошу тебя, не надо!
Единственная ты моя отрада…
Единственная и неповторимая…
Не уходи, любимая!.. Любимая…

И всё же не случайно нынешний разговор мы посвятили в основном стихам, которые, если судить по самому строгому счёту, стихами, в полном смысле этого слова, не являются. Такой поэтической «продукции» мы получаем, к сожалению, немало. Создателям её необходимо, что называется, начинать с азов, с элементарного: учиться мыслить. Не умея ясно и точно формулировать волнующие тебя мысли, бесполезно обращаться к стихотворной речи, уповая лишь на магию созвучных слов. На одной способности рифмовать далеко не уедешь.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1976. – 29 января. – С. 3.

ЧИТАТЬ СВОЁ, КАК ЧУЖОЕ…

Сегодня мы поговорим о сочинениях двух авторов, поскольку оба они, в отличие от других, предложили нашему вниманию не две-три вещи, а солидные по объёму подборки стихов, и было бы несправедливо ограничиться короткой оценкой: это вот хорошо, а это – плохо. И количество стихотворений, и качество их требуют обстоятельного разговора.

С поэтической работой Александра Кривоногова из Мариинска я знаком уже в продолжение нескольких лет. Пишет он со старанием, серьёзно, целеустремлённо, и от души хочется, чтобы удалось всё же Александру Кривоногову выйти из туманной полосы «начинаний» на ясную, широкую дорогу

настоящего литературного творчества. Признаюсь откровенно: когда я распечатал бандероль, увидел ученическую тетрадь, у которой, как у будущей книги даже и название есть – «Подснежник», то первой мыслью было: уж здесь-то наверняка найдётся что-то для отдельной, самостоятельной публикации. Но – увы – тетрадь прочитана, и ни одно стихотворение на это, как говорится, не тянет. Встречаются отдельные удачные по мысли, образности строчки, из которых видно, что автор – человек не без способностей, а завершённого, отделанного до конца произведения создать ему пока не удаётся.

Не будем специально выискивать что-то, откроем рукопись наугад. Ну, вот, к примеру, небольшое стихотворение под названием «Обелиск»:

Он стоит, как вечный караульный,
Точками на карте не отмечен.
Говорят, что здесь застыли пули,
Погасив улыбки человечьи.
А вокруг – уже звонят берёзы.
А вокруг – ромашки заплясали.
На войне невысохшие слёзы
На холодном мраморе остались.
Нет, весна огнём не будет стёрта.
Небо от ракет не задрожит…
Обелиск живёт дыханьем мёртвых
И тревогой завтрашних живых.

На первый взгляд, всё тут конкретно: тема стихотворения – война, предмет, о котором речь – обелиск. А вдумаешься в прочитанное, и создаётся такое впечатление, что ничего конкретного автор перед собой не видит, обо всём говорится отвлечённо, приблизительно. Отсюда – почти в каждой строчке смысловая и словесная неточность и как следствие её – неубедительность.

Против первой строчки у нас нет никаких возражений. Пусть это и не ново, но мы согласны принять такой образ: обелиск – как вечный караульный. Однако уже во второй строчке – странная «описка»: *точками* на картах не отмечен. Почему же «точками», а не точкой? Ведь речь не о нескольких обелисках, а об одном. Как можно не заметить этого несоответствия?

«Говорят, что здесь застыли пули». Где «здесь»? Начинаешь гадать: выходит, обелиск – столбик со звездой, наспех поставленный друзьями погибшего прямо на поле боя. Поэтому он и пробит пулями. Так ли это? Нет. Ниже упоминается мрамор. Значит, память героя увековечена не во время войны, а, может быть, спустя много лет после неё. В дни сражений у фронтовых дорог мраморные памятники никто не устанавливал.

«А вокруг – уже звонят берёзы. А вокруг – ромашки заплясали». Что должно означать это «уже»? Что война уже закончилась? Но это и так ясно – из первой строки. О берёзах было бы точнее сказать: звенят, а ещё лучше: шумят. Потому что «звонят» больше подходит к звонку, колокольчику, колоколу. О ромашках – тоже неточно: заплясали. Это выражение более уместно в другом контексте: подул, скажем, ветер – и ромашки заплясали. То есть пляска эта началась сразу после какого-то действия. А раз ничего тут не случилось, раз просто рисуется картинка мирного пейзажа, то следовало написать: а вокруг ромашки пляшут (хоть образ всё-таки не очень убедителен, но всё-таки звенят – пляшут – в одном времени).

«Но войны невысохшие слёзы на холодном мраморе остались». Опять новые загадки. Что именно подразумевается под «невысохшими слезами»? Причём автор говорит о них так утвердительно, как будто сам видит эти слёзы. А у читателя в воображении не возникает абсолютно ничего определённого, кроме того, что он помнит: выше упоминались застывшие пули. Но и о них автор написал лишь предположительно: говорят, что и т. д. Мол, сам я не знаю, но говорят. А «слёзы» вдруг увидел воочию. Вот и попробуй тут связать концы с концами.

«Нет, весна огнём не будет стёрта. Небо от ракет не задрожит». Ромашки, как известно, цветут в летнюю пору. Нам показана картина лета, а «не будет стёрта огнём» весна. Тогда не о весне, как таковой, надо было говорить здесь, а вообще о мирных вёснах. Насчёт ракет автору приходится ответить так: ещё не раз задрожит небо от запуска их – ракет, космических кораблей. Так что для образа возможной войны, которую люди земли стремятся предотвратить, необходимо было поискать какие-то иные слова, самые характерные для войны, чтоб не было в этой строке такой смысловой расплывчатости.

В двух последних строчках даётся обобщение изображённого, но и здесь не всё точно. Можно допустить, принять и понять метафору: в обелиске как бы сохранилось дыхание (или живая кровь) погибшего за Родину безымянного солдата. Зато никак нельзя согласиться с выражением: и тревогой завтрашней живых. Мы лишь догадываемся, что хотел сказать автор: тревогой живых о завтрашнем дне. Неправильное построение фразы создаёт и неверное толкование мысли.

В стихотворении «Обелиск» всего двенадцать строк, а смотрите, сколько строк понадобилось для того, чтобы показать все его недостатки. Впрочем, не совсем так, не все. Следует ещё указать Александру Кривоногову и на форму стиха: на плохие созвучия типа караульный – пули, заплясали – остались, задрожит – живых, на то, что в последнем четверостишии изменён почему-то размер строк.

Чтобы у читателей не создалось впечатление, будто я тенденциозно подхожу к стихам Александра Кривоногова (выбрал, мол, из рукописи наиболее слабое стихотворение, хотя это не так), скажу ещё несколько слов о стихотворении «Мост», которое, надо полагать, недаром открывает поэтическую тетрадь. Вот его начало:

Был он с виду совсем неброским:
Крепко сбит из брёвен и досок.
Он, по пояс в речушке стоя,
Твёрдо должность свою усвоил.
От него я не слышал стонов.
Он под тяжестью многотонной
Не пищал, не стонал, не хныкал.
И ему доверять привык я…

Можно ли считать это начало хорошим? Едва ли. Лишь одна строчка заслуживает здесь похвалы, как поэтический образ: «Он, по пояс в речушке стоя». А дальше: «не слышал стонов» и «не пищал, не стонал». («Стонов», «не стонал» – какая бедность языка). Самый существенный недостаток – в заключительных строчках, поэтическом резюме всей вещи:

И завидую я порою
Этим нервам и силе этой.
Чтоб от болей не хмурить брови,
Жить учусь у него на свете.

Очень слабо выражена стойкость человека перед невзгодами, болями, тяжестью житейских передряг: «не хмурить брови». Брови можно нахмурить и тогда, когда просто о чём-то сосредоточенно задумался. Этот мимический момент – отнюдь не выражение непреклонности, твёрдости характера, силы воли и т. д. Так что и в этом стихотворении Александр Кривоногов не сумел найти точных, единственно верных слов, которые бы, как крепкий узел, связали всё изложенное выше, т. е. весь замысел. О слабости рифмовки уж и говорить не приходится: порою – брови, этой – свете. Такие созвучия даже дошкольникам режут слух, когда им читаешь детские книжки.

А теперь обратимся к стихам Геннадия К. из Осинников (автор почему-то не пожелал сообщить свою фамилию). Свою подборку Геннадий предварил краткой припиской: «Стихи не могут выражать только мысли, наряду с мыслями они выражают гамму чувств. И если вы будете искать в них только удачную и «свежую», как вы говорите, рифму, то вы ничего не найдёте». Не помню, где и когда мы настаивали только на наличии в стихах «свежей» рифмы, оставим это в стороне, потому что хорошими, отличными могут быть и стихи вообще без рифм. Что касается выражения: «Стихи не могут выражать только мысли», то это не совсем ловко сформулировано. В поэзии важно и то, и другое – и мысли, и чувства. Так и условимся – не будем искать в стихах Геннадия К. «свежие» рифмы, попробуем найти в них главное для автора – «гамму чувств».

Подборка открывается такой строфой:

Мне нравится полей ржаная тишина
В осенний день.
И по полям повсюду солнечные блики,
И тёплой ночью в вышине огромная луна
Средь деревень
Такая, что волнующие птичьи крики.

Мыслями эта пейзажная миниатюра действительно небогата. Но и большой «гаммы чувств» мы здесь, говоря честно, не обнаруживаем. Налицо лишь констатация того, что нравится автору (или же его лирическому герою). Да ещё – неточность последней строки: Луна называется такой, как волнующие птичьи крики. Внешнее сравнивается со звуковым – это трудно сопоставить. Невольно после слова «такая» напрашивается вопрос: какая же? «Как волнующие птичьи крики», – отвечает автор. Явная недосказанность, неопределённость. Сомнительно и выражение: средь деревень. Хотя и сказано, что луна «в вышине», а из-за этого «средь деревень» представляешь её где-то внизу, среди изб и оград. Таково уж воздействие слов – в одном случае верно найденных, в другом, как здесь, – не совсем продуманных.

Разумеется, в стихотворении из шести строчек невозможно безошибочно судить о том, есть ли у автора способности или их нет. А поэтому прочитаем стихотворение побольше:

Серая, покрытая дождями
И обласканная сотнею ветров,
Ширь лесная, тёмными ночами
Не согреть тебя и тысячью костров.
Ты грустишь, а тучи ходят, ходят.
И лишь солнца первый луч узнав,
Сосны, вдруг проснувшись, хороводят
Танец осени, от сырости устав.
Не отнять тоску у стройных сосен.
Но, как птицы, улетая вдаль,
Осень, ты уходишь, слышишь, осень,
Отшумевший лес макнув в печаль.
Расшумятся тополя, берёзы,
Золотые листья разметая.
И роняя голубые слёзы,
Журавлей проплачет в небе стая.

Вот теперь кое-что уже яснее. У автора есть некоторые задатки к стихотворству, но стихосложением он владеет ещё очень слабо, неуверенно, чувство художественного слова развито у него недостаточно. «Гаммы чувств» нет и в этом пейзаже, если не считать одной-единственной строки, в которой благодаря повторам одного слова создаётся еле уловимое грустное настроение: «Осень, ты уходишь, слышишь, осень». А в целом стихотворение не выдерживает строгой критики. В нём почти каждая строчка с большими и малыми погрешностями.

В первой строфе навязчиво звучат «цифровые» выражения: сотнею ветров, тысячью костров. Во второй строфе – неправильное стилистическое построение: вместо «хороводят» нужно было бы написать (если бы это было в прозе): начнут хоровод, танец. Кстати, о последнем говорится: танец осени. А чем он, интересно, отличается, предположим, от танца лета или танца весны? И разве поманит кого-то пуститься танцевать, если сильно устал (от сырости устав)? «Не отнять тоску у стройных сосен». А кто собирается это делать? На то и осень, тоскливое время года. «Но, как птицы, улетая вдаль, осень, ты уходишь». Если как птицы, то, стало быть, и осень не уходит, а улетает. Очень неблагозвучное словосочетание: «макнув в печаль». Три согласных – ввп – сливаются в одно, трудно произносимое. Невозможно конкретно представить «голубые слёзы» журавлиной стаи. Очень условно, отвлечённо.

Недавно «Литературная Россия» под традиционной рубрикой «Как мы пишем» опубликовала статью писателя Семёна Шуртакова. И хотя этот литератор – прозаик, многие его соображения насчёт создания художественных произведений, технологии писательского труда, насчёт мастерства вполне применимы и к поэзии. Особенно вот это высказывание: *«Умение читать написанное тобой не только своим авторским, но и сторонним читательским глазом – может быть, один из самых коварных, но и самых нужных «секретов» нашего ремесла».* Другими словами, любой молодой автор с первых шагов на литературном поприще должен приучать себя к тому, чтобы одновременно быть и критиком, и редактором своих сочинений.

Этого умения – читать своё сторонним взглядом, как мне кажется, и не хватает обоим молодым авторам, чьи стихи мы сегодня разбирали, да и не только им. Хотелось бы пожелать людям, пробующим свои силы в поэзии, научиться время от времени как бы глазами читателя всматриваться в собственные строки. Наверное, тогда явственней станут собственные просчёты, много понятней будет путь к завершению произведения, а значит – и к сердцу читателя.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово. / Комсомолец Кузбасса. – 1976. – 11 марта. – С. 3.*

СТИХИ НАЧИНАЮЩИХ ПОЭТОВ

В почте «Факультета молодого литератора» нередко под стихами стоят знакомые подписи людей, которые не впервые обращаются в редакцию за творческой помощью, за дружеским советом по поводу своих произведений.

Около года назад в одном из разговоров о творчестве начинающих мы приводили стихи горняка Дмитрия Клёстова, отмечали стремление начинающего автора к своему видению мира, искренность его строк.

Сегодня мы предлагаем вниманию любителей поэзии новое стихотворение Дмитрия Клёстова, присланное в редакцию совсем недавно. Хочется познакомить читателей «Комсомольца Кузбасса» и со стихами новокузнечанки Натальи Герасимовой, которая всё упорнее работает над словом, стараясь выразить в стихах сокровенные мысли и чувства.

НАТАЛЬЯ ГЕРАСИМОВА

ПЕРВАЯ ВЕСНА

У девчонки первая весна
С соловьями и ночами росными.
Нет, она ещё не влюблена…
Просто хочет говорить со звёздами.
У девчонки первая весна.
Звёздочкой сама девчонка светится,
Странного желания полна:
Непременно надо с кем-то встретиться.
Чтобы кто-то за руку повёл
По полянке с первыми цветами,
И в девичьи косы чтобы вплёл
Незабудку сильными руками.
Про любовь свою бы сам сказал,
И её не спрашивал об этом…
У девчонки первая весна.
Может быть, прекраснее, чем лето.

X X X

Найди мне домик в Салаире
С окошком светлым на тайгу.
Из городской моей квартиры
С великой радостью сбегу.
Ворот тесовых мне не надо,
Не нужно горниц и сеней.
Простой калитке буду рада,
Глухой тропинке буду рада –
К реке, в леса, в простор полей…
г. Новокузнецк

ДМИТРИЙ КЛЁСТОВ

УБИЛИ ДЯТЛА

Расстреляли его спозаранку
Среди старых задумчивых пихт,
И затихла лесная морзянка,
Не окончив своих позывных.
Расстреляли картечью, в упор,
Ради шутки, беспечного смеха…
В лабиринте заснеженных гор
Долго билось тревожное эхо…

Чуть не плакал я, стоя сутуло
Над радистом российских лесов.
Мне привиделось: чёрное дуло
И подковы чужих каблуков…
И откуда на эту полянку
Забрела кровожадная злость?
Люди! Слышите: в роще морзянка
Выбивает призывное «СОС!».
г. Салаир.

// Комсомолец Кузбасса. – 1976. – 15 мая. – С. 3.

РАДОСТИ И ОГОРЧЕНИЯ

Знакомство со стихами способного молодого автора – всегда большая радость. Она не омрачается даже многими частными недостатками, погрешностями своего рода, которые, как правило, – от неопытности, от «малого стажа» литературной работы. Важно то, что, несмотря на недостатки, в рукописи с первого же её прочтения угадываешь поэтическое восприятие мира, задатки самостоятельного поэтического мышления, незаурядность решения той или иной даже старой темы.

Такое чувство испытываешь, читая подборку стихов Виктора Уткина из города Берёзовского. Жаль, что эти стихи длинноваты, не имеем мы возможности процитировать многое из них, но кое с чем всё же познакомим читателей…

Нет, наверное, поэта, который не писал или не пробовал писать о Родине, о России. Попытался сказать своё слово на эту тему и Виктор Уткин. Вот его стихотворение, которое так и называется – «О России»:

Говорю ль о звонкой сини,
О восходах ли, закатах,
О речных ли перекатах –
Это значит – о России.
Говорю ли об осине,
Что горит порой осенней,
О берёзке ли весенней –
Это значит – о России.
Говорю ль о ветке ивы
Иль о золоте пшеничном,
О степях ли безграничных –
Это значит – о России.
Говорю ли я о силе
Удалой. О песне ль русской,
То весёлой, то чуть грустной –
Это значит – о России.
Пусть не громко, пусть не сильно
Говорю душою, сердцем,
Навсегда с святой Россией
Остаюсь единоверцем.

С бесконечно разных точек зрения можно подойти к теме России. Виктор Уткин подошёл к ней с самой распространённой, старой, но никогда не стареющей – он оттолкнулся от родной природы. И сумел написать об этом задушевно, впечатляюще. То, к чему приобщается наше сердце с детских лет, то есть природа, её красота, и стало для автора образом милой земли, на которой посчастливилось родиться и жить. Причём не одно созерцание берёз, осин, речных перекатов остаётся в памяти на всю жизнь, а нечто более широкое, значительное – удалая сила русского народа, его песни, то грустные, то весёлые. И всё это сведено в стихотворении не искусственно, а органично и гармонично, создаёт впечатление образной цельности.

Выше мы говорили о неопытности. А в данном случае об отсутствии некоторого опыта уже не скажешь, это видно из довольно умелого построения четверостиший, последние строчки как-то ненавязчиво, естественно заканчиваются рефреном: «Это значит – о России». Это уже близко к чисто профессиональному подходу к творческой работе. Правда, опытный поэт не допустил бы очень приблизительной рифмы: «иве – России», не написал бы «Навсегда с святой Россией» («с святой» – трудно произносимо, а написать «со святой» – сломаешь размер). Однако и эти слабые места не так уж режут слух благодаря общему хорошему уровню прочих строчек. Верится, что если бы автор не дал себе поблажки, он сумел бы технически доработать стихотворение.

Хочется привести ещё одно стихотворение Виктора Уткина под названием «Военное детство» (сразу же отметим, что автору под силу было найти более оригинальное название, но опять он не проявил должной серьёзности в поисках слов):

Не заснуть. Почему-то тревожно…
И, как яркий, грохочущий свет,
Вновь врывается неосторожно
Память детских военных лет.
Словно вижу я найденный колос,
Что в ржаной затерялся стерне.
Лихолетья разбуженный голос
Жарким пламенем вспыхнул во мне.
Детство нас обходило сторонкой,
Шалый смех не звенел над рекой.
Нам врезались в сердца похоронки
И до слёз били жёсткой строкой.
И прохладою в жаркую пору
Не манила нас леса гряда.
В нас вошло всенародное горе,
Всей страны нас коснулась беда.
Нам была неприемлема праздность,
Мы трудились до тяжести век.
И не часто бывал такой праздник –
Булка хлеба на пять человек.
Мы тогда понимали: так надо –
Всем невзгодам, себе вопреки.
Нам была постоянной наградой
Доброта материнской руки.
Мне отрадно, что юное племя
Своим счастьем в труде дорожит.
Но забыть своё детство не смею:
Боль войны не затухла. Горит…

Этим стихотворением подтверждается характерная для молодых авторов особенность: чем больше строк, тем больше ошибок, недостатков. Однако есть тут и свои достоинства, и прежде всего мы поговорим о них. Самые удачные, сильные строки в стихотворении те, в которых воспоминания о военном детстве выражены в конкретно-зримых, живых образах. Этих строк не так уж мало, отметим хотя бы следующие: «память – «как яркий, грохочущий свет», «словно вижу я найденный колос, что в ржаной затерялся стерне», «…смех не звенел над рекой», «Нам врезались в сердца похоронки и до слёз били жёсткой строкой», «мы трудились до тяжести век. И не часто бывал такой праздник – булка хлеба на пять человек», «нам была постоянной наградой доброта материнской руки». Названные строки воссоздают в воображении читателя определённую картину, атмосферу трудного военного детства.

А теперь о недостатках. Прочтём начальные строки: «Не заснуть. Почему-то тревожно…» Читателю просто интересно знать – почему же? Что послужило толчком, поводом для бессонницы, для тревожного душевного состояния и как следствия этого – воспоминаний, таких неприятных, горьких?

«Шалый» – явно не тот эпитет для весёлого, беспечного детского смеха. «И прохладою в жаркую пору не манила нас леса гряда». Неверно! Манила, да ещё как! Только не до этого было, не до отдыха, не до забав. В образно-предметном стихотворении совершенно ненужными, никчёмными являются риторические заявления типа: «В нас вошло всенародное горе, всей страны нас коснулась беда. Нам была неприемлема праздность». Кстати, последняя фраза построена неграмотно, вместо «нам» следовало бы сказать «нами» – так требуют правила грамматики. Проходными, необязательными, лишними можно считать следующие строчки: «Мы тогда понимали – так надо, всем невзгодам, себе вопреки» (весьма непонятно по смыслу это «себе вопреки»). Хороши по настроению заключительные две строчки, а перед ними – весьма слабые: «Мне отрадно, что юное племя своим счастьем в труде дорожит». И ещё мимолётное замечание об одной строке: «И не часто бывал такой праздник». Очень неуклюжая по построению, неблагозвучная строчка, в которой слово «такой» звучит с ударением на первом слоге – т*а*кой.

Некоторые читатели могут недоумённо пожать плечами: чему же, мол, радоваться, если в стихах столько слабостей? А всё дело в том, что не они, эти слабости, преобладают в стихах Виктора Уткина. Радует, что он, без сомнения, перспективный автор, о чём свидетельствуют многие его по-настоящему поэтические строчки. Значит, задатки для серьёзного творчества у человека налицо, остаётся целеустремлённо, с верой в свои силы развивать, совершенствовать эти ростки хорошего.

Не случайно мы так подробно говорим и о достоинствах, и о просчётах в работе этого автора – он вполне заслуживает обстоятельного разбора, анализа самых, на первый взгляд, неприметных строк. Чего греха таить – бывают такие рукописи, когда говорить совершенно не о чем. Увы, огорчений молодые авторы доставляют гораздо больше, чем радостей. Потому так и приятны редкие исключения.

Вот тоже, в конечном счёте, стихи о России, об одном уголке её земли. Автор из Междуреченска, фамилию которого, думаю, называть не стоит, дабы во всеуслышание не обидеть человека слишком строгим разбором, пишет:

Люблю тебя, мой край еловый!
Твой взгляд задумчивый до боли.
Твоё дыханье бирюзово,
Твои стога в бескрайнем поле.
Пурпурный лес в часы заката
И шелест листьев от ветров.
Сады осенние в цвет злата,
Стада пасущихся коров.
Мне всё здесь нравственно, любимо
С тех самых пор, как я живу.
И вера непоколебима
В тот край, что Родиной зову…

Нет смысла цитировать стихотворение всё целиком, и по его началу видно, что автор умеет лишь немного рифмовать, а то, что можно принять здесь за «поэтические красоты», чужое, не своё, особенно «стада пасущихся коров». Не в ладу автор с грамотным изложением мыслей: «Мне всё здесь нравственно, любимо». Во-первых, «мне любимо» – так по-русски не говорят, правильно: «мною любимо» или «мне любо». Во-вторых, от слова «нравится» образовано такое слово, которое относится совершенно к другому понятию – к понятию нравственности. Автор, изображая природу родного края, пользуется самыми случайными словами и определениями, напрокат взятыми из чего-то слышанного или прочитанного, не особенно заботясь о точности рисуемого пейзажа. Вот лишь один пример: «И шелест листьев от ветров». Шелест бывает от лёгкого ветерка, а уж если дуют ветры, то листва не просто шелестит, а шумит. Это не одно и то же. Не продумано и выражение «Твой взгляд задумчивый *«до боли»*. Задумчивый взгляд – это взгляд спокойный, сосредоточенный в самом себе, ни о какой боли тут не может быть и речи. Но поскольку надо найти рифму к слову «поле», то стихотворец жертвует точностью, смыслом.

На мой взгляд, самое опасное в этом случае то, что автор научился рифмовать, немного чувствует и ритмическое звучание стиха. Этот факт может сослужить ему недобрую службу: будет он изводить время и силы на сочинение вот таких, прошу прощения за резкость, пустопорожних стихов, да ещё могут найтись у него слушатели и читатели из числа знакомых и друзей, которые станут вводить его в заблуждение, советуя посылать свои сочинения в редакции. А поскольку неграмотные стихи никто печатать не будет, начнутся обиды, разочарования. И тяжела будет жизнь при таком самообмане: я – непризнанный поэт…

Кемеровчанин Валентин Прохоров, судя по его письму, скромный, ни на что не претендующий человек. «Посылаю вам, – пишет он, – своё новое стихотворение. Буду искренне признателен вам за указанные недостатки».

Прочтём его небольшое стихотворение:

Один виток земного шара –
И год прошёл, что чудный сон.
И вы по-прежнему не стары,
Я в вас по-прежнему влюблён.
В груди незримо полыхает
Любви негаснущий костёр.
И звёзды снова провожают
Глазами ласковых сестёр.
И счастьем доверху наполнен,
Спешу до вашего двора,
Где нами было обусловлено
Свидание ещё вчера.
А вслед поющие гитары
Выводят мелодичный звон,
Что вы по-прежнему не стары,
Я в вас по-прежнему влюблён.

Радоваться или огорчаться, читая это стихотворение, – честное слово, затрудняюсь ответить определённо. По форме – в смысле ритмики и рифмовки – всё сделано, как говорится, сносно. А по содержанию много такого, что наводит на нежелательные для автора раздумья. Настойчивое повторение «вы по-прежнему не стары» вызывает обратное впечатление: это утверждение заставляет думать, что дама сердца – человек уже далеко не молодой, недаром лирический герой обращается к ней на «вы». Возникает предположение о флирте стареющей женщины с молодым парнем, о любовном романе неравных по возрасту людей. Автор едва ли хотел внушить нам, читателям, такие мысли, но вольно или невольно внушил. И вся вещь оставляет неприятный осадок. Это тем более досадно, что есть в стихотворении по-настоящему поэтические строчки: «И звёзды снова провожают глазами ласковых сестёр». Встречаются и словесные погрешности, например: «И счастьем доверху (?) наполнен, спешу до вашего двора» (точнее – к вашему двору). Чисто канцелярский оборот: «Где нами было *обусловлено*»… Вообще, откровенно говоря, создаётся впечатление, что автор этого стихотворения живёт в лучшем случае в начале века, а не в наши дни.

Вот такие радости и огорчения испытываешь, получая новые рукописи. Очень хотелось бы радоваться чаще, чем огорчаться.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1976. – 27 мая. – С. 3.

ЛИЧНОСТЬ ПОЭТА

Есть много тем, которые принято называть вечными: тема любви, дружбы, природы, жизни, смерти, мира, войны.

На любую тему можно написать скучно и живо, достоверно и приблизительно. Всё зависит от степени литературных способностей, а ещё – от правдивого воспроизведения того, что пережито, перечувствовано, подчас выстрадано. Не пустым звуком являются слова из письма беловчанина Леонида Торгаева: «Посылаю вам стихотворение «На могиле отца», в котором я старался быть предельно правдивым». Что это сказано не ради красного словца, убеждаешься, прочитав стихотворение. В нём тема войны показана с совершенно непривычной, неожиданной стороны, так, как никто из поэтов ещё не говорил, хотя стихов о военном детстве в советской поэзии очень много.

Ну, наконец-то, прикатили!..
И вот, смахнувши пот с лица,
Стою я молча на могиле
Меня предавшего отца.
Цветут душистые фиалки,
Светла гармония берёз…
Стою растерянный и жалкий –
И боль в душе. И нету слёз…
Мы жили трудно и убого,
И мама, выбившись из сил,
Просила помощи у бога,
И вместе с нею я просил.
Уж из оставшегося хлама
На рынок нечего нести…
Как изворачивалась мама,
Чтоб нас от голода спасти!
Еда-то – лебеда, крапива.
Но не черствели мы душой.
Лишь мама время торопила,
Чтоб рос скорее сын старшой…
Сейчас встречаются нередко,
Кто цену хлеба позабыл,
А мы дрались из-за объедка,
Что на помойке найден был.
«Да вы мальчонку-то не троньте, –
Встревали бабы всякий раз. –
И у него отец на фронте…»
А папа… просто бросил нас.
Ах, как мы жили, как мы жили!
Легко ли было без отца…
Я вырос с дядьками чужими,
Забыв черты его лица.
И вот теперь друзья, враги ли –
Попробуй разберись всерьёз…
Стою я молча на могиле –
И боль в душе. И нету слёз…
Тебе, отец, я всё прощаю.
Прости и ты меня. Прости.
Тебе, отец, я обещаю…
Твоей дорогой не идти.

Много драм и трагедий было у людей во время войны. Многих обрекла она на безвременное вдовство и безотцовщину, сиротство. Но кто скажет, что легче, что тяжелее: получить похоронку с фронта или знать, что отец жив–здоров, но бросил твою семью, оставил твою маму и сестрёнок, братишек на произвол судьбы? Живите, как хотите, хоть с голоду умирайте, ему всё равно… Как беспощадно, вынужденно жестоко звучат слова взрослого сына: «Стою я молча на могиле меня предавшего отца». «Предавшего». Да, это не что иное,

как предательство. И всё-таки сын не очерствел душой – он человек добрый, не помнящий зла. Недаром и прощает он заблудшего отца, и сам просит у него прощения за то, что «нету слёз». И молча клянётся ему не повторять его пути – быть чище, честнее, великодушней.

Так житейский факт под умелой рукой поэта становится фактом художественного произведения, в котором ненавязчиво, тонко разрабатывается большая нравственная проблема. Перед нами по существу не просто стихотворение, а маленькая поэма – так густо насыщена эта вещь подробностями быта и мыслями автора об отце, о матери, о соседках (по сердобольности и доброте своей идущих на святую ложь: «И у него отец на фронте…»).

Хотел того Леонид Торгаев или не хотел, но перед нами, читателями, благодаря этому стихотворению весьма выпукло вырисовалась его собственная личность, его нравственная сущность, вызывающая глубокую симпатию. Проявляется эта добрая сущность в и другом коротеньком стихотворении:

...На шоссе, на проезжей части,
Где машины идут с ветерком,
Всё сидит, не веря в несчастье,
Мать-собака над мёртвым щенком…
Так сидит, от горя немая,
Не боясь лавины стальной…
И водители, всё понимая,
Объезжают её стороной.

Здесь невольно приходит на ум ассоциация с душой одного из самых человечных поэтов России – Сергея Есенина, который был счастлив тем, что «зверьё, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове». И у Леонида Торгаева такая же отзывчивая, чуткая натура, иначе не появилось бы это стихотворение о горе собаки и о доброте людей, в данном случае – водителей… Один из самых драгоценных признаков таланта – это когда за строчками стихов мы угадываем личность поэта.

«Посылаю вам на суд пять своих новых стихотворений, – пишет нам Александр Бессонов из Осинников. – Одно из них, «Подснежниково царство», я уже отсылал вам, но потом его сильно переделал и шлю снова. Очень хочется узнать, стал ли я писать лучше, чем раньше, или топчусь на месте?».

С поэтической работой Александра Бессонова мы уже знакомы несколько лет.

Коротко сказать о нём можно так: это, без сомнения, способный автор. Однако стихи его ещё очень неравноценны. То напишется что-то хорошее, стоящее, а то – никуда не годное. Из этого можно сделать вывод, что молодой автор ещё не всегда требовательно относится к себе, случается, видимо, что часто создаёт что-то наспех, небрежно. Поэтому было бы преждевременным сказать, что он стал писать лучше, чем раньше. Ближе к истине второе: топтание на месте. Однако одно в работе Александра Бессонова заслуживает всяческой похвалы: то, что он приучает себя переделывать ранее написанное. Удержать в памяти все присланные нам когда-то стихи, конечно же, невозможно, не помним мы, каким было раньше «Подснежниково царство», поэтому ещё раз внимательно прочитаем его – уже в новом, переработанном варианте:

Я не верил, что пришла весна.
Но пьянящим озорным потоком
Расплеснулась вдруг голубизна,
Не вместившись в небе синеоком.
И, хлебнув её большой глоток,
Не сумел я справиться с собою
И сорвал нечаянно цветок,
Что зовётся издавна любовью.

Перестав размеренно стучать,
Вдруг забилось сердце торопливо.
Захотелось ветер оседлать,
Как коня держа его за гриву.
И, предав забвения костру
Нерешимость, скуку постоянства,
Ускакать в седле упругих струй
За тобой в подснежниково царство…

С первого же прочтения этого стихотворения, как говорится, невооружённым взглядом видно, что автор пытается мыслить, как и положено поэту, образами. Само по себе это хорошо. При всём этом приходится сделать оговорку: образность здесь не новая, нечто подобное в поэзии уже встречалось. Да и не всё продумано автором, как следует. Небо названо «синеоким». Как будто поэтично, красиво, а, по сути, неточно. Синеоким может быть что-то маленькое, а ведь весеннее небо – это такое необъятное пространство. Никак оно не может походить на око (глаз). Не найдено и точное начало для стихотворения. «Я не верил, что пришла весна». Почему не верил, это надо бы как-то объяснить, а так читатель должен гадать – что к чему. Неубедительна мотивировка, отчего вспыхнула в сердце любовь: от того, что хлебнул большой глоток голубизны? Кстати, по выражению словесному это весьма выспренно.

Дальше автор, может быть, незаметно для самого себя, переключается на чисто есенинские метафоры: ветер – конь с гривой, струи (реки, ручья?) – седло. Костёр забвения (причём с неловкой инверсией: «забвения костру») – тоже не совсем просто, напоминает манеру старомодных поэтов. Да и трудно представить струи чего-то в виде седла.

В письме автор сообщает, что это стихотворение сильно переделано, однако и в таком варианте оно выглядит недоработанным.

А вот ещё одно стихотворение Александра Бессонова – «Ночной странник»:

Труден долгий путь.
Ветер бесится.

Светит ночи муть
Тусклым месяцем.
А душа болит,
Сердце мается.
Вон рассвет вдали
Удивляется:
– Ты куда идёшь?
– От зари мой путь.
– Почему? Ведь то ж
Дня лучи растут.
– Нет, мой день почил,
Счастье сгинуло.
Потерял в ночи
Я любимую.
Не могу свернуть,
Не найдя её.
Мне заказан путь
Из ночных краёв…

Выше мы говорили, что автор стремится мыслить образами. А это стихотворение наводит на убеждение, что Александр Бессонов не всегда умеет ещё просто-напросто точно логически распоряжаться словесным материалом. Возможно, в замысле было что-либо интересное, а на деле – отсутствие чёткой мысли, какой-то смысловой сумбур, который нуждается в авторском дополнительном истолковании – что он хотел всем этим сказать, какую идею выразить. Вчитайтесь внимательно в диалог лирического героя и рассвета, и вы увидите, что нет в нём логики. Удивляться приходится не рассвету, а читателю.

Хочется посоветовать Александру Бессонову писать как можно проще. Усложнённость образной системы – часто лишь видимость поэзии. Гораздо труднее добиваться прозрачной простоты при разработке сложной темы. А то ведь как бывает. Иной автор рассуждает примерно так: чем помудроватей я закручу, тем больше это будет походить на настоящую поэзию. Не поймут – подумают: мы ещё не доросли до уровня авторского мышления. Очень и очень наивны подобные рассуждения.

Странное впечатление производят стихи начинающей поэтессы, пожелавшей остаться неизвестной (вместо имени, фамилии – на конверте неразборчивая подпись). Назовём её условно Н. Так вот, одно стихотворение почти безупречно во всех отношениях. Прочтём для знакомства несколько начальных строчек этого стихотворения, которое называется «Байкал»:

Его природа создавала
В далёком веке,
В древней мгле…
Я вижу контуры Байкала,
Великой силой исполинской
Байкал издревле наделён.
Разнообразный,
Многоликий,
Как полумесяц на земле.
Хребты Приморский,
Баргузинский
Его зажали с двух сторон.
Семи ветрам подставив грудь,
Спиной опёрся на великий
Сибирский путь,
Железный путь…

Скажем без преувеличения: это стихотворение вполне достойно отдельной – не только в обзоре – публикации. Но вот загадка. Читаем начало другого стихотворения Н.:

Наедине с печальной елью
Наблюдала я в вечерний час
За бесконечной каруселью
Созвездий, окружавших нас…

Кажется, что это и «Байкал» написаны разными людьми, во всяком случае, людьми разной литературной подготовки. В «Байкале» всё, можно сказать, профессионально, а в начале второго стихотворения у автора даже чувства ритма нет. «Наблюдала я в вечерний час» – эта строчка явно выбивается из ритмического лада всего четверостишия. Остаётся в недоумении развести руками: почему автор решил не называть своего имени, чем объяснить метаморфозы в самих стихах? Один совет напрашивается: не стоит, тов. Н., такое серьёзное дело, как поэзия, превращать в некую загадку, мистификацию.

Если вспомнить, с чего мы начали разговор в этой статье, т. е. о личности поэта, то в любой мелочи – даже в отправке рукописи в редакцию или в адрес автора обзоров – личность поэта должна быть добропорядочной. От таких авторов мы и ждём новых стихов.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1976. – 29 июня. – С. 3.

ЧУВСТВО СЛОВА

Не всегда стихи в редакцию приходят с помощью почты. Нередко авторы сами приносят свои произведения, стремясь услышать подробный разбор, побеседовать о поэзии. А недавно у меня в квартире раздался телефонный звонок:

– Здравствуйте. Говорит незнакомый вам автор. Моя фамилия Сизов. Я написал и занёс в редакцию своё стихотворение ко Дню строителя. Посмотрите, пожалуйста, Правда, я ещё не придумал заголовок…

К сожалению, знакомство со стихотворением кемеровчанина В. Сизова не порадовало, а, наоборот, огорчило, причём с первой же строки:

Профессий на свете – до чёрта,
а может и больше, – не знаю,
рождались они без учёта,
статистика не нужна им.
Рождались, боролись и спорили
за место на этом свете.
У каждой – своя история.
У каждой – свои приметы.
У каждой – своё обличье.
Их адрес – по всей планете;
их возраст – самый различный:
от нуля – до миллионнолетия…
Учителю нет интересней труда –
выращиванье человека.
А химик весь мир забывает, когда
находится в мире молекул.
Артистам лишь сцена мила и близка,
до прочего мало им горя.
Пилот, конечно, на всё свысока…
Моряк превозносит море…

Дальше в таком же скучном информационном перечислении говорится о работе дворника, диктора и, как правильно замечает автор, «да разве расскажешь про всех их?! Неповторимые прелести есть во всех и во всяких профессиях!».

Первое, что сразу бросилось в глаза при чтении этого длинного – в восемьдесят с лишним строк – стихотворения, это то, что у автора нет чувства слова. Сказать ему хочется о многом, а как, какими словами – он не имеет точного представления. И по этой причине не похоже, что В. Сизов относится уважительно к любой профессии, иначе чем же иным объяснить это пренебрежительное «Профессий на свете – до чёрта», открывающее стихи.

Раз уж человек не смог написать две точные строчки в начале, взять верно первый аккорд, то трудно чего-то ждать от всей вещи. Вот и получилась она нудная, неинтересная, многословная, а точнее сказать – суесловная, потому что вся суть сказанного – в открытии давно открытых истин, главная из которых: каждый человек любит или должен любить свою работу, свою специальность.

Это стихотворение, как видим, не заслуживает особого внимания, но говорим мы о нём подробно только потому, что удивляет позиция автора: он считает, что его сочинение вполне приемлемо к печати, только вот заголовка не хватает. А это уж огорчительно вдвойне – таков, выходит, уровень его литературного вкуса. Но поскольку рука его уже набита на рифмовке, то можно предположить: автор и в дальнейшем будет зря тратить время и силы на писания, не понимая, что нет пока у него того, без чего нельзя стать поэтом, – чувства слова. И это, прямо скажем, печально.

И. Присягин из села Усть-Сосново Топкинского района пишет не первый год. Основное, чего он добился в стихосложении, это более или менее правильной рифмовки, а чувством слова он наделён тоже недостаточно. Вопиющих недостатков в его стихах нет, однако нет в них и поэзии. Весьма прискорбно, что И. Присягин не сознаёт этого: присылая что-то в редакцию, он надеется лишь на одно – на публикацию; в консультации, в отзыве, судя по припискам, горделиво не нуждается: «Отзыва высылать не нужно».

И всё-таки мы считаем нужным немного поговорить о литературной работе И. Присягина публично, так как она во многом характерна и поучительна для пишущих на таком же уровне. Вот, к примеру, начальные строчки стихотворения И. Присягина «Счастливого пути»:

Кукушка где-то в рощице
помолодевшей прячется,
И детство вспоминается,
и хорошо мечтать.
Ты с аттестатом зрелости,
но жизнь почти не начата,
Всё знать и видеть хочется,
спешить и испытать.
Зовут дороги дальние,
зовут просторы звёздные,
Торопит жизнь кипучая,
велит везде успеть.
Пределы, дали новые,
задачи грандиозные
Твоёму поколению
постичь и одолеть…

Какой литературщиной в самом плохом смысле этого слова веет от подобных строк! Ни одной свежей мысли, ни одного образа, только зарифмованная проза, только общеизвестные истины, от которых, как говорят, ни жарко, ни холодно. Подобные строки очень далеки от настоящего, серьёзного творчества, зато близки так называемым текстовкам для музыки. Но в песне иногда хоть приятная мелодия скрашивает убогость текста, а тут, в самостоятельном звучании, эти строчки – как голые сучки осеннего дерева: свистит и воет между ними наводящий тоску и уныние холодный ветер…

Михаил Азаров из посёлка Абагур-Лесной Новокузнецкого района прислал стихотворение о любви. Оно весьма длинное, поэтому процитируем лишь первую его половину:

Что-то сердце растревожилось,
Переполненное тайнами…
На других и не похожа ты –
Ты какая-то хрустальная.
Ты какая-то воздушная:
Хрупкий стан, худые плечики…
Ты покорная, послушная…
Полюбил тебя навечно я.
Говор твой, что пенье пеночки,
Смех – звоночек посеребряный…
Как доверчива ты, девочка!..
Сердцем к сердцу мы прикреплены.
Чувства наши – узел с тайною,
Руки нежностью овеяны…
Только чем ты опечалена?
Отчего твой взгляд лазоревый
Чуть туманит дымка слёзная?
Ты в печали утром зоревым,
Что любовь сыскалась поздняя?..

На этом, пожалуй, можно остановиться. У М. Азарова, как и у предыдущих авторов, слабо развито чувство слова, он пользуется самыми необязательными, случайными, первыми, что попадают под руку, словами и понятиями. Между прочим, чувство слова – не обособленное чувство, оно неразрывно связано с художественным вкусом, а это понятие – всеобъемлющее. Художественного вкуса Михаилу Азарову пока недостаёт, отсюда в обращении к любимой, в характеристике её образа столько слащавости, сюсюканья: «…худые плечики… Говор твой, что пенье пеночки, смех – звоночек…». Создаётся странное впечатление: автор не скупится на самые нежные слова в адрес доверчивой девочки, а нам так и кажется, что реально эта девочка не существует, она живёт только в воображении лирического героя. Такое впечатление, вероятно, оттого, что уж больно эфемерны эпитеты: хрустальная, хрупкая, воздушная, с голосом пеночки, со смехом-звоночком. Автор стремится вызвать у нас, читателей, симпатию к своей возлюбленной, а цели своей не достиг – живого образа не создал, нарисовал что-то отвлечённое, почти фантастическое. Попробуем всё же поверить ему – есть у него на самом деле близкое, нежное создание. Однако, как тогда понимать строчки: «Ты в печали утром зоревым, что любовь сыскалась поздняя?». Поздняя? Это для девочки-то? Для девочки, которой, судя по всему, восемнадцать–девятнадцать лет? А может, и того меньше? В пылу любви сам автор не заметил, что договорился до нелепицы, до более чем странного противоречия.

Видимо, всё в том же пылу любовных излияний автор не успел обратить внимание на то, что речь его довольно косноязычна. Рядом с изысканными, красивыми словами типа «лазоревый» ставит чисто прозаическое «узел» («узел с тайною»). Кстати, ничем не оправдана перегрузка текста одними и теми же знаками любви: «Что-то сердце растревожилось, переполненное т а й н а м и… Чувства наши – узел с т а й н а м и». Всё тайно, всё загадочно, и в результате нисколько не впечатляет.

Но не хватит ли на сегодня слишком слабых стихов, они уже, небось, утомили читателей. Давайте в заключение обратимся пусть к несовершенным, но душевным стихам Станислава Станкевича из Ленинска-Кузнецкого, они тоже, как и у Михаила Азарова, о любви:

Буду письма писать я большие,
Боль разлуки в душе не таить.
Мы с тобою совсем, как чужие,
Лишь умеем друг друга корить.
Вспоминаю деревню родную,
Где твой домик, сутулясь, стоит,
Я тебя даже к небу ревную,
Что в глазах твоих синью горит.
Даже к ветру, что треплет
косынку,
Что ласкает румянцем лицо…
А ещё вспоминаю тропинку,
Что ведёт от полей на крыльцо.
Там и встретились, помнишь, впервые
У зелёной толпы тополей.
Подарил я цветы полевые,
Возвращаясь усталый с полей.
Буду письма писать я большие,
От своей неспокойной души.
И не будем с тобой, как чужие,
Только чаще мне, слышишь, пиши!

Читая это непритязательное по форме стихотворение, лишний раз убеждаешься в простой истине: если в сердце есть что-то подлинное, волнующее самого автора, что-то такое, что само просится на бумагу, то найдёт это отзвук и в сердце читателя. В реальность любви лирического героя Михаила Азарова мы не очень поверили, там есть что-то от надуманности, а вот это стихотворение Станислава Станкевича не оставляет нас равнодушными. Каждая строка здесь звучит, как правдивая исповедь, даже о том, что эти двое – порой словно чужие, но верится, что эта любовь – жизненная, реальная. Верится, может быть, потому, что герои не «висят в воздухе», а живут на близкой и родной всем земле, что земля эта изображена в живых деталях и подробностях, с какими-то дорогими и – главное – конкретными её приметами (толпа тополей, тропинка с поля на крыльцо, букет полевых цветов).

Да, поэтическое произведение истинно лишь тогда, когда в нём – живое, подлинное чувство. К этому следует добавить: и когда налицо определённые поэтические способности. Станислав Станкевич, без сомнения, способный автор, которому необходимо всерьёз заняться техникой стихосложения. Пожалуй, лишь в одной строке ему изменило чувство слова: «от своей неспокойной души». Тут напрашивается совсем иное построение фразы, вроде: буду письма писать от души. То есть, откровенно, сердечно, ничего не скрывая – ни боли, на радости, ни счастья, ни печали, ни самой любви.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1976. – 24 августа. – С. 4.

«НЕ ПОЗВОЛЯЙ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ…»

Те, кто занимаются поэзией серьёзно, целеустремлённо, обращаются в редакцию довольно часто. Это и неудивительно: многим работающим авторам не терпится узнать мнение о новых своих произведениях, услышать советы, критические замечания, чтобы в соответствии с этим продолжать трудиться, совершенствовать своё мастерство.

К таким авторам можно отнести, например, беловчанина Леонида Торгаева. В его поэтической работе многое радует. Лично меня давно восхищает внешняя отделка стихов Леонида Торгаева, чувствуется, что для него уже не составляет большого труда любую мысль выразить в добротной, я бы даже сказал, изящной

форме. Не является исключением в этом смысле и новое, только что присланное стихотворение «Выстрел в лесу»:

В лесу светло, торжественно и тихо.
Дрожали паутинки на весу…
С лосёнком-сыном юная лосиха
Гуляла в этом праздничном лесу.
Но… грянул выстрел страшно и нелепо,
Осыпав изумрудную листву:
В глазах лосихи вдруг погасло небо –
Она упала в сочную траву.
И крик её был жалобен и тонок.
Вздымались тяжко жаркие бока…
А из кустов смотрел на мать лосёнок,
Не осознав трагедии пока.

Дочитана последняя строка, и сами собой напрашиваются такие похвальные слова, как «отличное стихотворение!». Написано оно с тонким чувством слова, ритма, рифмовки, всё в нём зримо, достоверно и убедительно. Нам вместе с автором жалко убитую каким-то жестоким человеком (видимо, браконьером) безвинную мать-лосиху, жалко её детёныша, в наивности своей ещё не осознающего всей свершившейся беды. Но вместе с тем мы вспоминаем, что уже на однажды читали стихи о подобной трагедии, что стихотворение повторяет что-то давно знакомое, что нельзя его назвать художественным открытием. И первоначальная оценка – отличное стихотворение – невольно подвергается сомнению. А так ли уж хорошо – повторять сказанное кем-то до тебя? По собственным ли наблюдениям автора создано это? Нет, смеем мы утверждать, всего скорее по книжным впечатлениям, по многим литературным ассоциациям. Для начинающего автора это ещё, как говорится, куда ни шло, а для Леонида Торгаева, обладающего определённым опытом, – непростительно. От него мы вправе ждать произведений, открывающих новые стороны в многогранных проявлениях жизни.

У известного советского поэта Николая Заболоцкого есть замечательные строчки, которые должны быть девизом для каждого пишущего:

Не позволяй душе лениться,
Чтоб воду в ступе не толочь.
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Большим письмом предварила свою подборку кемеровчанка Елизавета Боргест. Вот некоторые строчки из него: «Не знаю, помните ли вы мои стихи, если и нет, то это неудивительно при том обилии корреспонденции, которые вам, вероятно, приходится пересматривать. Первые мои стихи – это были стихи школьницы, потом я вам писала, уже будучи студенткой… За это время я изменилась, наверное, во многом, но стихи по-прежнему для меня и радость, и трудность, а часто и мой высший суд над собой… Посылаю несколько своих стихотворений. Не берусь о них судить, ведь о своих собственных стихах тоже не всегда легко дать объективный отзыв. И, как показывает горький опыт, то, что кажется и простым и понятным тебе, не всегда так же понятно другим».

Последние строки письма позволили вспомнить нам, что когда-то стихи Елизаветы Боргест были туманны по изложению мыслей, грешили излишней усложнённостью… Поэтому понятен тот интерес, с каким мы начали читать то, что написано ею совсем недавно. И должны сразу же сказать: это выгодно отличается от прежнего, налицо положительная и радующая эволюция, происшедшая в стихотворной работе молодого автора. Наиболее удачным кажется нам следующее стихотворение:

Взъерошилось луж сероглазье,
И тучи нахмуривший день
Пролил над асфальтовой гладью
Дождя моросящую лень.
Всё стало печальным и сонным,
На осень похожей весна,
И только беспечным влюблённым
И ночью и в дождь не до сна.
И в сырость и в грязь, как слепые,
Бегут из уюта вдвоём,
Лишь зонтиков шляпки грибные,
Пестрея, растут под дождём.

Главное, что радует в этом коротеньком лирическом этюде, – это стремление автора нарисовать пейзажную картину не простыми будничными словами, а при помощи соответствующей образности. Похвальное стремление, дающее свои пусть скромные, но радующие результаты. Обращают на себя внимание свежие строчки: «день пролил над асфальтовой гладью дождя моросящую лень». Этот образ из той категории, который характерен тем, что так в прозе не говорят, а в поэзии это вполне допустимо. Можно было написать просто, что дождь – тихий, ленивый, но гораздо ярче, впечатляюще звучит «дождя моросящая лень». Это – поэзия.

Приведём ещё одно стихотворение Елизаветы Боргест, чтобы указать ей на некоторые существенные недостатки в работе над словом:

Мне говорят, бессмысленно греть снег,
Его погубишь ласкою такой.
А я – пытаюсь, только влажный след
Сжимая грустно стынущей рукой.
Мне говорит: смешно хотеть огонь,
Как существо живое, приласкать,
А я тяну к нему свою ладонь,
Чтобы от боли тут же зубы сжать.
Мне говорят: всё проще быть должно,
К чему так жизнь нелепо усложнять.
Но только просто и упрощено –
Понятья невозможно приравнять.

Смысл стихотворения не лежит на поверхности, он углублён в метафорическую особенность души: как можно лучше понять суть жизненных явлений, добраться, что называется, до их корней. Отсюда – символическое согревание снега, желание приласкать огонь, т. е. найти в обыденном необычное, в

будничном – праздничное, пусть это и не обходится без боли, без «ожогов». Но, как нам думается, правильно говорят лирической героине: незачем, дескать, напрасно («нелепо») усложнять жизнь. Это усложнение – не результат глубокого философского мышления, а наивная нарочитость, поза, о чём свидетельствуют заключительные две строчки, которые никак не вытекают из логики всех предыдущих строк, всего стихотворения. Эти строчки «но только просто и упрощено – понятья невозможно приравнять» существуют лишь сами по себе, к метафорическому снегу и огню они не имеют никакого отношения. Начато одной образной системой, а закончено совершенно другой.

В этом стихотворении проявился старый «грех» Елизаветы Боргест – без надобности превращать ясное в туманность, прикрываясь дымкой мнимой поэтичности. Надо раз и навсегда уяснить для себя: ничего не стоит ложное глубокомыслие перед мудрой простотой.

Когда душа трудится и день и ночь, она обязательно открывает что-нибудь новое. Интересно читать стихи, которые отмечены незаурядной мыслью, звучащей иногда не в самих строчках, а в подтексте. Очень несовершенно по форме, особенно по рифмам, стихотворение кемеровчанина Сергея Николаева под названием «Скачки», но так оно динамично по ритмике и живописно по изображению, что, несмотря на большой объём, хочется процитировать его полностью:

Подстрижена трава.
Пусты ещё трибуны.
Сейчас здесь тишина,
Но скоро скачки будут,
А восемь лошадей
Их ждут нетерпеливо,
Им хочется скорей
Промчаться всем на диво!
И вот они стоят.
Играет мускул каждый.
Глазами зло косят, –
Пьянит трибун их гул.
Как гром раздался гонг.

Так много и так мало –
Им нужно шесть кругов
Бежать до пьедестала.
Со старта всех быстрей
Две лошади помчали.
«Скорей, скорей, скорей!» –
Трибуны бушевали.
Одна так молода,
Другая – старше вдвое.
Из-под копыт – трава.
Несутся в диком вое.
Летят за кругом круг.
Второй… Четвёртый…

В пятом
Вдруг старая на круп
Обходит. Финиш рядом.
Но дорогой ценой
Досталась та победа.
За финишной чертой
Перевернулось небо.
Упала, захрипев,
Сведя устало ноги.
И тихо стало вдруг
На старом ипподроме…

Повторяем: вызывают досаду некоторые мелкие недочёты этого стихотворения, в частности, рифмы типа небо – победа – ноги – ипподроме, а в одном месте как будто даже пропущена целая строка (после «глазами зло косят»). Но дело не в этом. Вызывает интерес другое. Идея стихотворения – в большем, чем скачки, как таковые, она – в жажде борьбы, полноценной жизни, труда на пределе сил, в стремлении всего живого отдавать себя этой борьбе без остатка, чтобы в конце концов испытать великое чувство победы, иногда – увы – ценой собственной жизни. Жаль, что Сергей Николаев прислал только одно стихотворение. Хотя и по нему видно, что автор – способный человек, хотелось бы познакомиться с его творчеством пошире. Наверняка ему есть что показать людям. А на небрежность в технике стихосложения он должен обратить самое пристальное внимание.

Очень скромно звучит приписка к стихам новокузнечанина А. Лыкова. «Дорогая редакция! Я работаю художником-оформителем. Высылаю вам свои стихи. Я очень бы хотел учиться писать». Прочитав это, проникаешься невольной симпатией к автору – в отличие от многих других, начинающих, А. Лыков нисколько, даже намёком, пока не претендует на публикацию своих стихотворных опытов. Он правильно считает, что ему ещё учиться да учиться писать стихи, хотя в присланной подборке встречаются весьма неплохие для начинающего. Вот такое, скажем, стихотворение:

Однажды, выбившись из сил,
Так, что упасть готов,
Я, помню, друга попросил
Нарвать в саду цветов.
Он вместо благородных роз,
Багровых, как вино,
Мне ветку тополя принёс,
Поставил на окно.
И стало в комнате светлей,
И с веткой заодно

Знакомый запах тополей
Проник ко мне в окно…
Мы сохраняем до конца
Любовь к родным краям,
Где каждый запах деревца
Завещан с детства нам.
Во мне огонь тот не угас,
И понял я: всерьёз
Нам ветка тополя подчас
Дороже пышных роз!

При самом строгом подходе к этому стихотворению здесь чувствуешь лишь две неточности: вместо «каждый запах деревца» подразумевается «запах каждого деревца», а слово «всерьёз», наверно, обрамлено неправильными знаками препинания: читать, пожалуй, следует так: «и понял я всерьёз». А в остальном это просто хорошее стихотворение. Автор преуменьшил свои возможности, говоря: «Я очень бы хотел учиться писать». Многому он уже научился – и как верно чувствовать слово, ритм, рифмы, и как коротко, немногословно и в то же время ёмко выражать заветную мысль, пережитое чувство. Правда, приходится сделать следующую оговорку: А. Лыков, судя по всему, много читая, не всегда находит в себе силы освободиться от постороннего влияния – в некоторых его стихах звучат чужие мотивы, и это настораживает. Вот характерный пример – стихотворение «Художник»:

В саду, на поляне зелёной,
Где густо растёт подорожник,
Под старым развесистым клёном
Стоит неизвестный художник.
Он высмотрел что-то отсюда,
Чего не заметит другой,
И первый мазок, словно чудо,
Ложится на холст под рукой.
Чуть слышно листвою кудрявой
Клён тихо и нежно шумит,
А рядом завистливо
Слава
Глазами мальчишек глядит!

Какие-то тайники памяти сразу же подсказывают: я уже где-то читал что-то подобное, особенно про стоящих рядом мальчишек. Я, конечно, далёк от подозрения, что автор у кого-то позаимствовал эту тему и даже ситуацию, всё же вывод напрашивается такой: надо очень критически относиться к прочитанному в книгах, писать так, чтобы ни одна строчка не напоминала уже существующее в литературе. Лучший способ избавиться от похожести – искать в самом себе, в своей душе, в пережитом тобою лично.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1976. – 16 октября. – С. 4.

ПОМНИТЬ О ГЛАВНОМ

Недавно опубликованное постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодёжью» обязывает нас, литераторов старшего поколения, ещё внимательней, вдумчивей, бережней относиться к творчеству молодых, начинающих авторов, ещё кропотливей и обстоятельней анализировать их произведения – выявлять достоинства, отмечать недостатки и в соответствии с этим подсказывать правильные пути в дальнейших творческих поисках. С другой стороны, это постановление накладывает ещё большую ответственность на самих молодых, которые берутся за перо, чтобы поведать людям свои сокровенные мысли и чувства, рассказать языком художественных образов о времени и о себе, о делах, свершениях, богатом душевном мире своих современников, обо всём, чем живёт наш советский народ.

Надо сразу же подчеркнуть, что заботливое отношение к творческой молодёжи отнюдь не исключает высокой требовательности к тому, что она создаёт. Литература – сложнейшее искусство, и требования к любым произведениям остаются по-прежнему строгими, не допускающими никаких скидок на молодость и неопытность пишущего.

Пусть не смущает читателя, что сегодняшний разговор мы начнём с рассмотрения стихов автора, живущего в соседней с нами области – в Томске. Важно не местожительство автора, а то, с чем он обращается в редакцию. А томич Валерий Привалихин предложил нашему вниманию не одно, не два, а четыре десятка стихотворений (по объёму рукописи – это целая книжка), и было бы несправедливо обойти молчанием такую большую работу молодого автора.

Надо полагать, что и сам Валерий Привалихин составлял свою рукопись как (в принципе) будущую книжку. Каким же «программным» стихотворением открывает он её? Вот это стихотворение:

Отшикшковались… В сентябре
рассветы холодны, как льдинки.
Иголки кедров в серебре –
не то смола, не то дождинки.
В окрестных скошенных лугах
видны в прореженном тумане –
не разобрать – не то стога,
не то кувшинки в целлофане.
Тягучих запахов настой
всплывает из сырого лога,
И на душе не то покой,
не то смятенность и тревога.

Не надо быть особо проницательным, чтобы с первого прочтения этого стихотворения определить: автор – не новичок в стихотворчестве. «Набитость» его руки – очевидна, он хорошо владеет техникой стихосложения. А главное, что обращает на себя внимание, это то, что Валерий Привалихин, безусловно, способный молодой поэт. У него хороший художественный вкус, основанный на лучших традициях русской поэзии, можно смело отметить в приведённых строчках такие характерные черты, как простота, естественность выражений, непосредственность в передаче заветных чувств, ясность и чёткость мысли. Благодаря всему этому в немногословных, но ёмких строках удаётся точно и впечатляюще передать то настроение, которое переживает чуткий к природе человек поздней осенью. Очень умело и уместно звучат в этих строчках повторы «не то»: «не то смола, не то дождинки», «не то стога, не то кувшинки в целлофане». Особенно удачен этот поэтический приём, который воспринимается уже не просто как приём, а как естественное состояние души, в последних строчках: «И на душе не то покой, не то смятенность и тревога».

Именно так и бывает осенней порой: от умиротворённости в природе на душе одновременно и покойно, и тревожно. Значительность этих строк глубокая – в них символические образы прошедшего лета, наступившей осени, которые невольно ассоциируются с человеческой жизнью – прошла пора юности, наступила зрелость, а вместе с нею нет-нет да и подступят мысли о недалёкой старости. На душе – покой от неплохо, видимо, прожитой половины жизни и некоторое смятение, тревога перед будущим.

Хорошим стихотворением открыл Валерий Привалихин свою рукопись. Единственное, что неестественно и неправдоподобно в этой вещи – уподобление стогов кувшинкам, да ещё в целлофане. Подобный образ, может быть, и имеет, как говорится, право на жизнь, но только в совсем ином словесном

оформлении. В таком, например, если сделать это в прозе: не то огромные, сказочные кувшинки в целлофане. Зрительное «укрупнение» кувшинок, чтобы они хотя бы отдалённо напомнили о стогах, здесь просто необходимо. Без этого – явное несоответствие одного другому.

Ко всем остальным строчкам у нас нет никаких претензий. Наоборот, приходишь к радующему обобщению: вот так, при наличии природного поэтического дара, можно в короткой простой пейзажной зарисовке сказать не просто о каком-то времени года, а о нечто большем, значительном – о человеческой душе, о судьбе любого из нас – молодости, зрелости, старости. И всё это – без малейшей искусственности, без натяжки, с подкупающей простотой, естественностью и, если хотите, мудростью.

Теперь возьмём наугад, без выбора, что-нибудь из середины рукописного сборника Валерия Привалихина. Ну, например, вот это:

Лущится краска храмовая,
И ангельские крылышки
смертельно время ранило.
И скоро, скоро крышка им.
Колдуют реставраторы,
вдохнуть жизнь силясь заново.
Напрасные старания –
не будет первозданности.
Будь даже смелость росписи,
та ж прелесть оформления.
Мазков старинных осыпи
милее мне, милее мне.
О, боги, боги святые…
Апостолы… Архангелы…
Ни словом, ни вздыханием,
ничуть, ничем не связаны.
Но в лики их елейные,
в их имена под титлами
гляжу глазами тихими
задумчиво, жалеюще.

Наверно, не стоило брать для примера так вот просто, что попадает под руку, – стихотворение это разительно отличается от первого. Можно понять стремление автора обратиться к теме реставрации старинных полотен или росписей безвестных художников, можно понять основную мысль стихотворения (прелесть всего – в первозданности), но лично я не могу принять ту форму, в которой всё это выражено. Если в первом четверостишии есть ещё какой-то намёк на рифмы (ассонансы «под Евтушенко), то в других строфах приблизительность рифмовки вызывает решительный внутренний протест: она воспринимается как небрежность или, точнее сказать, как подражание далеко не лучшим образцам поэзии.

В принципе я не против формальных экспериментов, поисков различных ритмов, рифм, но все эти опыты не должны быть доступны постороннему взгляду, место им – в черновых блокнотах. Странно и огорчительно, когда тот или иной молодой поэт, имеющий хороший художественный вкус, вдруг начинает изменять самому себе, легко поддаваться литературной моде и в угоду ей предлагать читателю что-то совершенно чужеродное. Вкус должен быть твёрдым, устойчивым, только тогда надёжнее вероятность совершенствования мастерства в одном, избранном тобою русле. И наоборот, желание быть «разным, разнообразным» только тормозит развитие лучших задатков в тебе, часто приводит к топтанию на месте, а то и к худшему – к потере творческой индивидуальности.

Насколько сильно понравилось мне первое стихотворение Валерия Привалихина своей причастностью к отличным поэтическим образцам, настолько же ощутимо больно задело только что приведённое.

Из двух этих примеров наглядно видно, что способный молодой поэт Валерий Привалихин ещё не успел найти точный ориентир в своих литературных исканиях. От чисто классического начала его кидает в сторону модного течения – и что тут окажется сильнее, что выйдет на первый план, а что отступит, покажет будущее. Точно предугадать здесь что-то нельзя; о дальнейшем пути молодого литератора можно судить лишь предположительно, прочитав все сорок стихотворений. Но и знакомство со всей объёмистой рукописью пока не даёт определенного ответа – хорошие и плохие, удачные и слабые стихи перемежаются в ней почти на каждой странице.

В стихах кемеровчанина Альберта Баранова привлекает искренность, лиричность, доверительность интонаций, однако по форме они ещё довольно шероховаты, видно, что у автора нет достаточного навыка, стихосложение для него – ещё очень неосвоенное дело. И всё же некоторые строчки вызывают симпатию, поэтому мы и решили включить в нашу обзорную статью эти неумелые, но человечные стихи.

Я помню бисер слёз, скатившихся
с ресниц,
Напутствующий взмах руки печальной,
Стоящей на перроне, голову склонив,
Запомнился мне этот миг прощальный.
Вот поезд завернул на поворот,
Исчезло милое, любимое виденье,
Исчезла та, которая всегда
В часы разлук являлась в сновиденье.
Я верю в искренность, в твою любовь,
И знаю: ты верна мне, как и прежде.
Я милые черты хочу увидеть вновь,
Прижать тебя к своей груди в надежде.
Нет силы у меня к тебе летать,
Возможности услышать милый голос.
Сажусь за стол словесный ритм сплетать,
Он в голове созрел, как спелый колос.

Если в сердце пусто, если нет в нём большой, настоящей, чистой любви, то такую истинную искренность, такое сильное чувство не придумаешь, как ни старайся. В любовь лирического героя или самого автора мы верим по этому стихотворению безоговорочно – этим оно и отличается от множества бездушных стихов просто на тему любви. Но, как говорилось выше, автору недостаёт опытности в сочинении стихотворных произведений, перед нами – любительская проба стиха, которой очень далеко до профессионального мастерства. Недостатки всякого рода тут почти в каждой строке. Обратим на них

внимание автора, чтобы облегчить ему дальнейшую работу в поэзии, обратим внимание и других начинающих на просчёты А. Баранова, поскольку его технические ошибки характерны для многих.

В первой же строке режет слух книжное словцо «бисер» (слёз). Не совсем грамотно построение предложений в третьей и четвёртой строках. В прозе это должно звучать приблизительно так (это хотел сказать автор): стоящей на перроне со склонённой головой – такой ты запомнилась мне в этот прощальный миг. Возможен и какой-то другой вариант выражения этой мысли, только отнюдь не такой, какой есть в тексте. А то ведь получается, что на перроне, склонив голову, стоит… рука.

«Вот поезд завернул на поворот». Точнее, пожалуй, **за** поворот. В этой же строке отсутствует рифма (поворот – всегда), что обедняет звучание четверостишия. Виденье – сновиденье – слабые рифмы ввиду однозначности этих слов. «Прижать тебя к своей груди в надежде». Здесь – недосказанность, напрашивается вопрос: в надежде на что? Последняя строфа – самая удачная по словесному выражению и по поэтичности. Непонятно лишь одно: почему «нет силы у меня к тебе летать»? Не очень внимателен автор и к отбору эпитетов по отношению к любимой: милое виденье, милый голос, милые черты. Одно и то же слово в шестнадцати строчках повторено трижды.

Александр Зорин из Новокузнецка прислал в редакцию всего три небольших лирических стихотворения. В них любопытно вот что: автор пробует свои силы в словотворчестве, то есть образует не совсем обычные слова и подчас вполне удачно пользуется ими. Запоминаются сразу такие строчки, как «росятся звёзды в зелени», «я в синем синеутренье»… Одно из стихотворений стоит привести полностью:

Друзья… как сквозь пальцы вода.
Уходят. Невидимо, зыбко
Уносят с собой года,
Свои забывают улыбки.
А там, в позабытом мире,
Как прежде, скучают улитки.
О тех, что когда-то любили,
Звенят пучеглазые скрипки.
А может, не стоит страдать,
Тревожить печальные мысли,
В снегах тополей искать
Оттуда летящие письма.
Теперь всё равно не прочтёшь
Когда-то понятные строки…
А там заливается дождь
И в прятки играют сороки.

Нужно отметить, что Александру Зорину от роду всего шестнадцать лет, и для такого юного возраста очень похвально стремление к серьёзным, зрелым размышлениям. Действительно, в основе стихотворения – не праздная мысль: с годами (даже когда тебе шестнадцать) у каждого из нас редеет круг друзей, особенно острой болью отзывается это в юности, когда ты ещё весь во власти приятных, дорогих воспоминаний о близком шумном, многоголосом детстве. Мир детства автор попытался показать образно: «а там, в позабытом мире, как прежде, скучают улитки», но образ этих улиток нельзя назвать удачно найденным, строка вызывает недоумение: о чём речь, что за улитки? Это же – мир детства – имеется в виду и в заключительных строчках: «А там заливается дождь и в прятки играют сороки» – картинка эта, весьма поэтичная, хорошо венчает всё стихотворение.

На чём ещё сосредоточить свой взгляд Александру Зорину? Надо более строго относиться к ритму, к рифмам, чтобы строки и строфы были ладными и складными, и главное: чтобы образность и словотворчество не становились самоцелью, чтобы они служили основному – выражению чёткой мысли.

То, что предлагается редакции, предлагается как бы и читателю. Поэтому следует помнить о главном – современный читатель требователен, он не прощает ни молодым, ни опытным поэтам никаких слабостей.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1976. – 30 ноября. – С. 4.

РАДОСТНЫЕ ВСТРЕЧИ

Пишу эти строки, а за окном в пышном куржаке и в лёгкой морозной дымке молодой январь отсчитывает первые шаги нового года. Принято подводить итоги года минувшего. Давайте и мы вкратце подытожим нашу работу, связанную с «Факультетом молодого литератора». В ушедшем году под этой рубрикой было опубликовано восемь обзорных статей. В них шёл разговор о стихотворных сочинениях двадцати семи авторов. Много это или мало? Но, пожалуй, так ставить вопрос нельзя. Дело не в количестве «открытых» газетой за год молодых поэтов, а в той продукции, которую они представили редакции. Большинство из тех, о ком говорилось в обзорах, лишь пробуют писать стихи, имея подчас весьма приблизительное представление о самом простом, элементарном – о правилах стихосложения. Пробуют, так сказать, по наитию, самодеятельно. Однако надо отметить и другой, отрадный для нас факт: состоялась встреча с весьма одарёнными авторами, которые обещают вырасти в настоящих литераторов, потому что относятся к творчеству со всей серьёзностью и ответственностью.

Хотелось бы назвать несколько имён из числа способных молодых стихотворцев, чьи рукописи мы читали и анализировали с большим удовольствием и настоящей радостью. Это прежде всего Леонид Торгаев из Белова, новокузнечане Л. Лыков и А. Зорин, кемеровчане Елизавета Боргест, Сергей Николаев и Владимир Чудаков, Станислав Станкевич из Ленинска-Кузнецкого, Виктор Уткин из Берёзовского, Ольга Кузьмина, Иван Климко из Прокопьевска, а также Владимир Евдокимов из Киселёвска, подборку стихов которого мы недавно представили читателям.

Нельзя сказать, что сочинения перечисленных стихотворцев безупречны, в обзорах отмечались и погрешности, но главное в другом – эти авторы, повторяем, одарены от природы, и всё будет зависеть от них самих. Или – упорная, настойчивая работа, или – работа «через пень колоду» и, в конечном счёте, многолетнее прозябание в звании подающего надежды.

Вот и сегодня мы будем говорить о произведениях молодых авторов, стихи которых явно обещают в будущем встречу с интересными авторами.

Начнём со стихов Евгения Блинова из Мысков. Подборку он прислал большую, и почти вся она – на добротном, хорошем уровне. Есть в ней цикл под названием «Времена года», одно из стихотворений мы публикуем сегодня. Называется оно «Лето». Очень симпатичное стихотворение. Прочтите его ещё раз внимательно, и вы обнаружите, как автор строг в отборе чисто летних примет, деталей, подробностей. Стихотворение подкупает в первую очередь тем, что написано оно просто, без малейшей вычурности, вроде бы самими привычными словами, а воздействуют они неотразимо, потому что все – выразительны. Евгений Блинов не старается чем-то поразить читателя, не проявляет пристрастия к необычной образности, метафоричность у него ненавязчива, естественна: «На луга волной ложатся травы», «Пахнет малосольным огурцом, ягодою, мёдом – пахнет летом». Эту пейзажную вещь можно было бы считать безукоризненной, если бы не было в ней мелких «сучков, задоринок». Первое – это необязательная проходная, взятая явно лишь для рифмы строка: «А с закатом путь у всех прямой…». Напрашивается невольный вопрос: о чём это? Почему путь у всех прямой только с закатом? А днём он что – был с какими-то кривулинами? Что-то хотел сказать автор, но не сумел чётко выразить. И второе – это касается слова «просинь». Дело не в том, что просинь–осень – избитая рифма, а в том, что для лета более характерна всё затопляющая синева, даже на ранней зорьке. Иное – осенью, когда в небе много облаков, туч, когда оно среди них проглядывает отдельными «окошками», то есть не сплошной синью, а именно просинью. Надо Евгению Блинову подумать над этими строчками, переделать их.

Евгений Блинов уверенно владеет стихотворной формой, у него хорошо развито чувство ритма, рифм, поэтому как-то не хочется прощать ему приблизительность такой рифмовки: тротуары – старость, затея – посеял (это в стихотворении «Осень»). Не хочется особенно потому, что работает он в русле классической русской поэзии, которой всякая приблизительность чужда.

Не только природа волнует Евгения Блинова. Есть у него стихи и на гражданские темы. И вот какая тут особенность: когда автор наделён поэтическими способностями, у него любая тема «играет» по-своему. В этом легко убедиться, прочитав стихотворение «Похоронка».

Та же простота формы, что и в стихах о природе, и та же поэтическая выразительность: «И семье убитого солдата беспощадно ноги подсекла». Нет здесь громких восклицаний, которыми грешат многие стихи о войне и мире, восклицаний типа: «Войне не быть!», «Мир победит!» и т. д. Вместо этого – скромное по интонации, но твёрдое, весомое по душевной устремлённости заявление: «Всё, что можем, сделать мы должны…».

Я безмерно рад, что открыл для себя такого интересного молодого поэта – Евгения Блинова.

Радуют и стихи Ивана Земницкого из Осинников. Не всё в них совершенно, но многое полно поэтического обаяния. С удовольствием предложил газете опубликовать небольшое стихотворение под названием «Полустанок».

Не знаю, как кого, а лично меня эта непритязательная картинка трогает, волнует. Сколько раз приходилось в жизни видеть вот такие и сиротливые, и вместе с тем какие-то уютные уголки около железной дороги: одинокий, иногда затерявшийся в глухой степи домик, незнакомая, но чем-то дорогая фигурка стрелочницы с флажком, доверчиво (кого здесь опасаться) открытая в домике дверь, а за ней, в её проёме – непременный чайник на столе, печурка. Мимолётно, коротко поймает это твой взгляд, поезд умчится дальше, а долго ещё перед глазами и в груди живёт необъяснимое щемящее чувство от только что встреченного в пути. Вместе с автором хочется повторить его слова: «Ах, всё это где-то у сердца». У сердца… Неспроста, видно, запомнилось мне давным-давно написанное известным поэтом Львом Кондыревым стихотворение «Березит», которое начинается такими прекрасными строчками:

Весь в берёзах разъезд Березит.
Беспредельно чиста и ясна,
За окошком вагона скользит
Белизна, белизна, белизна…

И «Полустанок» Ивана Земницкого тоже, знаю, надолго запомнится, потому что всё это – наше, родное, близкое.

В лад с этим чувством звучит стихотворение «Родина», принадлежащее перу Валерия Ковшова из деревни Красный Ключ Крапивинского района.

Как-то так уж счастливо случилось, что на хорошие стихотворения нам сегодня повезло. Одно лучше другого. Под этим («Родина») мог бы подписаться не только любой начинающий, а и профессиональный поэт. Какой здесь чеканный ритм, как всё крепко сбито. К теме Родины обращались и обращаются все без исключения писатели, но как образно решает эту тему Валерий Ковшов! Тут радуют не только впечатляющие художественные детали, но и умение автора интересно построить свою вещь в смысле композиции. Новый асфальт и старый берёзовый лес – это не просто поэтический контраст. Это не какой-то внешний приём, а современная проблема действительности: тревога каждого чуткого человека за

сохранность родной природы в связи с прогрессом промышленности, с наступлением города на заповедные, некогда девственные уголки природы… Одинаково дороги нам и города, и деревни, но, как верно заметил автор, «нет на душе равновесья» – всё-таки немало ещё людей, которым дороже что-то одно, и трудно определить, кого больше – урбанистов или «деревенщиков»…

Итак, подводя итоги «Факультета молодого литератора» за 1976 год, ещё раз вспомним, что наша рубрика посвятила свои страницы тридцати авторам, включая сегодняшних. Пусть не все они продолжат свой путь в литературу, не все станут поэтами, но от доброго десятка из них мы вправе ждать дальнейшего роста, мастерства, более глубокого и проникновенного вторжения в животрепещущие проблемы современности, а значит, и дальнейших успехов. До приятных встреч на страницах газеты, дорогие друзья, до новых встреч в новом году!

М. Небогатов, член Союза писателей СССР.
г. Кемерово.

***

<u>*НОВЫЕ ИМЕНА*</u>

Евгений Блинов

ЛЕТО
(из цикла «ВРЕМЕНА ГОДА»)

В свой урочный, в свой заветный час,
Потеплевшим солнышком согрета,
Та весна, что радовала нас,
Незаметно переходит в лето.
Отрастают ветки у ветлы,
И, хотя свежо ещё на зорьке,
Словно руки девичьи, теплы
В полдень земляничные пригорки.
Зной уже расправился с росой,
На него, похоже, нет управы.
Под звенящей острою косой
На луга волной ложатся травы.
Стала речка от жары мелеть –
Перейдёшь её по перекату.
Дальний лес – в голубоватой мгле.
Солнце тихо клонится к закату.
А с закатом путь у всех прямой…
И ложатся вновь на землю росы,
Стадо отправляется домой,
Люди возвращаются с покоса.
Повисает месяц над крыльцом,
Озаряя землю мягким светом.
Пахнет малосольным огурцом,
Ягодою, мёдом – пахнет летом.
Ранней зорькой новый день встаёт
И дрожит в озёрах неба просинь,
Пусть же лето жить не устаёт.
Пусть подольше не приходит осень…

ПОХОРОНКА

Вышла ты из стен военкомата,
К адресату не спеша пришла.
И семье убитого солдата
Беспощадно ноги подсекла.
Помнят люди горечь тех мгновений,
И не счесть нам, сколько было их, –
Жутких, словно призрак, извещений,
Разделивших мёртвых и живых.
Есть всему черёд на этом свете:
Дни сражений в прошлое ушли,
И сегодня подрастают дети
Тех, что безотцовщиной росли.
Мы за их грядущее в ответе.
Всё, что можно, сделать мы должны,
Чтобы воцарился на планете
Мир, а не дыхание войны.
Чтобы был спокойным сон ребёнка,
Не стояло горе у дверей,
Чтоб нигде на свете похоронка
Не искала жён и матерей.

Валерий Ковшов

РОДИНА

Встретит земля дорогая,
Взглянет, любовь не тая…
Есть ли ещё где другая
Точно такая земля?
Есть ли такие мгновенья,
Чтобы вот так, наклонясь,
Слухом, дыханием, зреньем
Чувствовать с родиной связь?
Что станет жизнь мою трогать
Завтра желаньем чудес:
Новый асфальт на дороге,
Старый берёзовый лес?
Нет на душе равновесья,
Что-то в ней выше всегда.
Как незабытая песня,
Светит над лесом звезда.
Вижу знакомые ставни,
Свет дорогого окна…
Да – это родина! Славно,
Что она в жизни одна.
Славно, что есть та дорога –
Новый асфальтовый блеск.
Славно, что есть та тревога –
Старый берёзовый лес.

Иван Земницкий

ПОЛУСТАНОК

Ах, всё это слишком знакомо!
Обычный пейзаж за окном:
Коза возле низкого дома
И женщина с жёлтым флажком.
Открытая в домике дверца,
Там чайник, хромой табурет…

Ах, всё это где-то у сердца
Я чувствую тысячу лет.
Поблёкшая пыльная травка,
Неприбранный редкий лесок.
И путь, убегающий в завтра,
На север, на юг и восток…

// Комсомолец Кузбасса. – 1977. – 4 января. – С. 4.

ЗНАКОМСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Свою новогоднюю обзорную статью мы назвали «Радостные встречи». Приятно отметить, что эти радостные встречи продолжаются – на этот раз опять с несколькими новыми способными авторами. Три стихотворения прислала из посёлка Звёздный на БАМе Нина Коломникова, два из них мы предлагаем сегодня вниманию читателей в отдельной публикации, думаем, что они вполне заслуживают этого. Нина – студентка-заочница Иркутского государственного университета, работает на западном участке БАМа монтёром пути. Об этой великой молодёжной стройке пишут сейчас многие, большинство – отвлечённо, под впечатлением газетных сообщений, и такие произведения похожи одно на другое, как близнецы, потому что они – в основном плод уже известной информации. Другое дело стихи самого участника строительства Байкало-Амурской магистрали, в них всё предметно, конкретно, достоверно, ибо увидено глазами автора, пережито и перечувствовано им самим. Именно этой предметностью, достоверностью отличаются стихи Нины Коломниковой.

Слишком придирчивый читатель может сказать, что нет здесь особых поэтических открытий. Допустим, что это так. Но насколько ценней придуманных сочинений на «модную» тему самый короткий поэтический репортаж с места событий, в котором подчас одна зорко подмеченная подробность, деталь дороже любых красивых, но общих слов и фраз. А подобные детали у Нины Коломниковой есть. Например: «Мы ловим эхо, слышное едва». О чём говорит это «слышное едва»? О том, как глуха, непроходимо густа окружающая дорогу чащоба – любой звук тонет в ней безвозвратно. Не может быть строк о прохладе с Байкала, стремительно сменившей тепло, в стихах того, кто не был там – этого не придумаешь.

Говоря о стихах Нины Коломниковой, мы отнюдь не собираемся делать какие-то скидки на их злободневность, актуальность и т. д. Этот автор интересен просто как стихотворец, чувствующий живое слово. К недостаткам, встречающимся, например, в «Новой дороге», следует отнести некоторые нарушения ритмического лада в отдельных строчках («А просека бежит вперёд неудержимо», «Посёлок Ния на пути»), однако это не такой уж большой барьер, чтобы его трудно было преодолеть, главное, что хочется пожелать Нине, – это тщательно оттачивать каждую строчку, осваивать все тонкости стихосложения, поэтического мастерства. Этот совет сам собой напрашивается особенно тогда, когда читаешь заключительное четверостишие в «Новой дороге», которое мы опустили (и без него стихотворение ничего не теряет). Вот это четверостишие:

Остались далеко желтеющие крыши,
Стучат колёса чем тяжелей, тем злей…
Подъём, подъём. Но чем мы едем дальше,
Тем новая дорога становится светлей.

Здесь по существу, по содержанию, может быть, всё правильно, но техническое исполнение строк явно скороспелое: потерялась рифмовка (крыши – дальше – это не рифмы), очень сбивчив размер. Видимо, не хватило терпения (или времени) у автора доделать всё, как надо, до конца. Этого нельзя себе позволять. Читателю нет дела до нашей авторской «кухни», где порой и усталость, и нехватка свободного времени, и обыкновенная лень. Читателю необходимо предлагать, говоря по-современному, произведения только со Знаком качества.

Имя новокузнецкого автора Александра Раевского в «поэтической рубрике» уже не новое – он участник областного семинара при Кемеровской писательской организации в 1975 году, но в нашу газету Александр прислал стихи впервые, и две вещи из подборки мы с удовольствием предлагаем нашим читателям. Основное достоинство этих пейзажных стихотворений – их краткость, которая ничуть не отражается на содержательности, на объёмности изображённых картин: тут налицо ёмкость художественного письма, строгий отбор образов («А вдали ползут оранжевой букашкой по полю чьи-то «Жигули», «И пылал значок оконца на окраине села»). Весьма возможно, что кого-то смутит строка: «То ль архангеловый след?», могут подумать: неужели автор верит в существование божественных существ? Сразу же необходимо отмести это сомнение, подчеркнуть, что сказано это иронически, в шутку. Говорим же мы в таком смысле: космические ракеты, корабли потревожили покой богов…

В первый раз обратился к нам Владимир Рябов, и первое же знакомство с его поэтической подборкой оставляет самое благоприятное впечатление. Надеемся, что и читателями она будет воспринята точно так же.

Стихотворение «Опрокинулось небо под ноги» отличает современный подход к теме природы, особенно в последних строчках, в обобщении, где коротко и точно говорится об одной характерной черте двадцатого века – о его стремительности, не позволяющей нам спокойно оглядеться вокруг, полюбоваться красотой природы: светлеющим в рассветной тишине небом, зеркально поблёскивающим речным плёсом. Очень хорошо сказано, сразу запоминается: «В тишине наблюдать тишину».

Вместе с тем приходится отметить, что другие стихи Владимира Рябова грешат резко бросающимися в глаза недостатками, в частности, таким же, как у Нины Коломниковой сбоем ритма в некоторых строчках, а ещё – многословием, длиннотами. Встречаются и другие промашки. Например, такая строка: «Мой юнный город». Многие молодые авторы, не один Владимир Рябов, спотыкаются на этом слове: «юный», пишут его так, как слышится при произношении, т. е. с двумя «н». Не хотелось бы омрачать радость Владимира в связи с первой публикацией, но что поделаешь – из песни слова не выкинешь, надо ему приналечь на основательное изучение родного языка.

Новый для нас автор и курсант КВВКУС* (*– *Кемеровское высшее военное командное училище связи* – Примечание Н. Инякиной) И. Костяной, который прислал около десяти небольших стихотворений. Этот автор неплохо владеет техникой стихосложения, умело разнообразит ритмы, однако с первого взгляда легко обнаружить, что не освободился он ещё от сильного влияния классических поэтов. Вот характерный пример – начало одного из стихотворений:

У земли не счесть нарядов.
Шумной, звонкою весною,
Сбросив тяжесть снегопадов,
Шелестит младой листвою.

Точные слова найдены в строке: «Сбросив тяжесть снегопадов», но в следующей строчке – анахронизм: *младой*. Так выражались только в прошлых веках, нормы современного языка требуют в данном контексте писать: *молодой.* Выражение «младой» сохранило силу до наших дней, пожалуй, лишь в одном словосочетании: с младых ногтей (с молодости), а во всех остальных случаях «младость» вместо «молодость» сейчас не употребляется. Говорим так подробно об этом к тому, чтобы и другие авторы не допускали эту ошибку.

У И. Костяного ещё недостаточно развито чувство слова, словесным материалом он пользуется неуверенно. Для примера возьмём любое стихотворение, хотя бы вот это:

Мы мчим вперёд дорогой жизни.
Мелькают прожитые годы.
Она норовиста, капризна,
Не повернёт тебе в угоду.
Не трусь на резких поворотах
И управляй смелей судьбой.
Жми на предельных оборотах,
Чтоб дух захватывало твой.
Кто по обочине плетётся,
Тому лишь грязь да пыль глотать,
А жизнь – та мимо пронесётся,
Она таких не любит ждать.

Основная мысль стихотворения ясная и простая: смолоду выбери раз и навсегда свою собственную дорогу в жизни и иди по ней, не боясь преград, не сворачивая в сторону, на обочину. А как же неловко выражен этот наказ. «Она норовиста, капризна» – приходится лишь догадываться, что «она» – это дорога жизни, потому что упоминание о ней через одну строчку выше, между этими фразами – ещё одна, как бы проходная: «Мелькают прожитые годы». Начало второй строфы при первом чтении воспринимается по-разному (у «не трусь» есть ещё другой смысл, от выражения типа «тереться об углы»), но правильный смысл всё-таки проглядывает из последующих строк. «Твой» в строчке «Чтобы дух захватывало твой» – явно для рифмы, и так понятно, что не чей-то, а именно твой. Это слово совершенно лишнее.

Есть выражение: глотать пыль – дышать пропылённым воздухом. А «лишь грязь… глотать» – это прямо-таки что-то пародийное, и автор не чувствует, какую безвкусицу допускает здесь. При всём при этом некоторые строчки И. Костяного свидетельствуют, что за перо он взялся не напрасно, что кое-какие задатки для литературной работы у него имеются. И тем досаднее встречать в этой работе грубейшие ошибки всякого рода. Может быть, наш критический разбор по строчкам поможет автору избавиться от некоторых упомянутых промахов по части языка, и новые стихи И. Костяного будут более совершенными, не такими неуклюжими и, прямо говоря, слабыми.

М. Небогатов,
член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*

***

<u>*НОВЫЕ ИМЕНА*</u>

Нина Коломникова

КОСТЁР

Я видела в тайге костёр потухший
На той поляне с запахами мяты…
Ещё дымятся головни. И тут же
Следы темнеют на траве примятой.
И я стою в раздумье чуть печальном.
Здесь у огня ещё недавно грелись люди.

Оставив мне томящее молчанье,
Они ушли. И путь их будет труден.
Сквозь жёсткий ветер, рыскающий в падях,
Сквозь толщу леса, бурелома муки,
Как хлеб, несут они с собою память
О том костре, который грел им руки.

НОВАЯ ДОРОГА

Здесь, корневища побросав седые,
Попятилась испуганно тайга…
Лежат откосы в желтоватом дыме,
И до чащобы только два шага.
И шум её несётся мимо, мимо…
Мы ловим эхо, слышное едва.
А просека бежит вперёд неудержимо,
Слепит глаза дороги синева.
И снова даль открыта перед нами.
Грозит тайга: «Вам дальше не пройти!»
Н вот блеснул добротными домами
Посёлок Ния на пути.
И словно здесь опять всему начало,
Когда, стремительно сменив тепло,
Прохлада, прилетевшая с Байкала,
О ветровое стукнется стекло.

Александр Раевский

ОСЕННИЙ ЭТЮД
В огне купаются осины,
В ложбине прячется стожок.
Паучья нить.
Венец лосиный
Во мху, как белый гребешок;
Гнездо, покинутое пташкой,
Свисает рядом.
А вдали
Ползут оранжевой букашкой
По полю чьи-то «Жигули»…

ВЕЧЕР
В камыши садилось солнце,
Гладь по-разному цвела…
И пылал значок оконца
На окраине села.
А за той, за крайней хатой
С воробьями на плетне,
Очень тихо и богато
Лес осиновый темнел.
А подальше, за болотом,
Розовел кудрявый свет –
То ли след от самолёта,
То ль архангеловый след?..

Владимир Рябов

Опрокинулось небо под ноги –
На лугу, возле самой реки,
В двух шагах от заросшей дороги
Тут и там разбрелись васильки.
Ветерок полевой шаловливый
Разморился на ветках берёз,
Воробей до безумства счастливый
Отыскал на дороге овёс.
Изумрудные певчие луга
Попритихли в полуденный зной,
И одна лишь кукушка-подруга
Нарушает всеобщий покой.
В синем плёсе безмолвствуют рыбы –
На воде не пускают круги…
В тишине этой вечно прожил бы,
Только время торопит – беги.
Успевай, созерцая рассветы,
В тишине наблюдать тишину,
В воробье – многоликость планеты,
В синем плёсе – реки глубину.

// Комсомолец Кузбасса. – 1977. – 1 марта. – С. 3.

ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК ОДАРЁН…

Бывает так: просматриваешь рукопись за рукописью, целую стопу, и ничто не привлекает твоего внимания, то – не лишено каких-то интересных мыслей, но плохо по выражению их, это – умело зарифмовано, но не содержит ничего нового, никаких поэтических находок, открытий, а что-то беспомощно, слабо во всех отношениях. В одном случае налицо литературная неопытность автора, в другом – бедность, заурядность его личности, в третьем – явная бесталанность, полнейшее отсутствие задатков для творчества… И вдруг попадается на глаза рукопись, которая с первого же стихотворения вызовет живейший интерес и к написанному, и к самому автору. От души радуешься, что открыл для себя одарённого человека, которому есть что сказать людям и который умеет и знает, как это сказать. Подобные открытия происходят не так уж часто, но всё же случаются они, эти редкостные, счастливые моменты.

Никогда не присылал в редакцию своих стихов кемеровчанин Геннадий Зенков. То ли из-за излишней скромности, то ли из-за жёсткой требовательности к себе, которая заставляет всё написанное долго хранить, никому не показывать. И всё же, наконец-то, Геннадий Зенков решился – прислал подборку из нескольких

стихотворений. И правильно поступил. Поэтическая работа его заслуживает самого пристального внимания, в чём, надеемся, согласятся с нами и наши читатели.

По-разному писали и пишут поэты о любви. Геннадий Зенков в стихотворении «Затмение солнца» подошёл к этой теме по-своему. По-своему не в целом (об измене, женском непостоянстве писали многие), а в запоминающихся деталях. Девушка предала своего возлюбленного. О нём сказано коротко, почти вскользь, но и этих отрывочных слов достаточно, чтобы проникнуться сочувствием к нему, понять, что это чистый душою, бескорыстный юноша, который любит и сейчас, когда так горько, незаслуженно обманут. Он любил природу, приобщал к этой любви и свою временную попутчицу; он, может быть, даже писал стихи о зорях, о солнце, о соснах. Эти сосны невольно запомнились и ей – недаром таким тревожным шумом напоминают они о недавнем былом, недаром будят совесть, не дают покоя. А раз это так, то есть основание предположить: не очень-то девушка счастлива с теперешним не совсем старым (но всё-таки, видно, не молодым) мужем, за которого она «выскочила» по совету своей небескорыстной мамаши и по собственному расчёту. Материальное благополучие она, вероятно, обрела, но душевного спокойствия нет как нет: сосны-то шумят! Напоминают, укоряют, говорят о тех днях, когда девушка рядом с добрым юношей обладала самым дорогим богатством – богатством души.

Когда пишущий человек поэтически одарён, он способен создавать небольшие по объёму произведения, наводящие на многие размышления, вызывающие много эмоций в сердце читателя. Таково это стихотворение. Может у кого-то возникнуть вопрос: во всех ли отношениях оно безупречно? Нет, не во всех. Следовало бы подумать ещё Геннадию Зенкову над двумя первыми четверостишиями, избежать одинаковой рифмовки в них: кольцом – лицом, кольце – лице. Это обедняет словарь. Вместо не совсем ловкого «затмение солнца золотым обручальным кольцом» естественнее и точнее звучало бы: солнце затмилось золотым обручальным кольцом. Однако это – частности, а в целом стихотворение – сильное.

А теперь поговорим уже не о частностях, а о целом. Есть в подборке Геннадия Зенкова стихотворение, которое наводит на мысль о том, что автору предстоит ещё большая работа над собой. Вот оно:

О, эти вечеринки,
Где пьют до блевоты!
Истёртые пластинки
Визжат до хрипоты,
Обязанный напиться,
Я что-то пью и ем.
А кровь в виски стучится:
– Зачем?.. зачем?.. зачем?..
Зачем, моя соседка,
Скажи мне, не тая,
Как сломанная ветка,
Улыбочка твоя?
Тебе, быть может,
жутко,
Что за столом большим
Есть пища для желудка,
Но нету – для души?
«Хмуриться не надо,
Лада!
Хмуриться не надо,
Лада!
Для меня твой смех –
Награда,
Ла-да-а!..»
И будут все в экстазе
Горланить песню ту…
Дом пьяным жёлтым
глазом
Глядится в темноту…

Тоже, можно сказать, сильная вещь, обличающая пошлость и ничтожество некоторой части нашей молодёжи. Но какова же гражданская позиция автора? Его лирическому герою не по себе среди этой пьяной компании с чрезмерным, бездумным возлиянием, с пустопорожней болтовнёй, с песенками, которые все горланят в экстазе, и тем не менее он сидит за «большим столом» вместе со всеми этими разгульными пошляками, лишь про себя, в душе упрекая себя за безволие, подчинённое неписанному закону этого застолья: должен, как и все, напиться, должен, чтобы не нарушать общей «гармонии», орать во всё горло «Лада!». Удивления достойна такая беспринципность не только лирического героя, а и самого автора.

Добрый совет не одному Геннадию Зенкову – всем начинающим авторам: необходимо с первых шагов на литературном поприще чётко определить свои гражданские позиции: это я люблю, а это ненавижу, это отстаиваю, защищаю, а с этим веду непримиримую борьбу. И как человек, и как поэт. Любая душевная раздвоенность неизбежно приводит к фальши в творческой работе.

Имя Дмитрия Клёстова из Салаира – тоже новое в нашей рубрике* (*Отчего же «новое» имя? Этот автор уже упоминался в статьях за 1973 и 1976 годы.* – Примечание Н. ИНЯКИНОЙ). Это поэт весьма интересный, уже во многом сложившийся. Неспроста он подумывает о первой своей книге – для этого у него есть все данные, о чём, кстати, свидетельствуют публикуемые стихи. Работает Дмитрий Клёстов серьёзно, продуманно, уверенно, однако, будь я его редактором, я обратил бы внимание автора на один существенный недостаток, характерный почти для всех его стихов. Речь идёт о некоторой небрежности в технике, в частности, в рифмовке. В самом деле, можно ли считать хорошими такие созвучия, как дева – тело, скована – колокол (стихотворение «Церковь Салаира»). В других стихах: споры – проруби, скорость – поросль, в Салаире – приходили. И уж совсем косноязычное: не растеряться бы – судьбы. Пусть правильно поймёт меня Дмитрий Клёстов: эти замечания – не придирка, они продиктованы желанием, чтобы его в целом добротно сделанные стихи были хорошими, отточенными и в мелочах, тогда эстетическое удовлетворение от чтения стихов будет ещё более приятным.

Если человек одарён, он из любого житейского факта может сделать то, что именуется фактом художественным. Не могу отказать себе в удовольствии – приведу ещё одно небольшое стихотворение Дмитрия Клёстова под названием «Собака»:

Сорок дней собака тосковала,
Воя на далёкую звезду.
Не спала, не трогала еду,
Никого к себе не подпускала.
Я давно в деревне этой не был,
А сегодня возложил венок.

И она взяла кусочек хлеба
И свернулась дружески у ног.
Я нисколько не похож на брата,
Но собака ластится ко мне.
Верно чует, что её утрата
Тяжелее для меня вдвойне.

Выше уже отмечалось, что при наличии таланта можно и коротко сказать о многом. В этой грустной лирической миниатюре о горе лирического героя – о смерти брата – поведано не в лоб, прямолинейно, а косвенно, через образ верного друга – собаки. И как точны все, на первый взгляд, простые, незамысловатые слова, какая уместная, по-мужски выраженная сдержанность в чувствах. А между тем от концовки стихотворения прямо сердце щемит. Такова сила воздействия настоящей поэзии.

Ещё раз хочу выразить свою глубокую симпатию к беловскому поэту Леониду Торгаеву. Когда я начинаю читать какое-нибудь его новое стихотворение, то заранее уверен: опять он порадует и новой мыслью, и новой, не бывшей в употреблении, подчас сложной дактилической рифмой типа *веруя – серая, балуя – малая, дети ли – добродетели* (стихотворение «Песнь воробью»). Кстати, в этом публикуемом сегодня стихотворении Леонид Торгаев продолжает лучшие традиции русской классической поэзии и одного из её ярких представителей – Сергея Есенина. Имеется в виду чуткость, доброта человеческой души, любовно, даже милосердно относящейся ко всему сущему на земле – к животному ли, к птице ли, к мотыльку ли. С какой убеждённостью в правомерности своего доброжелательного чувства к малой серой пташке призывает нас поэт не проходить безучастно мимо, если встретится на пути этот «комочек жалкий средь снегов». Эти слова не оставляют нас равнодушными, заставляют по-новому взглянуть на безобидного воришку-воробья, потому что сказаны они с неподдельной искренностью. А искренность всегда подкупает, находит ответный отклик.

В немногих словах, но о самом главном в жизни – о контрастности её – сказано в стихотворении «Жизнь». Оно тоже крепко сбито по форме, ритм его упруг и энергичен, каждое слово – на своём месте, рифмы, как всегда, полнозвучны и местами неожиданны (например, *судачь – удач*).

Не всё, конечно, удачно у Леонида Торгаева, как говорится, раз на раз не приходится. Хочется посоветовать одарённому поэту избегать голой рассудочности, которую иногда можно встретить у него в том или ином стихотворении.

Виталий Веретенников из Мариинска тоже, как и все сегодняшние авторы, впервые выступает под рубрикой «Новые имена». Он когда-то, несколько лет назад, присылал нам обнадёживающие стихи; за эти годы поэт сделал заметный шаг вперёд, мастерство его окрепло. Наиболее успешно работается автору, когда он обращается к лично пережитому. Публикуемое сегодня стихотворение «Варежки» – наглядное тому свидетельство. С темой войны кровно связано и другое стихотворение – «Встретил дядю Андрея». И то, и другое, судя по всему, автобиографично, а это придаёт особую прелесть задушевным словам, которые, так и кажется, легко и свободно вылились из души автора. К достоинству обоих стихотворений можно отнести также и то, что к широко разработанному многими литераторами военному полотну Виталий Веретенников прибавил свои, новые штришки, никого не повторяя.

К неудачным стихам присланной Виталием Веретенниковым подборки я бы отнёс стихотворение «Три поколения». По нему видно, что поэтическая публицистика – далеко не родная стихия этого автора, дальше и выше риторических общих фраз он здесь не уходит и не поднимается. Судите сами:

Мы ворчим и брюзжим
Иногда на потомков.
Говорим, что они
Без царя в голове.
Часто ищем не там
Подлецов и подонков,
Часто веруем просто
Неверной молве…

В таком вот духе идут рассуждения, занимающие полторы страницы рукописи. С первого взгляда на эти строки видно, что «не в свои сани» садится Виталий Веретенников, обращаясь к отвлечённой теме. Как тут всё условно и по существу неверно. Можно ли сказать «он без царя в голове» про того, кого ещё нет на свете? Вместо «веруем» в данном контексте правильнее «верим». Неточные мысли, неточные слова…

М. Небогатов,
член Союза писателей СССР.
г. Кемерово.

***

<u>*НОВЫЕ ИМЕНА*</u>

Геннадий Зенков

ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА

О, не надо, не надо хвалиться
Золотым обручальным кольцом.
Окольцованная, как птица,
Ты сияешь довольным лицом.
Все подружки галдят с восхищеньем
О твоём обручальном кольце.
И не видно ни тени смущенья
На наивном когда-то лице.

Ты же знаешь, что ОН – за спиною,
Ещё чувствуешь ты ЕГО взгляд.
Ты же слышишь, как там, за стеною,
Ещё сосны о чём-то шумят!
Сосны слушали, запоминали,
Как стучали сердца невпопад,
Как вы солнцу навстречу шагали –
Сосны помнят. И сосны шумят…
О, как быстро ты всё позабыла,
Зачеркнула легко всё подряд:
Всё, что было… А что-то же было!
…Только сосны о чём-то шумят.
Что ж, твой муж – он не очень и старый
И к тому же богат, говорят.
Мать шептала: – Ну чем вы не пара?
…Только сосны о чём-то шумят!
Не шумите, косматые сосны!
Успокойтесь в конце-то концов.
Наблюдайте ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА
Золотым обручальным кольцом…

***

Мы вдруг услышим, как по тротуару
Осенний ветер листьями шуршит,
Легко их гонит,
Будто бы отару
От зимних бурь чабан укрыть спешит.
А листья всё торопятся куда-то…
Но чуть утихнет ветер за рекой,
Они замрут, сухи и желтоваты,
В себя вобравшие и ранние закаты,
И поздней зорьки отблеск золотой.
И мы поймём, что это – только тени
Ушедших в прошлое, покинутых миров,
Не знающие собственных влечений,
А лишь попутных ждущие ветров…

Дмитрий Клёстов

МОЁ КРЕЩЕНИЕ

Седобороды, но крепки
И в каждом деле очень спорые,
Меня крестили кержаки,
Как им велел обычай – в проруби.
О, древний, пращурский обряд,
Души безвинной омовение.
А я, признаться, даже рад
Сему спартанскому крещению.
Идти распахнутым в мороз,
Пурге отчаянной не кланяться,
В любой беде не видеть слёз,
В работе никогда не стариться.
Коль совесть будет нечиста
И сердце обольётся злобою,
Вернусь в родимые места
И снова искупаюсь в проруби.

ЦЕРКОВЬ САЛАИРА

Церковь старая – старая дева,
Эмигрантка в родной стороне.
В забытьи непотребное тело
И душа в летаргическом сне.
Ты ль не дочь златоглавого Суздаля?
Не сестра ли церквей Покрова?
Боголепие лапотной удали
И невиданный взлёт мастерства!
Вся краса твоя холодом скована,
Как распятье на белой груди.
Нынче рудника яростный колокол
Над землёй Салаира гудит.

Леонид Торгаев

ЖИЗНЬ

Контрастна жизнь… А это значит,
Что в мире вечный неуют…
В одном дому скорбят и плачут,
А рядом – пляшут и поют.
Знать, горе счастью не помеха,
Как ты об этом ни судачь…
Жизнь состоит из слёз и смеха,
Из огорчений и удач.
Как много в ней тревог, сомнений!
И нелегко понять порой,
Кто есть глупец, и кто есть гений,
И кто подлец, и кто герой…
А солнце, ясное такое,
На землю льёт свой щедрый свет,
О том не зная, что покоя
В природе не было и нет…

ПЕСНЬ ВОРОБЬЮ

Его дрянной считают птицею:
Мол, благородства ни на грош,
Поскольку он живёт по принципу
«Не украдёшь – не проживёшь».
В негодный этот принцип веруя,
Немало нажил он врагов…
Ах, воробьишка, личность серая,
Комочек жалкий средь снегов!
Его вниманием не балуя,
Мы забываем, как всегда,
Что больше эта птичка малая
Приносит пользы, чем вреда.
Но все мы – взрослые ли, дети ли –
Твердим заученно: «Он вор!»

И, позабыв о добродетели,
Выносим жёсткий приговор.
И возмущаемся, как водится,
И смертной карою грозим…
А каково ему приходится
В бескормицу суровых зим?
Лишь о еде он и тревожится,
Борясь отчаянно за жизнь…
Ты воробья считай ничтожеством,
Но крошкой хлеба – поделись!

Виталий Веретенников

ВАРЕЖКИ

Топились печи постоянно.
Мороз. Не выйти из избы.
Дымы над трубами стояли,
Как телеграфные столбы.
И вырастали, как деревья,
Большие взрывы у холма,
И в нашей маленькой деревне
Качали крышами дома.
Гвоздили минами по «дотам»,
И в бездну падал горизонт.
Артиллеристы и пехота
Себя готовили на фронт.
Вовсю морозы их терзали,
И было холодно ногам,
Когда портянки примерзали
К заледенелым сапогам.
Москва ждала и торопила –
Сдержать коварного врага.
Вот для чего им нужно было
Топтать сибирские снега.
А мама варежки вязала,
Чтобы на фронт послать отцу,
И каждый раз их отдавала
В наш дом зашедшему бойцу.

***

Встретил дядю Андрея
На совхозном току.
Он живёт, не старея,
На своём на веку.
Ходит, кнопки включает
Да жмёт рычаги,
Как какой-то начальник,
Только жаль – без ноги.
И скажу, между нами,
Нет его здесь вины –
Он с двумя костылями
Вернулся с войны.
От машин на медали
Осаждается пыль.
Чтоб ремни не слетали,
Подставляет костыль.

// Комсомолец Кузбасса. – 1977. – 19 апреля. – С. 3.

ЛЮБЛЮ РОССИЮ…

Валентина Минькова работает электросварщицей на Кемеровском коксохимическом заводе. Профессия как будто мужская, но женщина остаётся женщиной: по душевному складу она – лирик. Стихи Валентины Миньковой нередко публикуются на страницах заводской многотиражки и находят живой отклик у читателей–коксохимиков. Эти стихи привлекают внимание не какими-то необычными образами, а простотой, задушевностью, предельной искренностью; гражданские мотивы в них органично переплетаются с доверительными лирическими интонациями, и всё это придаёт стихам надёжную крепость, основательность.

В любви к Родине, к своей России неоднократно признавались все поэты. Это вечная тема, её нельзя обойти. Написала на эту тему и Валентина Минькова. Своё стихотворение она, не мудрствуя лукаво, так прямо и назвала – «Люблю Россию»:

Я – дочь России. Я люблю Россию.
За то, что был Октябрь в её судьбе,
За то, что оказалась самой сильной
С фашизмом лютым в мировой борьбе.
Люблю её за путь к весне, к простору,
За то, что люди бедные земли
Свою надежду в ней, свою опору,
Свой свет, свою заступницу нашли.
Я – дочь России. Я люблю Россию.
За то, что это в мой двадцатый век
Впервые в мире к звёздам в дымке синей
Умчался наш российский человек.
За многое люблю свою Россию.
Её достоинств всех не сосчитать…
А может быть, люблю её столь сильно
И просто так, как дети любят мать.

Судя по этому стихотворению, у Валентины Миньковой хорошее поэтическое чутьё: оно верно подсказало ей, что стихов о России – множество, и собственное её высказывание не должно быть многословным, растянутым; надо как можно короче сказать о самом главном в судьбе Родины, передать только своё, не заёмное, а то, что просится из души. В какой-то степени Валентина Минькова избежала повторений известных образцов, стихотворение получилось сжатым, ёмким и впечатляющим. Особенно удалась концовка: две последние строчки с большой сердечной теплотой венчают пафос всех предыдущих строк.

Этот пример лишний раз утверждает нас в мысли: не надо начинающим авторам избегать вечных тем из боязни повторить сказанное другими. Было бы что-то в душе – найдутся и свои слова.

Валентина Минькова за любую тему берётся смело, потому что знает: ей есть что сказать людям. Целое поколение известных поэтов рассказывало и в стихах, и в прозе о своём нелёгком военном детстве. Есть на эту тему стихотворение и у Валентины Миньковой. Оно незамысловато по форме, основное его достоинство – опять-таки в искренности, в лично пережитом и перечувствованном:

Опять с рюкзаком за плечами
Бреду по тропинке лесной.
А ветви деревьев качают
Июльский полуденный зной.
Когда-то здесь матери наши
Не раз умывались росой,
Идя сквозь широкие пашни
С тяжёлою, острой косой.
Мне кажется, эти берёзы,
Что встали сплошною стеной, –
Проросшие женские слёзы,
Что пролиты этой войной.
Здесь тяжкая доля солдатки
Полита слезами не раз.
Здесь плакали молча, украдкой
И в голос ревели подчас.
И здесь в час обеда делили
Буханку на десять частей
И часть свою к ночи хранили
Для нас, малолетних детей…
И вот я сама уже мама.
Давно отгремела война.
А в голову лезет упрямо:
«За хлеб тот я маме должна.
За хлеб тот, политый слезами,
Пропитанный потом не раз,
Всю жизнь я должна буду маме,
Чей подвиг велик без прикрас».

Так, наверное, и нужно писать о чём-то главном в жизни и судьбе твоего народа – просто, без «выкрутасов», от всего сердца, находя для своих мыслей и чувств строчки, в которых так привлекателен сплав гражданского и лирического. Как, наверно, успел заметить читатель, стихи Валентины Миньковой не лишены отдельных недостатков, нуждаются, скажем, в лучшей внешней отделке, но общее впечатление от этих стихов очень симпатичное.

Большая искренность и подкупающая, почти детская непосредственность – отличительное свойство стихов новокузнечанки Зинаиды Селяниной. Вот её небольшое лирическое стихотворение под названием «Крылья»:

Хоть давно это было,
Всё же помнится мне:
Над землёй я парила
В удивительном сне…
Я завидую птицам.
Мне бы крылья орла,
Чтобы в небо вонзиться
Я с размаху могла.
Чтобы дух захватило,
Чтобы – слёзы из глаз,
Чтобы я ощутила
Необъятность хоть раз!..
Почему ты, природа,
Крылья мне не дала,
Чтоб в волнах небосвода
Я купаться могла?

Наверно, из таких вот запавших в душу мимолётных ощущений и рождается настоящая поэзия. Что-то на редкость удивительное, заманчивое и загадочно-таинственное есть в этих снах, когда мы подобны птицам. И Зинаида Селянина, ничего не выдумывая, взяла и поделилась в проникновенных строчках той радостью, которую дано испытать человеку иногда один раз в жизни. Поэтому стихотворение «Крылья» мы воспринимаем с ответным чувством признательности за точное выражение того состояния, которое пережили и мы, читатели. Какое это счастье, что возможности поэзии безграничны. Нас одинаково волнуют и страстные публицистические слова, и вот такие тонкие, едва уловимые душевные ощущения. И радость, и боль, и беспечность, и тревогу, и умиротворённость души, и волнующее её изумление – всё, всё способна выразить поэзия. Зинаиде Селяниной именно средствами поэзии удалось показать миг душевного порыва, радость удивления. Так, например, как в стихотворении, которое называется «Изумление»:

День осенний – сказка, чудо!
Слов достойных нет…
Ну, скажите мне, откуда
Льётся этот свет?
Ясный, радостно-лучистый,
Зримый и густой,
Изумрудно-золотистый,
Сине-золотой!..
Листья – праздничная риза,
Блики на волне!
Ветерок на них нанизан
В яркой вышине.
И пленит, чарует скрипкой
Весь огромный свет
Лета поздняя улыбка,
Осени привет…

Говоря о поэзии Зинаиды Селяниной, мы, конечно, не утверждаем, что их автор овладел всеми секретами сложнейшего искусства. Нет, пока что нас очень радует, что Зинаида Селянина, без сомнения, наделена от природы тонким поэтическим чувством, что мы имеем дело с поэтической натурой. Работа молодому автору предстоит немалая. Технику стиха ей ещё совершенствовать и совершенствовать.

Два стихотворения о любви прислал нам Михаил Косолапов из Мысков. Одно из них – совсем маленькое – заслуживает внимания:

Я с любовью своей не сладил.
Убежал, как последний трус.
Её волосы ветер гладил,
А я гладил черёмухи куст.
Трудно было в любви признаться –
Слишком взгляд её был лучист.
Я хотел к ней щекою прижаться,
А почувствовал мокрый лист!

Это – тоже из самого сокровенного, интимного мира души. Всякое случается с влюблёнными, бывает и такое, и автор искренно поведал нам об этом горьком для него моменте во взаимоотношениях с любимой девушкой. Заметьте: взгляд её был не строг, не суров, а слишком лучист. Тут не ошибка, не описка в слове: робеют не только перед неприступностью, а и перед ослепительной, лучистой красотой.

В другом стихотворении Михаил Косолапов не нашёл нужных, точных слов, что очевидно с первых же строчек:

Ты идёшь, словно пишешь
Золотыми перьями ног…

Перья ног – явная красивость, мнимая поэтичность. От этого молодым авторам надо быть подальше. Естественность и простота – вот к чему необходимо стремиться, о чём бы ты ни писал. А в стихах о любви фальшивые ноты ещё более недопустимы.

Пусть не фальшь, но надуманность бросается в глаза, когда читаешь стихотворение кемеровчанки Э. Поляковой «Подарок». Оно тоже о любви:

Я не дарю тебе вещи нарядные,
Модных пластинок тебе не дарю.
Даже слова все забылись парадные –
Просто, как в будни, с тобой говорю.
Хочешь, достану ромашку под снегом?
Яркие гроздья калины нарву?
Хочешь, кусочек сибирского неба
Я на ладонях тебе принесу?

Мнимая поэтичность – «кусочек сибирского неба на ладонях». Ничего от реальности тут совершенно нет. Образ предельно надуман. Никакое, самое богатое, пылкое воображение не в силах представить конкретно, как выглядит этот кусочек неба на ладонях. Пустые слова. И, как было сказано выше, в стихах о любви пустые слова особенно нетерпимы, непростительны, ведь любовь – самое заветное, что есть в человеческом сердце.

О таких же, весьма условных, подарках идёт речь и в другом стихотворении Э. Поляковой – «Именинник»:

Тебе я подарю рябины жаркий цвет,
И тишину полей, и журавлиный крик,
Туманы над рекой, и розовый рассвет,
И прелести лесной неповторимый миг.
А хочешь, подарю осенний листопад?
И ливнем золотым он в комнату войдёт.
Шуршащею листвой таинственно богат,
Покорно и легко к ногам твоим падёт!
И счастлива я тем, что этот дар земли
Так щедро и легко могу тебе дарить.
И счастлива я тем, что мы к тебе пришли
И ничего при том не надо говорить.

Последние две строчки – самые хорошие. Всё остальное – непродуманное подражание стихам иных поэтов, которые «дарят» своим любимым всё, что угодно, вплоть до звёздочки с неба. Мне думается, ни к чему это выспреннее красноречие. Все эти «подарки» – тишина полей, журавлиный крик, туманы над рекой и прочее – не что иное, как красивые фразы. А ведь если использовать этот поэтический приём умело, подобные дары земли можно действительно кому-то преподнести в качестве подарка, нужно лишь внести во всё маленький нюанс, какую-то сугубо личную деталь.

И ещё одна поэтическая миниатюра о любви. Принадлежит она перу новокузнечанки Татьяны Белокуровой:

Ты – счастье.
С тобой
Я стал сам собой.
Я голос обрёл и крылья.
Не жить без тебя,
Не быть без тебя.
Я тень без тебя.
И пыль я.

Поэтическое зерно в этих лаконичных строчках налицо. Найдены сильные слова для того, чтобы выразить беззаветную, самозабвенную любовь одного человека к другому. И не просто слова – образы (с тобой обрёл крылья, без тебя я – тень и пыль, ничто). Удивляет только одно: почему женщина, автор стихотворения, пишет от имени мужчины? Это невольно наводит на мысль, что стихотворение написано ради стихотворения, а не потому, что автору на самом деле захотелось высказать то, чем он, как говорится, живёт и дышит. И доверие к сказанному теряется, за словами не видишь живой личности, маячит что-то отвлечённое, эфемерное. Любому читателю близка и понятна поэзия, когда в стихах он чувствует живой пульс человеческого сердца.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1977. – 26 мая. – С. 3.

ВСЁ ОТ ДУШИ

Письма начинающих авторов привлекают внимание не только строками стихов, но и теми короткими комментариями, которыми сопровождаются произведения. Так, кемеровчанин Г. Шатохин прислал в редакцию большую подборку своих стихов со следующей припиской: «Прошу вас, ответьте, пожалуйста, каковы ваши впечатления от моих стихов, если их, конечно, можно так назвать. Но поверьте, все они появились на свет в результате моих личных переживаний, раздумий, тревог и разочарований. Всё это написано от души. Может, не профессионально, плохо и т. д. и т. п., но от души!».

Верно чувствует Г. Шатохин, что написанное им – ещё далеко не профессионально, но всё же это – стихи, и некоторые из них совсем неплохие, в них есть та душевная правда, с которой и начинается истинная поэзия. Преобладающая, самая волнующая тема стихов Г. Шатохина – любовь, с которой связаны сильные переживания: надежды, радости, тревоги, сомнения. Любовь поворачивается к лирическому герою разными своими гранями. Например, тоской одиночества:

Облаков искрящаяся вата,
И знакомый звук шагов в тиши.
Значит, в чём-то виновата,
Коль ко мне прийти ты не спешишь.
Месяц золотистыми рогами
Зацепился за моё крыльцо.
Тихий сон неслышными шагами
Подошёл и дунул мне в лицо…

Общий мотив любовных стихов Г. Шатохина – минорный. Видно, что во взаимоотношениях лирического героя со своей возлюбленной не всё ещё благополучно, не всё определённо. Или он в ней, или оба они вместе сомневаются в подлинности взаимной привязанности, отсюда и неопределённость высказываний автора о том, что тревожит, волнует обоих.

В часы и дни мучительных переживаний, связанных с неудачной любовью, человек невольно обращается к главному исцелителю и утешителю – к природе:

Двадцать пятая осень.
Что мне в жизни осталось?
Неба серая простынь,
А на сердце усталость.

Голос иволги звонок,
Он тревожит мне душу.
Словно малый ребёнок,
Не устану я слушать.

В подлинности чувств лирического героя Г. Шатохина мы не сомневаемся, действительно, всё это – от души. Но над выражением своих чувств и мыслей Г. Шатохину ещё предстоит много работать. Как, наверно, успел заметить читатель, процитированные стихи во многом несовершенны. Не везде соблюдается в строчках чёткий ритм, не везде удаётся автору найти самые точные слова. Создаётся даже впечатление, что над стихами он не работает, в полном смысле этого слова – как вылилось из души, так и осталось на бумаге в виде черновика, наброска. Не видно, чтобы автор по нескольку раз переписывал, перерабатывал первый вариант, а это просто необходимо.

Вывод напрашивается такой: мало просто иметь что сказать людям, надо изо дня в день учиться, как наилучшим образом в поэтической форме выразить волнующее тебя, надо совершенствовать свой литературный почерк, свою манеру письма. Иными словами, надо овладевать поэтическим мастерством. До мастерства Г. Шатохину, по моему мнению, ещё, как говорится, шагать да шагать. В настоящее время его стихи являют собой лишь некоторые поэтические задатки, и трудно сказать, разовьются ли эти задатки, окрепнут ли, или же – может случиться и так – кончатся любовные переживания, и автор бросит писать стихи. Известно множество случаев, когда за перо берутся именно из-за каких-то острых ощущений, а потом откладывают перо в сторону. А. М. Горький как-то очень точно подметил, что все влюблённые – поэты. Чтобы проверить, уяснить для самого себя, твоё ли призвание – поэзия, следует обращаться к самому широкому кругу тем, пробовать говорить в стихах о многообразных проявлениях жизни, о проблемах, которые волнуют всех людей.

Поэтичны стихи Валерия Ковшова из деревни Красный Ключ Крапивинского района. С этим автором читатели «Комсомольца Кузбасса» знакомы по рубрике «Новые имена». Он уже умеет мыслить образами, хотя подчас и не удаётся ему оформлять эти образы точными словами. Вот очень характерный пример:

Не в душной комнате – в толчее,
Среди весёлых мужиков,
Упрямей, радостней, бойчее
Я вижу путь своих стихов.
Мои стихи стремятся к песне,
К улыбке, к едкому словцу.
Улыбка, право, интересней,
Чем боль и грусть, идёт к лицу.
Но что поделаешь?

Печалью
Нас жизнь пугает иногда:
Тоску на душу источая,
Вдруг надвигается беда.
И всё же к солнечному свету
Наш пращур шёл колени гнуть…
И мы с наследственностью этой
К теплу и солнцу держим путь.

Налицо серьёзное размышление о вечной противоречивости жизни: то в ней радость, счастье, то печаль, горе, беда. Однако словесное выражение этого размышления весьма и весьма слабое. В первой же

строке – непростительное для такого способного автора неправильное ударение: слово «толчее» рифмуется со словом «бойчее», а ведь правильно – толче**я** (ударение на последнем слоге). Много и других словесных неточностей. Можно ли так сказать: я вижу путь своих стихов упрямей, радостней, бойчее? Видеть можно яснее, зорче, отчётливей, но никак не упрямей и т. п. Не по-русски сказано и дальше: улыбка интересней идёт к лицу. Такие языковые промашки тем досаднее, что во второй половине стихотворения их практически нет.

Намного ровнее написано стихотворение под названием «Дома»:

То ль улыбка девичья,
То ли свет в окне –
Сердце не разделится
В милой стороне.
Если встретил – кланяйся
Встречным на пути.
Здесь не надо каяться
И кричать «прости!»
Всё здесь сердцу близкое,
Всё имеет вес –
И ограда низкая,
И высокий лес.
Вот он, за оградою,
Мой родимый дом.
Вот она, нарядная,
Роща над прудом.
Ну, а там, над водами,
То ли сам лечу,
То ли птицы родины –
Я не различу.

Самые сильные строчки здесь – в последнем четверостишии. Это и по чувству верно, и поэтически хорошо.

Не знаю, может быть, я ошибаюсь, но кажется мне, что написано это стихотворение всё-таки наспех. Поленился автор «попотеть» над рифмовкой, а скрепи он добротными рифмами все без исключения строчки, стихотворение было бы значительно крепче.

Наибольшую зрелость проявил В. Ковшов в стихотворении, которое венчает подборку:

Смотрю на майскую сирень,
Смотрел и раньше, –
А волнуюсь.
Как будто слушаю свирель
Иль вспоминаю свою юность.
Свирель и юность.
А весна?..
Так вот откуда вышла муза?
Душа поэта спасена
Звучаньем вечного союза.
Так вот откуда мысль моя:
«Печаль и радость – смена звука».
Вот почему крик журавля
Напоминает о разлуках.
Вот почему в печальный день
Смотрю, как будто бы случайно,
На сад, где чудится сирень,
Ища забытое звучанье.

Досадно, что поэтическое чувство не подсказало автору правильную расстановку слов в заключительной строфе. В таком варианте получается, что забытое звучанье ищет… сирень. А ведь автор имел в виду совсем другое. Для точной передачи мысли надо было построить строчки в другом порядке:

Вот почему в печальный день,
Ища забытое звучанье,
На сад, где чудится сирень,
Смотрю, как будто бы случайно.

Лучшие стихи Валерия Ковшова свидетельствуют о том, что со временем он вникнет в подобные тонкости поэтического искусства, научится отыскивать для каждого слова, для каждой строки и строфы своё точное место.

Искренно порадовали меня стихи Надежды Л. (фамилию свою она, по-видимому, из скромности, не называет). Бывают стихи длинные, а впечатления длиннот, многословия не производят – всё в них имеет значение, смысл. Стихотворение «Песня» Надежды Л. великовато по количеству строк, и тем не менее хочется привести его целиком, без сокращений, чтобы читатель познакомился с этим автором более полно:

Волной червонной лето унесло,
И солнце на покой уйти хотело –
Да вот в ветвях застряло. И светло
Его подобье в листьях заблестело.
Как под кувшином полным гибкий стан,
Согнулась яблоня под сладкой кладью.
Мы осень – часто из заморских стран –
По златотканному узнали платью.
Цвет золота казался мне всегда
Слегка печальным, полным скрытой дрожи,
А золота осеннего цвета
Ещё грустней, особенно попозже.
Пока же осень весела вполне:
К речушке катит цугом бочек медных,
С опушки входит в лес – и лес в огне,
И в нём не погасить костров несметных.
Они погаснут сами по себе;
Их отсветы горят на станах шумных.
Бригады приступили к молотьбе,
И тают скирды на колхозных гумнах.
Ещё воркуют горлицы в лесу,
Но солнце не палит. Желты поляны.
А яблони свой зрелый груз румяный
Едва удерживают на весу…
Вот листья, составлявшие листву,
Друг с другом расстаются, как чужие.
И яблоки отборные в траву
Почти без стука падают впервые.
Дары земли – в мешках и закромах,
Достойная награда землероба.
Вином и свежим сеном луг пропах,
И мнится: мёд подслащивает небо.

Нам уже приходилось говорить, что чувство стихотворного ритма даётся не всем пробующим писать, а только способным людям. Надежда Л. этим чувством наделена щедро. Она не просто выдерживает в строчках определённый размер, но и понимает, для какого по содержанию стихотворения какой размер более всего подходит. Для своей «Песни» Надежда Л. тонко уловила размер – медлительный, как бы раздумчивый, несколько грустноватый, под стать самой осенней природе.

В стихотворении нельзя не заметить оригинальных образов: «волной червонной лето унесло», «солнце в ветвях… застряло», костры деревьев «погаснут сами по себе», листья «друг с другом расстаются, как чужие», «и мнится: мёд подслащивает небо» (во рту вроде бы сладко от пряных осенних запахов).

Вместе с тем литературная неопытность автора выдаёт себя самым коварным способом – неправильностью языка. А это уж совсем туманно: «Мы осень – часто из заморских стран – по златотканому узнали платью…»

Жаль, что за неимением места не можем мы процитировать ещё одно стихотворение Надежды Л., но два четверостишия всё же приведём:

На свете так уже идёт:
Страданье, как гроза, проходит,
И вечный памятник возводит
Своим защитникам народ.
Так повелось из века в век:
Вы самый тяжкий груз снесёте,
Когда и птицы рвутся вверх
И руки тянутся к работе.

Как видим, Надежда Л. (надеемся, она всё-таки сообщит нам свою фамилию) умеет и живописать картины природы, и впечатляюще, по-своему писать на гражданские темы. Хочется от души пожелать ей доброго пути в дальнейшей её поэтической работе.

М. Небогатов,
член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1977. – 30 июня. – С. 3.

СЛОВА, СЛОВА…

К сожалению, всё реже в потоке писем, полученных редакцией, мы находим стихи, свидетельствующие о несомненной одарённости автора, о серьёзной, вдумчивой работе над строкой. Увы, куда чаще приходится читать стихотворения, сделанные небрежно, но, видимо, по мнению написавшего их, вполне достойные публикации.

В сегодняшнем обзоре пойдёт речь о стихотворениях всего трёх авторов, однако их ошибки характерны для творчества многих начинающих. Поэтому, не желая никого обидеть, мы решили подробно поговорить о наиболее характерных просчётах на конкретных примерах стихов, поступивших в редакцию.

Однажды мы в письме из редакции указывали кемеровчанину Виктору Локтеву на существенный недостаток его стихов: на то, что они написаны явно «под Есенина». Вот что отвечает этот начинающий автор: «Ваше письмо я получил и, конечно, уяснил кое-что для себя. Посылаю несколько последних работ. Насчёт Есенина всё ясно. А я как-то особенно и не подражал ему. Может, оттого, что много и часто читал его, а многое знаю наизусть – вот и произошло незаметное влияние».

Уяснить-то для себя Виктор Локтев кое-что уяснил, однако от влияния Сергея Есенина освободиться он всё никак не может. В этом легко убедиться, прочитав, скажем, следующее стихотворение:

Машет мне красноватой серёжкой
В голубой окоём осокорь,
И уж ждать остаётся немножно
До зелёных и лиственных зорь.
На черёмуху холод повеет
В запоздавший гусей караван.
Вон восток уж полоской белеет,
Озаряя берёзовый стан.
Вспыхнет майский рассвет
золотистый.
Скоро станет межень в реке.
И на взгорок зелёный и мшистый
Прыгнет заяц худой налегке.
Ты бредёшь по лесной обители,
Прошлогодней листвой шурша.
И сквозь сеть молодой повители
Тянет ножку свою черемша.
На сухие болотные мшары
Кинет ночь белокудрый туман.
Где-то всхлипнет в испуге кошара,
Под застрехой жуя дурман.

Всё, что хотел сказать Локтев, заглушается здесь голосом Есенина, даже речевые обороты – именно его, есенинские: «Машет мне красноватой серёжкой в голубой окоём осокорь» (по-современному это должно звучать иначе: на голубом окоёме); «Где-то всхлипнет в испуге кошара под застрехой жуя дурман» (снова вспоминаются строчки Есенина). Из его же поэтического словаря такие слова, как осокорь, мшара, обитель, берёзовый стан, кошара. Допущена вольность с ударением в слове «повители», рифмоваться с «обителью» оно не может. Неточно выражение в строке: «Скоро станет межень в реке» (межень – средний уровень воды

после половодья). Правильнее было бы сказать: установится межень. Другое дело: скоро станет лёд в реке, то есть наступит ледостав.

Более самостоятельное стихотворение Виктора Локтева «Ранний снег»:

Ранним снегом принакрылася земля,
Белой ночи серебристое сиянье.
Утонули голубые тополя
В белых сумерках былого щебетанья.
Ждёт природа, как и прежде, свой
рассвет,
Затерявшийся за дальними холмами,
И причин для грусти будто нет,
И поёт душа пришедшими стихами.
Новый день придёт в звенящую метель,
Заметёт осенние печали.
И пускай далёк ещё апрель,
И пускай октябрь ещё в начале.
Всё разбудит русская зима:
Снегирей, салазки, берендеев.
Ведь зима по-своему красна
И богата на весёлые затеи.
А пока что под ногами ранний снег.
Он ещё не раз растаять может.
Ранний снег – он очищает время бег,
Ранний снег воображение тревожит.

В данном случае ни малейших ассоциаций с Есениным не возникает. И это уже хорошо, потому что Виктору Локтеву удалось сказать о своём по-своему. Правда, и тут не обошлось без отдельных погрешностей. Вроде бы красиво звучит эпитет «голубые» по отношению к тополям. А по сути – верно ли? Разве поздней осенью, во время первого снегопада тополя голубые? В это время они чаще всего с золотистой последней листвой, иногда – ржаво-бурые, только ни в коем случае не голубые. Непонятна фраза «Ранний снег – он очищает время бег». Может быть, автор хотел сказать что-то о времени? А время бег – это что-то загадочное: два слова в одном падеже. Всего скорее, тут обычная неграмотность.

Из приведённого примера можно сделать вывод, что Виктору Локтеву надо, прежде всего, осваивать элементарную литературную грамотность, учиться правильно выражать свои мысли. Вообще-то он не лишён природных способностей к творческой работе.

А теперь поговорим насчёт стихов о любви. Такие стихи присылают целыми кипами. Кемеровчанка Ольга Дружкова предложила нашему вниманию более двадцати машинописных страниц, и почти все они состоят из стихов о любви. Не будет ошибки процитировать любое из них, чтобы охарактеризовать это красноречивым выражением: слова, слова, слова…

Весь день прошёл опять в лучах –
Глаза мои разят.
Но почему слеза в очах,
На солнце не глядят?
Я буду долго вспоминать
Тот день – он самый ясный.
Его я буду снова ждать,
И, может, не напрасно.
Тебя увижу снова я,
Тебя увижу, милый.
Теперь надолго я твоя,
Пока во мне есть силы.

Прямо скажем: читать подобные стихи просто грустно ввиду их явной беспомощности. Есть выражение: от него разит (пахнет) водкой. А на месте ли это слово «разит» по отношению к глазам? Тут подразумевалось совсем иное: лучи солнца ослепляют мои глаза, ослепляют сильно, резко. Неизвестно, про какой «тот» день будет долго вспоминать лирическая героиня («он самый ясный»). По логике-то не тот, а этот день («весь день прошёл в лучах»): то есть речь о сегодняшнем дне. Почему же он – «тот», какой-то отдалённый? Не соблюдена простая логика.

Туманна фраза: «пока во мне есть силы». А потеряю их – что же, уже не буду твоей надолго? И вообще в двенадцати строчках столько смысловой путаницы. Сперва говорится о будущем времени: «Его (тот день) я буду снова ждать», а чуть ниже, без всякого нового хода мысли: «теперь надолго я твоя».

Нет никакого смысла цитировать другие стихи Ольги Дружковой: все они одного – крайне низкого – литературного уровня. Причину этого можно найти в письме автора. Вот как говорит Ольга о своём сочинительстве: «Вообще я серьёзно никогда стихами не увлекалась, но писать мне их давалось легко». Да, не всё хорошо, что даётся легко. В литературном творчестве всё как раз наоборот: хорошо только то, что даётся трудно. А лёгкость часто граничит с легкомысленным отношением к серьёзному делу.

Не знаем, легко ли пишется автору, подписавшемуся, видимо, псевдонимом, «Темир» (г. Междуреченск), но и его стихи сильно огорчают:

За окошком склонился тальник,
Грустно волны ветвями читая.
Расскажу тебе, милый тальник,
Как любовь протекла молодая.
Часто с искрой ей в очи смотрел,
Но отдать ей и руку, и сердце
Я храбрился, но всё ж не сумел,
И любви я не дал разгореться.

Я любил молодую красу,
Жить спокойно она мне мешала.
И в ночном просыпаясь часу,
Моё сердце о ней лишь мечтало.
Пламя тухло, как в поле костёр,
Что забыли, что не раскидали.
Мою грусть голубую с тех пор
Понимают лишь сопок дали.

И пытаясь себя оправдать,
Говорю я себе, краснея:
Если друг с ней уходит гулять,
Значит, друг её любит сильнее.

Да к тому же ночной порой
Друг мне полностью обнажился…
Я хотел подойти к другой,
Подошёл, погулял и простился.

И от третьей ушёл… от шестой…
Потому грусти взлёт голубой
Понимают лишь сопок дали.

Да позволительно нам будет не поверить в искренность лирического героя. Всё в его рассказе о том, как «протекала любовь молодая», сумбурно и противоречиво, должно быть, так же, как и в чувствах. Ему почти безразлично, что с его возлюбленной идёт гулять друг, сам он подошёл к другой («подошёл, погулял и простился»). А потом и того легкомысленней: «И от третьей ушёл… от шестой…» Невольно вспоминается песенка из водевильного фильма, в которой есть такие залихватские «откровения»: «Двенадцать женщин бросил я, девять бросили меня».

Нет, нельзя писать так бесшабашно о святом для всех чувстве – о любви. А если уж и родились такие пустые, бесчувственные строчки об этом, то не стоит их никому показывать и тем более посылать в газету.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1977. – 30 августа. – С. 4.

НА ПОДСТУПАХ К ПОЭЗИИ

На этот раз редакционная почта весьма урожайна на рукописи, заслуживающие серьёзного разговора о них, достойные одобрения и похвалы. Почти все авторы, о которых пойдёт речь, не лишены задатков, понимания дела, в котором они пробуют свои силы, стремления к серьёзным размышлениям. И пусть ещё рано говорить об основах мастерства, но всё же кое-что хорошее в подлежащих обсуждению стихах уже есть – у одних больше, у других меньше.

Кемеровчанин О. Философов, например, уже не новичок в литературной среде, он успел кое-где напечататься, и недаром некоторые старшие товарищи по перу считают его автором обнадёживающим, перспективным. Правда, в подборке, которую О. Философов предложил редакции, не всё безоговорочно хорошо, однако и в ней можно обнаружить стихи, отмеченные определённой долей поэтической зрелости.

Та память, как белое поле
Гречихи, что нежно цвела.
Как эта рассветная доля
Лежащего в дымке села.
Забыть ли то давнее лето!
Себя вновь я вижу: бегу
С девчонкой по белому цвету,
Как будто по пояс в снегу.

И запах струится медвяный.
И тонко звенит тишина…
Та память! Как странно, как странно:
Чем старше, тем ближе она.
Приходит к нам зрелая ясность
И время в пути бережёт.
А вечная с юностью связность
Не раз ещё сердце зажжёт.

Здесь мы видим свою разработку не новой темы: раздумье о прошедшей юности, о немного грустном расставании с ней, обо всём вечно волнующем, что было в эту счастливую пору жизни. Удача стихотворения, на мой взгляд, в том, что нет в нём ничьих знакомых мотивов, на всех строчках – печать оригинального подхода к теме. Радует и другое: уверенность авторской руки в стихосложении – чёткий ритм, со вкусом подобранные рифмы. Одно лишь слово режет слух: связность. Оно употреблено не совсем точно, может быть, ради созвучия. Правильнее было бы сказать: связь (а вечная с юностью связь). Вспомним Николая Рубцова: «С каждой избою и тучею, с громом, готовым упасть, чувствую самую жгучую, самую смертную связь». Связь, а не связность! К выбору точных слов надо быть до щепетильности требовательным, иначе одна неточность портит в целом хорошую вещь.

Нужной требовательности к смысловой точности слова не проявляет О. Философов и в другом стихотворении, которое хочется процитировать только ради оригинального образа в последнем четверостишии:

Скорость – к сотне, хоть наш путь
не лоск:
Не асфальт, не толстая бетонка,
А летит, шурша, из-под колёс
В стороны белёсая щебёнка.
И, водя баранки чуткий круг,
Молчалив шофёр мой почему-то.
Иногда лишь молодо и вдруг
Мягко улыбается чему-то.
Я не прочь немного поболтать.
Но – увы. Склоняюсь к размышленью.

Груз везём заводу, и Алтай
Нашему способствует везенью.
Без задержек едем целый день:
Ни ремонтных пауз, ни буксовки.
Лишь одно кладёт на сердце тень –
Хлеб вокруг поблёкший, невысокий.
И свой взгляд по далям проведя,
И воздушных струй послушав соло,
Я желаю доброго дождя
Полю, что, как горло, пересохло.

Про шофёра сказано, что он молчалив почему-то. А разве неясно почему: ведь он за рулём, ему не до разговоров, он – весь внимание и напряжённость, тем более что «скорость – к сотне». «Почему-то» рифмуется с «чему-то» – явно бедная рифмовка. «И Алтай нашему способствует везенью». Последнее слово можно толковать двояко: то ли везенье в смысле «посчастливилось», то ли в смысле успешного, без задержек везенья груза («груз везём заводу»). Стоило бы ещё поработать над этим стихотворением, чтобы не пропали последние образные строчки: «Полю, что, как горло, пересохло».

О. Философову ни в коем случае не следует успокаиваться на достигнутом – на крепком владении формой стиха, на умении логически связно выражать свои мысли. Ему предстоит большая работа над словом – выверенным, самым точным, верно передающим замысел.

Виктор Никитас прислал два стихотворения. В первом автор пишет о Юрге, городе, в котором он живёт и работает. К сожалению, в этом стихотворении Юрга мало чем отличается от любого другого города, села. Другое – под названьем «Бабье лето». Вот оно и привлекает внимание, позволяет говорить о несомненных способностях этого автора:

За что люблю я бабье лето?
За необъятную красу,
За многоликость, гамму света,
За утро дымное в лесу.
Куда-то вдаль зовёт кузнечик.
Счастливой юности пора…
И мне по сердцу эти встречи,
С прохладным ветерком жара.
А ночью звёзды ярко светят.
Искрится их волшебный след.
Ну, кто сказал, что север вреден:
Мне снова стало двадцать лет!
Исчезли облачки за синью.
Попробуй их теперь найди.
И в бабьем лете – вся Россия.
Побудь со мной, не уходи!

Если говорить откровенно, ничего особенного в этом стихотворении нет, даже подробных примет бабьего лета, но одна из них стоит многих. Мы имеем в виду вот эту примету золотой осени: «С прохладным ветерком жара». Зорко подмечено явление природы. Неподдельным, волнующим чувством проникнуты заключительные строчки: «И в бабьем лете – вся Россия. Побудь со мной, не уходи!» В этом – искренняя любовь не только к прекрасной поре – к началу осени с её ещё ласковым солнцем, сухменью, золотом листвы, а и ко всей своей родине, милой русской земле. Любовь же, так или иначе выраженная, никогда не оставляет нас равнодушными. Этим и привлекательно незамысловатое, очень простое по форме и содержанию стихотворение Виктора Никитаса. Хотелось бы пожелать ему поглубже вникать в суть явлений и предметов, ярче и с более впечатляющими подробностями рисовать картины природы, которая, чувствуется, для Никитаса – родная стихия, одна из тех любимых тем, в которой он может проявить свою творческую индивидуальность наиболее полно.

Набитость руки в хорошем понимании этого выражения ощущается у новокузнечанина Геннадия Тисленкова. Он пишет и короткие, и длинные стихи. Не пожалеем места, чтобы целиком напечатать многострочное стихотворение «Улыбка», потому что оно кажется нам удачнее других.

Улыбка – добрых дел помощница.
Когда работа не влечёт,
Придёт девчонка-нормировщица
И труд нормировать начнёт.
И заволнуется бригада:
Мол, плакал заработок наш,
Курить теперь пореже надо:
Не то – «возьмёт на карандаш».
Мол, подтянуться не мешало бы…
А та присядет на бревно
Или на краешек опалубки
…И улыбнётся озорно.
– А, ну-ка, плотнички-работнички,
Прошу вас выдать экстракласс.
Иль топоры давно не точены,
Иль плохо с выучкой у вас?
А парни гордые и с гонором,
И бить умеют на эффект.
Без разговора и без сговора
Берутся дружно за объект.
Ах, как они спешат, стараются
Блеснуть сноровкой, мастерством!
Как ловко гвозди забиваются
Видавшим виды молотком!
Всем отличиться очень хочется.
А что устанут – не беда.
Лишь только б эта нормировщица
Не уходила никуда…

Приятно читать вот такие стихи о рабочем классе – простые, естественные, непосредственные, с мягким юмором. Всё тут так достоверно психологически, что веришь каждому слову – и что озорная улыбка девушки, её весёлая подначка всколыхнули, взбодрили молодых ребят, плотников, которые до её прихода не прочь были немного «посачковать» и которые вдруг, воспрянув духом от присутствия любимой всеми нормировщицы, начали работать с огоньком, с удвоенной энергией, стараясь не ударить перед ней в грязь лицом, показать всё, на что они способны. А способны они, видать, на многое: поглядишь на их ловкость, сноровку, мастерство – невольно залюбуешься! Очень хорошее, человечное, душевное стихотворение.

А вот другое стихотворение Геннадия Тисленкова. Оно иного плана – стихотворное раздумье, но тоже оставляет впечатление настоящей поэзии:

Уже рождался тот осенний взгляд,
Но оказалось всё гораздо проще:
На всём пути, пожалуй, час подряд
Берёзовая вспыхивала роща.

Но долгая придумается ночь,
Как долгая нежданная разлука.
Кого позвать,
Кому бы мне помочь,
Кому подать тоскующую руку?
Так, осень,
Мы поговорим с тобой.
Твой возраст начинался после лета.
Но не отмечен я твоей судьбой.
Всё дело в этом…
Может, и не в этом…

И здесь та же человечность, доброта авторской натуры: «Кому бы мне помочь?» А причина доброты этой, видимо, в нестареющей душе: «Но не отмечен я твоей судьбой» (то есть судьбой осени, времени старения, увядания) и «Всё дело в этом…» И мимолётная оговорка: «Может, и не в этом…» Может, дело в людях, с которыми сталкивала жизнь, в их доброте, которую они привили и мне. Как бы там ни было, а осени в сердце не было, нет и не будет. Торжествовать, властвовать в мыслях, настроениях иному – юным, весенним чувствам. Вот таким образом воспринимается нами подтекст того, о чём философски говорится в этом стихотворении.

Лично я очень рад, что открыл для себя интересного поэта – Геннадия Тисленкова. От всей души хочется пожелать ему доброго пути в творчестве.

Не без частных погрешностей стихи кемеровчанина Александра Комалдинова, но есть в них та искренность, теплота, проникновенность чувств, которые всегда подкупают:

Месяца проскочат,
Годы пролетят.
Словно тройка бойких,
В старость нас умчат.
Унесут галопом,
Не вернуть назад.
Был когда-то весел,
А теперь не рад.
Скука и тревога –
Вот что впереди.
Дальняя дорога,
Пыльные пути.
Вспомню, что когда-то
По дороге той
Молодость промчалась
Тройкой удалой.
Тройка – не червонец.
Молодость – не пыль.
Пронеслась, умчалась
Радостная быль.
Вспомню, мол, когда-то
Был я молодым.
Пыльные дороги
Сделали седым.
Что любил когда-то,
Кем-то был любим –
Годы превратили
В сладковатый дым.
Не вернуть прошедшей
Мне дороги той.
И немного жалко
Жизни молодой.
И кричу, рыдая:
Жизнь, не мчись ты вскачь.
Молодость седая,
Молодость, не плачь!

Стихотворение могло быть короче, в нём много повторов одних и тех же мыслей, написано оно явно «под Есенина», но грусть и печаль его, безусловно, неподдельные, эти чувства прямо бьют через край, и (таково уж воздействие всякой искренности) я, как читатель, не могу остаться безучастным к тому, с чем идёт ко мне автор. А идёт он с болью, с тоской, с «седой молодостью». Не будем упрекать автора в пессимизме – на это, видимо, имеются свои причины. Скажем только, что в писании стихов ему надо будет ещё многому учиться. В частности, приучать себя к более краткому изложению мыслей, искать какие-то новые темы. Александр Твардовский в своих письмах молодым поэтам часто повторяет такое высказывание: дескать, ещё Пушкин говорил, что на одних воспоминаниях об ушедшей юности далеко не уедешь…

У прокопчанина М. Листовского в его большой подборке преобладают стихи со многими существенными недостатками. Но многописание – великая вещь, говорил А. П. Чехов. Хорошо, что М. Листовский много пишет – среди явно слабых вещей иногда удаётся ему создать и такие, которые, как говорится, подают надежду. Одним из самых лучших из присланных мы и закончим нашу обзорную статью:

Летят над родиной, летят
В края неведомые птицы,
Заставив с тёплой вьюгой взгляд
Следить за длинной вереницей.
И мы с тобой с земли следим
За птиц полётом длинным.
И сверху подан нам двоим
Тот клич любовным гимном.

Твоя точёная рука
Прощально клину машет.
И под цветным шарфом щека
Пятном горячим пляшет.
Кругом стоит густая хмарь,
Спеша во все пределы.
И звонко чокнувший глухарь
Идёт к ружья прицелу.

Костра охотничьего дым
Весёлым клубом бродит.
А мы по-прежнему следим,
Как длинный клин уходит.
И в тонком профиле твоём
Я грусть и счастье вижу.
И ночь в лесном дому глухом
Всё ближе, ближе, ближе…

Автору удалось здесь одно – передать грустно-щемящее осеннее настроение. Однако словесных погрешностей в этом небольшом стихотворении предостаточно: и пляшущая горячим пятном щека, и клич, который «подан», и неловкая инверсия «к ружья прицелу» и т. п.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1977. – 29 сентября. – С. 4.

«ВАШЕ МНЕНИЕ?»

Есть категория начинающих стихотворцев, которые, посылая в редакцию первые литературные пробы, непременно хотят напечататься. Они так прямо, без всяких оговорок, и обращаются к нам: прошу опубликовать мои стихи. Чаще всего такие, лишённые самокритичности авторы, пишут слабые, непригодные для печати сочинения, о которых совершенно нечего сказать положительного – какая уж тут публикация. И есть какая-то закономерность в том, что более способные авторы в своих приписках совсем не претендуют на представление широкому кругу читателей того, что вышло из-под пера, что родилось в минуты глубоких раздумий, особого душевного подъёма. Этих авторов, как правило, интересует лишь одно: компетентное суждение старших собратьев по перу. В данном случаем мы имеем дело с людьми, которые с первых шагов на литературном поприще проявляют строгость и требовательность к своей поэтической работе, намерены заниматься поэзией серьёзно и целеустремлённо. Разбирать, анализировать их стихи – это такое дело, о котором принято говорить: овчинка стоит выделки.

Ко второй категории стихотворцев относится, на наш взгляд, Михаил Степанов из посёлка Красный Брод Беловского района. Его приписка к своей подборке лаконична и скромна: «Регулярно слежу за публикациями «Факультета молодого литератора». Решился прислать вам свои стихи с надеждой узнать о них ваше мнение».

Первое в рукописи стихотворение Михаила Степанова слишком неудачное, чтобы говорить о нём, а вот второе стоит процитировать целиком:

Осень добрая долго стояла
С желтизною скошенных полей,
Но бороться бедняжка устала
С холодами сибирских ночей.
Глазу милый клочок синевы
Среди неба, дождями измученного,
Как кораблик счастливой страны,
Исчезает за хмурыми тучами.

Злые спят ещё где-то морозы,
И снежинки на мокром стекле
Превращаются в мутные слёзы
Об ушедшем куда-то тепле.
Уплывают за синие дали
Нашей юности лучшие дни,
И в тоскливой, туманной печали
Тонут светлые думы мои.

Об осенней поре писали и пишут все поэты – и начинающие, и, как говорится, маститые. Попробовал передать своё отношение к осени и Михаил Степанов. Не будем понапрасну обнадёживать его в связи с этой весьма посредственной пейзажной зарисовкой, однако встречаются в ней строчки, которые всё же обращают на себя внимание своей незаёмной образностью. Мы имеем в виду второе четверостишие: «Глазу милый клочок синевы среди неба, дождями измученного, как кораблик счастливой страны, исчезает за хмурыми тучами». Сравнение милого глазу клочка синевы, напоминающей лето, с корабликом какой-то счастливой сказочной страны, среди неба, которое не просто ненастное, а как бы измучено дождями – пусть это не бог весть какие поэтические находки, но всё-таки находки. К сказанному об этом четверостишии следует добавить, что технически оно сделано плохо, неумело. Рифмы – приблизительного созвучия, опытный поэт нашёл бы более полные, типа: измучены – тучами, синевы–травы–головы, страны – стройны и т. п. И посредственность многих строк – налицо: избитый эпитет «злые» по отношению к морозам, много раз использованное уподобление мокрых снежинок (капель дождя) слезам, неудачные слова, определяющие печаль (тоскливая, туманная), неправильное ударение в слове «скошенных», оно должно падать на первый, а не на второй слог.

Чтобы иметь более расширенное представление о поэтической работе Михаила Степанова, приведём ещё одно небольшое его стихотворение:

На Аничковом мокрые кони,
Стекает вода по хвосту,
Но сильные держат ладони
Два века коней на мосту.

Не сдвинуться им с пьедестала,
Хоть рвётся, безумно храпя,
Красивая форма металла
С глазами живого огня.

Скульптурные кони, надо отдать должное автору, увидены поэтическим взглядом – это радует, но точных слов для выражения своего впечатления он не сумел найти. Давайте внимательно вчитаемся в текст. В начальной строке – какой-то неуловимый размер, который не укладывается в лад всех последующих строк. «Стекает вода по хвосту», а выше говорится о конях (во множественном числе), следовательно, и вода стекает не по хвосту, а по хвостам. Ничем не оправдано слово «но» после строки о воде, потому что она, стекающая по хвосту вода, ничуть не передаёт картины, по которой можно было бы представить стремление коней к бегу. Поясним свою мысль упрощённо: если бы, например, было сказано, что кони рвутся с места, с пьедестала, как говорится это ниже, тогда «но» было бы просто необходимо (рвутся, но сильные держат ладони). Второе, заключительное, четверостишие более точно, только режет слух отдалённость понятий: храпя – коня. Будь автор поопытнее, он бы почувствовал, что у этих слов существует сколько угодно полных созвучий (храпя – слепя – торопя, коня – гоня – меня и пр.).

Есть кое-какие поэтические строчки и в других стихотворениях Михаила Степанова, например: «Ты помнишь вечер у моста, его ещё не разводили, а по воде два сорванных листа по разным берегам теченья уносили». Наличие поэтического образа (разлука влюблённых) здесь очевидно, однако частных недостатков автор не избежал и в этих нескольких строчках. Правильнее было бы сказать не «по разным берегам», а к разным, и не теченья, а течень**е** уносило.

Итак, Михаила Степанова интересовало наше мнение о его стихах. Его можно выразить, вернее, резюмировать так: писать этому автору, безусловно, стоит, но более вдумчиво, серьёзно. Михаилу Степанову предстоит ещё осваивать многие азы стихосложения: смысловую точность фраз, предложений, ритмику, рифмовку, правильность ударений.

Не претендует на публикацию и Игорь Иванченко из Юрги, его желание, как и у Михаила Степанова, скромное: узнать, чего стоят его стихи, есть ли в них что-то поэтическое. У этих двоих авторов, по случайному, конечно, совпадению, замечается нечто общее, в частности, не очень уверенное владение формой стиха и вместе с тем – поэтическое восприятие мира. В этом легко убедиться, прочитав несколько стихотворений, ну, скажем, под названием «Мы друг друга понимаем»:

Есть берёза в лесу –
Среди всех я её примечаю,
И она благодарно
Меня, как родного, встречает.
Ей, единственной в мире,
Свои доверяю секреты,
И осенней порой
Для неё я слагаю сонеты.
Я зимой согреваю дыханием
Ветви берёзы.
Я весной собираю
Языком её сладкие слёзы.
Летом нежно ладонью
Я глажу зелёные волосы.
На осеннем ветру
Мы с берёзой поём на два голоса.
Есть берёза живая –
Она понимает, внимает,
Безо всяких усилий
Тревоги мирские снимает.
…Я обнял её ствол,
Я щекою касаюсь щеки.
Обтекают меня
Ветви – струи зелёной реки.

Можно найти десятки и сотни вариантов объяснения в любви к родной природе, большинство поэтов делают это, обращаясь к милой белоствольной берёзке. Так поступил и Игорь Иванченко – он поведал нам о своей дружбе с «единственной в мире» берёзой, с которой они без слов понимают друг друга. Ничего особо нового не открыл нам автор, но концовку для этого, можно сказать, заурядного стихотворения нашёл очень хорошую. Сразу врезается в память свежий образ: «Обтекают меня ветви – струи зелёной реки». Благодаря этим по-настоящему поэтическим строчкам стихотворение обретает право на жизнь.

Читатель может заметить: о берёзках написано неисчислимое количество стихов, мол, найти две-три образные строчки в пейзажной зарисовке – это не так уж много значит. Учитывая возможность подобного – вполне резонного – читательского замечания, предлагаем обратиться к другому стихотворению Игоря Иванченко, в котором он пытается не только изображать картинки природы, а – что очень важно – размышлять на серьёзные, значительные темы:

Я в любви к тебе, Родина,
Снова стесняюсь признаться.
В положении двойственном
Словно боюсь оказаться:
Что люблю – сомневаться
Нисколько не стоит,
Говорить о любви
Я, наверно, ещё не достоин.
У тебя на виду обретаю, теряю,
Взрослею!
Но, поверь, объясниться
Простыми словами не смею.
Я ещё не достиг рубежа,
За которым – взаимность.
Но он близко…Любовь твоя,
Родина – светлая милость!
Ты, Отчизна, прости мне
Святое слепое стеснение.
О тебе никогда у меня
Не изменится мнение.
Я клянусь тебе в верности
Первой и вечной любовью.
А умру за тебя,
Ты постой –
На прощанье –
В моём изголовье.

Что привлекает в этом простом по форме, но глубоком по содержанию стихотворении? Прежде всего – скромность лирического героя, его трезвое понимание: не стоит попусту трезвонить о своей любви к самому заветному на свете – к своей Родине, Отчизне, взаимность которой надо заслужить делами, добрыми, хорошими, нужными всем деяниями, а иногда подвигом, самопожертвованием. Чего греха таить, в молодости многие люди чересчур самоуверенны, самонадеянны, склонны к браваде. Ничего подобного не видим мы в гражданской позиции нашего автора, а потому проникаемся к нему симпатией, верим каждому его слову. А уж это для нас с вами, дорогие читатели, много значит, потому что не каждый день попадаются нам на глаза стихи, в которых так сердечно, умно и тактично ведётся разговор с милой сердцу Родиной.

Вообще следует отметить, что у Игоря Иванченко хорошо развито чувство гражданственности («Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»). У него ценное человеческое (и поэтическое) качество – ставить в стихах большие общественные проблемы. Например, весомой заявкой на поэтическую публицистичность является его стихотворение «Зреет во мне доброта», эпиграфом к которому автор взял строки из Евгения Буравлёва: «Не скрывай никогда ни своей доброты, ни любви своей к людям». Вот это стихотворение:

Мир рассержен –
Из душ доброта исчезает.
Мир встревожен –
Сердца покидает любовь.
Мир печален –
С лиц надолго улыбки сбегают.
Задыхается мир –
Мало тёплых и ласковых слов.
Незаметно ещё
Человеческий мир остывает.
Постепенно людей
Поглощают «сухие» дела.
Видно в мире уже
Доброты не хватает,
Не хватает любви,
Не хватает улыбок, тепла…
Почему мы такие?
Труднее любимых прощаем.
Шутим скупо.
Доверчивость гасим в глазах.
Редко держим слова,
Но зато так легко обещаем.
И предательски часто
Матерей оставляем в слезах.
Друг ошибся,
А я не простил, не приветил.
Опечалил любимую.
Разве она не права?
На чужое несчастье
Сочувствием я не ответил.
Подходящие к горю
Зачем не промолвил слова?
…Накоплю – через край –
Я в душе доброту
И дарить стану щедро
Направо, налево...
И открою себе
Отношений людских красоту.
Поступать так
Мне совесть моя повелела.

Разное бывает многословие – одно утомляет, даже раздражает, а другого просто не замечаешь, готов слушать и слушать интересного собеседника, который делится с тобой не праздными, а глубоко продуманными и прочувствованными мыслями. Процитированное стихотворение Игоря Иванченко – по газетным меркам длинное, но мы ничуть не пожалели места для него. Автор по возрасту молод, но он с полным правом мог назвать стихотворение так, как назвал: «Зреет во мне доброта». Со своей стороны мы бы добавили к этому, что Игорь Иванченко не только переживает пору гражданского созревания – о многом в стихотворении говорится уже вполне зрело, весомо, как у поэта, обладающего определённым духовным и жизненным опытом. Вместе с автором есть о чём задуматься и нашим молодым читателям – не только тем, которые пишут стихи, а всем тем, кто, как Игорь Иванченко, любит размышлять, вдумываться в проблемы современного сложного века, полного множества ещё не решённых вопросов и проблем в сфере человеческих отношений, в сфере зла и добра, любви и ненависти, дружбы и вражды.

В этой обзорной статье мы поговорили о стихах лишь двух молодых авторов. И оба они, несмотря на несовершенство их литературных работ, заслуживают самой горячей поддержки и пожелания доброго пути в поэзии.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1977. – 29 октября. – С. 4.

«ХОЧУ ПИСАТЬ СТИХИ…»

«Я очень люблю поэзию, хочу сам писать стихи, но всё, что я написал, к сожалению, нравится только мне. Я посылаю вам несколько моих стихов, помогите мне, пожалуйста, подскажите мои ошибки. Буду очень рад узнать о них от вас. Думаю, не займу у вас много времени. Заранее благодарен вам». Таким скромным обращением в редакцию сопроводил несколько своих стихотворений А. Бельмасов из Ленинска-Кузнецкого.

Почти все любящие поэзию молодые люди горят желанием писать. И если бы это желание осуществлялось у каждого, то поэтов у нас было бы неисчислимое множество. К сожалению, поэтический дар очень редок, из сотни пишущих лишь считанные единицы добиваются осуществления заветной мечты: сказать своё интересное слово в поэзии. Это, конечно, не значит, что и пробовать свои силы не стоит – мол,

дело это для меня не по плечу, всё равно у меня ничего путного не получится. Нет, так поступать не следует. Как написал однажды моему товарищу по перу М. А. Шолохов, «дерзайте и обрящете». Литературное творчество не совместимо с робостью, ему должно сопутствовать дерзание.

Когда я ознакомился со стихами А. Бельмасова, мне стало ясно: простительны многие ошибки этому автору, писать он начал не напрасно. А ошибки – вот они, налицо: вместо «несколько моих стихотворений» молодой человек пишет «стихов». Как будто речь идёт о каком-то количестве строчек. Ведь стих – это одна строчка в четверостишии, в строфе. Вывод из этого напрашивается один: А. Бельмасову необходимо заняться серьёзной литературной учёбой, тщательным изучением русского языка. Общеизвестна истина: пишущий должен быть прежде всего грамотным человеком. Но повторим сказанное выше: А. Бельмасову можно простить мелкие погрешности в языке, они преодолимы. Главное же заключается в том, что за перо он взялся не зря. Надеюсь, что читатель согласится с нами, прочитав, например, стихотворение под названием «Ушёл январь»:

Ушёл январь, ни с кем не попрощавшись,
Взяв в провожатых только фонари.
Обветренный метелью, отощавший,
Ушёл, как все другие январи.
А утром, когда небо серебрила
Зимняя студёная заря,
Берёзка за окном мне подтвердила,
Что нет со мною больше января.
Снежок поскрипывал всё так же звонко,
В морозной зыбке холодела даль,
А по земле колючею позёмкой
Уже пошёл плясать февраль.

Скажем прямо: грамматические ошибки встречаются и в этом тексте, но мы их не приводим, потому что суть в другом – в поэтичности процитированных строчек. Обратите внимание на такую художественную деталь. Прозаик сказал бы просто: зима пошла на убыль, а наш автор нашёл для этой мысли запоминающуюся метафору: январь у него «обветренный метелью, отощавший». Это – поэзия. Не знаем, как выглядела берёзка за окном, однако верим, что чем-то она «подтвердила, что нет со мною больше января». Наверно тем, что сбросила с ветвей январский куржак, оголилась, тоже как бы похудела, отощала. Автор обладает природной поэтической интуицией, которая подсказала ему, что будет уместно ритмическое усечение в последней строчке: здесь иной размер, чем в других строчках, более короткий, бойкий, он точнее передаёт «пляску» февральской позёмки.

Другое нарушение размера – в строке «зимняя студёная заря» – это уже от неопытности, от неумения (не хватает одного слога). К тому же не потрудился автор над поиском более выразительного эпитета к заре, написав «зимняя» (и так ясно, что не летняя). Так одни – удачные – строчки в небольшом стихотворении тесно переплетаются с другими – неудачными и даже с такими, в которых неправильный оборот речи: «взяв в провожатых» (вместо «в провожатые»).

Не всё благополучно и в других стихотворениях А. Бельмасова, но каждое всё-таки чем-то примечательно. Скажем, вот это:

Я видел всё, я рядом там стоял.
Я с этим не смирюсь, я это не приемлю.
Как на моих глазах рубили тополя
И те со стоном падали на землю.
Их люди убирали прочь,
Как отслуживших, годных на излом,
А я, не в силах тополям помочь,
Ушёл, чтоб не смотреть людское зло.
Я уходил, они мне вслед смотрели.
Их жизни рушились с ударом топора.
Но я ведь сам ещё недавно верил,
Что человек рождён лишь для добра.

Здесь со всей очевидностью проявляется авторская чуткость, доброе отношение ко всему живому, в частности, к родной природе. Это уже сфера нравственности, человеческого восприятия окружающего мира. И всё это в данном случае такое ценное, без чего нельзя стать поэтом. А недостатки стихотворения – в основном, технического характера. Второе четверостишие, например, звучит не в лад с двумя другими, приблизительно созвучие «стоял – тополя». Особенно огорчает неточность выражения в строке «но я ведь сам ещё недавно верил…». Будь побольше литературного опыта у автора, он сказал бы здесь несколько иначе, естественнее: я-то всегда считал, всегда верил, что человек рождён лишь для добра. Кстати, рифмы «смотрели – верил» – тоже очень слабые.

Приведённые примеры свидетельствуют о задатках поэтического, образного мышления автора. Это радует и обнадёживает. Важно ещё и другое: чтобы сам А. Бельмасов поверил в свои возможности и, поверив, приложил все усилия к плодотворному использованию этих возможностей. А для этого надо ему многому учиться, развивать, к примеру, силу строки, её ритмику, рифмовку. Надо также вырабатывать в себе навык точно, естественно, в правильно взятом ключе выражать свои мысли и чувства. О чём писать? Пока о том, что лучше получается – о природе. А с возрастной зрелостью придут и многие другие темы – многогранность жизни беспредельна.

Полон желания писать и Валерий Доронин из Яи. Об этом свидетельствует присланная им довольно объёмистая рукопись. У Доронина тот же «грех», что и у Бельмасова: он малограмотен. Это сразу же обнаруживается:

Эх, поляны, вы, поляны,
Хороши как, чёрт возьми!
Я, весёлый и румяный,
К вам невесту привозил.
Здесь от вас на всю округу

Смородняк, а птичий гам
Над цветами, диким луком
Нёсся к скошенным лугам.
И неведомая сила
За собою увлекёт.
Завтра вновь приеду с милой
К вам, едва лишь рассветёт.

В этом эмоциональном, энергичном по ритму стихотворении режет слух слово «увлекёт» (правильно: увлечёт), и от одного неправильно употреблённого слова, как от ложки дёгтя в бочке мёда, портятся все строчки, «смазывается» благое намерение автора создать пейзажную картинку. Не совсем подходящим лично мне кажется грубоватое, несколько развязное выражение «чёрт возьми». Оно появилось тут, как мне кажется, потому, что вся вещица написана под влиянием некоторых стихов Есенина.

Наивной, мальчишеской самонадеянностью веет от первых строк следующего стихотворения, но будем считать это уверенностью автора в своих потенциальных силах, без которой невозможно добиться чего-то положительного в любой области труда:

Я хотел бы в когорте поэтов
Не последним, конечно, быть,
И уверен, что сделаю это,
Ведь умею людей я любить.
Как от чувств волнуется сердце!
Не тверда вот пока строка.
Но в работе смогу разгореться,
Станет твёрже ещё рука.

Будет ли не последним в когорте поэтов Валерий Доронин – трудно предугадать, а что касается его стремления разгореться в работе, то это, разумеется, можно только приветствовать.

Судя по предложенным стихам, Владимир Катрич из Калтана увлекается восточной поэзией. Это видно по той форме поэзии, в которой он пробует силы – по трудному жанру создания стихотворений из четырёх строчек. Может быть, Владимир Катрич делает это по образцу Гамзата Цадасы, четверостиший, полных глубины мысли, мудрости. Но приходится разочаровать Владимира Катрича – его собственные опыты в этом направлении пока что мелки.

Между тем Владимир Катрич при более серьёзном отношении к искусству поэтического слова может, нам думается, создавать и более серьёзные произведения. Взять хотя бы стихотворение «Костёр»:

Звёзды начали игру,
День ушёл, как не был,
И к чабанскому костру
Наклонилось небо.
От костра дымок бежит,
В ночь наводит мостик.
В степь чабан приходит жить,
А домой – лишь в гости.
И горит себе костёр,
Он для думы создан.
Мысли рвутся на простор,
Как дороги к звёздам.

Вполне приличное стихотворение – и по форме, и по содержанию. Жаль только, что не скажешь про него: это самостоятельная вещь. Слишком уж много раз и многими поэтами писалось про чабанов, теперь даже не припомнить, с кого это началось (вспоминаются и Расул Гамзатов, и Кайсын Кулиев, и многие другие). Так что «Костёр» Владимира Катрича – это всего-навсего копия с чего-то знакомого: по этому стихотворению нельзя определить, способен ли как поэт его автор. Можно сказать пока лишь одно: техникой стиха он владеет. А как употребит это умение – покажет будущее.

Нет ни малейшего сомнения в том, что очень хочет писать (и печататься) и знакомый уже нашему читателю Владимир Петраш из Новокузнецка. По частым присылкам писем со стихами ясно, что он не только хочет работать в поэзии, но и много работает. Правда, не всё получается у него, как того хотелось бы, стихи Петраша очень неравноценны (больше слабых).

Перед нами – новая подборка. Открывается она следующим стихотворением:

Любовь пробьёт себе дорогу,
Пробьёт, проломится в тот мир,
В котором солнечности много
И лишь единственный кумир.
Ему, не всё ль равно, какому, –
И пыл, и трепетность души…
И белый цвет её черёмух
Уже ветрам не потушить.

С первого прочтения этого стихотворения кажется, что всё здесь на месте – и правильная мысль о первой любви, и живое чувство. А прочтите ещё раз – и в глаза бросится нарушение логики в двух, рядом стоящих строчках, а вернее, неточность, приводящая к разному толкованию их. Автор утверждает – и совершенно справедливо – что в мире любви лишь единственный кумир. А дальше: «Ему, не всё ль равно, какому». Имеется в виду любимый (кумир), который может быть и таким, и таким – и добрым, и не очень добрым, и красивым, и некрасивым, не всё ли равно каким. Но возможно и другое толкование этих словосочетаний: то – единственный кумир, т. е. кто-то конкретный, а то – кто-нибудь ещё, не всё ли равно кто. В восьмистрочном стихотворении Владимир Петраш не сумел предельно точно сказать, что хотел.

Второе стихотворение в подборке:

Утро вечера мудреней.
Кто же спорит с истиной древней?
Я чуть свет запрягу коней
И, как вихрь, пронесусь деревней.
Дробный стук из-под их копыт
Не одну на заре разбудит…
Ну, а мне бы в себя влюбить
Лишь её – хохотушку Люду.
Чтоб она, оживив крыльцо,
Мне вослед поутру глядела…
Жаль, что нынче нет бубенцов, –
Обязательно надо сделать!

Тоже написано неравнодушной рукой, с определённым настроением, но назвать это стихотворение хорошим, удачным я не решаюсь. Во-первых, совершенно не к месту вставлена пословица «Утро вечера мудренее», на дальнейший ход мыслей она не влияет, никак не связана с ним. Какая разница, когда запрячь лошадей – утром или вечером – и вихрем промчаться по деревне. Вечером это сделать ещё мудреней, потому что девушки в это время ещё не спят, «хороводятся» то у одних, то у других ворот, крылечек, завалинок (там, где они есть). Во-вторых, правомерно ли в наши дни тужить, что нет на лошадиных дугах бубенцов, если и самих-то коней в деревнях почти не встретишь? В-третьих, никак нельзя принять такую неуклюжую рифмовку, как: копыт – влюбить, разбудит – Люду, глядела – сделать. Кто принимает, у того, на мой взгляд, плохой вкус. Стихи и по форме должны быть хорошими, красивыми, крепкими…

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1977. – 29 ноября. – С. 4.

НИКОГО НЕ ПОВТОРЯТЬ

Сегодня мы поговорим о достоинствах и недостатках сочинений авторов, которые уже прошли первый этап освоения правил стихосложения, для которых оно не является трудной проблемой. Про этих авторов можно сказать одно: писать стихи они умеют. Другое дело, насколько удачно удаётся им это.

Военнослужащий Виктор Вишняков открывает свою подборку следующим стихотворением:

Зима, зима!
Ты где, моя красавица?
Спешу в тайгу я по твоим следам,
А с веток иглы снега осыпаются
И искрами сверкают здесь и там.
Под горку между праздничными елями
Летит лыжня, уводит за собой,
Не тронутая первыми метелями,
Пронзила сердце
Песенной строкой.
И там, где песня солнцем наполняется,
Где слился с первозданной чистотой,
Зима мне неожиданно встречается
Невестою под свадебной фатой.

Общее впечатление от этой пейзажной зарисовки – хорошее. Она проникнута тем возвышенно-праздничным настроением, которое наполняет сердце в первые зимние дни, когда нет ещё ни метелей, ни морозов, а вокруг только чистая белизна снега, сверкание его серебристых искорок. Но вдумаемся в то, что должно составлять суть любого поэтического произведения: открывает ли нарисованный пейзаж что-то новое? Мне думается, что никаких открытий здесь, к сожалению, нет. Лыжня, например, сравнивается с песенной строкой. Это, во-первых, не ново, а во-вторых, неточно: одна строка – след одной лыжи, а поскольку говорится о лыжне (следе от двух лыж), то это уже две строки, двустишие. Не отличается новизной и образ зимы под свадебной фатой (дерево под снегом – невеста под фатой), такое уподобление не раз использовалось многими поэтами. В стихотворении всего два этих образа, и оба они – вторичны. И выходит, что своего слова о встрече с зимой автору сказать так и не удалось, хотя, повторяем, всё в приведённых строчках как будто хорошо.

Познакомимся с другим стихотворением Виктора Вишнякова.

Туман закрыл от взгляда дали,
Так шторы на твоём окне
В далёкой юности скрывали
Царивший образ в глубине.
Была там комната простая,
Но жил я, как в бреду порой,
Её с восторгом населяя
Мечтами, мыслями, тобой.
И вот теперь перед глазами
В туман уплыли наяву:
Луга бескрайние с цветами,
Ручьи, вплетённые в траву,
В лесу разлучницы–тропинки,
Гирлянды веток, листья в нём,
Где наливаются росинки
Слепящим солнечным огнём.
Я это всё воспринимаю
В намёках, контурах пока,
И настежь окна открываю,
В наш дом впуская облака.

Это звучит более самостоятельно. Чувство первой любви органично переплетается здесь с красотой природы, с её восторженным восприятием, потому что и сама первая любовь – восторг, восхищение. Радует свободное, естественное обращение автора со словом, с рифмовкой, с ритмикой – дыхание строчек вольное, не натужное, читать их легко и приятно. Однако не всё тут, как говорится, без сучка, без задоринки, над некоторыми строчками следовало ещё поработать. Например, надо было избежать неблагозвучного словосочетания: «взгляда дали». И исправить это очень просто: вместо «взгляда» написать «взора»: «Туман закрыл от взора дали». В этом же четверостишии режет слух неловкая расстановка слов: «Царивший образ в

глубине». В прозаическом варианте этой строки последовательность слов напрашивается совсем иная: образ, царивший в глубине. Если внести такие поправки, то получится по-настоящему хорошая поэтическая вещь.

И ещё одно небольшое стихотворение Виктора Вишнякова под названием «Осень»:

Река, бурна и тороплива,
Стучится грудью в берега,
А над рекою у обрыва
Теснятся влажные стога.
И день за днём скуднеют дали,
Румянец спал с лица лесов,
И лишь озёра закричали
На сотни птичьих голосов.

Об осени автор сумел сказать лучше, чем о зиме. Свежестью поэтического образа отличается строка: «Румянец спал с лица лесов». Но за этим – слова: «И лишь озёра…». Зачем это «лишь»? Если бы в предыдущей строке говорилось, что в мире глубокая осенняя тишина, тогда «И лишь озёра закричали» было бы уместно. Крик птичьих голосов контрастно подчёркивал бы глухую тишину в лесу, над рекой. Вот такие достижения и просчёты в стихах Виктора Вишнякова, который, несомненно, способен на создание хороших стихов.

Природу любят все люди. Особенно неравнодушны к ней те, кто пробует писать стихи. Многие начинающие авторы именно с обращения к этим темам – природы и любви – делают свои первые шаги на литературном поприще.

Насколько нам известно, не первый год пишет стихи Раиса Чигракова из посёлка Темиртау. На этот раз она предложила вниманию редакции сразу несколько стихотворений об одном времени года – об осени.

«Сплошным костром пылает осень» – так называется одно из стихотворений Раисы Чиграковой:

Уж осень – лес насквозь просвечен –
Пришла, янтарна и светла,
И, как всегда, берёзки–свечи,
Берёзки–факелы зажгла.
Они, белея берестою,
Видны на целую версту.
Трепещет пламя золотое
На обвевающем ветру.
Струится в солнечную просинь,
А всюду тишь да благодать.
Сплошным костром пылает осень,
Но жаль: недолго ей пылать.

Выше говорилось, что авторы, о которых пойдёт речь в сегодняшней обзорной статье, стихи писать умеют. Это подтверждается и только что процитированным стихотворением. Но тут же возникает вопрос: а в чём выражается это умение? В данном случае оно – в соблюдении чёткого ритма, в наличии рифм. Что касается образности, то она, как у Виктора Вишнякова в стихотворении о наступлении зимы, не имеет ничего нового, своеобразного. Оригинальны ли эти картины, которые преподносит нам автор? Отнюдь нет. С пылающим костром, с пламенем сравнивали осенние леса поэты ещё в прошлом веке. И какое же открытие в том, что пылать осени недолго. По моему твёрдому убеждению, не стоило тратить время и силы на то, чтобы поделиться с читателями подобными общеизвестными картинками и обобщениями. Любое стихотворение интересно лишь тогда, когда в нём автор нашёл хотя бы две-три строчки, в которых он открывает что-то своё, его одного озарившее.

Читаем следующее стихотворение Раисы Чиграковой – «Осеннюю сказку»:

Осень сполохи-зарницы
Над землёю зажигала.
Рыже-огненной жар-птицей
Перелесками порхала.
Растеряла птица перья,
Разнесла повсюду пламя –
Занялись в лесу деревья
Разноцветными кострами.
Отчего ж с печальной лаской
Я смотрю на это диво?
Рвёт листы осенней сказки
Буйный ветер шаловливый.
В этой сказке грусть таится:
Всё горит в огне багряном,
Улетит её жар-птица
С журавлями к южным странам.

О багрянце, о грусти-печали, о кострах, о пламени – приметах осени – было уже и у самой Раисы Чиграковой в приведённых выше стихах, не говоря уже о других поэтах, и вот перед нами все те же самые осенние краски. Приходится к тому же отметить и некоторые неточности в этих затёртых образах. Допустим, что горящие золотом листья деревьев напоминают о перьях жар-птицы. Но совершенно неправильно, нелогично утверждать, что эта жар-птица улетит с журавлями к южным странам, потому что листва, отпылав, осыплется на землю – жар-птица останется без перьев (значит, без крыльев). Как же она может после этого куда-то улетать? Образ явно не удался. Плохо продуманы эпитеты по отношению к ветру. Если он буйный, то уже не просто шаловливый (слегка озорной), а именно буйный, яростный, штормовой. Два стоящих рядом эпитета исключают друг друга, никак не вяжутся по смыслу между собой.

И ещё одно стихотворение Раисы Чиграковой начинается «повторением пройденного»:

Инстинкт извечный вновь зовёт
Птиц перелётных к странам юга,
И снова кружит днями напролёт
Осенняя оранжевая вьюга…

Здесь, кроме всего, в двух последних строчках почему-то изменён размер, две первые строки совсем другого лада.

Суд по всему, Раиса Чигракова как стихотворец – вся в творческих поисках. Недаром об одном времени года – об осени – она прислала несколько стихотворений: мол, не найдётся ли хоть в одном что-то интересное. Увы, не нашлось. Самым удачным в подборке нам кажется стихотворение гражданского звучания под названием «Земная троица моя»:

Я многое беру на веру,
Во всём доверчива не в меру,
Но дни идут – разуверяюсь,
Другим святыням поклоняюсь.
В одном лишь не изверюсь я,
Не усомнюсь ни на мгновенье:
Святая троица моя,
Земная троица моя
Навек – Октябрь, Советы, Ленин.

В очень трудной теме, в трудной потому, что она разрабатывалась многими поэтами, Раиса Чигракова сумела сказать своё слово, приоткрыв перед нами свой душевный мир, своё мировоззрение. Коротко, без лишних красивых фраз выражено в этой публицистической миниатюре главное, чем живёт советский человек, причём и выражено не банально, а как поэтическое откровение. И это достойно похвалы. Видимо, Раисе Чиграковой надо искать в своей творческой работе такое направление, такой путь, на котором она найдёт способ и средство полнее выразить свою душу, свои чаяния и устремления, то есть предстанет перед читателями как неповторимая творческая личность и человеческая индивидуальность.

Кемеровчанин Владимир Любимов прислал нам всего одно стихотворение, и уже оно свидетельствует о его серьёзном отношении к работе литератора. Стихотворение называется «Октябрьское»:

С утра дождь моросил по кровлям,
На Невском стыли фонари…
Был день, что цветом нашей крови
Навек вошёл в календари.
Не пели праздничные трубы,
Лишь флаги реяли, горя,
Но революции на Кубе
Быть не могло без Октября.

И с этих пор Страна Советов
На первой линии огня.
В сердцах народов правда эта –
Мы совесть мира и броня.
Не ради почестей и платы
Мы бережём покой земли –
Чтоб свастики паучьей лапы
Наш шар земной не оплели.

Значительное и по теме, и по содержанию стихотворение написал Владимир Любимов. В октябрьской эпопее, созданной многими советскими поэтами, он сумел найти и такие моменты, о которых стихов ещё не было: «Но революции на Кубе быть не могло без Октября». Пусть это скромные строчки, но они стократ весомее всяких «осенних костров». И не беда, что у автора нет ещё большого опыта и навыка в поэтическом творчестве (что видно, скажем, по приблизительным рифмам: платы – лапы). Главное в том, что Владимир Любимов не побоялся своей неопытности, а взял да и создал короткое, но ёмкое по мыслям стихотворение о том, что воспевалось тысячи раз. Так и надо работать в поэзии – смело, уверенно, целеустремлённо. А опыт – дело наживное.

Большую подборку стихов прислал нам В. Макшанов из Киселёвска. Отличительная, характерная черта этого автора – самовыражение. По многим строчкам видно, что их автор – человек скромный, добрый, глубоко мыслящий. Основное впечатление от лучших его стихотворений такое: перед нами автор, который при кропотливой, тщательной работе со временем может стать интересным, оригинальным поэтом. В его стихах – не побоимся этого слова – счастливо сочетается личное, интимное с общественно значимым, с гражданскими мотивами. Вот, например, такое стихотворение:

Я в облаках по-птичьи не летаю,
Мои дороги вьются по земле.
Но почему при виде птичьей стаи
Взлететь за нею хочется и мне?
Взлететь, да так, чтоб небо
встрепенулось,
В глаза ударил ярким солнцем свет,
Чтобы душа звездою обернулась
И пронеслась, оставив яркий след.
Я в облаках по-птичьи не летаю,
Не тороплю улыбчивый рассвет,

Но будто крылья в небе расправляю,
Заслыша гул космических ракет.
Другим дано. Они сильнее, выше,
И им шагнуть сквозь звёздный ураган,
Чтоб на весь мир был голос русский слышен:
«Земле родной привет от россиян!».
Я в облаках по-птичьи не летаю,
Люблю пешком бродить среди полей.
Но иногда надолго замираю,
Увидев стаю в небе журавлей.

Какой удачный сплав лирики и гражданственности. И несмотря на то, что строка «Я в облаках по-птичьи не летаю» повторяется несколько раз, навязчиво она не звучит, наоборот, этот рефрен кажется в данном контексте органичным, необходимым, чтобы усилить стержневую мысль стихотворения. Мечта о полёте в небо – здесь не буквальное стремление подняться в небо, это метафора, означающая желание любого из нас достигнуть каких-то духовных вершин, обрести крылья в любимой работе, не быть приземлённым обывателем, а быть человеком с возвышенной душой. В этом суть и ценность стихотворения.

Пишет В. Макшанов и о природе. Вот для примера стихотворение об осени:

По-над речкой звонко
Эхо пробежалось.
Паутинкой тонкой
Тишина осталась.
Гладь не шелохнётся.
Воздух чист и светел.
Ах, как сердце бьётся!
Я и не заметил,
Что умчалось лето,
Синеву теряя.
В золоте рассвета
След его растаял.
Слышишь звон хрустальный?
Это листья в омут
Падают печально,
Вдаль плывут и тонут.
Лес горит кострами,
Но похолодало.
Было лето с нами,
Было и не стало.

Пусть и В. Макшанов, как многие, как та же Раиса Чигракова, не обошёлся без традиционных осенних костров, но сколько в этом стихотворении поэтических находок! А что больше всего привлекает, так это очень верно найденный тон разговора об осени – раздумчивый, грустный, даже с печальными нотками. И ничего, казалось бы, особенного нет в двух последних строчках, а по своей непосредственности они чем-то напоминают (не как подражательность) манеру выражаться просто, которая так присуща поэту Михаилу Исаковскому…

В заключение мне хочется от всей души поздравить всех наших молодых авторов с наступающим Новым годом, пожелать им больших творческих успехов. Не забывайте наш «Факультет молодого литератора», присылайте новые свои произведения!

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1977. – 29 декабря. – С. 3.

ИСКРЫ ПОЭЗИИ

Меньше чем через месяц наша страна будет отмечать знаменательную дату – шестидесятилетие Советской Армии. Пока что редакция не располагает стихами на эту тему, а хотелось бы, чтобы молодые авторы не прошли мимо неё, откликнулись сердечными словами на такое событие. Кто-то недавно закончил солдатскую службу, кто-то собирается служить – кому же, как не этим молодым людям, поразмышлять в стихах о воинском долге, о ратных подвигах своих отцов и дедов в годы Великой Отечественной войны. Нам хотелось бы получить стихи, которые можно было бы назвать раздумьями о духовном мире советского солдата, о его нелёгком труде в дни мира и войны, о истоках его мужества, стойкости, доблести, безграничной любви к матери-Родине. Надеемся, что такие стихи ещё будут написаны, должны быть написаны, потому что любой поэт – будь это начинающий или работающий уже профессионально – должен быть прежде всего певцом своего времени, должен жить делами и думами своего народа.

Поскольку мы начали речь об армейской теме, то не будет лишним остановиться на рукописи кемеровчанки Марии Зубовой. Вот что пишет она в редакцию: «Моим молодым читателям, возможно, будет интересно, что их сверстники времён Великой Отечественной войны не только воевали за Родину, но и мечтали, писали стихи, как все молодые люди. Я на войне была радисткой. Немного поэтом (и осталась сейчас). В канун 1945 года наш отдельный радиодивизион, обслуживавший штаб артиллерии 2-го Украинского фронта, выполнял боевое задание на земле Венгрии. И вот я тогда написала стихотворение».

Дальше идёт само стихотворение под названием «Новогодняя дума»:

Новогодняя ночь, голубая, морозная,
Даже здесь, на войне, она так хороша!
Вся в сверкающем инее, яркая, звёздная…
В эту ночь у солдата тоскует душа.
Ведь у каждого где-то далёкая родина,
Кто-то ждёт новогодний привет фронтовой.
Мы напишем, что много дорог уже пройдено
И что скоро вернёмся с победой домой…
Я пройду по засыпанным снегом дорожкам,
Под ногами знакомое скрипнет крыльцо.
Угадаю за льдистым узором окошка
Материнское милое сердцу лицо…
А пока на венгерской земле мы воюем.
Мы хотим уничтожить фашистское зло.
О погибших товарищах тяжко горюем,
Ну, а нам, уцелевшим в войне, повезло.

Стихотворение без всяких скидок можно назвать хорошим. Оно очень лирично по настроению, впечатляюще по нарисованной пейзажной картинке, довольно крепко, добротно по форме. Интимные чувства здесь органично переплетаются с гражданскими мотивами, и всё это выражено просто, без громких фраз, без излишней патетики. Не совсем был прав тот, кто утверждал: когда говорят пушки – музы молчат. Нет, молодость есть молодость, она и во время войны не черствела душой, тянулась ко всему светлому, жизнеутверждающему, что хотели бы, но не смогли истребить фашисты. Тяжело на войне, где каждый день убивают кого-то из твоих товарищей по оружию, но не убита, живёт в солдате способность восхищаться красотой новогодней ночи, не убита любовь к очень далёкому краю, к родной избе, где ждёт тебя любимая и любящая мать…

Мария Зубова говорит о себе, что и теперь она осталась немного поэтом. И мы были бы рады получить от неё стихи, написанные недавно. Бывшему фронтовику есть что вспомнить, есть о чём рассказать – вот так лирично, доверительно – нынешнему молодому поколению.

На отдалённых подступах к воинской тематике – стихотворение прокопчанина Марлена Листовского:

Далёкий год сороковой.
Россия в дымке предрассветной.
Трава, залитая росой,
Звенит под стойкою штакетной.
И сладкий утренний туман
Ложится упряжью клубистой
На плечи влажные полян,
Их хомутуя мглой волнистой.
В саду, где спелый виснет плод,
Несмело вскрикнула пичуга.
И вот уже вовсю идёт
Из горла звонкая речуга.

Высокой мирной тишиной
В деревне пахнет и в ауле.
И в Бресте парень молодой
Стоит с ружьём на карауле.
Ещё не подняв дуло влёт,
С ещё не вызревшей тревогой
Следит он взглядом за дорогой,
Что в Польшу близкую ведёт.
Далёкий год сороковой!
И ни одна душа не знает,
Что там, за польской стороной,
Нас год военный ожидает.

Автор попытался вообразить, представить, как было в мире за год до войны. Попытка эта малоудачная. Дело в том, что во всех подробностях рассветной земли, даже в упоминании о солдате в Бресте и о дороге, ведущей к границе с Польшей, много условного – всё могло быть так и не за год, а за месяц до войны. Что было характерно именно для сорокового года, – а ведь что-то было же, – осталось за рамками стихотворения. Не всё хорошо здесь и по словесной структуре. О траве «под стойкою штакетной» сказано, что она «звенит». Это «звенит», может, и поэтично, однако неточно. Если бы речь шла о сенокосе, тогда другое дело – под острой стальной литовкой, которая звенит от прикосновения к толстым, твёрдым будыльям, «пучкам» (сибирское) и трава кажется звенящей. Пародийна строчка «Из горла звонкая речуга». Это напоминает разговорно-шуточное «толкнуть речугу». «Следит он взглядом за дорогой» – свободно можно обойтись без слова «взглядом». Смысловая неточность в строке: «Что там, за польской стороной». Не за польской стороной, а за границей с ней.

Отмеченные недостатки, видимо, результат спешки при написании этого стихотворения. Вообще-то Марлен Листовский обладает несомненными поэтическими способностями, в чём убеждаешься, читая некоторые другие его вещи. Например, вот это восьмистишие:

…И жизнь опять проходит мимо,
А я – без связи твёрдой с ней –
Ищу всё ж с верой негасимой
Улыбки встречной у людей.
Вот так трава, что в зное вянет,
В тисках погибельной беды,
За подаяньем стебли тянет,
Прося живительной воды.

Здесь уместно упомянуть об известном факте из переписки двух великих людей, один из которых писал другому: извините за длинное письмо; оно получилось у меня таким потому, что не было свободного времени. На первый взгляд, это звучит парадоксально, а по сути очень верно. Писать коротко, сжато гораздо труднее, чем длинно, многословно. Краткость требует большой предварительной работы, длительного обдумывания того, что собираешься сказать.

В приведённом выше стихотворении всего восемь строк, а сутью своей, образностью они, эти восемь строчек, весомее иных двадцати – тридцати. Марлен Листовский поставил перед собой задачу: передать определённое состояние души в какие-то нелёгкие для человека часы и дни, может быть, в дни, которые гнетут сомнениями, разочарованиями в себе, в своих силах и возможностях, и успешно справился с этой задачей. Все слова в данном случае – точные, единственно необходимые, все они – на своём месте. Ничего лишнего, ничего недостающего.

И вместе с тем Марлену Листовскому не следует обольщаться, имея в своём активе отличное восьмистишие – многие другие его стихи можно сравнить с клочками земли, которые сплошь заросли сорняками, и сам автор не замечает этого.

Светлана Держунина из Новокузнецка прислала нам подборку лирических стихотворений, которые привлекают большой искренностью, непосредственностью выражения восторженных чувств, присущих молодости. Все стихи в подборке – приблизительно на одном уровне, так что можно взять их для знакомства с любой страницы рукописи, ну, скажем, вот это, под названием «Зимний день»:

В морозный день я выйду из дому.
Глаза прикрою от лучей.
Зима, как клад, должно быть, издавна
Хранит в снегу огонь свечей.
Пойду по тропке в парке бархатном,
Любуясь снежностью берёз.
Притронусь лишь – песочком сахарным
Осыпит руки мне мороз.

И скроюсь я за белой дымкою,
А там, за ней, вся в серебре,
Стоит зима и звонит льдинками –
Зовёт на торжество к себе.
Окутав плечи шёлком ласковым
И голову прикрыв фатой,
Она стоит хозяйкой властною
Над покорённою землёй.

Первое, что сразу улавливаешь при чтении процитированных строк, это то, что автор довольно уверенно владеет техникой стиха (особенно ритмом), свободно распоряжается словами – ни малейшей

скованности в выражении мыслей и чувств. Светлана Держунина смело обращается к очень сложной рифме – к рифме дактилической (с ударением на третьем от конца слоге; этой рифмой в совершенстве владели в основном классики, а из них в первую очередь – Некрасов), и кое-где молодому автору удаётся добиваться отличных созвучий (из дому – издавна).

Второе ценное качество стихотворения «Зимний день» – его образность. Например, снежность берёз, бархат зимнего парка, сахарный песочек снега, ласковый снежный шёлк. Правда, есть тут и существенные погрешности в языке: в слове «звонит» ударение должно падать не на первый, а на последний слог; вместо «осыпит» следовало написать «осыплет». Эти ошибки, думается, от неопытности, от малого навыка в литературном творчестве.

Сказанное выше – и похвальное, и критическое – можно отнести и к следующему стихотворению:

В тайге, средь сосен – белый дым.
И нет костра, туман не тает.
Стал лес как будто молодым,
В тревожных запахах витает.
Как не понять мне эту грусть,
Когда самой лишь девятнадцать.
На зов тайги я обернусь –
И сердце будет волноваться.

О, юность! Как прекрасна ты.
На струнах солнца песня льётся!
Ты даришь жизни нам цветы,
В тебе огонь волшебный бьётся.
Я возвышаю твой разбег.
Нам, юным, всюду время мало.
Так пусть растёт в тайге побег
На смену соснам величавым.

Снова – искра поэзии: «На струнах солнца песня льётся». И в целом стихотворение – образное: деревья в лесу воспринимаются нами, как люди. Старые грустят, что жизнь прожита, всё позади, но радует их, что на смену идёт новое, юное поколение, чей «разбег» с любовью возвышается автором.

И, как в первом стихотворении, опять некоторые ошибки: правильно не «время мало», а «времени мало». «Описка» досадная. Ради свободного выражения мысли Светлана Держунина жертвует благозвучием рифмовки, рифмует несозвучные слова: мало – величавым. Это заметно снижает качество строк.

И ещё небольшое стихотворение – о любви:

Я принесла тебе несчастье –
Своей я покорила властью.
Ты у меня в руках, как птица,
Метаться будешь, с криком биться.
Не вырвешься теперь из клетки –
Стрелок всегда я злой и меткий.

И вряд ли сможешь ввысь сорваться:
Со мною суждено остаться.
Ты в битве потерял все перья.
Меня ты любишь. Мне ты веришь.
Ты весь в моей незримой власти…
Я окрылила тебя счастьем.

С каким чисто женским лукавством сказано всё это! Лирическая героиня упивается своей властью над якобы несчастным от этого юношей, хотя если отбросить в сторону лукавство, лёгкую иронию по отношению к любимому, то окажется на деле, что он охотно готов и даже рад быть в плену своей избранницы: ведь она окрылила его счастьем…

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1978. – 2 февраля. – С. 3.

ПОКЛОН СОЛДАТАМ

Февраль нынешнего года был знаменателен славной юбилейной датой – 60-летием Вооружённых Сил СССР. В февральском обзоре мы обращались ко всем, кто пишет в нашу редакцию, с пожеланием откликнуться на эту дату стихотворными произведениями. Наша просьба не осталась без ответа – пусть с некоторым опозданием, но многие авторы прислали свои стихи, посвящённые Советской Армии, фронтовым и мирным будням её. И, конечно, особенный интерес представляют поэтические работы бывших фронтовиков, недавних солдат – лучшие годы жизни и тех и других отданы службе в армии, и то, что выходит из-под их пера, не высосано, как говорится, из пальца, а основывается на лично пережитом.

О своей армейской, фронтовой юности написал цикл стихотворений Владимир Ерёменко из посёлка Тисуль. Цикл открывается стихотворением «Сибиряки»:

У переправ – сибиряки.
В снежинок вихрь вечерним часом
Мерцали тусклые штыки
С плескавшихся во мгле баркасов.
О гальку поступь каблуков,
Хрустя напористо, скользила.
Текла от волжских берегов
В траншеи к нам людская сила.
– Откуда столько вас, братва,
Горячих в ледяную полночь?
– Не обошлась без нас Москва,
И к вам не в гости мы – на помощь!..

Рассвет морозный тихо рдел.
Синели первым снегом дали.
И вдруг, как с неба гром, взревев,
Орудий бури взбушевали.
Рубил огнём ударов степь
Сквозной, дробящий шквал металла,
Стремясь во что бы то ни стало
Всё злое, вражье смять, стереть!
Полков поднявшихся «Ура!»,
Весь жар солдатских дум вбирая,
От Волги эхом до Днепра
Пробилось, подвиг утверждая.

Гремели танки вдалеке…
Дымились кухни… И по-свойски
Любивший кашу Рокоссовский
Ловил пельмени в котелке.

Стихотворение, приведённое здесь, по технике стиха местами шероховато (например, вместо «о гальку скользила» следовало сказать: «по гальке скользила»), зато по содержанию, по сути всё очень точно, достоверно. Продумана каждая художественная деталь. Сибиряки, как известно, отстояли в сорок первом году Москву, а позднее сибирские дивизии разгромили фашистов под Сталинградом. Не кажется нам нарочитой, условной строфа, где упоминается Рокоссовский – она усиливает мысль стихотворения: разгром сталинградских группировок врага идёт успешно, и у командующего фронтом хорошее настроение, хороший аппетит…

Но не только победами устлан был путь советских солдат в дни величайших сражений, в огне войны каждый день сгорала чья-нибудь жизнь и поэтому вполне органично входит в цикл Владимира Ерёменко стихотворение, проникнутое печальным настроением:

Кто в этом горе виноват?
Такой обиды не прощают.
Её навек запоминают,
А на войне – сурово мстят.
На свет лица, на солнце кос
Последний раз взглянуть осталось…
Вернуться в край родных берёз
Тебе, любимая, мечталось.
Бесчеловечностью страшна,
Тая к нам, юным, злую зависть,
Как будто медлила война,
Ударить сразу не решаясь.

И вот безмолвья глубину
Лопаты рвут, взломав… Всё глуше
Земля чужая, сыплясь, рушит
Моей любви мою весну…
В краю, где ты ещё жила,
Где мать с отцом, где память близких,
Всё ждал тебя берёз сибирских
Тревожный трепет у села…
Вскипая местью – кровь за кровь, –
Ведя вперёд меня, на запад,
Не научившаяся плакать
В горниле подвигов – любовь!

Тяжела на войне потеря друга-солдата. Вдвойне тяжелее, если этот солдат – девушка, женщина. Этим горьким чувством проникаешься до глубины души, читая процитированное стихотворение, лишённое всяких поэтических красот, суровое и сдержанное, как само солдатское горе…

О ратной доблести советских солдат написаны сотни томов, однако и через тридцать с лишним лет после победы над гитлеровцами не притупился наш интерес к произведениям, прославляющим солдатские подвиги. С чувством гордости за безымянного героя читаешь стихотворение «Телефонист», которое прислал нам военнослужащий Владимир Любимов:

Опять связистам нет покоя –
Прервалась с батальоном связь.
И вот ползёт солдат в гул боя,
Где строчка провода вилась.
Он скромен, кабель телефонный,
Но тоже бой ведёт с врагом.
И лентой изоляционной
Он перевязан, как бинтом.
Проходит провод под руками,
Вот здесь обрыв. Но в тот же миг
Вдруг разом помутилась память –
Осколок вражеский настиг.

С последней силой оскуделой
Сжал провода концы солдат,
И через стынущее тело
Приказ «В атаку!» дал комбат.
За наступающей волною
И санитары шли вослед.
В штаб части сдали после боя
Насквозь пробитый партбилет.
Большевики такой породы –
Им мужества не занимать,
Чтоб атакующие роты
И после смерти подымать.

Многим начинающим авторам мы часто вынуждены напоминать высказанную ещё критиком Белинским истину о том, что поэт должен мыслить образами. Именно так подходит к своей поэтической работе Владимир Любимов – он не ограничивается простым рассказом о том, что является содержанием стихотворения, он изображает, рисует словом картину, в которой для читателя всё живо, зримо. Другой бы, менее одарённый автор, только сообщил, что телефонист был коммунистом, а здесь мы читаем: «В штаб части сдали после боя насквозь пробитый партбилет». Одна эта художественная деталь стоит многих и многих высокопарных, общих слов, общих фраз.

И ещё одно наблюдение. Размер, которым написано стихотворение «Телефонист» (четырёхстопный ямб), – самый распространённый среди пишущих, его не минует ни один из поэтов, и частое использование этого размера сделало его в большой мере стереотипным, шаблонным. А в данном стихотворении этот ямб – упругий, энергичный – кажется самым необходимым, настолько правильно он выбран автором для раскрытия темы подвига.

Интересные, на наш взгляд, поэтические миниатюры прислал кемеровчанин Василий Мирошничено. Первая под названием «Поле боя»:

Бой, гремя, ушёл на запад,
А дымы – хвостами к югу.
Смерть и кровь. И гари запах.

Тишина по всей округе.
Здесь кругом земля изрыта…
Осторожно с поля брани
Схоронили всех убитых
И убрали тех, кто ранен.
Подорвавшись, танки дремлют,
А воронки – раны, раны…
И бинтует вечер землю
Белой марлею тумана.

Когда поэту есть что сказать, он находит самую различную форму для выражения своих мыслей и чувств. В данном случае автором избрана пейзажная зарисовка, и, надо сказать, используется она разумно. Природа помогает автору оживить тему образом: воронки – это раны, которые вечер бинтует белой марлею тумана. Это не придуманный поэтический приём, а естественное одухотворение окружающего мира, мира природы, и в этом удача небольшого стихотворения.

Кемеровчанин М. Новиков назвал своё стихотворение «Единство». Это символ душевного родства солдат разных поколений – того, кто брал на свои плечи тяжёлую ношу минувшей войны, и того, которое приобщалось к армейской судьбе уже в наше, мирное время:

Белая дорога.
Хаты-терема.
Хороша, ей богу,
Русская зима…
Я стрелял из пушки,
Наводил буссоль.
На лесной опушке
Я делил хлеб-соль.
Подавал мне руку
Командир сержант.
Я пожатью друга
Искренно был рад.
Вспоминал он Волгу,
Не таил письма.
Я – свою дорогу,
Хаты-терема.
…Накануне даты
Армии родной
Вспомним о солдате,
Что крещён войной.
Он стрелял из пушки,
Наводил буссоль.
На лесной опушке
Он делил хлеб-соль.
Только под берёзой
Друг упал в снегу.
И, глотая слёзы,
Воин мстил врагу.
Мстил и знал:
есть Волга,
Хаты-терема.
Белая дорога.
Русская зима.

Очень продуманно построена композиция этого стихотворения: дважды оно начинается строфой одного смыслового значения: «Я стрелял из пушки…» и «Он стрелял из пушки…». Этот удачно найденный рефрен – как перекличка двух поколений, двух солдат, разных по возрасту, но одинаковой, вернее, сходной судьбы. Разница в их жизненном, солдатском пути лишь в том, что первый стрелял из пушки на учениях, а второй – в настоящем бою. И первый, молодой человек наших дней, хранит в своём сердце священную память о втором, который в дни Великой Отечественной войны был так же молод, как и он. А единство их – в любви к Родине, в готовности защищать её от любого, самого сильного коварного врага, чтобы всегда легко несла свои воды Волга-матушка и радовала сердце русская зима с белой, убегающей к горизонту дорогой…

Закончить сегодняшний обзор солдатских произведений мне хочется стихотворением «Письмо», принадлежащим перу кемеровчанина Казновского (имя и отчество на конверте не указаны):

Здравствуй, отец!
Трудно мне начать
Письмо к тебе,
в вечность адресованное.
За столом напротив
сидит мать,
И лицо у неё мокрое.
Сегодня день рожденья,
тебе шестьдесят,
Под фотографией –
живые цветы.
За «здоровье твоё»
нам не сказать,
Лишь за память,
что твои
сохранила черты.
Да! Сегодня тебе
шестьдесят!
И всё же ты
моложе меня!
С деревьев сойдёт
не один листопад,
И станет страною
одной Земля.
А ты останешься
всё тем –
С удивленьем
в глазах молодых,
В гимнастёрку
защитную одетым,
Живее многих живых!
Отец! Я родился
в тот день зимой,
Когда ты упал
с развороченной грудью,
И мать, предчувствуя
себя вдовой,
Назвала меня
с затаённой грустью
Именем твоим.
Теперь мой сын –
Ветка дерева одного.
О, если бы прекратился
твой сон,
Ты в нём узнал бы
себя самого.
Отец! Я докопал
колодец,
который начал ты.
Помнишь, среди вишен
и берёз?
Вода в нём – отраженье
твоей чистоты,
И в жару холодна,
как в мороз.
Полсела к нам идёт
за водой.
Шофера заезжают
попить.
Вот какой завидной
судьбой
Продолжаешь ты
жить!
Отец! Мы были у тебя,
приезжали.
Твоя фамилия нас
холодом гранита
обожгла.
Друг против друга
стояли и молчали,
Так, что слышно стало,
как заплакала земля.

И я почувствовал себя ребёнком
У твоих каменных сапог.
Знаю, ты хотел бы взять меня на руки,
Но товарищей оставить ты не мог.
Потом нам говорил пламенно и нежно
Языком Вечного огня
О том, что жизнь прожил ты честно,
Таким желаешь видеть и меня.
Отец! Тебе, как знамени, я дал присягу.
И если что – стоять одетым в гранит
Мне на земле…
Передав любовь, верность и отвагу
Потомкам, идущим за нами вслед.

Пусть не смущают читателей вольный размер и приблизительные рифмы в этом стихотворении. Подобная «вольность» стоит того, чтобы простить её автору, потому что по мыслям, образам, большой эмоциональности «Письмо» покрепче многих гладкописных стихов. Оно – как поэтический аккорд, заслуженно венчает всё, о чём говорилось выше. Это «Письмо» – своего рода земной поклон живым и мёртвым солдатам.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1978. – 25 марта. – С. 3.

УСПЕХ – В РАБОТЕ

Любовь. Какое это прекрасное, возвышающее душу чувство! А. М. Горький как-то заметил, что все влюблённые – поэты. Любви присуще самое лучшее, что есть в человеке, в том числе высокое благородство. Вспомним знаменитые пушкинские строки: «Я вас любил, любовь ещё, быть может, в душе моей угасла не совсем, но пусть она вас больше не тревожит, я не хочу печалить вас ничем!» И в заключение – исключительно человечное проявление благородства: «Я вас любил так искренно, так нежно, как дай вам бог любимой быть другим».

Любовь тем сильней, благотворней, когда она взаимна. Но бывают в любви и тёмные стороны: взаимное охлаждение, даже отчуждение. В быту об этом часто говорят: не сошлись характерами. И тогда наступает разлад в отношениях, а иногда и полный разрыв. О подобном случае попытался написать прокопчанин Владимир Жиденко в стихотворении «Прощание»:

Перрон. И скоро отправленье,
Вот-вот отправку прокричат.
И этим громким извещеньем
О расставаньи возвестят.
Она без видимой охоты
Стоит, и как-то невпопад
Ему наказывает что-то,
И в сторону уводит взгляд.
В его глазах тоски наплывы
Упрятаны на самом дне.
Он думает: «Ах, как фальшивы
Её заботы обо мне…».
Но, затаив глухую злобу,
Не говорит об этом вслух.
«А клялись быть верны до гроба.
И вот… огонь любви затух».
Но как ни думай, всё же надо
На новый адрес отъезжать,
Хотя душа совсем не рада
Её другому отдавать…
Нашарив поручни, поднялся,
По ходу предъявив билет.
Язык как будто бы отнялся,
И нужных слов для речи нет.
Она в отместку не находит
Хотя бы пару добрых слов.
И отчуждённым взглядом водит
По крышам дальних поездов.
В сухом молчанье недвижима,
На сердце – ледяной наруб.
Вагон пошёл, скользнувши мимо,
И всё же дрогнул угол губ!..

С первого же прочтения легко заметить, что автор недостаточно тщательно поработал над стихотворением, здесь много частных недоделок. Они обнаруживаются в самых начальных строчках: «Перрон. И скоро отправленье». Из этой «информации» вполне ясно, что скоро поезд тронется, но автор зачем-то дополняет сказанное: «Вот-вот отправку прокричат». О ком это: прокричат? Непонятно. Если имеется в виду гудок паровоза или электровоза, то не прокричат, а прокричит. Двух строк о скорой отправке поезда автору показалось мало, и он продолжает разжёвывать ясную мысль: «И этим громким извещеньем».

Хорошо, что переданы конкретные мысли уезжающего, а вот о ней сказано слишком отвлечённо, абстрактно: «Ему наказывает что-то».

Нечётко передано главное чувство героя. Сперва говорится, что в «его глазах тоски наплывы», а чуть ниже: «Но, затаив глухую злобу». Так что же главное в душе человека: тоска или злоба? А если в ней, в душе, одновременно и то, и другое, то надо было автору найти какие-то строчки, которые бы свидетельствовали о глубоких переживаниях героя, о целой гамме различных чувств. Про героиню говорится

ещё более бегло, и так же невыразительно: «Она в отместку не находит хотя бы пару добрых слов». Это и психологически бедно, и по смыслу не очень продуманно: парой могут быть два ботинка, две перчатки, любые парные вещи, а говорить так: «пару слов» – не знать хорошо законы языка, в поэтической вещи допускать неправильные (слишком просторечные) словосочетания. И ещё неточность в самом конце: «Вагон пошёл, скользнувши мимо». Если «скользнувши», то не пошёл, а прошёл, а если «пошёл», то скользя, проплывая.

Мы потому так много внимания уделили этому стихотворению, что в замысле его – большие возможности раскрыть тему любви с её мрачной стороны. Но как показал подробный разбор строчек, Владимир Жиденко не справился с поставленной перед собой целью – художественно достоверно и психологически тонко отобразить интимные отношения персонажей в довольно острой конфликтной ситуации. Причина этого, как нам кажется, не в недостатке способностей у автора, а в том, что мало поработал он над стихотворением, допустил небрежность в обращении со словом, дал себе поблажку в поисках точных строк и строф. Из этого следует вывод: успех – в работе.

Александр Фадеев в письме к одному из начинающих литераторов высказал глубокую мысль: «…каждое лирическое стихотворение – это мысль и чувство одновременно, и форма каждого такого стихотворения совершенна тогда, когда в немногих строфах удаётся передать эту гармонию мысли и чувства, то есть их эмоциональное и логическое развитие, где есть начало, подъём и завершение». Хотелось бы, чтобы все наши авторы, которые пробуют писать лирические стихотворения, запомнили и претворяли в дело это замечательное высказывание Фадеева, писателя с удивительно точным пониманием принципов любого – прозаического или стихотворного – произведения.

Стихотворением о любви открывается большая подборка поэтических сочинений, присланная Игорем Иванченко из Юрги:

Такое что-то происходит с нами,
Что ближе стать мы так и не смогли.
Люби меня в густеющей дали,
Припоминай хорошими словами.
Недели мчатся, словно кони, вскачь,
Свирепый ветер их толкает в спину.
Разлуку нашу в сторону не сдвинуть…
Ночами обо мне, прошу, не плачь.
Не жги подушкой мокрое лицо.
Тут не такое нужно облегчение –
Губить себя на грани отречения.
Тут надо бросить в ящик письмецо,
Где между будних строк зашифровать
Слова любви. И я их отгадаю…

Мы души неизвестностью пытаем
И привыкаем – а зачем? – страдать.
Зачем от слёз незрячими глазами
На внешний мир бессмысленно смотреть?
И каждодневно тлеть, а не гореть?
И горестно следить за поездами?
Приеду. Сердцу сразу станет колко.
В колени тткнусь, как в давнем детстве – маме.
Рукам знакомым голову подставлю…
«Прости, что ожидала очень долго».
…Разлуки снег и холоден и густ.
Слагаются недели в месяца.
А я не вижу твоего лица…
Хоть не ходи – почтовый ящик пуст.

Нельзя сказать, что стихотворение оставляет нас равнодушными. Но многое в отношениях героев хотелось бы прояснить, потому что не всё в нём, говоря словами Фадеева, получило «эмоциональное и логическое развитие». Вначале автор заявляет с горечью: «Такое что-то происходит с нами, что ближе стать мы так и не смогли». Судя по всему, девушка на любовь лирического героя не отвечает взаимностью (в его-то горячем чувстве, выраженном на протяжении всего стихотворения, мы не сомневаемся). А он любит так крепко, что даже прибегает к заклинанию: «Люби меня в густеющей дали, припоминай хорошими словами». Дальше мысли развиваются не совсем логично. Если она и он не смогли стать близкими, то откуда же у него такая уверенность, что она плачет о нём по ночам? У нас нет даже и предположения об этом. Но автор упрямо «гнёт свою линию»: «Не жги подушкой мокрое лицо». Вроде ведь не любит девушка, с какой же стати она будет плакать? Нет здесь никакой логики.

Герой просит, молит о строках, в которых бы она зашифровала слова любви (он их отгадает!). А что, если любви как раз и нет? Была бы – были бы и письма. И совсем незачем при таких взаимоотношениях ударяться в отвлечённую «философию» насчёт того, что порой влюблённые не горят, а тлеют и т. д.

В разных словесных вариациях в начале и в конце говорится об одном и том же (девушка далека от любящего не только в смысле расстояния), а то, что в середине, в большинстве строк – необязательные рассуждения не об этой, конкретной любви, а на тему любви вообще. И по этой причине стихотворение не состоялось.

И опять-таки, на наш взгляд, дело не в бесталанности автора, а в его легковесном отношении к теме: похоже, что она подсказана не жизнью, а книгами, наводящими на размышления о любви.

Более удачно в этом смысле другое стихотворение, где мысль и чувство выражены в немногих строфах, а потому – точнее и проще:

Любили без опаски –
В полный рост!
Любили руки
Преданность волос.
Глаза любили
Молодости цвет.

Любили души,
Преломляя свет
На ласку,
На тепло,
На доброту…
Любили

Отношений простоту.
Нет, невозможно
Перечислить здесь всего…
Как я – тебя,
Любила ты его!

И не нужно перечислять что-то ещё, как и что любили – и так сказано, хотя и коротко, но о многом, о главном. В этом сила стихотворения. Вместо рассудочности, присущей первому стихотворению, здесь поэтические детали; особенно хороша деталь: «Глаза любили молодости цвет». Это сказано впечатляюще, выразительно и по-своему. Побольше бы в стихах начинающих авторов вот таких поэтических находок-открытий!

Есть и ещё стихи о любви в солидной подборке Игоря Иванченко. К сожалению, они так же рассудочны, как и процитированное первым. Лучше мы приведём стихотворное размышление о поэзии, о поэтическом труде:

Поэзия!
Страдаю и люблю.
Твоё дыханье лёгкое ловлю.
Уходят люди –
Ты всегда жива.
Как волны,
Катишь вечные слова.
Поэзия!
Ты скрыла с головой,
Перечеркнула будничный покой.
Ничем уже
С тобой не совладать,
Не разлюбить,
Не бросить, не предать.
Поэзия!
Глаза твои чисты.
Прочны стихов ажурные мосты.
И я безбоязно
По ним иду, иду…
На радость,
На удачу, на беду.

Отличное стихотворение. И это тем радостней, что оно – о поэзии. Плохо бывает, когда о таком красивом искусстве, как поэзия, говорят стихами корявыми, неряшливо написанными, а здесь всё ладно скроено, всё крепко сшито – от первой до последней строчки. Видно, что работа над этим стихотворением проделана основательная. И в замысле, и в исполнении оно – определённая удача.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1978. – 29 апреля. – С. 3.

СЛОЖНОСТЬ И ПРОСТОТА

Когда-то, в начале нашего столетия, кое-кто склонен был считать поэзию уделом избранных: мол, и сами поэты люди не от мира сего, и стихи их не должны быть понятными любому и каждому. Молодые «избранники божии» категорически отрицали все существовавшие до них художественные формы, организовывали свои литературные группки, которые, по их убеждению, должны были сделать революцию в русской литературе. Даже одно название этих группок звучало по-новому: вспомните символистов, акмеистов, имажинистов, лефовцев. Последние, например, в своё время имели дерзость выдвинуть такой смелый, как им казалось, а на деле далеко не умный лозунг: «Долой Пушкина с корабля современности!»

Молодости присущи творческие искания, она не хочет идти проторёнными путями: ей кажется, что о новом по-новому можно сказать лишь в том случае, когда всё чрезвычайно усложнено – и в выражении мыслей, и образность, и строфика. Но минует какое-то время, и любители всяческих словесных ухищрений, всякой ложной сложности возвращаются в своём творчестве… к пушкинской простоте. Есть резон задуматься: почему это происходит? Наверно, потому, что поэт начинает сознавать: то, что непонятно никому, кроме него самого, не нужно, а ведь он хочет, чтобы его читали не только друзья. А о том, какие стихи пишутся иногда в ранней молодости, красноречиво свидетельствует один характерный факт. Как-то большому советскому поэту – не будем называть его имени – литературовед показал стихотворение, давным-давно написанное этим поэтом и уже забытое им, показал, чтобы узнать мнение самого автора. Тот долго ломал голову над своим юношеским опусом, а затем сказал смущённо: «Только теперь, через сорок лет, я понял, что хотел сказать этим стихотворением». Вот такие курьёзы бывают с заумными строчками.

О сложности и простоте поэзии мы завели речь не случайно – и в нашей редакционной почте иногда попадаются сочинения, смысл которых с первого прочтения не поймёшь. Вот свежий пример: большая подборка лирических стихотворений кемеровчанина Сергея Лебедева. В одном – в самом главном – молодой поэт стоит на правильном пути: нет у него ни одного стихотворения, где тема решалась бы прямолинейно, в лоб, все его мысли и чувства, все картины природы, окружающего мира облечены в образы, в метафоры. Другое дело, что эта образность и метафоричность слишком усложнены, объясняются они, как нам кажется, авторским желанием во что бы то ни стало найти свою, оригинальную форму для самовыражения.

Давайте познакомимся с одним, самым «простым» для понимания стихотворением Сергея Лебедева:

Не вспомнить темы разговора.
Хотя бы что-нибудь одно.
И как гостиничные шторы
Скрывали тёмное окно.
Как мы в припадке самомнений
Несли довольно чепухи
И с полусогнутых коленей
Читали лучшие стихи.
Как молодые птицеловы,
Уже у запертых дверей
Ловили ласковое слово
Двух засидевшихся гостей.
Они прошли мимо швейцара,
Как, выходя, минуют слуг,

Когда заброшенность бульваров
Ночной настраивает слух.
Мы почему-то оглянулись:
Сквозь беглость дальнего лица
Нас удивила тяжесть улиц
Без ощущения конца.
Куда им было – мы не знали.
Но почему-то с той поры
Я в каждом купленном журнале
Жду продолжения игры!
Чтоб из кусков добытой глины
Лепить задумчивых мужчин,
Их независимые спины,
Их уходящие плащи!

Стихотворение технически сделано весьма уверенной рукой, но необходимо прочесть его и раз, и два, и три, чтобы хоть приблизительно представить ту ситуацию, которая здесь описывается. А ситуация эта, как видно, такова. В гостиничный номер, где обитает с кем-то, может быть, с другом, лирический герой, зашли два гостя. И тех, и других случайно связала любовь к поэзии – они пишут стихи и с упоением читают их друг другу. Состоялся своего рода маленький вечер поэзии. Потом гости уходят домой, а оставшиеся ещё долго думают о них. И даже теперь, спустя какие-то годы, покупая свежий номер журнала, надеются найти стихи тех двоих, ушедших в ночь.

Хотя Сергей Лебедев довольно свободно обращается со словесным материалом, всё же в некоторых местах он допускает неточности. Например: вместо «мы оглянулись» надо было сказать, что мы посмотрели вслед (из вестибюля гостиницы, где остались вместе со швейцаром). И ещё: «Жду продолжения игры!» Слово «игра» сводит на нет всю серьёзность творческого вечера. Нет, не продолжения игры ждёт герой, а продолжения встречи с поэзией, с новыми стихами чем-то полюбившихся в тот памятный вечер двух новых друзей, с кем, может быть, уже не придётся свидеться.

Сергей Лебедев, повторяем, мыслит образами, а это одна из основных предпосылок для настоящего, серьёзного творчества. И совет на будущее хочется дать ему такой: поскорее освобождаться от излишней образной усложнённости, писать проще и понятней, не создавать нечто такое, про что с усмешкой говорят: «Ну и накручено!» Конечно, не в ущерб образному мышлению надо стремиться выражать себя так, чтобы можно было вместе с Александром Твардовским сказать про свои лучшие произведения: «Вот стихи, а всё понятно, всё на русском языке».

Много разных способов и приёмов, при помощи которых можно добиться удачи, создавая то или иное стихотворение. Где-то наше внимание привлекает богатая образность, а где-то подкупает просто возвышенное поэтическое настроение, почти детская непосредственность чувств. Приятное впечатление оставляют простые, но искренние стихи кемеровчанина Валерия Артемьева – он, как говорится, не мудрствует лукаво, а изливает свою душу, которая открыта навстречу многим простым житейским радостям. Вот, скажем, это:

Топятся бани
В низине у речки.
Дыма пахучего
До неба свечки.
Хрустит аппетитно
Январский снежок.
Я с веничком вышел.
Ух! Хорошо!
Зноем палящим
Приморского юга
Ждёт не дождётся
Субботнее чудо.
Там кадки
смолисты.
В поту до истомы
С водой родниковой,
С листочком
кленовым.
И я уж не в силах,
Удержу уж нету –
Закутаюсь паром
И с веничком влезу.
…А полки, а стены
Пропитаны жаром,
Таёжной тоскою,
Сосновым пожаром.
Тут разве до скуки,
Терпели бы руки,
Да ноги держали,
Да уши не вяли!
И тело застонет
И, веса не зная,
В пуховых сугробах
Тоску изгоняя.
…Сибирские бани,
Сибирское диво,
Как жбанчик
домашнего
терпкого пива.

Про это стихотворение никак не скажешь, что оно вымучено, придумано – настолько тут всё предметно, реально, жизненно. Мы хорошо видим эту знаменитую сибирскую баню, вместе с лирическим героем входим в неё, вместе с ним явственно ощущаем специфические банные запахи, жар и прохладу от родниковой воды, одним словом, отдыхаем телом и душой, отдаваясь стародавнему крестьянскому «ритуалу» – всласть попариться свежим веничком. Всё это – исконно народное, с детства близкое и родное любому деревенскому жителю, который, если даже он давно переехал в город, с чувством большой симпатии к автору заново переживает радостные минуты, так точно переданные автором. А не в том ли и одна из задач поэта – заставить читателя сопереживать с тобой? Если этого нет – стихотворение, будь оно безупречным, прочитано и тут же забыто.

То, что Валерий Артемьев ещё не очень поднаторел в стихосложении, заметно с первого взгляда: он, например, рифмует совсем несозвучные слова «юга – чудо», «нету – влезу», не совсем грамотно строит фразы (в четверостишии «И тело застонет»), но все эти недостатки восполняются большой искренностью, которая делает простительными отдельные словесные и языковые погрешности.

Сопоставление неодушевлённых предметов с человеком, с его судьбой – давняя традиция русской поэзии. Кому не памятны гениальные строчки Тютчева: «Не то, что мните вы, природа: Не слепок, не

бездушный лик – В ней есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык». Стремление уподобить какой-то человеческой судьбе обыкновенные железнодорожные рельсы продиктовало Владимиру Тарабрину из п. Майский Прокопьевского района стихотворение под многозначительным названием «Назначение»:

К застывшим рельсам на морозе
Судьба по-своему добра:
Их металлические слёзы
Покрыты гладью серебра.
Но в одиночестве том жутком
Вдаль убегающих полос
Бывают радости минутки
Под перестук шальных колёс,
Когда лихая электричка
Или стремительный экспресс
Вдруг простучит по ним привычно,
Гудком пугая зимний лес.
И рельсам станет веселее
Невзгоды на двоих делить:
В тот миг понять они сумеют,
Что поездам без них – не жить!

Идея этого стихотворения очень гуманная, оптимистичная, жизнеутверждающая: легче переносить все невзгоды, если ты знаешь, что жизнь твоя – не бесцельна. В связи с этим уместно вспомнить письмо Некрасова к Толстому, где, в частности, говорится следующее: «По мере того, как живёшь – умнеешь, светлеешь и охлаждаешься, мысль о бесцельности жизни начинает томить, тут делаешь посылку к другим – и они, вероятно (то есть люди в настоящем смысле), чувствуют то же – жаль становится их, и вот является любовь… Вы замечаете, что другому (или другим) нужны вы – и жизнь вдруг получает смысл, и человек уже не чувствует той сиротливости, обидной своей ненужности, и так круговая порука… Человек создан быть опорой другому, потому что ему самому нужна опора…»

Возможно, что Владимир Тарабрин не читал или не помнил этого некрасовского письма, когда писал своё «Назначение», но как счастливо совпадают его мысли с мыслями великого поэта. Так что суть стихотворения не в пейзажной картинке с рельсами, а в более значительном – в попытке взглянуть на жизнь с философской точки зрения. И эту попытку надо признать во многом удачной. Жаль только, что по форме не всё в стихотворении тщательно отточено: режут взыскательный, чуткий слух приблизительные созвучия, такие, как *электричка – привычно, жутком – минутки* (*жуткий – минутки* – другое дело). Но в целом стихотворение заслуживает одобрения. Было бы хорошо, если бы автор создавал и новые стихотворения, ориентируясь на это. Кстати, о сложности и простоте. В основе «Назначения» – не простая философская мысль, а по манере письма всё здесь просто, понятно, логично, доступно восприятию не только любителя поэзии.

То, что и насыщенные глубокими мыслями и богатой образностью стихи должны быть простыми, понятными, знают многие. Но не все пишущие отдают себе отчёт в том, что у простоты есть ещё её нежелательное продолжение – простоватость, такое качество, которое граничит с примитивностью. Простоватость как будто та же простота, но такая, про которую в народе говорят, что она хуже воровства. Высокую благородную простоту надо всё же научиться отличать от убогой примитивности, к сожалению, многие молодые стихотворцы пока что не отличают.

Прокопчанин Александр Мурдышев прислал небольшую подборку пейзажных стихотворений. Все они примерно на одном художественном уровне, поэтому можно процитировать любое, ну, например, вот это – под названием «Март уходит»:

Март уходит. Чист, лучист
и светел.
Набухают почки тополей.
Вся природа в ожиданьи лета,
Пробуждаясь, дышит веселей.
Запылали пурпурные зори.
С гор воды потоки понеслись,
И, как будто меж собою споря,
Утверждают, как боренье, жизнь.
Скоро, скоро над широкой степью
Зазвенит чарующая трель.
Этой трелью жаворонок встретит
Смело наступающий апрель.

По форме стихотворение исполнено вполне прилично (можно, например, отметить удачно выбранный мажорный ритм), а по содержанию – увы – всё это так бедно, что не обогащает нас и единственная более или менее оригинальная по выражению строка: «Смело наступающий апрель». В остальном же – простая (на этот раз – простоватая) констатация факта: зима прошла – наступила весна.

Разумеется, всякий волен писать так, как подсказывают сердце, наклонности, пристрастия, любовь к тем или иным поэтическим «школам» и образцам. Но в любом случае надо находить свой голос, чтобы не слышались упрёки и замечания вроде: это напоминает раннего Блока, это – под Маяковского, то-то – почти пастернаковское, а вот это – под Твардовского. На первых порах приобщения к поэзии подражательность почти неизбежна, но нужно добиваться упорным трудом, чтобы эта пора не затягивалась на слишком длительный путь в литературе. Любой самый высокий образец должен служить лишь отправным пунктом для проявления твоей индивидуальности.

Вот что писал одному из своих корреспондентов Александр Фадеев по поводу первых глав поэмы «За далью – даль» Твардовского: «Мне они очень понравились… По форме… это (если откинуть кое-где длинноты) исключительно смело и свежо – особенно в том смысле, что давно уже никто не осмеливался так откровенно, почти нахально воспользоваться пушкинским ямбом, наполнив его, этот ямб, абсолютно своей, твардовской интонацией. Таким образом, я доволен за Трифоныча – «ни пуха ему, ни пера!»

Наполнять любой – пушкинский, некрасовский, пастернаковский – ямб, хорей, амфибрахий, анапест своей неповторимой интонацией – вот в чём весь секрет мастерства и залог творческого успеха.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1978. – 30 мая. – С. 3.

НЕ В ТЕМЕ ГЛАВНОЕ

Великая Отечественная война была, как пелось тогда в известной песне, войной народной, священной, она не миновала ни одну советскую семью, и сколько бы лет ни прошло со дня победы над гитлеровскими фашистами, не изгладится из памяти народа, не перестанут волновать его сердце события тех грозных времён. На военную тему написаны многие сотни стихов, поэм, рассказов, повестей, романов, пьес, и, несмотря на это, всё новые авторы продолжают создавать произведения, так или иначе затрагивающие эту тему. Пишут и бывшие фронтовики, и сыновья, и внуки их. Пишут, потому что не могут не писать: кто-кто, а поэт – пусть пока ещё непризнанный, поэт, как говорится, в душе – не может оставаться равнодушным к угрозе новой, ещё более разрушительной ядерной войны. Тревога не только за себя, а за будущие поколения диктует взволнованные, проникновенные строчки о любви к жизни, о ненависти к её врагам.

«День Победы» – так называется стихотворение кемеровчанина Николая Суменкова. Написано оно от лица сына или дочери фронтовика:

Гремели праздничные залпы,
Цвела салютами страна…
А мы всё ждали, ждали папу,
Не отрываясь от окна.
Казалось, вот по переулку
Пройдёт в шинели фронтовой,
В дверях возьмёт меня за руку,
Обнимет мамочку другой.
И будут радость и расспросы,
Медали в ряд одна в одну,
И синий дым от папиросы
Впервые в доме за войну.
И будут гости и веселье,
И папа в центре за столом
И мама рядом, вся в весеннем
Сияньи, в платье голубом.
И будут танцы, песни, песни,
Баяна звонкий перелив.
И счастью в доме будет тесно,
Как рекам у плотин в разлив.
Родня, знакомые, соседи,
Цветы весны, улыбки – нам!
– С победой вас, друзья, с победой! –
Мы будем слышать дотемна.
А за окном всё залпы, залпы,
В цветенье праздничном страна…
Мы ждали, ждали, ждали папу,
Не отрываясь от окна.

В связи с этим стихотворением хочется обратить внимание наших читателей (и, разумеется, начинающих авторов) вот на какую частность: за годы войны и за ближайшие годы после неё было создано – особенно поколением фронтовиков – множество произведений разных жанров, ярко отображающих великий подвиг советского человека на поле брани и в тылу, на заводах и пашнях. Художественный опыт этих поэтов и прозаиков никак нельзя не учитывать. Как в любой другой теме, и в теме войны и мира надо обязательно стремиться к открытию такого, чего не было ни в стихах, ни в прозе, иначе налицо будет копирование, повторение уже всем известного. Нельзя, работая над рассказом или стихотворением, надеяться только на то, что вывезет важность темы – тут-то как раз и надо быть требовательным к себе, как ни в каком другом деле, потому что читатель наш, современный читатель, в общей массе своей очень требователен, образован, эрудирован, его не удовлетворишь наспех сработанной вещью.

Стихотворение «День Победы» очень значительное по основной мысли: семья с нетерпением ждёт возвращения с фронта любимого отца и мужа. Так было во множестве семей, и в принципе многое, сказанное Николаем Суменковым, должно быть дорогим и понятным не одному ему. Но, к сожалению, в стихотворении много художественно и просто житейски неточного. Автор не постарался ясно представить день девятого мая – ясный, тёплый, залитый солнцем день, не сумел душевно перевоплотиться в маленького ребёнка, чтобы рассказ его даже по прошествии лет был достоверным по деталям, своеобразным по языку, характерно детским интонациям. А герой его стихотворения – действительно маленький ребёнок, это подтверждает сам автор: «В дверях возьмёт меня за руку». Большого одной рукой не возьмёшь – просто не хватит силы поднять.

Вот в этой художественной детали и видится нам то, что могло стать по-своему новым. Но не стало. Проследим с самого начала. «Цвела салютами страна». Разве в таком вот общем плане воспринимают дети окружающий мир? Нет, конечно. Ребёнок запомнил бы прежде всего что-то такое, что увидел сам: много смеющихся и плачущих людей на улице, какого-то знакомого дядю без ноги или руки, который ради праздничного дня надел на себя парадный китель со всеми орденами и медалями. Да мало ли что конкретного могли увидеть любопытные ребячьи глаза?

«А мы всё ждали, ждали папу, не отрываясь от окна». Вторая строка вызывает недоумение: почему, как зимой, в лютый мороз, когда так не хочется выходить из дому, ждали мы (всей семьёй) не на улице, где так солнечно и многолюдно, а прильнув к окнам, не отрываясь от них? А самому автору эта строка чем-то так понравилась, что и завершает своё стихотворение он именно ею. Завершает неверным аккордом.

Хороша деталь, говорящая о том, что во время войны в доме не было ни одного мужчины (и в самой семье не осталось их, да и среди соседей, видно, было их не густо): «И синий дым от папиросы впервые в доме за войну». Эта деталь запоминается, потому что свидетельствует о зоркой наблюдательности ребёнка. Но про баян сказано не по-детски, это авторская речь, то есть речь стихотворца, не чурающегося некоторых поэтических шаблонов: «Баяна звонкий перелив». И уж совсем не характерно для детского восприятия сравнение: «И счастью в доме будет тесно, как рекам у плотин в разлив».

Прокопчанин Андрей Михайлюк прислал обширную подборку стихов о войне и мире. Фронтовые его вещи для газеты слишком длинны, многословны, мы не имеем возможности привести их, поэтому предлагаем вниманию читателей стихотворение, которое лишь косвенно связано с темой войны:

Спит Оксанка безмятежно.
И ручонки врозь.
Папа с мамой смотрят нежно,
Радостно до слёз.
Подошёл и я к кроватке
Внученьки моей.
Пусть все дети спят так сладко!
Я люблю детей.

От несчастья, от разлуки,
Ужасов войны
Наши маленькие внуки
Нами спасены.
Спит Оксанушка свободно,
Чуть сопит она.
Пусть ей снится что угодно,
Только не война.

Последние строчки удачно венчают всё сказанное выше, сказанное просто, задушевно, без всякой позы и бахвальства, что так присуще человеку, который честно пронёс на своих плечах все тяготы войны, и теперь в дни мира, став дедом, рад открыть свою душу, когда речь заходит о самом главном: «Я люблю детей». Эти слова в устах старого солдата естественны, как дыхание. В стихотворении нет никаких особых поэтических открытий, но оно подкупает предельной искренностью, непосредственностью, верной интонацией, а это безошибочный признак того, что всё сказанное как бы само попросилось на бумагу, не могло не быть написано, запечатлено безыскусным словом.

К теме войны обратился и представитель очень молодого, послевоенного поколения новокузнечанин Александр Раевский. Вчитаемся внимательно в его стихотворение «Старые плотники»:

Огласил задание прораб:
Дом, что возле площади – на слом!
Добре. И в четыре топора
Загремели, только рассвело…
Дружно так работали, но – чур!
Сели на поваленный забор,
Поперхнулся что-то разговор,
Затянулся что-то перекур.
«Взводный ранен – хрипы из груди…
Кличу санитара: – Подними!
Тут и мне…» – осёкся бригадир,

«Беломором» густо задымил.
Позабыты пилы, топоры,
Что со стариками – не понять.
«Прохор помер…».
«Двинули в прорыв…».
Фраза – и молчание опять.
Мужики, да что вы про войну?!
Оказалось, вот она – война:
Дед Василий тюкал по бревну –
Выскочила пуля из бревна…

Читатели, наверно, уже успели заметить, что стихотворение по объёму небольшое, а мыслей, ассоциаций оно вызывает много, мы находим что-то существенное не в самом только тексте, но и между строк. В данном случае очень к месту пословица: дело мастера боится. Мы, конечно, не хотим сказать, что у Александра Раевского очень высокий уровень мастерства (нет, это не совсем так; оставляет желать лучшего, например, его рифмовка, весьма приблизительная), но писать хорошие стихи он, несомненно, умеет.

Вернёмся к идее стихотворения. Она – многопланова. Тут и характерное изображение борьбы старого с новым в нашей жизни: раз уж есть в селе или в городе площадь, то и не место на ней бревенчатому жилью («Дом, что возле площади – на слом!»), и трудолюбие старых плотников (только рассвело – они уже за работой), и одна из золотых особенностей характера простого русского мужика – скромность (про взводного своего готов рассказывать часами, а как речь зашла о себе – молчок).

Главная идея стихотворения – в жизнеутверждении. Всё старое – на слом! Жизнь отстаивает свои права, как отстояла их и в те времена, о которых напоминает то пуля, то осколок. А сделать это – защитить свет от мрака – помогли ей вот эти простые, добрые, скромные труженики войны и мира, старые плотники.

Темы, о которой мы говорим с начала статьи, Александр Раевский коснулся лишь слегка, а впечатление от его стихотворения гораздо сильнее, чем от предыдущих. Значит, не в теме главное, а в том, как, при помощи каких изобразительных средств освещать её. Как видим, успеха можно добиться не благодаря прямолинейной многословной декларативности, а наоборот – благодаря некоторой недоговорённости, за которой легко угадываются и другие мысли автора, которые он умно оставил при себе, дав таким образом возможность самому читателю поразмыслить над коротко выраженным.

Вот ещё одно стихотворение Раевского – «Гость»:

Хозяин к ночному окну приникал.
Кряхтел. Обувался.Спешил за ворота…
Хозяйка на стол собирала, пока
В надворье творилось хорошее что-то;
А там – по сугробам, плетням
и столбам

Метались лучи. Рокотала машина…
От близкого гуда дрожала изба…
А после в избу заходили мужчины.
Фуфайки и шапки ложили на пол*
(Дохнуло мазутом, морозовой
злостью!),
Трясли умывальник. Садились за стол.
Садились и пили за доброго гостя.
А гость –
Луговая забота людей –
Темнел во дворе величаво и строго,
И было уютно январской звезде
Дремать на заснеженном темени стога…

(* – неграмотное выражение. Нет глагола – «л***о***жить» или «лож***и***ть». – *Примечание Н. Инякиной*).

Здесь то же самое ценное качество, что и в «Старых плотниках»: коротко сказано о многом. Очень серьёзно продумал автор композицию стихотворения: вначале, прочитав название его, мы никак не можем понять, что за гость имеется в виду. И лишь из последних строк узнаём, что это – стог, что ради него, этого величавого и строгого ночного гостя, и написано всё. Очень хотелось бы, чтобы молодые авторы и раз, и два прочитали стихотворение своего собрата-сверстника, прочитали с целью поучиться, как создавать по-настоящему хорошие поэтические произведения.

Пожелание им такое: как можно внимательнее читайте хорошие стихи, старайтесь понять, чем «берёт» настоящий поэт. А когда сами возьмёте в руки перо – помните об этом поэте, равняйтесь на него. Может, и вам удастся написать что-то пусть не лучше, но хотя бы не хуже, чем он, настоящий поэт.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1978. – 29 июня. – С. 3.

ГЛУБЖЕ МЫСЛИТЬ

Кажется, у Чехова есть высказывание о том, что он мог бы написать рассказ даже о чернильнице. Эти слова, сказанные как бы в шутку, имеют глубокий смысл. Настоящего писателя любой предмет и явление могут навести на интересные мысли и размышления. Одна из главных задач художника слова – озарять светом мысли всё, что его окружает, всё, с чем ему приходится встречаться в повседневной жизни. Вот почему заслуживает всяческой поддержки стремление начинающего литератора глубоко вникать в жизнь со всеми её противоречиями, стремление всё по-своему осмысливать и понимать, не боясь того, что какие-то твои взгляды и суждения, может быть, в чём-то неправильны, ошибочны. Пусть даже так, но не стоит подавлять в себе никакие умственные и сердечные порывы.

Свободой мысли привлекает внимание стихотворение Леонида Торгаева из Белова «Размышления в зоопарке»:

Устав от служебной запарки,
От всяких забот и сует,
Беру в городском зоопарке
За сорок копеек билет.
И… с тайной душевною болью
Вдоль клеток железных иду,
Где «меньшие братья» в неволе
Томятся у всех на виду.
А солнце палит до печёнок –
Вздымаются тяжко бока,
Сквозит в их глазах обречённых
Почти человечья тоска.
Едва ль назовёшь наслажденьем
В тех клетках постылых житьё –
И смотрит на нас с осужденьем
Несчастное это зверьё…
Зачем же так люди решили –
Сиди здесь, старей и тупей?
Зачем же их люди лишили
Родимых лесов и степей?
Тоскуют по вольному небу,
По запахам милой земли,
Но – праздной толпе на потребу
Их в клетках сюда привезли.
За что же такая немилость? –
На мордах печали печать…
И птица здесь петь разучилась,
И зверь разучился рычать.
Мне жаль вас, о, милые звери,
Но что тут поделать? Увы…
И можно ли в том вас уверить,
Что в общем-то люди правы…
Пытаюсь до сути добраться,
Но в сердце лишь боль всё острей:
Избавились люди от рабства,
Но есть ещё рабство зверей!

Об этом стихотворении в письме в редакцию сам автор говорит так: «Размышления в зоопарке» – тема спорная, но смею надеяться, что она не оставит читателя равнодушным». Мы тоже надеемся на это. Думаем, что многие читатели солидарны с думами и чувствами Леонида Торгаева.

Правда, по поводу некоторых строчек возникло у нас следующее замечание: в любом своём высказывании поэту следует оставаться искренним до конца. Всем своим стихотворением Леонид Торгаев душевно восстаёт против заточения зверей и птиц в клетки, но, словно испугавшись прямоты и категоричности своей нравственной позиции, делает уступку установившемуся обычаю: мол, держат вас, наши меньшие братья, в неволе, «и в общем-то люди правы». Эта фраза не вяжется с духом всех прочих суждений. Создаётся впечатление, что автор покривил душой перед самим собой – мы-то уже знаем, что он думает совсем иначе, что он убеждён: люди не правы. Вот и не надо было прибегать к каким-то оговоркам, а прямо говорить то, что думаешь. Другое дело, что кто-то с тобой не согласится, вступит в спор, будет

отстаивать свою – противоположную – точку зрения, и пускай отстаивает, а ты стой на своём, на том, что подсказывает тебе твоя гражданская совесть.

Это наше замечание следует рассматривать не только по отношению к стихотворению «Размышления в зоопарке», а расширенно: искренность и смелость должны быть постоянными спутниками в творческой работе.

По большой работе кемеровчанки Марины Снигур трудно понять, что здесь подлинно жизненное, искреннее, а что придуманное, книжное, потому что некоторые лирические стихотворения написаны по непонятной причине от мужского лица. Эта раздвоенность, расплывчатость внутреннего облика распространяется и на чисто женские стихи – в достоверность их содержания как-то не верится. Наиболее удачным представляется нам следующее стихотворение:

Вот сейчас самолёт унесёт меня вдаль
– Не оставить в порту мне разлуки печаль,
Самолёт улетит вот сейчас, вот сейчас,
И уже не найти в этом городе нас…
Будешь только один возвращаться туда,
Где уже моего не осталось следа,
Где уже без меня тихо капает дождь,
Где, знакомым звоня, ты меня не найдёшь.
Но оставлю тебе в одинокой ночи
Я тепло своих губ и от сердца ключи…

Открывай, открывай, когда будет темно,
Забывай, забывай – не забыть всё равно.
Я останусь в твоих чертежах на столе,
В огоньке зажигалки, в холодной золе.
Будет с книжных страниц, светом лампы дыша,
На мохнатость ресниц опускаться душа.
Ты заснёшь и проснёшься – весна во дворе.
Это я, мой любимый, – тепло в ноябре.
Пусть была я скупою в присутствии слов,
Я люблю и с тобою оставляю любовь.
Опускаются руки… Не поднять чемодан.
Да и как же иначе? Ведь я всё ещё там…

Независимо от того, было такое на самом деле, в жизни, или всё придумано, автору удалось создать впечатляющую картину предстоящей разлуки двух влюблённых, передать самые сокровенные чувства лирической героини, которые одолевают её перед посадкой в самолёт. В целом стихотворение получилось сильным, однако не обошлось без маленьких неточностей. Ну, например: «И уже не найти в этом городе нас». Почему – нас? Не найти меня. Ведь он-то остаётся. И ещё: «В огоньке зажигалки, в холодной золе». Судя по зажигалке, имеется в виду не зола, а пепел от искуренной папиросы, сигареты. Среди добротной рифмовки в целом режет слух приблизительное созвучие: чемодан – там. Но общее впечатление от этой вещи, повторяем, хорошее.

Есть в подборке Марины Снигур стихи о войне, но они не представляют художественной ценности. Как признаётся сама начинающая поэтесса в стихотворении «Дикая роза», военная тематика – не её стихия: «Нет, не мне рассказывать, нет, не мне, ничего не видевшей, о войне. Я ведь только слышала кое-что, мне самой рассказывали про то». Есть стихотворение о том, как женщина варит варенье, а лирическая героиня любуется её волшебством. Есть стихотворение под названием «Моя болезнь» – как дневниковая запись, интересная одному лишь автору. О «мужских» стихах мы уже упоминали. Короче говоря, многое в подборке – случайное, необязательное. По таким стихам невозможно дать определённый совет автору, пожелать, на что ориентироваться в будущем. Самое характерное, знаменательное в работе Марины Снигур – то, что техникой стихосложения она владеет уже довольно уверенно, рифмы, ритмика для неё не проблема. Теперь главное для неё – найти себя, как творческую личность, чтобы выразить себя, своё лирическое «я» с наибольшей полнотой и цельностью.

Когда молодой автор приучает себя размышлять, то и о самом привычном, о чём уже говорилось многими поэтами, он может написать что-нибудь стоящее. Скажем, о белоствольной берёзке не писал только тот, кто вообще стихов не пишет, а вот в каком варианте выглядит это любимое всеми дерево в стихотворении Владимира Катрича из г. Калтана:

Стучат колёса, веет холодком,
А долгий путь похож на обещание.
Зелёным перепуганным платком
Берёза мне махнула на прощание.
…Я с той берёзой с детства был знаком
И доверял ей тайны сокровенные.

Она стояла, слушая, молчком –
Берёза та моя обыкновенная.
Кто в детстве под берёзой не мечтал,
Пусть не сбылось и пусть не всё исполнилось.
Но детских тех мгновений чистота
До боли, как берёза, мне запомнилась.

Согласитесь, что к теме, связанной с русской берёзкой, Владимир Катрич подошёл по-своему: чистая белизна её ствола нашла в его воображении сходство с чистотой детских мечтаний – и тема обернулась ещё одной гранью новизны.

Автор этот молод, о войне, как и Марина Снигур, знает лишь понаслышке. И всё-таки он сумел сказать своё слово и об этом:

Отца я помню очень смутно.
Со мною редко он бывал.
То был на службе поминутно,
Потом на фронте воевал.

Потом погиб, его не стало.
Лишь фотокарточка его.
И это всё такая малость,
Но не скажу, что ничего.
Я помню, как полураздетый,
Сапог он стаскивал с ноги,
И, может быть, люблю за это
Из грубой кирзы сапоги.

Стихотворение немного коряво по слогу, но сколько в нём жизненной правды. Читаешь этот проникновенный, искренний рассказ о том, что сильнее всего запомнилось лирическому герою из его детского общения с отцом, и веришь каждому слову, веришь, что грубые кирзовые сапоги для него до сих пор не просто удобная обувь, а священная память о погибшем на войне отце.

Ради этого над стихотворением стоит ещё поработать, устранить частные недостатки, очистить от огрехов стиля. «То был на службе поминутно». На службе можно быть долго, целый день, с утра до вечера, но не поминутно – это не то слово. После первого «то» напрашивается второе, а вместо этого стоит «потом». Эти строчки можно поправить примерно так: то отлучался поминутно, а то на фронте воевал. «И это всё такая малость». Что – всё? Ведь перед этим говорится только об одной фотокарточке, значит, не всё – малость, а этот снимок. Надо поискать здесь точные слова. И тогда стихотворение станет вполне хорошим. В нём и сейчас есть ценное качество – краткость, тем оно крепко, и удлинять его, делать более многословным не следует.

Неплохое стихотворение прислал кемеровчанин Сергей Цыганков – оно тоже об отце, так и называется «Мой отец»:

Слышен горна мерный гул
В кузне, у просёлка.
Добрый ветер в угли дул,
Хлебный, из посёлка.
По старинной моде дул –
В пахоту, в покосы.
Мой отец железо гнул
В бороны и косы.
Гнул, как надо, много лет,
По-сибирски прочно.

Скромный долго стыл обед,
Если что неточно.
Если спорились дела,
Как огонь плясал он.
Чарку крепкого вина
Заедал он салом.
Угли – стынут. Память – нет.
Пусть в жару, пусть в холод
Я несу, как твой завет,
Трудовой свой молот.

И здесь, как в стихотворении Владимира Катрича, не может быть никаких сомнений в искренности сыновних добрых чувств, которые невольно передаются и нам, читателям, и мы тоже вспоминаем своих отцов, их любимую работу, их привычки, особенности внешности. Пусть то и другое стихотворение об отце несовершенны по форме, но равнодушными они нас не оставляют, вызывают приятные чувства. А ведь ещё с Пушкина нам известна истина: счастлив должен быть поэт, если своей лирой он пробуждает добрые чувства.

Небольшой творческий опыт у кемеровчанина, каменщика по профессии Н. Новикова, и тем радостней познакомиться с его поэтической работой, в частности, со стихотворением «Материнское письмо»:

Вечер зимний догорает
Под родимой крышей.
Букву к букве подбирая,
Мать солдату пишет:
«Я с тобой и днём и ночью
Думкой в жизни ратной.
За тобой гляжу, сыночек,
Жду тебя обратно.
Ты теперь ведь в бурном море,
В боевом походе.

Не смыкаешь глаз в дозоре
На атомоходе…
Слышь, сынок! Тревожусь часто
Я заботой поздней.
Уважай, гляди там, старших,
Будь же посерьёзней.
Коль беда придёт – не мешкай,
И держися прямо!»
С доброй сын читал усмешкой:
– Будь спокойна, мама.

Вот оно, то самое драгоценное в поэзии, что называют простотой и задушевностью. Марина Снигур написала ряд стихотворений от имени юноши – и опыт этот, прямо скажем, не удался, и мужские стихи получились холодными, книжными. А Н. Новиков весьма удачно перевоплотился в женщину, в мать, хотя и весьма условно (пишет она, а не он). Но, повторяю, удачно потому, что и отец, мужчина, мог бы так же сердечно сказать в письме сыну-солдату – родительские сердца всегда бьются в унисон…

Пусть не в первый уже раз, но хочется обратиться к молодым авторам с добрым советом: ничего не выдумывайте, пишите о лично пережитом, перечувствованном. И ещё не забывайте о том, что надо приучать себя глубже мыслить.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР.
г. Кемерово.

***

НОВЫЕ СТИХИ

Имя новокузнецкой поэтессы Валентины Пьянковой хорошо знакомо нашим читателям. Сегодня мы предлагаем любителям поэзии новую подборку её стихов.

Валентина Пьянкова

***

И вдруг, в какой-то светлый миг,
вздохнётся ясно и свободно.
Полнее близость меж людьми
перед лицом природы.
Слова отступят и замрут,
и даже рук смыкать не надо,
когда пред нами лес и пруд
величественны и прохладны.
И нежность долгая в ответ,
когда заманчиво и дико
забрезжит издали в траве
средь влажных листьев земляника,
и когда в кузнице своей
колдует дятел, и чуть слышно
бросает вниз пустые шишки,
не замечая нас, людей.
И склон оврага озарён,
и мир спокоен пред тобою…
Здесь родились мы. Здесь умрём
от радости, любви и боли.

***

Короткое лето – на долгие лета,
за долгие лета мои без тебя,
за то, что узнала тебя по приметам,
что, узнанный, ты не замедлил
с ответом.
Пусть поздно, но всё же узнала тебя.
Семь дней на причале стоит твоя
лодка,
и так наша радость чиста и остра,
как спелость зерна налитого в колосьях,
как свежесть воды в родниковых
колодцах,
которую цедим, склонясь, из ведра.
Продли эту радость, неделя в июле!
Пусть медленно солнце свершает свой круг,
пусть пчёлы наполнят тяжёлые ульи,
пока полевые цветы не уснули,
пока ещё дышит и царствует луг.
Чтоб долго, глаза заслоняя от солнца,
могла я стоять на горячем крыльце
и видела улицу, старые сосны,
загар молодой на любимом лице.

ПАМЯТИ В. М. ШУКШИНА

Задумаюсь о вечности, о смерти,
что у всего на свете есть предел
и всем отрезок времени отмерян –
распахивай, возделывай, владей.
Но лишь тому, кто шёл, склонясь,
за плугом,
чья борозда и глубже, и ровней,
воздаст земля родная по заслугам
садами и колосьями на ней.
Пускай ушёл, чтоб не вернуться, пахарь,
но поспевают яблоки в саду,
и свежим хлебом по округе пахнет,
и вновь зерно ложится в борозду.
Какой бы срок тебе отпущен ни был,
но остаётся нам в конце концов
могучая волна созревшей нивы
и пахаря усталое лицо.

***

Чего бы там ни прочили мне люди
и сколько бы ни миновало лет,
а всё-таки крестьянка я по сути
и потому тоскую по земле,
и помню, как рассыпчатая почва,
раскрытая навстречу семенам,
ступни босые нежит и щекочет
и жаром обдаёт по временам.
И у друзей на загородной даче,
где век свой доживает старый дом,
вдруг спохвачусь, что я стою и плачу,
к горячим брёвнам прижимаясь лбом.
Наверно, встретят пристально и строго
на родине – но всё равно поймут.
И если позабыла я дорогу,
простив, проводят к дому моему.

// Комсомолец Кузбасса. – 1978. – 29 июля. – С. 3.

НОВЫЕ ИМЕНА

Новое имя в литературном мире – это всегда очень интересно. При первом же знакомстве с его рукописью сразу возникает множество вопросов: что представляет из себя эта творческая личность, каково мироощущение этого молодого человека, с какими новыми образами и мыслями идёт он к людям, каков художественный уровень его произведений, кто его учителя, если влияние их чувствуется в той или иной степени, и, наконец, можно ли, читая первые поэтические опыты, предположить хотя бы приблизительно – есть ли обнадёживающая перспектива у начинающего поэта или всё написанное – случайный, временный факт биографии?

Впервые прислала в редакцию нашей газеты большую подборку стихов Татьяна Кожевникова из Гурьевска, сопроводив подборку таким письмом:

«Наконец-то решила прислать вам свои стихи. Я в прошлом году окончила школу, сейчас работаю в школьной библиотеке. Стихи пишу с 5-го класса, много раз разочаровывалась в них, давала себе слово не писать больше, но всё как-то не получается. Два года мои стихи печатаются в городской газете. Те, которые высылаю вам, написаны года два – три назад. Очень хочется узнать ваше мнение о них. Ответьте мне, пожалуйста, в письме через газету».

Откровенно признаемся, в письме несколько насторожило сообщение о том, что «стихи пишу с 5-го класса». Насторожило не случайно: многие авторы, начав писать ещё в детстве, даже к довольно взрослому возрасту, говоря словами Пушкина, не могут отличить ямба от хорея, продолжают сочинительство как бы по выработавшейся за многие годы привычке, по инерции, не в силах добиться сколько-либо прогресса в своих писаниях. Ещё подумалось в связи с этим письмом: не по той же ли дорожке идёт его автор, ведь недаром тут чистосердечное признание насчёт стихов: «много раз разочаровывалась в них, давала себе слово не писать больше».

И вот стихи Татьяны Кожевниковой. Чтение их с первых же строк, к большой нашей радости, полностью развеивает все первоначальные сомнения, убеждает в обратном: длительные подступы к поэзии оказались у Тани не напрасными, дали свои положительные результаты – она уверенно овладела техникой стихосложения, у неё намечается своё собственное творческое лицо, которое уже сейчас, в таком юном возрасте, почти не имеет тех признаков, которые всегда запечатлеваются от прямого, неприкрытого подражания каким-то ярким поэтическим образцам. Печать самостоятельного мышления лежит на многих стихах Татьяны Кожевниковой, в частности на стихотворении под названием «Когда-нибудь…»:

Когда-нибудь стану разумной,
Солидной, серьёзной вполне
И слишком уж мудрой и умной
(Как это покажется мне).
И уж беспричинно смеяться
Не стану. Покой полюблю.
И дождиков буду бояться –
Наверное, зонтик куплю.

Тогда разберусь и сама я,
Кто плох или, может, хорош.
Скажу, недовольно вздыхая:
Не та, мол, пошла молодёжь!
Наверно, когда-то кого-то
Чему-то решу поучить…
Но только такою мне что-то
Нисколько не хочется быть!

Сколько здесь прямо-таки детской непосредственности в выражении сокровенных мыслей и чувств, сколько человеческого такта по отношению к пожилым людям, которые – чего греха таить – часто ворчат на новое поколение (не та пошла молодёжь!). При этом автор ничуть не осуждает стариков, понимает, что сама на склоне лет может стать брюзгливой, всех поучающей, кажущейся самой себе всех мудрее. И как искренно звучат заключительные строчки: «Но только такою мне что-то нисколько не хочется быть!». Не хочется потому, что молодость – это и есть сама непосредственность, то самое, что всего дороже для человека с поэтическим восприятием окружающего мира. Так что в стихотворении не один идейный план, а два: не одна боязнь стать старой брюзгой, а ещё боязнь расстаться с поэзией в своём сердце.

О жажде вечной молодости души и стихотворение Татьяны Кожевниковой «Ромашка из гербария»:

Из-под целлофана –
Высушенный взгляд.
Словно из тумана…
Потускнел наряд.
На уроке в школе,
Как в последний раз,
Смотришь из неволи
Грустно ты на класс.
Ты теперь – пособие:
Лепестки, пыльца…

Прелести особые
У жизни без конца.
Пылью годы множатся,
Ни добра, ни зла –
Ничего не хочется…
Мимо жизнь прошла.
…Вечная старушка
Распята на листке.
Уж лучше быть веснушкой
У лета на щеке!

Не знаем, что именно разочаровывало Татьяну Кожевникову в своих стихах, но, на мой взгляд, ни малейших сомнений в своих поэтических способностях у неё не должно быть. Иногда по двум-трём строчкам можно со всей определённостью сделать вывод: это написал настоящий поэт. Есть такие строчки и у Тани Кожевниковой, например, о ромашке, которая стала школьным пособием, о её теперешнем виде: засушенный взгляд. Это – язык поэзии, в прозе так не говорят, а если бы кто-то из прозаиков сказал так, то строгий редактор забраковал бы подобное выражение, и был бы по-своему прав. И ещё – две последние строки: «Уж лучше быть веснушкой у лета на щеке!» Это тоже сказано поэтом.

Одно мимолётное замечание о некоторых местах в этом стихотворении: жаль, что не везде выдержан строгий размер, отдельные слова выпадают из общего ритмического строя. Пусть этот недочёт не очень портит всю вещь в целом, но всё-таки создаёт впечатление некоторой шероховатости, что, в общем-то, для Татьяны Кожевниковой не характерно, она умеет писать хорошо, делать все строчки отточенными. Правда, тут надо учесть одну особенность: эти стихи написаны два – три года назад, и надо полагать, что в настоящее время у способной поэтессы нет и таких вот погрешностей в форме стиха.

Думается, что читатель согласится со мной в заключение: на стихах Татьяны Кожевниковой не ощущается чьё-то влияние, они вполне самостоятельны. А это уже очень значительное достижение.

Когда встречаешься с одарённым автором, то рука не поднимается отделаться краткой отпиской, хочется цитировать его как можно больше, полнее. Вот ещё одно стихотворение Татьяны Кожевниковой «Прозрение»:

Без горя детство, без забот
Цвело из лета в лето.
И был Серёжка – Дон Кихот,
И Санчо Панса – Света.
Им беды были нипочём –
Ни грусти, ни печали.
Из палки сделанным мечом
С полынью воевали.
Но жизнь торопится вперёд,
А все спешат за нею.
И стал Серёжка Дон Кихот
Серьёзнее, взрослее.
Ему теперь не до игры…
Сквозь вешние туманы
Горят, пылают глаз костры
У Санчо – у Светланы.
Вокруг волнуется весна,
А он молчит, краснея.
Ведь для него давно она
Не Санчо – Дульсинея.

Читать такие простые, умные, логически стройные, законченные стихи – одно удовольствие. У Татьяны Кожевниковой – верное, тонкое и, как мне кажется, врождённое, интуитивное понимание поэзии. Я очень рад, что познакомился с этим новым именем, думаю, что и читатели разделяют мою радость. Твёрдо убеждён, что лучшим стихам Татьяны Кожевниковой пора со страниц городской газеты с полным основанием перейти на страницы нашей областной газеты. Зависеть это будет от самой Татьяны – ждём её новых произведений.

В первый раз отвечаем мы через газету и Сергею Прокудину из Ленинска-Кузнецкого, для наших читателей это тоже новое имя, и тоже интересный, способный автор. Сергей очень молод, поэтому неудивительно, что цикл стихов, с которым он решил нас познакомить, – о любви. Давайте познакомимся с некоторыми стихами из этого цикла. Первое – без названия, под звёздочками:

Разве спрашивали мы,
Как случилось это?
Лето было средь зимы,
Солнечное лето.
Ведь тогда не знали мы
Под небесной синью,
Что замёрзнут наши сны
В круговерти зимней.
Мне приснится иногда:
Сквозь колючий иней
Не прорвутся поезда,
Мир не станет синим;
Погружается в снега
Чёрная планета…
А светилось ли тогда
Солнечное лето?
Ведь тогда не знали мы
Под небесной синью,
Что замёрзнут наши сны
В круговерти зимней.

Даже не зная, сколько лет автору, можно по этим строчкам понять, что написал их очень молодой человек – во всём чисто отроческая зыбкость чувств, наивная вера в свою любимую и столь же наивная неуверенность: а любили ли мы по-настоящему, было ли в действительности лето, солнечное лето средь зимы?

Форма стиха у Сергея Прокудина довольно крепкая, если не считать приблизительных рифм: мы – сны, снега – тогда. Это, видимо, не от небрежности, а от неопытности, со временем подобная рифмовка не будет удовлетворять самого автора, у которого, несмотря на молодость, уже твёрдая рука в смысле сколачивания сильных выразительностью строк.

Похвально, что Сергей Прокудин стремится разнообразить ритмику стихов, их строфику, что видно по следующему стихотворению из того же любовного цикла:

Разгадать тебя, я знаю,
Невозможно, невозможно.
То, что просто, то, что сложно –
Всё смешала тьма ночная.
Струи бьют остервенело,
В лужицах кипят фонтаны.
Беспрестанно, неустанно
Тучи падают на землю.
Я смотрю на мир размытый,
Там в холодных жгучих струях
Он глаза твои целует,
Словно в сне, давно забытом.
Обнимает, может, кто-то
В этот час дождливо-жуткий,
И цепляются минуты
За несвязный тихий шёпот…
Это только бред полночный.
С фотографий недотрогой
Ты глядишь светло и строго
Сквозь дождей шершавых клочья.
Может, ты уснуть не можешь,
Обо мне сейчас тоскуя,
И глядишь во мглу ночную,
В перезвон дождинок сложный.
Нету ни конца, ни края
За окном шуршащим грозам…
Невозможно, невозможно
Разлюбить тебя, я знаю.

Если сравнивать стихи Татьяны Кожевниковой со стихами Сергея Прокудина, то сравнение, конечно, в пользу первой. У Сергея и во втором стихотворении режут слух неблагозвучные рифмы: остервенело – землю, жуткий – минуты (другое дело: жутки – минутки), кто-то – шёпот, можешь – сложный, грозам – невозможно. Но всё-таки многое роднит авторов. Это прежде всего стремление избегать подражательности, говорить о своём по-своему, точно передавать какое-то определённое настроение, находя для этого поэтическое звучание строк и слов. И главное: оба автора в том возрасте, про который говорят: вся жизнь

ещё впереди. Впереди у них не только удачи, которых мы желаем им, но и ошибки, просчёты (дай бог, чтобы их было поменьше), впереди взлёты вдохновения и грустные минуты и часы неудовлетворённости созданным. Впереди также самое трудное, но неизбежное, вернее, необходимое, если хочешь посвятить себя литературе: упорная, систематическая, до седьмого пота работа над каждым стихотворением, над каждой строкой.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1978. – 31 августа. – С. 4.

НЕ БЕРЁЗКА – ЧЕЛОВЕК…

В Сибирь пришла золотая осень, благодатная пора с хрустким инеем ночных заморозков, с ласковым прощальным теплом солнца в полдень, с шумно-весёлым ливнем листопада, с приятным запахом гари от тихо тлеющей во дворе листвы, которую дворники сгребают в большие пышные вороха и поджигают, встречая запоздалое туманное утро синим дымом этих неярких, медленных костров…

Не может не волновать поэтическую душу эта, по словам Тютчева, короткая, но дивная пора. И сегодняшний обзор нам хочется начать именно со стихов об осени. Около десяти стихотворений в цикле «Из осенней тетради» принадлежат перу новокузнечанина Геннадия Тисленкова. Не всё в цикле равноценно, но есть стихи, которые заслуживают того, чтобы представить их нашим читателям.

Светло и пусто в редколесье.
И не удержишься от слёз,
Когда тебе подарит песню
Осенний запоздавший дрозд.
В тиши прозрачной и глубокой
Заслушаешься, не дыша…
Как видишь, ты не одинока,
Моя взгрустнувшая душа.

Осень и грусть неотделимы друг от друга, поэтому нас ничуть не удивляет, что процитированное восьмистишие Геннадия Тисленкова, как и другие его стихи в подборке, проникнуты минорным настроением, немного печальной тональностью. Было бы удивительным обратное: если бы автор в осенних стихах щеголял наигранным бодрячеством. Любое время года диктует чуткому к природе сердцу свои слова, свои образы, своё настроение.

Целый день скрипят ворота,
Дребезжит в окне стекло.
Поднимается ворона
Против ветра тяжело.
И, не выдержавши крена,
Отмахавшись кое-как,
Мчится по ветру мгновенно
В полный сумрака овраг…

Прислонённая к забору,
На ветру визжит коса.
И, насколько видно взору –
На холмах желты леса.
Мать, одна ты в доме этом.
Были – сын и дочки две…
Смотришь в окна. Тёмным ветром
Катит яблоки в траве.

Здесь Геннадий Тисленков уже не просто рисует сумрачный осенний пейзаж, а пытается взглянуть в судьбу незнакомой нам, одинокой, должно быть, немолодой женщины, которая в невесёлый ветреный день поздней осени тоскует о покинувших её детях – и это тем тяжелей, что материнскую тоску усиливает неприглядная картина того, что можно увидеть за окном. Большой удачей стихотворения мне кажется глубоко продуманный образ заключительных его строк: «Смотришь в окна. Тёмным ветром катит яблоки в траве». В этом образе, по-моему, скрытый от поверхностного взгляда подтекст – беспокойство материнского сердца о сыне и двух дочерях, которых носит где-то по свету «тёмный» ветер легкомысленно выбранной ими судьбы, уведшей их из отчего дома бог весть куда. Тревогу матери подчёркивает и другое – строчки о вороне: как бы и их, молодых, неопытных, жизнь не забросила в какой-нибудь «полный сумрака овраг»…

Так обыкновенный осенний пейзаж, если он одухотворён раздумьями о человеке, о его судьбе, может и в короткой, немногословной вещи стать значительным драматическим произведением.

А вот стихотворение Геннадия Тисленкова «Берёзка», в котором одушевлена сама природа:

Дрожит берёзка, жмётся к стогу,
Совсем озябнув на ветру.
А ей бы пробежать немного.
Подсесть бы к нашему костру.
Мы погрустили бы втроём,
И стало бы светлей на сердце,
А может, сами подойдём
И пригласим её погреться?

В этом коротком стихотворении угадывается добрая, отзывчивая душа поэта, которая неравнодушна к родной земле и ко всему прекрасному на ней. Этой душе присуще философское восприятие тесно связанных

между собой жизни человека и жизни природы, в чём твёрдо убеждаешься, читая, например, вот это – тоже небольшое – стихотворение:

Проносится ветер со свистом
Над зябким колючим жнивьём.
Последние жёлтые листья
За низкий летят окоём.
И пусть я смиренно усвоил
Осенний закон бытия,
Но в чём-то вот с этой листвою
Навек умираю и я…

Две последние строки – не пустые слова, не придуманная «для пущей важности» сентенция, а проверенная жизненным опытом большая человеческая правда. В самом деле, разве весной, с пробуждением жизни природы, не чувствуем мы, как и в нашей душе рождается что-то новое, ясное, свежее, и разве не ощущаем вместе с увяданием природы осенней порой, как что-то дорогое, милое теряет и наша душа?

Своими короткими, сжатыми по форме и ёмкими по мыслям стихотворениями Геннадий Тисленков зарекомендовывает себя как одарённый человек. Он – поэт по призванию, в этом нет ни малейшего сомнения. Уверен, что он ещё не раз порадует нас своим по-настоящему серьёзным творчеством.

Не побоимся высокого слова «творчество» и говоря о стихах Дмитрия Клёстова из Салаира. По профессии он – рабочий человек, и умеет счастливо сочетать однообразные трудовые будни с возвышающим душу праздником поэзии. Есть и у Дмитрия Клёстова стихи, посвящённые осени, которые, надеюсь, не оставят безучастными наших читателей.

Ветер-дворник метёт, подметает
Ранней осени сор золотой,
А девчонка цветы поливает
Из ведёрка прозрачной водой.
Завтра выпустит Северный полюс
Леденящих своих скакунов,
Под копытом умрёт гладиолус –
Нежный витязь осенних цветов.
Знать дано от рождения, что ли,
Той девчонке, не знавшей беды:
Очень нужен глоточек воды,
Чтобы страшной не чувствовать боли.

Юная любительница природы никак не может смириться с этим безвозвратным увяданием, ей всей душой хочется продлить торжество последней красоты осени, и она старательно поливает поздние осенние цветы, не думая – по наивности – о близком конце их. Сколько в этом человечности, доброты, веры в необходимость своей помощи беззащитным живым существам. Увянут они, опадут их лепестки, но ещё долго длинными зимними ночами будет сниться девочке юная, как она сама, цветочная прелесть…

Не мудрствуя лукаво, второе осеннее стихотворение Дмитрий Клёстов назвал коротко и просто – «Осень»:

Отгремели красные гастроли
Жарких дней и ливней грозовых.
Осень, осень, кто в заглавной роли
На твоих подмостках золотых?
Клён садовый или дикий ясень
В одеянье древнего царя,
Или солнце, или воздух ясный
За роскошной рампой октября?
Может, неприметная доселе,
В ивняке журчащая слегка,
В золотой осенней карусели
Очень говорливая река?
Может, главный – небольшой этюдик
С поднебесным клином журавлей?
Может быть, в заглавной роли люди
На эстраде скошенных полей?
Рассыпая золотые блёстки
И сводя поклонников с ума,
Поднялась берёзка на подмостки.
Я и аплодирую берёзке
На подмостках рыжего холма.

Название стихотворения, как мы говорили, незамысловатое, а по содержанию оно не такое простое: все строчки метафоричны, образны. И этот поэтический приём – не заёмный, а свой, ни в чьих других стихах мы подобного образного решения осенней темы не встречали. Всё новое, свежее, оригинальное. Жаль только, что, перечисляя то, что осенью в заглавной роли, автор больше всех возвеличил берёзку – строфа о ней, венчающая стихотворение, на мой взгляд, лишняя. Как ни красива берёзка, даже в своём увядании, а в эти осенние дни в заглавной роли, конечно же, люди на эстраде скошенных полей. Осенняя пора – это ведь не только красота клёнов, берёзок. Эту пору венчает упорный, самоотверженный труд земледельцев, радость, связанная с тем, что в народе испокон веков зовут хлебной страдой. На этом, я думаю, и следовало Дмитрию Клёстову сделать смысловой акцент. Не берёзке аплодируем мы во время предзимья, а кормильцу и поильцу нашему – хлеборобу. Это его руками взращённый урожай душистым, свежеиспечённым караваем согревает людей в лютые, морозные дни памятью о благодатной колхозной осени.

А сделать стихотворение точным и по образности, и по содержанию нетрудно: просто кончить его на одну строфу раньше, и не предположительно (может быть), а утверждая: да, в заглавной роли на подмостках золотых, на эстраде скошенных полей – это люди. И всё встанет на место.

Недаром же герои других стихотворений Дмитрия Клёстова – люди, его земляки, те, с кем рядом он живёт и работает, чьей дружбой, добрым отношением гордится и дорожит:

Покидает родное село
Мой сосед работящий, не пьяница.
Завтра к дому контейнер подкатится
И погрузит его барахло.
Что за ветер надул паруса?
Чем обидела самая близкая?..
Бесфамильная лайка сибирская
За другим уплетётся в леса.
Верно, издавна так на Руси:
Уходить от чумы и от засухи,
И с гнедой кобылёнкой и заступом
Вновь на вольные земли брести.
Это вечная тяга к добру,
Это вещая жажда познания:
Голубые покрыть расстояния,
На чужбине прийтись ко двору.
Мне бы тоже оставить село,
Жить на юге под жёлтыми грушами,
Но моих земляков добродушие
Не заменит любое тепло.

По разным причинам оставляет человек родные, обжитые места, а в данном случае нельзя не взять во внимание как бы мимоходом оброненные слова: «Чем обидела самая близкая?». Так что налицо не обычная охота к перемене мест, а, судя по всему, семейная драма. Ведь герой-то, сосед – человек работящий, не забулдыга, не пьяница, так, ни с того, ни с сего, не покинул бы он своё село – есть, видно, для этого причины очень веские. Не мечта о лучшем житье-бытье толкает соседа на такой решительный шаг, а горькие семейные обстоятельства – так надо понимать эту ситуацию. Не случайно то, что он берёт с собой, тоже почти вскользь именуется пренебрежительным словом «барахло» – это сказано как будто самим хозяином. Не знаю, прав ли я, но мне кажется, что опять-таки автор сделал акцент не на том, на чём следовало – хотелось бы, чтобы он развил мысль о действительном поводе ухода соседа из родного гнезда – о семейной драме. Если же её, как таковой, нет, тогда строка «Чем обидела самая близкая?» случайна, необязательна.

В общем, стихотворение надо ещё додумывать, дорабатывать. Самому автору всё тут ясно, а читателю приходится ещё кое о чём гадать. Надо и для него внести полную ясность, чтобы не было никаких кривотолков в отношении той или иной строки. Одно здесь бесспорно, это то, что главный стержень всей вещи – в последних строчках, которые подкупают своей прямотой и убедительностью: «Но моих земляков добродушие не заменит любое тепло». Иными словами, сердечное человеческое тепло стократ дороже южного тепла, земной благодати.

И ещё одно небольшое стихотворение Дмитрия Клёстова – «На заимке». Оно тоже о доброй душе одного из сибиряков:

За «косым» по первому зазимку,
И петляя так же, как «косой»,
Вышли бы на старую заимку,
Вышли на избушку-невидимку
Под густой разлапистой сосной.
Я в кино лишь видывал такую…
В этой глухомани черневой,
Где свирепо ветры атакуют,
Мне казалось: глухари токуют,
А токует человек живой.
Мне казалось: ничего людского
Нет в избе – ни радио, ни книг,
Лишь мычит за стенкою корова…
А к крыльцу пришпилена подкова,
И с поклоном вымолвил два слова:
«Обогрейтесь, милые», – старик.

Этим стихотворением лишний раз подтверждается высказанная нами мысль: главные герои Дмитрия Клёстова – люди, его земляки. Даже в пейзажных стихах. Старик, живущий на заимке, упоминается лишь в конце стихотворения, но именно на нём, на его приветливых словах оно и держится, хотя немало тут и чисто пейзажного. Тем основательней наше замечание по поводу стихотворения «Осень» – и в нём на первом плане должны быть люди, а не берёзка. Думаю, что способный поэт Дмитрий Клёстов согласится с этим.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1978. – 28 сентября. – С. 4.

ДУША АВТОРА

У Льва Николаевича Толстого очень много мудрых высказываний о литературе, о её сущности и назначении. Вот одно из них: «В художественном произведении главное – душа автора…» Эта мысль проста лишь по формулировке, а по содержанию она неизмеримо глубока и сложна. Каждый человек – это целая вселенная со всем характерным именно для неё: всё тут неповторимо, самобытно, оригинально. Нет на свете ни одной личности, в точности похожей на другую; у любой свой склад ума, своё мировоззрение, свой жизненный опыт, своё понимание нравственности и отношение к ней. И чем богаче духовный мир пишущего человека, тем интереснее – в принципе – должны быть его произведения. У молодого автора есть один большой минус – отсутствие жизненного опыта, но, несмотря на возраст, душа юноши или девушки – это всегда своеобразный мир. Выразить его, этот мир, как можно полнее и ярче – значит открыть людям то, что Толстой называет душой автора.

Попробуем с этой точки зрения посмотреть некоторые стихотворные сочинения, которые имеются в нашем редакционном портфеле.

А. Бельмасов из Ленинска-Кузнецкого уже знакомил нас со своими стихотворными опытами, по поводу которых в своё время, несколько лет назад, было высказано немало критических замечаний. В связи с этим молодой автор пишет: «После того, как вы писали о моих стихах, я отношусь к ним строже, в

частности, теперь я не только слагаю рифмы, но и стараюсь, чтобы в каждой строчке строфы были правильно расставлены ударения и имелось одинаковое количество слогов, в зависимости от заданного ритма. Конечно, я понимаю, что хоть это и играет большую роль, но всё-таки это второстепенно. Стихи должны быть прежде всего стихами. Поэтому всё моё творчество сейчас – это поиск… Высылаю вам несколько стихотворений. Будьте так добры, отзовитесь о них. Эти стихи я ценю больше, чем те, первоначальные».

Из этого письма видно, что критика несовершенных сочинений А. Бельмасова не вызвала у него внутреннего противодействия, а, наоборот, заставила многое пересмотреть в своей работе, сделать правильные выводы и подтолкнула к тому, без чего немыслимо продвижение вперёд – к творческим поискам. Это заметно сказывается на новых сочинениях молодого стихотворца.

Первое стихотворение в подборке А. Бельмасова называется «Наташка», оно с подзаголовком «экспромт».

Если верить подзаголовку, стихотворение было сочинено за один присест, очень быстро. Но скажем прямо: экспромты получаются хорошими, пожалуй, лишь у гениальных поэтов, вспомним того же Пушкина, который, открыв чей-то домашний альбом, моментально, за несколько минут дарил хозяину на память что-нибудь изящное, остроумное. Писать экспромты начинающим авторам мы бы не рекомендовали – нет у них ещё ни навыка, ни опыта для того, чтобы за пять – десять минут создать что-то стоящее.

Второе стихотворение А. Бельмасова «Ты уехала…»:

Вот и всё, отзвенело лето,
Отшумела зелёная вьюга,
И на разных концах планеты
Мы забудем теперь друг друга.
Ну, и что же, забыть ведь просто:
Мы с тобою почти не встречались,
Было раз, сидели у моста,
Да потом ещё целовались.
Мы же молоды, всё простится.
Год, другой пролетят, ну, а там уж
Мне наступит пора жениться,
А тебе – выходить замуж.
Жизнь начнётся почти сначала,
Захлестнёт нас судьба-заварушка.
Ничего, что сейчас ночами
Промокает от слёз подушка.

Вот это уже настоящее стихотворение, от начала до конца в нём стройность сквозной мысли о любви – судя по всему, самой первой, отроческой, – о случайности встреч и о горькой, печальной и тоже, может быть, случайной разлуке. Следует отметить как положительный момент то, что ритмику автор избрал весьма трудную и успешно справился с ней за исключением третьего четверостишия, что не такая уж большая беда – нехватка одного безударного слога в строке: «А тебе – выходить замуж» и лишний слог в строке «Год, другой пролетят, а там уж». Вот это и можно отнести к творческим поискам (к одному из их проявлений): использование не простых, не привычных, а своих, соответствующих теме и настроению ритмов.

И всё же, хотя стихотворение в целом удалось, не избежал автор одной смысловой неточности. Вместо: «Мы с тобою почти не встречались» напрашивается «Мы с тобою так редко встречались». Это значительно ближе к сути сказанного в двух последующих строчках.

Заканчивается подборка стихотворением «Осень»:

Я люблю под осенний свист
Вспоминать о былом по крошкам
И смотреть, как падает лист
За окошком.
Вспоминаю о той поре,
Когда я любил всё на свете.
А за окнами, во дворе,
Плачет ветер.
Что он плачет? О ком? Зачем?
Я ведь шёл ко всему земному.
И теперь иду, но совсем
По-иному.
Видно, мало верить в слова
И любить других оголтело…
Видно, юность моя – листва
Пожелтела.

Снова необычный ритмический рисунок строк, и снова он выдерживается. Эту серьёзную попытку А. Бельмасова разнообразить ритм можно только приветствовать. Недаром старейший советский поэт Степан Щипачёв, обращаясь к молодым несколько лет назад, возглашал: «Оставьте ямбы и хореи, ломайте, чёрт их побери!». Этот полемический призыв был, наверно, вызван тем печальным обстоятельством, что ямбы и хореи стали в нашей поэзии самыми распространёнными, избитыми, чуть ли не единственными размерами, которыми пользуются все, кому не лень строчить что-то в рифму. Отсюда – бесцветность, удивительная похожесть поэтических интонаций, голосов, принадлежащих совершенно различным поэтам. В поисках новых размеров А. Бельмасов, безусловно, на верном пути.

Но о логике развития мысли этому способному автору надо задуматься глубоко и серьёзно, тут у него часто происходит осечка за осечкой. Например, говорится о ветре: «Что он плачет? О ком? Зачем?» А затем без всякой логики: «Я ведь шёл ко всему земному». Причём тут это многозначительное, но абсолютно обособленное «ведь»? Подобных смысловых неувязок следует обязательно избегать. Сам же автор справедливо замечает в своём письме, что стихи должны быть стихами (иными словами – не набором случайных предложений, фраз).

Что касается темы, которую мы вынесли в заголовок сегодняшней статьи, то «виной» всему возрастная незрелость А. Бельмасова, его малый жизненный опыт. О душе автора из процитированных стихов мы узнаём очень мало. Разве только то, что его душевные порывы – самые добрые, человечные, что в этих порывах главное – любовь к людям и к природе. В «Осени» видна ещё одна особенность души автора –

некоторая, едва намечающаяся способность воспринимать окружающий мир не прозаически, а образно. И в этом – залог дальнейшего совершенствования А. Бельмасова на литературном поприще. Писать ему, конечно же, стоит и вместе с тем необходимо по-прежнему упорно учиться и работать над собой.

Предлагая нашему вниманию любовный цикл, Раиса Чигракова из п. Темиртау замечает, что, наверно, этот цикл не для печати. Почему же не для печати? Да, эти стихи очень личны, интимны, но можно быть уверенным, что у многих людей сходной судьбы они найдут живой отклик в душе, сопереживание, потому что написанное Раисой Чиграковой проникнуто предельной искренностью, а на искренность читатель всегда отзывается.

«Прелюдия любви» – так называется одно из стихотворений:

Тебя давным-давно ждала.
Как хочешь это назови.
Уж сколько дней, ночей жила,
Поверь, предчувствием любви.
И вот пришёл однажды ты,
Вошёл, как чудо, в мою жизнь –
Осуществилися мечты
И все предчувствия сбылись.
Тепло души мне в дар принёс,
Признанья нежные шептал.
Июльской ночью, полной звёзд,
Мне самым близким в мире стал.
Не замечал ты вновь и вновь,
Что льдинки у меня в крови,
Что это не совсем любовь,
А лишь прелюдия любви.
Нет, больше всяких в мире благ
Желала б я, хороший мой,
Чтоб просто так и только так
У нас и впредь было с тобой.
Не спорь со мной, не суесловь!
Как хочешь это назови.
И… не прекрасней ль, чем любовь,
Порой прелюдия любви?

Из некоторых строчек, очень сдержанных, строгих, можно понять, что лирическая героиня – уже не девочка, а одинокая женщина. В её сердце не страстная, бездумная влюблённость, а лишь взволнованное чувство того, что, может быть, станет большой, горячей любовью, если он, пришедший с нежными признаниями, оправдает её надежды и доверие.

Наиболее полно и определённо мысли и чувства героини выражаются в стихотворении «Тебе»:

Не только радость ты мне дал,
Не только счастье быть
любимой –
Моим сообщником ты стал,
Защитником, порой незримым.
С неправдой в праведной борьбе,
Со всякою людскою скверной
Спешу за помощью к тебе –
Ты мой союзник самый верный.
Я вдвое сделалась сильней.
К злу жизни нетерпимей, строже.
Наш мир, земля и всё на ней
Вдруг стало мне вдвойне дороже.
Не просто так: тебя любить –
И я хотела бы, мой милый,
Во всём, где трудно тебе, быть
Твоей опорою и силой.

Стихи этого цикла вполне отвечают главному условию художественного произведения: в них чувствуется душа автора, душа добрая, бескорыстная, умудрённая жизненным опытом, готовая к самопожертвованию, к настоящей большой любви.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1978. – 2 ноября. – С. 3.

ЧУВСТВО СЛОВА

Сегодня мы поговорим о стихах одного кузбасского автора. Поскольку разговор будет исключительно критический, не очень приятный для стихотворца, мы не станем называть полностью его имя и фамилию, а ограничимся инициалами – В. П.

Вначале несколько общих сведений о В. П. По роду занятий он – журналист, работает в многотиражной газете. Писать стихи начал довольно давно – лет пятнадцать назад. Пишет много, упорно, старательно, но достигнуть сколько-либо заметных успехов в своей литературной работе он не может. На протяжении многих лет мы поддерживаем с В. П. творческую связь, за это время через наши руки прошли сотни его стихов, и все они – или почти все – страдают одним серьёзным недостатком: у автора поразительная глухота к поэтическому слову, явное отсутствие чувства слова. Этот недостаток сводит на нет самые благие намерения автора, мешает успешному выполнению любого хорошего замысла, искажает добрые мысли и чувства.

Передо мной подборка стихотворений В. П., написанных в последнее время. Первое стихотворение в ней – «Напарник»:

Крутой, мускулистый, лобатый,
Любил он одно говорить:
«Лопата затем, чтоб лопатить,
Кайло для того, чтоб кайлить».
Я вовсе не против работы,
Но злился: «Заткни-ка хайло!»
И он мне: «Даёшь обороты!
Работай, товарищ кайло!»
Под вечер, расчистив дорогу,
Я рухнул на землю, как сноп.
«Ну, что, брат, устали немного?» –
Спросил меня тот остолоп.

«Устали? Какой чёрт устали!
Я выбился напрочь из сил!..»
«Я тоже отнюдь не из стали,
Но дюжу», – напарник басил.

Потом «Беломор» мы курили,
Вдыхали лесной аромат.
«Кайло чепуха, – говорил он, –
Вот сдать бы на «хор» сопромат».

Ситуация в общих чертах понятная. Два молодых парня, может быть, студенты-заочники, если учесть упоминание о сопромате, выполняют на пару одну нелёгкую работу, орудуя кайлом и лопатой. Один из них, видно, и физически покрепче, и навыка в этом деле у него, наверно, побольше, а другой – лирический герой – делает всё через силу, под конец работы просто валится с ног. Таково в схематическом плане содержание стихотворения.

А теперь приглядимся внимательно, какими словами обо всём этом рассказано. В первой же строке встречаемся мы со словесной неточностью: правильно не «лобатый», а «лобастый», в этом нетрудно убедиться, заглянув в словарь. Но оставим в стороне эту мелочь, вдумаемся в то, что любил говорить напарник. Его излюбленная фраза по смысловой нагрузке равнозначна тому, что если бы кто-то счёл за афоризм, скажем, такое «открытие»: вода для того, чтобы её пить, а хлеб затем, чтобы его есть. Неужели ничего более остроумного не мог придумать напарник, кроме этого пустого каламбура?

Из последующих строк никак нельзя понять, в каких отношениях напарники – в дружеских или враждебных? «Заткни-ка хайло!» – так беспардонно-грубо обрывают человека, к которому испытывают большую неприязнь, может быть, даже ненависть. Похоже, что лирический герой проникнут слепой злобой к своему напарнику, это как будто подтверждается и ещё одним выражением в его адрес: остолоп (то есть глупец, болван). А когда доходишь до строк: «Потом «Беломор» мы курили, вдыхали лесной аромат», начинаешь думать по-другому: да нет, это, кажется, хорошие товарищи, друзья, смотрите, как мирно, по-дружески сидят они рядышком, курят, отдыхают. Тогда откуда же эти «хайло» и «остолоп»? А всё из того же мутного источника, имя которому – художественная, в частности, словесная, безвкусица. Автор, видимо, считает, что «хайло» и «остолоп» – это элементы юмора, введённые в стихотворение для смягчения напряжённого положения, в котором оказался лирический герой. Но какой же это юмор? Элементарная грубость, невоспитанность.

Второе стихотворение называется «Ещё раз к вопросу о молодёжи», оно – своеобразная отповедь поэту, из стихотворения которого эпиграфом взята строчка: «Какая плохая пошла молодёжь!». Вот эта отповедь:

Бросьте. Не надо хая.
Время не проведёшь.
Так ли она плохая
Эта вот молодёжь?
Взрывчатая, как порох,
Угол, а не овал!
Бросьте. Не тратьте в спорах
Стёршиеся слова.
Что ей до ваших истин?
Дайте открыть свои!

Бросьте. Не вам, филистер, –
Ей уходить в бои.
Ей будоражит сердце
Вечный походный марш.
Бросьте. Закройте дверцу.
Спрячьте за дверцей фальшь.
Дуй же, сквозящий ветер!
Солнце, в пути свети!
С молодостью планеты
Молодости идти.

Итак, В. П. решил вступить в полемику с поэтом, у которого нашлась строка: «Какая плохая пошла молодёжь!» При этом ещё неизвестно, из какого контекста вырвана эта строка, весьма возможно, что в ней не утверждение самого поэта, а сообщение о чьём-то чужом мнении. И всё-таки В. П. считает возможным вести спор почему-то самым развязным, почти оскорбительным для оппонента тоном: «Бросьте. Не надо хая» (а никакого «хая» – крика, брани, горлопанства – как раз и нет). «Бросьте. Не вам, филистер» (мещанин, ханжа), «Бросьте. Закройте дверцу» (в «Напарниках» аналогичное: «Заткни-ка хайло!»). Собственно говоря, на этой запальчивости, на присущей В. П. грубости и держится вся его «отповедь». А где опровержение сказанного поэтом, где убедительные доказательства того, что нынешняя молодёжь не такая уж плохая? Много ли говорят в её пользу строчки, характеризующие её: «Взрывчатая, как порох. Угол, а не овал!». «Ей будоражит сердце вечный походный марш»? И разве в чём-то убеждает читателя риторическая общая фраза: «С молодостью планеты молодости идти»?

Не сумел В. П. найти нужных, самых необходимых слов – и стихотворение не состоялось, получился холостой выстрел. А молодёжь наша действительно не такая плохая, как кое-кому кажется, вот и надо было спокойно, без всякой грубости, доказательно высказаться о ней, обо всё лучшем, чем она ежедневно прославляет себя («Ей уходить в бои» – это далеко не единственная миссия молодёжи).

Следующее стихотворение в подборке – «Романтика»:

Ах, романтика, –
Чёртова сила!
И куда нас с тобою,
Шальной, не носило?
По равнинам Украйны,
По распадкам Сибири,

По местам, где кому-то
Мы избы рубили.
Нас ветра обжигали,
Валили метели,
Но опять поезда
В неизвестность летели.

Отставало в пути
Стоголосое эхо…
Никуда от тебя
Ни уйти, ни уехать!
Говорят, мы тебя,
Словно счастье, искали –
Мы тебя, как проклятье,
С собою таскали.
И не ты нас сквозь годы
Вела по России –
Это мы тебя в сердце
Горячем носили!

В первых же строчках – словесная неточность, никак в нашем сознании, воображении понятие романтики не вяжётся с грубым выражением «чёртова сила». Обжигающие ветра, летящие в неизвестность поезда – всё это хотя и верные, но уж очень примелькавшиеся в разных стихах атрибуты романтики, не нашлось у автора и тут свежих, оригинальных слов-образов. А неточностей он опять не избежал. «Никуда от себя ни уйти, ни уехать!». Логической связи ни с предыдущими, ни с последующими строчками это ложно-пафосное восклицание не имеет. При чтении за него цепляешься, как за сучок. Возникает недоумённый вопрос: кто и по какой причине хотел, стремился уйти, уехать от себя, но не мог? От себя не уйдёшь – в этом выражении чаще всего отрицательный смысл: нигде, ни в каком ином месте не избавишься от того, что есть плохого в тебе, – от дурных привычек, наклонностей, привязанностей и т. п. В данный контекст стихотворения подобный смысл совершенно не вписывается.

Романтика – это то, что содержит идеи и чувства, возвышающие человека. А В. П. пишет об этом: «Мы тебя, как проклятье, с собою таскали». Возвышенные чувства называются… *проклятьем*, негодующим, бранным словом. И после этого читатель, естественно, не верит в заверение автора: «мы тебя в сердце горячем носили!» С одной стороны, романтика – как проклятье, а с другой – как что-то дорогое, бесценное. Должно быть что-то одно – это ясно, как день. Может быть, В. П. спутал «проклятье» с «заклятьем» (заклинанием, клятвой)?.

Ещё одно небольшое по объёму стихотворение:

О, суета!
Ни дня вполсилы.
Спешу и глупости творю.
А дней всё меньше до могилы,
А жажду жить не утолю.
Не утолю
Ни славой чинной,
Ни лаской женщины –
Ничем!
И только в грусти беспричинной
Всё чаще меркнет
Блеск очей.

Пишется о самом интимном, сокровенном, но и тут автор не сумел проявить необходимое чувство слова. Зачем, к примеру, так широко вещать миру о том, что «Спешу и глупости творю». Кстати, хотелось бы узнать, что это за глупости, в чём они проявляются – следовало бы хоть мимоходом, вскользь пояснить эту мысль. Загадкой остаются для читателя сообщения: «Не утолю ни славой чинной» (на каком поприще она достигнута или может быть достигнута?), «И только в грусти беспричинной всё чаще меркнет блеск очей» (всё-таки у грусти должна быть какая-то причина – надо было хотя бы намёком сказать о ней).

Такое впечатление, что играет автор словами, не очень вдумываясь в их значение. И по этой причине впадает не только в художественную безвкусицу, а иногда и в пошловатость.

Выше говорилось, что В. П. пишет уже много лет. В настоящее время собирается предложить свои стихи издательству в качестве книги. Я не хочу навязывать своего мнения, но В. П. ещё надо работать, работать и работать над своими стихами.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1978. – 2 декабря. – С. 3.

К НОВЫМ ПОИСКАМ

Недавно один автор прислал в редакцию стихотворение под названием «Душевный отдых» с подзаголовком «В лесу». По форме – в смысле ритмики и рифмовки – стихотворение сделано довольно неплохо, но уж очень бедно его поэтическое содержание, суть которого сводится к мысли: хорошо отдохнуть душой в тихом осеннем лесу. И невольно вспомнилось мне стихотворение Константина Ваншенкина, которое тоже об осеннем лесе. И вот как заканчивается эта пейзажная зарисовка (цитирую по памяти):

Стою я один у дороги.
Я только с автобуса слез.
И хочется вытереть ноги
Пред тем, как войти в этот лес.

Какая яркая поэтическая находка в этом «И хочется вытереть ноги!» Из этих слов видно, как чист, уютен, красив осенний лес. Вот это и есть поэзия. Свои слова, своя образность, своё оригинальное мышление. Как часто не хватает всего этого молодым стихотворцам… И причина такого недостатка в ряде случаев не только в отсутствии у автора поэтических способностей, а в душевной лености, в несерьёзном отношении к своему труду, в неумении работать над тем или иным произведением долго, упорно, тщательно. Вместо этого – короткая вспышка грустного или весёлого настроения и как результат её – спешка, торопливость (скорее бы что-нибудь написать!). И как пишется за один присест, так и остаётся, так и

посылается в газету. Настоящим творчеством такое скорописание назвать, конечно, никак нельзя. С другой стороны, нельзя и требовать с каждого, кто только взялся за перо, чтобы его сочинения были безупречными во всех отношениях, подобного не может быть из-за малого жизненного опыта, из-за отсутствия большой литературной практики. Золотая середина здесь – в совете: привыкать с первых шагов на литературном поприще работать над стихами основательно, постоянно настраивать себя на терпеливые творческие поиски, не спешить, не удовлетворяться самым первым (может быть, черновым) вариантом написанного, а снова и снова возвращаться к нему – дорабатывать, улучшать, доводить, как говорится, до кондиции.

Прислушаться к этому совету следует и тем авторам, о чьих стихах мы будем говорить в сегодняшнем обзоре.

Владимир Екатеринушкин из п. Центральный Тисульского района сопроводил свою подборку следующим коротким письмом: «Посылаю на ваш суд свои стихи, хочу знать ваше мнение о них. Пишу я давно, но в основном для себя, о моём увлечении стихами знает только узкий круг близких мне людей. Они-то и посоветовали мне послать их в газету. Я выбрал «Комсомолец Кузбасса», т. к. газета молодёжная, а я молодой автор. Жду вашего суда».

Сразу же скажем, что «суд» наш будет не очень строгим, потому что автор ещё молод, а значит, не очень опытен. Подборка открывается стихотворением «На заре»:

На заре жарки у перелеска
Разгорелись – видно за версту.
У реки черёмуха-невеста
Белую накинула фату.
Рядом с ней берёзонька-подружка
Заплетает косы над водой.

А на них из набежавшей тучки
Загляделся месяц молодой.
Ветерок-шалун колышет ветки:
Вот он я, ищи меня, люби.
Шёпотом подруженьки-соседки
Говорят, наверно, о любви.

Милое, симпатичное стихотворение, не правда ли? Автор, как мы знаем, молод, но то, что пишет он давно, по всей вероятности, с детства, не прошло даром, положительно сказалось на многом. В частности, у Владимира тонкое чувство стихотворного размера – все строчки ритмически чётки, да и рифмы он умеет подбирать вполне благозвучные (версту – фату, водой – молодой, ветки – соседки). А малоудачная рифмовка (подружка – тучка, перелеска – невеста), это, скорее всего результат спешки, о которой говорилось выше.

А в том, что автор явно поспешил, мало поработал над стихотворением, мы не сомневаемся, потому что была у него возможность найти какой-то свежий образ, интересное сравнение, но возможность эту он не использовал. В самом деле, так ли уж часто приходится нам наблюдать в природе своеобразную её красоту: уже алеет восток, а где-то высоко, в бледно-голубом, немного розоватом от зари небе сверкает осколок месяца. Вот и надо было после строки «Загляделся месяц молодой» написать ещё одно четверостишие об этом месяце, чтобы привлечь наше внимание к этой необычной картине. Может быть, в ней и увиделось бы автору какое-то поэтическое открытие.

Познакомимся со вторым стихотворением Владимира Екатеринушкина – «Я снова дома»:

Я снова дома. Тот же снег вокруг,
Всё так же лес шумит на непогоду.
Знакомых старых узнаю не вдруг.
Немудрено – ведь пролетели годы.
Слетели, как листки с календаря,
Семнадцать лет: не много и не мало.
И годы эти прожиты не зря,
Хотя порой сумбурно, как попало.

Я видел юг и севера снега,
И в океане нас мотали штормы.
Вблизи чужие видел берега,
И видел землю я от пепла чёрной.
Но где б я ни был – в море ль, под водой,
Куда б ни заводила путь-дорога,
Моя тайга везде была со мной –
Ведь нет милее отчего порога.

По внешней отделке это стихотворение ещё лучше первого. И по содержанию более значительно. Верно угадал автор, какой отличительной деталью подчеркнуть характерную особенность отчего края, Сибири: «Моя тайга везде была со мной». О наблюдательности, о хорошем понимании родной природы говорит строка: «Всё так же лес шумит на непогоду». Только одна строчка вызывает у меня сомнение: «И видел землю я от пепла чёрной». Не точнее ли сказать: землю, от пепла чёрную?

В этом стихотворении привлекает внимание вот ещё что. Обычно поэты стремятся приукрашивать своего лирического героя, почти что идеализируют его. А Владимир Екатеринушкин не боится быть предельно искренним, честно признаётся в том, что герой его (а скорее всего он сам) далёк от идеальности, он, как и все люди, живёт не без ошибок и промахов: «И годы эти прожиты не зря, хотя порой сумбурно, как попало». Да, в жизни любого человека хватает и сумбура, и безоглядных шагов.

И ещё одно стихотворение Владимира Екатеринушкина «Утро»:

С дальних сопок тянет холодом,
В небе утренний пожар.
Ветерок, проснувшись, молодо
Вдоль по бухте пробежал.
И туманом чуть прикрывшись,
В алых отблесках зари

На посту стоят у пирсов
Боевые корабли.
Завтра им по водной глади
Снова в море. А пока
Лишь волна тихонько гладит
Их усталые бока.

Всё-таки, как нам кажется, не напрасно прислал в редакцию Владимир Екатеринушкин свои стихи – стоило познакомить с ними наших читателей. Пусть фата, которую накинула на себя черёмуха («На заре»), много раз использовалась как сравнение другими поэтами, зато «усталые бока» боевых кораблей на причале

– это уже определённая находка автора. И свободно льющаяся стихотворная речь, которой он владеет так уверенно, – тоже немалое приобретение его. Чаще всего молодые авторы косноязычны. А тут – почти профессиональное владение техникой стиха. Пожелать Владимиру Екатеринушкину хочется одного: поэтических открытий (как в стихотворении Ваншенкина).

«Я очень люблю стихи, – сообщает нам Людмила Сомова из Анжеро-Судженска, – особенно Маргариты Алигер, Юлии Друниной, ну и, конечно же, Есенина, Пушкина, Лермонтова. Их нельзя не любить. Сама я тоже пишу стихи, но читательницей их являюсь пока я одна, да ещё несколько самых близких мне друзей. Писать я начала давно, ещё когда училась в школе. Но не всё свободное время я посвящаю стихам. Пишу лишь в особые моменты своей жизни, только по настроению, когда хочется, как говорится, излить душу, выразить своё счастье или, может быть, горе. Вот в такие минуты я и берусь за перо. Поэтому и стихов у меня не особенно много… Укажите на недостатки в моих стихах, посоветуйте, что нужно сделать, чтобы их, недостатков, не было».

Знаменательное признание: пишу лишь по настроению. От того, кто пишет так, изливает свою душу, если человек не лишён способностей, мы вправе ждать предельно искренних стихов. Именно таковы и стихи Людмилы Сомовой:

Где-то за околицей
Вспыхнул луч зари.
Ночь к закату клонится.
Гаснут фонари.
Петухи горластые
Солнцу гимн поют.

Деревца вихрастые
Наземь росы льют.
Раскрывают ветки,
Отряхают сон.
И висит, как сетка,
Птичий перезвон.

Читатель, наверно, обратил внимание, как много сходного в письмах Владимира Екатеринушкина и Людмилы Сомовой: оба пишут стихи давно, у обоих читатели пока близкие знакомые и друзья, оба молодые по литературному стажу. И даже у обоих есть стихотворение под одним названием «Утро».

А литературные почерки у них, конечно, разные. И это очень хорошо. Стихотворение Людмилы Сомовой красноречиво свидетельствует о том, что и писание по настроению может быть успешным. Смотрите, как свежо и ново звучит образ: «Ночь к закату клонится». Так о ночи никто ещё не говорил. Общепринятое: день на закате. А здесь – ночь. И одной этой находки достаточно, чтобы безошибочно определить: Людмила не зря берётся за перо, она, несомненно, способный стихотворец. Другой образ: «И висит, как сетка, птичий перезвон» тоже оригинален и, если глубже вдуматься, точен. Действительно, заливистый, азартный утренний птичий перезвон иногда воспринимается нами как что-то зрительное – настолько он звучен, всеобъемлющ. Недаром у одного поэта, уже профессионала, этот птичий перезвон сравнивается с ожерельем звуков…

Из лично пережитого, как нам кажется, родилось и другое стихотворение Людмилы Сомовой под названием «Сны»:

Мне лишь восемнадцать –
Войны я не знала.
Но часто мне тёмными
Снятся ночами:
Бомбёжки, пожарища,
Скрежет металла,
И небо со сверхзвуковыми крестами!
И сыплется смерть –
Не в меня, так в другого!
И стоны, и раненый
Просит воды!..
Откуда во мне
Этот ужас былого?
Иль это предчувствие
Новой беды?

Угрозой новой беды до краёв полон наш современный мир. Об этом каждый день напоминают то там, то здесь вспыхивающие на планете очаги кровопролитных баталий, пока, правда, местного значения… И не может оставаться бестревожным сердце любого из нас, особенно, молодых, у кого вся жизнь ещё впереди, и этой жизни угрожают враги мира. Как тут не сниться кошмарным, зловещим снам.

И в этом стихотворении, как в «Утре», Людмила Сомова порадовала нас способностью находить свои слова и образы: «И небо со сверхзвуковыми крестами». Так по-своему, оригинально сказано о современных сверхзвуковых военных самолётах. Можно с полной уверенностью предположить, что Людмила Сомова, несмотря на свою молодость и литературную неопытность, уже сознательно работает в том направлении, на которое мы ориентируем молодых стихотворцев – она постоянно в творческом поиске, её не удовлетворяет, не устраивает шаблон, всё избитое, затёртое. Пусть будет хотя бы по одной поэтической находке на стихотворение – и то уж это большое достижение.

Что касается недостатков, на которые просит указать Людмила, то они не бросаются в глаза. Встречаются некоторые общие места, трафареты в стихах, которых мы не приводим, вот этих недостатков и

надо избегать Людмиле. «Что нужно сделать, чтобы их не было». Ничего не нужно делать, просто искать и находить новое, своё, и недостатки таким путём отсеются сами.

В заключение мне хочется от имени редакции поздравить всех молодых литераторов с наступающим Новым годом. Всем им – и тем, с кем мы уже были знакомы, и тем, с кем познакомимся в будущем – хочется от всей души пожелать творческих поисков и счастливых находок.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1978. – 26 декабря. – С. 3.

ВЫСОТЫ

В минувшем году по инициативе бюро Кемеровского обкома ВЛКСМ, Комитета по телевидению и радиовещанию, бюро областной организации Союза журналистов СССР был проведён радиоконкурс на лучшее поэтическое произведение, посвящённое 60-летию Ленинского комсомола. В этом конкурсе приняли участие многие молодые литераторы Кузбасса. Некоторые из них имеют в своём творчестве определённые достижения, в частности, первые книжки, другие публикуют свои произведения в газетах, в альманахе «Огни Кузбасса», третьи ещё неизвестны широкому кругу читателей – делают самые первые шаги на литературном поприще. Можно считать, что конкурс в какой-то степени достиг цели, которую ставил перед собой: он активизировал творчество молодых стихотворцев, способствовал пропаганде истории и современной деятельности комсомола; лучшие из конкурсных произведений были переданы по телевидению, прозвучали в радиопередачах.

В пределах газетной статьи мы, разумеется, не имеем возможности поговорить обо всех участниках конкурса, но о наиболее удачных работах стоит хотя бы вкратце рассказать.

Первая премия по единодушному решению членов жюри была присуждена Алексею Бабанину из Киселёвска. Вот одно из его стихотворений – «Последний перевал»:

На термометре – сорок.
Не показывай нос!
И ломает рессоры
Этот страшный мороз.
Рядом сопок вершины,
Да дороги черта.
Снова лезь под машину –
Не видать ни черта!
Эх, дорожные муки.
Небо сеет снежок.
Ключ хватает за руки –
Подержись-ка, дружок!
Мы, признаться, держали
И тросы, и ключи,
И надрывно дышали
Наши МАЗы в ночи.
Фары трассу искали,
Зажигая снега.
Только морщились скалы,
Да гудела тайга.
Там, за сопкой – дощатый
Домик. Свет из окна.
Поварихи-девчата
Улыбаются нам.
Ешь уху до отвала,
Или – вот – петуха.
А пока – перевалы,
А пока что – снега…

Есть два пути в поэзии. Один – выражать своё отношение к предмету, явлению посредством деклараций, публицистических высказываний. К этому чаще всего прибегают молодые поэты, которые привыкли мыслить абстрактно, отвлечённо, общими понятиями. Это делать гораздо легче, потому что о том же, скажем, комсомоле написаны сотни и тысячи декларативных стихов – есть тут на что равняться, есть даже что позаимствовать, пусть не дословно, но в самых общих чертах. И надо прямо отметить, что впечатление от подобных риторических стихов не бывает сильным, если тем более написаны они неопытной рукой, не очень умело. Второй путь – он намного трудней – раскрывать ту или иную тему не путём лозунгового языка, а при помощи образов, метафор, изображения живых картин.

Алексей Бабанин не побоялся трудностей – он избрал второе: не рассказ, а показ. Вместе с автором читатели вовлекаются в конкретный мир со всеми его проявлениями: тут и картины суровой сибирской природы в зимнюю пору, в лютую стужу, и физическое и душевное состояние героев стихотворения, в которых угадываются наши молодые современники, мужественные, настойчивые ребята с комсомольским характером, преодолевающие трудный, занесённый снегами горный перевал. Не говорится никаких громких слов о комсомоле, а дыхание этого молодого поколения мы ощущаем. Идею стойкости, мужества, целеустремлённости нашей молодёжи автор подаёт не в лоб, не прямолинейно, а образно, как и должно быть в настоящем художественном произведении.

Другое стихотворение Алексея Бабанина «Первые комсомольцы» написано в несколько ином ключе: это лирическое раздумье о судьбах комсомольских поколений:

Они недолюбили, недопели
Под выцветшим пробитым кумачом.
А я тогда не видел колыбели –
Сидел в гостях у вечности ещё.
Они ушли, оставив мне в наследство
И синь небес, и месяц–якорёк,
Да тихое безоблачное детство,
Да всю страну – м вдоль, и поперёк.
Они ушли в подоблачное знамя,
Грядущего рассвета трубачи.
Нет, не ушли! Они поныне с нами,
И их сердца, как прежде, горячи.

Даже в стихотворном раздумье автору не изменило поэтическое чутьё, он и в это вносит элемент образности. Как хорошо сказано: месяц–якорёк. И для мысли о том, что лирического героя тогда не было ещё на свете, у автора нашлись слова: «Сидел в гостях у вечности ещё». А эмоциональная наполненность этого стихотворения настолько очевидна, что ни на минуту не сомневаешься: всё сказанное автор пропустил через своё сердце.

Одно из самых удачных в подборке кемеровчанина Евгения Когана стихотворение «Высота»:

Кто в походах бывал,
Кто с горами на «ты»,
Знает правило это простое:
Никогда и нигде
Не терять высоты,
Остальное – обычно – пустое.
Высоту сохранил –
Значит, силы сберёг,
Чтобы раньше дойти до вершины.
Чтобы больше пройти
По планете дорог
Через ямы, болота, сушины.

Жизнь ярка и сложна,
Каждый день – перевал,
Каждый шаг надо выверить точно.
Высоту потерял –
Это лишний привал,
А для многих он – часто бессрочный.
И куда бы тебя
Ни сманила мечта –
В космос, горы, морские глубины, –
Помни: прежде всего –
Высота. Высота.
И не любит она середины.

Откровенно признаюсь: лично для меня было большой радостью познакомиться с таким интересным молодым поэтом, как Евгений Коган. Обратите внимание на то, как уверенно, крепко владеет он стихом, его ритмикой, рифмами. Во всём чёткость, звучность, отточенность. Очень добротный стих. Но главное в другом: Евгений Коган, мысля как будто отвлечённо, абстрактно, умеет повернуть тему такой стороной, которая приобретает философский оттенок. В стихотворении высота – это не только что-то возвышающееся, как горы над землёй, это символ всех высот, которые берутся комсомольцами семидесятых лет, в том числе высот духовных, нравственных. Нет здесь и упоминания слова «комсомольцы», но ясно чувствуешь из подтекста: речь именно о них, чей путь «в космос, горы, морские глубины», чьё вечное устремление – к высотам, которые не любят, не признают середины, половинчатости во взятии их.

Связь комсомольских поколений, эстафета, передающаяся от одного другому, – эта тема, как и у Алексея Бабанина, не оставила равнодушным Евгения Когана: родилось стихотворение под названием «Голос издалека»:

А ты, потомок красных бойцов,
Помнишь ли это время?
Атаки ветер, рвущий лицо,
Стёртое напрочь стремя.
Водою ржаной был полон ров,
Лица черны от пыли.
Во рву топили мы юнкеров.
И прочую шваль топили.
Тебе по жизни шагать легко –
Сыт ты, обут, устроен.
А мы шли на пушки без башмаков
Неровным, но грозным строем.

В холодном окопе чёрствый сухарь
Делили на всех по крохам…
Но кто бы посмел хоть в шутку сказать,
Что нам живётся плохо?
Нам Ленин путь указал вперёд –
Громи дворянские норы.
И мы громили – восстал народ
Под мощный набат «Авроры».
Мы жили верой в грядущий день.
И дело своё свершили,
Чтоб дать свободу и мир тебе,
Потомку, рождённому в мире!

Монолог, в форме которого написано стихотворение «Голос издалека», продиктовал и своеобразный тон стиха: несколько сбивчивый от волнения, сдержанный, немного грустноватый. В такой же интонационной манере написаны Евгением Коганом и другие его произведения о комсомоле – «Баллада о краснозвёздных», «Ты с нами вечно, Островский», «Комсомольцам 20-го года». Все они проникнуты большим чувством, взволнованностью, все свидетельствуют о способностях автора.

Кемеровчанин Александр Катков уже знаком кузбасским читателям: в одном из номеров альманаха «Огни Кузбасса» за прошлый год опубликована большая его подборка публицистических стихотворений о Чили. На конкурс «60 комсомольских лет» Александр Катков предложил стихотворение «Разговор с комсомолом»:

Светло и печально прощаюсь с тобой.
Мне самый ликующий праздник не нужен.
Спасибо за то, что твоею трубой
Я был в мои ранние годы разбужен.
Давай же у входа в райком посидим…
Ты знаешь, я мог бы сказать на прощанье:
«Полжизни – с тобой, и вся жизнь впереди,
Так обещай мне нерасставанье!».
Ты помнишь, как мы повстречались с тобой?
Сказал ты: «Вставай! Твоё время настало!

Распахнуты дали и день голубой,
Но времени, чтобы собраться, так мало».
Ты мне протянул комсомольский билет,
В груди поселил неуёмное свойство –
Как песней любимой, дорогой болеть,
Для правды и боли иметь беспокойство.
Но будут ещё меня звать за собой
Все песни твои, как весенние громы,
Поэтому здесь, у ступенек райкома,
Ещё мне придётся встречаться с тобой…

И вот ухожу я по талой тропинке,
Но всё проступает видней и видней,
Как хрупкою девушкой в алой косынке
Спешит моя юность навстречу ко мне.

У Александра Каткова, как видим, особая душевная пристрастность к тому, о чём мы уже говорили выше – к прямому, не украшенному метафорами, эпитетами, сравнениями разговору на заданную тему. Пусть такой способ выражения себя не очень ярок поэтически, но он подкупает искренностью высказываемых мыслей. Веришь автору: говорит он очень откровенно, от души. А поскольку мысли эти внутренне созвучны многим ровесникам автора, то и такие стихи – чисто декларативные – имеют право на существование. Именно искренность интонаций Александра Каткова, страстность его публицистики и продиктовала членам жюри их решение при определении конкурсных мест: этому автору присуждена третья премия…

В заключение хочется сказать следующее. Наверно, стоит почаще объявлять подобные конкурсы. И не только связанные с какими-то юбилейными датами, а просто на темы, которые подсказывает жизнь, время. Тем этих неисчислимое множество.

А конкурс, которому мы посвятили сегодняшнюю статью, сделал своё доброе дело: он побудил взяться за перо многих молодых авторов, и выявил среди них очень способных, о которых мы до этого ничего не знали. Теперь же мы имеем их на примете и вправе надеяться на новые литературные встречи.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР, член жюри конкурса «60 комсомольских лет». г. Кемерово // *Комсомолец Кузбасса. – 1979. – 30 января. – С. 3.*

«УТРО – ЭТО УЛЫБКА ЗЕМЛИ»

Нам уже приходилось говорить о том, что часто в редакцию приходят письма, авторы которых обращаются с одной-единственной просьбой – напечатайте мои стихи. И почти всегда в таких случаях стихи оказываются слабыми, неумелыми, совершенно непригодными для печати. Чем неопытнее стихотворец, чем хуже разбирается он в сущности поэзии, тем больше его уверенность – ошибочная, конечно, – в безупречности своих сочинений, в несомненной пригодности их для публикации.

И, наоборот, совсем иначе относятся к своей литературной работе не столько более опытные, а просто более одарённые авторы: многое в том, что они предлагают вниманию редакции, кажется им очень несовершенным, малоудачным, сомнительным. Эти авторы, как правило, не стремятся во что бы то ни стало напечататься, их просьба к редакции – самая скромная: посмотрите, выскажите своё мнение, советы. А стихи-то в данном случае намного лучше того, чем думает о них сам автор.

За конкретным примером ходить, как говорится, недалеко. Вот с каким письмом обратился в редакцию кемеровчанин Сергей Николаев: «Я постоянно читаю поэтические подборки, которые публикуются в вашей газете. Я знаю, что вы оказываете большую помощь начинающим авторам, и поэтому решил обратиться к вам за советом. Мне хочется узнать ваше мнение о моих стихах, об их основных недостатках. Буду надеяться, что вы ответите на моё письмо».

Обратите внимание: Сергея Николаева больше всего интересует, каковы основные недостатки его стихов, к каким советам относительно дальнейшей работы прислушаться. Он, видно, даже не предполагает, что эта работа уже сейчас заслуживает одобрения и обстоятельного разговора о ней не только в редакционном ответе, а и на страницах газеты.

В подборке Сергея Николаева всего три стихотворения, но и по ним уже можно судить, на что он способен. Вот первое – под названием «Утро»:

Утро свежестью, бодростью дышит,
Умываются травы в росе.
Ленты неба, лаская, колышет
Ветерок у берёзки в косе.
Голубая просторная вольность
Затопила леса и поля.
Голосов птичьих нежная стройность
В ней то вспыхнет, то тает, звеня.
Всё вокруг невесомо, спокойно,
Жаркий день ещё зреет вдали.
И сравненье родится невольно:
Утро – это улыбка земли.

Первое, о чём можно сказать, как о положительном качестве стихотворения, – его краткость. Короткие стихи писать труднее, чем длинные, потому что в немногих строчках надо выразить что-то самое главное, что взволновало тебя и попросилось на бумагу. Здесь задачей автора было показать уголок природы с некоторыми её приметами, характерными для рождения, для начала ясного, солнечного летнего дня. И можно сказать, что во многом с этой задачей автор справился. Роса на траве, бодрость, свежесть воздуха, спокойная голубизна неба, птичьи голоса в его вольном просторе – эти природные штрихи воссоздают утреннюю картину. И всю её афористически крепко венчает точный образ: «Утро – это улыбка земли».

Но не лишено стихотворение и недостатков. Образ земной улыбки хорош лишь сам по себе, а предыдущими строчками он не совсем подготовлен: не хватает в них упоминания о заре, о первых лучах солнца. Не совсем точна по выражению вторая строка: умываются не в чём, а чем, то есть не «в росе», а

«росой». Оборот «в росе» был бы правилен, если бы перед этим стояло, допустим, «купаются». По-своему увидел Сергей Николаев просветы неба в листве берёзок, назвав эти небесные прогалины «лентами». Однако трудно представить их колышущимися. Ветерок всё-таки колышет листву, а не то, что просвечивается сквозь неё. Образ получился весьма условным. Не тем определением («стройность») наделены и птичьи голоса: в ранний утренний час птицы заливаются на все лады, перебивая друг друга, стройности в их пении, щебете нет. Кстати, и по звучанию эта строка довольно тяжеловесна, косноязычна, несколько выбивается из общего ритмического строя.

Вот на эти небольшие, но всё же недостатки, недоработки автору следует указать, чтобы, устранив их, сделать «Утро» более добротным.

Познакомимся с другим стихотворением Сергея Николаева, оно тоже о природе:

Синевы прозрачный трепет
Не заклеить облаками,
Торопливый птичий лепет
В ней не рассмотреть глазами.
Нежное листвы дыханье
Грудью веток не вдохнуть,
Любопытное касанье
Ветерка – не оттолкнуть.
Песнь ручья и волн шептанье
Людям не дано понять.
Свято тайны мирозданья
Бережёт природа-мать.

Природа-мать, конечно, бережёт тайны мирозданья, в котором много ещё неизвестного, неразгаданного. Всё это так, если рассматривать вопрос в научном аспекте. А поэзии с давних времён присуща волшебная сила, которая способна проникать в самые глубокие тайники природы, всякий раз открывая там что-то новое. Не кому-нибудь иному, а именно поэту, художнику, по словам одного классика, внятен глагол лесов, полей и рек. Поэзия и природа умеют находить общий язык. Будь как-то иначе, не имела бы любая литература одного из своих драгоценных богатств – многих замечательных лирических произведений, посвящённых родной природе. Не её ли одухотворяли Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Бунин, Фет, Есенин, не с ней ли в грустные и весёлые минуты беседовали по душам, как с близким человеком, добрым другом?

Приведённым выше стихотворением Сергей Николаев противоречит сам себе, говоря о том, что в природе ничего «людям не дано понять», он вместе с тем ощущает не просто ветровой порыв, а «любопытное касанье ветерка», «нежное листвы дыханье»; глядя на дерево, думает не просто о сучьях, покрытых зеленью, а рисует это в своём воображении «грудью веток» – не какой-нибудь грудой, нагромождением, а грудью, как у живого существа. А это и есть поэзия, её язык, на котором автор разговаривает с природой. Не всё в ней, оказывается, «тайна», «непроглядный мрак», если ветерок способен проявлять любопытство, листва дышать, ручьи петь, волны шептаться. И пусть лишь тот, чьё сердце равнодушно к вечно живой природе, твердит, что она – тайна, загадка, а любой истинный поэт всегда будет с восторгом делиться своей великой радостью, что он не только слышал, но и понимал, о чём говорила «роща берёзовым, весёлым языком». И любящий природу читатель с готовностью поверит, что сказано это не для красного словца, потому что и сам не раз испытывал минуты полного душевного слияния с ней, с её «тайнами».

И ещё одно стихотворение Сергея Николаева:

Любовь рукой своею нежной
Мне сердце сжала что есть сил.
Я оглушён, я смят, повержен –
Так было с каждым, кто любил.
И редких встреч копя минуты,
Храня надежды и мечты,
Любви не в силах сбросить путы,
Лечу я в пропасть красоты.
Я знаю – там, на дне глубоком,
Решится всё. Не любишь ты –
Я разобьюсь. И алым соком
Нальются мрачные цветы.
Я вижу их – от крови пьяны,
Они уж ждут – не первый я!
И реки слёз там, и туманы
Полны пурпурного огня.
Но если любишь – я, как птица,
Взмахну руками – и взлечу!
И дней счастливых вереница
Нас завернёт в свою парчу.

Общее впечатление от стихотворения хорошее – написано оно с большим эмоциональным накалом, но мы помним, что в письме автор просил указать на недостатки в его работе, поэтому пройдёмся внимательно по строчкам и отметим то, что здесь недостаточно хорошо, неглубоко продумано.

Если сердце сжато что есть сил, если от этого оглушён, смят, повержен, то это отнюдь не «нежная», а жёсткая, грубая рука. Дальше по логике утверждения: «Так было с каждым, кто любил» надо полагать, что любовь его сильна и, конечно, в радость ему. А строка: «Любви не в силах сбросить путы» всё запутывает. Во-первых, автор уже забыл, что вначале любовь дана в образе руки, а здесь неожиданно появились «путы». Во-вторых, сказано о «путах» так, будто влюблённый тяготится ими, испытывает неодолимое желание сбросить их, но не может, «не в силах» сделать это. Начинаешь думать: значит, герой не рад, что полюбил? Нет, это не так, он заворожён красотой (и красотой девушки, и красотой своего чувства), с радостью бросается «в пропасть красоты». Бросается, ещё не зная, ответят ли ему взаимностью. Если нет – он разобьётся, «и алым соком нальются мрачные цветы». Что это за «сок»? – спросит читатель. Пояснение – в следующей строке: «Я вижу их – от крови пьяны…» Но ведь сок и кровь – разные вещи. Должно быть что-то одно. Ближе к концу стихотворение наполняется ненужными поэтическими красотами: и реки слёз, и полные пурпурного огня туманы, и парча вереницы дней…

Сергей Николаев, безусловно, способный автор. Только поэтому, желая ему добра, мы так подробно остановились на всех смысловых и образных погрешностях его стихотворения о любви. Может быть, такой построчный разбор будет в какой-то степени полезным ему в работе над новыми стихами. Хочется надеяться, наше творческое содружество с Сергеем Николаевым продолжится. Первое знакомство с ним приятно.

Кемеровчанин Николай Новиков прислал нам такую же небольшую подборку – тоже из трёх стихотворений. Предлагаем вниманию читателей самое удачное под названием «Тропа»:

Спасибо тем, кто проторил тропу:
Тебе, парнишка в сапогах кирзовых,
Что догонял весёлую судьбу,
А та мелькала в босоножках новых;
Седому старику, что с посошком
Доказывал бесспорность аксиомы
(Хоть он, с Эвклидом вовсе незнаком):
Любых дорог тропа короче к дому;
Солдату, что, медалями звеня,
Здесь ковылял на костылях нередко.
Спасибо тем, кто впереди меня
Прошёл и на земле оставил метку.
Тропинка у села оборвалась,
Растаяла, а мне идти далече.
Я думаю, прошедшие, о вас:
Какою благодарностью отвечу?
Лежит маршрут мой через топь болот,
И я иду, как следопыт, в разведку.
Я думаю о вас, кто здесь пройдёт.
И я для вас свою оставлю метку.

На эту тему писалось уже не раз и не одним поэтом, но всё равно стихотворение Николая Новикова вызывает интерес – прежде всего, тем, что автор сумел избежать общих фраз, всем путникам дал запоминающуюся характеристику. Особенно удачно в поэтическом смысле сказано о девушке, которую догонял парнишка в кирзовых сапогах: весёлая судьба в новых босоножках.

Ценно это стихотворение и тем, что называют вторым планом, подтекстом. На первый взгляд может показаться, что речь просто о прошедших впереди лирического героя разных людях, которые облегчили ему путь, как первопроходцы. Но эта вполне конкретная тропа до села – это и судьба, и дорога людей, прошедших по жизни так, что хочется быть похожими на них, хочется от души поблагодарить их за то, что они – пример для тебя: честно, достойно, прямо, никуда не сворачивая, прошли свою жизненную тропу.

О двух других стихотворениях Николая Новикова ничего хорошего, положительного, сказать, к сожалению, нельзя. В них почему-то даже строгий ритмический лад не выдержан, видимо, писались они торопливо и небрежно, совсем не так, как «Тропа», стихотворение, над которым автор поработал, чувствуется, основательно.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1979.– 3 марта. – С. 3.

БЕГ НА МЕСТЕ

Виталий Веретенников (г. Мариинск) уже знаком нашим читателям: несколько лет назад мы подробно разбирали его стихи в одном из обзоров, отвечая ему при этом, что автор подаёт большие надежды. Так же говорили и на поэтическом семинаре в Союзе писателей – на тот семинар Виталий Веретенников был приглашён в числе других наиболее способных молодых стихотворцев.

И вот перед нами довольно объёмистая подборка новых стихов, которые Виталий Веретенников прислал недавно. Само собой разумеется, что к чтению этой рукописи мы приступили с большим интересом: наверно, молодой способный поэт за эти два или три года сделал в своей работе заметные шаги вперёд? Наверное, лучшее из присланного окажется достойным отдельной публикации? Хорошо бы… Но первое же внимательное знакомство с рукописью мало чем порадовало, невольно подумалось, что были у Виталия Веретенникова стихи покрепче, получше этих, новых. Разговор о них нам кажется принципиально важным – ведь мы имеем дело с литературной судьбой молодого поэта, – а поэтому постараемся вместе с читателями проанализировать как можно обстоятельнее те вещи Виталия Веретенникова, которые, на наш взгляд, лучше остальных.

Обратимся к самому, что называется, злободневному, сезонному стихотворению под названием «Приметы весны»:

Уж пар над крышами клубится,
Толкуют люди меж собой,
Что может курица напиться
Под водосточною трубой.
Старинный праздник Евдокии –
Он нам, конечно, ни к чему,
Но густо треснул лёд на Кии,
И я волнуюсь потому.
А воздух вкусный, первозданный,
И может мне лишь одному
Он пахнет ложкой деревянной,
А вам не знаю, как кому.
Ни слова доброго, ни вздоха
О надоевшей всем зиме.
Нам так зимою было плохо,
Что лето видели во сне.
На чердаки, к мышам и пыли
Бросаем старые пимы…
Но мы бы лето не любили,
Когда бы не было зимы.

По отбору деталей, которые должны выражать приметы весны, нельзя понять, какой – городской или деревенский – пейзаж хотел изобразить автор. «Ужа пар над крышами клубится». Обычно пар идёт (только не «клубится») от просыхающих на солнце тесовых крыш, значит, это о деревне, так же, как и строчки о чердаках с мышами и пылью, о курице. Но в первой строфе упоминается водосточная труда – деталь чисто городская. Похоже, автор сам не увидел достаточно ясно ту картину, которую собирался нарисовать. Стихотворение небольшое, а создаёт впечатление многословного, потому что слов здесь больше того количества, которое необходимо для выражения той или иной мысли. Трудно понять, например, зачем упомянут «старинный праздник Евдокии», дальше без всякой связи с ним говорится, что густо (не то определение!) треснул лёд на реке Кии, и только это почему-то волнует лирического героя. Может быть, он – заядлый рыбак и заранее грезит о своём отдыхе с удочкой над очистившейся ото льда рекой? Неуклюже, стилистически неточно сказано о вкусном, первозданном воздухе, в котором улавливается запах деревянной ложки («мне лишь одному он пахнет», «а вам не знаю, как кому»). «Нам так зимою было плохо, что лето видели во сне». Никак не объясняется, почему «нам так зимою было плохо» – это можно понять и как недомогание, и как какое-то бытовое неудобство. А всего скорее автор хотел сказать о зимних морозах, вьюгах, которые надоели всем, но тогда эту мысль следовало выразить другими, более точными словами. Да и стоило ли вообще так презрительно говорить о зимней поре, ведь и в ней много хорошего: «Мороз и солнце! День чудесный». Единственно точное место в тексте – это последние две строчки. Но и в них должно было говориться не о лете, а о весне, ведь стихотворение называется «Приметы весны», а не лета.

Кстати, есть в рукописи и стихотворение про лето, называется оно «Летние дожди»:

Ворчат напрасно горожане
На эти пасмурные дни.
Они картошку не сажали,
И хлеб не сеяли они.
От них услышишь очень часто:
– На пляж не выйти по-людски.
А для меня большое счастье,
Как хлеб завяжет колоски.
По небу тучи-телогрейки
Плывут, раскинув рукава,
И дождик хлещет, как из лейки,
И улыбается трава.

Леса свои умыли лица,
Заизумрудились вдали,
И, кажется, ростки пшеницы
Ко мне на цыпочках пошли.
Размякли сохлые дороги,
И воздух сладок, как арбуз,
И сами двигаются ноги,
И лет не чувствуется груз.
Для горожан простое дело –
Всего до булочной дойти,
И им, конечно, надоело,
Что вот заладили дожди.

В этом стихотворении кажется нам сомнительной сама основа его – противопоставление сельского жителя горожанам, по отношению к которым лирический герой проявляет нескрываемое превосходство. Горожанам в наше время тоже небезразлично то, какая погода и как она отразится на судьбе урожая. Засушливое лето их беспокоит не меньше сельчанина, затяжное ненастье – тоже. Так что совсем ни к чему упрекать горожан в том, что «они картошку не сажали, и хлеб не сеяли они».

Кроме общего – идейного – просчёта, встречаются здесь и частные недостатки, как, например, прозаическое «И сами двигаются ноги» (разве это самый удачный признак радости, душевного праздника?). Слишком вяло, бескрыло звучит последнее четверостишие, никакой поэзии нет в констатации факта: «И им, конечно, надоело, что вот заладили дожди».

Тематика стихов Виталия Веретенникова разнообразна, жизнь волнует его во многих своих проявлениях. Вот стихотворение гражданского звучания «У холма славы»:

Есть в городе место святое,
Где славы и скорби печать.
Сюда безголосо и стоя
Приходит народ помолчать.
Здесь даже не женские слёзы,
Мужские берутся в расчёт.
Сквозь старую каску берёза
На самой вершине растёт.
Она, словно вечности символ,
Как вечная память страны,
Под небом безоблачно-синим
Для всех зеленеет с весны.

В сторонке старушка седая
Под грудью сложила персты,
А рядом чета молодая
К холму возлагает цветы.
С медалями и без медалей
Приходят сюда старики,
Как будто друзей повидали
И встретились вновь земляки.
И что-то действительно зримо
Я тоже представить могу,
Как будто бы шествуют мимо
Полки – как погибель врагу.

Удачным здесь мне представляется соответствующий содержанию ритм – торжественный, чеканный. Общее впечатление от этой вещи хорошее, чувствуется, что написана она по душевной потребности, а именно так и создаются настоящие поэтические произведения. Однако опять приходится говорить о языковых неточностях, о стилистических промашках. Например, строчки в первой строфе: «Сюда безголосо и стоя приходит народ помолчать». Очень неловкая фраза, требующая перестановки слов. В прозаическом варианте эту фразу можно построить проще и точней: сюда приходит народ постоять, подумать, помолчать. «Безголосо, стоя» – эти определения совершенно лишние, такое действие подразумевается само собой, его «видишь» в контексте.

Нарочитое усложнение в словесной формулировке мысли: «Здесь даже не женские слёзы, мужские берутся в расчёт». Кем и зачем берутся в расчёт мужские слёзы? – вот вопрос, который напрашивается при чтении этих строчек. Не справился автор со стихотворной формой, не сумел выразить то, что хотел, а именно: здесь, у холма славы, можно увидеть не только женские, а и мужские слёзы.

«Как будто друзей повидали и встретились вновь земляки». Эти хорошие строчки были бы на месте, если бы до этого говорилось: уходят отсюда старики, как будто… и т. д. А ведь в тексте иное: не уходят, а «приходят сюда старики». И если уж оставить «приходят», то дальше по логике должно быть иное: как будто повидать друзей, встретиться с земляками. Несколько словесных ошибок – и существенно испорчено всё стихотворение, очень даже неплохое.

И ещё одно стихотворение без названия – с философским уклоном:

Нам нужны потрясения,
Горести, радости.
Нужна слякоть осенняя
И летняя радуга.
Очень нужен успех
И ошибка досадная.
Нужны слёзы и смех,
И любовь безоглядная.
Нужен недруг и друг,
Наказанье и милость,
Чтобы тысяча рук
На руке твоей слилась.
Чтоб в быту не коснеть,
И кого-то порадовать,
За себя не краснеть,
На других не досадовать.
Нужна яркая жизнь,
Чтобы солнечно, звёздно!
Чтобы локти не грызть,
Когда будет уж поздно.

Камертон этого стихотворения с самой первой строчки – неверный. Мы имеем в виду выражение «нам нужны». Вдумаемся глубже: разве нужна нам осенняя слякоть, горести, досадные ошибки (в самом уже эпитете «досадные» звучит то, что нежелательно, вызывает чувство досады, огорчения). И снова приходится только предполагать, какой же замысел был у автора, когда он брался за перо. Замышлял он, судя по всему, не то, что «нам нужно», а то, без чего не обойтись в жизни любому человеку: всё будет у него – и потрясения, и горести, и осенняя слякоть, и досадные ошибки; всё это будет вместе с радостями, успехом, безоглядной любовью, весёлым смехом. Одним словом, была попытка написать такое стихотворение, в котором бы при помощи контрастных понятий и явлений выразить диалектику жизни со всеми её противоречиями и метаморфозами. Но попытка явно не удалась.

Мы недаром посвятили всю сегодняшнюю обзорную статью одному автору. На примере разобранных стихов видно, что и способный поэт может по каким-то причинам долгое время находиться в том состоянии, которое, выражаясь спортивным языком, характеризуется, как бег на месте. Именно в этом убеждают нас новые стихи не лишённого способностей молодого поэта Виталия Веретенникова. Слишком затянулось его пребывание в «подающих надежды», надо что-то предпринять ему, чтобы сдвинуться с места, сделать уверенные шаги вперёд, к новым достижениям.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1979. – 7 апреля. – С. 3.

НОВЫЕ ИМЕНА

Впервые со стихами кемеровчанина Виктора Вишнякова наши читатели познакомились несколько лет назад, когда в одном из обзоров, публикуемых под рубрикой «Факультет молодого литератора», подробно и обстоятельно анализировалась поэтическая работа этого способного стихотворца. В то время Виктор был курсантом Кемеровского высшего военного командного училища связи, круг интересов у него был весьма ограниченным: он писал в основном о том, что так или иначе было связано с его повседневной армейской жизнью. Но даже и по стихам на одну эту тему видно было: их автору есть что сказать людям.

Все эти годы Виктор Вишняков много и упорно работал. Его стихи обрели широкое дыхание, энергичную походку. В них свободно и естественно стали входить самые разнообразные темы, которые подсказывала ему жизнь со всеми её радостями и огорчениями, тревогами и противоречиями. Одним словом, жизнь во всеобъемлющем значении этого слова стала главной темой стихов Виктора Вишнякова, чью подборку мы с удовольствием предлагаем сегодня вниманию наших читателей.

М. НЕБОГАТОВ,
член Союза писателей СССР.

***

ВИКТОР ВИШНЯКОВ

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

В тревожный лес скатился гром.
За ветром вслед рванулись кроны.
И полдень солнечно-зелёный
Поник под вспыхнувшим дождём.

И, словно листья, голоса
Под струями затрепетали.
И по дороге замелькали
Рубашек белых паруса.

Кипели лужи. Жил ручей.
Во взглядах радуга сквозила.
А туча хвост дождя тащила
Среди разгневанных ветвей.

ОГОРОД

Мамина стихия – огород:
Грядки, оживающие летом.
Солнце вслед за мамою встаёт.
Мама поднимается с рассветом.
Тихо возвращается она.
Шепчутся на кухне половицы.
Седина – не мамина вина,
Но глаза, как пойманные птицы.
С каждой встречей больше седины
И невыносимее разлуки.
В тишине досматривают сны
К бабушке приехавшие внуки.

Скоро опустеет огород.
И в подполье выстроятся кадки.
Мама молчаливо обойдёт
Старые растрёпанные грядки.
Возвратится в опустевший дом
И осмотрит дом хозяйским взглядом:
Вещи все привычные кругом,
Только сыновей не видно рядом.
Мама ждёт нас в гости каждый год.
И под ярким солнцем каждым летом
Оживает мамин огород.
Мама поднимается с рассветом.

ОЧЕРЕДЬ

Очередь, как омут на реке.
Славится парное молоко.
И сидит старушка в уголке.
Люди рядом… мысли далеко.
На плечах поношенный платок,
Будто снег подтаявший в горах.
Взгляда неприметный ручеёк
В прожитых теряется годах.

Здесь у магазина на крыльце
Между нами люди, как года:
В очереди я стою в конце,
А старушка – первая всегда…
Наступает осени пора –
Время огорчений и потерь:
Бабушка из нашего двора
Возглавляет очередь теперь.

ГРАНИЦА

Кто выдохнул: «Граница подо мной…»
Кто прошептал взволнованно: «Граница…».
Над Тиссой – пограничною рекой –
Проходит поезд. И светлеют лица.
Как будто солнце из-за облаков
Выглядывает, тени обнажая.
Названия у этих берегов –
«Чужбина» и «Страна моя родная».
А между ними быстрая вода –
Скупые разделяющие метры,
Как в жизнь мою вошедшие года
И пройденные мною километры,
Когда судьба гвардейского полка
Была моей солдатскою судьбою.
До горизонта в небе облака,
А горизонт… за Тиссою–рекою.
И вижу я с нейтрального моста,
Что связывает памятные дали,
Родные неоглядные места
И землю, где солдатами мы стали

// Комсомолец Кузбасса. – 1979. – 21 апреля. – С. 4.

НЕ РАДИ СЛАВЫ

Сегодняшний обзор мы начнём с разговора о стихах Светланы Мангутовой из Междуреченска. «В прошлом году, – пишет она в редакцию, – я посылала вам несколько стихотворений. Вы дали мне ряд советов по поводу стихосложения. За это я вам очень благодарна. Одно из них в переделанном виде я посылаю в ваш адрес, а заодно ещё три стихотворения. Очень хотелось бы узнать ваше мнение об этих стихах». Подборка открывается стихотворением «Не ради славы», которое, как говорит Светлана, переделано ею:

Он партизан. Его застали
В квартире явочной врасплох.
На выход дулом указали,
Отрезав злобно: Хенде хох!»
Семь дней в гестапо истязали.
Семь дней один и тот ответ.
Сломали тело партизана,
А душу не сломили, нет!

И повели к берёзе белой
Через просохший чуть асфальт.
Взглянул насмешливо он, смело,
Услышав резкий окрик: «Хальт!»
Там где-то расцветали розы,
Бокалы наполнялись вновь,
А тут смешались сок берёзы
И человеческая кровь.

Не ради бесконечной славы
Поникла гордо голова,
А чтоб Россия величаво
В мир пронесла завет-слова:
«Пусть жизнь цветёт на всей планете,
Пусть люди дружбу берегут,
И пусть твердят с улыбкой дети:
«Как хорошо», «Ол райт!», «Зер гут!»

Я помню первый вариант этого стихотворения. Начало его было таким же, как сейчас – с конкретными живыми деталям, а дальше шли одни общие фразы, которые, как всякая декларация, мало впечатляли. Светлана Магутова прислушалась с нашим замечаниям, приняла во внимание совет насчёт того, что следовало бы сделать, – и в результате родилась вот эта вполне добротная, художественно цельная вещь. Можно лишь приветствовать подобное отношение к своей поэтической работе, когда автор снова и снова обращается к чему-то как будто уже законченному, но на самом деле не совсем удачному. Это говорит о многом, и прежде всего о том, что если ты не опускаешь руки, а упорно, целеустремлённо продолжаешь добиваться своего, значит твои литературные занятия – не пустая забава, а любимое, дорогое сердцу дело, в котором главное – упорный, кропотливый, подчас даже изнурительный труд.

Общеизвестна истина: в литературе хорошо, достоверно получается, как правило, то, что пережито, выстрадано самим творцом. Однако немало значит и такой ценный дар природы, как художественное воображение. Светлана Мангутова о войне знает из книг, из кинофильмов, а картина, которую нарисовало ей воображение, не вызывает у нас сомнения в смысле достоверности, правдивости, всё воспринимается нами как реальное, бывшее в действительности. А это признак авторской одарённости, который проявляется и в чисто технических элементах стихосложения. Даже профессиональный поэт скажет вам, как нелегко найти рифму к слову «асфальт». А посмотрите, как естественно, без всякой натяжки использовано это слово в стихотворении «Не ради славы» (асфальт– хальт). С такой же естественностью вошли в него отличные рифмы «берегут – зер гут».

Это стихотворение, судя по всему, дорого Светлане Мангутовой, поэтому отметим и некоторые частные недостатки его. Стоит подумать над строкой «Сломали тело партизана». Если бы «сломали», то не смог бы партизан сам пойти на расстрел. Надо также сделать более конкретным неопределённое выражение «Там где-то» («Там где-то расцветали розы»). Неплохо бы найти какую-то замену не очень ловкому сочетанию «завет-слова».

Из трёх других стихотворений Светланы Мангутовой более значительным кажется нам вот это – оно тоже о войне:

Она ждала, ждала она солдата,
Хранила обручальное кольцо.
Ждала, когда под дулом автомата,
Оскалясь, смерть шипела ей в лицо.
Ждала, когда от рваного металла
Стонала непокорная земля.
Ждала. И стёжкой длинною
к вокзалу
Спешила, о свидании моля.

Вот он, последний поезд. Сердце сжалось.
Кому печаль, а кто пустился в пляс.
С дрожащей тишиной она осталась –
Ждала. И до сих пор не дождалась.
Над безымянной старится могилой.
А рядом – жизнь во всей её красе.
У горя, знать, особенная сила,
Хоть слёзы-то и выплаканы все.

Значительность этого стихотворения – в драматизме женской судьбы. Многие, очень многие вдовы-солдатки до сих пор, спустя тридцать четыре года со Дня Победы, не могут смириться с мыслью о гибели своих мужей, надеясь на чудо: а вдруг они объявятся. Похоронки не было, пропал солдат без вести – вот и ждут, и надеются, и верят во встречу.

Наша оценка этого стихотворения не может быть такой же положительной, как первого. Дело в том, что всё здесь слишком общее, образ героини мало конкретизирован и – что ещё досадней – помещён он в расплывчато-туманные рамки. Приходится, например, гадать, когда и при каких обстоятельствах шипела в лицо женщине смерть, которая «скалилась» почему-то «под дулом автомата» (точнее, дулом). Где, в каком краю это было – неясно. По строчкам «Ждала, когда от рваного металла стонала непокорная земля» можно предположить, что речь идёт о западных областях нашей страны. Но зачем надо было удаляться воображением в те области, когда и у нас, в родном кузнецком краю, можно найти женщин со сходной судьбой. Короче говоря, на этот раз поэтическое воображение Светланы Мангутовой не сработало. По этой причине нет здесь и никаких находок, открытий. Запоминается только одна образная фраза: «С дрожащей тишиной она осталась».

В подборке – ещё два стихотворения. Цитировать их не будем. Скажем только, что в литературном отношении они вполне грамотны, но в содержании их нет ничего нового, оригинального.

Резюмируя сказанное о достоинствах и недостатках стихотворных работ Светланы Мангутовой, можно сделать такой краткий вывод: одарённость её несомненна, но работать над стихами надо более тщательно, требовательно, не позволяя себе душевно расслабляться, стремясь к тому качественно высокому уровню, какой достигнут в стихотворении «Не ради славы».

Обратимся к следующему письму: «Вам пишет ученица 10-го класса Дорошенко Катя. В вашей газете есть рубрика «Факультет молодого литератора». Именно туда и адресую я своё письмо. Стихи я начала сочинять в классе шестом – седьмом. Сейчас у меня собралось довольно много таких вот «сочинений». В школе учителя положительно отзываются о них, но мне хотелось бы узнать более компетентное мнение. Некоторые недочёты я вижу и стараюсь исправлять сама, но не всё получается. Я думаю, что ваши советы помогут мне, укажут на наиболее типичные ошибки в этих «пробах пера».

Из шести присланных Катей Дорошенко стихотворений привлекают внимание два. Одно из них называется «Качели» (эпиграфом к нему взяты строчки О. Мандельштама «Я качался в далёком саду на простой деревянной качели»):

Раз – два! Вниз – вверх!
Вниз – вверх! Раз – два!
Зацепившись за орех,
Не упала я едва.
Раз – встань, два – сядь,
Вдох – раз, выдох – два,
Встань – сядь! И опять
Лишь кружится голова.
Лист жёлт. Пуст сад.

Пусть – скрип – не боюсь.
Раз – вперёд! Два – назад!
Вновь скрипит – ну и
пусть!
Ветер быстр в лицо дул,
Раздувал шёлк волос,
Разносил труб гул,
Всю любовь мою унёс.
Пусть! Пусть пуст сад.

Я качаюсь вновь и вновь –
Нет пути мне назад
В царстве радужных
снов…
Выдох – вдох! Два – раз!
Развела судьба нас.
Развела навсегда?!
Да? Нет? Нет? Да!..

Без всякой скидки на юный возраст автора можно сказать: именно вот так – творчески, изобретательно – и следует подходить к работе над стихами. Первые же строки убеждают в том, что Катя Дорошенко и ритмом, и всей структурой стиха попыталась передать читателю то, что вообще-то редко кому удаётся: какой-то живой процесс, какое-то движение, одним словом, какое-то действие. В данном случае – это взлёт и падение качели. Причём тут не взгляд со стороны – качается сама лирическая героиня. Резкий, порывистый ритм создаёт иллюзию того, что мы как будто слышим прерывистое неровное, частое дыхание человека, которого качели то вскидывают вверх, то бросают вниз. Захваченная экспрессией этих стремительных скольжений вниз-вверх, вверх-вниз, девушка преисполнена желанием сделать что-то решительное, смелое: ничего-то она не боится, даже того, что судьба развела её с любимым: «Развела навсегда?! Да? Нет? Нет?» и твёрдое, под стать возбуждённому душевному и физическому состоянию «Да!»

Кто хорошо знаком с современной поэзией, тот, конечно, заметит, что многие строчки «Качелей» написаны под большим влиянием поэтической манеры Семёна Кирсанова, который имеет в своём творчестве немало произведений, отмеченных самыми разнообразными словесными экспериментами. Кому-то эта манера чужда (в том числе и автору этой статьи), но так работать со словом, как попробовала Катя Дорошенко в «Качелях», полезно любому молодому автору. Словесный материал должен быть послушным тебе, как глина – лепи из неё, что хочешь. Недаром Александр Трифонович Твардовский написал в своё время: «О том, что знаю лучше всех на свете, сказать хочу. И так, как я хочу». Заметьте: как я хочу!

Другое стихотворение Кати Дорошенко, которое обращает на себя внимание, называется «Песенка о двух братьях – Ветре и Ветрище». Эта песенка довольно длинная, цитировать её мы не будем, надеемся, читатель поверит нам на слово: здесь ясно проглядывается ещё одна особенность автора, как стихотворца, – способность фантазировать, создавать вещи романтического характера. Есть в стихах Кати Дорошенко и ошибки, наиболее типичная из них: ритмический разнобой в пределах небольшого по объёму сочинения. Желательно, чтобы Катя получше оттачивала свои строчки. И очень нежелательно, чтобы «словотворчество» стало для неё самоцелью.

Закончим сегодняшний разбор пейзажным стихотворением прокопчанина Павла Фролова:

В этот вечер иссиня–зелёный
Я войду в задумчивую рань,
В красоту и молодость влюблённый,
Светлым чувствам отдавая дань.
Тихо-тихо. Лишь в напевном звоне
Затуманясь, вспенившись слегка,
Мягко льются в берега-ладони
Голубые искры родника.

И текут ручьём неторопливым,
Моей думой… Негасимый свет.
Жизнь, себя я сознаю счастливым,
Оставляя свежий росный след.
Край любимый! Дали зоревые.
Шёпот трав с неясною тоской.
И берёзы, словно часовые,
Охраняют нежность и покой.

По ритмическому задумчивому звучанию строчек, по настроению, которое от автора передаётся нам, читателям, это стихотворение можно охарактеризовать одним словом: симпатичное. Одновременно хочется посоветовать Павлу Фролову: старайтесь даже на пейзаж смотреть глазами поэта, а не копииста, то есть открывайте и в картинах природы что-то новое, своё. Есть тут намёк на метафору (в последних двух строчках), но сравнение, прямо скажем, не блестящее: берёзки традиционно ассоциируются у нас с девушками, с женщинами, а представить их в образе часовых – это в поэтическом отношении не совсем точно. Да и малооригинальна, скорее избита, затёрта от частого употребления эта заключительная строка. Не помню, у какого поэта, но давным-давно существует и всплывает в памяти строка «Охраняют Родины покой…»

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1979. – 26 мая. – С. 3.

НЕ РАССУДКОМ – ЧУВСТВОМ

Многие умы человечества задумывались над вопросом: что же такое поэзия, как сформулировать её суть? И никто пока что не взял на себя смелость исчерпывающе и точно ответить на этот вопрос. Рылеев, например, говорил: «Идеал поэзии, как идеал всех других предметов, которые дух человеческий стремится объять, бесконечен и недостижим, а потому и определение поэзии невозможно, да мне кажется, и бесполезно. Если бы было можно определить, что такое поэзия, то можно б было достигнуть и до высочайшего идеала оной, а когда бы в каком-нибудь веке достигли до него, то что бы тогда осталось грядущим поколениям?»

Когда мы говорим о каком-то стихотворном сочинении: «это поэтично», «здесь поэзии нет», то мы прежде всего руководствуемся не рассудком, а чувством. Чувства же наши часто не поддаются словесному выражению. Если пишущий не наделён от природы ощущением поэзии, вряд ли можно надеяться на то, что такой автор способен создать поэтическую вещь. И ещё одна загвоздка: не всякому из стихотворцев дано быть одновременно и редактором своих произведений.

Владимир Мокшанов из Киселёвска* *(* – может быть, это Владимир М**а**кшанов, уже упомянутый в статье «НИКОГО НЕ ПОВТОРЯТЬ» в номере за 29 декабря 1977 года? Он тоже был из Киселёвска. –* Примечание Н. Инякиной) свою приписку к подборке стихов заканчивает откровенным признанием, под которым, нам кажется, могли бы подписаться многие молодые (и не только молодые) поэты: «Я читать своё, как чужое, пока ещё не научился». А поскольку «со стороны видней», то мы и попытаемся помочь Владимиру Мокшанову разобраться, что у него хорошо, а что плохо.

Открывает подборку стихотворение «В. Шукшину»:

Позови меня в даль очень светлую.
Я пойду, только ты позови.
Спой тихонечко песню заветную
Откровением первой любви.
Спой, да так, чтоб берёзы заслушались
И рассветная синь-синева
На меня половодьем обрушилась –
Ты же знаешь такие слова.

О Василии Макаровиче Шукшине после его безвременной кончины написано уже столько, сколько он сам, пожалуй, не успел создать за свою короткую жизнь: написано не только в прозе, но и в стихах.

В приведённом стихотворении Владимира Мокшанова лично меня больше всего привлекла многозначительная последняя строка. Да, действительно, В. М. Шукшин, как никто другой, знал много «таких слов», которые брали за душу, потому что шли эти слова из души редкостно богатой. Недостаток стихотворения, по-моему, в форме обращения – на ты. По ассоциации вспоминается стихотворение Маяковского, посвящённое Есенину: оно начинается, как вы знаете, такой строкой: «Вы ушли, как говорится, в мир иной». Вы, а не ты. Так же следовало обратиться Владимиру Мокшанову и к Шукшину, который, между прочим, по свидетельству многих мемуаристов, не любил панибратского обращения с ним. Если автору дорого восьмистишие – надо его в корне переработать.

Рассмотрим ещё одно стихотворение Владимира Мокшанова:

Осенний лес, раздвинув лета звуки,
Дрожит, как отраженье на воде.
Свисают веток солнечные руки
В своей неповторимой красоте.
Войду в него, как в светопреломленье,
Как входят в храм – торжественно, светло.
Непостижимо красок вдохновенье.
В них отблеск гроз, что лето пронесло.
И жизнь, и смерть, причём одновременно,
И колдовство, и тайна бытия –
Всё это в сердце входит постепенно,
Чуть грустную улыбку затая.
За этот мир отдам без сожаленья
Всё, что отдать пока ещё могу.
Пусть навсегда застынет изумленье,
Споткнувшись здесь, как время на бегу.
Здесь прошлое покажется ничтожным,
Но эта осень, словно поворот
Туда, где невозможное возможно.
Я в листьях вижу душ людских полёт.
И я, как лист, земное притяженье
Сорву с себя судьбе наперекор.
Я твой Икар, безумное мгновенье!
Прими меня в грядущего простор!

Нами давно замечено: чем длиннее стихотворение, тем больше в нём недостатков. И этому, процитированному, не мешало бы быть покороче, чтобы яснее выявилась его основная, стержневая мысль. Непонятно, например, почему «прошлое покажется ничтожным» – неужели там, в былом, не было у лирического героя ничего значительного, возвышенного? Не в первый же раз видит он в осеннем лесу «красок вдохновенье». Не совсем точно выраженье: **сорву с себя** земное притяженье. Всеми сказанными выше словами утверждается вполне сознательное восприятие красоты природы, а в заключительных строчках это изумление, это любование называется почему-то «безумным мгновеньем». Ничего такого (безумного) читатель здесь не находит.

А что же подсказывает нам ощущение, о котором мы говорили в начале статьи? Оно у нас самое благоприятное: в поэтичности стихотворению не откажешь. И дело не только в том, что автор уже неплохо

владеет азами стихосложения (ритмикой, рифмовкой): поэтично и чуть грустноватое настроение, и попытка не просто нарисовать картину осени, а найти что-то общее между природой и человеком (сделано это не в лоб, а тонко: «Я в листьях вижу душ людских полёт. И я, как лист…»).

В стихах Владимира Мокшанова явственное стремление к образному изображению жизни, различных душевных настроений – уже одно это сближает его строки с истинной поэзией.

Бояться не нам расставаний,
Хотя никому не клялись,
Но мы для больших расстояний
На этой земле родились.
Не скукой в шелках развлечений
Себя разбазаривать зря –
Мы ищем таких потрясений,
Что рвут даже душ якоря.
Решая задачу такую
Под дробный колёс перестук
Я завтрашний день нарисую
Размашистой кистью разлук.

Обратите внимание, как органично входят в текст, где просто информация (первое четверостишие) метафоричность: шелка развлечений, душ якоря, размашистая кисть разлук.

Мы выполнили просьбу Владимира, фамилия которого (Мокшанов) – псевдоним. Видимо, он сомневался в добротном качестве своих сочинений. А теперь уже мы сами обратимся к нему с просьбой присылать новые стихи, самые лучшие, на его взгляд, для того, чтобы выбрать что-то из них для публикации отдельной подборкой. Под настоящей фамилией.

Александр Глазырин из Осинников сообщает, что он уже печатался в газетах и журналах, а в нашу редакцию обращается впервые. У этого стихотворца заметна определённая литературная выучка, стихом он владеет легко и свободно, в чём можно убедиться, познакомившись хотя бы вот с этим стихотворением – «У моря»:

У моря синего сижу,
Вокруг апрель в зелёном росте.
Я морю не принадлежу –
Мы с ним пришли друг к другу в гости.
Оно не бурное, оно
У кромки ласковое даже,
И позолоченное дно
Морское я рукою глажу.
Давно забытое родство,
В веках утерянные связи…
Но этот медленный раствор
И кровь моя –
Не сёстры разве:
Волнует их и всплеск весла,
И ураган, и ход буксира.
А эта чуткость к судьбам мира
И есть основа ремесла.

Да, в самом деле, рука у Александра Глазырина, что называется, набита, технический навык у него налицо. Но как это ни парадоксально, иногда такая лёгкость письма оборачивается существенными недостатками.

К первому четверостишию у нас нет никаких претензий, наоборот, о море сказано оригинально: мы с ним пришли друг к другу в гости (стихия и человек слиты воедино). Но во втором четверостишии нужна редакторская правка. Неловок перенос слова «морское», ему бы найти место в предыдущей строке, рядом со словом «дно». Это тем желательнее, что «дно» могло поместиться в четвёртой строке (например: «И позолоченное дно, морское дно я тихо глажу»). «Рукою» в данном словосочетании – совершенно лишнее: и так ясно, что гладит рукой, а не чем-то другим.

В третьей строфе – снова неточность: раствор и кровь названы… сёстрами. Не вписывается в общий морской пейзаж и рассуждение об основах ремесла (что это, какое ремесло имеется в виду?). Вот ведь как бывает – и в небольших по объёму стихах – несколько существенных недоработок.

Над другим стихотворением «Дети» Александр Глазырин, чувствуется, поработал основательнее, серьёзнее:

Что с вами происходит, дети?
С коляски на велосипедик
И далее – на мотоцикл,
На самолёт и на ракету…
Отцы вздыхают:
– Вот птенцы!
Не чтут фамильную планету?
Что с вами происходит, дети?
Как будто вы за всё в ответе,
Тайгу, пустыню, море, БАМ
Вам подавай, не медля часу,
А если что не по часам,
От вас, бедовых, нету спасу.
Что происходит с вами, дети?
Скворец ликует на рассвете,
Потом кукушка пьёт росу,
Пока усатым станет колос.
Ломается и хрипнет голос
И листья падают в лесу.
И мы, как прежде, на планете
Для Родины всё также – дети:
Она гордится и скорбит,
Когда взлетаем и сникаем,
Звездой фанерной возникаем
И претворяемся в гранит.

Поэтично ли это? Да, несомненно. Только, может быть, стоит автору ещё подумать над строчками: «Не чтут фамильную планету», «А если что не по часам». Других замечаний у нас нет. Есть желание познакомиться с новыми стихами Александра Глазырина, из которых, весьма возможно, может составиться интересная подборка.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1979. – 30 июня. – С. 3.

«В ЛЮДЕЙ Я ВЕРЫ НЕ ТЕРЯЛ»

Леонид Торгаев – коренной сибиряк: родился в Киселёвске, живёт в Белове. После окончания десятилетки работал в шахте, получил тяжёлую травму, стал музыкальным работником.

Имя Леонида Торгаева уже знакомо любителям поэзии: его стихи печатались в городских и областных газетах, в альманахе «Огни Кузбасса», в журнале «Советский шахтёр». Он участник двух поэтических семинаров, проводившихся Кемеровской писательской организацией, его творчество неоднократно анализировалось в обзорных статьях «Факультета молодого литератора».

Как уже отмечалось в этих статьях, Леонид Торгаев литературной работой занимается серьёзно, над стихами работает много и тщательно. Молодой поэт не связывает своё творческое воображение какой-то одной темой, в его стихах можно найти душевные отклики на многое из того, что волнует нашего современника – скажем, стихи о шахтёрах у него перемежаются с пейзажной лирикой, и в том, и в другом – налицо самостоятельная точка зрения, своя манера письма. Говоря об этой манере, я особенно хотел бы подчеркнуть такую деталь стихосложения, как ритмика и рифмовка – этой стороне дела Леонид Торгаев, как правило, придаёт немалое значение, и потому стих его, как говорится, ладно скроен, крепко сшит.

Молодой поэт сейчас готовит к изданию первую свою книжку. От души хочется пожелать ему, чтобы такая книжка состоялась.

М. Небогатов,
член Союза писателей СССР.

***

ЛЕОНИД ТОРГАЕВ

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Нет на солнышко управы –
Мир в отчаянном цвету,
И обласканные травы
Набирают высоту.
Где-то копит снег планета
И наращивает льды,
А у нас лютует лето
И листвой кипят сады.

Хорошо на травке спелой
Безмятежно полежать,
Неумело иль умело
Птицам певчим подражать.
Надо мной звенит, ликуя,
Голубая благодать…
Мне за волюшку такую
Ничего не жаль отдать!

ВЕРЮ В ДОБРОТУ

Нас жизнь безжалостно и строго
Испытывает на излом…
И я с надеждой и с тревогой
Мечусь между Добром и Злом.
То Зло улыбкой вдруг поманит –
И я легко прощаю зло,
То вдруг Добро по-волчьи глянет –
И вновь на сердце тяжело…

Вот так живу, вот так и маюсь,
Ведя тревожный счёт годам:
То с подлецом я обнимаюсь,
То другу руку не подам…
Но сколько б ни было ошибок,
И сколько б их ни повторял –
Среди любых житейских сшибок
В людей я веры не терял.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ЗООПАРКЕ

Устав от служебной запарки,
От всяких забот и сует,
Беру в городском зоопарке
За сорок копеек билет.
И с тайной душевною болью
Вдоль клеток железных иду,
Где «меньшие братья» в неволе
Томятся у всех на виду.
А солнце палит до печёнок –
Вздымаются тяжко бока…
Сквозит в их глазах обречённых
Почти человечья тоска.

Едва ль назовёшь наслажденьем
В тех клетках постылых житьё…
И смотрит на нас с осужденьем
Несчастное это зверьё.
Зачем, мол, так люди решили –
Сиди здесь, старей и тупей.
Зачем же их люди лишили
Родимых лесов и степей?
За что же такая немилость? –
На мордах печали печать…
И птица здесь петь разучилась,
И зверь разучился рычать...

// Комсомолец Кузбасса. – 1979. – 14 июля. – С. 3.

ТОЛЬКО ТРУДОМ…

Интересное письмо пришло в редакцию от кемеровчанки Ольги Кобозевой: «Всегда с нетерпением жду нового разбора стихов в «Факультет молодого литератора». Попытки моих современников по-новому увидеть окружающий нас мир и поведать о своих открытиях всем людям мне очень близки и понятны. Я и сама пишу стихи. Это началось давно. И в мою жизнь вошло великое понимание искусства. Я научилась видеть и слышать то, что раньше было скрыто от меня. Музыка, живопись, театр, литература стали моими друзьями и спутниками. И всё это благодаря поэзии. Желание писать непреодолимо. И я пишу. Но как узнать, есть ли среди моих стихов удачи или всё, написанное мною, может радовать только меня и нескольких друзей? Я прошу вас помочь разобраться в недостатках моих произведений (а их, недостатков, очевидно, очень много). К сожалению, всё, о чём я хочу и могу писать, относится к разряду интимной лирики. Но лгать я не умею, а ложь в стихах – это преступление. Жду вашего справедливого разбора».

В том, что Ольга Кобозева научилась понимать поэзию, убеждаешься, читая её подборку стихов о любви. В каждом – разное душевное состояние, разные оттенки чувств.

Вот самое первое стихотворение, которым открывается цикл:

Ты приехал ниоткуда.
Ты уехал в никуда.
На высоком небосводе
Ярко вспыхнула звезда.
И погасла… Нет ответа.
Всё исчезло: боль и свет.
Сердце – камень. Ты уехал.
И меня на свете нет…

Напрасно Ольга Кобозева сожалеет, что у неё – только интимная лирика. Любви, как сказал А. С. Пушкин, все возрасты покорны, а в молодости влюбляются все. Дело лишь в том, насколько искренно и правдиво выражаются чувства влюблённого человека, насколько это сильно в поэтическом отношении. В советской поэзии есть яркие примеры того, как интимные стихи приобрели общественный резонанс, стали близкими многим и многим людям. Достаточно вспомнить стихотворение Константина Симонова «Жди меня». И ставшее впоследствии популярной песней стихотворение Алексея Суркова «Землянка». Эти стихи впервые были напечатаны с посвящениями. Первое – Валентине Серовой, а второе – Софье Кревс. Талант Симонова и Суркова помог им сделать интимное гражданским. Так что в любовной лирике всё зависит от её поэтического качества.

Ольга Кобозева попросила указать на недостатки в её стихах. Поэтому приведём следующее малоудачное стихотворение:

О, эта встреча! О, мгновенье
Разлуки, слёз, тоски, стихов!
Ужель явилось избавленье
От несбывающихся снов?
Она спокойна. Холод власти.
Излом бровей почти суров.
Ни отраженья прежней страсти
И ни следа былых оков.
Так измениться! Неужели
Прошла любовь? Да и была ль?
… Но слишком пристально смотрели
Глаза в неведомую даль…

Здесь не найдены точные слова для передачи мыслей и чувств. Вот как говорится о встрече: «О, мгновенье разлуки, слёз, тоски, стихов!» Речь должна идти о мгновенье встречи, в которое вспомнилось многое: и дни разлуки, и слёзы, и тоска, и стихи, посвящённые всему этому. Приходится также гадать, что хотел сказать автор строчками: «Но слишком пристально смотрели глаза в неведомую даль…». Это ясно только самой лирической героине.

А следом за этим идёт такая лирическая миниатюра:

В разводах мутных грязное стекло.
Автобуса замедленно движенье.
На лица отчуждением легло
Тоскливое дождепаденье.
Обычный дождь.
Людей столпотворенье.
Но ведь средь них…
И замерло мгновенье!

В данном стихотворении точно передано чувство радости при виде любимого среди множества людей. Его присутствие тут настолько празднично, так контрастирует со всеми скучающими рядом пассажирами автобуса, что долго-долго не забудется: замерло мгновение! Портит эту миниатюру неточное определение: людей столпотворенье. Вот как толкует словарь слово «столпотворение»: «Бестолковый шум, беспорядок, неразбериха при большом стечении народа». В автобусе ничего этого нет, есть лишь тоскливое выражение лиц, которое характеризуется автором как отчуждение (кстати, оно кажется ничем не оправданным, это отчуждение).

Выше мы сказали, что Ольга Кобозева научилась понимать поэзию, а в каждом стихотворении находим столько недостатков. Нет ли в этом противоречия? Нет. Дело с творчеством этого молодого автора

представляется нам так: душа Ольги Кобозевой переполнена чувствами, эмоциями настолько, что она спешит выплеснуть их на бумагу, и эта спешка оказывается главным недостатком в работе, из-за неё допускаются многие словесные неточности, описки. Вывод напрашивается здесь такой: надо Ольге приучить себя работать над стихами, опираясь не только на бьющие через край чувства, а ещё и на трезвость мысли, на строгое отношение к каждой строке, строфе, слову. Одного наития в поэтическом труде мало, надо, чтобы писание стихов было действительно трудом, а не лёгким скольжением пера по бумаге.

Поэтической натурой предстаёт перед нами и Валерий Доронин из посёлка Яя. Наиболее удачны у него стихи о природе. Вот один из зимних пейзажей:

Только лишь ложусь в постель,
Засыпаю сладко,
Снится, снится мне метель –
Белая лошадка.
Я на ней лечу вперёд
По долине звонкой.
Вижу: паренёк идёт
С небольшой котомкой.
Это розовый мороз
В полушубке новом.
Торопился он и нёс
Холод в лес еловый.
Лес же надо поскорей
Спрятать снежной шапкой…
Эй, лети-ка побыстрей,
Белая лошадка.

Никто, пожалуй, не возразит, что написано это способным автором. О зиме писали и пишут все поэты, попробовал о ней сказать своё слово и Валерий Доронин. И получилось неплохо. Есть в этом стихотворении какая-то привлекательная, почти детская непосредственность. Это её имел в виду Пушкин, когда говорил: «Поэзия, прости господи, должна быть глуповатой». Все мы, конечно, понимаем, что великий поэт ратовал не за глупость в прямом смысле этого слова (такое по отношению к Пушкину даже странно и предположить), нет, его слова – об исключительной, присущей лишь детям, душевной открытости и простоте. Этим вот качеством и наделены стихи Валерия Доронина. В его рукописи есть и стихотворение о лете:

И снова дождь, ершистый
и колючий,
Сбивает пух с горбатых тополей.
Как баржи переполненные, тучи
Несут свой груз над волнами полей.
И вижу я, как звонкий и речистый
Торит дорогу маленький ручей.
А дальше клён, и сильный, и плечистый,
В кругу таких же, как и сам, друзей.
А на плечах у них сороки
Трещат, любуясь летним днём.
Лишь я, как путник одинокий,
В пути застигнутый дождём.

Ощущение поэзии явственно и в этом стихотворении, но словесно тут не всё, как говорится, в порядке. Автор не постарался поискать выразительные эпитеты, которые бы дополняли друг друга, в тексте строки про дождь и ручей требуют доработки, потому что «ершистый и колючий», «звонкий и речистый» – это синонимы одного понятия, образа. Не удались и заключительные строчки, так и кажется, что они напрокат взяты у кого-то из поэтов прошлого столетия: «Лишь я, как путник одинокий, в пути застигнутый дождём». Почему – как? Путник и есть. Но рядом – «в пути». Это уже тавтология.

Ещё одно время года – осень – попытался запечатлеть в слове Валерий Доронин:

Утро, что девушка нежная,
В алой косынке зари.
Накидка тумана её
Белоснежная
Падает с плеч
До самой земли.
Утро спешит в леса
И посёлки,
Свежесть кропит
Из кувшина небес,
Ёжатся люди,
Подсолнухи, ёлки
И сладко зевает
Проснувшийся лес.

Чувство поэзии налицо и в этом пейзаже, но в отношении стихосложения здесь бросается в глаза некоторая шероховатость: сбивчивый размер, глуховатость созвучий (зари – земли). А радует, как и в приведённых выше стихотворениях, простота изобразительных средств, задушевность интонаций и – главное – свой, нешаблонный подход к образности. Самое характерное для Валерия Доронина в смысле недостатков – это отсутствие мастерства. Правда, автор ещё молод, о мастерстве говорить ещё рановато, но назовём это по-другому: недостаточной добротностью внешней отделки стиха. А вообще, судя по всему, Валерию Доронину писать обязательно следует и писать как можно больше, чтобы в хорошем смысле набить руку, более свободно обращаться со словом, со всей стихотворной инструментовкой.

В заключение хочется познакомить читателей со стихотворением кемеровчанина Анатолия Леонова:

Манит бескрайностью небо высокое –
Как необъятна родная страна!
Много дорог у отважных у соколов,
Только в бессмертье – одна.
Если пилот не вернулся к товарищам,
Он не погиб, он живой для ребят.
В небо бездонное, к звёздам мерцающим
Их устремляется взгляд.
Ищут звезду недоступную, дальнюю.
Не возвратить экипаж, самолёт…
Дан был короткий полёт на задании,
Вечный, последний полёт.
Небо коварное, небо суровое,
Сколько забрало отважных мужчин!
В память о них только звёздочки новые
Ты зажигаешь в ночи.
Но молодые сердца окрылённые
В небо уносят из детства мечту.
Видят ребята, в бескрайность влюблённые,
Жизни своей высоту.

Кем же любовь им такая подарена –
И бескорыстная, и навсегда?
Самая яркая – это Гагарина
Светит над миром звезда.

На первый взгляд – неплохое стихотворение. И размер выдержан, и рифмы на месте, и мысли высказываются очень правильные, совершенно бесспорные. Но, несмотря на все эти хорошие качества, нельзя сказать, что написанное Анатолием Леоновым представляет интерес с точки зрения художественного изображения мира, так как ничего нового читатель здесь не находит, наоборот, впечатление такое, что не однажды уже читал что-то подобное у других поэтов. Читая эту вещь, лишний раз убеждаешься, как важно не только в лирике, но и в произведении гражданского звучания открывать что-то своё, оригинальное, не ограничиваться риторикой, а оживлять строки личным жизненным опытом, неподдельной взволнованностью, эмоциональностью. Иначе даже драматическое содержание, каким оно является в данном случае, оставит читателя равнодушным, не заденет за живое. Кто-то их поэтов мудро заметил: не бывает такого чуда, чтобы читатель почувствовал волнение, если сам поэт, когда писал это, не волновался…

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1979. – 28 июля. – С. 3.

РАДОСТЬ ВСТРЕЧИ

Передо мной – ученическая, более чем наполовину исписанная тетрадь. Это стихи студентки Кемеровского государственного университета Анны Каптарь. Первые из них датированы 1971 – 1973 годами, это ещё очень робкие, неумелые пробы пера, но уже и в них, как родничок, пробиваются живые струйки поэтического чувства. Вот, например, «Зимний пейзаж», написанный шесть лет назад:

Убегает куда-то тропинка,
Тихо сосны стоят, чуть склонясь,
И весёлые быстро снежинки
Пролетают в сугробы, смеясь.
Сквозь хвою робко солнце пробилось,
Лучик выбросив золотой,
А, наверно, вдруг удивилось:
Лес-то стал совсем молодой!

Здесь мы видим один из отличительных признаков поэзии – большую эмоциональность, а также присущую многим одарённым стихотворцам попытку одухотворить окружающий мир: солнце, украсив деревья серебром снежинок, наверно, удивилось, как от этого «лес-то стал совсем молодой!»

А недостаток опытности у автора сразу же бросается в глаза, когда читаешь третью и четвёртую строки, где и неправильная расстановка слов («и весёлые быстро снежинки»), и неточное построение фразы («пролетают в сугробы» вместо «падают, опускаются на сугробы»).

Анна Каптарь называет своими любимыми поэтами Пушкина, Кирсанова, Вознесенского, но предпочтение отдаёт она двум последним, а жаль. А. С. Пушкин учит нас всех более серьёзному, более важному для любого литератора: высокой простоте, которой не может быть без великого уважительного отношения к родному русскому языку, благородному возвышению будничного, обыденного, строго выверенной ритмике и рифмовке. А. С. Пушкина нужно изучать не только по обязательной школьной или университетской программе, а, как говорится, по велению сердца, только тогда его гениальные творения могут оказать на любого из нас благотворное влияние. Можно назвать немало замечательных поэтов из числа тех, кто в своём творчестве продолжал пушкинские традиции (взять хотя А. Т. Твардовского, которого по праву называют сейчас великим), а кого мы назовём более или менее одарённым из тех, кому по душе Кирсанов и Вознесенский? Подражателей у них – уйма, а проявивших себя чем-то в литературе – никого.

Об этом можно было бы и не говорить так подробно, если бы Анна Каптарь, автор несомненно способный, не отдавала дань моде – увлечению Вознесенским. Его строчки взяты ею даже эпиграфом к одному стихотворению. Вот они, эти строчки: «Скуке покажу кукиш. Кукиш – скуке!» Этой игрой слов и занята Анна Каптарь в стихотворении «Трактат о скуке»:

Вот уж действительно скука!
Слёзы текут, как от лука.
Грустная и скучная, бедная я.
Скука вредная!
Скука, скучка, скучища,
Скукотища.
Всё здесь лишне.
Скучно жить совсем без скуки.
Скучно не хотеть разлуки.
Скучно мне сходить в кино.
Скучно посмотреть в окно.
Скучно всё. Не скучно лишь
Скуке показать кукиш.
Кукиш – скуке!

Так и хочется спросить автора: ради чего написано это стихотворение? Ради словесных упражнений, проверки своих сил в смысле вертеть слово так и этак («скука, скучка, скучища, скукотища»)? Но если уж говорить о каких-то своеобразных словосочетаниях, то народное творчество в этом отношении гораздо

талантливее, изобретательнее. Стоит, например, вспомнить, как был поражён А. М. Горький, когда однажды услышал от кого-то такое выражение: «Кишка кишке кукиш кажет». Это придумано ради шутки, забавы, а зачем вполне серьёзно ломать голову, чтобы повторить кого-то, да ещё назвать это «трактатом» – непонятно.

Однако не будем слишком строгими к Анне Каптарь, нельзя забывать, что автор она молодой, ищущий и, как уже говорилось выше, с определёнными поэтическими задатками.

Листаешь страницу за страницей её тетрадь и всё больше убеждаешься, что ты не ошибся в наличии этих задатков. Вот одно из стихотворений, в котором налицо попытка – через внешнее, предметное передать душевное, внутреннее состояние лирической героини (стихотворение называется «Ёлочный шар»):

Как в детстве, с ясною улыбкой
Я робко тронула тот шар.
И вдруг он заискрился зыбко,
Как будто что-то мне сказал.
Но я, его не понимая,
Смотрю на распылённый свет.
И боль жестокая, немая
Сжимает сердце мне в ответ.

Обратите внимание на то, в какие строгие ритмические рамки заключены все строчки – от первой до последней (это уже учёба у Пушкина). Что касается содержания, то стихотворение, как нам кажется, написано «под Пастернака», которому присуще выражать в стихах еле уловимые чувства и настроения. Не стоит делать скоропалительное заключение, будто второе четверостишие туманно по мысли. На наш взгляд, боль, сжимающая сердце, от того, что не дано человеку понимать «язык» вещей и предметов, а так хотелось бы. А вещи и предметы, действительно, то одаряют нас приветливой улыбкой, то смотрят на нас отчуждённо, недоверчиво, то совершенно равнодушны к нам – и всем этим как будто что-то хотят сказать, но чудес не бывает, вещи говорить не умеют, они могут лишь создать иллюзию того, что хотели бы сказать.

Стихотворение «Ёлочный шар» можно принять и понять или назвать его заумным, но как бы там ни было, задуматься оно заставляет, и уже одно это достойно похвалы. Как известно, не все поэты говорят с читателем языком простым и ясным, бывает ещё и другой стиль, манера, в которых не на последнем месте подтекст, намёк и даже полунамёк. Впрочем, «Ёлочный шар» – это из области поисков, таких вещей у Анны Каптарь немного.

Стихотворение «Осеннему цветку», датированное прошлым годом, значительно самостоятельнее всего, о чём мы уже говорили:

Ты какой-то несмелый
В этой роще не светлой.
Может, это немилость
Осеннего часа?
Ты молчишь. Мне так больно
С тобою встречаться,
Но тропинка к тебе
Приведёт неизменно,
Чтобы я приняла
В твоей жизни участье.
И прощалась с тобой,
И тобой восхищалась.
Ты мигаешь соцветьем,
Чтоб никто не заметил,
Как в глазах твоих света
Немного осталось.
Ты дрожишь. Моё сердце
От жалости сжалось.
Я не в силах помочь тебе
Даже советом.
Я могу лишь с глазами
Сухими, без слёз,
Совершить над тобой
Нечто вроде обряда:
На траву пожелтевшую
Рядышком сяду, положу на твои
Закрытые веки
Медные листья берёз.

Поэтический разговор с увядшим осенним цветком по интонациям так естествен, задушевен, что он как бы и не нуждается в рифмовке всех этих прочувствованных строк. И – что немаловажно – не рождается здесь никаких ассоциаций с уже известными стихами на подобную тему – это говорит лирическая героины Анны Каптарь, говорит она сама, без оглядки на чьи-то высокие образцы. Яркая метафора проходит через всё стихотворение: цветок уподоблен прожившему свой век человеку, на наших глазах он умирает, и никто, ни одна душа на свете не может ничем помочь ему, воскресить его. Остаётся только по народному русскому обычаю положить на закрытые веки медные монеты. Сильное стихотворение!

И в заключение приведём ещё одно стихотворение Анны Каптарь под названием «Некролог»:

Кто-то дверью рассерженно хлопнул.
Я проснулась. И взгляд мой скользнул
За окно. Вижу: солнечный тополь
Головой своей скорбно качнул.
Вдруг, насильно врываясь в уши,
Стук топорный и скрежет пилы
Запульсировал между подушкой
И виском, раздвигая углы.
Резкой болью внезапно стиснутый
От корней до дрожащих крон,
Старый тополь, раздетый до листика,
Издаёт продолжительный стон.
...Долго-долго рычали тракторы,
Рассердясь на добычу свою.
А деревья, как люди, плакали
И роняли на землю смолу.
А деревья ветвями, как пальцами,
За холодную землю держась,
Умоляли людей о памяти,
О хорошей памяти глаз,

О хорошей памяти рук,
О хорошей памяти вёсен…
Человек, оглянись вокруг!
Видишь, неба нахмурилась просинь,
Видишь, молит тебя: – Пощади!
Приближаешь беду ты большую.
Принесу я живые дожди,
Но зачем они в землю пустую?!
…Я стою и смотрю в окно.
Осень ткёт золотое кружево.
Мне хотелось бы знать одно:
Это было кому-нибудь нужно?

Искренняя человеческая боль при виде гибнущих от беспощадной пилы и топора тополей, пронизывающая всё стихотворение, не оставляет сомнения, что всё это увидено, пережито, а не придумано. Нельзя придумать и трактора, которые не без труда выкорчёвывали многолетние деревья и как бы сердились на то, что не очень легко это им даётся. Нельзя придумать то, как деревья взывают к памяти человека, к памяти о том, как ласкала их глаза яркая, сочная зелень, как приятно было потрогать шершавый, тёплый от солнца ствол, как радовали душу маленькие первые, нежно-беспомощные тополиные листочки ранней весной…

Мы познакомились сегодня сразу с несколькими стихотворениями нового для нас автора – Анны Каптарь. Лично меня знакомство это радует. А два последних стихотворения (на тему: человек и природа) позволяют надеяться на то, что Анна Каптарь, говоря словами Твардовского, найдёт в самой себе свою планиду и, не теряя её из виду, продолжит творческое содружество с нашей газетой.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1979. – 30 августа. – С. 3.

НОВЫЕ ИМЕНА

ЗНАКОМЬТЕСЬ: АЛЕКСЕЙ БАБАНИН

Сегодня мы познакомим читателей со стихами Алексея Бабанина из Киселёвска. Вот что говорит о себе сам автор:

– Отца я не помню – он погиб на войне. Мать и две старшие сестры работали, я воспитывался в круглосуточном детсаде. Из-за плохого питания в детстве я был очень хилым, низкорослым, в школу меня приняли на девятом году. Зиму учился, летом пас коров. И так – до шестнадцати лет, пока не было паспорта, а получив его, пошёл на шахту «Каменская», где и начал свой трудовой путь в качестве откатчика (на поверхности). Тогда же начал сотрудничать в городской газете, писал маленькие зарисовки, корреспонденции. Когда во мне родились стихи? На этот вопрос ответить трудно. Дело в том, что стихи жили во мне всегда – пас ли я коров, стоял ли у шахтного ствола в ожидании вагонетки. Сейчас работаю редактором многотиражной газеты «Знамя шахтёра», всё на той же шахте «Каменская».

Алексей Бабанин умолчал о том, что в прошлом году на областном конкурсе «60 комсомольских лет» ему была присуждена первая премия и присуждена вполне заслуженно: в стихах о комсомоле ему удалось избежать того, чем грешат стихи на эту тему, принадлежащие перу многих авторов, – мы имеем в виду общие фразы, риторику, ложный пафос.

По многим стихам Алексея Бабанина видно, что лучшие из них пропущены через его сердце, в них нет ничего вымученного, выдуманного, всё взято из личного жизненного опыта. Именно так и надо работать в поэзии.

М. НЕБОГАТОВ,
член Союза писателей СССР.

***

МУЗЫКА

Она во всём – в ручье, в траве,
То рокоча, то вольно льётся.
Над полем – в жаркой синеве
Звенит крылатым колокольцем.
И тальники, и дальний лес
Звучат на долгой-долгой ноте.
Я славлю музыку сердец
В упорной, радостной работе.
Она гудит во все года,
Своим могуществом играя.
Течёт симфония труда,
И нет ей ни конца, ни края.

***

Дружил со сказками мальчонка
И верил (как иначе жить!),
Что солнце розовым зайчонком
На поле убранном лежит.
И так пошло со сказок детства,
А годы. Годы – не беда.
В простор полей уводит сердце,
За ним ложится борозда.

МОЕМУ ГОРОДУ

Всё обычно. И празднично мило.
Над кварталами – свод голубой.
И бетонка, и пух тополиный.
Это значит – я дома, с тобой.
А уеду – и станет мне сниться
Та аллея и пух – серебром,
И огней золотая зарница,
И звезда над далёким копром.
И от леса, от росного луга
Мне захочется вдруг убежать,
И к тебе возвратиться, как к другу,
И шахтёрскую руку пожать.

МАЛОЛЕТКА

Я в детстве плакал очень редко.
Я больше скрытным, тихим рос.
И только слово «малолетка»
Мне душу трогало до слёз.
Оно казалось злым и едким,
Хотя не видел рядом зла,
Когда катали вагонетки
От опрокида до ствола.
И помню те задумки в лицах
Друзей, что были не со мной:
Ах, как хотелось очутиться
Вон там – далёко под землёй!
Спуститься вниз
По шпальной клетке,
Где огонёк лучисто цвёл.
Но снова слово «малолетка»
Нас не пускало в шахтный ствол.
Давно то было. Но доныне
В моей душе остался след,
Что на работу вёл впервые,
И было мне шестнадцать лет.

// Комсомолец Кузбасса. – 1979. – 15 сентября. – С. 4.

ЧТО ХОРОШО, ЧТО ПЛОХО

Недавно в редакцию пришло письмо от одного из наших читателей: «Здравствуйте, «Факультет молодого литератора», – пишет автор, новокузнечанин Николай Рачков. – Пишу вам ещё раз. В предыдущих номерах газеты вы разбирали стихи других поэтов, по-моему, мои мало в чём им уступают…». За этим идёт текст стихотворения «Любимая дочь Земли»:

Я спросил у матери Земли
Кто из твоих дочерей стран
Как матери более мила?
И ответ тот час был дан –
Из республик старшая сестра
С красивым именем Россия.

Дальше цитировать не стоит. Удивило нас вот что: неужели Николай Рачков не видит, что его сочинения не имеют ничего общего со стихами? Ведь в них нет самого элементарного – размера и рифм, да и крайне малограмотно всё это. Автор между тем уверен, что написанное им «мало в чём уступает» стихам, о которых говорилось в предыдущих обзорах. И это не от самонадеянности, а от отсутствия хотя бы приблизительного понимания, «что такое хорошо и что такое плохо». У этого автора – ни малейшего представления о настоящей поэзии. И подобных «стихов» мы получаем, к сожалению, немало, о них надо будет поговорить специально – в этом есть необходимость. Обычно мы адресуем наши обзоры читателям, которым не обязательно разъяснять сущность образа, метафоры, эпитета, а, оказывается, многие среди пишущих не разбираются и в азах стихосложения… Но всему своё время, статья для литературных «дошкольников» – впереди, а сегодняшний наш разговор, как всегда, о стихах, заслуживающих внимания.

Первое слово – Алексею Бельмасову из Ленинска-Кузнецкого. Вот коротенькое стихотворение без названия:

Сегодня… завтра… и придёт
Тот час, который неминуем,
И осень землю обожжёт
Своим холодным поцелуем.
И брызнут листья на крыльцо,
И, как надежды, в небыль канут…
Сентябрь ударит мне в лицо
И вновь пошлёт меня в нокаут.

Стихотворение литературно грамотное, но что-то мешает нам принять его. Попробуем разобраться. К двум первым строчкам у нас никаких претензий – действительно, неминуем тот час, когда после солнечного, благодатного лета приходит осень. А дальше неточность: обжигают землю (говоря образно) первые зимние морозы, а не лёгкие сентябрьские заморозки. Холодный поцелуй в природе – метафора вполне приемлемая, но она опять-таки более уместна, когда речь идёт о резкой стуже, что бывает лишь зимой.

На наш взгляд, хорошо сказано: «И брызнут листья на крыльцо» – обильный листопад от порывов ветра и в самом деле как бы брызжется. «И, как надежды, в небыль канут…» – откуда у молодого человека

такой пессимизм, такая безысходность, рождающие в душе чувство несбыточности своих надежд? Не верится, что автор вполне искренен, скорее всего сказано это для красного словца. В смысле образности красиво и заключение мысли: «Сентябрь ударит мне в лицо и вновь пошлёт меня в нокаут». Но так ли уж свиреп сентябрьский месяц, чтобы прибегать тут к боксёрским терминам: ударит, собьёт с ног?

Читаешь это и видишь – автор вроде бы способный, умеет мыслить образно, умеет коротко выражать мысль и чувство, но все эти мысли и чувства не вызывают ощущения правдоподобности, предельной искренности, они как бы подогнаны под формулу: раз на дворе осень, значит, и в душе грусть и даже безнадёжность. Соблазнили Алексея Бельмасова соответствующие в какой-то мере теме поэтические красивости – и родилось лишённое убедительности, неплохое по форме стихотворение (например, просто отлична свежая рифмовка: канут – нокаут). Кстати, о нокауте. Сказано: «И вновь пошлёт меня». Значит, не в первый раз это? А что же такое происходит с лирическим героем каждый сентябрь? Требуется какое-то пояснение, развитие мысли, чего в тексте нет.

Ещё одно его осеннее размышление:

Загрущу под крики журавлей,
Всё, чем жил когда-то, позабуду,
Только кротость убранных полей
Не любить теперь уже не буду.
Каждый шорох в сердце сберегу,
И однажды в дальнюю дорогу
Соберусь – из города сбегу
И в любви своей признаюсь стогу.
И опять мы будем говорить,
И опять до пьяного дурмана.
Полными горстями будем пить
Молоко осеннего тумана.

Значительно это стихотворение тонким лирическим настроением. Но – увы – слишком уж оно «под Есенина». И эта литературная несамостоятельность невольно ставит под сомнение подлинность переживаний лирического героя (или самого автора). Мы чувствуем, что автор не до конца искренен, он пишет неплохие как будто стихи, но навеяны они не жизнью, а литературой.

Прощаясь с журавлями, мы грустим – это точно, а вот как понять признание: «Всё, чем жил когда-то, позабуду»? Когда-то, надо полагать, было в жизни многое, в том числе более впечатляющее, чем отлёт на юг журавлиной стаи – можно ли всё «позабыть»? Особенно «веет» Есениным от строк: «Только кротость убранных полей не любить теперь уже не буду». Ради рифмы, кажется, родилось выражение «из города сбегу». Совсем незачем «сбегать» из города, чтобы полюбоваться стогом и даже признаться в любви к нему – достаточно на автобусе выехать за город, побродить по полям и лугам. «Молоко осеннего тумана» – чисто есенинская метафора, а употреблена она Алексеем Бельмасовым не так-то уж разборчиво: ничего вкусного в осеннем тумане нет, чтобы пить его «полными горстями». Если бы говорилось о чистой речке, о роднике, ключе – тогда другое дело.

Раздумываешь над такими вот стихами и невольно рождается мысль: а оправданно, по достоинству ли называешь автора способным? Не происходит ли здесь обман внутреннего зрения, не оказываешься ли ты в плену магии слов с напевным ритмическим звучанием? Вдруг да ничего самобытного не останется, если лишить эти слова напевности, притягательного стихотворного звучания? Не в том ли способность автора, что пусть неуклюже по форме, но точно по языку, словам, образам выражает он какое-то **именно своё** настроение, чувство?

Давайте прочтём ещё одно стихотворение Алексея Бельмасова «Лето», чтобы составить о нём, как о начинающем поэте, более полное представление:

Стали тёплыми рассветы,
Стали сочными поля,
Надушились мягким цветом
Озорные тополя.
Стало небо вдвое выше,
И в ночи, от всех тайком,
Стал бродить по тёплым крышам
Жёлтый месяц босиком.
На лугах цветов разгулье,
Да такое, что, дрожа,
Пчёлы бросились из ульев
На вскипающий пожар.
Стали руки от клубники
Пахнуть мёдом и травой,
А вода в озёрах диких
Пропиталась синевой.

Есть ли тут строчки, которые бы ясно говорили: да, автор способный стихотворец? Скажем прямо: есть (мы назовём их ниже), но сколько же ещё сил надо тратить Алексею Бельмасову, чтобы оправдать наши надежды!

В первом же четверостишии хороший художественный вкус не позволил бы назвать тополя «озорными». «Стало небо вдвое выше». Вдвое – по сравнению с чем? И почему именно вдвое, а, скажем, не втрое? Как «жёлтый месяц» (есенинское!) может бродить по крышам от всех тайком? Ведь он же виден любому и каждому, на виду у всех. Почему пчёлы бросились из ульев, дрожа? Чьим взглядом подмечена эта дрожь? Почему про озёра говорится, что они дикие – тот ли это характерный для них эпитет?

Но есть в «Лете» и хорошие строчки, к сожалению, из раз, два – и обчёлся: «Стали сочными поля», «На лугах цветов разгулье», «А вода (в озёрах) пропиталась синевой».

С Алексеем Бельмасовым по этим стихам ясно одно: работать ему да работать, искать себя да искать. Обольщаться пока что ему нечем.

А теперь поговорим о другом авторе – кемеровчанине Сергее Лыченкове. Обращение его в редакцию такое: «Мне бы очень хотелось знать мнение о каждом из трёх стихотворений, которые я посылаю вам с этим письмом. Прошу извинить за беспокойство. Буду очень вам благодарен».

Мы не случайно иногда приводим полный текст того или иного обращения в редакцию – уже по нему можно кое-что определить: скромен ли автор или самонадеян, уверен ли в своих возможностях или сомневается в чём-то, настроен ли он на серьёзную работу над стихами или просто одержим жаждой напечататься. Приписка к стихам Сергея Лыченкова вызывает впечатление серьёзности и скромности, и это сразу же настраивает на соответствующий лад, на внимательное отношение к работе этого автора.

А вот и сами стихи. Первое в рукописи – о природе:

Привычный шум переката.
Молчание бурых скал.
Последние строчки заката.
На землю вечер упал.
В полнеба зарниц полыханье.
Отблеск далёкой грозы.
Быть может, это призванье:
Следить за паденьем звезды,
Искать своё зыбкое счастье
В таёжных ночных кострах
И знать, как земля прекрасна,
Когда разгорится заря.
Бродить по таёжным просторам,
Пить воду прозрачных ключей,
В глаза заглянуть озёрам,
Что синих небес синей.
И слушать, как песни ветер
Поёт на вершинах гольцов.
И, радуясь яркому свету,
Подставить солнцу лицо.

Стихотворение не «завораживает» музыкой ритма, он немного сбивчивый; видно, что техникой стихосложения Сергей Лыченков владеет послабее, чем Алексей Бельмасов, зато каждая строка у Сергея обращает на себя внимание точностью отобранных слов: заметно, что говорить он старается о лично пережитом, увиденном, запечатлённом в сердце и памяти. Этим стихотворение и знаменательно, хотя частных недостатков не лишено и оно.

Сперва о том, что хорошо. Без всяких надуманных красивостей говорится о речном перекате – перекат действительно всегда шумлив. Свеж и нов образ вечерней зари: «Последние строчки заката». Удачен эпитет к слову «счастье» «зыбкое» (в девятой строке). Не совсем ново определение: глаза озёр, но его надёжно подкрепляет строка «Что синих небес синей» (так оно и есть: летнее небо часто бывает слегка затуманено знойной дымкой, а вода в озере, особенно в глубоком, гораздо синей). И в конце стихотворения весьма точно сказано про песни ветра на вершинах горных гольцов: на земле, внизу, кругом всё тихо, неподвижно, и лишь где-то по верху гор посвистывание – это ветер гуляет там, на просторе.

При наличии таких хороших строк тем досаднее формулировка главной мысли: «Быть может, это призвание». Дальше идёт перечисление того, что автор предположительно называет призванием: искать, знать, бродить, пить, заглянуть, слушать. И особенно это выражение о призванье не вяжется с последними строчками. Смотрите, что получается: «Быть может, это призванье: …радуясь яркому свету, подставить солнцу лицо». Вышло косноязычно и стилистически неграмотно. Однако, несмотря на неловкую словесную формулировку главной мысли, автор прав в основе её: конечно же, это завидное свойство человека (такое же не слишком частое, как врождённое призвание, способность): любить землю и всё прекрасное на ней. Автору следовало проявить больше внимания к седьмой строчке и умело связать её крепким логическим мостиком со всем последующим. Заботой о точности слов, на наш взгляд, объясняются некоторые приблизительные рифмы: грозы – звезды, счастье – прекрасна, кострах – заря, ветер – свету. Но форма – дело, как говорится, наживное, этим автор ещё успеет овладеть. Главное он ищет в том, в чём и надо: в наиболее достоверной передаче своих впечатлений и наблюдений, в частности, в мире природы.

Во втором стихотворении Сергея Лыченкова всего восемь строк:

Проходит вечность,
Остался миг.
Как бесконечность,
Тот миг велик.
И в этом миге
Неповторимом
Вся вечность жизни,
Всей жизни смысл.

Комментариев эти строчки не требуют. В них высказана очень верная и глубокая мысль о значении каждого жизненного мига для любого из нас: из этих мгновений, которые оборачиваются минутами, часами, днями, месяцами, годами, и состоит человеческая жизнь. Жаль только, что второе стихотворение не нашло достойного чисто стихотворного выражения: и ритм нарушен, и рифм нет. Но есть у автора умная мысль, и можно надеяться, что в своё время он сумеет отчеканить её в должной форме.

Сергей Лыченков просит высказать мнение обо всех трёх посланных стихотворениях, но третье, скажем прямо, слабое, написанное, как нам кажется, ниже его возможностей. Не будем его цитировать, чтобы не портить у читателя впечатления от первых двух.

Как договорились выше, на основании двух-трёх стихотворений не будем судить о том, есть ли у Сергея Лыченкова поэтические способности. Скажем только одно: заниматься литературным творчеством ему стоит. А что из этого получится – покажут новые стихи, с которыми мы рады будем познакомиться по прошествии времени.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1979. – 2 октября. – С. 4.

НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

Потоком идут в редакцию письма. И в каждом – стихи, стихи… Какое это интересное занятие – читать чьи-то рукописи, выискивать в них то, что зовётся «искрой божьей». Не всегда это занятие можно назвать благодарным, бывает, что переберёшь несколько десятков рукописей и не обнаружишь в них ничего такого, о чём захотелось бы рассказать кому-то другому, поделиться своим открытием – открытием таланта. И как же бываешь рад, когда в потоке бесцветных словоизлияний вдруг блеснёт перед тобой живая искорка поэзии! Пусть не часты такие моменты, но всё же они случаются.

Лично для меня одно из последних открытий – стихи Н. Батюка из Мысков. Особенно порадовало, да что там порадовало – до приятного волнения растрогало стихотворение под названием «Память».

Хотел бы я построить себе домик
В тиши дубрав и с крышею под тёс,
Чтоб по утрам ко мне на подоконник
Ложились косы девичьи берёз.
Чтоб через годы мог вернуться снова
В родные стены, в милый отчий дом.
Отцова память сжечь меня готова.
Я б сделал так, как было всё при нём.
Я накосил бы вновь того же сена,
Построил бы колодец с журавлём.
А на конце бадеечка б висела
Такая же – с боками пузырём.
Поставил бы калитку, у которой
Мы проводили с матерью отца.
Не разглядел, наверно, он в ту пору
В подол уткнувшегося моего лица.
Стояли долго в утреннем тумане.
Смотрели вслед глазищами без слёз,
Как будто знали мы тогда заранее,
Что не увидит он своих берёз.
Я повторил бы всё, что помню с детства:
В узорах ставни и крестьянский пол,
По-русски печь, где мы любили греться,
Большую лавку и семейный стол.
Чтоб видеть тех, кто память мне оставил,
Кем был рождён и кем я был взращён.
За этот стол всегда, садясь, бы ставил
Две миски, переполненных борщом.
Летят года, в их беге нет простоев.
В тиши дубрав осталась моя мать.
Хочу я тоже отчий дом построить
И всё, что помню, сыну передать.

Много у нас пишется и даже печатается стихов гладких, почти профессионально отделанных, где каждое слово на месте, где налицо необходимые поэтические атрибуты – образы, метафоры, но где на поверку одно голое мастерство и совершенно ничего от души. Прочтёшь такие безупречные строчки – и равнодушно отложишь в сторону.

А стихотворение «Память» с самого начала захватывает необыкновенной сердечностью. О недостатках в стихосложении (а их тут немало) сразу и не думаешь, потому что их может устранить редакторская правка. Главное здесь в том, что за каждой строкой чувствуешь душу автора – чуткую, отзывчивую, добрую. Она переполнена грустной памятью о том, что было в детстве: о не вернувшемся с войны отце, о матери, которая тоже умерла («В тиши дубрав осталась моя мать»), и все эти чувства невольно наполняют и твою душу, ты уже как будто не только читатель, а закадычный друг автора – так доверительно, откровенно рассказал он тебе о своих переживаниях.

Уверен: любого любителя поэзии не очень огорчат отдельные недоработки этого стихотворения – ведь даже сквозь них пробивается живое, неподдельно искреннее чувство, а, как известно, эмоциональность – одно из свойств, отличающих поэзию от заурядной прозы.

Главное качество – видеть мир поэтическим взглядом – у Н. Батюка есть. А теперь попытаемся помочь ему взглянуть на сделанное им с точки зрения редактора.

Когда стихотворение было ещё в замысле, надо было точно определить, какими словами начать его и какими закончить. В этом варианте основная мысль не нашла точной формулировки. Вот начало: «Хотел бы я построить себе домик». Из последующих строк мы видим, каким должен быть этот дом: таким, каким он был при жизни отца («Чтоб через годы мог вернуться снова в родные стены, в милый отчий дом»). А с заключительными строчками начало не совсем вяжется, там идёт речь уже не о том доме, который был построен отцом и подобие которого хотел бы сделать сын, а о новом, своём («Хочу я тоже отчий дом построить». Иными словами: получается так, будто речь – о двух разных домах). Строчки «Хотел бы я построить себе домик» и «Хочу я тоже отчий дом построить» запутывают читателя, затемняют стержневую мысль.

Следует с пером в руке пройтись по некоторым другим местам в стихотворении. «Отцова память сжечь меня готова». Имеется в виду «память об отце». (А «отцова» – это то, что хранил в памяти отец). «Смотрели вслед глазищами без слёз». Автор, видимо, хотел усилить тот момент, как лирический герой и его мать неотрывно, широко открытыми глазами смотрели вслед уходящему, и написал «глазищами», но это неудачное выражение, оно более уместно в сатирическом или сказочном произведении, а здесь, в лирике, режет слух. «В узорах ставни и крестьянский пол». Описка. Крестьянского или городского пола не бывает (другое дело: пол, покрытый простыми холстяными дорожками, половиками, или пол, на котором, скажем, дорогой ковёр). «По-русски печь, где мы любили греться». Правильнее всё-таки «русская печь».

Вот те сучки и задоринки, от которых нетрудно избавиться, ещё поработав над стихотворением, очень хорошим в целом.

Знакомство с Н. Батюком радостно ещё и потому, что «Память» – не случайная его удача. Хорошо написано и другое стихотворение «Первый дождь»:

Первый дождик тих, несмел,
Первая прохлада.
Первый громик прогремел
Робкой канонадой.
Первый шорох лепестка,
Первые росинки,
Первый блеск издалека
Молнии – былинки.
Первый раз, как невзначай,
Маленьким горошком
Осторожно постучал
Дождь ко мне в окошко.
Будь смелее! Мы ведь ждём!
Прокатись до края!
Умываюсь я дождём,
Ветром вытираюсь.
Первый дождь за много дней
Знойных, опалённых.
Веселее, милый, лей.
Я в тебя влюблённый!

Нет, наверно, такого поэта-лирика, который бы не писал о дожде. Тем труднее было Н. Батюку отыскать какие-то свои слова для этого традиционного пейзажа. Эти находки – в первом же четверостишии. Необычно сказано про гром: громик, но именно это слово и напрашивается в данном контексте. Сразу же обращают на себя внимание такие своеобразные строчки, как «молнии – былинки», «маленьким горошком», «умываюсь я дождём, ветром вытираюсь». Не совсем литературно звучит «Я в тебя влюблённый» (напрашивается усечённое: влюблён), но в народе говорят и так, не будем придираться.

Хочется верить, что сегодняшняя встреча с Н. Батюком – не последняя, что мы ещё не раз будем иметь возможность закрепить наше творческое содружество с ним. Недаром он говорит в письме: «Стихи – моя слабость и радость». Слабость надо понимать как пристрастие, а радость – любовь к поэзии, увлечённость ею. Значит, будут новые стихи, новые достижения.

Не впервые присылает нам свои стихи Г. Овечкин из Новокузнецка. Его поэтическая работа тоже заслуживает особого разговора. Г. Овечкин склонен к стихам-раздумьям и к показу, изображению каких-то картин природы, окружающего мира. Мы уже давненько собирались представить этого интересного автора нашим читателям, но не могли по одной причине: Г. Овечкин пишет, как правило, очень большие по объёму вещи, которые нет возможности привести целиком в рамках обзорной статьи. На этот раз Г. Овечкин прислал не очень многословное стихотворение. Процитируем его полностью:

С горы село – как на ладони:
И РТС, и божий храм…
(Рублёвские глазницы рам –
В них запустенья сумрак тонет…)
На колокольне нет креста,
Да в бога здесь давно не верят…
Родные славные места,
Где в клуб открыты были двери…
Как хорошо в село спуститься,
Его по-прежнему любя.
Воды колодезной напиться,
Покуда будет молодица
Смотреть с улыбкой на тебя.
Ты для неё – один из тех,
Кто приезжает, уезжает.
То месит грязь, то топчет снег,
А в жизни главного не знает:
Не далью пройденных дорог
Душа довольна, чем-то боле…
Перешагнуть её порог
Никто на свете не неволит…
Как зубы холодит вода.
Как смотрит девка без смущенья.
И как остры кусочки льда –
Далёкой юности отмщенье…
Сейчас напьюсь, ей ковш отдам,
На плечи рюкзачишко вскину,
Уйду, стареющий Адам,
Кто жизнь растряс по городам,
А к старости в деревню двинул…

Стихотворение называется «Встреча». Это встреча с любимым селом, где, судя по всему, когда-то жил лирический герой (а, может быть, сам автор), встреча со своей юностью в лице молодой женщины. По концовке стихотворения можно предположить: заезжий гость жалеет о том, что потерял что-то очень ценное, дорогое в своей душе, уехав из родных сельских мест, скитаясь по разным городам. Идея стихотворения не обнажена, она в подтексте, и определить её можно так: грустно и горько человеку, который оторвался от села и в то же время в городе не прижился – пусть к старости, но всё равно неодолимо тянет его в отчий край, в край отцов и дедов, который – увы – стал уже в какой-то мере чужим, не очень приветливым, он как бы мстит за беспечность, бездумье молодости, заставляя раскаиваться своего «отступника».

Так мы понимаем суть этой вещи в целом. А по частностям оно, что называется, не на должном уровне. Не знаем, чем объяснить, может быть, спешкой, но некоторые строчки, как и в «Памяти» Н. Батюка, нуждаются в редакторской руке. Трудно уловить смысл строк: «Перешагнуть её порог никто на свете не неволит». Наверно, это надо понимать приблизительно так: молодая женщина, по автору, «молодица», ничуть не завидует тем, кто в своей жизни измерил даль многих дорог; лично её никто и ничто не манит перешагнуть порог своей избы, бросить эти места, променять на что-то другое, пусть более романтичное, но не такое близкое, родное. Но выражение «её порог» (а не за порог) можно истолковать и по-другому: «молодица», вероятно, одинока, она не возражала бы, если бы кто-то из тех, кто просит у неё напиться из колодца, взял бы да и перешагнул её порог, стал другом жизни, но неволить никого она не собирается, напился – и прощай, счастливого пути!

Разное толкование одних и тех же строк свидетельствует, к сожалению, об их невнятности. А нам сдаётся, что Г. Овечкин способен создавать стихи, лишённые всяких словесных неточностей.

Здесь, на наш взгляд, характерная для многих молодых литераторов небрежность и даже неряшливость письма. В сотый раз приходится напоминать известную истину: стихи нужно не просто пописывать, а кропотливо и тщательно работать над ними. А то, что скороспело, вряд ли стоит выносить на люди. Надо научиться отчётливо отличать черновые наброски от готового во всех отношениях произведения. И это упрёк не одному Г. Овечкину.

Другое его стихотворение «Щенок» – вдвое длиннее «Встречи», и полностью привести мы его не можем, но даже по началу, по фрагменту можно судить о достоинствах и слабостях этого автора:

Не такса, не болонка, так… дворняга.
Живёт на общепитовских харчах.
Постель её – газетная бумага.
Щенку ли думать о таких вещах.
Что на бумаге той – комедии и драмы
Отстукал безучастный телетайп…
Щенку нет дела до проблем Панамы,
Он сам живёт без ласки доброй мамы
И вздрагивает на собачий лай…
Со взрослыми щенкам забавы плохи:
Чуть что – и лязгнут жёлтые клыки.
А тут ещё и холодно, и блохи,
И хулиганов тайные пинки…

И ещё на полутора страницах идёт неторопливый рассказ про щенка, с которым, кстати, ничего примечательного не случается, так что читатель ничего не теряет, не дочитав стихотворение до конца. А то, что мы процитировали, свидетельствует о способности автора повествовать – свободно и раскованно – в стихотворной форме, о способности умело владеть техникой стихосложения. А чтобы поэтическая работа Г. Овечкина шла более успешно, хочется дать ему такой совет: не растекайтесь мыслию по древу, любую мысль, любое чувство (в данном случае – чувство любви к нашему «меньшому брату» – к щенку) старайтесь выражать более кратко, сжато, чтобы какое-то главное «зерно» того или иного сочинения не тонуло среди лишних, часто необязательных строчек и строф.

М. Небогатов,
член Союза писателей СССР.
г. Кемерово.

***

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Сегодня в областном комитете комсомола собирается творческая молодёжь Кузбасса на свой очередной семинар. В этом семинаре участвуют и члены вновь созданного литературного объединения при редакции газеты «Комсомолец Кузбасса». Во второй половине дня они проведут первое, организационное собрание, на котором обсудят планы дальнейшей работы. Собрание будет проходить в зале заседаний обкома ВЛКСМ. Литературное творчество молодых представлено на нашей странице.

Виктор ВИШНЯКОВ

ДОМ

Земля уходит из-под ног
Крутым песчаным дном…
На перекрёстке двух дорог
Стоял отцовский дом.
Склонялась крыша над окном,
Порог врастал в траву.
Цвела черёмуха кругом,
Белила синеву,
Когда в мечты мои вошли
Чужие города…
И вот с окраины земли
Вернулся я сюда.
Земля уходит из-под ног
Крутым песчаным дном:
На перекрёстке двух дорог
– Многоэтажный дом.

ПРИЗЫВНИКИ

Вагона бодрое движение.
Пульсирующий ритм колёс.
А за окном поля осенние
В лучах мелькающих берёз.
Вагон качают песни модные.
Ворчат на нас проводники.
И пляшут, внешне беззаботные,
Друзья мои – призывники.
Но тают голоса беспечные,
И не один тускнеет взгляд,
Когда зовут вагоны встречные –
Назад,
назад,
назад,
назад.

ПАРОДИИ

Борис РАХМАНОВ

ВСЕЛЕНСКИЕ МЕЛОЧИ

Была суббота… Из избы
Шли бабы с вёдрами до бани,
И старики у городьбы
трясли козлиными словами.

(А. Ибрагимов).

Была вселенская суббота.
Степенно, мимо городьбы,
Надев резиновые боты
Шли бабы строем из избы.
Суббота требовала дани,
У тела к пару вечный зов,
Шли бабы с вёдрами до бани,
Поскольку не было тазов.

И старый сгорбленный старик,
Тряся козлиной бородою,
На баб глядел и молвил: «Дык
Тазы нужны… само собою…
В деревню надо стихоплёта! –
Переживал старик до слёз, –
Приехал хоть бы раз в субботу,
Да бабам тазики привёз!»

СЕЛЬСКИЙ ПРОФИЛЬ

А где-то в городе мужчина
С крестьянским профилем лица,
Вздыхая (что за чертовщина),
Лежит и курит без конца.

(А. Раевский).

Сперва была первопричина,
Потом привычка и ленца,
И вот лежмя лежит мужчина,
Лежит и курит без конца.
Лежит и складывает строфы
В дыму болгарских сигарет,

А у него крестьянский профиль,
Предрасположенный к махре.
Лежит – окурки давит рядом,
Тут «Стюардесса» и «Пегас»…
Он в профиль склонен к самосаду
И к сельской лирике… подчас.

// Комсомолец Кузбасса. – 1979. – 25 октября. – С. 3.

*** *** ***

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2:

Никогда не повторять

ФАКУЛЬТЕТ МОЛОДОГО ЛИТЕРАТОРА

СЛОЖНОСТЬ И ПРОСТОТА

КОГДА-ТО, в начале нашего столетия, кое-кто склонен был считать поэзию уделом избранных: мол, и сами поэты оди не от мира сего, и стихи их не олжны быть понятными любому и каж-ому. Молодые «избранники божии» ка-егорически отрицали все существовав-ие до них художественные формы, ор-изовывали свои литературные группки, оторые, по их убеждению, должны были овалать революцию в русской литерату-е. Даже одно название этих группок учало по-новому: вспомните символи-ов, акмеистов, имажинистов, лефовцев. оследние, например, в свое время име-и дерзость выдвинуть такой смелый, как казалось, а не долго далеко неумный лозунг: «Долой Пушкина с корабля сов-еменности!»

МОЛОДОСТИ присущи творческие иска-ания, она не хочет идти проторенны-ми путями: ей кажется, что о новом о-новому можно сказать лишь в том лучае, когда все чрезвычайно ус-ожнено — к выражению мыслей, и бразность, и строфика. Но минует ка-ое-то время, и любители всяческих ловесных ухищрений, всякой ложной сложности возвращаются в своем ормстве... к пушкинской простоте. Есть азон задуматься: почему это происхо-ит? Наверно, потому, что поэт начинает знавать: то, что непонятно никому, кро-е него самого, не нужно, а ведь он чет, чтобы его читали не только дру-и. А о том, какие стихи пишутся иног-а в ранней молодости, красноречиво идетельствует один характерный факт. ак-то большому советскому поэту — не удем называть его имени — литературо-д показал стихотворение, давным-дав-написанное этим поэтом и уже забы-м им, показал, чтобы узнать мнение шого автора. Тот долго ломал голову

СТИХОТВОРЕНИЕ технически сделано весьма уверенной рукой, но необхо-димо прочесть его и раз, и два, и три, чтобы хоть приблизительно представить ту ситуацию, которая здесь описывается. А ситуация эта, как видно, такова. В го-стиничный номер, где обитает с кем-то, может быть, с другом, лирический герой, зашли два гостя. И тех, и других случайно связала любовь к поэзии — они пишут стихи и с упоением читают их друг дру-гу. Состоялся своего рода маленький ве-чер поэзии. Потом гости уходят домой, а оставшиеся еще долго думают о них. И даже теперь, спустя какие-то годы, поку-пая свежий номер журнала, надеются найти стихи тех двоих, ушедших в ночь.

Хотя Сергей Лебедев довольно свобод-но обращается со словесным материалом, все же в некоторых местах он допускает неточности. Например: вместо «мы огля-нулись» надо было сказать, что мы по-смотрели вслед (из вестибюля гостиницы, где остались вместе со швейцаром). И

Терпели бы руки,
Да ноги держали,
Да уши не вяли!
И тело застонет
И, веса не зная,
В пуховых сугробах
Тоску изгонял.
...Сибирские бани,
Сибирское диво,
Как жбанчик домашнего
терпкого пива!

Про это стихотворение никак не ска-жешь, что оно вымучено, придумано — настолько тут все предметно, реально, жизненно. Мы хорошо видим эту знаме-нитую сибирскую баню, вместе с лири-ческим героем входим в нее, вместе с ним явственно ощущаем специфическое банные запахи, жар и прохладу от род-никовой воды, одним словом, отдаемся телом и душой, отдаваясь стародавнему крестьянскому «ритуалу» — вслесть попа-риться свежим веничком. Все это — ис-конно народное, с детства близкое и род-

еще: «Жду продолжения игры!» Слово «игра» сводит на нет всю серьезность творческого вечера. Нет, не продолжения игры ждет герой, а продолжения встречи с поэзией, с новыми стихами кем-то по-любившихся

нов любому деревенскому жителю, кото-рый, если даже он давно переехал в го-род, с чувством большой симпатии к ав-тору заново переживает радостные мину-ты, так точно переданные автором. А не в том ли и одна из задач поэта — заста-

ФАКУЛЬТЕТ МОЛОДОГО ЛИТЕРАТОРА

были напечатаны с посвящениями. Первое—Валентине Серовой, а второе—Софье Кревс. Талант Симонова и Суркова помог им сделать интимное гражданским. Так что в любовной лирике все зависит от ее поэтического качества.

Ольга Кобозева попросила указать на недостатки в ее стихах. Поэтому приведем следующее малоудачное стихотворение:

О, эта встреча! О, мгновенье
Разлуки, слез, тоски, стихов!
Ужель явилось избавленье
От несбывающихся снов?
Она спокойна. Холод власти.
Излом бровей почти суров.
Ни отраженья прежней страсти
И ни следа былых оков.
Так измениться! Неужели
Прошла любовь? Да и была ль?

строгое отношение к каждой строке, строфе, слову. Одного наития в поэтическом труде мало, надо чтобы писание стихов было действительно трудом, а не легким скольжением пера по бумаге.

Поэтической натурой предстает перед нами и Валерий Доронин из поселка Яя. Наиболее удачны у него стихи о природе. Вот один из зимних пейзажей:

Только лишь ложусь в постель,
Засыпаю сладко,
Снится, снится мне метель —
Белая лошадка.
Я на ней лечу вперед
По долине звонкой.
Вижу: паренек идет
С небольшой котомкой.
Это розовый мороз
В полушубке новом.
Торопился он и нес

Только трудом...

Новые имена

Впервые со стихами кемеровчанина Виктора Вишнякова наши читатели познакомились несколько лет назад, когда в одном из обзоров, публикуемых под рубрикой «Факультет молодого литератора», подробно и обстоятельно анализировалась поэтическая работа этого способного стихотворца. В то время Виктор был курсантом Кемеровского высшего военного командного училища связи, круг интересов у него был весьма ограниченным: он писал в основном о том, что так или иначе было связано с его повседневной армейской жизнью. Но даже и по стихам на одну эту тему видно было: их автору есть что сказать людям.

Все эти годы Виктор Вишняков много и упорно работал. Его стихи обрели широкое дыхание, энергичную походку. В них свободно и естественно стали входить самые разнообразные темы, которые подсказывала ему жизнь со всеми ее радостями и огорчениями, тревогами и противоречиями. Одним словом, жизнь во всеобъемлющем значении этого слова стала главной темой стихов Виктора Вишнякова, чью подборку мы с удовольствием предлагаем сегодня вниманию наших читателей.

М. НЕБОГАТОВ,
член Союза писателей СССР.

ВИКТОР ВИШНЯКОВ

Летний полдень

В тревожный лес скатался гром.
За ветром вслед рванулись кроны.
И полдень солнечно-зеленый
Повис под вспыхнувшим дождем.
И, словно листья, голоса
Под струями затрепетали.
И по дороге замелькали
Рубашек белых паруса.
Кипели лужи. Жил ручей.
Во взглядах радуга сквозила.
А туча хвост дождя тащила
Среди разгневанных ветвей.

Огород

Мамина стихия — огород:
Грядки, оживающие летом
Солнце вслед за мамою встает.
Мама поднимается с рассветом.
Тихо возвращается она.
Шепчутся на кухне половицы.
Седина — не мамина вина,
Но глаза, как пойманные птицы.
С каждой встречей больше седины
И невыносимее разлуки.
В тишине досматривают сны
К бабушке приехавшие внуки.
Скоро опустеет огород.
И в подполье выстроятся кадки.
Мама молчаливо обойдет
Старые растрепанные грядки.
Возвратится в опустевший дом
И осмотрит дом хозяйским взглядом:
Вещи все привычные кругом.
Только сыновей не видно рядом.
Мама ждет нас в гости каждый год.
И под ярким солнцем каждым летом
Оживает мамин огород.
Мама поднимается с рассветом.

Очередь

Очередь, как омут на реке.
Славится парное молоко.
И сидит старушка в уголке.
Люди рядом... мысли далеко.
На плечах поношенный платок,
Будто снег подтаявший в горах.
Взгляда неприметный ручеек
В прожитых теряется годах.
Здесь у магазина на крыльце
Между нами люди: как года:
В очереди я стою в конце,
А старушка — первая всегда...
Наступает осени пора —
Время огорчений и потерь:
Бабушка из нашего двора
Возглавляет очередь теперь.

Граница

Кто выдохнул:
«Граница подо мной...»
Кто прошептал взволнованно:
«Граница...».
Над Тиссой —
Пограничною рекой —
Проходят поезд.
И светлеют лица,
Как будто солнце из-за облаков
Выглядывает,
Тени обнажая.
Названия у этих берегов —
«Чужбина»
и
«Страна моя родная».
А между ними быстрая вода —
Скупые разделяющие метры.
Как в жизнь мою вошедшие года
И пройденные мною километры.
Когда судьба гвардейского полка
Была моей солдатскою судьбою.
До горизонта в небе облака,
А горизонт...за Тиссою-рекою.
И вижу я с нейтрального моста,
Что связывает памятные дали,
Родные необъятные места
И землю, где солдатами мы стали.

ФАКУЛЬТЕТ МОЛОДОГО ЛИТЕРАТОРА

„ХОЧУ ПИСАТЬ СТИХИ"...

„Я ОЧЕНЬ люблю поэзию, хочу сам писать стихи, но все, что я написал, к сожалению, нравится только мне. Я высылаю вам несколько моих стихов, помогите мне, пожалуйста, подскажите мои ошибки. Буду очень рад узнать о них от вас. Думаю, не займу у вас много времени. Заранее благодарен вам». Таким скромным обращением в редакцию сопроводил несколько своих стихотворений А. Бельмасов из Ленинска-Кузнецкого.

Почти все любящие поэзию молодые люди горят желанием писать. И если бы это желание осуществлялось у каждого, то поэтов у нас было бы неисчислимое множество. К сожалению, поэтический дар очень редок, из сотен пишущих лишь считанные единицы добиваются осуществления заветной мечты: сказать свое интересное слово в поэзии. Это, конечно, не значит, что и пробовать свои силы не стоит — мол, дело это для меня не по плечу, все равно у меня ничего путного не получится. Нет, так поступать не следует. Как написал однажды моему товарищу по перу М. А. Шолохов, «дерзайте и обрящете». Литературное творчество несовместимо с робостью, ему должно сопутствовать дерзание.

Когда я ознакомился со стихами А. Бельмасова, мне стало ясно: простительны многие ошибки этому автору, писать он начал не напрасно. А ошибки — вот они, налицо: вместо «несколько моих стихотворе-

Снежок поскрипывал
все так же звонко,
В морозной зыбке холодела даль,
А по земле колючею поземкой
Уже пошел плясать февраль.

Скажем прямо: грамматические ошибки встречаются и в этом тексте, но мы их не приводим, потому что суть в другом — в поэтичности процитированных строчек. Обратите внимание на такую художественную деталь. Прозаик сказал бы просто: зима пошла на убыль, а наш автор нашел для этой мысли запоминающуюся метафору: январь у него «обветренный метелью, отощавший». Это — поэзия. Не знаем, как выглядела березка за окном, однако верим, что чем-то она «подтвердила, что нет со мною больше января». Наверно, тем, что сбросила с ветвей январский куржак, оголилась, тоже как бы похудела, отощала. Автор обладает природной поэтической интуицией, которая подсказала ему, что будет уместно ритмическое усечение в последней строчке: здесь иной размер, чем в других строчках, более короткий, бойкий, он точнее передает «пляску» февральской поземки.

Другое нарушение размера — в строке «зимняя студеная заря» — это уже от неопытности, от неумения (не хватает одного слога). К тому же не потрудился автор над поиском более выразительного эпитета к заре, написав «зимняя» (и так ясно, что не летняя). Так одни — удачные — строчки в небольшом стихотворении тесно переплетаются с другими — неудачными и даже с такими, в которых неправильный оборот речи: «взяв в провожатых» (вместо «в про-

технического характера. Второе четверостишие, например, звучит не в лад с двумя другими, приблизительно созвучие «стоял — тополя». Особенно огорчает неточность выражения в строке «но я ведь сам еще недавно верил...». Будь побольше литературного опыта у автора, он сказал бы здесь несколько иначе, естественнее: а я-то всегда считал, всегда верил, что человек рожден лишь для добра. Кстати, рифмы «смотрели — верил» — тоже очень слабые.

Приведенные примеры свидетельствуют о задатках поэтического, образного мышления автора. Это радует и обнадеживает. Важно еще и другое: чтобы сам А. Бельмасов поверил в свои возможности и, поверив, приложил все усилия к плодотворному использованию этих возможностей. А для этого надо ему многому учиться, развивать, к примеру, силу строки, ее ритмику, рифмовку. Надо также вырабатывать в себе навык точно, естественно, в правильно взятом ключе выражать свои мысли и чувства. О чем писать? Пока о том, что лучше получается — о природе. А с возрастной зрелостью придут и многие другие темы — многогранность жизни беспредельна.

Полон желания писать и Валерий Доронин из Яи. Об этом свидетельствует присланная им довольно объемистая рукопись. У Доронина тот же «грех», что и у Бельмасова: он малограмотен. Это сразу же обнаруживается:

Эх, поляны, вы, поляны,
Хороши как, черт возьми!
Я, веселый и румяный,

ренностью автора в своих потенциальных силах, без которой невозможно добиться чего-то положительного в любой области труда:

Я хотел бы в когорте поэтов
Не последним, конечно, быть,
И уверен, что сделаю это,
Ведь умею людей я любить.
Как от чувств волнуется сердце!
Не тверда вот пока строка,
Но в работе смогу разгореться,
Станет тверже еще рука.

Будет ли не последним в когорте поэтов Валерий Доронин — трудно предугадать, а что касается его стремления разгореться в работе, то это, разумеется, можно только приветствовать.

Судя по предложенным стихам, Владимир Катрич из Калтана увлекается восточной поэзией. Это видно по той форме поэзии, в которой он пробует силы — по трудному жанру создания стихотворений из четырех строчек. Может быть, Владимир Катрич делает это по образцу четверостиший Гамзата Цадасы, четверостиший, полных глубины мысли, мудрости. Но приходится разочаровать Владимира Катрича — его собственные опыты в этом направлении пока что мелки.

Между тем Владимир Катрич при более серьезном отношении к искусству поэтического слова может, нам думается, создавать и более серьезные произведения. Взять хотя бы стихотворение «Костер»:

ИРЕ МУЗ

ФАКУЛЬТЕТ МОЛОДОГО ЛИТЕРАТОРА

ПОКЛОН СОЛДАТАМ

ФЕВРАЛЬ нынешнего года был знаменателен славной юбилейной датой — 60-летием Вооруженных Сил СССР. В февральском обзоре мы обращались ко всем, кто пишет в нашу редакцию, с пожеланием откликнуться на эту дату стихотворными произведениями. Наша просьба не осталась без ответа — пусть с некоторым опозданием, но многие авторы прислали свои стихи, посвященные Советской Армии, фронтовым и мирным будням ее. И, конечно, особенный интерес представляют поэтические работы бывших фронтовиков, недавних солдат — лучшие годы жизни и тех и других отданы службе в армии, и то, что выходит из-под их пера, не высосано, как говорится, из пальца, а основывается на лично пережитом.

О своей армейской, фронтовой юности написал цикл стихотворений Владимир Еременко из поселка Тисуль. Цикл открывается стихотворением «Сибиряки»:

У переправ — сибиряки,
В снежинок вихрь вечерним часом
Мерцали тусклые штыки
С плескавшихся во мгле баркасов,
О гальку поступь каблуков,
Хрустя напористо, скользила.
Текла от волжских берегов
В траншеи к нам людская сила.
— Откуда столько вас, братва,
Горячих в ледяную полночь?
— Не обошлась без нас Москва,
И к вам не в гости мы — на помощь!..
Рассвет морозный тихо рдел.
Синели первым снегом дали.
И вдруг, как с неба гром, взревев,
Орудий бури взбушевали.
Рубил огнем ударов степь
Сквозной, дробящий шквал металла,
Где строчка провода вилась.
Он скромен, кабель телефонный,
Но тоже бой ведет с врагом.
И лентой изоляционной
Он перевязан, как бинтом.
Проходит провод под руками,
Вот здесь обрыв. Но в тот же миг
Вдруг разом помутилась память —
Осколок вражеский настиг.
С последней силой оскуделой
Сжал провода концы солдат,
И через стынущее тело
Приказ «В атаку!» дал комбат.
За наступающей волною
И санитары шли вослед.
В штаб части сдали после боя
Насквозь пробитый партбилет.
Большевики такой породы —
Им мужества не занимать,
Чтоб атакующие роты
И после смерти подымать.

Многим начинающим авторам мы часто вынуждены напоминать высказанную еще великим критиком Белинским истину о том, что поэт должен мыслить образами. Именно так подходит к своей поэтической работе Владимир Любимов — он не ограничивается простым рассказом о том, что является содержанием стихотворения, он изображает, рисует словом картину, в которой для читателя все живо, зримо. Другой бы, менее одаренный автор, только сообщил, что телефонист был коммунистом, а здесь мы читаем: «В штаб части сдали после боя насквозь пробитый партбилет». Одна эта художественная деталь стоит многих и многих высокопарных, общих слов, общих фраз.

На лесной опушке
Он делил хлеб-соль.
Только под березой
Друг упал в снегу.
И, глотая слезы,
Воин мстил врагу.
Мстил и знал: есть Волга,
Хаты-терема,
Белая дорога,
Русская зима.

Очень продуманно построена композиция этого стихотворения: дважды оно начинается строфой одного смыслового значения «Я стрелял из пушки...» и «Он стрелял из пушки...» Этот удачно найденный рефрен — как перекличка двух поколений, двух солдат, разных по возрасту, но одинаковой, вернее, сходной судьбы. Разница в их жизненном, солдатском пути лишь в том, что первый стрелял из пушки на учениях, а второй — в настоящем бою. И первый, молодой человек наших дней, хранит в своем сердце священную память о втором, который в дни Великой Отечественной войны был так же молод, как и он. А единство их — в любви к Родине, в готовности защищать ее от любого, самого сильного коварного врага, чтобы всегда легко несла свои воды Волга-матушка и радовала сердце русская зима с белой, убегающей к горизонту дорогой...

Закончить сегодняшний обзор солдатских произведений мне хочется стихотворением «Письмо», принадлежащим перу кемеровчанина Казновского (имя и отчество на конверте не указаны):

Литературная студия ПРИТОМЬЕ

ВКУС, ЦВЕТ И ЗАПАХ СЛОВА

Может быть, кого-то из читателей удивит, что сегодняшний обзор публикуется не под привычной рубрикой «Факультет молодого литератора». Пусть никого из пишущих это не смущает. В связи с созданием при редакции газеты литературной студии «Притомье» рубрика у наших обзоров будет новая, но назначение их останется тем же, что было и раньше: литературная учёба. Мы по-прежнему будем подробно и обстоятельно анализировать произведения начинающих стихотворцев, которые нуждаются в помощи, в том, чтобы лучше разобраться в достоинствах и недостатках своих сочинений. А то, что достойно отдельной публикации, газета будет печатать на литературных страницах.

Владимир Тарабрин из п. Майский Прокопьевского района не впервые обращается к нам. До этого его стихи были на самые различные, подчас весьма случайные темы. Из этих стихов нельзя было составить более или менее точное представление: в какой из тем нагляднее всего проявляются поэтические способности автора. На этот раз он прислал большую подборку стихов, объединённых одной темой, которую можно охарактеризовать словами: человек и природа. Есть в этой подборке довольно удачные стихи, есть и совсем неудачные, но несомненно одно: поэтическая работа Владимира Тарабрина заслуживает серьёзного разговора о ней.

Начнём хотя бы вот с этого стихотворения, которое называется «Утром»:

Как всё пушисто утром и бело!
Я рад безмерно этой перемене.
Как хорошо, что ночью замело:
Люблю бродить по пояс в белой пене.
И пусть кричат хозяйки в тишине:
«Опять до стайки занесло дорогу!»
Стою в снегу счастливый, как во сне,
И белый пух боюсь лопатой трогать.

Наверно, ещё накануне вечером за окном был неприглядный, серый пейзаж поздней осени, а вот сейчас («Я рад безмерно этой перемене») на дворе первое, по-настоящему зимнее утро: «Как всё пушисто утром и бело!». Восторженное настроение, с которым автор (или лирический герой) встречает заснеженное утро, передано эмоционально, это чувство передается и нам, читателям. Но недаром говорится: коротко писать гораздо труднее, чем длинно. В коротком стихотворении нет «площади» для лишних, необязательных слов, которые в пространном могут «затеряться», не броситься в глаза, а в немногих словах каждое – на виду, как на ладони. И потому мы сразу же отмечаем неточность в строке: «Как хорошо, что ночью замело». Замести – значит, что-то укрыть, спрятать под снегом, а в тексте этого пояснения нет. Вместо «замело» напрашивается другое, более точное: намело, и то с добавлением других слов, например: как много снегу намело.

Не найдены нужные слова и в начале второго четверостишия: «И пусть кричат хозяйки в тишине». Разве это тот случай, когда надо кричать? Здесь более уместны такие слова, как *ворчат, сокрушаются, восклицают*. «Опять до стайки занесло дорогу!» И опять автору изменило чувство слова: то, что ведёт от крыльца до стайки, что угодно – *тропка, тропинка, дорожка, стёжка*, только никак не *дорога*. Не так, как надо, сказано, две-три словесные ошибки – и приходится браковать всё стихотворение, говорить о создании нового варианта его.

Читаем следующее стихотворение о зиме:

Нет, я не против рубрики цветной,
Где красоту зимы стократ воспели,
Но как полезно ветреной порой
Всем нам послушать голоса метели.
Ветвей мятущихся страдальческий изгиб
Увидеть рядом, чтобы стало больно.
Чтоб леса дальний похоронный скрип
Ознобом по спине прошёл невольно.
Тогда мы сможем оценить сполна
Сияние полуденного снега.
И нам дороже станет тишина
И неба синего задумчивая нега.

Здесь в отборе слов автор более строг, ошибок, характерных для предыдущего стихотворения, почти нет, если не считать первой строки, где непонятно, какая такая «цветная» рубрика имеется в виду. Но безоговорочно принять душой это стихотворение нам что-то мешает: то ли холодная рассудочность, то ли ложное глубокомыслие. Да, конечно, мы любим родную природу, негодуем против безжалостного, варварского отношения к ней, когда загрязняются промышленными отходами с детства любимые нами речушки и реки, когда без надобности, по равнодушию, точнее, по бездушию вырубаются вблизи городов ценные массивы наших зелёных друзей – лесов… Всё это так. Владимир Тарабрин тоже любит природную красоту, это видно из его стихов. Однако не кажется ли вам, что в этом стихотворении он слишком сгустил краски? Заметьте: речь идёт вовсе не о стихийном бедствии, не об урагане, скажем, который всё сокрушает

на своём пути; речь – о самой обыкновенной сибирской метели, которая в общем-то никому и ничему не грозит. И стоит ли в данном случае так преувеличивать – до сердечной боли, до озноба – человеческое сочувствие к деревьям, сгибающимся под ветром, к шумящим под ним дальним лесам? Стоит ли нагнетать такие выражения, как «ветвей мятущихся страдальческий изгиб», «леса дальний похоронный скрип»? По-моему, не стоит. В действительности всё это гораздо проще: мы с детских лет привыкли к метельной кутерьме и даже по-своему любим её. Никому и не приходит в голову мысль о том, что будто бы снежная завируха – это страдание для берёзки или тополя. Так что «страдальческое», «похоронное» в стихотворении – это поэтическая вольность с большой долей натяжки, надуманности, если учесть, что автор стремится убедить нас, будто и человек в эти минуты настроен так же «похоронно», так же «страдает». Психологически всё это недостоверно. Вспомним, кстати, пушкинские строчки – тоже о метели: «Домового ли хоронят, ведьму ль замуж выдают?» И здесь – метафорическое упоминание о похоронах, но сказано это просто, как бы со стороны, без малейшего намёка на какую-то душевную «боль».

Уверен: не переживал её и Владимир Тарабрин. К сочинению стихотворения он подошёл, оттолкнувшись от рассудка, а не от чувства: «Но как полезно ветреной порой всем нам послушать голоса метели». «Полезно» – это уже не для поэзии, а для статьи. Разве задаётся таким вопросом поэтически настроенный человек, полезно или неполезно послушать песню жаворонка, шум ливня или, как в данном случае, голос метели: думает ли поэт о «полезности», любуясь «сиянием полуденного снега», небесной синевой («задумчивой негой»)? Нет, разумеется, не думает. Человеческое, а тем более поэтическое восприятие природы, её красоты лишено рассудочности, оно непосредственно, непроизвольно.

И это прекрасно понимает сам Владимир Тарабрин, о чём свидетельствует его стихотворение «Зимний день»:

Тугие паутинки тополей
Опять смешались с синевою неба.
Скорее шапку! Валенки скорей!
Как я давно таким счастливым
не был…
Морозный воздух, кажется, чуть-чуть
Сегодня смешан с запахом сирени.

Куда мне, непутёвому, шагнуть,
Чтоб не погибли голубые тени?
Искрится негой зарево снегов,
И в сердце радость тихо вырастает.
Лишь караван заснеженных стогов
Куда-то вдаль печально уплывает.

Как не порадоваться, познакомившись с этой пейзажной зарисовкой: ничего нет здесь от рассудка, «от головы», всё – от взволнованных чувств, от сердца. Почти детская непосредственность – самое ценное в лирике. Не знаю, верно ли моё предположение, но кажется мне, что стихотворение, легко и радостно написанное за один присест, больше не дорабатывалось. А кое-что надо бы в нём доделать. Поискать, например, более свежее слово вместо «негой» («Искрится негой зарево снегов», эта «нега» есть и в другом стихотворении); надо было подумать и над заключительным двустишием, которое начинается со слова «лишь», логически не связанное с предыдущей строкой. Мысль в этой строке напрашивается примерно такая: всё неподвижно, всё – и снега, и голубые тени на них – близко, рядом со мной, и «лишь караван заснеженных стогов куда-то вдаль печально уплывает». Как много значит в любом литературном произведении любое, самое, на первый взгляд, несущественное слово (и это вот «лишь»)! Можно догадаться, почему Владимир Тарабрин допустил именно такой вариант последних строк: «лишь» в этом контексте звучит в значении противопоставления, и Владимир подумал, что необходимое противопоставление тут есть – это «радость» и «печально». И всё было бы правильно, если бы не стояли эти слова так далеко друг от друга. Подобную тонкость тоже надо чувствовать.

В общем и целом «Зимний день» – хотя и небольшая, но удача. Этого нельзя сказать о стихотворении «Полынь», которое представляется мне плохо продуманным в частностях, перечёркивающих хорошую основу – свежий поэтический образ:

Опять уносят вдаль меня колёса,
Туда, где степь прекрасна и нова.
Ликует степь. Зачем же под откосом
Ты так печальна, горькая трава?
Поверь, полынь, я тоже видел горе,
И одиноко тоже было мне.

Не уплывай, трава, шуметь на косогоре,
Давай грустить с тобой наедине.
И я тогда секрет тебе открою,
Своей любви к степям не утая,
Что сладко пахнуть горькою травою
Способна только Родина моя.

Ясно, что всё стихотворение создавалось ради двух последних строчек; на образе, который содержится в них, и построено всё остальное. Но построено, к сожалению, неумело.

Если бы Владимир Тарабрин только рассказал нам о замысле – написать то, что уже написал, то мы не посоветовали бы ему начинать всё строчками о бегущем по степи поезде, из которого герой ведёт мысленную беседу с увиденной из вагонного окна полынью. Почему не следовало так начинать? Да потому, что поезд – совершенно неподходящее «место действия». Разве может получиться – пусть и мысленный – разговор по душам с тем, что стремительно проносится мимо. Было, мелькнуло – и скрылось из глаз. И как же при этом неубедительно звучат многие строчки, например, вот эти: «Не уплывай, трава, шуметь на косогоре, давай грустить с тобой наедине». Как же так «не уплывай», когда колёса крутятся с бешеной скоростью, «уносят вдаль меня», и как так «наедине», «если столько в поезде народу» (Николай Рубцов).

А ведь всё могло получить достойное выражение, если бы автор выбрал другую ситуацию: просто взял и вывел своего героя в степь и оставил его там на какое-то время – постоять, подумать, не условно, а на

самом деле наедине с горькой полынной травой. Только тогда и доступен бы стал сердцу её шорох и её аромат, такой неповторимо грустный, печальный и всё же родной. И венчающий всю эту картину образ свободно и естественно проник бы в сердце читателя. Пусть не посчитает Владимир Тарабрин это за мелочную придирку, но вот ещё одно замечание по существу: «Полынь» – стихотворение очень лиричное, можно сказать, интимное, и слово «Родина» более уместно в нём написать не с заглавной, а со строчной буквы: родина. В смысле: родная земля, отчий край. Будем внимательны к художественному слову, будем учиться чувствовать его на вкус, цвет и запах – к этому призывают нас все большие мастера литературы.

В поэтической работе Владимира Тарабрина меня лично очень привлекает одна характерная особенность: он старается избегать многословия, которое у многих молодых авторов оборачивается суесловием, говоря проще – болтливостью. А эта особенность говорит о том, что Владимир не идёт по пути наименьшего сопротивления, он ставит перед собой сложные задачи:

Шагну в проём двери,
В вечерний холодок,
Где отблески зари,
Как аленький цветок.
Уснули тополя.
Берёзка не шумит.
Уставшая земля
О прошлых днях грустит.
В такие вечера,
Когда поля тихи,
До самого утра
Слагаются стихи.

Пусть же любовь к родной земле, к её зорям, полям, берёзкам, полынным ветрам всегда волнуют поэтическую душу Владимира Тарабрина и пусть слагаются у него новые хорошие стихи, в рождение которых мы искренне верим.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1979. – 28 ноября. – С. 2.

ФАКУЛЬТЕТ МОЛОДОГО ЛИТЕРАТОРА.
Литературная студия ПРИТОМЬЕ

КАК ВЕСНОЙ В ЛЕСУ…*

Интересно наблюдать за работой молодого автора, который от природы, несомненно, наделён поэтическими способностями, но по неопытности и недостатку мастерства ещё не умеет в полную силу их проявить. В стихах такого автора – как в расцветающем весеннем лесу, какое-то из деревьев радует глаз бархатом первой нежной листвы, а какое-то, по соседству, удручает голыми, засохшими сучьями; на солнечной полянке весело проглядывает сочная зелень травки, а рядом, в тени, новой поросли не дают подняться бурые густые космы плотно слежавшейся прошлогодней травы…

Сравнение с весенним лесом рисуется в воображении, когда читаешь большую подборку стихов В. Атабаева из Анжеро-Судженска. Не знаем, придавал ли он значение их компоновке, но на всякий случай в разговоре об этой подборке будем соблюдать тот порядок, в каком расположены стихотворения в рукописи.

Первое в ней – стихотворение «Ночь»:

Рассыпал ветер по лугам
Букет ночного аромата.
Заносит звёздная пурга
Следы потухшего заката.
Луна размыла темноту
Волнами ласкового света.
Она, как сказочный пастух,
Сторожит небо до рассвета.
Пылает лунная роса,
Плывут к рассвету небеса
Из тьмы ночного океана.
Осточертела мне кровать,
Я убегу сейчас из дома,
В обнимку с летом буду спать
В охапке солнечной соломы.

Начальная строфа – хорошая. Она свидетельствует о том, что В. Атабаеву доступно образное изображение природы.

В следующих строфах – неточность за неточностью. Ударение в слове «сторожит» не на своём месте – оно должно падать не на второй, а на последний слог. Образно сказано про свет луны: «лунная роса», а то, что будто бы она пылает в огне холодного тумана, – выдумка. Ведь невозможно и представить какой-то огонь тумана. «Плывут к рассвету небеса из тьмы ночного океана». Из тьмы ли? Как это согласовать со строчкой: «Луна размыла темноту»? Выходит, ночь-то совсем не тёмная, а вся пронизана сильным лунным светом? Нелогично по смыслу звучит концовка: спать, когда ночь уже прошла и встало солнце («в охапке солнечной соломы»)?

Недостатки тут, как видим, не словесного, а изобразительного характера. Их могло и не быть, если бы автор не полагался лишь на одно воображение, а попробовал бы воспроизвести всё как бы с натуры, то есть так, как не однажды представала перед его глазами чем-то запомнившаяся лунная ночь.

Следующее стихотворение – тоже пейзажное, под названием «Поздняя осень»:

---

* – *Статья дана почему-то **без подписи** её автора, хотя в том, что это **небогатовский** текст, нет никакого сомнения.* – Примечание Н. Инякиной.

Ещё зеленеет трава,
А осень уже отступает.
Убиты цветы наповал,
Вода по ночам замерзает.
Зима ещё где-то вдали,
А чащи уже опустели,
И где-то летят журавли,
А может, уже долетели.
Пока не ударил мороз.
Погода грозит холодами.
А лес не боится угроз –
К зиме привыкал он годами.
Засохнет живая трава.
Природа не терпит обмана.
И осень уступит права,
И дико запляшут бураны.

Мы сказали, что это стихотворение – пейзажное, но так назвать его можно, исходя только из названия, а в самом тексте мы не обнаруживаем никакой зримой картины. Вместо неё здесь краткие информационные сообщения о том-то и о том-то. Не будь скреплены строчки рифмами и размером, можно было бы сказать: посредственная проза. Лишь две строки воспринимаются как истинно стихотворные: «И где-то летят журавли, а может, уже долетели». Не поработало тут даже авторское воображение, не говоря уж о присутствии чего-то предметного, имеющего хотя бы мимолётное отношение к натуре, к живому уголку природы. Это сказалось, кстати, и на стилистической приблизительности последнего четверостишия: «Природа не терпит обмана». Какой, чей обман имеется в виду? Недосказанность. Такая же, как после слов: «осень уступит права». Кому? Зиме, вьюгам, холодам, морозам, стуже? После «права» фраза не должна обрываться.

За этим идёт двенадцатистрочное стихотворение, суть которого в том, что «не одни мы корпеем над нелёгким вопросом: почему в нашей жизни начинается осень?». Вопрос весьма праздный, не стоит думать, что, задавая его, ты приобщаешься к области философии.

Перелистнём страницу и обратимся к новому стихотворению:

Если б я был волшебником,
я б тебе подарил
Море белых подснежников
среди белой зимы,
Я унёс бы тебя тогда
в королевство чудес,
Где бы радость была всегда
высотой до небес.
Я б к тебе приходил туда
из волшебных миров,
Я бы сделал твои глаза
царством сказочных снов.
Я хотел быть волшебником,
колдовать-баловать,
Но такого учебника
не сумел я достать.
Но однажды вдруг понял я,
что стихи – колдовство,
И хотя не волшебник я,
но учусь на него.

Технически эти строчки «сколочены» довольно небрежно (ритмические сбои, отсутствие рифм в самом начале), но родилось оно, чувствуется, не по пустячному поводу: любой, кто любит поэзию, видит в ней что-то «волшебное», «не от мира сего», и когда сам начинает пробовать свои силы в ней, неизменно стремится к чему-то необычному (что называется образом, метафорой, сравнением). И пусть не сразу достигается это что-то возвышенное, однако хорошо уже то, что молодой человек видит перед собой образцы поэтического «волшебства» в лице классиков и лучших современных мастеров слова и полон желанием чему-то научиться у них. В этом смысле значительна строка: «И хотя не волшебник я, но учусь на него». Похвальна трезвая самооценка В. Атабаева своих сил и возможностей: в отличие от многих других молодых да ранних, он ещё не считает себя поэтом в большом смысле этого слова, а лишь учится на него, хочет стать им.

Как учиться? Работать и работать, создавать стихи:

На мёрзлую землю упала снежинка.
Нагрянула в гости седая блондинка –
Зима наступила, зима-чародейка!
Встречайте седую, а ну, веселей-ка!
А ну-ка, старуха, насыпь больше снега,
Чтоб были сильней молодые побеги,
Что было теплей медвежонкам в берлоге,
Чтоб сказочней были лесные дороги!
Ведь ты не скупая, об этом я знаю,
Колдуй веселее, блондинка седая!
Из снега и ветра лепи свои сказки,
До самого марта гости без опаски.

Чем дальше углубляешься в рукопись, тем больше одобрительных пометок на её полях. Вот и это стихотворение у меня со знаком «плюс» – одно из наиболее удачных в подборке. В хорошей поэтической вещи немаловажное значение имеет даже тот или иной размер. Здесь ритмика – бодрая, мажорная – как нельзя лучше соответствует содержанию: «Нагрянула в гости седая блондинка – зима наступила, зима-чародейка!». Именно «нагрянула» – неожиданно, светло, обновляюще!

Всё же нельзя считать работу над стихотворением завершённой. Неприятно режет слух в данном контексте обращение: «А ну-ка, старуха». Неприятно, видимо, потому, что это неверно по существу: в старуху зима превращается лишь к своему концу, перед наступлением весны, а при первой встрече с «блондинкой» (свежий образ!) представляется что-то молодое, даже девственное. Если автор не поленится ещё поработать над отдельными строчками, то мы посоветовали бы ему убрать эту «старуху», а также избежать повторения одних и тех же выражений: «седая», «седую», «веселей-ка», «веселее». На такой малой площади (двенадцать строк) одинаковые слова наводят на мысль о бедности языка, его изобразительных средств.

Открываем очередную страницу:

Не торгуйте, граждане, цветами,
Создавая жизненный уют!
Отчего рабочими руками
Красоту за деньги продают?
Раздавайте людям их бесплатно,
Привыкайте делать доброту.
Загремите голосом набатным:
– Получайте даром красоту!
Раздавая их без сожаленья,
Красоту удвоите в цветах:
Вы поймёте, что дороже денег
Море благодарности в глазах.

Что привлекательно здесь? Прежде всего – искренний гражданский пафос, с которым автор выступает, ратует за такие благородные человеческие качества, как доброта, душевная щедрость, бескорыстность, способность ценить красоту. И пусть призыв автора останется, как говорится, гласом вопиющего в пустыне, пусть никто и не последует его совету (цветы как продавали, так и будут продавать), но писать такого рода стихи надо: не все поэтические призывы находят отклик в массах, и тем не менее настоящий поэт всегда должен идти немного впереди других, «сеять разумное, доброе, вечное». Чувствуется, что и сам В. Атабаев не очень верил в практическую действенность своего стихотворения, отсюда и появление такой задиристой, громкой, но при всём том наивно звучащей строки: «Загремите голосом набатным».

Ещё к частному недостатку можно отнести, как и в предыдущем стихотворении, трёхкратно повторённую «красоту».

В приписке к своим стихотворениям В. Атабаев интересуется: какое из них самое удачное? Мне кажется, вот это:

Вербует первые морозы
Хозяйка северных широт.
Запахли холодом прогнозы,
И реки спрятались под лёд.
В лесу зима рождает чудо:
Растут сугробы, как грибы.
Один походит на верблюда,
Другой – на печку без трубы.
Горбатый пень под белой шапкой
Стоит, как старый атаман.
Метель ему из снежных тряпок
Берётся сшить к весне кафтан…
Зима – типичное явленье
Для наших северных широт,
Но не могу без удивленья
Смотреть на первый тонкий лёд.
Люблю смотреть, как на поляны
Ложится тихо первый снег,
Как осмелевшие бураны
Берут стремительный разбег.
Пусть где-то складывают песни
О красоте цветущих роз,
Не знаю я красот чудесней,
Чем красота родных берёз.
Пусть говорят, что в этом мире
Другие есть ещё края.
Я не уеду из Сибири,
Ведь это родина моя.

Хорошее стихотворение! Оно не только о зиме, о природе, а также о том, что свято для каждого из нас: о любви к родному сибирскому краю. Любовь эта, чувствуется, крепкая, прочная, а потому и говорится о ней без восклицательных знаков, без ненужной крикливости, почти спокойно – это спокойствие уверенного в своей искренности человека.

Хочется обратить внимание читателя на то, что три начальных четверостишия не просто хороши, а отличны, своеобразны, написаны языком поэзии, языком метафор, сравнений, необязательных, а порой и неуместных в прозаическом повествовании, но так необходимых в стихотворной речи. Это – та набирающая силу зелень листвы и трав, что радует нас в расцветающем весеннем саду* (*Видимо, газетная опечатка: речь в статье с самого начала шла о весеннем* ***лесе****, а не о* ***саде****. И следующее предложение – тому подтверждение.* – Примечание Н. Инякиной). А три следующих за этим четверостишия, начиная со строки «Зима – типичное явленье» и кончая строкой «Чем красота родных берёз», это, если продолжить сравнение с лесом, опавшие прошлогодние листья – никакой в них новизны, свежести. И радостно, что сквозь них пробилась в конце к свету пусть ничем не примечательная, но милая сердцу, уверенная в себе новая травка – заключительная строфа, в правдивость мысли и чувства которой мы верим безоговорочно.

// Комсомолец Кузбасса. – 1980. – 9 февраля. – С. 3.

«НЕ МНОГО НАДОБНО ТРУДА…»

О СТИХАХ В АЛЬМАНАХЕ «ОГНИ КУЗБАССА»

В Новокузнецке много лет работает городское литературное объединение «Гренада». На состоявшемся здесь в декабре выездном семинаре молодых литераторов, который проводила Кемеровская писательская организация, обсуждались стихи членов литобъединения «Гренада». Им отдан весь поэтический раздел второго номера альманаха «Огни Кузбасса» за этот год.

Поэтические подборки новокузнечан наводят на многие раздумья. В последнее время на страницах столичных изданий – в газетах, журналах – наши ведущие критики всё чаще заводят разговор о том, что вызывает правомерное беспокойство и даже тревогу: умеющих писать стихи молодых в настоящее время сотни и тысячи, но – увы – нет среди них более или менее выдающегося поэта, о котором с гордостью и радостью можно было бы сказать: перед нами – яркая, самобытная личность. А ведь именно такими

неповторимыми личностями были в свои молодые годы Александр Твардовский, Михаил Исаковский, Константин Симонов, Александр Яшин, Ярослав Смеляков. Всех их уже нет с нами, и ряды их оказались не заполненными, не нашлось у нас, к сожалению, поэта, который бы так же громко заявил о себе с первых своих шагов на литературном поприще.

Про новокузнецких авторов тоже можно сказать: да, стихи писать они умеют, этого у них, как говорится, не отнимешь. Недаром газета «Комсомолец Кузбасса» посчитала своим долгом открыть для областного читателя этих способных авторов, сопроводив их подборки и циклы самыми добрыми словами. Первые газетные публикации таких стихотворцев из «Гренады», как Николай Николаевский, Александр Раевский, действительно заслуживали одобрения, если учесть при этом простой факт: их стихи выгодно отличаются от множества сочинений, которые приходят в так называемом редакционном потоке. Следует учесть и другое: газета есть газета, она живёт один день, и зачастую то, что печатается на её страницах, не годится для альманаха, журнала или сборника. Слишком разная специфика того и другого издания.

«Огни «Кузбасса» – литературно-художественный и общественно-политический альманах. В соответствии с этим наименованием и обязаны мы подходить к тому, что здесь напечатано, и спрашивать с авторов по большому счёту, пусть и как с молодых, не очень опытных, но всё-таки создателей **литературно-художественных** произведений. Особо мне хочется подчеркнуть слово «художественных». Мы должны рассматривать не только то, **что** предлагают читателю молодые стихотворцы, но и **как** они это делают, при помощи каких художественных средств.

Альманах открывается четырьмя стихотворениями Николая Николаевского. Первое «Ночные смены», видимо, автобиографическое: «Мне восемнадцать. Лёгкий пыл. Ночные смены я любил». Мы уже как-то отмечали, что наиболее удачные стихи этого автора – на рабочую тему. Здесь налицо искренность, точно найденные детали, поэтические находки: «Хотя из юности ушли мы, гори во мне, ночная смена, шуми со мной, братва моя. Всё было так обыкновенно, но переходит неизменно туда, куда и я, и запах тот, как кровь по венам».

«Всё было так обыкновенно», но, как видно, в то же время и романтично, по-своему празднично, потому что навсегда запомнилось, вошло в плоть и кровь (о чём сказано весьма поэтично: запах кокса, заводского газа, дыма – «как кровь по венам»).

О рабочем человеке и второе стихотворение, о чём говорит само его название – «Чествуют шахтёров». Его, как пример удачи, стоит привести полностью:

Она запела… Платье в блёстках.
Очаровательный вокал.
И зал огромный, зал шахтёрский,
Подавшись, бережно молчал.
Молчал, как утром после смены,
Одною музыкой дыша.
Не скрипнет кресло – это пела
Его широкая душа.
Но остывает жар оркестра,
А зал всё тот же – голубой.
Идёт шахтёр, стране известный,
Букет несёт перед собой.
На сцену вышел, рядом – с нею!
Неловкий шаг, смущённый вид.
Смелей, чудак, земляк, смелее!
Он руку жмёт, благодарит,
Её ладонь – в свою большую,
Как лепесток воздушный, взял,
И я подумал: поцелует…
Сейчас. И он поцеловал.
И раскололся громом зал!

Здесь всё зримо, красочно, возвышенно. Правда, цветовое восприятие музыки (зал – голубой) – лишь на первый взгляд свежий образ, для знатоков поэзии – это не открытие (вспомним песню «Дрозды» Сергея Острового: «Звуки вырастают, как цветы, грустные, весёлые, любые, то горячие до красноты, то холодновато-**голубые**»). И ещё: перед словами «это пела его широкая душа» стоит «кресло», а ведь имеется в виду, что пела душа зала, а не кресла, но слово «зал» от этих строк слишком отдалено. А в целом стихотворение неплохое, запоминаются художественно выразительные строчки: «Её ладонь в свою большую, как лепесток воздушный, взял». Да и другие детали хорошо служат основной идее стихотворения: нелёгок труд шахтёров, он откладывает на их внешность следы суровости, некоторой грубоватости, а душа-то шахтёрская нежна, впечатлительна, она чутко воспринимает всё прекрасное, в частности, музыку, пение, и всегда преисполнена благодарности за минуты приобщения к высокому искусству.

Третье стихотворение называется «Перед грозой». Оно крайне слабое, неудачное во всех отношениях. Всё здесь от начала до конца – лишь беспомощная ученическая попытка сказать что-то, не воплощённая в слове. Попытка нарисовать, изобразить предгрозовой пейзаж, попытка передать какие-то навеянные предгрозьем чувства и мысли. И то и другое – смутное, очень путаное подобие природы и душевного мира. Вчитаемся внимательнее в некоторые строчки. Например: «И я сказать себе посмел». Разве ситуация такова, что можно посметь, а можно и не посметь сказать себе что-то? Почему надо было делать фразу такой вычурной, почему не просто: я сказал себе? Ах, да, рифма «мел». Кстати, ничего не говорит воображению сообщение: «Воздушный вздох густел, как мел». Надуманность. Причём автор как будто забыл, что речь должна идти не о воздушном вздохе (это слишком лёгкое дуновение), потому, что выше говорится о ветре, настолько, видать, сильном, что передёрнутый им день покачнулся (это же ничего не выражающий штамп: покачнувшийся или выпрямившийся день невозможно представить). «Признайся всем, что любишь ты минуты радостной тревоги». Позволю себе усомниться в любви автора к природе в минуты перед грозой. Если бы любил – нарисовал бы достоверную картину. Это же ложное глубокомыслие, оборачивающееся

зачастую алогичностью, встречается и в четвёртом стихотворении Николая Николаевского «Воспоминания друзей».

Мы так подробно остановились на стихах Николая Николаевского потому, что и достоинства их, и недостатки характерны и для многих других стихотворцев (не только членов литобъединения «Гренада»), а также потому, что в альманахе, в отделе поэзии, судя по всему, считают этого автора наиболее успешно работающим: его стихи – на переднем плане.

Гораздо значительнее выглядит лицо «Гренады» в стихах Александра Раевского, в частности, в его пейзажной зарисовке «После дождя»:

...Разряды кончились. В траве
Воды движение и блики.
И очумелый муравей
Смешно скользит по землянике!..
В столбах лучей, наискосок
Пронзивших крыши туч разбитых,
Дымит берёзовый лесок,
Российской нежностью умытый.

Больные листья, мусор, пух –
Ничто в борьбе не уцелело,
А всё зелёное вокруг
Ещё сильней зазеленело!
Последних капель голоса
Всё реже в птичьем хороводе,
Вовсю яснеют небеса…
И пахнет свадьбою в природе.

Здесь нет и следа от желания помудрствовать лукаво, и в результате получилась истинно поэтическая картинка природы, где всё до самых мелких деталей живо, зримо, достоверно. Вот так – с любовью к жизни, к природе, с большим уважением к родному языку, с отточенностью и выверенностью каждого слова – и надо писать, ориентируясь на лучшие образцы русской поэзии.

Не обнаружили мы интересных поэтических открытий ни у Виктора Бокина, ни у Владимира Петраша, ни у Анатолия Балакая, ни у Станислава Долгова. Предоставление им печатной площади в альманахе можно рассматривать, пожалуй, как поощрение их творческих занятий: ищите, дерзайте. Да, все «гренадовцы» стихи писать умеют. А станут ли они поэтами – сказать пока трудно. Иногда мы бываем слишком «добренькие»: именуем этим высоким званием чуть ли не всякого, кто умеет рифмовать. Следовало бы при этом помнить: «Не много надобно труда, уменья и отваги, чтоб строчки в рифму, хоть куда, составить на бумаге».

М. НЕБОГАТОВ. г. Кемерово.
// Комсомолец Кузбасса. – 1980. – 11 сентября. – С. 3.

«У ПАМЯТНОГО ДОМА»

Вначале у меня было намерение поговорить о стихах первого номера альманаха «Огни Кузбасса» за этот год, но когда я прочитал открывающее номер стихотворение Ивана Полунина «У памятного дома», то решил написать только об этом примечательном в своём роде стихотворении. Вот оно:

Жил здесь писатель Александр Волошин…
И свет в окне призывней маяка
Манил к нему друзей издалека,
Нередко забинтованных порошей.
Был рад Никитич другу горняку,
Внимателен к зелёному собрату.
Он так умел оттачивать строку,
Как некогда – сапёрную лопату.
Его душа, как будто степь, могла
Всех разместить
И раззадорить встречу.
А много ль было выдано тепла
Ему взаимно? Вряд ли я отвечу.
Он предо мною глыбою вставал –
Немногословный, мудрый и весомый.
А перед ним… последний перевал
Был траурною кистью нарисован.

И над потоком майского тепла,
Над городским задумчивым кварталом
Пронзительная музыка текла
И – вдруг… сменилась
Громом небывалым!
Как будто небо выразить протест
За эту смерть тебе, земля, хотело!
Гроза промчалась.
И затих оркестр.
Но как душа, душа осиротела!
И дом – не тот…
Знать, каждой нервной клеткой
Я к старшему собрату прикипел!
Я с ним делился бедами нередко,
А счастьем поделиться
Не успел.

Чем примечательно, чем заслуживает внимания это стихотворение? Прежде всего, тем, что Иван Полунин, наверно, единственный из нас, кузбасских литераторов, кто посвятил памяти Александра Волошина очень прочувствованное, взволнованное поэтическое слово, в самом названии которого – «У памятного дома» – полное отсутствие какой-либо условности, неопределённости, всё здесь конкретно и точно.

Александр Никитич Волошин был отличный писатель и прекрасный человек. В 1949 году за роман «Земля Кузнецкая» – самое первое и самое лучшее в советской литературе произведение о людях нашего края – писатель был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР. Этот «шахтёрский» роман многократно издавался и у нас в стране, и за рубежом – в переводе на добрый десяток иностранных языков.

Памятный дом. Да, кого только не повидал за многие десятки лет этот дом в центре Кемерова, на углу Советского проспекта и Весенней улицы, где жил человек с большой русской душой, всегда широко распахнутой для любого доброго гостя, всегда готовой разделить с ним и радость, и беду. К искусному мастеру художественного слова, к участнику Великой Отечественной войны, бывшему сапёру, жадно тянулись люди самых различных возрастов и профессий, в особенности молодые прозаики и поэты, потому что знали: Никитич (так ласково звали они его) не оставит без внимания самые первые пробы пера, обязательно подскажет что-то ценное, необходимое в нелёгком литературном труде. Доброжелательность Никитича распространялась буквально на всех: иного начинающего писать он привечал за то, что тот горячо, самозабвенно любит литературу, поэзию, пробует, как он любил выражаться, спеть свою песню.

«А много ль было выдано тепла ему взаимно? Вряд ли я отвечу». Ответить всё же можно, и ничуть не преувеличивая: любой, кто общался с Никитичем, не жалел для него своего душевного тепла, больше того – любил его, как старшего брата, как отца.

«А перед ним… последний перевал…» Никто, конечно, не мог предвидеть этого последнего перевала на пути пусть не так уж молодого, но ещё крепкого, здорового на вид сибирского богатыря – умер он в одночасье, скоропостижно. Эта смерть потрясла, казалось, не только всех, кто знал его, но и саму природу: она небывалым громом майской грозы протестовала против ухода из жизни того, кто так страстно любил и воспевал её.

Мне хорошо известны многие стихотворения Ивана Полунина, и удачные, и малоудачные, а это – «У памятного дома», – на мой взгляд, одно из самых лучших из того, что пока написано молодым поэтом. Сила этих поэтических строк – в гармоничном сочетании жизненной и художественной правды. Не знаю, как другие мои собратья по перу, а лично я подписался бы под этим удивительно искренним, сердечным стихотворением.

М. НЕБОГАТОВ. г. Кемерово.
// Комсомолец Кузбасса. – 1980. – 11 декабря. – С. 4.

НОВОЕ ИМЯ

…И ПЕПЕЛ, И ЗЕРНО

Михаилу Орлову – чуть больше тридцати. Но стихи его трудно отнести к так называемым возрастным. Его лирике присуща философичность и юношеская лиричность, сдержанность и возвышенность.

Его стихи молоды своим настроением и глубоки желанием выразить все события и явления в жизни, он признаёт «что только то неугасимо, в чём есть и пепел, и зерно».

Не один год Михаил был связан с крупнейшими стройками Томской и Кемеровской областей. И над строфой он работает, как строитель, не спеша подобрать тот или иной образ или сравнение. Для Орлова-поэта характерно одушевление вещей и явлений, что создаёт особый настрой его стихов. У него «степь кочует вдаль», а печаль человеческая «цветёт простая, как бессмертник», он ощущает дыхание звёзд и видит Кижи, встающие «из каждой клеточки зелёной», чувствует «и лёгкий холод птичьих крыл, и отцветающую заводь», и «дождик пеленой сплошной один гуляющий по саду». В его стихах звучат историчность и интернациональность, поэтому при всей их разноплановости красной линией проходит в каждом стихе тема «Человек и Вселенная».

Можно, конечно, при многих достоинствах стихов Орлова найти в них и недостатки, и недоработки, но и эти недостатки у поэта тоже свои. Думаем, что искренность этих строк почувствуют и наши читатели.

***

Вы говорите, это жизнь
вихляет в заводи бессонной,
и возвышаются Кижи
из каждой клеточки зелёной.
Вы говорите, это век,
его суровая десница
и ночь, летящая в сове,
египетская колесница.
Восславим же начала все,
нас оплетающие тенью,
как эти птицы в колесе
под солнечной, гремучей сенью.
И лёгкий холод птичьих крыл,
и отцветающую заводь,
и рыбу, мучившую ил,
когда она училась плавать.
И рачью, с розовой клешнёй,
неустрашимую засаду,
и дождик, пеленой сплошной
гуляющий один по саду.

***

Кто-то ходит по реке темнеющей,
белый, тихий, кто-то ходит ночью.
Изучи его язык смелеющий
и пойми его тоску пророчью.
Тёмный бор за синими решётками
сухо осеняется трещотками.
Тощий треск над будущим покоем,
над колючим, над горючим полем.

Умереть не страшно – страшно выбежать
в лютый холод с непокрытым мозгом,
Умереть не страшно, только выжить бы,
чтобы улыбаться рыжим розам.

ДВОЙНАЯ ЗВЕЗДА

Когда одна звезда уходит
за полукружие небес,
другая медленно восходит
будить подземный спящий лес.
Всё так непросто объяснимо,
всё так смертельно сплетено,
что только то неугасимо,
в чём есть и пепел, и зерно.

Над пустотою океана,
над океаном пустоты
зияет колотая рана
в дыхании двойной звезды.
А время только заживляет
на теле двойственности шов,
и голос Лиры отвечает
глухому лаю Гончих Псов.

***

Тополь, застенчивый бог,
рдеющей нежности зарево,
выучи тёмный урок
с девушкой разговаривать.
Оком души загляни
в тело такое незрячее
и навсегда закляни
заговор тьмы и безбрачия.

Скажет: не ты, только ночь
сердце обезоружила,
девушке ночью невмочь
плесть одиночества кружева.
С ветки упала звезда,
смертная ягода милая.
Деревом стала вода,
песенкой – время унылое.

***

Задумавшись случайно, вдруг
среди усталых разговоров
я ощущаю тяжесть рук
и жажду бешеных просторов,
я помню розовый курган,
и тёмное лицо Батыя,
и льнущие к его ногам
дороги пыльно-золотые.
Я помню грубого седла
метафизическую чашу.

Мы расплескали ярость нашу,
и нам осталась только мгла.
Умолкла выбитая степь,
зачахли топтаные травы,
и мы, напившиеся славы,
домой вернулись умереть.
А там, где степь кочует вдаль,
где свет в зрачках орлиных меркнет,
цветёт простая, как бессмертник,
неутолимая печаль.

// Комсомолец Кузбасса. – 1980.
– 27 декабря. – С. 3.

*** *** ***

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3:

Литературная студия Притомья

«НЕ МНОГО НАДОБНО ТРУДА...»

О СТИХАХ В АЛЬМАНАХЕ «ОГНИ КУЗБАССА»

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

«Не пиши о чужом»

Михаил Небогатов о стихах начинающих поэтов

Несколько лет назад в нашей газете была рубрика «Факультет молодого литератора», которую вел кузбасский поэт, член Союза писателей СССР Михаил Небогатов. На протяжении длительного времени регулярно — из месяца в месяц — под этой рубрикой публиковались его критические статьи, в которых автор обстоятельно разбирал, анализировал стихи начинающих поэтов. Рубрика пользовалась большой популярностью среди пишущих и вполне оправдала свое назначение — несколько бывших «студентов», прошедших курс обучения на этом факультете, уже издали свои поэтические книжки. Мы имеем в виду таких поэтов, как Александр Раевский, Николай Николаевский, Валерий Ковшов, Виталий Креков. Многие «выпускники» факультета сейчас систематически печатаются в городских и областных газетах, в альманахе «Огни Кузбасса», готовят к изданию свои первые сборники.

Задачи литературной учебы будет решать и открывающаяся сегодня рубрика «Литературная мастерская». Хочется надеяться, что и она привлечет внимание пишущей молодежи. Приглашаем в эту мастерскую всех, кто пробует свои силы в поэтическом творчестве. Ждем ваших сочинений.

Итак, начинаем свою работу. Двери мастерской гостеприимно распахнуты для всех желающих посидеть за нашим «круглым столом», по-деловому строго, взыскательно и вместе с тем по душам, с дружеской доброжелательностью побеседовать о достоинствах и недостатках произведений, вынесенных на обсуждение.

В заголовок этой статьи мы вынесли слова молодого

Сиротских окон взгляд тяжелый,
И половицы без щелей,
В родимых пятнах от ожогов
Буржуйной стреляных углей.
На бревнах трещинки забиты
С янтарным ядрышком смолы,
Вуалью плесени покрыты

«Приходи ко мне...». Куда «ко мне»? Ведь автор — житель этого города. «По земле сибирской ходишь ты». По Сибири ходит не сам город, а добрая слава о нем. Подольше надо было автору посидеть над поисками рифмы к слову «крутоплечий», потому что выражение «по-человечьи», повторенное второй раз, в концовке, не совсем уместно.

В заключение, как мы и обещали, обратимся к стихам Виталия Ежова. Он еще довольно молод, ему всего двадцать два года, но уже и в этом возрасте Виталий, чувствуется, приучил себя глубоко вдумываться в самые разные явления жизни, в человеческие взаимоотношения. Его стихи серьезны по содержанию и весьма добротны по форме. Жанр их я определил бы так: лирико-публицистический. Виталий Ежов, видимо, не раз и подолгу задумывался над вопросом: в чем миссия молодого поэта? И в результате родилось у него вот такое стихотворение под названием «Посвящение молодому поэту»:

Если хочешь творить, не пиши о чужом,
Не рассказывай о неизвестном,
Рассказни о своем, о нажитом трудом,
Пусть не так уж и главном, но честном,
Даже если напишешь святые слова,

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

«НЕ ПИШИ О ЧУЖОМ»

Михаил Небогатов о стихах начинающих поэтов

Несколько лет назад в нашей газете была рубрика «Факультет молодого литератора», которую вёл кузбасский поэт, член Союза писателей СССР Михаил Небогатов. На протяжении длительного времени регулярно – из месяца в месяц – под этой рубрикой публиковались его критические статьи, в которых автор обстоятельно разбирал, анализировал стихи начинающих поэтов. Рубрика пользовалась большой популярностью среди пишущих и вполне оправдала своё назначение – несколько бывших «студентов», прошедших курс обучения на этом факультете, уже издали свои поэтические книжки. Мы имеем в виду таких поэтов, как Александр Раевский, Николай Николаевский, Валерий Ковшов, Виталий Крёков. Многие «выпускники» факультета сейчас систематически печатаются в городских и областных газетах, в альманахе «Огни Кузбасса», готовят к изданию свои первые сборники.

Задачи литературной учёбы будет решать и открывающаяся рубрика «Литературная мастерская». Хочется надеяться, что и она привлечёт внимание пишущей молодёжи. Приглашаем в эту мастерскую всех, кто пробует свои силы в поэтическом творчестве.

Ждём ваших сочинений.

Итак, начинаем свою работу. Двери мастерской гостеприимно распахнуты для всех желающих посидеть за нашим «круглым столом», по-деловому, строго, взыскательно и вместе с тем по душам, с дружеской доброжелательностью побеседовать о достоинствах и недостатках произведений, вынесенных на обсуждение.

В заголовок этой статьи мы вынесли слова молодого автора – Виталия Ежова из посёлка Новосафоновский Прокопьевского района, но о стихах его речь пойдёт ниже, а первое слово предоставляем Дмитрию Клёстову, нашему давнему знакомому, поэту, имеющему уже немалый опыт литературной работы.

Положительное свойство стихов Дмитрия Клёстова в том, что он пишет не о чужом, т. е. мало ему знакомом, а все темы берёт из личной жизни, нелёгкой жизни рабочего человека (строителя, шахтёра, бурильщика), в его стихах нет так называемого лирического героя, везде он говорит от собственного лица, и потому любое его стихотворение достоверно по содержанию, убедительно по деталям и подробностям. В этом можно убедиться, прочитав, например, начальные строчки стихотворения «В завале»:

Боролось жестоко и рьяно
Со смертью моё бытиё.
Холодные грани капкана
Всё тело сжимали моё.
И камень, нацеленный в темя,
Навис надо мной тяжело.
Всегда скоротечное время
Мучительно медленно шло.

С какой точностью, какими единственно верными словами выражен драматизм ситуации в двух строчках о времени, сила воздействия которых на читателя в одной из главных особенностей поэзии – в контрастности: всегда быстротечное, сейчас, в минуты смертельной опасности, время казалось очень и очень медленным.

Заканчивается стихотворение и просто, и одновременно на торжественных нотках:

Но жизни немеркнущий факел
Мне так исступлённо светил,
Что было бы просто нелепо
Покинуть улыбчивый мир,
Где люди и солнце, и небо…
Мне руку подал бригадир.

Победило жизнелюбие и торжество шахтёрской дружбы. Я умышленно опустил несколько строк из середины; дело в том, что не всё в стихотворении хорошо, встречаются в нём и словесные промашки. На них не следует закрывать глаза. Есть, например, общеизвестное выражение: человек – царь природы, но шахтёру, попавшему в завал, кажется, что природа, «гордясь, хохотала» (не те слова!): «Ответствуй, ну кто из нас царь? Ты жалкий гадёныш, мокрица». Вот они, упомянутые промашки: следовало ли вкладывать в уста природы (условно, разумеется) и казённое «ответствуй», и грубое, ругательное «гадёныш»? Выбор слов здесь явно не самый удачный.

В стихотворении Дмитрия Клёстова «Брошенный хутор» тоже есть словесные неточности (мы о них скажем), но в целом оно хорошее, с настроением:

Прощайте, избы лубяные
Моей заветной стороны…
Извёстки кольцо годовые
В разломе рухнувшей стены.
Сиротских окон взгляд тяжёлый,
И половицы без щелей,
В родимых пятнах от ожогов
Буржуйкой стрелянных углей.
На брёвнах трещинки забиты
С янтарным ядрышком смолы,
Вуалью плесени покрыты
Когда-то красные углы.
Трава, родная повилика,
Коснись, коснись моей ноги…
Я сам безжалостно и дико
Чужие рушил очаги.
Я рушил, что-то воздвигая,
И в этом нет моей вины.
А вас земля не принимает,
И людям тоже не нужны.

О неточностях. «Вуаль» для деревенской избы – чужеродное слово. «Дико» (рушил) – так говорить о разумном человеке вряд ли можно. И, наконец, две последние строчки. «А вас…». О чём, о ком это? Если о избах, то они лишь в самом начале стихотворения, надо было ещё раз обратиться к ним, потому что после них говорилось о многом, и кого земля не принимает, и кто людям не нужен – трудно понять.

«Прошу прочесть стихи мои, может, что получилось, и посоветовать, писать ли ещё», – с такой припиской обратился в редакцию кемеровчанин В. Коваленко, отправляя три небольших стихотворения. Литературный уровень их, скажем откровенно, низковат. Но встречаются у этого автора отдельные строчки, на основании которых можно посоветовать ему продолжать творческие поиски. Смотрите, как, например, по-своему сказано: «Осиротевшую любовь в дороге не ждёт ликующий вокзал». Правда, тут напрашивается перестановка слов: любовь, осиротевшую в дороге. Или такое: «Что роднее быть нам может тех лесов, полей и рек, где родился ты и множишь то, что создал человек». Подобных, чем-то симпатичных строк, у В. Коваленко пока что очень мало; а чтобы их было больше, надо ему трудиться в поте лица – много думать и много писать.

Город Киселёвск в эти дни отмечает своё 50-летие. Золотому юбилею своего родного города посвятил небольшое стихотворение Е. Ермаков. Вот оно:

Киселёвск! Мой город крутоплечий!
От шахтёров мощь в тебе и стать.
Иногда совсем по-человечьи
Ты умеешь слушать и вздыхать.
В эти дни твой взгляд проникновенный
Я ловлю радарами души:
Приходи ко мне, мол, непременно,
Позвони, не можешь – напиши…
Убежало прошлое ручьями,
И горят грядущего цветы.
Ах, какими сильными шагами
По земле сибирской ходишь ты!
Киселёвск, мой город крутоплечий,
Возмужала мощь твоя и стать,
И стараюсь я по-человечьи
От тебя ни в чём не отставать.

С душевной теплотой написано это, не правда ли? И ради неё можно простить автору некоторые недостатки (о которых мы условились говорить). Скажем о них для того, чтобы автор в новых стихах не допускал этого. «Приходи ко мне…» Куда «ко мне»? Ведь автор – житель этого города. «По земле сибирской ходишь ты». По Сибири ходит не сам город, а добрая слава о нём. Подольше надо было посидеть автору над поисками рифмы к слову «крутоплечий», потому что выражение «по-человечьи», повторённое второй раз, в концовке, не совсем уместно.

В заключение, как мы и обещали, обратимся к стихам Виталия Ежова. Он ещё довольно молод, ему всего двадцать два года, но уже и в этом возрасте Виталий, чувствуется, приучил себя глубоко вдумываться в самые разные явления жизни, в человеческие взаимоотношения. Его стихи серьёзны по содержанию и довольно добротны по форме. Жанр их я определил бы так: лирико-публицистический. Виталий Ежов, видимо не раз и подолгу задумывался над вопросом: в чём миссия молодого поэта? И в результате родилось у него вот такое стихотворение под названием «Посвящение молодому поэту»:

Если хочешь творить, не пиши о чужом,
Не рассказывай о неизвестном.
Расскажи о своём, о нажитом трудом,
Пусть не так уж и главном, но честном.
Даже если напишешь святые слова,
Не дойдут они к сердцу людскому,
Ты не выстрадал их, а сложил, как дрова,
Не приблизясь к их смыслу мирскому.
Пусть ты молод ещё, и двух слов
не связать,
Но придёт к тебе зрелость седая,
Всё поймёшь ты, что должен в стихах
рассказать,
На отточенность рифм наседая.
Если хочешь творить, то душой не криви,
Горечь правды не прячь за строками.
Справедливости ради на свете живи
И добро защищай кулаками!

Вот оно, то главное, над чем стоит задуматься всем молодым собратьям Виталия Ежова! Взгляд на задачи творца, высказанный Виталием, органично сливается с известными строчками А. Т. Твардовского: «О том, что знаю лучше всех на свете, сказать хочу. И так, как я хочу». Можно бы цитировать Виталия Ежова и далее, но размеры статьи – ограниченные, потому приведу лишь ещё одно его стихотворение:

Боюсь забыть, как на рассвете
Косил траву босым мальчишкой.
Боюсь забыть, как буйный ветер
Играл листком, как кошка с мышкой.
Боюсь забыть берёз невинность,
Склонённых крон напев чуть слышный.
Боюсь забыть свою наивность
И робкий поцелуй мальчиший.

Боюсь забыть я птичий щебет,
Что слышен ранними утрами.
Боюсь забыть цветочный трепет
Пред налетевшими ветрами.
Боюсь забыть я всё, что было,
Всё, что давно осталось в прошлом:
И то, что сердце пережило,
И то, что оказалось ложным.
Боюсь забыть, чтоб не забыться,
Чтоб в памяти навек остались
И золотистая пшеница,
И нежного бутона завязь.

Эта боязнь забыть что-то самое дорогое, заветное – не беспричинна, это понимаешь, читая другие стихи Виталия Ежова, такие, скажем, как стихотворение «Двадцатый век», в котором откровенно говорится, что «Мы погрузились в мир расчётов, холодных знаков, строгих цифр… Мы все живём во власти стресса, меняя мир на интерьер». И, как сожаление, как вздох – в этом же стихотворении, в конце его: «Хотя б на миг остановиться, взглянуть хоть раз на лунный свет»…

Пристальнее вглядываться в жизнь, не обходить острых проблем, писать обо всём, чем живёт наше советское общество с его переменами к лучшему – вот призыв молодого к молодым.

г. Кемерово. *// Комсомолец Кузбасса. – 1986. – 1 февраля. – С. 4.*

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВЗЯТЬСЯ ЗА ПЕРО…

Подумай: сможешь ли ты сказать людям что-то новое, никем ещё не сказанное

Часто молодой стихотворец берётся за перо, поддавшись сиюминутному настроению, не совсем ясно представляя, какой замысел побудил его склониться над чистым листом бумаги, чтобы изложить на ней – и как можно быстрее – то, что подсказало уму мимолётное настроение, чувство. И вот дописана последняя строчка, автор доволен и даже готов поставить себе в заслугу то, что потратил на создание своей новой вещи всего час или два; бойкое писание кажется наивному автору почти несомненным проявлением дарованной ему природной способности – творить легко, без всяких там творческих мук. Ему даже не приходит в голову мысль о том, чтобы через некоторое время, скажем, спустя неделю, снова вернуться к этой «озарённой» вдохновением рукописи и ещё раз пройтись по тексту, поправить что-то.

На это печальное раздумье о скороспелости многих сочинений молодых поэтов натолкнуло нас следующее высказывание Белинского: «Художественное создание должно быть вполне готово в душе художника прежде, нежели он возьмётся за перо: написать – для него уже второстепенный труд».

Заранее предвидим возможное возражение: мол, Белинский, говоря так, имел в виду больших, настоящих художников, а мы-то делаем лишь первые шаги на литературном поприще, с нас и спрос другой. Нет, спрос одинаков со всех – и с опытных мастеров поэзии, и с начинающих, кто лишь только приобщается к ней: литература – слишком серьёзное искусство, чтобы допускать какие-то скидки на неопытность, молодость и прочее. Быть душевно готовым к созданию истинно художественного произведения обязан любой, самый юный автор.

Кстати, перед нами рукопись именно такого юного автора – учащегося 8-го класса одной из кемеровских школ Леонида Яницкого, который прислал в редакцию стихотворение под названием «Сонет»:

Февраль настал. Метель с весёлым свистом,
На солнце блещущий, метёт колючий снег
По ровным зеркалам во льды одетых рек
И по полям, сверкающим искристо.
На улицах светло, бело и чисто.
Их вымела зима, не человек.
И кажется, так будет целый век.
И солнце светит добро и лучисто.
Ещё деревья без листвы, наги,
Ещё не скоро к нам вернутся птицы.
Но близок уж тот светлый час, когда
Зима с весной – извечные враги –
Между собой задумают схватиться,
И победит весна, как и всегда.

Сонет (от итальянского – звучать, звенеть) – строгая форма четырнадцатистишия с определённой строфикой, и уже одно то, что Леонид не побоялся проверить свои силы, обратившись к этой трудной форме, доказывает серьёзность его творческих намерений. С этой формой юный автор в целом справился неплохо; несмотря на её сложность, строки звучат естественно, не скованно, и можно надеяться, что обычные стихи , не «связанные» каноническим построением строк, у Леонида Яницкого будут получаться ещё лучше, выразительней. А пока его можно поздравить пусть с небольшой, но всё-таки победой, с творческим достижением.

Имя Владимира Зюкина из Анжеро-Судженска уже должно быть знакомо читателям нашей газеты по нескольким публикациям в ней. Он пишет много, упорно и целеустремлённо. Сегодня мы познакомимся с новым его стихотворением «Пожилые»:

Пришла и к нам, как осень, зрелость,
Но юность вспоминаем мы:
Она не так, не так сгорела,
Как бабочка в огне средь тьмы.
Не так сгорела песня-юность:
Мы песни в сердце бережём.
Вот снова осыпает лунность
Лицо твоё – и мы вдвоём.

И нам не страшно, что седые –
Вдвоём усталость мы стряхнём
И, словно раньше, с молодыми
Под песни звонкие пойдём.

Жить! Надо жить, творить, смеяться,
Не верить в то, что годы – груз!
И будет жизнью утверждаться
Двух молодых сердец союз.

Жизнелюбивым и жизнеутверждающим настроением (по всему видно – искренним) проникнуто стихотворение. Мысли вроде бы не новые, но притягательность этой вещи – в живом чувстве. А без чувства, говорил тот же Белинский, нет ни поэта, ни поэзии. И всё же хотелось бы посоветовать Владимиру Зюкину на будущее: работая над каким-то новым стихотворением, поглубже заглядывать в свою душу и память – а говорю ли я здесь что-то новое, не было ли у кого-то подобного?

О торжестве женской красоты, молодости, преображающей всё вокруг, написал хорошее стихотворение М. Бахматов из г. Берёзовского:

Жёг мороз, до мозга пробирая,
Знать, зима тряхнула стариной.
Шёл я, по сугробам увязая,
Пробираясь сквозь пургу домой.
Девушка, стоящая у дома,
Улыбнулась, рассиялась вдруг.
И улыбкой нежной, незнакомой
Осветила сразу всё вокруг.
И, попавши под улыбку эту,
Снег растаял, и пришла весна.

Яблони оделись чудным цветом,
Зазвенела песней тишина.
Зацвела кудрявая рябина,
Наклонилась низко над рекой,
И как будто сердце у любимой
Застучало гулко под рукой.
Соловьи влюблённые запели,
Радуясь любви, теплу, весне…
Улыбнулась девушка метели,
Только жаль до боли, что не мне!

Вот что может сделать с сердцем, с воображением обаятельная девичья улыбка, если автор смотрит на мир глазами поэта, любящего всё прекрасное в жизни! Ощущение весны и всего, чем она блистательна, пережитое в краткие мгновения среди зимней метели автором (или же лирическим героем), невольно передаётся и нам, читателям, и всё потому, что в стихотворении есть то отличительное свойство поэзии, которое именуется эмоциональностью. Приходится только пожалеть, что М. Бахматов не постарался как следует отточить все строчки, а некоторые из них в этом нуждаются. Например, «И как будто сердце у любимой застучало гулко под рукой». Тут, видимо, не хватает уточнения: у моей любимой. Вместо «по сугробам увязая» напрашивается более правильное: в сугробах. Не следовало также чуть ли не дословно повторять начало известной песни: «Ой, цветёт кудрявая рябина, налилися гроздья соком вешним». Хочешь не хочешь, а в который раз необходимо напомнить (не только М. Бахматову): над стихами надо работать да работать!

Несколько стихотворений прислал нам Николай Попов из Осинников. Похвальное о них можно сказать одно: в литературном отношении они грамотные. Видно, что автор пишет давно, в стихосложении разбирается, но, к сожалению, радостного чувства от чтения написанного им не испытываешь. Вот, к примеру, строчки из стихотворения «Добрые слова»: «Вновь март пришёл. Вновь женщинам отрада. Подарки им готовит ПОЛ МУЖСКОЙ». Два последних слова – свидетельство авторской глухоты к родному языку, это прямо как из пародии. Представители этого «мужского пола» «несут цветы живые аккуратно, боясь их заморозить и помять, и дарят их с улыбкой благодатной, но добрых слов стесняются опять». Улыбка может быть какой угодно, только не БЛАГОДАТНОЙ. Автор не чувствует этого. Концовка этого стихотворения («А в этот день слова нужны, как солнце… Мужчины! Не стесняйтесь их сказать!») представляется нам несамостоятельной, вспоминаются строчки поэта Ильи Фонякова: «Говорите о любви любимым! Уверяю: им не надоест».

Любовь Бахарева из Новокузнецка одной из первых откликнулась на предыдущую нашу статью. Вот её приписка к стихам: «Меня очень увлекла статья в газете «Комсомолец Кузбасса» «Не пиши о чужом», в которой предлагается всем желающим принять участие в работе «Литературной мастерской». Буду очень рада, если вы поможете мне добрым советом».

Первое стихотворение Любови начинается такими вот строчками:

Стаял снег с тротуара,
С крыши каплет капель.
И один у причала
Я встречаю апрель.

А вот четверостишие из другого стихотворения:

Дед то рассказывал певуче,
То ненадолго умолкал.
Под голос я его скрипучий
На русской печке засыпал.

Обращаем внимание читателя на слова: «один», «засыпал». Вызывает недоумение, почему в этих лирических стихотворениях Л. Бахарева говорит от лица мужчины. Ведь это не пьеса, не роман, где автору приходится то и дело перевоплощаться в разных персонажей – и в мужчин, и в женщин. В лирике поэт, как правило, ведёт с читателями разговор от своего лица, от своего личного «я». Поэтому совершенно непонятно, отчего женщина в стихах «стала мужчиной». Люба просит дать ей какой-нибудь совет – мы

охотно выполняем её просьбу: чтобы новые стихи были более достоверными, жизненными, пишите от своего имени (я сказала, я пошла и т. д.).

В «Литературную мастерскую» обращается и кемеровчанин Михаил Якунин, который сообщает, что стихи он сочиняет на темы, подсказанные ему маленькой его внучкой. Мы были бы рады сделать приятное обоим «соавторам», напечатав их стихи, но для публикации это уж слишком слабо и по форме, и по содержанию – ничего интересного в литературном смысле здесь нет, лишь одна констатация малозначительных житейских, бытовых фактов.

То же самое можно сказать и о двух стихотворениях Надежды Матвеевой из Киселёвска. Правда, техникой стихосложения она владеет более умело, чем М. Якунин, но это умение, чувствуется, – результат начитанности, которая проявляется то в знакомстве с романсовым лексиконом («в тебя БЕЗУМНО так влюбившись»), то с неповторимой пушкинской лирикой («остались в прошлом ЧУДНЫЕ МГНОВЕНЬЯ»).

Брезжит слабое подобие поэтичности в стихах Александра Вершинина из Ленинска-Кузнецкого и новокузнечанина Анатолия Богомолова, но беда этих авторов в том, что они просто ещё не научились ритмической организации строк и соединения их рифмами. И А. Вершинину, и А. Богомолову – один добрый совет: как можно больше и вдумчивей читать, выдающиеся мастера поэзии – лучшие наши учителя.

Техническую сторону стихотворства освоил в какой-то степени Алексей Черников из Мысков, но за перо берётся он, судя по всему, когда сочинение ещё не вполне готово в душе – строчки его не отмечены печатью большой работы над ними.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР. г. Кемерово.

// Комсомолец Кузбасса. – 1986. – 6 марта. – С. 4.

ПРОСТОТА, ПРАВДА, ЕСТЕСТВЕННОСТЬ

«Простота, правда, естественность – вот великая сила всякого искусства» – как точно врезавшееся в память высказывание композитора XVIII века Кристофа Глюка! Именно эти качества присущи классическим произведениям вообще и поэтическим в частности.

Разумеется, мы не собираемся подходить с позиций классики к начинающим стихотворцам, но в какой степени они равняются на неё – такой вопрос вполне закономерен при оценке любого сочинения, которое претендует на «звание» литературного, художественного.

Ушёл январь, ни с кем не попрощавшись,
Когда не спали только фонари.
Обветренный метелью, отощавший,
Ушёл, как все другие январи.
А утром снег хрустел всё так же звонко,
Мороз лепил на стёкла веера.
И на дорогах весело позёмка
Плясала точно так же, как вчера.

И даль туманным облаком клубилась,
И было солнце – бледное насквозь…
Казалось, ничего не изменилось,
И ничего, казалось, не стряслось.
И только календарь уже пророчил –
С приходом новых месяцев и дней
Грядущее становится короче,
А прошлое становится длинней.

Это стихотворение Михаила Школьного из Ленинска-Кузнецкого интересно последним своим четверостишием, но об этом – ниже, а сперва отметим недостатки в тексте, которые бросаются в глаза при первом же прочтении. «Отощавший» – явно не тот эпитет по отношению к январю. В этом месяце наоборот всхолмлённая сугробами зима, опушённые густым, пышным куржаком деревья производят впечатление полноты, мягкой округлости. Другое дело, если бы речь шла, скажем, о ноябре с его оголёнными лесами, с пустынными после уборки урожая полями, огородами. Отощавший ноябрь – без сомнения, приемлемый образ. «Казалось, ничего не изменилось, и ничего, казалось, не стряслось» – этот повтор сам по себе хорош, он усиливает смысл сказанного, однако «не стряслось» – выражение, которое употребляется чаще всего в смысле чего-то неприятного, бедственного. А здесь – с учётом предыдущих и последующих строк – просто ушёл январь, то есть ничего особенного не произошло. Конечно, ритмический строй при таком варианте строки нарушается, но это уж дело мастерства: надо и ритм выдерживать, и точные слова находить.

А теперь о заключительном четверостишии. Оно интересно необычным поворотом мысли. Если бы стихотворение было написано не по душевной потребности, то самая логичная его концовка была бы примерно такой: ушёл январь, ну и что же, впереди – весна, не за горами щедрость солнечного света, синевы, тепла. Но не такое оптимистическое настроение, видно, было у автора, когда писал он эту пейзажную вещь, и потому вылилось оно в иное обобщение: «С приходом новых месяцев и дней грядущее становится короче, а прошлое становится длинней». Хотелось бы верить, что сказано так не ради красного словца, что перед нами – правда чувства.

Целую ученическую тетрадь со своими стихами прислала нам из Осинников Тамара Арсютина. Листая страницу за страницей, тщетно пытался найти что-либо подходящее для разговора о поэзии, но, к чести автора, такое – настоящее – всё-таки нашлось:

Придумала тебя:
Слова, улыбку, тело.
Придумала тебя
Таким, каким хотела.

Придумала глаза
И брови, и ресницы.
Придумала таким,
Какой мне часто снится.

Придумала тебя.
Но где-то на планете,
Я знаю, ты, как я,
Живёшь на белом свете.

У моря на заре
Любуешься волною,
И тихо говоришь…
С придуманною мною.

Это любовное послание без определённого адреса – ещё не сама любовь, а лишь потребность её, но как верится в искренность, подлинность чувств лирической героини, которые выражены с такой простотой и естественностью. Эти истинные чувства и помогли Тамаре Арсютиной в несовершенном по форме стихотворении так построить его композицию (скорее всего – интуитивно, чем сознательно), как может сделать это уже довольно опытный поэт: вначале говорится «Придумала тебя», а в конце – «И тихо говоришь… с придуманною мною».

Есть в поэзии такой термин – «кольцо», то есть композиционно-стилистический приём, заключающийся в повторении в конце стихотворной строки (строфы или всего стихотворения) начальных слов или отдельных звуков. Такое вот «кольцо», которое можно назвать композиционно-смысловым, и удалось создать молодой поэтессе. И ради него можно простить ей техническое неумение (бедность рифмовки), неточность отдельных слов.

Много стихотворений написано Тамарой Арсютиной, а ориентироваться в дальнейшей своей работе советуем ей на это, о котором только что говорили.

Иван Борисов из Яи пишет преимущественно о природе, и его пейзажи гораздо удачнее стихов на другие темы. Огорчает плохой вкус Ивана Борисова к рифмовке типа **плоды – молодым**, **полей – земле**, **добрей – дворе, венцом – лицо** и т. п. К каждому из усечённых слов для полнозвучности напрашивается прибавление недостающей буквы. Поскольку речь зашла о рифмах, послушаем, что говорил друг Пушкина Кюхельбекер: «…Сам я рифмач и клянусь совестью, что рифма очень часто внушала мне новые, неожиданные мысли, такие, которые бы мне не пришли бы и на ум, если бы я писал прозою». Рифмы, на наш взгляд, надо искать так же старательно и вдумчиво, как и образы, метафоры, искать, и не пользоваться первыми пришедшими в голову созвучиями, к тому же не самыми лучшими – из арсенала пусть и маститых, но лишённых должного вкуса поэтов.

Не всё плохо у Ивана Борисова, есть и кое-какие удачи. Например, вот это коротенькое – из восьми строк – стихотворение, которое написано с живым чувством, с определённым настроением, передающимся и читателю:

День не нашёл своё начало,
Сибирь тоску свою качала
И вьюга плакала, кричала,
Стонали громко провода.
Душа мечтала о рассвете,
Но ночь была на этом свете,
И время тихо, как в карете,
Не торопилось никуда.

Душевное состояние человека, страдающего бессонницей или обременённого какими-то невесёлыми думами, медлительность времени в нескончаемо длинную зимнюю ночь – всё это нашло здесь простое и одновременно впечатляющее отражение. К сожалению, и такую миниатюрную вещицу автор не сумел отшлифовать: правильнее сказать не «своё начало», а «своего начала», не мешало бы обойтись без стоящих близко друг к другу «своё» и «свою», а также избавиться от неблагозвучного «ноно» в строке: «Но ночь была…».

Простота и естественность отдельных строчек встречается и в стихотворении Николая Попова из Осинников:

Конец зимы, метелицы не слышно.
И серый снег, как прежде, не хрустит.
Вот кедр стоит в своём наряде пышном.
Похоже, ждёт кого-то и грустит.
Вот юный кедр заметил ель-кокетку.
Кивнул вершиной, как послал привет.

И ветками-ресницами соседка
Качнула кедру ласково в ответ.
А снег всё тает. Медленно, но тает.
Конец зиме. Метелицам конец.
Теперь вот-вот на зорьке залетает
И запоёт вернувшийся скворец.

Никаких поэтических открытий в этой пейзажной зарисовке нет, но есть всё же две хорошие строчки (девятая и десятая): «А снег всё тает. Медленно, но тает. Конец зиме. Метелицам конец». Думаю, что и читатели согласятся со мной – хорошо это сказано, точными словами. Секрет обаяния – в удачно найденных разговорных интонациях. Что касается кедра и ели, как бы обменявшихся весенним приветом, то это и умозрительно, и не ново – было уже такое у многих других поэтов.

Кемеровчанин Николай Суменков предложил вниманию редакции стихотворение «Мать»:

Это счастье, когда рядом муж.
Это счастье, когда рядом дети.
Это счастье, когда в зной и сушь
Не одна ты, как перст, на планете.
Это счастье, когда за столом
Восемь душ, восемь ложек и мисок,

Восемь кружек с парным молоком,
Восемь луковиц, восемь редисок.
Это счастье, когда из печи,
Раскрасневшись, несёшь на ухвате
Жаркий борщ, из огня калачи,
Как бояре, в румянце и злате.

Та картина в глазах до сих пор:
За столом дети, муж и улыбки…
Вдруг война – будто выстрел
в упор…
Почтальон постучал у калитки…
Всю семью разметала война.
Не вернулись ни муж, ни ребята.
Ожиданием вечным полна,
Бережёт она карточки свято.
В дни рождений печёт калачи,
Восемь мисок достанет и ложки,
Чуть вздохнув, отойдёт от печи,
Всё глядит у окна на дорожку.

Всё рассказанное здесь, если брать его во внимание отвлечённо, вне времени, – трогательно, даже волнующе. Но стихотворение написано, может быть, месяц или два назад, то есть на сорок первом году после Дня Победы, и не учитывать этого никак нельзя. Сколько же лет было матери, когда она отправляла на фронт мужа и шестерых сыновей? Допустим, что эти ребята были погодками: младшему самое малое – семнадцать, а старшему, значит, двадцать два года. При таких детях сама мать не могла быть молодой в начале войны, почти сорок пять лет назад ей было тоже около сорока лет, а к настоящему времени возраст её более чем преклонный, не так ли? Но разве такое долголетие типично для сибиряков? А ведь писать-то художник должен не об единичных случаях, а о типических явлениях. Здесь же неестественность ситуации вызывает недоверие к хорошему в общем стихотворению.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР. г. Кемерово.
// Комсомолец Кузбасса. – 1986. – 29 апреля. – С. 4.

ДЕЛАЙ ЭТО ХОРОШО…

Лев Толстой говорил: «Если ты что-нибудь делаешь, делай это хорошо. Если же ты не можешь или не хочешь делать хорошо, то лучше совсем не делай».

Этот предельно простой по формулировке, но мудрый по сути завет великого писателя можно отнести ко всякому человеку, занимающемуся любым серьёзным делом, в том числе и литературным.

Несколько иначе всё обстоит с начинающими стихотворцами – большинство из них не имеет необходимого опыта и навыка – отсюда и неумение сделать хорошо. Тут приходится говорить не о том, что не хотят, а о том, что не могут. Не могут пока, а впоследствии, весьма возможно, трудом и упорством добьются желаемого результата. Именно по этой причине к начинающим поэтам, несмотря на все их неудачи, надо относиться внимательно и даже бережно. Мы имеем в виду прежде всего тех, кто, как говорится, подаёт надежды.

Нельзя пройти мимо стихов кемеровчанки О. Боборыкиной, нельзя хотя бы потому, что кое-то интересное в них есть.

Я люблю этот солнечный мир,
Распахнувший мне окна и двери,
Он, летящий, меня ослепил,
Я к нему устремилась скорее.
Я просторное утро люблю,
Свет, столбами упавший на землю.
Эту свежесть в себя я волью,
Древней песне деревьев я внемлю.

Есть ли что-то хорошее в этом стихотворении? Да, есть. Его несомненное достоинство – в жизнерадостном, восторженном настроении, которое охватывает человека при встрече светлого погожего утра. Обращает на себя внимание и наблюдательность автора: «Свет, столбами упавший на землю». Сквозь деревья солнечный свет падает на землю не иначе как столбами. Веришь в искренность строк: «Тише станет любая печаль и любая беда станет мельче». Таково уж воздействие на душу утреннего праздника природы – с ослепительным солнцем, с небесным синим простором, с прохладной росистой сиренью.

К сожалению, общее хорошее впечатление от стихотворения портят отдельные недостатки в нём. Про солнечный мир сказано: «Он, летящий, меня ослепил». Во-первых, это неточно по смыслу: мир, как таковой, никуда не летит. Во-вторых, в последней строфе – снова понравившееся автору определение: «простор, улетающий вдаль». Налицо поэтическая красивость, ведь ни при взгляде на мир, ни при ощущении его простора ничего летящего мы не видим. Если бы упоминались где-то облака, тогда другое дело, но о них нет ни слова. Приблизительна рифмовка: «плечи – мельче».

Стоит процитировать ещё одно стихотворение О. Боборыкиной:

Ты знаешь, я уже не верю
В любовь великую надолго,
Что я должна вдруг стать пылинкой,
Чтобы попасть в твои глаза.
Не пожелаю даже зверю
Вот так всё ждать любви без толку,
И верить, что одна дождинка –
Это почти уже гроза.

Если не ошибаемся, образ одной дождинки, которая – почти гроза, это немного переиначенный вариант известной песни, где есть такие, например, слова (привожу их по памяти): одна снежинка – ещё не снег, одна дождинка – ещё не дождь. Так что по образам стихотворение – не ново, несамостоятельно, к тому же слово «это» читается с неправильным ударением – на «о». Но в этом стихотворении есть одно открытие: заслуживают одобрения поиски автором необычной строфики из восьми строк, где первая строка рифмуется с пятой, вторая – с шестой, третья – с седьмой, а четвёртая – с восьмой. Большую смелость проявила О. Боборыкина, поставив перед собой задачу: попробовать свои силы в довольно сложной стихотворной архитектонике. Такие нелёгкие творческие задачи в работе начинающего поэта можно только приветствовать. Когда же и дерзать, если не в молодости (а О. Боборыкиной всего 21 год).

Чисто «женский почерк» чувствуется в стихах Натальи Пономарёвой из г. Белово. Пишет она очень искренне, всё – от собственного «я», а не от имени придуманной иными поэтессами «лирической героини».

Стал пугать меня уют домашний.
Не найду я в нём себя, вчерашней.
Постирушки, глаженье, борщи –
Тут романтику попробуй, поищи.
Суп не сварен, дочка заболела –
Крутишься, как белка, день-деньской.
Тут не до стихов – пустое дело.
Мысль одна – скорей бы на покой.
В облаках витать минутки нету.
Завалиться б с книгой на диван,
Или взять бы почитать газету –
Не дошит у дочки сарафан.
Тут уж право-слово не до смеху –
Разрываться вовсе нелегко.
Я пока подыскивала рифму –
С печки убежало молоко.

Смотрите, как продуманно, умно написано стихотворение: все три начальных четверостишия скреплены рифмами, а для последнего подыскать рифму так и не удалось (**смеху – рифму**). Но под пером способной поэтессы в других стихах достигается определённая поэтическая высота. Например, вот в этой зарисовке под названием «Окна»:

Я сегодня отмываю окна
Чистою холодною водой.
И светлеют понемногу стёкла
Под моей неопытной рукой.
Не хватает мне чуть-чуть уменья.
Это горе вовсе не беда.
Смоет все тревоги и сомненья
Чистая холодная вода.
Я устала, платье всё промокло.
Жаль, что ты, когда придёшь домой,
Не увидишь, что я мыла окна
Чистою холодною водой.

В трижды повторённом здесь «чистая холодная вода» так и светится такая же чистая, но отнюдь не холодная душа милой хранительницы домашнего очага. Быт бытом, а не им единым живёт женщина, приобщённая к поэзии, горячо влюблённая в неё и посвящающая ей свободное время.

А вот стихотворение Натальи Пономарёвой «Миг». В нём – философские раздумья о будущей своей судьбе, о поэтической дороге, которую она избрала для себя, может быть, на всю жизнь:

И будет миг, когда поймётся вдруг –
Жила не так и сделала немного.
Неумолимый подползёт испуг,
А впереди спасением – дорога.
И будет миг другой – толкнуть вперёд
Иль замереть в покорном ожиданье.
Вперёд пойти – кто знает, что там ждёт,
А вдруг за дерзость эту – наказанье.

В связи с этим стихотворением хочется пожелать Наталье Пономарёвой: пусть не терзают её сомнения по поводу избранной дороги – дороги нелёгкого поэтического труда, и пусть этот самоотверженный труд принесёт молодой поэтессе как можно больше удач.

Этого же хочется пожелать и Светлане Чинаховой из Юрги – многие её стихи позволяют надеяться на дальнейшие успехи.. Ну, скажем, вот это стихотворение:

Месяц рогатый спустился в реку.
Лошадь заржала, как будто в испуге.
И засветился в туманной округе
Чей-то костёр на крутом берегу.
Лес обозначился тёмной каймой.
В водную гладь загляделась осока.
Там, за деревней, не очень высоко
Птица парит над уснувшей землёй.

Для того, кто родился и вырос в деревне или просто гостем-отпускником отдыхал в ней, этот пейзаж деревенского летнего вечера дорог, близок и мил. Светлана Чинахова нашла самые характерные приметы того, что окружает сельского жителя и вблизи, и вдали, за околицей, на берегу, и за каймой леса.

Так уж вышло, что этот обзор мы посвятили только начинающим поэтессам. К ним никак не отнесёшь слова Толстого: «Лучше совсем не делай». Они относятся к поэзии серьёзно.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР. г. Кемерово.

// Комсомолец Кузбасса. – 1986. – 28 августа. – С. 4.

НЕОБХОДИМОСТЬ ВЫСКАЗАТЬ…

Сегодня в нашей литературной мастерской речь пойдёт о том, как важно насыщать то или иное поэтическое произведение интересным, значительным и по возможности оригинальным содержанием.

В книге А. Твардовского «Письмо о литературе» есть небольшое письмо нашему земляку, поэту Евгению Сергеевичу Буравлёву, датированное 1 ноября 1961 года: «Дорогой тов. Буравлёв! Книжечку получил, спасибо. Что касается того, «как обрести свой почерк», избавиться от «плена Твардовского» (в этом Вас упрекают не без оснований, насколько я могу судить), то должен сказать, что Вы тем скорее и вернее достигнете этого, чем меньше будете озабочены именно этой задачей. НЕОБХОДИМОСТЬ высказать действительно существенное для Вас, то, без чего мир как бы и существовать не сможет или в чём-то понесёт урон, – вот такая необходимость обеспечит и самостоятельность формы выражения. Нужно учиться выявлять в себе подобную НЕОБХОДИМОСТЬ высказывания. Дело это, конечно, не простое, но другого пути я не знаю.

А. Твардовский».

При жизни Евгения Буравлёва я ничего не знал об этом письме, но скажу откровенно: его поэму «Красная горка» (а речь в письме о ней, как сказано в комментарии) я и тогда считал и сейчас считаю лучшим из всего, что успел написать мой друг, собрат, ровесник. А оказывается, вот как строго подошёл к «Красной горке» великий поэт современности, который увидел в ней прямое подражание своей поэме «За далью – даль». Отсюда – сдержанность тона в письме и отсутствие какой-либо оценки. На взгляд Твардовского, как видим из его ответа, Евг. Буравлёв не сумел высказать что-то именно существенное для себя самого, и поэтому особенно подчёркнута НЕОБХОДИМОСТЬ высказывания лишь чего-то своего, «без чего мир как бы и существовать не сможет». Да, требование очень большое, выполнение его не всякому под силу, но не считаться с такой художественной задачей нельзя.

А теперь давайте рассмотрим некоторые имеющиеся у нас рукописи. Много и упорно работает над стихами Николай Мартин из Киселёвска. Автор – бывший сельский житель, и поэтому большинство его стихов – на деревенскую тему. Из многих, написанных им в последнее время, особенно заслуживающим внимания кажется стихотворение «Гости бабы Насти»:

Моя соседка, баба Настя,
Имеет дом и огород.
Она и в вёдро, и в ненастье
На огороде спину гнёт.
С утра до вечера старушка,
Как заводная, вся в поту:
То прополоть спешит петрушку,
То выбрать ягоду в саду.
Картошку надо обработать…
Да разве можно всё учесть!
И всё одна в своих заботах.
А ведь родня у бабки есть!
Вчера приехали два сына –
В роскошной «Волге» удальцы.
Один прилежно рвёт малину,
Второй усердно – огурцы.
И снохи время не теряют:
Одна укроп душистый рвёт,
Редиску дёргает вторая,
Морковку сочную жуёт.
Внучата тоже знают дело:
Горох зелёный шелушат.
А баба Настя рядом села
И нежно смотрит на ребят.
Она вплетает ленту внучке
И шепчет: «Лук-то как подрос!»
А ей бы кто-нибудь с получки
Хоть хлеба свежего принёс.

Читаешь это стихотворение строку за строкой – и каждая из них убеждает меня, читателя, в жизненной достоверности всего, что ПОКАЗЫВАЕТ, ИЗОБРАЖАЕТ автор. Это – как дневниковая запись о том, что увидено в жизни, в частности, в жизни соседки, трудолюбивой старой женщины. Ни слова не говорит Николай Мартин о её любви к сыновьям, внучатам, о добром её сердце, не умеющем обижаться на своих родственников. Повторяем, ничего лишнего не говорит автор, а всё равно мы проникаемся большой симпатией к этой бабе Насте, которая счастлива уже одним тем, что городские гости лакомятся её огородным и садовым богатством. Лишь в двух строчках «А ей бы кто-нибудь с получки хоть хлеба свежего принёс» решил автор сказать несколько слов от себя. Без лишних слов, крупным планом рисует автор сыновей и снох деревенской труженицы. Мы как бы воочию видим их – людей во всём благополучных, занятых только собою и совершенно равнодушных к своей матери и свекрови, и люди эти невольно вызывают у нас неприязнь.

Таково воздействие художественной правды, истоки которой – в душевной НЕОБХОДИМОСТИ авторского высказывания. И абсолютно ненужной, лишней является в этом стихотворении с конкретными живыми деталями и подробностями последняя морализирующая строфа, которую мы не включили в основной текст: «Прошу своим стихотвореньем всех дочерей и сыновей: любите до самозабвенья и берегите матерей». И так всё убедительно ясно, без этого «призыва».

НЕОБХОДИМОСТЬЮ высказывания продиктовано и большинство стихотворений Виктора Троца из села Новопестерёво Беловского района.. Вот, скажем, такое, под названием «Детство»:

Вдруг да вспомнятся до боли
Детские года.
И ни мыла, и ни соли
Не было тогда.
Мало нам давали хлеба,
Был войны закон.

Всё осталось, будто небыль
И давнишний сон.
Мылом нам служила глина,
Жмых – взамен зерна.
Ох, ты, чёрная година,
Страшная война…
Тяжело зимою было,
А весна придёт –
Жизнь сама нас выводила
Прямо в огород.
Дни казались нам счастливей,
Горе – не беда.
Под плетнём растёт крапива,
Есть и лебеда.
А леса родной Сибири
В самый грозный час,
По призыву словно, были
Добрыми для нас.
И могли, когда угодно,
Всех нас накормить.
Нынче много трав съедобных
Нам пришлось забыть…

Прошу прощения за столь длинную цитату. Но и это – лишь половина всего стихотворения. Верится, что всё так и было в жизни Виктора Троца. Желание выговориться нам по-человечески понятно, но недостаток творческого опыта автора мешает ему в отборе только самого главного из жизни той военной поры. В результате – такое многословие, вкрапление в строчки конкретного характера строчек проходных, необязательных, таких, как «Всё осталось, будто небыль и давнишний сон», «Ох, ты, чёрная година, страшная война», «Нынче много трав съедобных нам пришлось забыть». Во второй половине «Детства» риторики ещё больше. Начав стихотворение, Виктор Троц был на правильном пути: в повествовательной форме он попытался вспомнить и воспроизвести воспоминания о живых картинах далёкого прошлого, но, как видно, не учёл одного: о трудном военном детстве написаны уже многие сотни стихов, значит, надо было позаботиться об элементе новизны в своём рассказе, а новизна там – где только сугубо личное, СУЩЕСТВЕННОЕ для тебя одного. Тогда, возможно, родилось бы в процессе работы чувство меры, подсказало бы: вот эти строчки – пустые, без них можно обойтись.

Можно предположить, что по ассоциации с собственным детством захотелось Виктору Троцу написать о таком же несчастливом мальчишке, которого он встретил уже в наши дни – несчастливом пусть по другой, но тоже горькой причине. Вот начало стихотворения «Беда»:

Старенькая кепка на затылке.
Рубашонкой чуть прикрыт живот.
Босоногий мальчик две бутылки,
Бережно прижав к себе, несёт.
Сдал бутылки – получил конфеты,
Выложил в карман их из кулька.
А в глазах его лучистым светом
Отразились голод и тоска.
Вышел на крылечко осторожно,
В уголке нашёл себе приют
И сказал застенчиво прохожим:
– Мать с отцом опять сегодня пьют.

Очень выразительна эта живая зарисовка, за исключением, пожалуй, одной неточной строчки: «А в глазах его лучистым светом». Лучистое – это что-то весёлое, радостное, а в контексте того, что мы процитировали, более уместным было бы нечто иное. И снова стихотворение пришлось процитировать не до конца, потому что дальше – уже не ИЗОБРАЖЕНИЕ, а риторические рассуждения о том, что «в детстве был я тоже босоногим, в детстве я подолгу голодал. Но тогда совсем другое дело» и т. д. Завершается же всё сказанное стереотипным обращением ко всем нам: «НЕ пройдём же мимо, а поможем мальчику в его большой беде».

Наряду с этим недостатком – длиннотами – следует отметить, к чести Виктора Троца, что он очень чуток как поэт к жизненно важным темам, о чём свидетельствуют даже сами названия его стихотворений: «Письмо из Кабула», «В защиту Чапая» (о пошлых анекдотах о легендарном полководце), «Корка хлеба Ленинграда». Встречаются у этого автора и в меру короткие стихотворения, с «чувством точки», такие, как «Осеннее», в котором поэтично, образно сказано о короткой летней поре: «И мне кажется, будто бы в лето я лишь дверь приоткрыл и закрыл», как «Песня о песне» – с конкретными приметами современности: «Зародилась песня в час весенний, понеслась, звеня, из края в край. Написал её Сергей Есенин, а поёт Сличенко Николай. Он поёт красиво по-цыгански, и, наверно, каждою весной эта песня по лесам рязанским шелестит берёзовой листвой»…

Заключить этот обзор мне хотелось бы пожеланием: пусть стихи рассмотренных поэтов Николая Мартина и Виктора Троца, поэтов, без сомнения, способных, послужат примером для других начинающих авторов. Оба они – и Мартин, и Троц – пишут по НЕОБХОДИМОСТИ высказывания. Только так и надо работать в литературе.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР. г. Кемерово.
// Комсомолец Кузбасса. – 1986. – 11 ноября. – С. 4.

РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ…

Мы живём в тревожное время. Печать, радио, телевидение буквально каждый день сообщают о том, что американские милитаристы стремятся перенести гонку вооружений в космическое пространство. Всё это не может оставить сторонними наблюдателями людей доброй воли. Во всех уголках планеты, даже в самих

США, неуклонно множатся силы, выступающие в защиту мира. Беспрерывные ядерные взрывы в штате Невада не могут не отзываться беспокойством в миллионах людских сердец. Вряд ли найдётся сейчас человек, которого не занимали бы думы о самой главной проблеме современности – о войне и мире. Эти думы и чувства нередко заставляют тех, кто так или иначе приобщается к литературе, браться за перо. Чаще всего авторы таких рукописей обращаются к стихотворной форме: ведь поэтическим словом можно короче и убедительней, чем в прозе, выразить суть любой мысли.

О стихах такого рода, имеющихся в нашей редакционной почте, мы и поговорим в сегодняшнем обзоре.

Совершенно неумелых, беспомощных в литературном отношении сочинений мы не будем касаться. Напомним только авторам, чьи строчки ограничиваются одной мыслью: «Мы за мир, мы не хотим войны», что любую тему надо, что называется, пропустить через своё сердце, которое подсказало бы какие-то свои слова, какое-то нестандартное, личностное выражение мысли и чувства. В качестве образцового примера ЛИЧНОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ к большой, злободневной, а ещё точнее говоря, животрепещущей теме приведу два выдающихся поэтических произведения времён Великой Отечественной войны – «Жди меня» Константина Симонова и «В землянке» Алексея Суркова. Когда эти стихи появились во фронтовой печати, они сразу же приобрели широчайшую популярность среди нас, солдат и офицеров, стали как бы собственными нашими творениями, потому что мы нашли в них свои заветные думы и чаяния. Стихи эти переписывались из газеты на клочки бумажек и отправлялись в треугольных письмах домой, родным и любимым. А ведь «Жди меня» было обращено к своей жене Валентине Серовой; стихотворение «В землянке», ставшее впоследствии знаменитой песней, Сурков также посвятил жене – Софье Кревс. Это как раз тот случай, который свидетельствует о верности мудрого высказывания Льва Толстого: обо всём, даже о самом личном, надо писать так, чтобы это было ИНТЕРЕСНО ВСЕМ.

Разумеется, не всякому дано природой достичь художественных вершин таких поэтов, как Симонов и Сурков, но иметь в виду необходимость стремиться к такому вот органическому слиянию ЛИЧНОГО И ВСЕОБЩЕГО важно всем пишущим.

Всего шесть строчек написала о мире десятиклассница из Белова Людмила Санникова, но и в них она постаралась подойти к теме по-своему: «Мир не хоккей, в него нельзя играть. Мир – для людей, мир – для друзей, мир – для любви. Его нельзя терять». Пусть не отличается здесь смысловой глубиной ссылка на хоккей, и всё же это не стереотипное: мы – за мир. Налицо пусть маленькая, но попытка найти своё отношение к теме.

А вот стихотворение «Мы памятью крепки» Сергея Берестова из Мысков:

Крутили в клубе фильм документальный.
Война. Зима. Блокадный Ленинград.
У проруби народ многострадальный,
Худой девчушке тяжко – горький взгляд.
Весы на улице, и очередь у них.
Тревожно люд поглядывает в небо..
Дороже всех запасов золотых
Ложится на весы кусочек хлеба.
Покажет стрелка – двести пятьдесят,
И всё, ни грамма больше, это норма.
Ручонки стойких худеньких ребят
Берут ту норму и несут до дома…
А дома всё заменят эти граммы –
Вечерний ужин, завтрак и обед.
Но сын отдаст свои полнормы маме:
Она больна, ей это не во вред…
Я на притихших сослуживцев поглядел –
Глаза горят и сжаты кулаки.
За души всех нас этот фильм задел.
И понял я – мы памятью крепки!

Можно было автору обойтись и без последнего четверостишия: и так ясно, что документальный фильм о блокадном Ленинграде, о страданиях его жителей всех, смотревших киноленту, задел за живое. Тут – рассказ о далёкой минувшей войне, однако одно воспоминание о ней, о том, какое это было страшное лихолетье, это и молчаливый душевный призыв к тому, чтобы не обрушились на людей ещё более тяжкие испытания. Стихотворение – о военном времени, но оно вместе с тем – в защиту мира.

Воспоминаниями о фронтовых буднях , о нелёгком, изнуряющем душу и тело ратном труде рождено и стихотворение ветерана войны Юрия Александровича Цедилина «Склонились гвоздики…»:

Я шапку снял, стою у пьедестала.
И думы о солдате, о войне.
Кто он? Нет имени – война украла…
А по ночам тревожно снятся мне
Кровавые гвоздики, те, что низко
Склонились к изголовию могил
И шепчут пред солдатским обелиском:
«Лежат сыны… Чтоб мир сегодня жил.
Народ планеты! Заклинаю свято:
Останови играющих войной!
Иначе, взрывом ядерным разъятый,
В безмолвной мгле исчезнет шар земной…

Вдумаемся в эти прочувствованные строки. Автор, бывший фронтовик, ни слова не говорит о том, что пришлось пережить ему самому – он просто искренно скорбит о тех, кто когда-то был рядом с ним, но не вернулся домой. И это такая тяжёлая боль на сердце, которой не требуется много слов. Без малейшего намёка на бытовавшее когда-то самоуверенное шапкозакидательство, но с благородным достоинством Ю. Цедилин говорит о подвиге тех, кто сумел ценой жизни отстоять от нашествия гитлеровских полчищ свою Родину и навсегда остался в памяти народа: «Лежат сыны… Чтоб мир сегодня жил». И криком самого сердца, во имя спасших нам жизнь, вырывается солдатское обращение к народу планеты: «Останови играющих войной!».

Любая война – это смерть, уничтожение миллионов людей, и хотя мы много лет назад с победой вошли в поверженный Берлин, не в силах и Победа своим радостным торжеством окончательно взять верх над скорбью утрат – люди гибли в боях каждый день, каждый час, а тот, кто остался в живых, уцелел почти чудом. Об этом стихотворение Цедилина «Небо Ржева»:

Мы «юнкерсы» по контурам узнали.
Зловещий гул забудем их едва ли.
Они летели, закрывая небо.
Я в землю врос – смешались быль и небыль.
От мощных взрывов поле заалело.
Казалось, что земля – и та горела.
И нет парней, что с нами рядом были,
И молча самокрутками дымили…
Вдруг смолкло всё. И тёплые осколки
Я сбросил с побуревшей гимнастёрки.

В этих строчках, во всех деталях и подробностях – неприкрашенная ПРАВДА фронтового быта; подобного, не побывав на войне, не выдумаешь. И в этом – сила стихотворения.

Когда читаешь подобные произведения, то хочется обратиться ко многим фронтовикам, присылающим нам свои сочинения, порой даже литературно добротные: не связывайте свои вещи, как говорится, по рукам и ногам, книжными впечатлениями, пишите лишь о том, что сами пережили, чему были участниками или свидетелями. А то нередко фронтовик предлагает вниманию редакции лишь что-то газетное, лозунговое, общеизвестное, как будто и не был автор там, где всё горело и гремело гигантской кузницей, как будто ничего не было с ним такого, о чём стоило бы рассказать – именно о себе, о своих фронтовых путях-дорогах… При этом нельзя не учитывать того факта, что о войне написаны тысячи произведений – и в стихах, и в прозе – значит, тем обязательнее изображать СВОЮ ЛИЧНУЮ СУДЬБУ. Вот один из конкретных примеров: о «Дневниках писателя», принадлежащих перу Константина Симонова, Александр Твардовский однажды сказал: это, может быть, самое лучшее из всего, созданного Симоновым.

Судя по письму и некоторым стихам, далеко не молод автор из Ленинска-Кузнецкого Владимир Пашин. Чувствуется, многое на своём веку пережил он, о многом размышляет. Одно из его стихотворений подсказано, очевидно, событиями во многих горячих точках планеты – в Ливане, например, в Сальвадоре, в ЮАР, в Чили:

Льётся кровь, свищут пули.
Гибнут взрослые, дети.
Сквозь свинцовые бури
Ходят люди по планете…

Это, прямо скажем, неровное, с немалыми стилистическими и другими погрешностями стихотворение подтверждает ещё одну характерную черту советского человека – чувство интернационализма. Наш народ никогда не был и не будет равнодушным к судьбам многих людей, которых пытаются сломить, поставить на колени всякие поборники апартеида, расизма, геноцида, сионизма. Именно в этом суть приведённых строчек.

Хочется процитировать часть стихотворения десятиклассницы из п. Краснобродский Беловского района Ольги Агеевой:

Прекрасен МИР! Приятен смех детей!
Никто не хочет горя и смертей!
Никто из нас попасть не хочет в ад,
Где с неба сыплет пепел, а не град.
Не нас ли, люди, эта участь ждёт?
Не к нам ли тянет руки и зовёт?
И для того, чтоб избежать войну,
Давайте зорко глянем в старину.
Но что мы видим, бросив взгляд назад?
Разруху. Голод. Раненых солдат.
Но нужно помнить это нам с тобой,
Чтоб никогда не встретиться с войной!

Ольга Агеева знает о прошедшей войне понаслышке, из книг, фильмов, но и она, девочка, просит всех нас не забывать о ней, о войне. Неловкие, наивные, зато искренние строчки – это и призыв к постоянной, каждодневной борьбе за мир, в них – детский страх перед ядерным адом, который, как ей кажется, уже тянет к нам костлявые руки, «зовёт» её и других подростков, как удав кролика. Вот что рождается воображением, наверно, не у одной Оли при мысли о войне…

В своей знаменитой «Книге про бойца» «Василий Тёркин» Александр Твардовский писал: «Бой идёт святой и правый, смертный бой не ради славы, ради жизни на земле». Этот святой и правый бой, выражаясь фигурально, продолжается и поныне – мы имеем в виду всех тех людей планеты, которые борются за мир. За его процветание – РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР. г. Кемерово.
// Комсомолец Кузбасса. – 1986. – 30 декабря. – С. 3.

«ПИШИТЕ, ПИШИТЕ…»

Очень часто начинающие авторы, посылая в редакцию свои стихи, сопровождают их одним и тем же вопросом: сообщите, пожалуйста, стоит ли мне писать? Вопрос, прямо скажем, наивный. По этому поводу А. Твардовский так ответил однажды одному из своих корреспондентов: это, мол, всё равно что кого-то спрашивать, стоит ли жениться.

В самом деле. Если молодой человек горячо любит поэзию, умеет в ней отличать хорошее от плохого, если занимается сочинением стихов с увлечением и радостью, то писать он будет несмотря ни на что, при

любых обстоятельствах, даже не задумываясь над тем, станет ли он когда-нибудь профессиональным литератором или нет.

Другое дело, если стихотворец не видит плюсов и минусов ни в своих, ни в чужих произведениях. Тогда, наверно, ему лучше совсем не браться за перо. Но и в таком случае, в случае совершенно безнадёжном, редко кто оставляет своё сочинительство. Что греха таить, многим приходилось отвечать: писать вам не стоит, поэзия – не ваше призвание. И что же, думаете, этот автор оставлял рифмачество? Ничего подобного! Проходило какое-то время, иногда добрый десяток лет, и снова он напоминал о себе, присылая новую порцию сочинений…

Из всего сказанного выше легко сделать вывод: почти любой из тех, кто по призванию или без него приобщился однажды к сочинительству, до седых волос не оставит это дело, неважно, печатают ли его стихи или из года в год признают непригодными для публикации. И чтобы меньше было подобных «литературных драм», связанных (будем называть вещи своими именами) с бесплодным графоманством, следует, наверно, нам предъявлять ко всем поступающим в редакцию произведениям самые строгие требования, судить о том, что анализируем, разбираем, по большому счёту, без всяких скидок на молодость, недостаточную грамотность, малоопытность и прочее, ибо литература – вид искусства, и относиться к ней надо со всей серьёзностью.

А. П. Чехов говорил начинающим авторам: «Чтобы стать настоящим писателем…, надо посвятить себя исключительно этому делу. Дилетантство здесь, как и везде, не даст уйти далеко. В этом искусстве, как во всяком, нужен талант и труд. Надо трудиться настоящим образом. И прежде всего над языком». «Малописание, – писал Антон Павлович, – для пишущего так же вредно, как для медика отсутствие практики». А посему: «Пишите как можно больше! Пишите, пишите, пишите… пока пальцы не сломаются» (насчёт пальцев сказано, конечно, в шутку).

Обратимся теперь к рукописям, имеющимся в портфеле редакции. Своему коротенькому сочинению, написанному свободным, без рифм, стихом, прокопчанка Н. Крылова предпослала эпиграф из Уолл Уитмена: «Тот, кто без любви по жизни идёт хоть минуту, на похороны свои идёт он, завёрнутый в собственный саван». Мудрые слова! А вот само сочинение:

С любовью я встречала твой взгляд.
Как нравился мне ты…
Время прошло,
Безжалостной чередой дни унеслись,
Ты стал другим,
Погасли звёзды в глазах твоих,
У любви твоей взглядом не вымолишь
Даже искорки тепла, чтобы
Согреть свою измученную душу и сердце.
Проходишь мимо, не замечая, не видя,
Словно не человек я, а какой-то
Предмет неодушевлённый…

Стихотворение маленькое, но и в нём автору не удалось, к сожалению, избежать некоторой смысловой нестройности. Большинство строк – о нём, когда-то любящем, а теперь, по прошествии времени, ставшем абсолютно другим, равнодушным. Значит, и первая строка должна быть про него же. Ну, скажем, вот с таким смыслом: «С любовью ты смотрел на меня».

«С любовью я встречала твой взгляд», – вкралось в текст ошибочно, потому что и теперь, когда он разлюбил, героиня-то смотрит на него с прежней, может быть, даже большей любовью, переполняющей душу и сердце мукой. Одна неточная строка – и замысел не получил должного воплощения.

Кстати, об одной строке. В статье «Как делать стихи» В. Маяковский рассказывает, что одну строку из стихотворения, посвящённого С. Есенину, он очень долго переделывал: написал одиннадцать вариантов, прежде чем остановился на том, какой его удовлетворил, а именно: «Для веселия планета наша мало оборудована». Возьмите черновики произведений великого Александра Сергеевича Пушкина, чьё 150-летие со дня гибели широко отмечалось недавно: в этих черновиках от отдельных первоначальных строк, как говорится, живого места нет – всё вдоль и поперёк испещрено поправками!

Надо смолоду приучать себя к тому, чтобы смотреть на созданное тобой глазами постороннего редактора.

Несколько слов о форме стихотворения Н. Крыловой. Я не советовал бы начинающим авторам увлекаться такой формой. Гораздо продуктивнее работа в русле традиционного стиха, и не только потому, что чеканный ритм и «рифма, звучная подруга вдохновенного досуга, вдохновенного труда» придают строчкам благозвучность. А ещё и потому, что во время творческого процесса иная из пришедших в голову рифм нежданно-негаданно является «помощницей» поэта. Поясню эту мысль ссылкой на одно высказывание: «…случается иногда и счастливым поэтам, что слово попадается им на язык потому только, что оно рифма. Минута – к слову прилетает нежданная резвая мысль – и с неизъяснимою прелестью льнёт со своею рифмою к предыдущим стихам. Вечно не пришла бы она поэту в голову, если бы слово не понадобилось для рифмы…».

Признаться откровенно, никак не могу я понять тех авторов (имеющих уже определённый литературный навык), которые считают позволительным использовать в своих стихах чуть-чуть переиначенные чужие строчки. «Пишет вам учитель сельской школы, – сообщает нам один из таких авторов, имя его из этических соображений не буду называть. – Помимо основной работы я много времени уделяю стихосложению. На ваш суд выношу…». Дальше идут стихи. Вот так начинается пейзаж «На лыжне»: «Снег звенит под лыжей тонкой, вьётся солнце надо мной. Как с заснеженной девчонкой, я танцую вальс с сосной». Кроме трёх, сливающихся в одно букв «с» (авторская глухота к звучанию слов), всё тут вполне прилично – и

картинка живая, и размер соответствует настроению лыжника – бодрому, весёлому. Правда, танец с сосной отдалённо напоминает есенинское: «Где-то на поляне клён танцует пьяный. Мы к нему подъедем, спросим – что такое? И станцуем вместе под тальянку трое»… Заканчивается стихотворение «На лыжне» так: «Словно я по всей России мчусь на розовом коне». Здесь уже не напоминание, а прямое заимствование из Есенина: «Словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне»… Второе стихотворение сельского учителя «Мой край»: «Иду знакомой стороной, летит в глаза мне ветер снежный. Мой край, приветливый и нежный, ты для меня как брат родной». Будь это напечатано, ироничный читатель заметил бы: «Не край родной вам, товарищ автор, как брат родной, а Сергей Есенин, у которого вы взяли строку: «Мой край задумчивый и нежный».

Много лет занимается стихотворством Владимир Зюкин из Анжеро-Судженска. Более других удаются ему стихи на «злобу дня», кое-что из написанного им в этом роде публиковала и наша газета. Но эти случайные, к той или иной знаменательной дате, публикации нельзя считать творческим успехом. Увы, большинство стихов В. Зюкина неуклюжи по словесному выражению, как будто написаны они начинающим автором. Вот, например, стихотворение под заголовком «Дед» (для экономии места процитируем его прозаическим текстом): «Загрустил дед, нет уж силы. Нынче внуку он сказал: «Друг мой, у моей могилы ты не лей печаль в глаза. Верю я, что помнить будешь – не задам такой вопрос, – среди праздников и будней ты любя ведь деда рос. Но сказать хочу заране: не за ласку и привет – деда помни ты за раны, что носил я столько лет, и за муки, что достались мне в походе и в боях. Помни деда не за старость – это важно для тебя».

В рамках газетной статьи нет возможности разбирать «по косточкам» весь текст стихотворения. Отметим лишь, что «спотыкаешься» почти в каждой строке, начиная с первой, где, согласно ритмическому звучанию, два слова читаются, как одно «деднет», а выражения «деда помни ты за раны» и «помни деда не за старость» – просто малограмотны. Остальные «огрехи» найдёт сам читатель. И ещё вот какая особенность В. Зюкина как стихотворца: он пишет или, вернее сказать, может писать о чём угодно, даже на темы, мало знакомые ему.

Хорошо, прямо-таки досконально знает свой предмет беловский автор Сергей Орехов. Вот что пишет он в редакцию: «Посылаю вам цикл стихов «Тироярви». Тироярви – это озеро в северной Карелии, где я жил с геологами».

В цикле – десять стихотворений. Это, как сказал бы музыкант, вариации на одну тему. Некоторые стихи звучат самостоятельно, а некоторые, к сожалению, повторяют друг друга. Но, читая всё это, видишь, что автор ничего не выдумывает, описывает то, чему сам был свидетелем, что порадовало, взволновало его и как бы само собой попросилось на бумагу. Многие детали и подробности пейзажа воссоздают перед нашим мысленным взором оригинальную, в чём-то неповторимую картину карельской природы. И это – немалое достоинство цикла. А недостаток его, как мы уже отметили, в повторении схожих изображений, в длиннотах, в ненужном многословии.

Название озера – красивое, своеобразно-колоритное, и поэтому понятно желание автора почаще использовать слово «Тироярви». Однако рифмы к нему («ярью», «тучи-бояре», «хмарью») не всегда стоят к месту в смысле органической связи строк. Самое короткое в цикле стихотворение «Олень», вот строчки из него: «Олень склонился к Тироярви, – у них сейчас осенний гон… И полыхает взгляд бунтарий, и в напряжённом теле звон!». Эпитет «бунтарий» вместо правильного «бунтарский» – неудачное словообразование, ради рифмы. Так же неудачно сказано в одном месте о тяжёлой ходьбе: «И ноги тащились за нами сырыми поленьями дров!». А вообще о поэтической работе Сергея Орехова можно сказать: она, без сомнения, заслуживает внимания, поощрения.

Закончить этот обзор хочется чеховским призывом, который мы привели вначале: как можно больше пишите, как можно усердней работайте над стихами – не только над всей вещью в целом, а над каждой строкой, над каждым словом. И если вы не лишены способностей, эта работа не пропадёт даром.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР. г. Кемерово.

// Комсомолец Кузбасса. – 1987. – 24 февраля. – С. 3.

О ДОБРЕ, О ДОЛГЕ, О ЛЮБВИ

Известный кузбасский поэт размышляет
над стихами начинающих авторов

Неоднократно напоминали мы начинающим авторам о необходимости как можно строже, требовательнее относиться к себе, с большой тщательностью работать над стихами. В связи с эти хочется отметить, что одобрения заслуживает творческий принцип, которого придерживается в своей поэтической работе Игорь Смокотин из Анжеро-Судженска. Вот что, в частности, говорит он в сопроводительном письме в редакцию: «Это занятие (т. е. писание стихов) доставляет мне огромное удовольствие. Иногда чувства так переполняют меня, что я тут же хватаюсь за ручку и выплёскиваю всё на бумагу в виде рифмованных строчек. Затем внимательно обдумываю каждую строку, стараясь убрать шероховатости. Бывает даже, что

через некоторое время я вновь возвращаюсь к написанному стихотворению и кое-что переделываю, а иногда и вовсе отказываюсь от него».

Это творческий подход к литературному труду, только так и можно добиться чего-то положительного, хорошего, если, конечно, природа не обделила тебя самым главным – поэтическими способностями. У Игоря Смокотина он, эти врождённые способности, чувствуется, есть, о чём свидетельствует хотя бы такой факт: он сумел в целом неплохо написать о самом, казалось бы, будничном предмете – о своём письменном столе:

Мой старый стол ещё стоит,
И сила есть в ногах его.
И он тоскливо не скрипит,
Когда сажусь я за него.
Покрыт он трещинами весь,
И лак его слез там и сям,
Чернильных пятен и не счесть,
Но не покорен он годам.
Быть может, он – упрямый стол,
А может, в нём терпенье дров.
На жизнь свою, наверно, зол,
Но горд, как сотни стариков.
Хотел я новый стол купить,
А старый выбросить на хлам,
Но в нём увидев: «Хочу жить!»,
Себе сказал я: «Не отдам!»
Быть может, я упрям, как стол,
И терпеливый, как и он,
Но я сегодня подошёл
К нему, отвесив свой поклон.

Для серьёзного литератора, привыкшего глубоко вдумываться во всё, что его окружает, нет почти ничего такого, что не могло бы стать предметом разговора в стихах или прозе. Вспомним, к примеру, как заметил однажды Чехов: хотите, мол, я напишу рассказ о своей чернильнице? (а Пушкин, кстати, такое стихотворение и в самом деле написал). Поэтому не будем считать напрасной тратой времени и сил обращение Игоря Смокотина к письменному столу, склоняясь над которым во время работы, его хозяин как бы отвешивает ему свой поклон.

Так воспринимается это стихотворение в целом. А по частностям оно нуждается ещё в доработке: автор, к сожалению, не всё хорошо обдумал в нём. Прочтём его ещё раз с самого начала. Нельзя рифмовать однородные слова: его – за него. «А старый выбросить на хлам». Правильнее сказать: на свалку, выбросить, как хлам. «Хочу жить» – первое слово произносится с неправильным ударением на «о». Неточность и в следующей строке: «Себе сказал я: «Не отдам!» Если бы кто-то пытался заполучить стол, тогда «не отдам!» было бы вполне уместно, а в данном контексте должно быть что-то другое: оставлю, не выброшу.

Если бы мы ограничились разговором только об этом «кабинетном» стихотворении, иной читатель мог бы подумать об Игоре Смокотине: он весь – в плену мелкотемья. А что это не так, видно по стихотворению на тему войны и мира, которая волнует в наше время всех и каждого.

Неужто мало было войн на свете?
Так нет, они опять войны хотят,
Готовят бомбы, учат вновь солдат,
Как убивать живое на планете.

О войне и мире попытался написать небольшое стихотворение Сергей Берестов из Мысков. Тема эта, как говорилось выше, волнующая, животрепещущая, и освещать её даже в коротенькой миниатюре следует не только оригинально, по-своему, но и точно по словесному оформлению.

Зачем покой, когда планете неспокойно?
Зачем уют, когда планете неуют?

Мысль выражена неточно. Что именно хотел сказать автор в этих начальных строчках, легко понять, если перевести их на язык прозы: «Можем ли мы оставаться спокойными, когда так неспокойно на планете? Может ли в полной мере радовать нас домашний уют, когда так неуютно на планете?»

Между тем Сергей Берестов склонен к серьёзным раздумьям, для которых находит и нужные слова, и точные выражения. Например, вот в этом стихотворении:

Почему страдают поэты, вы знаете?
Потому что кто-то лишён сострадания.
От чьей-то жестокости бешеной
вы рыдаете,
И сердца поэтов источают эти рыдания.
Сколько вмещает в себя сердце поэта?
Чувство жалости, которого лишены
миллионы,
Утро в росинке, сотканной из дождя
и света,
И гармонию мира – без формы цветок
огромный.
То, что лишено оболочки чьего-то «я»
И парит свободно в полёте безмерном –
То становится частью поэтова бытия
И из сердца бездонного льётся с любовью
и верой.

В наш суровый, угрожающий всемирной ядерной катастрофой век люди, как никогда ранее, больше всего нуждаются в сострадании, в сочувствии друг к другу – и в этом смысле процитированное стихотворение звучит очень и очень современно. Мы потому и привели его целиком, чтобы на такие раздумья настроились и другие молодые поэты.

Послушайте, что думает о настоящей поэзии сам Сергей Берестов. «Если даже ты непрофессионал, всё равно ты обязан всё доброе в своём мировоззрении донести людям, свой мир, свою поэзию отдать кругу близких, друзей, знакомых. В них обязательно откликнется, отзовётся что-то на твои чувства, и искорки Добра, Радости, Любви будут разгораться и продолжать свой путь. Если представить Поэзию лестницей, то

мы, непрофессионалы, – на нижних ступеньках. Но эти ступени тоже важны и нужны». Отлично сказано! И в подтверждение этих слов сошлёмся ещё на одно лирическое стихотворение Сергея Берестова:

Нам так нужны мгновенья красоты:
Мерцанье звёзд, багровый свет закатов,
Зелёный тополь, небо, шмель, цветы,
У речки ночь, журчанье перекатов….
Когда глядим в любимые глаза,
Мы в этот миг так высоко над злом летаем.

А если из любимых глаз – слеза,
Какой глубокой болью мы страдаем.
В минуты эти войнам места нет.
Любовь и красота сердца не сушат…
На берегу чудак-художник ждёт рассвет.
Он взмахом кисти будит наши души…

Верится в то, что труды способного молодого поэта Сергея Берестова не пропадут даром, что его лучшие стихи со временем станут достоянием не одних близких, друзей, знакомых, а и многих читателей.

Пробующие свои силы в стихотворчестве авторы часто и подолгу размышляют о поэзии, о её сути, назначении. Юрий Гордиков (Анжеро-Судженск) написал интересное, на мой взгляд, стихотворение, которое назвал – «Поэзия»:

Поэзия – это луна,
Что светит в окошке упрямо…
Поэзия – это она,
До света встающая мама.
Поэзия – это твои
В мозолях рабочие руки.

Поэзия – это в груди
Волнение, радости, муки.
А, впрочем, друг, это – струна
До звона накрученной жизни.
Поэзия – это страна,
Где ты присягаешь Отчизне.

Какое немногословное, но вместе с тем ёмкое по содержанию и крепкое по форме стихотворение. Лишь в концовке – не совсем точное выражение мысли: страна и Отчизна – понятия одного значения (получается тавтология), и лучше бы сказать: где ты присягаешь народу, хотя и жаль образа – «струна до звона накрученной жизни»… В подборке Юрия Гордикова есть и стихотворения, воспевающие родную природу – «Ручей», «В зимнем лесу», «На рыбалке». Эти пейзажные картинки тоже по-своему интересны в поэтическом отношении.

Недавно в секретариате правления Союза писателей РСФСР состоялось обсуждение работы журнала «Наш современник» (отчёт об этом опубликован в «Литературной России» за 15 мая). Хотелось бы обратить внимание на доклад главного редактора журнала Сергея Васильевича Викулова. Вот как определил он дальнейшие задачи «Нашего современника»: «Любой материал в любом жанре, претендующий на публикацию в журнале, будет рассматриваться с одной точки зрения – работает ли он на перестройку, будит ли в человеке самые лучшие чувства: совестливость, гражданственность, патриотизм и как следствие – веру в успех начатого дела, желание действовать, а не ждать готовеньких плодов перестройки…» Над этими словами всем нам, пишущим, стоит задуматься.

Разумеется, каждый, как говорил Маяковский, поёт по своему голоску, и если ты лирик – не насилуй себя, не пиши стихов с одними громкими фразами, рифмуя, скажем, «перестройка – стройка», однако, и в лирической вещи, при всей её интимности, мягкости, можно и должно добиваться того, чтобы она пробуждала добрые чувства.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР. г. Кемерово.
// Комсомолец Кузбасса. – 1987. – 25 июня. – С. 3.

«ТО ЛИ Я ДЕЛАЮ?»

Сегодня поговорим подробно о поэтической работе одного автора, кемеровчанина Сергея Самофеева, благо, стихов он прислал целую ученическую тетрадь. Открывается она стихотворением о любви:

Ты всё уходишь в слякоть бездорожья,
И на плечах твоих повис туман.
Вернуть тебя, я знаю, невозможно.
Ах, как был сладок этот мой обман!
Казалось мне, что вновь я зацветаю,
Похожий на черёмухи кипень!

Ты рядом – голова моя седая
Роняет на тебя седую тень.
И что там годы – это не помеха,
Ведь сердцем и душой я молодой,
А если и морщины, то от смеха,
Где радость побраталася с бедой.

Скажем сразу, впечатление от прочитанного вполне определённое: написано это человеком, понимающим поэзию, хорошо знающим, судя по всему, и Блока, и Есенина. Вольно или невольно вспоминается блоковское: «Дыша духами и туманами, она садится у окна» и есенинское: «Сам себе казался я таким же клёном, только не опавшим, а вовсю зелёным». И ничего предосудительного в сходстве поэтических мотивов с излюбленными образами великих поэтов, конечно, нет, они – превосходные учителя, у которых есть чему поучиться. При этом совершенно не надо бояться того, что какое-то время находишься под их влиянием – самостоятельность в литературе приобретается с годами, как и необходимое для всякого пишущего верное, безошибочное чувство слова. Вот тут-то мы и сталкиваемся с главным недостатком стихов Сергея Самофеева – его глухотой к СЛОВУ. Пусть не нов, но хорош сам по себе образ в пятой и шестой строках, но ведь в слове «кипень» не на своём месте ударение, а из-за этого страдают две последующие хорошие строчки с рифмой «тень».

Уже рассвет. В окошке дремлет
Уставший за ночь огонёк.
Туман спускается на землю
Легко, как будто мотылёк,
Трава росой умылась ранней,
И лес вздохнул, стряхнувши сон.
Лучей невидимые длани
Реки коснулись в унисон…

На первый взгляд – хорошее стихотворение. Но только на первый. А начинаешь внимательно вчитываться в каждую строчку – и обнаруживаешь: кое-что здесь нуждается в уточнении и доработке. Всё тут предметно, с изображением конкретных деталей, поэтому хотелось бы знать, с какой, как говорится, точки наблюдения, с какого места смотрит на окружающий рассветный мир повествователь. Насчёт слова «длани». Это устаревшее название руки, ладони в наше время уместно, пожалуй, только в сатире или в произведении на историческую тему, о былом. И «в унисон» (в лад) требует пояснения – с чем?

Разумеется, в пейзажном стихотворении возможно и всеобъемлющее изображение природы, окружающего мира, но в таком случае повествование должно быть несколько иным, общим, ну, например: Уже рассвет. Где-то в деревне (селе) дремлет в одном из окошек огонёк, а за селом, в поле умывается росой трава; невдалеке вздыхает лес, а чуть в стороне – река, её уже касаются первые лучи солнца; среди листвы деревьев защебетали птицы, а внизу, меж камешков, весело струится родник и т. п. Надеюсь, и автор, и читатели по этому (довольно схематическому) примеру поняли, что все критические замечания по стихотворению Сергея Самофеева – не просто мелочные придирки, а основанные на авторской непродуманности претензии, которые, может быть, помогут ему (и не ему одному) в дальнейшей работе.

Листаем тетрадь дальше.

Уберегал себя от жизненных тревог
И от любви, и от волнений малых,
Но как, порою, часто не хватало
Души во мне, которой не сберёг.
Ко мне тянулись руки – я боялся,
Что окажусь в плену своей любви.

Тебя целуя, сердцем отрекался
И усмирял кипение крови.
Как мне теперь бороться с сединою,
Усталостью, застывшею в глазах?
Зачем же одиночество судьбою
Избрал себе, любовь свою предав?

Недаром Сергей Самофеев в письме признаётся, что сам он объективно написанное им оценить не может. Вот и в этом, очень искреннем, можно даже сказать, исповедальном стихотворении не всё до конца он доработал. «Но как, порою, часто не хватало». Должно быть что-то одно: или порою, или часто. Эти слова, поставленные рядом, исключают друг друга. «Души во мне, которой не сберёг». По-моему, здесь явный поклёп на себя – бездушные люди на такую пронзительную искренность не способны. «И усмирял кипение крови». Последние два слова, вернее, сочетание их – из поэзии прошлого века, ставшее в наше время затёртым штампом.

Ах, как жестока чёрная молва –
Наотмашь бьёт и прямо в сердце ранит!
Покуда подлость всё ещё жива,
Она тебя не раз ещё обманет!
И не поможет твой глубокий ум,
Ни чистота порывов благородных

Пробиться сквозь многоголосый шум
Нечестных, лживых, мелочно-угодных.
Но встань покрепче, голос свой подай,
Отбрось подальше мрачные наветы!
От правды не укрыться никуда,
И пусть трясутся злобные клевреты!

Какие неподдельные страстные строки! И тем обиднее, что, захлёстнутый сильным чувством, автор не заметил ряд смысловых и словесных погрешностей. Давайте разберёмся, что к чему. Строка «Отбрось подальше мрачные наветы» даёт нам ключ к пониманию основной мысли стихотворения: лирический герой кем-то оклеветан, и этот факт до глубины души возмущает его, потому что такая несправедливость – напраслина, чёрная молва наотмашь бьёт и прямо в сердце ранит. Возмущение против людишек, привычных к наветам, вылилось в гневные слова, и, увы, снова не все из них точны. «Она тебя не раз ещё обманет!». Нет, совсем не в обмане дело, автор имел в виду иное, а именно: покуда подлость жива, она ещё не раз, мягко говоря, досадит, а выражаясь крепче, напакостит тебе. В следующей строке (пятой) нужно сделать стилистическую правку: «И не поможет ни глубокий ум», так как дальше идёт: «Ни чистота порывов». Весьма спорны строчки о многоголосом шуме клеветников, сквозь который не пробиться. Тот, кто на кого-то клевещет, делает это как раз иначе – не шумно, тихой сапой. «Нечестных, лживых, мелочно-угодных». Последнее слово автор по сходству произношения спутал с другим – угодливых. У этих эпитетов совершенно разный смысл. «От правды не укрыться никуда!». Опять не то. Ложью меня не запятнать, правду обо мне не извратить – вот что в соответствии со сквозной мыслью стихотворения хотел сказать автор. «И пусть трясутся злобные КЛЕВРЕТЫ». Выделенное нами слово в одиночку использовать нельзя, необходимо пояснение: клевреты (приспешники, приверженцы) чего? В данном случае – клевреты вранья, наговора и т. п.

И в заключение – ещё одно стихотворение, в котором всё, кроме приблизительной рифмовки «правда – отравой», заслуживает оценки «плюс»:

Казалось, музыка слышна,
Но это только лишь казалось,

А в голове: «Грешна, грешна,
Чуть-чуть грешна!» – какая малость.

До правды в общем волосок –
Соври чуть-чуть – и будет правда.
Как лжив елейный голосок
И взгляд, напоенный отравой.
Мне от себя не убежать,
Зачем-то надо непременно
До спазмов в горле повторять:
«Ну вот и всё, пришла измена!».

А теперь несколько слов относительно биографических данных Сергея Самофеева. Большинство приведённых в статье стихов он написал, находясь на излечении после операции, когда у него было много свободного времени. И ещё – его признание: пишу не часто, но давно.

В конце письма Сергей Самофеев обращается с такой просьбой: «Прошу вас ответить как можно правдивей: то ли я делаю?». На этот вопрос – наш самый правдивый ответ: конечно, то! Продолжайте в этом духе – со всей искренностью и с полной душевной отдачей. А заодно больше читайте, старайтесь развить в себе безупречное чувство слова, ведь оно – главный писательский инструмент, владеть которым необходимо свободно, мастерски.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР. г. Кемерово.
// Комсомолец Кузбасса. – 1987. – 30 июля. – С. 3.

НЕ КАЖДЫЙ НА ЭКСПРОМТ СПОСОБЕН

Ко многим начинающим стихотворцам у нас одна и та же претензия, которая сводится к следующему: перед тем, как взяться за перо, они плохо продумывают своё сочинение, а в процессе писания мало работают над текстом, о втором или третьем – улучшенном варианте пришедших в голову строк и слов и не помышляют, посылая в редакцию то, что родилось сразу, за один присест. При таком упрощённом отношении к литературному делу даже не лишённый способностей автор не может рассчитывать на создание удачной вещи. Экспромты под силу только гениям.

Не первый год пишет Светлана Чинахова из Юрги, были у неё и хорошие стихи, с которыми она уже выступала в нашей газете под рубрикой «Антология лирического стихотворения». Не так давно Светлана прислала нам стихотворение под названием «Рио-Рита». Приведём его полностью:

Звучит какая-то сюита.
В ней что-то есть. Чего-то нет.
А я включаю Рио-Риту
Тридцатых, довоенных лет!
Под звук пластинки полустёртой
Как будто вижу я ясней:
Отец в парадной гимнастёрке
Подходит к матери моей.
И головой кивает чинно
Голубоглазый офицер.
Пусть далеко ещё до чина –
Зато каков уж кавалер!
Её на танец приглашает.
Звучит торжественно фокстрот.
И мама руку подаёт.
Не он ли их судьбу решает?..
Не отзвучат их голоса
Теперь до утренней зари,
Уж ночь на мамины глаза
Свои сменяет фонари…
Ах, Рио-Рита, Рио-Рита.
Всё это было так давно!
И твой мотив, почти забытый,
Напомнит редкое кино.
И всё же – словно не испита!
Как будто дальше нет пути!
Звучит сегодня Рио-Рита,
В моей волнуется груди!

Можно предположить, что содержание стихотворения не одного читателя старшего поколения настроит на лирический лад, на воспоминания о своей далёкой молодости, когда так популярна была эта инструментальная пьеса «Рио-Рита». Мы имеем в виду прежде всего неискушённого в поэзии читателя. Но тот, кто немного разбирается в ней, с первого же прочтения заметит: сколько же здесь всяческих погрешностей – смысловых, словесных, ритмических. А поскольку тема, к которой обратилась Светлана Чинахова, стоит того, чтобы как следует разработать её, мы попытаемся сделать построчный разбор текста – весьма возможно, что наши критические замечания пойдут на пользу и автору, и другим, всем тем, кто лишь только начал пробовать свои силы в стихотворстве.

Итак, начнём прямо со второй строчки: «В ней что-то есть. Чего-то нет». Сказать про сюиту так – значит ничего не сказать. «Как будто вижу я ясней». Очень неловкое словосочетание – два рядом стоящие «я». Для кузбасского читателя, знающего, что есть у нас в области речка Яя, на слух эта строка может быть воспринята примерно так: «Как будто вижу: Яя с ней». «Пусть далеко ещё до чина». Почему же далеко? Выше сказано: «Голубоглазый офицер», следовательно, этот военный в парадной гимнастёрке – и так уже не рядовой, а в офицерском чине. «Звучит торжественно фокстрот». По отношению к фокстроту совершенно не то определение: бодро, бравурно и ещё как-то, только не торжественно. Четверостишие, начинающееся строкой: «Не отзвучат их голоса» выпадает из общего ритма. Кроме того, «уж» (в строчке «Уж ночь на мамины глаза») по смыслу здесь не нужно, вкралось оно в текст лишь для заполнения необходимого ритмического слога. «И твой мотив». Чей – твой? Если это обращение к Рио-Рите, то далековато – через строку. «И всё же – словно не испита. Как будто дальше нет пути!» Абсолютно случайные строчки, из которых не понять, кто (что) не испита, кому (чему) дальше нет пути. Что же остаётся от стихотворения после такой «прополки»? – может спросить Светлана Чинахова. Остаётся действительно немного – тема и замысел, который, если будет желание, придётся воплощать в достойную форму лишь одним способом: взять

чистый лист бумаги и написать всё заново. Если тема дорога, если, слушая «Рио-Риту» на самом деле переживаешь волнующие минуты, то не спасуешь перед необходимостью написать второй вариант задуманного сочинения. Знаем, нелегко это и непросто, но уж такова особенность поэтической работы. Лёгкой она не бывает.

Стихотворение явно не удалось. Однако впадать в уныние и опускать руки не следует, лучше вспомнить общеизвестную истину: от неудач никто не застрахован. А чтобы у читателей не создалось впечатление, будто Светлана Чинахова вообще не умеет писать хорошо, продуманно, и чтобы засвидетельствовать, что это далеко не так, процитируем одну из лирических миниатюр:

Мы по-прежнему порознь,
Хоть грусти не грусти.
Что ж, любовь – наша поросль
Не смогла подрасти?
За тобою, как прежде,
Мчусь, сбиваясь с ног!
Подари мне надежду –
Запоздалый цветок…

Все слова и строки – на своём месте.

О Великой Отечественной войне и в стихах, и в прозе написано так много, что, обращаясь к этой теме в наши дни, очень важно внести в неё что-то новое, а новым может быть лично тобой пережитое и увиденное на войне (если ты, конечно, бывший фронтовик), иначе рискуешь кого-то повторить. Никаких автобиографических сведений не сообщает нам Василий Киселёв из п. Краснобродский, поэтому просто предложим вниманию читателей его стихотворение – пусть оно говорит само за себя:

…А я у войны до кончины в плену,
Она в моих снах до сих пор не окончена.
– Огонь!.. Я опять ухожу на войну
И вновь, как тогда, прикрываю Рагочино.
Качнётся мой мир, завалившись назад…
– Володя, терпи… Будем живы, Володя…
Но боль застилала надежду в глазах…
И нёс его там, утопая в болоте.
Но я не донёс… Умирая, мой друг
Шептал о родных и о девушке Женьке…
О, память. Прошу: разорви ты свой круг,
Я вырвусь, как прежде, из пут окруженья!
Но нет… У войны до кончины в плену.
Володю несу, утопая в болоте.
И вновь, как тогда, я ему поклянусь:
– Ещё погуляем на свадьбе, Володя!

Из этих строк ясно: автор – участник войны, всё, о чём он рассказывает, так, наверно, и было в действительности: населённый пункт, который довелось оборонять, и тот назван. Не сомневаясь в достоверности ситуации, всё же мы должны заметить, что такое стихотворение можно написать и не по личным, а по книжным впечатлениям – уж очень мало живых, конкретных деталей и подробностей в поле зрения автора. Больше тут рассказа, чем показа, и хотелось бы увидеть гораздо больше того, что дано, многое осталось где-то «за кадром»: ночь была или день, жара или ненастье, разрушенное или ещё целое это самое Рагочино? Ничего неповторимого, нового, своего в изображении фронтовой жизни мы, к сожалению, не обнаруживаем. Василий Киселёв и сам, видно, чувствовал себя не во всеоружии, пытался индивидуализировать то, к чему обратился мысленным взглядом, взглядом памяти, то есть к тому, что друга звали Володей, его любимую девушку – Женькой, а посёлок или село – Рагочино, и тем не менее всего этого – имён и названия – недостаточно для того, чтобы читатель сказал: да, это не придумано, это взято не из книг и кино, а из собственной жизни.

Автору не откажешь в некоторой технической умелости (хороша, например, рифмовка: не окончена – Рагочино), в естественных разговорных интонациях, и тем досаднее, что в тексте, в основном, добротно сбитом, попадаются непростительные для автора ученически неточные места: «Но боль застилала надежду в глазах» (в чьих глазах, чья боль?). «Ещё погуляем на свадьбе, Володя!» (требуется уточнение: на чьей свадьбе?). Кстати, последняя строчка очень напоминает песню «Вальс» Д. Тухманова на слова В. Харитонова, где есть такие строки: «И сказал солдат, что лежал без ног: Мы ещё с тобой, сестра, станцуем!» И ещё одно литературное безвкусие, которое допустил Василий Киселёв в своём стихотворении, вот эти две строчки: «Володю несу, утопая в болоте, и вновь, как тогда, я ему поклянусь». Раз «несу» (в настоящем времени), то и «клянусь» (а точнее бы: говорю, успокаиваю). Весьма возможно, что данное стихотворное воспоминание о войне – не последнее в замыслах автора, и тогда нам хочется верить, что эти критические замечания пригодятся ему.

Очень симпатичны, привлекательны почти по-детски наивные и непосредственные строчки небольшого стихотворения Анны Дятловой (тоже из п. Краснобродский):

Мои мысли, как будто снежинки,
Всё летят в голове и летят…
Мои мысли, как будто снежинки,
На бумагу улечься хотят.
Белым снегом укутаны травы
И деревья, и наши поля…
Ветки серые к небу поднявши,
За окошком стоят тополя…
Взору мил белоснежный наряд.
А снежинки летят и летят…

Главная особенность этих непритязательных строчек – тонкая лиричность, которая так радует, что нет желания упрекать Анну Дятлову в том, что она не позаботилась о богатой рифмовке (в качестве рифм употребляется, скажем, дважды повторённое слово «снежинки», а «травы» и «поднявши» вообще ни с чем не

рифмуются), нет желания потому, что эти недостатки окупаются немаловажным достоинством: то, что происходит в природе (снегопад), автору удалось органически слить воедино со своим душевным состоянием, человеческое и пейзажное здесь – как одно целое, нерасторжимое. Написаны эти десять строчек, как говорится, на одном дыхании.

Найдётся, пожалуй, скептически настроенный человек, который скажет: зачем, для чего хвалить такой пустячок? Объясняем: похвала эта – авансом, с дальним прицелом, с расчётом на то, чтобы Анна Дятлова знала, на что, на какие стихи ориентироваться в дальнейшей своей работе. Понять, осознать правильную ориентацию Анне Дятловой необходимо хотя бы потому, что другие её стихи, где она пробует глубокомысленно «философствовать», очень слабы во всех отношениях. Вот пример:

Лежу с открытыми глазами,
Смотрю сквозь сумрак в потолок,
И речь моя опять струится,
Как с гор весенний ручеёк.
Но знаю я, что не годится
Ручью всё время так журчать –
Он может в реку превратиться
Или сухим оврагом стать…

Что здесь не может удовлетворить серьёзного, взыскательного читателя? Во-первых, говорить о своей речи (хотя бы и речи ребёнка), как о струящихся звуках флейты – приторная слащавость. Во-вторых, «не годится» – совершенно неточное выражение, подразумевается: не всегда ручеёк будет так беззаботно журчать…

Если не ошибаемся, призвание Анны Дятловой – создавать короткие лирические стихи без всяких «философских» уклонов. Поэтому советуем ей обратиться к поэзии Анны Ахматовой, у которой, как у выдающегося мастера, есть чему поучиться.

В заключение хочется так резюмировать сказанное выше: стихи надо не просто пописывать от нечего делать, над стихами нужно работать. А для этого надо смолоду воспитывать в себе трудолюбие.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР. г. Кемерово.

// Комсомолец Кузбасса. – 1987. – 27 августа. – С. 3.

СВОЙ ГОЛОС В «ХОРЕ» ОБРЕСТИ

Большой цикл (около сорока лирических стихотворений) под общим заголовком «То ли сердце вспыхнуло…» прислал нам беловчанин Сергей Орехов. Чувствуется, что автор пишет не первый год, хорошо владеет ритмом, рифмами, кое-где встречаются у него интересные образы, метафоры. Одним словом, Сергей Орехов заслуживает того, чтобы к его поэтической работе отнестись с большим вниманием, тем более, что в его стихах есть нечто такое, от чего способного поэта необходимо предостеречь. Это «нечто» – весьма существенное: Сергей Орехов весь в плену есенинской лирики, эта зависимость от замечательного русского поэта проглядывает то в одной строчке, то в другой.

В основе цикла «То ли сердце вспыхнуло…» две вечных темы – осени и любви, они в тесном переплетении проходят через весь цикл.

Был и я и добрей, и моложе,
А сегодня вот с грустью шепчу:
– Если это не осень, то что же?
Почему я с тобою молчу?
Почему на тропинках заросших
Не останется наших шагов?
Почему золотою порошей
Осыпается счастье лесов?
Почему ты идёшь молчалива
По колени в опавшей листве?
Почему без меня ты счастлива,
Как ребёнок в святом баловстве?
Мы идём по опавшему счастью, –
Всюду осени праздничный блеск…
Знаю, завтра ворвётся ненастье
В этот буйно расцвеченный лес!
Был и я и добрей, и моложе…
А сегодня – гадай, не гадай,
Ты мне скажешь: – Спасибо, Серёжа…
И ещё – еле слышно: – Прощай!

Нисколько не сомневаюсь, что многим молодым собратьям Сергея Орехова это стихотворение придётся по душе. Твардовский говорил: удачный ритм – половина дела. Так вот, Сергей Орехов нашёл очень удачный – раздумчивый, грустноватый. Но (да простит меня автор) «находка» эта несамостоятельная, она целиком во власти есенинских интонаций. Интонации эти настолько его увлекли, музыка стихов Есенина настолько заворожила, что он, Орехов, не позаботился о логической связи одних строк с другими. Главное, видно, решил он, звучит всё это красиво, музыкально, и успокоился, считая стихотворение хорошим. Однако это далеко не так.

Как известно, Есенин очень любил один из присущих ему поэтических приёмов: начальные строчки повторять в конце. Есть этот приём и тут: «Был и я и добрей, и моложе». А что же сие заявление означает? Разве дальше из каких-либо строк следует, что вот теперь я стал и злее, и старее (или старше). Нет этого противопоставления. Значит, первая строчка, да ещё раз повторённая в последнем четверостишии, по существу необязательна, говоря точнее – просто пуста, не содержит никакого смысла в данном контексте. «А

сегодня – гадай, не гадай, ты мне скажешь». Почему же автор знает заранее, что его любимая скажет именно эти слова: «Спасибо, Серёжа. И ещё – еле слышно: – Прощай!»? Не вернее ли было бы иное: «Говоришь ты». Подражательность обнаруживается даже в маленьких деталях: Есенин любил называть в стихах своё имя (например, «Помяну тебя в дождик я, Есенин Сергей»), и у Орехова: «Спасибо, Серёжа». Это, конечно, мелочь, но по-своему характерная.

Вот осень знамя развернула
И в наступление пошла.
В согласии лесного гула
Костры мятежные зажгла.
А мы и рады обновленью –
Тревожным яростным огням…
И к нам приходит вдохновенье
Бессонной мукой по ночам!

«Костры мятежные» – образ есенинский: «В саду горит костёр рябины красной». В заключительных строчках – непродуманность: вдохновение – это озарение, необыкновенно высокий душевный подъём, который мы воспринимаем как радость, а отнюдь не как муку, ведь вдохновению вымученность чужда.

Стужа, как на полюсе, –
Ты мне лжёшь и лжёшь…
У меня на поясе
Зреет финский нож!
Голубая, хрусткая
Финки сталь сочна…
И тропинка узкая,
И рука точна!
Разминуться можем ли
Со своей судьбой?
Хватит, будет, пожили
Трезвой головой…
С наслажденьем врежу я
Хладнокровный нож…
Ты могилу свежую
И меня поймёшь!
А пока на поясе
Зреет финский нож…
Стужа, как на полюсе, –
Ты мне лжёшь и лжёшь…

Здесь у Сергея Орехова уже не просто напоминание о чём-то из Есенина, а прямое заимствование из него: «И друг любимый на меня наточит нож за голенище». Скажу откровенно, что мне совершенно непонятно, зачем писать такие стихи, в которых абсолютно всё чужое – и мысли, и чувства, и образы; любой поэт интересен только своей неповторимой личностью. Помните, у Маяковского: «Я поэт. Этим и интересен». Подражание даже самому высокому образцу – бесплодное занятие. Не перепевать кого-то, а раскрывать собственную душу надо. Ну, в самом деле, неужто кто-то поверит, что Сергей Орехов (судя по письму, скромный, добрый человек) носит на поясе финский нож, который почему-то «зреет». Это явная поза, если не сказать резче – позёрство, чему, между прочим, был отчасти привержен и любимый нами всеми Сергей Есенин, про которого тот же Твардовский заметил в одном из писем: «И не такой уж он пьяный, каким хочет показаться…».

И вот что обращает на себя внимание, когда читаешь стихи Сергея Орехова: чем меньше он подражает, тем больше проявляются его собственные способности.

Улетают, тают ласточки-листочки…
С грузных туч стекают дождевые строчки…
В ожерелье листьев озерко лесное…
На рябине кисти – словно капли зноя!
Над водой туманы хороводы водят…
Осень-несмеяна по Сибири бродит!

Смею утверждать, что в этой пейзажной зарисовке всё – своё, ореховское: и аллитерация «ласточки-листочки» «дождевые строчки» (ни у кого не встречал такого образа), и метафора: рябиновые кисти – «словно капли зноя». Строк мало, а хорошего много!

Нет ничего прекраснее письма,
Когда оно от искреннего друга…
Когда всю ночь истошно воет вьюга
И от её печали не до сна.
Нет ничего прекраснее письма,
Когда оно от искреннего друга!

Правда, опять не удалось Сергею Орехову освободиться от есенинского приёма (повтора одних и тех строк), но в сущности своей эти простые лирические строчки очень искренни, прочувствованны, и тем подкупают.

И вот ещё одно философское – чисто ореховское:

Зависть хорошею очень уж редко бывает…
Ты не завидуй ничьей, пусть и прекрасной судьбе…
Зависть не пламенем – болью крапивной пылает…
Зависть – не друг, а тяжёлая ноша тебе!

Вот в этом направлении, чтобы «найти себя в себе самом» (Твардовский), и надо способному поэту Сергею Орехову продолжать творческие поиски.

Никому не подражает Евгений Токарев из деревни Тарабарино Промышленновского района. Нам уже приходилось отвечать ему в редакционном письме, и вот, благодаря за критику, Евгений просит: «Только не будьте, пожалуйста, так строги». Обещаем: не будем.

Туча плакала-рыдала,
Гром за речкой хохотал.
И кукушка куковала,
Когда дождик перестал.
Нам в лесу смеялось эхо,
Капли падали с листа…
А потом уж я уехал,
Позабыл твои места.
Если хочешь, я приеду,
И прощенья попрошу.
По тому пройдём мы следу,
Я кукушку отыщу.

Вы уловили в этих строчках чьё-нибудь влияние? Я – нет. Всё здесь так непосредственно, даже немножко наивно, и во всём – неподдельное поэтическое настроение, которое вызывает симпатию к автору, простому деревенскому парню, прямодушному и бесхитростному. Однако как поэт-то Евгений Токарев уж не так бесхитростен, ему известны некоторые тонкости художественного порядка. Он, например, знает, что одна из важных особенностей поэзии – контрастность, отсюда и родились эти строки: туча плакала, а гром хохотал, и звучат они так естественно, непреднамеренно, как будто рождены не в результате умственной работы автора, а подсказаны самой природой.

Вообще, природа – родная стихия Евгения Токарева, которая его волнует и заставляет браться за перо.

Ветерок босиком
Пробежал по росе,
А потом за холмом
Подбежал он к реке.
Стал волнами играть –
И шуршать камышом.
Показался он мне
Озорным малышом.
После в поле умчал,
Как на резвом коне.
И как я ни кричал –
Не вернулся ко мне.

Не знаю, как у читателей, а у меня такое впечатление, что приведённые стихи принадлежат молодому человеку, который относится к природе с почти детской восторженностью. На самом деле, это, видимо, не так. Вот другое стихотворение Евгения Токарева «Итоги»:

Уж листья осени шумят,
И мчат их ветры по дорогам…
Когда тебе за пятьдесят,
Пора и подводить итоги!
Что сделал ты? И как ты жил?
Что, уходя, оставишь людям?
Любовью, дружбой дорожил?
Случайно люди не осудят?
Уж листья осени шумят,
И мчат их ветры по дорогам…
Когда тебе за пятьдесят,
Суди себя, и очень строго.
И как ни странно, это факт,
К закату дня к себе мы строги.
Коль не успеем, то инфаркт
Нам подведёт черту, итоги.

Мысли в этом стихотворении вполне зрелые, глубокие – они о главном в жизни всякого человека.

Остаётся и нам подвести итог. Очень важно говорить в стихах своим голосом, тогда даже некоторые частные недостатки, как в стихах Евгения Токарева, поправимы – они с лихвой окупаются правдивостью лирической исповеди.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР. г. Кемерово.
// Комсомолец Кузбасса. – 1987. – 20 октября. – С. 3.

ДОРОЖИТЬ ПРИРОДНЫМ ДАРОМ

Недавно у меня побывал гость из Мысков, рабочий экспериментально-механического завода Николай Батюк. Он приехал в Кемерово по служебным делам и зашёл, чтобы показать собственные стихи, а также стихи своего друга Виктора Жаданова, живущего и работающего врачом там же, в Мысках.

Прочитав стихи, я был обрадован, что познакомился ещё с двумя способными начинающими поэтами.

Начнём со стихотворения «Голубиное детство» Виктора Жаданова:

Что-то стало меньше голубятников,
Разгоняющих шестами всех чертей,
Даже в холод выходящих в ватниках,
В клюв целуя белых голубей.
Помню, как в годах шестидесятых
Мой отец, как будто виноват,
Чуть не плача клял котов проклятых,
Что поели малых голубят.
Моя мама иногда сердилась,
Ревновала к голубям отца.
А сама в полёты их влюбилась
И стояла долго у крыльца…
Постарели оба, поседели.
Голуби забыты, не до них,
Но отец сказал, что раз в неделю
Видит в снах он голубей своих.
И когда я голубятню встречу,
Вам признаюсь в нежности своей:
В моём сердце бродит детство вечно
С воркованием влюблённых голубей.

Читаешь эти строки – и такое впечатление, что перед тобой дневниковая запись, настолько всё предельно откровенно, непритязательно. В этом достоинство стихотворения. Но поскольку оно теперь обнародовано, то стоит, наверно, сказать и о его недостатках.

Первое, что бросается в глаза с первого же прочтения текста, – многократное повторение слов «голуби», «голубятники», «голубятня». Этого надо было как-то избежать. В строке «ревновала к голубям отца» первое слово неточно. Мысль-то понятна: мать сердилась на отца за то, что он, как мальчишка, слишком много времени уделяет ребячьей забаве с птицами; так и следовало сказать. Затем идут слова: «А сама в полёты их влюбилась». И тут недоработка в выражении мысли. Напрашивается: а вскоре (или: а потом) и сама подолгу следила за их полётом, стоя у крыльца. Требует доработки предпоследняя строчка. Построение всего четверостишия видится несколько иным: и когда я голубятню встречу – невольно вспоминаю своё детство. А «бродит детство вечно» – стилистически не совсем грамотно.

Пусть не покажутся Виктору Жаданову эти критические замечания «придирками»; поразмыслив, он сам увидит, что в целом хорошее стихотворение не лишено частных погрешностей. Надеемся на признание своих ошибок автором потому, что есть у него и верный художественный вкус, и правильное понимание сущности поэзии, задача которой – не рассказывать, о показывать, изображать.

И ещё одна особенность дарования Виктора Жаданова – образное, метафорическое восприятие им окружающего мира. Следующее стихотворение его, которое хочется процитировать, тоже о птице. Только уже не умилительно-нежное, а драматичное по содержанию:

Руки невидимых прачек
Ночью стирали поля.
Утром проснулся наш рябчик –
В белых холстинах земля.
Красной калины немного.
Клюй, рябчик, ягод ледок.

Вдруг от ружейного вздоха
Вздрогнул ветвями лесок…
В чьём-то безжалостном сердце
Нет ни добра, ни любви.
Брошено серое тельце
В льдинках невинной крови.

Этот пейзажный этюд можно было бы назвать просто отличным, если бы не неправильное ударение в слове «крови». Достоинство этого стихотворения не только в образности его, а и в том, что тема защиты окружающей среды решается здесь не риторически, а художественно.

Не сомневаемся, что читателю понравится и вот эта пейзажная миниатюра под названием «Зимнее»:

Залепило снегом
Ласточкины гнёзда.
Небо этой ночью
В удивлённых звёздах.
Треск стоит в деревне –
То мороз шагает.
В щели изб сосновых
Клинышки вбивает.

Когда мы советуем начинающим стихотворцам писать по-своему, так, чтобы радовать читателя ПОЭТИЧЕСКИМИ НАХОДКАМИ, то «Зимнее» – как раз очень характерный пример в смысле этих находок, открытий. Встречаются они и в другом зимнем пейзаже – городском:

Уронила свой локон
На берёзу метель.
Глянь – в подсолнухах окон
Застилают постель.
Вдоль аллей замороженных
Шеи гнут фонари.

Входят молча прохожие
В сталь январской зари.
И минутами ранними,
Выступая из тьмы,
Запряжённые мамами,
Едут санки с детьми….

Вчитайтесь внимательно в эти немногие строчки – как они выразительны, новы, свежи по образности. Увы, подобное нечасто встречаешь в стихах начинающих авторов. То, что Виктор Жаданов занимается стихотворством как бы между делом, не придаёт большого значения своему творчеству, – прямо скажем, непростительно. Такими способностями надо дорожить. А для этого – работать и работать. Систематически, много, сознательно, целеустремлённо, с надеждой на выход к широкому кругу читателей.

А теперь – о стихах Николая Батюка. Они скромнее по выразительным средствам, но ценность их – в жизненности, в достоверности сказанного автором, в естественности разговорных интонаций, в простоте.

Скорбя, сегодня провожали
В последний путь фронтовика.
Несли цветы, венки, медали
И нашу память на века.
Он не погиб на поле брани.
Жизнь зачеркнула, как межа,
На фронтовой зажившей ране
Живая рана от ножа…
Был роковой апрельский вечер.
Он шёл домой. И о беде
Не думал даже, но навстречу
Две тени вышли в темноте.
«Дай закурить!» – пропитый голос.

Похмельный рот. Похабный мат.
Безусый парень юн, как колос,
А перед ним – отец, солдат.
«Дай закурить…». В войну, бывало,
Делил махорку до конца.
Простая фраза открывала
Тогда кисеты и сердца.
А этим, с модной сигаретой,
Залезшим в тесные портки,
Не подал дружески кисета,
Не протянул он им руки.
Стоит солдат. Вперёд ни шагу.
Ни обойти, ни повернуть…

Левей медали «За отвагу»
Вдруг обожгло смертельно грудь…

Не из пальца высосан этот факт действительности, ставший фактом художественным, о котором мы узнаём из стихотворения Николая Батюка. Есть ещё, к сожалению, в нашей жизни вот такие подонки.

Не все стихи Николая Батюка равноценны (а их он привёз немало): одни получше, другие похуже. Обратимся ещё к одному небольшому стихотворению из лучших – оно, как и у Виктора Жаданова, на злободневную тему – о безжалостном подчас отношении людей к родной природе:

Обед. Жара. Притих забой.
Я выхожу на свет устало.
Ложусь в тени берёзы молодой.
Как мало их у нас осталось!
Невдалеке, где башня из камней,
Росла сосна до самого зенита.
Её срубили молча, деловито
По разнарядке несколько парней.
Теперь там столб – бетонная громада,
Камней остроконечная гряда.
Где в знойный день всегда была прохлада,
Гудят победоносно провода.

И Николай Батюк, и Виктор Жаданов – уже далеко не юноши, у каждого – своя специальность, посвящать свою жизнь поэзии они вряд ли собираются. И тем не менее хочется повторить сказанное выше: природным даром нужно дорожить, а он у обоих налицо.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР. г. Кемерово.
// Комсомолец Кузбасса. – 1987. – 1 декабря. – С. 3.

«ОН У НАС ОРИГИНАЛЕН, ИБО МЫСЛИТ»

Итак, наступил новый год. Первую в этом году обзорную статью хочется посвятить разговору о стихах новых авторов (в том смысле, что никогда раньше ни с чем из написанного ими они в редакцию не обращались). Это кемеровчанка Наталья Чурсина и новокузнечанин Александр Кай. А чтобы читателям сразу стало понятно, чем привлекла наше внимание поэтическая работа этих авторов, приведу высказывание А. С. Пушкина о своём современнике и друге Е. А. Баратынском: «Он у нас оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко».

Вот эта склонность к независимому, самостоятельному мышлению и обнаруживается в стихах Натальи Чурсиной и Александра Кая. Заметить такую склонность, поддержать её тем радостней, что несть числа пишущим, даже уже немолодым, казалось бы, уже имеющим большой жизненный опыт, в чьих сочинениях не видно и намёка на серьёзные размышления. Одна лишь констатация общеизвестных истин. Прочтёшь подобные сочинения, может быть, неплохо зарифмованные, – и никакого следа ни в уме, ни в сердце. Да это и неудивительно: если бы все умеющие рифмовать умели ещё и глубоко мыслить, то поэты-философы встречались бы нам на каждом шагу. Увы, на самом деле их – раз-два и обчёлся.

В студёный колодец упало ведро,
И, брякая, цепь покатилась в нутро.
Раскрученный ворот, опасно кружась,
Почувствовал волю, меня не держась.
И ухнуло где-то в большой глубине,
И гулкое эхо вернулось ко мне
И цепь натянулась, и ворот затих,
И чувствую тяжесть, его ухватив…
Всё связано в жизни, как цепь и ведро,
Как сердце и мысли, как атом с ядром,
Как прошлое с будущим, вечное с тленным,
Как связано всё и всегда во Вселенной…
И я в эту связку тотчас попаду,
Когда за водою к колодцу пойду.

Вчитайтесь внимательно в это стихотворение Натальи Чурсиной, и вы поймёте, что для настоящего поэта нет будничности как таковой, во всём окружающем мире он находит поэзию, в отличие от многих людей видит «внутренним взором» больше того, чем видят они. Обычный житейский факт – доставание воды из колодца – здесь стал художественным фактом, высоким предметом для философских раздумий о взаимосвязи всего существующего на свете. Причём вот что ещё нужно поставить в заслугу автору: раздумья здесь не отвлечённые, они предварены сценкой у колодца, изображённой живо и точно, и это усиливает впечатление от всей вещи в целом.

О том, что в жизни истинно, размышляет Наталья Чурсина в другом стихотворении:

Всё истинное просто и красиво –
Большой талант, открытая душа.
Как часто к ним судьба несправедлива
И милости им дарит не спеша.
Всё истинное прочно и надёжно,
Оно – для всех, со всеми до конца.
И с ним в далёкий путь пуститься можно
– Длиною в жизнь – с родимого крыльца.
Всё истинное выстрадано в муках,
В борьбе с самим собою и судьбой.
Ему чужда пустая показуха
И славы ореольчик золотой.
Всё истинное просто и красиво –
Большой талант, открытая душа.
И если счастье жизнь, оно – счастливым.
А если счастье путь, то это – шаг.

Саму по себе попытку вдуматься в смысл всего истинного можно, конечно, приветствовать, тем более, что с этими рассуждениями, с их верностью нельзя не согласиться, однако хочется в данном случае сказать и о другом: стихотворение-то истинно поэтическое, а по выражению не всё в нём просто, я имею в виду

третью и четвёртую строку и две заключительные строчки, где автору отказывает чувство точного слова, где стилистическая невнятность не позволяет мне, читателю, ясно понять, что, как говорится, к чему. Наверно, причина этого изъяна в недостаточной творческой практике Натальи Чурсиной. Так или иначе, а необходимо ей вырабатывать в себе способность самой редактировать свои стихи.

А что они кое-где нуждаются в редакторской правке – видно по этим вот эмоционально насыщенным восьми строчкам:

Выпад влево, выпад вправо.
Разъярён противник.
Это вовсе не расправа,
Это – поединок.
Я сегодня вызываю
Тех, кого я презираю.
Трусость, хамство, чванство, лесть,
Вызвать вас имею честь!

Сколько неподдельного чувства в этих строчках, как точно найден ритм для них. Но даже и на такой «малой площадке для поединка» не обошлось, к сожалению, без существенного недостатка: в словах «Я сегодня вызываю» – недоговорённость. Вызываю на бой, вызываю на схватку – вот что подразумевалось автором. А не просто «вызываю». Над этой стихотворной миниатюрой следует ещё поработать, она стоит того.

Самой Наталье Чурсиной, думается, ещё рано подводить какие-то итоги, литературная работа её в самом разгаре, и всё же она сумела хорошо сказать о том, что тревожит и беспокоит людей:

Когда наступает потребность итога,
Пугает не то, что конечна дорога,
Что путь неказист и неровен,
А мир велик и огромен.
Когда наступает потребность итога
Пугает, что сделано очень немного.

Выскажем своё пожелание Наталье Чурсиной: как бы ни был тернист и труден путь литератора, пусть она как можно полнее проявит свои поэтические способности и как можно больше сделает доброго на этом благородном пути.

Есть о чём поразмышлять, что воплотить в стихи Александру Каю: у него на редкость богатая трудовая биография. Был в разное время печатником в типографии, трубоукладчиком, грузчиком, водителем троллейбуса, мастером ОТК, подручным сталевара… Сейчас он – формовщик на заводе железобетонных конструкций. Освоить столько специальностей – дело не простое, без полной отдачи всего себя ничего не добьёшься. И, может быть, поэтому стихи Александра Кая, хотя и пишет он их не первый год, по форме оставляют, как говорится, желать лучшего. Об этом надо сказать прямо: приблизительна в них рифмовка, сбивчив размер, да и грамматика в тексте часто хромает. При всём при том написанное этим автором вызывает определённый интерес незаурядностью поэтического содержания.

Многие поэты – и начинающие, и маститые – обращаются в наши дни к экологической теме, к повсеместным горьким разговорам о том, как на наших глазах гибнут реки, озёра, леса, гибнет считавшаяся когда-то вечной, не умирающей родная природа с её неповторимой красотой. Попытался написать об этом и Александр Кай.

Навзничь опрокинулась сосна,
Прогромыхав своей столетней кроной.
На бледном пне – янтарная смола
Стынет слезой… Тайга исходит стоном.
Налилось небо тяжёлой серой мглой.
Блеск затаила холодная роса.
Прощается тайга с убитою сосною…
Скрежещущим хохотом давится пила.

Можно, не боясь ошибиться, с уверенностью сказать: все строки с выразительными деталями и подробностями, всё это печально-скорбное строение, как на фундаменте, держится на самой значительной по образности последней строчке. Давящаяся скрежещущим хохотом пила – это ли не живейшее олицетворение современного технического прогресса, его безжалостного, жестокого отношения к природе.

В письме в редакцию Александр Кай сделал такую примечательную оговорку в своей рукописи: «Не стихи это – всплески!» Выражаясь фигурально, действительно, в потоке его размышлений о жизни, в многообразных её проявлениях то здесь, то там искорками вспыхивают всплески каких-то самобытных выводов, умозаключений: «Жизни суть – не прожитые годы, жизни суть – количество добра», «Случается, нам зло такое дарит, чего мы не могли в добре найти», «Что мне деньги, не в деньгах счастье. Сплошное везение хуже ненастья», «По капле наливается тепло. Минувшей ночи слышится скольженье. Блеснуло в просветлённое стекло непознанное, новое мгновенье», «Дорога начинается с порога. Жизнь начинается с любви».

А вот уже не «всплески», а целое стихотворение, в котором жизненное кредо Александра Кая:

Правда есть жестокая, есть злая,
Добрая, открытая, прямая,
Битая, забытая, чужая,
Мёртвая есть правда, есть живая.
Правда молоком из груди мамы
Струится на больные наши раны.
Правду не продашь, ничем не купишь,
Оправдаешься, когда вину искупишь.
Правда – это совесть высшей силы,
Бескорыстье и солдатские могилы.
Скрытая есть правда, есть святая,
Что зерном упругим прорастает,
Огнём исцеления сжигает,
Русла душ от скверны очищает.
Только правдой держится земля.
Только в правде сущность бытия.

Читаешь это и невольно думаешь: вот если бы ещё и техникой стиха овладел как следует автор, насколько бы сильнее стали они. Как бы то ни было, несмотря на все внешние погрешности, стихи эти читать интересно. Есть у Александра Кая врождённая склонность к серьёзному осмыслению окружающего мира, своего собственного опыта наблюдений, впечатлений и опыта других людей – близких и далёких.

И он, и Наталья Чурсина пишут как бы для себя: то, что ложится на бумагу, – это как бы разговор с самим собой на страницах записных книжек или дневников. А что писать надо как бы для себя, подтверждается не кем-нибудь, а самим А. С. Пушкиным. Считаю полезным ещё раз сослаться на него, на мудрое его суждение об одном французском литераторе: «Арно сочинил несколько трагедий, которые в своё время имели большой успех, а ныне совсем забыты. Такова участь поэтов, которые пишут для публики, угождая её мнениям, применяясь к её вкусу, а не для себя, не вследствие вдохновения независимого, не из бескорыстной любви к своему искусству!»

В смысле этого пушкинского высказывания Наталья Чурсина и Александр Кай – на правильном пути. В этом духе и надо им продолжать работать.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР. *г. Кемерово.*
// Комсомолец Кузбасса. – 1988. – 9 февраля. – С. 4.

О СОНЕТАХ, И НЕ ТОЛЬКО О НИХ

В сегодняшнем обзоре речь пойдёт о сонетах, присланных из посёлка Шерегеш Таштагольского района А. Кувалдиной.

Вот что говорится о сонете, в частности, в «Поэтическом словаре» А. Квятковского: «Сонет является строгой формой четырнадцатистишия. Первая часть сонета состоит из двух катренов (четверостиший), вторая – из двух терцетов (трёхстиший). Стихотворный размер сонета – обычно пятистопный, реже шестистопный ямб… Рифмы в сонете должны быть звучными, звонкими, оправдывающими название этой стихотворной формы (сонет – от итальянского: звучать, звенеть).

Итак, первый сонет А. Кувалдиной под названием «Зависть»:

Несчастен тот, в ком зависть вечно
тлеет:
Он, как бутон, от злого червя сохнет,
Удача выпадет другому – охнет,
Крючком согнётся, мрачно пожелтеет.
Судьба его пускай не обделила –
Дала ему здоровье, дружбу, блага,
Несчастен всё равно он, бедолага, –
Она ж коллеге больше отпустила!
В букет цветов попал вех ядовитый –
Отравлен будет аромат, убит им –
С зловонием попробуй ты поспорь-ка!
Завистливый и сам не рад напасти,
Желчь у него во рту – ему всё горько!
Безмозглый! В нём самом его несчастье!

Перед нами, так сказать, вольная сонетная форма, в которой, в частности, не соблюдается порядок рифмовки: в первом и втором четверостишии рифмы разного звучания. Что ж, и такой вариант сонета в практике русской поэзии используется многими авторами. Как положительный факт можно отметить, что строго определённая форма стиха в данном случае не связывает автора, не мешает естественному развитию речи. Но есть в этой вещи очень большой недостаток – неточность многих слов и выражений. Давайте поглубже вникнем в текст. Зависть – это чисто внутреннее чувство, внешне оно почти никак не проявляется, а у А. Кувалдиной всё как раз наоборот: на первом плане – только внешнее проявление чувства досады и горечи, завистливый человек при удаче, выпавшей кому-то другому, и сохнет, и охает, и мрачно желтеет, и даже, случается (прямо как в пародии), крючком согнётся. Верно, что «завистливый и сам не рад напасти» (последнее слово – не то), однако стоит ли его судить так беспощадно, зло, бросая в его адрес, как тяжёлый камень, ругательное слово «безмозглый!»?

Обратимся ко второму сонету А. Кувалдиной под заголовком «Лень»:

Лентяй, бездельник, лодырь – тунеядцы,
Взрастила эти «фрукты» ЛЕНЬ-царица.
Есть сладко, много спать, повеселиться,
Минуя труд, желают эти братцы.
Вот если бы их выселить на остров,
Они б, конечно, поздно или рано
Вспять деградировали в обезьяны,
Мартышки, шимпанзе им стали б сёстры!
Они б, резвясь, взбирались по лианам,
Срывали б братцам-лодырям бананы,
Но, верно, это им бы надоело?
Сестрицы их лишили бы кормёжки,
И, не годясь ни на какое дело,
Лентяи-братцы протянули б ножки

Здесь форма – сонетная, а жанр – басенный. Пусть так, примем всё, как есть, заметим лишь, что для образа Лени достаточно было бы меньшего количества строк, чем эти четырнадцать. Вспомним короткие – по две и четыре строчки – басни замечательного лирика и сатирика Сергея Смирнова, у которого встречаются удивительные по выразительности именно благодаря краткости вещи, например, такие, как о пьянице: «Он за тебя, товарищ Бахус, отдаст последнюю рубаху-с». Сколько в этой мини-басне остроумия и оригинальности даже в рифмовке с почтительным обращением к богу вина: рубаху-с! У прекрасных поэтов поучиться нелишне никому, в том числе и А. Кувалдиной: почитай она басни С. Смирнова – и, чтобы написать басню о Лени, не стала бы она наверняка прибегать к форме сонета, а в обычном стихе, причём намного короче и, может быть, ярче, сказала бы то, что хотела.

Вообще надо отметить, что техникой стихосложения А. Кувалдина владеет довольно уверенно. В подтверждение этого приведём ещё один её сонет «Итог»:

Чуть-чуть лишь питекантроп
человеком стал,
Ещё не САПИЕНС, он стал уж воевать:
С свирепым воем грызлось стадо-«рать»,
Сильнейший в «битве» слабых
мрачно пожирал.
Став ХОМО, он тысячелетья воевал,
Врагов уже не ел, их обращал в рабов,
И богател за счёт их согнутых горбов.
Но вытеснил рабовладельца феодал.
Шли войны чередой… Возник капиталист,
Он богател от войн и, совестью нечист,
Труд пролетариев в банкноты превращал.
Диктата силы замыкается виток:
По зову Ленина народ власть в руки взял:
Нет войнам! Миру – мир! – воззвал.
Таков итог.

Что здесь удалось автору, так это в четырнадцать строк вместить «историю человечества» в связи с вечными схватками и войнами. А теперь зададимся вопросом: какое впечатление производят эти сонеты как поэтические произведения? Ответ напрашивается малоприятный для автора: поэзия с её возвышенностью чувств, с эмоциональностью, сердечностью в этих хорошо зарифмованных строчках почти отсутствует, вниманию читателя предлагается нечто «головное», информационное, неспособное, как говорится, задеть нас за живое, за душу. Вспоминается чьё-то верное высказывание: не бывает такого чуда, чтобы стихи волновали читателя, если сам автор, когда писал их, не был взволнован.

В принципе сонет – очень сложная и трудная форма, которая по плечу только большим мастерам, в чём можно наглядно убедиться, заглянув в собрание сочинений, ну, скажем, одного из классиков русской литературы И. А. Бунина:

В гостиную, сквозь сад и пыльные гардины,
Струится из окна весёлый летний свет,
Хрустальным золотом ложась на клавесины,
На ветхие ковры и выцветший паркет.
Вкруг дома глушь и дичь. Там клёны и осины,
Приюты горлинок, шиповник, бересклет…
А в доме – рухлядь, тлен: повсюду паутины,
Все двери заперты… И так уж много лет.
В глубокой тишине, таинственно сверкая,
Как мелкий перламутр, беззвучно моль
плывёт.
По стёклам радужным, как бархатка сухая,
Тревожно бабочка лиловая снуёт.
Но фортки нет в окне, и рама в нём – глухая…
Тут даже моль недолго наживёт!

Комментировать этот великолепный образец нет надобности. Всякий, кто мало-мальски разбирается в поэзии, поразится силой изобразительности, образности, точности каждого слова. При этом даже не замечаешь, что перед тобой – сонет со своей строгой особенностью формы.

При чтении рукописи А. Кувалдиной бросается в глаза одна характерная черта: чрезмерное увлечение автора стихотворной формой, иногда в ущерб содержанию. Вот как, например, говорит А. Кувалдина о стихотворении «Ранняя весна»: «Для музыкальности ввела сдвоенную и тройную рифмовку». Итак, само стихотворение:

Были вьюги и метели,
Выли ветры и шумели,
Стыли пихты, зябли ели,
И не пели долго птицы.
Где-то в снежные долины
Света хлынули лавины,
Спеты свистом на калине
Трели маленькой синицы:
– Неужели стынь-морозы
В кап-капели ронят слёзы?
Шумно в ели и берёзы
Налетели птиц станицы!
– Тюр-люр-ли! – ликует птица,
Зинь-линь-ли! – зовёт синица,
А вдали – заря ль денница,
Иль весна-красна струится?

Да, действительно, строчки музыкальны, читаются легко, но вот какая закавыка: чётко, зримо нарисованного пейзажа мы не видим, всё условно, расплывчато, «как-то» и «где-то». В погоне за красивым звучанием строк автор не замечает такого, допустим, непродуманного словосочетания, как «спеты свистом на калине». Разве пение и свист – одно и то же? Разве можно в обычном разговоре сказать: спел свистом? Невнятен вопрос маленькой синицы: «Неужели стынь-морозы в кап-капели ронят (?) слёзы?» Концовка хороша ли по тому же звучанию, а смысл – туманный: утреннюю зарю (денницу) представить можно, а есть ли что-то конкретное, образное в названии «весна-красна», которая «струится» (о каких струях речь – думай да гадай)?

Говоря о стихотворной форме, позволю себе сослаться на свой личный творческий опыт. В 50-60-е годы мне посчастливилось состоять в переписке с А. Т. Твардовским, в то время главным редактором журнала «Новый мир». Осенью 1958 г. я послал Александру Трифоновичу несколько своих стихотворений, и вот что ответил он мне в письме от 25 сентября того же года: *«Дорогой товарищ Небогатов! Новые Ваши стихи по словесной и ритмической структуре почти безупречны. Вы, как говорится, набили руку, и этим выражением я не хочу сказать ничего дурного. Это очень важно – обрести уверенность в форме, естественность выражения. Заметно, что Вы работаете сознательно и упорно. Это хорошо. Но овладение формой как таковой, без овладения, так сказать, высотами идейного содержания – это даже ещё НЕ ПОЛДЕЛА, а может быть, только ЧЕТВЕРТЬ ДЕЛА.*

Хочу сказать, что объём содержания этих стихов очень уж скромен. Лето лучше весны, годы идут, мы стареем и т. п. – всё это, согласитесь, не такие уж богатые добытки мысли. Ещё Пушкин говорил, что на одних воспоминаниях об ушедшей юности далеко не уедешь. Словом, стихи вполне приличные, их можно напечатать в местном альманахе, в одном из сибирских журналов, но выходить с ними на трибуну большого всесоюзного журнала не стоит, – для такого выхода надо уж собрать запас повесомее… В дальнейшем присылайте всё, что будет Вам представляться более значительным. Желаю всяческих успехов. А. Твардовский».

На мой взгляд, многое из сказанного здесь великим поэтом полезно принять во внимание не одной А. Кувалдиной.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР. г. Кемерово.

// Комсомолец Кузбасса. – 1988. – 5 мая. – С. 3.

ВНЕСЁМ ЯСНОСТЬ

Написать эту небольшую, но, как мне кажется, принципиально важную статью побудили меня рукописи двух авторов-новокузнечан – Ираиды Зубко и Геннадия Овечкина.

Они оба прислали сочинения длинные, объёмистые, процитировать их полностью мы не имеем возможности, да, признаться, и нет в этом необходимости – даже по немногим строчкам легко понять, каково литературное качество этих сочинений. Вот что, например, пишет о перестройке Ираида Зубко:

Давайте взахлёб и открыто смеяться
Над всем, что смешно,
В том числе над собой…
Давайте не будем ошибок бояться,
И в ближнем бою выигрывать бой…
Судьба никого по головке не гладит…
И паиньки зря собираются жить
В обломовской сказке, где лучшей
наградой
Свои «Жигули» и дач этажи.
Мозги нам продул обжигающий ветер
Давно назревающих в нас перемен…
Дороже всего, когда сам ты ответил
На трудный вопрос, где отец не сумел…
Качает всех нас океан перестройки.
И мачты скрипят. И в душе холодок.
И ночью срывает побудка нас с койки.
И кровь молодая стучится в висок…

И над всем этим не очень вразумительным набором слов – громкий заголовок: «Гимн сверстников»…

А вот начальные строчки стихотворения «Весеннее настроение» Геннадия Овечкина:

Пригревает февральское солнце.
Воробьи веселее кричат.
И в судьбы нашей общей оконце
Столько солнечных скачет зайчат.
Снег сереет, как копоть на лицах.
Но дай срок – он водою сойдёт…
По обеим кузбасским столицам
К весне ближе надежда течёт:
Эти девушки в шубах нарядных,
Эти парни в сибирских унтах.
Эти женщины тайн неоглядных
И с сединкой в густых волосах.
Сколько локонов, трепетных чёлок,
Сколько к солнцу повёрнутых губ…
Реки женщин и реки девчонок
По проспектам февральским текут…

В обоих отрывках недостатков, как говорится, хоть отбавляй – и бедная рифмовка, и неуклюжие обороты речи, и неточность отдельных слов и выражений. Что стихи слабые, удивительного в том нет. Одарённость дана не каждому. Удивительно другое: как сами авторы оценивают себя, представляясь редакции – «Ираида Зубко, поэтесса». «Геннадий Овечкин, поэт».

И тут на память невольно приходят строчки, только в ином, противоположном смысле:

Нет, не похож я на ПОЭТА!
Я обманулся, вижу сам.

Бьюсь об заклад, что так вот просто, без долгих раздумий вы не отгадаете, кому принадлежат эти крайне беспощадные по отношению к себе строчки. Да, трудно поверить, но написал их… гений русской литературы Михаил Юрьевич Лермонтов.

Посмотрим, как толкует слово «поэт» Владимир Иванович Даль: «Поэт – пиита, человек, одарённый природою способностью чувствовать, сознавать поэзию и передавать её словами, творить ИЗЯЩНОЕ» (выделено мною. – **М. Н.**). А теперь – о главном. По Далю же, об определении слова «поэзия»: «Изящество в письменности; всё художественное, духовно и нравственно ПРЕКРАСНОЕ (**М. Н.**), выраженное словами, и притом более мерною речью…»

Есть ли что-либо подобное в стихах Ираиды Зубко и Геннадия Овечкина? Увы, к сожалению, нет, следовательно, нет у них и основания именовать себя высоким званием. Чтобы не обижались они на нас за столь суровую правду, скажем для утешения: далеко не всякий пишущий стихи (даже из числа членов Союза писателей) поэт.

Конечно, многие поэты так и называют себя в своих стихах. Скажу больше – Сергей Есенин, например, делает это чаще других и по-разному: то вызывающе-гордо, то по-мальчишески несколько хвастливо, то с этаким нарочитым кокетством или с искренней серьёзностью. Вот некоторые из его известных строк: «Говорят, что я скоро стану знаменитый русский поэт», «Мечтатель сельский, я в столице стал первокласнейший поэт», «Я последний поэт деревни», «Наплевать мне на известность и на то, что я поэт», «Я вам не кенар, я поэт!», «Я буду воспевать всем существом в поэте шестую часть земли с названьем кратким Русь…». Ни одна из приведённых строк не вызывает у нас ни сомнения в искренности, ни возражения, как несоответствующая действительности – Сергей Есенин и впрямь замечательный русский лирик, стоящий в одном ряду с другими нашими классиками.

Хочется надеяться, что молодые авторы согласятся с нашим мнением. Поэтами некоторые называют себя не по причине самонадеянности, а по неопытности, непониманию существа дела. Не беда, это временное состояние души, доступное самокритичности, серьёзной трезвой оценке имеющихся у тебя способностей и возможностей. Беда, если бесталанный человек упрямо стоит на своём, подобно герою Пушкина из его стихотворения «К другу стихотворцу»: «Пусть судит обо мне как хочет целый свет, сердись, кричи, бранись, – а я таки поэт».

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР. г. Кемерово.

// Комсомолец Кузбасса. – 1989. – 13 июня. – С. 4.

О ТОМ, ЧТО ВОЛНУЕТ ДУШУ

С поэтической работой Николая Мартина из Киселёвска я знаком не первый год, и получать от него рукописи – всякий раз большая радость. Прежде чем начать разговор о его стихах, считаю нужным сказать несколько слов о нём самом, познакомить читателей с этим добросердечным, скромным человеком и одарённым поэтом-самоучкой.

Вот что сообщал о себе Николай в одном из писем: «Я инвалид первой группы. Стихи – это единственное, что связывает меня с общественной жизнью. Пишу давно, печатаюсь в городской газете «В бой за уголь», газете «Красное знамя» Промышленновского района. Пишу главным образом на сельскую тему. Она мне близка, потому что человек я деревенский, хотя и живу сейчас в городе».

Родился Николай Мартин в одной из деревень Промышленновского района, служил в армии, заочно окончил четырёхгодичные курсы режиссёров в Москве, работал одно время в колхозе разнорабочим, затем художественным руководителем и директором Дома культуры. Около двадцати лет назад в результате несчастного случая стал инвалидом. Много читает. Стихи он пишет светлые, энергичные, жизнеутверждающие, и главное в этих стихах – гражданские мотивы, близкие всем нам.

В феврале 1986 года газета «Кузбасс» по моей рекомендации опубликовала небольшую подборку стихов Николая Мартина. И вот – редкий случай: в редакцию стали поступать письма читателей с похвальными откликами и с просьбой напечатать новые стихи этого полюбившегося им дотоле неизвестного автора.

В только что присланных стихах он остался верен себе:

Поднялась выше окон крапива,
И раздолье густым лопухам…
Воробьишки сидят сиротливо
По запущенным, ветхим дворам.
У ворот наклонилась рябина,
По хозяевам добрым скорбит.
Словно мать в ожидании сына
На дорогу с надеждой глядит.

А полоске невспаханной снится,
Что скосили с неё мужики
Золотые колосья пшеницы
И комбайны молотят валки.
Огороды зачахли в бурьяне,
В лебеде утонула сирень.
… Возвращайтесь скорее, крестьяне,
На подворья своих деревень!

Немного слов понадобилось Николаю для того, чтобы нарисовать картину запустения и одичания тех мест, где когда-то обитали люди. И кажется мне, говоря откровенно, что и сам автор не очень верит в то, что прислушаются крестьяне к его эмоциональному призыву – вернуться на свои покинутые подворья. Легко произнести слова такого призыва, да, к сожалению, не так просто решаются в современной действительности такие вот, связанные с селом, проблемы, говорить о которых надо не мимоходом, не вскользь, как приходится нам в этом стихотворном обзоре, а в специальных работах, что и делают сейчас многие публицисты.

А рассуждая попросту, как хотелось бы, чтобы это глухое сейчас, обезлюдевшее место наполнилось, словно живой водой, с детства милым сердцу сельского человека житьём-бытьём – с рассветной разноголосой перекличкой горластых петухов, с голубоватыми струйками дыма из печных труб, со спокойным, мирным, таким привычным для слуха урчаньем трактора где-то у околицы, с равномерным

шарканьем пилы, с приятным банным запахом берёзовых веников по субботним вечерам, с протяжными переливами гармони.

У известного кузбасского поэта Виктора Баянова есть хорошее лирическое стихотворение, которое заканчивается пожеланием, обращённым к любому из нас: «Чтоб помнить мы не перестали под нашим небом иль чужим, в каком краю мы вырастали, какой земле принадлежим». Николай Мартин свято выполняет этот патриотический завет – не забывать, где он, как говорится, родился-крестился, где его малая родина, данная ему судьбой от рождения. Не этим ли святым чувством продиктовано стихотворение «Каменка»?

Стоит на речке маленькой
Вдали от городов
Деревня наша Каменка –
Три сотни теремов.
Простая и обычная
(Таких не перечесть).
Но всё же в ней отличие
Особенное есть.
…Хомут нужды не миловал
Днепровских казаков.
И многие из Киева
И мелких хуторов,
Простившись
с Украиною,
В жупанах из холста
Ушли дорогой длинною
В сибирские места.
На этом поле пращуры
И порешили жить –
Хлеба на нём выращивать
И хаты возводить.
На окна ладить ставенки
Да печи для тепла…
И у речушки маленькой
Окрестность ожила.
Сейчас в колхозе Ленина
Уж правнуки живут.
Но сватают и женятся
По-прадедовски тут.
И песни украинские
Из года в год звучат
Над долами сибирскими
На первозданный лад.
И я с крутой завалинки
Под птичий перезвон
Пою о нашей Каменке
На весь большой район!

Вот такие симпатичные стихи пишет Николай Мартин, повторяю, поэт-самоучка. В «Каменке» он довольно успешно справился со сложной дактилической рифмой, что достойно похвалы, потому что обращаются к ней обычно лишь опытные мастера.

Автор из Гурьевска Иван Ионович Улько прислал нам стихотворение под названием «Без вины» – оно тоже о том, что волнует душу, о репрессиях сталинских времён.

Зона. Бараки. Высокий забор.
Подвешенный рельса кусок.
Охрана на вышках. Суров приговор:
Он был словно выстрел в висок.
За что осудили? И был ли он, суд?
За что заточили сюда?
Потомки далёкие в толк не возьмут,
Как можно вот так – без суда?
Вдали от семьи, от родных и друзей
В холодных объятьях тайги
Носили клеймо – не придумаешь злей:
Их звали – народа враги.
Не знали вины никакой за собой,
Но крест подневольный несли.
И в рельс им звонили вечерний отбой,
Работать под звон этот шли.
И холод, и голод в суровом краю,
И боль, и обиду в сердцах –
Безмолвно несли они ношу свою,
Без слёз в потускневших глазах.
Промёрзшую землю долбили киркой,
На тачках возили в отвал.
Кто их наградил этой жалкой судьбой,
Жестоко их так наказал?

Стихотворение довольно большое. Здесь помещена лишь его часть. Автор в своём письме не сообщает, из личного жизненного опыта взял он это или же строчки родились под впечатлением от исповеди кого-то из знакомых, бывших «врагов народа». Весьма возможно, что это почерпнуто из печати (о 30-х годах сейчас много пишут). Как бы то ни было, стихотворение стоило процитировать. Ценность его – не в литературно-художественных достоинствах (их, увы, нет), а в самом жизненном факте, в правдивости изображённых деталей и подробностей «лагерного быта».

Написанное Иваном Улько, мы уверены в этом, не оставит равнодушными многих и многих читателей, особенно из тех семей, которые не обошла в своё время эта трагедия.

Ну а в заключение предлагаю вашему вниманию полевой пейзаж, принадлежащий перу прокопчанки Л. Владимировой:

Во широком поле, в овсе переспелом,
Как в широком море, в золотой воде,
Лошадь вороная с жеребёнком белым
Плавали – купались в полный солнца день.
Ласковое небо цвело васильками.
И земля держала голубой букет
Полными и силы, и любви руками,
Как держать привыкла миллионы лет.
Всё вокруг дышало негой и покоем,
Запахом просторных вызревших полей.
А ещё дышало волюшкой такою,
Что, казалось, края не отыщешь ей.
Есть ли край тот, нет ли, им-то что за дело!
Знай себе ныряют в золотой овёс
Лошадь вороная с жеребёнком белым,
Позабыв, что рядом ждёт их тяжкий воз,
Что под тем под возом конюх вечно пьяный.
Спит покуда крепким беспробудным сном.
Но и он проснётся поздно или рано
И по крупам злобно полоснёт кнутом…

Мы рассмотрели стихотворную работу трёх авторов. Не будем делать сравнений (чьи стихи сильнее, чьи слабее), скажем о другом: по тому, о чём то или иное произведение, отчётливо видно, что больше всего волнует каждого автора, что он принимает близко к сердцу. Главное, во всех стихах отсутствует элемент случайности, а это – непременное условие для плодотворного творчества.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР. г. Кемерово.

// Комсомолец Кузбасса.– 1989. – 29 июля. – С. 4.

О ЧАЙКАХ, ГАРМОНЯХ И САМООБРАЗОВАНИИ

В художественном творчестве, как и в любом деле, очень важно быть упорным и настойчивым. У обладающего этими качествами автора затраченные усилия с лихвой окупаются в полном соответствии с пословицей: терпение и труд всё перетрут. Эта мысль пришла мне в голову, когда я познакомился с присланной недавно в редакцию новой рукописью кемеровчанина В. Антоненко, который до этого предлагал нам для рассмотрения множество, прямо скажем, слабых стихотворений. У нас уже было начало складываться убеждение, что напрасно этот стихотворец берёт в руки перо. Однако В. Антоненко, получив из редакции очередной отрицательный отзыв, не пал духом, продолжал упорно писать. И вот некоторые последние стихи его можно без всяких оговорок назвать вполне удавшимися. Это наглядно подтверждается, например, небольшим стихотворением под заголовком «Талисман»:

С отмели чайки бесшумно взлетели,
Гроздья калины качнулись слегка:
Дремлют в прохладной речной колыбели –
В розовом свете зари облака.
Тихо туманятся тонкие росы…
Любо счастливую радость нести!
Каждой берёзке в зелёные косы
Хочется алую ленту вплести!..
Каждому встречному – слово привета:
«Друг мой, товарищ мой, слышишь ли ты?!
Пусть в твоём сердце и сердце поэта
Ярче горит талисман доброты!..»

Общее впечатление от этой вещи – неплохое. Хотя частных недостатков избежать автору опять не удалось. Упоминание чаек, например, которые взлетели с отмели, настраивает нас на морской пейзаж, а дальше говорится о калине, о берёзках, о росах – «тихо туманятся» (?). Над всем этим надо ещё работать, игра стоит свеч: основой стихотворения должна стать тема доброты. В наш жестокий век ДОБРОТА так необходима, о ней и писать нужно, и, главное, проявлять её на деле…

Виктор Устьянцев из г. Белово прислал в редакцию три лирических стихотворения, лучшее из них, на мой взгляд, – под названием «Гармоника»:

Где-то за окном грустит гармоника…
Может, кто-то в первый раз узнал,
Как его, её очей поклонника,
Сердцеед какой-то обогнал.
И пускай в его груди смятение,
Плачет пусть гармоника в ночи о ней,
Разве он предъявит обвинение
Той, что всех безвинней и нежней?
Виновата разве в том любимая,
Что он так доверчив и не смел?
Так пускай, пускай теперь с другим она,
Раз увлечь её он не сумел.
Ведь тому, кто в первый раз влюбляется,
О любви не рассказать своей…
Оттого, наверно, заливается,
Душу рвёт какой-то «соловей».

Читаешь это, а перед глазами – телевизионные передачи «Играй, гармонь!» с непременным участием наших соседей-новосибирцев братьев Геннадия и Александра Заволокиных, влюблённых в этот старинный народный музыкальный инструмент и неутомимых пропагандистов его. Ещё вспоминается лучшее, по мнению А. Твардовского, из всего, что написал в давней молодости ныне покойный поэт Александр Жаров – его поэма «Гармонь», в которой так хорош, незабываем рефрен: «Гармонь, гармонь, родимая сторонка, поэзия российских деревень!» Именно поэзией остаётся она для жителей (особенно немолодых) нынешних сёл и деревень. Сердечное спасибо Виктору Устьянцеву за это искреннее стихотворение, над которым, правда, ещё стоит поработать, поточнее «расшифровав» местоимения, чтобы читатель точно знал, о каком из двух влюблённых парней речь, кто есть кто.

Интересно и стихотворение Виктора Устьянцева «Уголёк» тем, что написано с неподдельным уважением к нелёгкому, но почётному шахтёрскому труду, и не от имени человека, а от имени как бы «одушевлённого» угля, добываемого в карьере. Я процитирую лишь отдельные фрагменты. Вот начало:

Не подземный – и всё ж забой,
Слева – сланцы, а справа – уголь…
Из романтиков здесь любой
Доказать свою сможет удаль.
Я про удаль совсем не ту,
Что хамит вам в лицо и лает.
Уголь чувствует доброту,
Душу чуткую понимает…
Чтоб не снилась тебе печаль,
Будто все вдруг остыли печи,
Скажет он: «Мне огня не жаль,
Грейся, праведный человече!»

Из Москвы прислала нам два стихотворения Нина Джиоева. Привести их здесь целиком не позволяют нам рамки газетной статьи, поэтому цитаты будут краткими. Вот из лирической исповеди «Верую»:

Я верю в дремотное утро,
В луга под разливом росы
И в то, как неспешно и мудро
Минуты стекают в часы…

Дальше в нескольких четверостишиях перечисляется ещё кое-что, чему верит автор, а концовка убедительно венчает всё это:

И я не считаю потери,
Я верю, как хлеб берегу.
Ведь если устану я верить,
То дальше и жить не смогу.

Не обязательно быть очень опытным, искушённым в поэзии читателем, чтобы заметить, что стихи Нины Джиоевой написаны почти на профессиональном уровне.

Два довольно длинных стихотворения сопроводил кемеровчанин Игорь Зотин такой же длинной припиской: «Здравствуйте». Пишу Вам в первый раз. Не по своей воле – друзья заставили. Дело в том, что с некоторых пор я начал писать стихи. Они очень жидкие, и мне самому не очень нравятся. Но для меня они дороги, и поэтому я пишу не только для себя, иногда читаю своим друзьям. Они и посоветовали мне написать несколько стихов в газету, т. е. человеку, который бы дал им оценку. Я по натуре человек нерешительный, и мне стоило большого труда решиться на это. Поймите меня правильно».

Хотим заверить Игоря: понимаем мы его правильно. Что касается оценки присланных стихов, то он уже сам без нас дал её точно: они очень жидкие. Давайте прочитаем несколько строчек из стихотворения «Утренняя встреча»:

Латунный всплеск волос
Среди толпы
Как ветер освежил моё сознанье.
А подсознанье шепчет:
Это ты!
Мелькнула как небесное созданье
Среди толпы
Я вижу не тебя
А что-то смутное как суть необъяснимо
И суета опять влечёт тебя
И ты как остров проплываешь мимо…

Скажем откровенно: продолжать цитирование текста не имеет смысла. Дело не только в том, что по содержанию строчки жидки, но они почему-то ещё без запятых, точек, без хороших рифм (ты – толпы, тебя – тебя – это не рифмы), да и ритма здесь нет никакого, весь текст звучит тяжело, прозаично. В общем, ясно, что друзья Игоря разбираются в стихах очень плохо. Иначе не «заставили» бы его посылать их в редакцию. Начинать Игорю Зотину придётся с азов, с теоретического изучения стихосложения, к которому он в настоящее время – на самых дальних подступах.

О необходимости много читать, систематически, изо дня в день, заниматься самообразованием – об этом надо помнить всем начинающим авторам.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР. г. Кемерово.
// Комсомолец Кузбасса. – 1989. – 12 сентября. – С. 3.

«НЕ РАЗЛЮБИ!..»

В нынешнем году Кемеровское книжное издательство выпустило поэтическую кассету под таким названием. В ней в числе пяти авторов выступил с первой своей небольшой книжкой «Тонкорунные снега» Анатолий Козлов. К настоящему времени он успел уже написать новые стихи (на целую книжку), о которых я и хочу поговорить в этой обзорной статье. Но сначала – некоторые биографические и творческие данные.

Козлова я знаю уже более тридцати лет, с тех пор, как мы ходили на занятия литературного объединения при областной газете «Кузбасс». Родился он в Ленинграде, но с четырёх лет его жизнь связана с Сибирью и Дальним Востоком. В юности он мечтал стать художником и даже поступил в Омское художественное училище, но был призван в армию, участвовал в войне с Японией, в освобождении Кореи от японских захватчиков. Демобилизовался в 1946 году, приехал в Кемерово.

В 1953 году произошла наша новая встреча с Анатолием Михайловичем: красивый, статный, подтянутый молодой военный принёс свои стихи мне, тогда ещё более молодому, чем он, редактору издательства, где я работал над коллективным сборником стихов «На рассвете».

С тех пор прошло много лет, но больше в книгах стихи А. Козлова не печатались. Но это не значит, что Анатолий Михайлович бросил заниматься поэзией. Композитор Е. Лугов написал четыре песни на его стихи, одна из них завоевала вторую премию на конкурсе (первая не присуждалась), позже художественный руководитель Уральского народного хора композитор Н. Хлопков тоже написал песню на стихи А. Козлова, и она была много лет в репертуаре хора.

Литературным творчеством Анатолий Михайлович занимался урывками, редко: совершенно не оставалось времени от хлопотливой и ответственной работы в органах внутренних дел. Года четыре назад, уже будучи на пенсии, он зашёл ко мне показать новые свои стихи. Они мне понравились безыскусностью, искренностью, непосредственностью. Я посоветовал ему не оставлять поэзию, продолжать в том же духе. С тех пор почти каждый день он приносил мне или читал по телефону новые стихотворения. Передо мной раскрывалась молодая душа, умеющая воспринимать всё по-своему, оригинально.

Большая часть стихотворений книжки «Тонкорунные снега» написана в последние три-четыре года. Читатель сам оценит его творчество. Думаю, что А. М. Козлов стремится идти по стопам лучших наших

поэтов, например, Н. Некрасова и А. Твардовского, а в стихах о природе его учитель, несомненно, – И. Бунин, замечательный пейзажист. Манеру этих поэтов говорить с читателями А. Козлов старается перенимать не формально, а всем своим существом, своей поэтической натурой.

Анатолий Михайлович далеко не молод. И, конечно, сейчас можно с горечью говорить об упущенном времени. Но для меня очевидно и бесспорно одно: никогда не поздно взяться за перо, если есть что сказать.

А теперь откроем папку с новыми стихами А. Козлова, написанными в этом году. Повторяю, их много, целая книжка, а газетные рамки не безграничны, поэтому задача моя нелёгкая: не ошибиться, показать вам самое лучшее. Возьмём хотя бы вот эту незамысловатую миниатюру:

Костёр сгорел
И поседел.
Его небось тревожит,
Что вдруг
Остался не у дел –
Меня согреть
Не может.

Чем значительна эта простоватая, на первый взгляд, вещица? Тем, что это не только о костре, но и о человеке. У зарисовки второй (философский) смысл: всякий настоящий человек может быть доволен собою лишь тогда, когда он делает добро другому. Вы не задумывались, почему старые люди часто бывают раздражительными, даже злыми? Кому-то, наверно, представляется, что причина самая заурядная – старческая капризность. Нет, на самом деле не так. Злятся они не на кого-нибудь, а на себя: за то, что в самых добрых своих душевных порывах они как бы «не у дел» – и рады бы чем-то помочь ближнему, да сил на это уже нет. Вот как много смог, по-моему, сказать А. Козлов в семи строчках.

Срывает ветер скудные пожитки
С дрожащих чёрных веток тополей.
Слетаются вечерние снежинки,
Как мотыльки, у жёлтых фонарей.
Пройдёт зима, и лёгким испареньем
Они к весёлым небесам уйдут.
Но всё равно – с великим нетерпеньем –
Дождями вновь на землю упадут.
Вот так и я хотел бы превращаться –
Пусть даже оказался бы в раю –
То в дождь, то в снег,
Чтоб чаще возвращаться
На землю горемычную свою.

Кажется, Горький говорил, что отличительный признак поэзии – большая, чем в прозе, эмоциональность. Так вот, с особенным (грустным) чувством читается это раздумчивое стихотворение, тоже с философским подтекстом – о единении природы и человеческой души. Если эта душа горячо влюблена в родную землю, то и потом, «на том свете», «оказавшись в раю», очень хотела бы не раз возвратиться сюда, в край лесов и рек.

Не только грустные элегии сочиняет А. Козлов. Вот проникнутое неподдельным мажорным чувством стихотворение «Черёмуха». Прошу внимательно вчитаться в каждую строчку – вы обнаружите немало поэтических находок.

Что такое?
Не понять мне сразу.
Неужели зрения обман?
Вдоль речушки –
Не окинешь глазом –
Белый всё заполонил туман.
К речке я спускаюсь
Ранним часом.
А с туманом
Крепкий, как настой,
До краёв наполнил поймы чашу
Аромат черёмухи густой.
Это ты дымящей белизною
Пенишься, черёмуха моя.
Я купаюсь в этом белом зное,
Радости по-детски не тая.
Я тебе хочу тепла и света.
И немало сочиню стихов.
Ну, а ты, черёмуха, за это
Подари мне веточку духов.

Я не случайно просил вас быть повнимательнее к отдельным строчкам, чтобы обнаружить поэтические находки, открытия. Вот лишь одна строчка: «Подари мне веточку духов», от которой не отказался бы любой профессиональный поэт!

А вот просто превосходное стихотворение о красоте, которой природа радует нас чуть не на каждом шагу:

Какая свежесть
И изящность линий!
Боюсь до них
Дотронуться рукой –
Фиалки смотрят
Взглядом ярко-синим,
Вселяя в душу негу и покой.
И как бы мы искусно ни творили,
Непостижима эта синева.
О, если бы цветы заговорили,
Какие были б нежные слова!

Мне кажется, я не ошибся – отобрал из новой рукописи А. М. Козлова для вашего знакомства с ними образцы настоящей лирики. Сделал я это не только для приятного чтения, но и для учёбы. Без всякого преувеличения отмечу такой факт: для собратьев по кассете «Не разлюби!..» их старший товарищ, поэт Анатолий Козлов, безусловно, примерный учитель, не говоря уже о тех начинающих стихотворцах, которые ещё не имеют ни сборников, ни публикаций.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР. г. Кемерово.

// Комсомолец Кузбасса. – 1989. – 23 ноября. – С. 3.

ЗАГОВОРИ, Я ХОЧУ ТЕБЯ УВИДЕТЬ

Есть мудрое изречение: «Заговори, я хочу тебя увидеть». Действительно, только разговаривая с кем-то, мы более или менее отчётливо можем увидеть, понять, что за человек – умный ли, глупый ли – наш собеседник, каковы его взгляды, лукавит ли он или высказывается с предельной искренностью.

Нет на свете даже несколько людей, чей душевный мир был бы совершенно одинаков, как капля воды, похож один на другой. Ох, как нужна искренность стихотворцам, в частности лирикам! Она помогает им приобретать свою индивидуальность, своё творческое лицо. Одинаковы, похожи друг на друга лишь те авторы, которые не умеют самостоятельно мыслить, находятся под сильным влиянием кого-то, каких-то поэтических образцов, подражают им. А мыслящие самостоятельно обязательно имеют какие-то отличительные черты и особенности, их ни с кем не спутаешь.

Итак, заговори… Предоставляю слово одному из авторов, чья рукопись хоть и пришла в редакцию, адресована лично мне: «Уважаемый Михаил Александрович! Пыталась с Вами увидеться. Мне 34 года, и тратить зря время я не могу себе позволить. Жизнь коротка, и это Вы знаете так же, как и я. Стихи для меня, как неизлечимая болезнь. Пробовала не писать – и не могу. Что это? Хотела увидеть ответ в Ваших глазах. Если ничего толкового – то к чёрту, переболею. Немного о себе. Окончила школу, курсы шофёров, в 1984 году поступила в МГУ заочно (журналистика) – бросила по семейным обстоятельствам. Сейчас учусь заочно в техникуме г. Горно-Алтайска. Муж, двое детей. Зовут Каравай Антонида Сергеевна. С уважением». Живёт она на ст. Плотниково Промышленновского района.

Читатели, наверно, заметили, что письмо очень откровенное, доверительное, и грешно было бы в ответе не проявить взаимность. Главное, разумеется, не в письме, а в стихах, а посему перейдём к ним. Вот самое первое стихотворение, которым открывается ученическая тетрадь:

Попробуй-ка останься сам собою,
Когда буксует колесо судьбы
И давит на тебя пережитое
Потерями ошибок и борьбы.
Попробуй-ка останься сам собою,
Когда тебя футболят, словно мяч,
И отвергает самое святое
Ничтожный самодур или ловкач.
И всё-таки останься сам собою
Ты на волнах удач и неудач.
Приходит счастье после острой боли,
Но только ты себе судья и врач.

Не обижайтесь, Антонида Сергеевна, но я вынужден огорчить Вас: стихотворение кажется написанным экспромтом, наспех, оно мало продумано, что подтверждается смысловыми неточностями в первом же четверостишии: «И давит на тебя пережитое ПОТЕРЯМИ ОШИБОК И БОРЬБЫ». Вдумайтесь-ка получше: то ли Вы хотели сказать? В прозаическом тексте замысел Ваш можно выразить примерно так: «И давит на тебя пережитое потерями чего-то дорогого, бесценного, быть может, а также допущенными тобой ошибками и бесплодной борьбой с чем-то злым, неправедным…». У Вас же: ПОТЕРЯМИ ОШИБОК. Можно ли так сказать, что ошибки потеряны? Прощены тебе кем-то или забыты тобой – другое дело. И это не может «давить», угнетать, а наоборот – должно радовать.

А вообще то, ради чего написано стихотворение, заслуживает всяческого одобрения: в жизни очень важно быть самим собою, поэту – тем паче.

Вот начальные строчки другого – пейзажного – стихотворения:

Мне знакома до боли дорога,
И знаком запашистый прокос.
Здесь когда-то в тоскливой тревоге
Моё детство ушло под откос.

Есть что-нибудь хорошее в этих строчках? Да, это живое чувство, определённое настроение. Но вот беда – в памяти сразу же возникает есенинское:

Эта улица мне знакома.
И знаком этот низенький дом.
Проводов голубая солома
Опрокинулась над окном.

В ритмическом звучании, в интонациях – во всём поразительное сходство.

Подражание Есенину – это одно. Второе: неточность выражения – «моё детство УШЛО под откос». Под откос уйти мудрено, под него сбегают или падают. Маленькая недостоверная деталь, а многое в общем впечатлении портит.

Ещё больше разных ошибок в других стихах Антониды Сергеевны. Прошу извинения за эту критику, но я допустил её, памятуя о том, что на дальнейшую творческую судьбу начинающей поэтессы эта критика отрицательно не должна повлиять: «Пробовала не писать – и не могу». Значит, писание ни в коем случае не прекратится. Для успешной же работы над стихами советуем Антониде Каравай помнить пушкинскую строчку из сонета «Поэту»: «Всех строже оценить умеешь ты свой труд». Таким должен быть девиз у любого автора.

Неподдельное сочувствие вызывает душевное состояние молодого стихотворца из деревни Абашево Промышленновского же района Сергея Гриценко, сказать точнее – удивляют многие его строчки – настолько они мрачны, пессимистичны, проникнуты прямо-таки какой-то крайней безысходностью: «Как-то странно всё получилось: я ушёл, не сказав ничего. И теперь мою жизнь унылую не украсит никто и ничто… Но от мысли мучительно больно, что не нужен мне в мире никто». Можно подумать, что всё это – от несчастной, безответной любви. Нет, причины мрачных настроений Сергея – в другом: нелёгкие времена переживают сейчас все люди нашей страны, и Сергей уж слишком сгущает тёмные краски наших сложных перестроечных дней. Политические события в отдельных регионах нашей страны (в Тбилиси, в Прибалтике и т. д.) тяжело обрушились на его, видимо, не очень стойкую натуру, и ему представляется даже такое, чего нет на самом деле: «Красные флаги поникли давно, их растоптали, стало темно». Хотелось бы от души пожелать Сергею Гриценко жизнерадостнее смотреть на окружающий мир, тем более что Муза-то его в общем и целом добра по отношению к людям, она верит во всё хорошее в них:

Ночь печалью полна до небес,
Свет луны серебристый струится,
Спят в домах, спит под инеем лес,
Пусть всем лишь хорошее снится.
Пусть приснятся им дальние дали,
Блеск звезды и задумчивых глаз.
Пусть уйдут в никуда все печали,
Убегут, растворятся на час.
Все увидят сады и тюльпаны,
Много роз и большой водопад,
И исчезнут во сне все изъяны,
Чтоб с утра им вернуться назад.

Вот как глубоко вошли в душу Сергея Гриценко всякие житейские изъяны – не удержался, упомянул их всё же в конце мажорного в целом стихотворения. Пожелаем же Сергею, чтобы побольше было у него стихов не бодряческих, нет, а просто с бодрой и доброй тональностью.

Для контраста я познакомлю Сергея со стихами Николая Мартина из Киселёвска. Николай, кстати, инвалид 1-й группы, прикован много лет к коляске, а какой светлый мир в его строчках, каким теплом полна его неунывающая душа! Прочтём его стихотворение «В зимнюю ночь»:

Зима сибирская хлопочет,
Да так, что свету не видать!
Лишь из-за туч луны кусочек
Покажется секунд на пять.
Скребёт мороз по стёклам тусклым.
Куржак слетает со стрехи –
А у меня на печке русской
Звенят весенние стихи.
В них ручейки бегут с откоса,
В них синева влюблённых глаз,
Улыбки девичьи и косы,
Какие только есть у нас.
Шальной буран колотит в сени,
Аж всю избу бросает в дрожь –
А у меня на куст сирени
Густой накрапывает дождь.
Цветут черёмуха, медунки
По берегам Ини-реки.
От Журавлёва до Падунки
Запламенели огоньки!
Пускай зима лютует, злится,
Растут сугробы у крыльца,
Но мне весна сегодня мнится…
И вдохновенью нет конца!

В последней строке – ключ к пониманию задачи художественного произведения, в частности, стихотворных образов. «Без божества, без вдохновенья» не может быть поэзии! И без искренности авторской – тоже. А искры искренности мы находим в стихах всех авторов, о которых идёт сегодня речь. Правда, и Антонида Каравай, и Сергей Гриценко слабовато владеют техникой стиха. Пусть они внимательно вчитаются в стихотворение Николая Мартина –творческий опыт у него побогаче, так что им есть чему поучиться у своего собрата и земляка. Да, земляка: он родился тоже в одной из деревень Промышленновского района – об этом районе его строка «От Журавлёва до Падунки».

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР. г. Кемерово.

// Комсомолец Кузбасса. – 1990. – 4 января. – С. 3.

ДВА УСЛОВИЯ ХЕМИНГУЭЯ*

Интересным кажется мне высказывание Э. Хемингуэя о литературе: «Подлинно серьёзное отношение к литературному творчеству – одно из двух абсолютно необходимых условий, другим условием, к сожалению, является талант». Кое-кого может удивить выражение «к сожалению». Почему же, мол, к сожалению? А это камешек в огород графоманов. Желанием, порой неодолимым, что-то писать, «творить»

---

* *– Последняя статья М. Небогатова в «Комсомольце Кузбасса», которая вышла за день до смерти поэта* (Примечание Н. Инякиной).

обладают многие и многие, а вот талантом – далеко не все из одержимых. Будь иначе, то есть не требуйся наличие врождённого дара, литераторами стали бы, как говорится, все, кому не лень. Первое условие – серьёзное отношение к литературному творчеству – не так уж трудно выполнимо (достаточно иметь настойчивость, усидчивость, большую работоспособность). Этими качествами, кстати говоря, в избытке наделены упомянутые графоманы – бесплодные бумагомаратели.

Общеизвестно: всё хорошее, а также, как это ни прискорбно, и всё плохое проявляется в человеке смолоду, часто даже с детства. Сошлюсь на конкретный пример. Кемеровчанка Сюзанна Рубан – ещё школьница, учится в 6-м классе, а сочинением стихов увлекается уже вполне серьёзно и осмысленно, о чём свидетельствует то, что она принесла в редакцию:

Пришла весна, река проснулась
И всем на свете улыбнулась.
А за весной спешит и лето,
И на поляне уже где-то
Ручей журчит,
Как будто что-то говорит…
Резвится природа,
Резвятся все звери,
И в тёплое лето
Открылись нам двери.

(Печатается с сокращением. – **Прим. ред.**).

Что волнует Сюзанну Рубан – это вполне видно из текста (главная тема – природа). А вот **как** пишет, при помощи каких словесных средств – в этом нам необходимо тщательно разобраться, ведь между родственными «что» и «как» – большое расстояние и существенная разница.

К первому элементу творчества – «что» (т. е. тема) – никаких претензий у меня нет. О природе писали и пишут стихотворцы – и начинающие, и опытные. Это очень притягательная и благородная тема. А о том, как пишет Сюзанна, приходится, увы, говорить с отрицательным знаком. Первое. В тексте очень много орфографических ошибок, я их не стал сохранять при цитировании стихотворения, чтобы не конфузить юную поэтессу. Ограничусь добрым советом: быть повнимательней и поприлежней на уроках русского языка. Второе. С пятой строки автор произвольно изменяет ритм стиха, и с этого места ритм – то один, то другой, что вообще-то в небольшом лирическом стихотворении нежелательно, может быть, даже недопустимо. И, наконец, третье. Композиционно вещь плохо продумана. Где-то со строчки «Ручей журчит» почти одни и те же слова начинают топтаться на месте, картинка природы мертвеет, оборачивается общими фразами.

С одним только можно поздравить Сюзанну Рубан: с тем, что она научилась немного понимать толк в созвучиях (в рифмах). Если не быть очень строгим («Сурово спрашивать с себя, с других не столь сурово», как сказал Твардовский), то овладение и одним элементом стихосложения (рифмой) для шестиклассницы не так уж мало.

Для поэтического контраста мне хочется привести стихотворение, тоже о природе, Сергея Есенина, открывающего его трёхтомник. Когда Есенин написал его, ему было немногим больше лет, чем Сюзанне, – пятнадцать… Итак, есенинское стихотворение:

Вот уж вечер. Роса
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.
От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я услышу.
Хорошо и тепло,
Как зимой у печки.
И берёзы стоят,
Как большие свечки.
И вдали за рекой,
Видно, за опушкой,
Сонный сторож стучит
Мёртвой колотушкой.

Прошу учесть: это отнюдь не шедевр замечательного русского лирика и даже просто не одна из лучших его вещей. Больше того, как у самого заурядного стихотворца: в первых шести строчках мы обнаруживаем отсутствие ритмической чёткости, стройности – серьёзный недостаток. Никак не скажешь, что стихотворение принадлежит перу мастера. И тем не менее признаки будущего мастерства ясно просвечивают сквозь некоторую корявость строк. Я имею в виду конкретность, предметность в изображении летнего вечера. Тут и придорожная ива, к которой прислонился деревенский паренёк, и сильный лунный свет, заливающий крышу дома, и похожие на большие свечки берёзы… А какая запоминающаяся деталь дана для изображения теплоты и уютности вечера: «Хорошо и тепло, как зимой у печки»!

Вдумаемся: даже у неопытного, но талантливого поэта есть в данном случае чему поучиться, а именно: конкретности пейзажных подробностей. Это не что-то расплывчатое, неопределённое: «река проснулась», «а за весной спешит и лето»…

Так что второе условие для литературного творчества по Хемингуэю – иметь талант, – Сергей Есенин выдерживает уже в пятнадцатилетнем возрасте. Есть ли талант у Сюзанны Рубан – сейчас трудно определить, это покажет будущее. Пока что приходится воздержаться от оценок.

Эти слова можно целиком и полностью отнести и к кемеровской десятикласснице Наташе Червовой. В её стихах, как ни странно, встречаются не только орфографические ошибки, но и нарушения грамматических правил, что, скажем прямо, непростительно для школьницы старшего класса, мечтающей стать со временем литератором. А что это так, видно из отрывка, который считаем нужным процитировать, читая обращение Наташи к редакции: «…Начну с самого главного. Учусь в школе № 4 в десятом классе, мне пятнадцать лет. Пишу стихи с двенадцати лет и тогда не могла предвидеть, что так увлекусь поэзией. Прихожу со школы (из

школы. – **М. Н.**), надо делать уроки, а я беру листок бумаги и ручку. После пишу до поздней ночи стихи и никак не могу оторваться. А всё остальное откладываю на утро». Спасибо, дорогая Наташа, за такую откровенность, но и мы с такой же откровенностью скажем на это: уроки-то следует готовить в первую очередь, а то можно оказаться среди «двоечников». Это – к слову.

У Наташи Червовой, как и у Сюзанны Рубан, есть стихотворение о природе, с той лишь разницей, что это не любование пейзажем, а нечто иное, о чём свидетельствует и сам заголовок – «Природа стонет»:

Природою хотят все любоваться,
Красот нам и не перечесть.
Над нею люди продолжают издеваться,
Забыта уж давно людская честь.
Как пахнут на лесных полянах стога сена!
Там, впереди, находятся лога.
Ромашек, колокольчиков и мяты запах свежий
Усыпаны просторные луга!
Не ценят люди и не понимают,
Как хорошо бродить средь красоты.
Ветви черёмухи без совести ломают
И продолжают рвать охапками цветы…

Дальше идут строки о загрязнении городов промышленными отбросами, и строки эти ничуть не сильнее приведённых выше, поэтому нет смысла что-то ещё цитировать. А чтобы наши читатели наиболее полно представили возможности Наташи как стихотворца, обратимся к нескольким её строчкам о любви, в приписке к которым она говорит следующее: «Если человек сочиняет стихи, то он не может не писать о любви, чтобы эти два стихотворения поддержали кого-нибудь. Знаю это по себе, читая стихи поэтов, они как бы дают силу. Отнеситесь к ним, пожалуйста, серьёзней». Итак, стихи:

Ну и пусть, ну и пусть я одна!
Ну и что! Мне всегда не везёт.
Я своею мечтою полна
И шепчу про себя лишь, вперёд!
Нипочём эти слёзы теперь!
Не нужна ни тоска, ни печаль.
Перед бедами хлопну я дверь!
И о прошлом ничуть мне не жаль.

Искренности здесь, как говорится, хоть отбавляй, она прямо-таки бьёт ключом. И всё бы хорошо, если бы некоторые строчки полностью отвечали правилам стилистики и правописания. «Перед бедами хлопну я дверь!». Не точнее ли: *захлопну*? «И о прошлом ничуть мне не жаль». Предложение звучит не по-русски. Должно быть что-то одно из двух. Или: «И о прошлом ничуть не жалею». Или: «И прошлого ничуть мне не жаль».

А теперь – далёкое от идиллических воспеваний красот природы, очень и очень серьёзное, даже трагическое. Пишет молодой человек: «Прошу вас определить качество моего стихосложения: стоит ли вообще этим заниматься, ведь стихотворцев в нашей стране хватает. В Афганистане не был, но эта тема, наверное, волнует многих и будет волновать всегда. С уважением А. Белов, 24 года, г. Осинники». К этому обращению прилагается стихотворение под заголовком «В 20 лет». Вещь длинная, многословная, целиком приводить её здесь нет надобности, познакомлю читателей лишь с начальными строчками:

В 20 лет калека – вот и всё.
Долг отдал ты жизнью, не деньгами.
Твои ноги где-то далеко:
Там, в песках, куда тебя послали.
Допиваешь чёрное вино,
«Обмываешь» новую каталку.
Мать тебя, как малое дитё,
Ложит спать в недетскую кроватку…

Надеюсь, из этих строк читатели поняли, насколько беспомощно слабо в литературном отношении стихотворение, просто автор не научился ещё писать настоящие стихи. Вчитаемся внимательно: «Долг отдал ты жизнью, не деньгами». Почему «жизнью»? Ведь солдат жив, только калека, без ног. «В Афганистане не был», – говорит автор. И слава Богу, что не выпала такая участь – всякое могло случиться… Писать об Афганистане не стоило. Достоверно только то, что сам видел, сам пережил…

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР. г. Кемерово.

// Комсомолец Кузбасса. – 1990. – 20 марта. – С. 4.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (от составителя) 4

ОБЗОРЫ СТИХОВ:

Комсомолец Кузбасса, 1963 год:

ИСКАТЬ СВОЁ СЛОВО (Обзор стихов. – 1 ноября, с. 3) 5

ТРИ ПИСЬМА (Открытые консультации):

1. (27 ноября, с. 3) 7
2. (1 декабря, с. 3) 8
3. (4 декабря, с. 3) 9

1964 год:

ВОЗРОДИТЬ БЫ «ЛИТСРЕДЫ»… (Прислушайтесь, молодые авторы. – 26 января, с. 3) 10

1965 год:

ПЕРВЫЕ ШАГИ (Обсуждаем твои стихи. – 11 апреля, с. 3) 11

1966 год:

НЕ РИФМЫ РОЖДАЮТ ПОЭТА (Обзор стихов. – 3 октября, с. 3) 13

1967 год:

«ФОРМЕ ДАЙ щедрую дань…» (Обзор стихов. – 17 сентября, с. 3) 14

1968 год:

КОГДА ЯЗЫК ТВОЙ (Обзор стихов. – 20 января, с. 3) 16

ВЕСЕННИЕ ГОЛОСА (Обзор стихов. – 30 мая) 17

В ЭТИ ОСЕННИЕ ДНИ… (Обзор стихов. – 28 сентября, с. 3) 19

ПРИОБРЕТЕНИЯ И ПОТЕРИ (Обзор стихов. – 2 ноября, с. 2) 21

Приложение № 1 (иллюстрации) 23

1969 год:

ИМЕЮ ЛИ Я ПРАВО… (Факультет молодого литератора*. /*– отсюда и далее – ФМЛ. *Примечание Н. Инякиной*/ – 26 февраля, с. 3) 26

ЗЕРНО МЫСЛИ… (ФМЛ. – 18 марта, с. 4) 27

КОГДА ПРИХОДИТ ВДОХНОВЕНИЕ… (ФМЛ. – 29 апреля, с. 3) 30

БОЛЬ МОЯ, МОЯ ОТРАДА… (ФМЛ. – 27 мая, с. 3) 32

«Я ПОЮ ВАМ, ДРУГИ, Я ПОЮ…» (ФМЛ. – 21 августа, с. 4) 34

ВСЁ УЖЕ БЫЛО СКАЗАНО? (ФМЛ. – 4 октября, с. 2) 36

ЗАПАХИ ЗЕМЛИ… (ФМЛ. – 27 ноября, с. 4) 38

«УЧУСЬ НАБЛЮДАТЬ, ИСКАТЬ, ДУМАТЬ» (ФМЛ. – 27 декабря, с. 3) 40

1970 год:

ИСКРЫ ИСКРЕННОСТИ (ФМЛ. – 11 апреля, с. 3)..... 42

СВОЁ И ЧУЖОЕ (ФМЛ. – 16 июня, с. 3)..... 44

ЛЁГКОГО ПУТИ НЕТ… (ФМЛ. – 22 августа, с. 4)..... 47

ЧТОБЫ НАПИСАТЬ ХОТЬ ОДНУ СТРОЧКУ СТИХОВ… (ФМЛ. – 15 сентября, с. 4)..... 49

В БУДНИЧНОМ – ПРАЗДНИЧНОЕ… (ФМЛ. – 15 декабря, с. 3)..... 52

1971год:

«В ОКНЕ ТАК ДОЛГО СВЕТ НЕ ГАСНЕТ…» (ФМЛ. – 23 января, с. 3)..... 54

НЕ ТЕХНИКОЙ ЕДИНОЙ (ФМЛ. – 27 апреля, с. 4)..... 56

КАЖДОМУ СЛОВУ – СВОЁ МЕСТО (ФМЛ. – 19 июня, с. 4)..... 58

«СО СТОРОНЫ ВИДНЕЕ…» (ФМЛ. – 17 июля, с. 4)..... 60

«ДАВАЙ МНЕ МЫСЛЬ КАКУЮ ХОЧЕШЬ…» (ФМЛ. – 12 августа, с. 3)..... 62

ЗАМЫСЕЛ И ЕГО ВОПЛОЩЕНИЕ (ФМЛ. – 28 сентября, с. 3)..... 64

ОСЕНЬ – ПОРА ПОЭЗИИ (ФМЛ. – 4 ноября, с. 3)..... 66

ДУША СТИХА (ФМЛ. – 30 ноября, с. 4)..... 68

«НАМ НЕ ВПЕРВОЙ ВСТРЕЧАТЬ КРУТЫЕ ЗИМЫ» (ФМЛ. – 18 декабря, с. 3)..... 71

1972 год:

ИНОГДА МОЛЧАНИЕ – ЗОЛОТО (ФМЛ. – 22 января, с. 3)..... 73

«ЖИЗНЬ НЕ ТЕРПИТ В ТРУДЕ ЗАОЧНОСТИ» (ФМЛ. – 15 февраля, с. 4)..... 76

ТАЛАНТ – ЭТО ТРУД (ФМЛ. – 30 марта, с. 4)..... 78

«…У ЧУЖИХ ИСТОКОВ НЕ СТОЯТЬ» (ФМЛ. – 27 апреля, с. 4)..... 80

«НЕ ПРОСТО ЛИ СО СЛОВОМ ШАЛОСТЬ…?» (ФМЛ. – 11 мая, с. 4)..... 82

«С ЧЕГО Я НАЧАЛ?..» (ФМЛ. – 6 июня, с. 3)..... 84

«О ЧЁМ-ТО ШЕПЧЕТ О СВОЁМ ТРАВА…» (ФМЛ. – 11 июля, с. 3)..... 86

В ЖИЗНЬ ПРИНИМАЮТ МЕНЯ (ФМЛ. – 31 августа, с. 4)..... 88

СКАЖИ СВОЁ СЛОВО (ФМЛ. – 14 сентября, с. 3)..... 90

ЭТО ТРУДНОЕ ДЕЛО (ФМЛ. – 12 октября, с. 4)..... 92

«ТО, ЧТО ЧУВСТВУЮ СЕРДЦЕМ…» (ФМЛ. – 14 ноября, с. 4)..... 95

В ЧЁМ ТВОЁ ПРИЗВАНИЕ… (ФМЛ. – 7 декабря, с. 4)..... 97

1973 год:

ТОЛЬКО ВСЕРЬЁЗ… (ФМЛ. – 9 января, с. 3)..... 99

О ТОМ, ЧТО ХОРОШО ЗНАЕШЬ… (ФМЛ. – 13 февраля, с. 4)..... 101

Стихи Светланы Черевой (Первая встреча. – 8 марта, с. 3)..... 104

БЫТЬ ВНИМАТЕЛЬНЕЕ К СЛОВУ (ФМЛ. – 29 марта, с. 4)..... 105

ВЕСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ (ФМЛ. – 26 апреля, с. 4)..... 107

«И НЕ ТОЛЬКО РАДОСТЬ…» (ФМЛ. – 5 мая, с. 3) 109

С ВЕРОЙ В СЕБЯ (ФМЛ. – 14 июня, с. 4)..... 111

НАД СТИХАМИ НАДО РАБОТАТЬ (ФМЛ. – 14 июля, с. 3) 113

ПРОБА ПЕРА (ФМЛ. – 14 августа, с. 4) 115

ЧТО-ТО СЛЫШИТСЯ «РОДНОЕ» (ФМЛ. – 11 сентября, с. 3) 117

ЛЮБОВЬ К ДЕЛУ (ФМЛ. – 13 октября, с. 3)..... 119

ПИСАТЬ СТИХИ – ПРЕКРАСНО! (ФМЛ. – 8 ноября, с. 3)..... 121

КОГДА СТИХ ОБРАЗНЫЙ… (ФМЛ. – 12 декабря, с. 4) 123

1974 год:

В ПОИСКАХ СВОЕГО СЛОВА (ФМЛ. – 29 января, с. 3) 125

МЫСЛЬ – ВСЕГО ОСНОВА (ФМЛ. – 28 февраля, с. 3) 127

НИКОГО НЕ ПОВТОРЯТЬ (ФМЛ. – 2 апреля, с. 3)..... 129

ОТ УЧЕНИЧЕСТВА К ТВОРЧЕСТВУ (ФМЛ. – 30 мая, с. 3) 131

«ВЫРАЗИТЬ СЕБЯ…» (ФМЛ. – 29 июня, с. 3)..... 133

ВИДЕТЬ БОЛЬШЕ ДРУГИХ (ФМЛ. – 30 июля, с. 4)..... 135

СВЕТ ЖИВОЙ И ОТРАЖЁННЫЙ (ФМЛ. – 31 августа, с. 3 137

ХОРОШО ЗНАТЬ РОДНОЙ ЯЗЫК (ФМЛ. – 28 сентября, с. 3) 139

ЛЮБОВЬ ИЛИ УВЛЕЧЕНИЕ? (ФМЛ. – 31 октября, с. 3) 142

«…КОСНУТЬСЯ БЕЛОГО ЛИСТА» (ФМЛ. – 30 ноября, с. 3)..... 144

ОСТАВАТЬСЯ САМИМ СОБОЙ (ФМЛ. – 31 декабря, с. 4)..... 146

1975 год:

«КТО ЛЮБОВЬ, КАК МЕЛКУЮ МОНЕТУ…» (ФМЛ. – 30 января, с. 3)..... 148

УРОКИ ТВАРДОВСКОГО (ФМЛ. – 20 февраля, с. 4) 151

«ЧТО ЧИТАТЬ, О ЧЁМ ПИСАТЬ?» (ФМЛ. – 27 марта, с. 3) 153

«…ОРИГИНАЛЕН, ИБО МЫСЛИТ» (ФМЛ. – 22 апреля, с. 3) 156

ГОЛОСА ПОКОЛЕНИЙ (ФМЛ. – 8 мая, с. 4) 158

ВЕРИТЬ В СЕБЯ (ФМЛ. – 28 июня, с. 3) 160

ПУСТЬ ВДОХНОВЛЯЕТ ЖИЗНЬ (ФМЛ. – 31 июля, с. 3) 162

ШТАМПЫ, ШТАМПЫ, ШТАМПЫ… Полемические заметки на полях книг (ФМЛ. – 14 августа, с. 3) 165

«НЕ НАПИСАТЬ ЛИШНЕГО» (ФМЛ. – 30 августа, с. 4) 169

НАЙТИ СЕБЯ В СЕБЕ САМОМ… (ФМЛ. – 30 сентября, с. 3) 171

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ПОЭТ… (ФМЛ. – 30 октября, с. 3) 173

ЕСЛИ СТИХИ ТРОГАЮТ – ЭТО ПОЭЗИЯ… (ФМЛ. – 9 декабря, с. 4) 175

ИДТИ СВОИМ ПУТЁМ (ФМЛ. – 27 декабря, с. 3) 177

1976 год:

УЧИТЬСЯ МЫСЛИТЬ (ФМЛ. – 29 января, с. 3) 180

ЧИТАТЬ СВОЁ, КАК ЧУЖОЕ… (ФМЛ. – 11 марта, с. 3) 182

СТИХИ НАЧИНАЮЩИХ ПОЭТОВ (Наталья Герасимова, Дмитрий Клёстов. – ФМЛ. – 15 мая, с. 3) 185

РАДОСТИ И ОГОРЧЕНИЯ (ФМЛ. – 27 мая, с. 3) 186

ЛИЧНОСТЬ ПОЭТА (ФМЛ. – 29 июня, с. 3) 188

ЧУВСТВО СЛОВА (ФМЛ. – 24 августа, с. 4) 190

«НЕ ПОЗВОЛЯЙ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ… (ФМЛ. – 16 октября, с. 4) 192

ПОМНИТЬ О ГЛАВНОМ (ФМЛ. – 30 ноября, с. 4) 195

1977 год:

РАДОСТНЫЕ ВСТРЕЧИ (ФМЛ. – 4 января, с. 4) 197

ЗНАКОМСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ (ФМЛ. – 1 марта, с. 3) 200

ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК ОДАРЁН… (ФМЛ. – 19 апреля, с. 3) 202

ЛЮБЛЮ РОССИЮ… (ФМЛ. – 26 мая, с. 3) 206

ВСЁ ОТ ДУШИ (ФМЛ. – 30 июня, с. 3) 209

СЛОВА, СЛОВА… (ФМЛ. – 30 августа, с. 4) 211

НА ПОДСТУПАХ К ПОЭЗИИ (ФМЛ. – 29 сентября, с. 4) 213

«ВАШЕ МНЕНИЕ?» (ФМЛ. – 29 октября, с. 4) 216

ХОЧУ ПИСАТЬ СТИХИ (ФМЛ. – 29 ноября, с. 4) 218

НИКОГО НЕ ПОВТОРЯТЬ (ФМЛ. – 29 декабря, с. 3) 221

1978 год:

ИСКРЫ ПОЭЗИИ (ФМЛ. – 2 февраля, с. 3) 224

ПОКЛОН СОЛДАТАМ (ФМЛ. – 25 марта, с. 3) 226

УСПЕХ – В РАБОТЕ (ФМЛ. – 29 апреля, с. 3) 229

СЛОЖНОСТЬ И ПРОСТОТА (ФМЛ. – 30 мая, с. 3) 231

НЕ В ТЕМЕ ГЛАВНОЕ (ФМЛ. – 29 июня, с. 3) 234

ГЛУБЖЕ МЫСЛИТЬ (ФМЛ. – 29 июля, с. 3) 236

НОВЫЕ ИМЕНА (ФМЛ. – 31 августа, с. 4) 239

НЕ БЕРЁЗКА – ЧЕЛОВЕК… (ФМЛ. – 28 сентября, с. 4) 242

ДУША АВТОРА (ФМЛ. – 2 ноября, с. 3) 244

ЧУВСТВО СЛОВА (ФМЛ. – 2 декабря, с. 3) 246

К НОВЫМ ПОИСКАМ (ФМЛ. – 26 декабря, с. 3) 248

1979 год:

ВЫСОТЫ (ФМЛ. – 30 января, с. 3) 251

УТРО – ЭТО УЛЫБКА ЗЕМЛИ (ФМЛ. – 3 марта, с. 3) 253

БЕГ НА МЕСТЕ (ФМЛ. – 7 апреля, с. 3) 255

НОВЫЕ ИМЕНА (ВИКТОР ВИШНЯКОВ. – ФМЛ. – 21 апреля, с. 4) 257

НЕ РАДИ СЛАВЫ (ФМЛ. – 26 мая, с. 3) 258

НЕ РАССУДКОМ – ЧУВСТВОМ (ФМЛ. – 30 июня, с. 3) 261

«В ЛЮДЕЙ Я ВЕРЫ НЕ ТЕРЯЛ» (В мире муз: М. Небогатов о Леониде Торгаеве и стихи Торгаева) – 14 июля с. 3 263

ТОЛЬКО ТРУДОМ (ФМЛ. – 28 июля, с. 3) 264

РАДОСТЬ ВСТРЕЧИ (ФМЛ. – 30 августа, с. 3) 266

ЗНАКОМЬТЕСЬ: АЛЕКСЕЙ БАБАНИН. (Новые имена. – 15 сентября, с. 4) 268

ЧТО ХОРОШО, ЧТО ПЛОХО (ФМЛ. – 2 октября, с. 4) 269

НОВЫЕ ВСТРЕЧИ (ФМЛ. – 25 октября, с. 3) 272

Приложение № 2 (иллюстрации) 275

1979 год:

ВКУС, ЦВЕТ И ЗАПАХ СЛОВА (ФМЛ и Литературная студия ПРИТОМЬЕ. – 28 ноября, с. 2) 279

1980 год:

КАК ВЕСНОЙ В ЛЕСУ… (ФМЛ и Литературная студия ПРИТОМЬЕ. – 9 февраля, с. 3)
*(Статья **БЕЗ ПОДПИСИ её автора, хотя стиль – небогатовский?!**)* 281

«НЕ МНОГО НАДОБНО ТРУДА…» (ПРИТОМЬЕ. – О стихах в альманахе «Огни Кузбасса». – 11 сентября, с. 3) 283

«У ПАМЯТНОГО ДОМА» (ПРИТОМЬЕ. – 11 декабря, с. 4) 285

«…И ПЕПЕЛ, И ЗЕРНО». (Новое имя. – 27 декабря, с. 3) 286

Приложение № 3 (иллюстрации) 287

1986 год:

«НЕ ПИШИ О ЧУЖОМ». Михаил Небогатов о стихах начинающих поэтов (Литературная мастерская. – 1 февраля, с. 4) 288

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВЗЯТЬСЯ ЗА ПЕРО… (Лит. мастерская. – 6 марта, с. 4) 290

ПРОСТОТА, ПРАВДА, ЕСТЕСТВЕННОСТЬ (Лит. мастерская. – 29 апреля, с. 4) 292

ДЕЛАЙ ЭТО ХОРОШО… (Лит. мастерская. – 28 августа, с. 4) 294

НЕОБХОДИМОСТЬ ВЫСКАЗАТЬ… (Лит. мастерская. – 11 ноября, с. 4) 296

РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ… (Лит. мастерская. – 30 декабря, с. 3) 297

1987 год:

«ПИШИТЕ, ПИШИТЕ…» (Лит. мастерская. – 24 февраля, с. 3) 299

О ДОБРЕ, О ДОЛГЕ, О ЛЮБВИ. Известный кузбасский поэт размышляет над стихами начинающих авторов. (Лит. мастерская. – 25 июня, с. 3) 301

«ТО ЛИ Я ДЕЛАЮ?» (Лит. мастерская. – 30 июля, с. 3) 303

НЕ КАЖДЫЙ НА ЭКСПРОМТ СПОСОБЕН (Лит. мастерская. – 27 августа, с. 3) 305

СВОЙ ГОЛОС В «ХОРЕ» ОБРЕСТИ (Лит. мастерская. – 20 октября, с. 3) 307

ДОРОЖИТЬ ПРИРОДНЫМ ДАРОМ (Лит. мастерская. – 1 декабря, с. 3) 309

1988 год:

«ОН У НАС ОРИГИНАЛЕН, ИБО МЫСЛИТ» (Лит. мастерская. – 9 февраля, с. 4) 311

О СОНЕТАХ, И НЕ ТОЛЬКО О НИХ (Лит. мастерская. – 5 мая, с. 3) 313

1989 год:

ВНЕСЁМ ЯСНОСТЬ (Лит. мастерская. – 13 июня, с. 4) 315

О ТОМ, ЧТО ВОЛНУЕТ ДУШУ (Лит. мастерская. – 29 июля, с. 4) 316

О ЧАЙКАХ, ГАРМОНЯХ И САМООБРАЗОВАНИИ
(Лит. мастерская. – 12 сентября, с. 3) 318

«НЕ РАЗЛЮБИ!..» (Лит. мастерская. – 23 ноября, с. 3) 319

1990 год:

ЗАГОВОРИ, Я ХОЧУ ТЕБЯ УВИДЕТЬ (Лит. мастерская. – 4 января, с. 3) 321

ДВА УСЛОВИЯ ХЕМИНГУЭЯ (Лит. мастерская. – 20 марта, с. 4 –
Последняя статья, вышедшая накануне смерти М. НЕБОГАТОВА) 322

Литературно-художественное
издание

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ НЕБОГАТОВ

«ОТ УЧЕНИЧЕСТВА К ТВОРЧЕСТВУ»

Обзоры стихов начинающих поэтов